

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНЫ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
КРЫМСКИЙ ФИЛИАЛ

В.К. ГОЛЕНКО

ДРЕВНИЙ КИММЕРИК И ЕГО ОКРУГА

СИМФЕРОПОЛЬ

СОНАТ

2007

УДК 908 (477)
ББК 63.3 (0)3(4Укр-6Крм)
Г 603

Голенко В.К. Древний Киммерик и его округа — Симфеополь, «СОНАТ», 2006.
— 408 с., ил.
978-966-8111-84-2

Ответственный редактор В.Л. Мыц
Утверждено к печати ученым советом.

Древний город Киммерик, один из так называемых малых городов Европейского Боспора, вероятно входивший в состав 1-го Афинского морского союза и позже включенный в состав Боспорского государства, возник на рубеже VI — V вв. до н.э. на склонах горы Опук на труднодоступном и в настоящее время участке черноморского побережья Керченского полуострова.

До сих пор некоторые участки южного побережья Керченского полуострова, на которых располагались так называемые малые боспорские города Акра, Китей, Киммерик и Казека («местечко»), остаются археологически мало изученными.

Настоящая работа опирается на результаты разведок и охранных раскопок, картографирования памятников, географических, геоморфологических, и палеоэкологических исследований, проведенных Южно-Боспорской экспедицией.

За 1989—1997 гг. экспедицией было выявлено более 40 новых археологических объектов от эпохи поздней бронзы до раннего средневековья, а также множество разрушаемых или уже разрушенных объектов Нового времени, которые так или иначе вскоре станут объектами археологического или историко-этнографического исследования.

Книга иллюстрирована черно-белыми фотографиями, чертежами и схемами.

Для историков, археологов, архитекторов, искусствоведов.

978-966-8111-84-2

©Голенко В.К., 2006
©Оформление, изд-во «СОНАТ», 2006

***Памяти моих рано ушедших из жизни родителей —
Голенко (урожд. Раскова) Татьяны Сергеевны и
Голенко Константина Владимировича —
посвящаю***

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АГСП — Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР. М. 1984.
- АИБ — Археология и история Боспора. Симферополь.
- АМА — Античный мир и археология. Саратов
- БС — Боспорский сборник. М.
- БФ — Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства / Тезисы докладов. СПб.
- ВДИ — Вестник древней истории. М.
- ДБ — Древности Боспора. М.
- ДГВЕ — Древнейшие государства Восточной Европы. М.
- ЗООА — Записки Одесского археологического общества. Одесса.
- ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса.
- ИАИАИД — Историко-археологические исследования в г. Азове на Нижнем Дону. Азов.
- ИАК — Известия археологической комиссии. СПб.
- ИТОИАЭ — Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии.
- ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь.
- КСИА — Краткие сообщения института археологии РАН. М.
- КСИИМК — Краткие сообщения института истории материальной культуры. М.
- МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
- МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса.
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.
- Нис — Нумизматика и сфрагистика. К.
- НЭ — Нумизматика и эпиграфика. М.
- ОАиБ — Очерки археологии и истории Боспора. М.
- ПАВ — Петербургский археологический вестник. СПб
- ПИФК — Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск.
- ПГКСиВП — Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Материалы I Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо. 1977; Тбилиси. 1979.
- РА — Российская археология. М.
- СА — Советская археология. М.
- САИ — Свод археологических источников. М.
- СГАИМК — Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. М.
- СГМИИ — Сообщения Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. М.
- ТС — Таманская старина. СПб.
- AJA — American Journal of Archaeology.
- AJPh — American Journal of Philology.
- BCH — Bulletin correspondance hellenique.
- CAH — Cambridge Ancient History.
- IG — Inscriptiones Graecae.
- IGCH — An inventory of Greek Coin Hoards.
- JHS — Journal of Hellenic Studies.
- RH — Revue Historique.
- SIG — Sylloge Inscriptionum Graecarum.
- Syll3 — Dittenberger W. Sylloge inscriptionum Graecarum. Ed. 3. Leipzig. 1915 — 1924. Vol. I-IV.

ГЛАВА I.

I.1. ФИЗИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ЮЖНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ КЕРЧЕНСКОГО ПОЛУОСТРОВА И ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РЕГИОНА	10
I.2. ГЕОМОРФОЛОГИЯ ГОРЫ ОПУК (Раздел подготовлен Клюкиным А.А. и Голенко В.К.)	15
I.3. ГИДРОГЕОЛОГИЯ ГОРЫ ОПУК И ПРИЛЕГАЮЩЕЙ ТЕРРИТОРИИ.....	22
I.4. ОБЗОР ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ И НЕКОТОРЫЕ СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ	25
I.5. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНОСТЕЙ ОПУКА	50
I.6. ПРОБЛЕМА ЛОКАЛИЗАЦИИ «ПОЛИСА» КИММЕРИК	64

ГЛАВА II. ФОРТИФИКАЦИОННЫЕ СООРУЖЕНИЯ ГОРЫ ОПУК И ЕЕ ОКРЕСТНОСТЕЙ

73

II.1. ВВЕДЕНИЕ. СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА ОБОРОНЫ.....	73
II.1.A. ВОЕННАЯ ТАКТИКА СКИФОВ, САРМАТОВ И БОСПОРЯН.....	74
II.1.B. СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА ОБОРОНЫ БОСПОРА	75
II.2. ГОРА ОПУК И ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ АНТИЧНОЙ ФОРТИФИКАЦИИ	86
II.3. ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ГОРОДИЩА КИММЕРИК	91
II.3.A. КРЕПОСТНЫЕ СТЕНЫ И БАШНИ	91
II.3.B. АКРОПОЛЬ КИММЕРИКА И ЕГО ВНУТРЕННЯЯ ЗАСТРОЙКА	97
II.3.C. «ЗАПАДНАЯ» ОБОРОНИТЕЛЬНАЯ СТЕНА И ПРОБЛЕМА ЛОКАЛИЗАЦИИ ПОРТА КИММЕРИКА.....	102
II.4. ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ЦИТАДЕЛИ НА ВЕРШИННОМ ПЛАТО ГОРЫ ОПУК	107
II.4.A. КУРТИНЫ И БАШНИ ЦИТАДЕЛИ	107
II.4.B. ВНУТРЕННИЕ ПОСТРОЙКИ ЦИТАДЕЛИ	112
II.4.C. К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ СООРУЖЕНИЯ ЦИТАДЕЛИ	122
II.4.D. СООРУЖЕНИЯ НА ПЛАТО ВНЕ ЦИТАДЕЛИ.....	135
II.4.E. ЗОЛЬНИК ЦИТАДЕЛИ	135
II.4.F. ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ВОДОРАЗДЕЛА ГОРЫ ОПУК И ДРУГИЕ ВЫНЕСЕННЫЕ СООРУЖЕНИЯ	161
II.4.J. АНТРОПОГЕННОЕ ТЕРРАСИРОВАНИЕ СЕВЕРНОГО СКЛОНА Г. ОПУК.....	166
II.5. ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ОКРЕСТНОСТЕЙ ГОРЫ ОПУК..	175
II.5.A. КОЯШСКИЙ ВАЛ	175
II.5.B. УКРЕПЛЕНИЯ НА ГОРЕ КОНЧЕК	178
II.6. ФОРТИФИКАЦИОННАЯ СИСТЕМА КИММЕРИКА.....	179

ГЛАВА III. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ГОРЫ ОПУК И ЕЕ ОКРЕСТНОСТЕЙ

188

III.1. ВЛИЯНИЕ ПРИРОДНЫХ ФАКТОРОВ НА СОСТОЯНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ РЕГИОНА	188
--	-----

III.2. ПАМЯТНИКИ ДОАНТИЧНОГО ПЕРИОДА	191
III.3. ПАМЯТНИКИ АНТИЧНОГО ВРЕМЕНИ	195
III.3.A. РАННЕАНТИЧНОЕ ПОСЕЛЕНИЕ НА ХОЛМЕ «А»	195
III.3. B. АНТИЧНЫЕ ПАМЯТНИКИ ГОРЫ ОПУК.....	197
III.3.C. АНТИЧНЫЕ ПАМЯТНИКИ ДОЛИНЫ КЫЗ-АУЛЬСКОГО МАЯКА	200
III.3.D. АНТИЧНЫЕ ПАМЯТНИКИ ОКРЕСТНОСТЕЙ ЧЕБАКСКОЙ БАЛКИ	206
III.3.E. ПАЛЕОГРАФИЯ КИРКОЯШСКОГО СОЛЕННОГО ОЗЕРА И ПАМЯТНИКИ КИРКОЯШСКОЙ КОТЛОВИНЫ	209
III.3.F. ПАМЯТНИКИ ОКРЕСТНОСТЕЙ КОЯШСКОГО (ЭЛЬКЕНСКОГО, ОПУКСКОГО) СОЛЕННОГО ОЗЕРА.....	213
III.3.J. ПАМЯТНИКИ ОКРЕСТНОСТЕЙ УЗУНЛАРСКОГО ОЗЕРА	218
III.4. ПОЗДНЕАНТИЧНЫЕ ПАМЯТНИКИ ГОРЫ ОПУК И ЕЕ ОКРЕСТНОСТЕЙ	221
III.5. РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ГОРЫ ОПУК И ЕЕ ОКРЕСТНОСТЕЙ	233
III.6. ПРИРОДНОЕ И АНТРОПОГЕННОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ЭКОСИСТЕМЫ РЕГИОНА В ИСТОРИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ И НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЕГО ХОЗЯЙСТВЕННОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ (Раздел написан совместно с А.А.Клюкиным).....	243
ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ОСВОЕНИЯ ГОРЫ ОПУК И ЕЕ ОКРЕСТНОСТЕЙ	258
SUMMARY. ANCIENT KIMMERIKON AND ITS CHORA.....	266
БИБЛИОГРАФИЯ И СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	280
ИЛЛЮСТРАТИВНЫЙ МАТЕРИАЛ	304

«Передавая труд деда моего на родном языке почти буквально, я пишу себя надеждою, что через эту точность я сохраню верность описания таких развалин, которых в настоящее время или вовсе нет, или временем и небрежностью местных археологов приведены в такое положение, в коем они не скажут уж ничего и самому почтенному ученому!»

Александр де Брюкс
30 июня 1857 года, Одесса

ВВЕДЕНИЕ

Древний город Киммерик, один из так называемых малых городов Европейского Боспора, вероятно входивший в состав 1-го Афинского морского союза и позже включенный в состав Боспорского государства, возник на рубеже VI — V вв. до н.э. на склонах горы Опук на труднодоступном и в настоящее время участке черноморского побережья Керченского полуострова. Древности Киммерика, самого Опука и его окрестностей долгое время оставались малоизученными, чем и обусловлены достаточно поверхностные знания о них ученых-антиковедов.

До сих пор некоторые участки южного побережья Керченского полуострова, на которых располагались так называемые малые боспорские города Акра, Китей, Киммерик и Казека («местечко»), остаются археологически мало изученными. Особенно это относится к сорокакилометровому участку побережья от античного городища Китей до мыса Чауда, на котором предположительно располагалось городище Казека.

Наиболее крупные памятники побережья были открыты еще в первой половине XIX в., однако систематические археологические исследования на ряде из них про-

изводились лишь эпизодически. Огромная прибрежная территория от Кызаульского маяка до мыса Чауда, площадью более 450 кв.км (Рис. 1), оказалась практически необследованной. Благодаря удаленности от населенных пунктов, в этом регионе хорошо сохранились не только археологические памятники, но и следы антропогенного воздействия на природные ландшафты, природные и археологические объекты образуют уникальный комплекс, имеющий научную ценность и культурно-познавательное значение.

Столкнувшись с проблемой изучения обширной территории¹, автор² поставил перед собой первоочередные задачи: предварительное изучение окружающей природной среды в геологическое и, главным образом, в историческое время, особенностей палеогеографии региона, составление его археологической карты, позволяющей изучить эволюцию археологических объектов в пространственно-временной связи, и подробный анализ имеющихся источников. Помимо составления археологической карты, конечной целью разведочных работ на рассматриваемой территории ставилось создание заповедного режима на данном участке побережья, что реализовалось в 1997 году созданием Опуцкого природного заповедника, включившего в себя как собственно гору Опук и побережье Кояшского озера, так и приморский участок побережья между горой Опук и Чебакской балкой (Рис. 2). Исследование древностей этого обширного участка черноморского побережья Керченского полуострова и особенно горы Опук с ее сложной геоморфологией, выполнение научного обоснования заповедника было бы невозможно, если бы не бескорыстная профессиональная помощь канд.геогр.наук, доцента географического факультета Таврического национального университета А.А.Клюкина,

на чьи плечи легли все палеогеографические и геоморфологические исследования экспедиции, а также помощь в подготовке ряда разделов настоящей монографии, канд.геогр.наук декана географического факультета ТНУ Б.А.Вахрушева, проводившего гидрогеологическое исследование г. Опук, их коллег, а также моих коллег канд.ист.наук Ю.В.Горлова, канд.ист.наук Н.И.Сударева (Институт археологии Российской академии наук), А.В.Джанова (Судакский музей-заповедник «Судакская крепость»), В.Ю.Юрочкина (Крымский филиал Института археологии Национальной академии наук Украины), моих друзей — художника Н.Мольса, океанолога В.Н.Дядюнова, моей дочери, художника-графика, М.В.Голенко, моей супруги М.Л.Скрипник, а также других сотрудников Южно-Боспорской экспедиции. Не могу не упомянуть помощь, которая была оказана моей экспедиции на разных этапах ее исследований со стороны акад. Б.А.Рыбакова, акад. В.П.Алексеева, В.С.Гризодубовой, д.ист.наук Г.А.Кошеленко, канд.ист.наук В.Л.Мыца, канд.ист.наук В.А.Кутайсова, канд.ист.наук С.Б.Ланцова и А.И.Филатова. Пользуюсь возможностью выразить всем им свою самую искреннюю признательность.

Настоящая работа опирается на результаты разведок и охранных раскопок, картографирования памятников, географических, геоморфологических, и палеоэкологических исследований, проведенных Южно-Боспорской экспедицией.

Палеоэкологические методы как составная часть исторического исследования, ставящие своей целью восстановление образа и условий жизни древних человеческих сообществ, в отечественной археологии в последние годы развивается, в основном в области преистории, что во многом связано с отсутствием каких-либо иных исторических источников кроме

собственно археологических. Большинство исследователей-антиковедов ставят своей основной целью выход на уровень масштабных исторических обобщений, критики или подтверждения свидетельств источников, что зачастую затеняет актуальность реконструкции локальных условий жизни и взаимодействия древнего населения с конкретной окружающей средой. Часто на практике термины «палеоэкологические условия» и «палеоэко-системы» понимаются лишь как необходимость формальной констатации внешних природных условий жизнедеятельности объекта исследования и основных видов деятельности его населения. При этом огромный информационный пласт палеоэкологических источников оказывается не только невостребованным, но и в большинстве случаев уничтоженным в ходе исследования объекта.

Однако при изучении небольших территорий или, образно говоря, «микрорайонов», или просто отдельных, зачастую рядовых памятников, как и в области преистории, исследователь сталкивается с отсутствием прямых исторических источников по конкретному объекту и с тем обстоятельством, что общепринятые в античной и средневековой археологии методы исследования не обеспечивают полного изучения заложенных в объекте источников, что делает исследование поверхностным, незаконченным и зависимым от установившихся теоретических стереотипов. Не является исключением и данная работа, которая далека от тех замыслов, которые легли в основу программы при формировании экспедиции.

Рассматриваемый регион Черноморского побережья Керченского полуострова представляет собой археологически репрезентативный замкнутый «микрорайон» Боспорского государства, существовавшего на протяжении тысячелетия на

территории современных Керченского и Таманского полуостровов. Здесь прекрасно сохранился природно-антропогенный ландшафт с многочисленными памятниками эпохи бронзы, античности и раннего средневековья. Эта территория является прекрасным полигоном для изучения процесса освоения его человеком, эволюции среды обитания местного древнего населения и особенностей социально-экономического развития этой части Боспорского государства.

Урочище Опук, его окрестности и мыс Чауда (Рис. 1) остаются одним из немногих белых пятен на археологической карте Северного Причерноморья. По сей день большая часть этой территории изъята Министерством обороны из активного хозяйственного использования и сохранила в хорошем состоянии большинство расположенных на его землях памятников. Этот район, удаленный от населенных пунктов и коммуникаций, редко посещался археологами. К моменту начала работ Южно-Боспорской в научном обороте находилась информация только о 7 известных археологических памятниках на г. Опук и в ее окрестностях. Поэтому основной целью исследований экспедиции стало выявление ранее неизвестных памятников. За 1989—1997 гг. экспедицией было выявлено более 40 новых археологических объектов от эпохи поздней бронзы до раннего средневековья, а также множество разрушаемых или уже разрушенных объектов Нового времени, которые так или иначе вскоре станут объектами археологического или историко-этнографического исследования.

Таким образом, прежде чем мы приступим к описанию археологических памятников региона, ознакомимся с теми природными условиями, которые были выбраны древним населением как среда

их обитания, и теми естественными процессами, которые в ней происходили.

Примечание

¹ К сожалению, часть упомянутой прибрежной территории осталась недоступна для изучения ввиду расположения здесь военного полигона. Однако в отдельные годы автору удавалось, хотя и бегло, обследовать отдельные участки побережья. Считаю необходимым выразить свою искреннюю благодарность военным служащим полигона, предоставившим мне подобную возможность.

² Силами Южно-Боспорской экспедиции ИА РАН, а затем Крымского филиала ИА НАН Украины, возглавляемой автором.

1.1. ФИЗИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ЮЖНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ КЕРЧЕНСКОГО ПОЛУОСТРОВА И ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РЕГИОНА

Южное побережье Керченского полуострова, на котором расположен Киммерик, ряд малых боспорских городов и местечек, а также многочисленные безымянные сельские поселения и селища представляет собой особый регион Восточного Крыма, где и в наши дни проходят активные геоморфологические процессы, постепенно изменяющие облик этой части побережья. Именно по этой причине, для того чтобы понять, как изменялась здесь археологическая ситуация с момента освоения региона человеком до наших дней, необходимо подробно остановиться на физико-географической характеристике рассматриваемой территории.

Прогрессирующие процессы береговой абразии, связанные с повышением уровня Черного моря в историческое время, активные и временно стабильные оползни, сейсмические процессы и т.д. в значительной степени повлияли на сохранность расположенных здесь археологических памятников. Часть из них были уничтожены, другие подвергаются постепенному разрушению, третьи вызывают споры среди исследователей, поскольку природные процессы внесли в их облик и стратиграфию необратимые изменения. Геологические процессы оказали также воздействие и на памятники, расположенные на некотором удалении от побережья, — на археологические памятники степной зоны.

Исходя из этих задач при характеристике природных условий рассматриваемой территории мы особое внимание уделим наиболее важным, на наш взгляд, проблемам геоморфологии этого участка

побережья. В первую очередь к ним относятся строение и геологические процессы, проходившие и протекающие поныне на г. Опук, где расположено городище Киммерик и его цитадель, проблемы морфологии соленых озер — Кояшского (Элькенского), Узунларского и Киркояшского, в окрестностях которых расположены памятники округа Киммерика, проблемы береговой абразии в историческое время, проблемы гидрогеологии и некоторые другие вопросы.

Кроме того, характеристика природных условий этого участка побережья поможет нам понять, чем именно привлек древних этот регион и чем был обусловлен процесс его освоения в древности. Для удобства изложения мы вынуждены делать экскурсии в вопросы физической географии региона как самостоятельно, так и в связи с теми или иными археологическими зонами, о которых пойдет речь.

По рельефу территорию Керченского полуострова делят на две части: более низкую — юго-западную — и более высокую — северную и восточную. Южная часть полуострова, примыкающая к Черному морю, относится к низменной пологоволнистой денудационной Юго-Западной равнине (г. Феодосия — озеро Кояшское, Элькенское) и к грядово-увалистой пластово-денудационной равнине (гора Опук — мыс Такыл). Их разделяет Параболический гребень (хребет), проходящий через горы Опук, Острую, Атаманскую, который у с. Марфовка сменяется Парпачским гребнем (хребтом). Равнина расчленена балками и долинами временных водотоков. Наиболее крупные понижения открываются к соленым озерам Качик и Узунлар.

Среди равнины выступают останцевые холмы, которые из-за крутых склонов и значительной относительной высоты называют горами — это горы Дюрмень (102,1 м), Кончекская (117,1 м), Приозер-

ная (44,9 м), Опук (183,7 м) и другие. Абсолютная высота рельефа равнины возрастает в направлении с юга на север и с запада на восток, достигая максимума на г. Опук (Рис. 2).

Около 80% протяженности берегов Керченского полуострова относится к абразионному типу и подрезается морем. Эти обрывистые (5—40 м) берега с узкими (5—15 м) пляжами находятся в стадии выравнивания. Аккумулятивные берега расположены у вершин бухт и заливов. Для них характерны широкие песчано-ракушечные пляжи (20—40 м) и пересыпи (100—200 м), частично перекрытые малоподвижными и неподвижными песчаными дюнами. Пересыпи отделяют от моря соленые (соляные) озера Аджиголь, Качик, Узунларское и Кояшское.

К берегам примыкает полоса мелководья. Изобата 10 м отстоит от береговой линии на 0,5—2,0 км. На дне моря у мысов Чауда, Опук и Кыз-Аул находятся банки на глубине от 3 до 10 м, которые в регрессионные этапы являлись рифами. В 4,2 км юго-западнее побережья Опука из акватории Черного моря выступают скалы Корабль-Камень (иные названия: Скалы Корабли, Элькен-Кая, Элчан-Кая, Эльган-Кая, Каравия), их высота достигает 10—24 м над уровнем моря.

Юго-Западная равнина Керченского полуострова образована на периклинали мегантиклинория Горного Крыма, а часть территории, расположенная между г.Опук и м. Такыл, — на складках Керченско-Таманского прогиба. Более древние складки Юго-Западной равнины, сложенные мощными глинами майкопской свиты (олигоцен — нижний миоцен), в середине сарматского века были срезаны морской абразией, а позднее — расчленены балками и долинами. Более молодые складки Керченско-Таманского прогиба, сложенные в основном из неогеновых глин, известняков и песчаников, подверглись из-

бирательной эрозии. Антиклинали и их крылья, в строении которых участвовали крепкие известняки, выделились в виде увалов и моноклиальных гряд северо-восточного простирания. В их рельефе сочетаются наклонные денудационные и пластовые равнины. В понижениях между увалами и грядами на месте синклиналей образовались полого-наклонные пластовые и плоские аккумулятивные (делювиально-пролювиальные) равнины.

Геологическую структуру и рельеф (Рис. 3, 4) усложняют молодые и древние грязевулканические образования — холмы действующих (гора Джау [Дшо-]-Тепе, или Дшаль-Тюбе) и потухших (г. Дюрмень) грязевых вулканов, а также котловины кальдер проседания над очагами грязевых вулканов, занятые, например, южной частью Узунларского и, возможно, Кояшским озерами, эрозионные останцы на месте вдавленных синклиналей, имеющие облик подковообразных моноклиальных гряд (г. Острая). В труде известного русского ученого и путешественника П.С. Палласа сохранилось свидетельство об извержении одного из вулканов (г. Дюрмень), произошедшем в XVIII в. «Татары помнят еще извержение огня, поднявшее этот холм, сопровождавшееся обильным потоком грязи, приписывая это явление пребыванию там злых духов, к которым нельзя приблизиться без опасности. Холм — имеющий наверху открытый кратер, из которого грязь распространилась на расстоянии полуверсты на восток к деревне и наполнила одну из ветвей оврага. Эта грязь еще не покрылась травой. Зимой и в сырую погоду она еще и теперь течет. Летом это жерло пересыхает, так что можно по нему ходить. Извергаемая грязь состоит из серой глины, довольно однородной, смешанной с каменными обломками; также попадают там куски серного колчедана.» (Паллас, 1999, с. 119—120).

В геологическом отношении наиболее сложно построен стык главных структур, расположенный между Узунларским озером и горой Опук, известный под названием Узунларский купол (Науменко, 1982). Купол разбит разломами, усложнен несколькими вдавленными синклиналями, образованными в миоцене и плиоцене на месте действовавших грязевых вулканов (горы Приозерная, Кончек, Острая, Опук, скалы Корабль-Камень). У г.Опук по Правдинскому разлому северо-восточного простираения проходит граница двух крупных тектонических блоков со складчатым внутренним строением, на месте которых находятся волнистая Юго-Западная и грядово-увалистая равнины. Правдинский разлом имеет глубокое заложение, движения по нему происходят в течение длительного периода, вплоть до настоящего времени.

Климат южной части Керченского полуострова очень засушливый, умеренно жаркий, с очень мягкой зимой (Справочник..., 1974; Важов, 1983). Положение на юге умеренного пояса у незамерзающего Черного моря определяет значительное поступление солнечной энергии. По данным многолетних наблюдений, средняя годовая температура воздуха уменьшается от Феодосии к Керченскому проливу от 11,7°C до 10,6°C. Самые холодные месяцы — январь и февраль, а самые теплые — июль и август. Средняя температура воздуха самого холодного месяца колеблется от 0,5°C до —1,1°C, а самого теплого — от 23,3°C до 23,8°C. Абсолютный минимум достигал — 27°C, а абсолютный максимум — +38°C. Безморозный период длится в среднем 217 дней. В течение года преобладают ветры северо-восточных и северных румбов. Летом увеличивается повторяемость ветров западного и северо-западного направлений. Вследствие неравномерного нагревания суши и моря на побережье возникают бризы. Наибольшее

количество штормов, сопровождаемых значительным волнением моря, отмечено в холодный период года. Самые высокие и длинные волны образуются при штормовых и ураганных ветрах южных румбов. Последний жестокий шторм с юга произошел 15 ноября 1992 г. Штормовой накат перехлестывал через пересыпь Кояшского озера и выбрасывал со дна моря на пляжи у г.Опук в зоне конвергенции энергии валуны массой 1 — 7,4 тонны.

Количество атмосферных осадков составляет здесь 300—400 мм в год. Испаряемость превышает это значение примерно в 2,5 раза. В наиболее засушливые годы сумма атмосферных осадков снижается до 200 мм, а в наиболее влажные — возрастает до 600 мм в год. Летом нередко ливни, с которыми связаны паводки высотой 1—2 м, формирующиеся в балках и долинах. Засушливые периоды без дождей могут продолжаться более одного месяца. В отдельные годы засушливый период длится все летние месяцы — с июня по конец августа. Устойчивый снежный покров отмечается только в суровые зимы. Обычно в течение зимы снег ложится несколько раз и стает во время оттепелей.

Засушливость климата определяет бедность территории пресными поверхностными и подземными водами, пригодными для водоснабжения. Постоянные поверхностные водотоки отсутствуют. Ливневые и талые воды, изредка стекающие по днищам балок и долин, задерживаются в прудах, которые в жаркое время года пересыхают.

Наиболее крупными водными объектами являются соленые озера, относящиеся к Керченской группе озер (Понизовский, 1965; Геология СССР, 1974). Среди них выделяются озера морского (Узунларское, Кояшское) и континентального (Киркояшское, Кырккояшское) происхождения (Рис. 3). В озерах морского происхождения состав рапы близок к составу морской воды.

К концу испарительного сезона на их дне образуется слой поваренной соли толщиной 1—4 см.

В озерах континентального происхождения — колях — солевой состав формируется за счет солей, вымываемых водотоками из окружающих пород и почв. На дне этих озер образуются сульфаты.

Керченский полуостров беден пресными подземными водами. В пределах Юго-Западной равнины, сложенной мощными водоупорными глинами, подземные воды практически отсутствуют. Только в местах распространения водопроницаемых четвертичных отложений, как, например, на м. Чауда, локально встречаются грунтовые солоноватые воды, добываемые неглубокими колодцами с древних времен до настоящего времени. Восточная часть побережья лучше обеспечена подземными водами. Пластовые и трещинные воды приурочены обычно к слоям неогеновых известняков и песчаников. В питании подземных вод трещиноватых известняков Опука важную роль играет конденсация. Инфильтрационно-конденсационные воды на склонах этой горы с античного и раннесредневекового времени добываются неглубокими колодцами, сохранившимися до настоящего времени. В водопроницаемых четвертичных отложениях встречаются солоноватые грунтовые воды и верховодка. Они характерны в днищах балок и долин, выполненных делювиально-пролювиальными суглинками, в песчаных и песчано-ракушечных отложениях дюн и морских террас побережья.

В южной части Керченского полуострова распространены солонцы, черноземы, солонцеватые и темно-каштановые солонцеватые почвы на майкопских глинах, черноземы карбонатные на известняках (Половицкий, Гусев, 1987). На глинистых породах почвы имеют глинистый состав, а на известняках — суглинистый и содержат крупные обломки пород. Почвы

подвержены водной и ветровой эрозии, особенно в местах распашки и перевыпаса скота.

На территории Керченского полуострова господствует степной тип растительности (пустынные, луговые и каменистые степи). Керченский флористический район насчитывает 893 вида сосудистых растений (Новосад, 1992). Западная и восточная часть черноморского побережья выделяются, соответственно, как Чаудинский и Опускский флористические подрайоны. Растительность Чаудинского подрайона (Юго-Западной равнины) беднее. Среди фитокомплексов преобладают галофитон и степофитон, отсутствуют локальные и эндемические виды, флора тесно связана с флорой остальной части Равнинного Крыма.

Растительность Опускского подрайона более разнообразна и самобытна. Она тесно связана с флорой Крымских гор, включает эндемы и субэндемы, является черноморским локалитетом кальцепетрофитона. Гора Опук по флористическому составу больше тяготеет к Крымским горам, чем к зональной степной флоре. Здесь обитает 325 видов высших растений, встречается 45 видов редких и исчезающих, крымских, крымско-новороссийских, горно-крымских и керченских эндемиков. Из них *Asperula praeriposa* является эндемом горы Опук. В трещинах и рвах на склонах Опука встречаются уникальные для степной зоны кустарниковые сообщества из каркаса, шиповника, боярышника, кизила, терна, бузины. В них попадаются одичавшие инжир, виноград и хмель, сохранившиеся, вероятно, с древности.

По мнению ботаников (Новосад, 1992), требует государственной охраны не только гора Опук, но и массив целинных степофитных комплексов, примыкающих к Узунларскому озеру, весенний аспект которых образуют тюльпаны Шренка. Здесь произрастает несколько видов фло-

ры Крыма, занесенных в Красную книгу Украины.

В животном мире рассматриваемой территории, также испытывающем сильный антропогенный стресс, выделяются млекопитающие, птицы и пресмыкающиеся. Особенно богат, разнообразен и специфичен животный мир г. Опук. Согласно исследованиям И.И.Пузанова, проведенным в 1925 г., и Ю.В.Аверина, проведенным в 1950 г., здесь гнездится 22 вида птиц. В то время они образовали большую комплексную птичью колонию, включающую 300 пар галок, 800 пар розовых скворцов, 250 пар пустельг и т.д. (Пузанов, 1960). Ю.В.Аверин отмечает, что «орнитофауна горы Опук и особенно колониальные гнездовья представляют собой единственное в своем роде скопление птиц, подобного которому нет более на Керченском полуострове и вообще в Крыму... Верхнюю колонию, представляющую большую зоологическую и хозяйственную ценность, необходимо заповедовать» (Аверин, 1951, с.31). Сотрудники Орнитологической станции НАН Украины также предлагали заповедовать гору Опук и территорию, прилегающую к Узунларскому озеру. Кроме того, на Опук-ке подлежат охране следующие редкие и исчезающие виды млекопитающих, птиц, пресмыкающихся и земноводных: малая бурозубка, малая белозубка, каменная куница, степной хорек, остроухая ночница, поздний кожан, большой подковонос, усатая ночница, ласка, степная мышовка, нетопырь-карлик, хохлатый баклан, огарь, розовый скворец, степная пустельга, болотная сова, балабан, четырехполосый полоз, водяной уж, крымская и прыткая ящерицы, зеленая жаба. гора Опук — единственное в Украине место гнездования розовых скворцов и второе в Украине местообитание хохлатых бакланов (Новосад, 1992). На берегах Узунларского озера гнездятся журавль-красавка, дрофа,

большой кроншнеп; обитают огарь, сапсан, балабан, серый журавль, а также другие птицы, занесенные в Красную книгу Украины. Уместно добавить, что Кирко-яшское озеро является традиционным местом зимовки огаря. В последние годы у берегов Опука был замечен тюлень: около 100 лет назад здесь в гротах обитал черноморский тюлень-монах (Редкие..., 1988). В береговой зоне моря обитают большие сообщества мидий, устриц и других моллюсков, играющих огромную роль в формировании песчано-ракушечных пляжей побережья. Однако в последнее время они уничтожаются брюхоногим моллюском — рапаной, завезенным в Черное море с балластными водами в середине XX в.

Причерноморская часть Керченского полуострова относится к двум физико-географическим районам: юго-западному и северо-восточному (Подгородецкий, 1988). В пределах юго-западного района (Юго-Западной равнины) характерны ландшафты (местности) пустынных степей в сочетании с галофитными лугами на солонцах каштановых и луговых, а также типичных бедноразнотравно-злаковых степей в сочетании с пустынными степями на черноземах солонцеватых, солонцах каштановых и солончаках. Для территории, расположенной между г. Опук и м.Такыл, свойственны ландшафты останцово-водораздельных петрофитных кустарниково-разнотравно-злаковых степей на малоразвитых щебнистых почвах черноземного типа, наклонных равнин с ковыльно-типчаковыми степями на щебнистых, местами слабосолонцеватых черноземах и каштановых почвах, а также котловинные типчаково-полынно-полупустынные с темно-каштановыми солонцеватыми почвами в сочетании с солонцеватыми черноземами.

Природные ландшафты в той или иной мере нарушены деятельностью человека, особенно распашкой и выпасом скота, до-

бычей полезных ископаемых. Создание в 1997 году Опуцкого природного заповедника Украины, научное обоснование которого было осуществлено Южно-Боспорской экспедицией, географическим факультетом Таврического национального университета и сотрудниками Никитского ботанического сада Национальной академии наук Украины, позволило взять под государственную охрану как саму гору Опук, так и прилегающие к ней степные участки черноморского побережья до Чебакской балки на востоке и побережье Кояшского озера — на западе. К сожалению, в законодательстве Украины не существует комплексного подхода к единовременной охране природного и культурного наследия — понятия «природно-исторических заповедников» и «особо охраняемых территорий и ландшафтов антропогенного происхождения» лишены юридической основы.

1. 2. ГЕОМОРФОЛОГИЯ ГОРЫ ОПУК

(Раздел подготовлен Ключиным А.А.¹ и Голенко В.К.)

Гора Опук, расположенная в центре южного побережья Керченского полуострова, широко известна среди антиковедов благодаря античному городу Киммерик, который локализуется здесь на основании письменных свидетельств древних географов и убедительных природных реперов-ориентиров, а также мощной цитадели на вершинном плато горы.

Гора Опук является одной из наиболее высоких возвышенностей Керченского полуострова, она сложена белыми и светло-серыми ракушечно-детритусовыми, оолитовыми и мшанковыми известняками меотического яруса общей мощностью не менее 50 м, которые подстилаются зеленовато-серыми сарматскими глинами.

От древнего рельефа останцовый горы сохранилось только небольшое структурно-денудационное вершинное плато треугольной в плане формы абсолютной высотой 160—184 м, бронированное слоями известняков. Известняки рассечены несколькими разрывами северо-восточного и субмеридианального простирания, которые не отражены в рельефе (Рис. 4, 5). Примыкающие к ним участки плато разбиты, судя по аэрофотоснимкам, многочисленными вертикальными неамплитудными трещинами на систему мелких блочков. Отдельные трещины вытянуты вдоль обрывов, раскрыты разгрузкой. Они образуют зоны длиной до 300 м и шириной до 50 м.

Плато ограничено со всех сторон обрывами высотой 15—40 м. Под обрывами находятся волнистые, грядово-ступенчатые и платообразно-ступенчатые склоны горы, образованные крупными и мелкими блоками, отделенными от плато и перемещенными в вертикальном и горизонтальном направлениях (Рис. 4).

Северный участок охватывает северный и северо-западный склоны. К нему относится около половины площади Опука. Вся эта территория является крупным древним стабильным сложным оползнем, волнистая поверхность которого значительно переработана балками и ложбинами, а в историческое время — и деятельностью человека. Блоки делятся сильно разрушены, а язык оползня размыт. Ранее обрывистая и высокая стенка срыва выложена до 40°—50° и прикрыта у основания старым коллювиальным шлейфом, на котором в отдельных местах лежат небольшие свежие обвалы.

Базисом для оползня являлись крупные балки, ограничивающие Опук с севера, и котловина Кояшского соленого озера, на месте которого, как и на месте других соленых озер, при высоких четвертичных

трансгрессиях моря располагался морской залив. Соотношение древнего оползня с современными местными базисами позволяет предположить, что он образовался во второй половине среднечетвертичного или в начале позднечетвертичного времени и с тех пор пребывает в стабильном состоянии.

Южный и восточный склоновые участки являются двумя половинами приморского склона Опука. От вершинного плато их отделяет прямолинейный в плане обрыв высотой 20–40 м со рвом в основании. Ров состоит из старой (юго-западной) и молодой (северо-восточной) частей. От них до берега моря расположены смещенные известняковые блоки. На южном участке блоки перемещены по отношению к плато, частью которого они были в недалеком прошлом, преимущественно в вертикальном направлении, в результате чего образовался платообразно-ступенчатый рельеф. А на восточном участке блоки больше смещены в горизонтальном направлении и наклонены к склону, в результате чего образовался грядово-ступенчатый рельеф.

Восточный участок склона занимает крупный фронтальный оползень сдвига мощностью около 50–70 м, находящийся во временно стабильном состоянии. Его длина составляет 1 км, ширина — около 2 км, а площадь свыше 1,5 кв. км. В рельефе оползневой тела характерны моноклиальные гряды, холмы и продольные, нередко бессточные, депрессии. Есть и поперечные депрессии, похожие на эрозионные формы с невыработанными продольными профилями. Часть из них предположительно являлась отрезками древних балок, рельеф которых был сильно изменен оползнем. Большинство поперечных понижений заканчивается слепо — в воронках и небольших котловинах на теле оползня.

В прибрежной полосе (0,1–0,4 км) в строении оползневой склона участвуют блоки из сарматских глин. Тут заканчиваются наиболее крупные поперечные депрессии, концентрирующие поверхностный сток, активно действует абразия, есть условия для активизации оползневой процесса и имеются следы недавних оползневых подвижек. Граница между старой и молодой частью оползневой склона не везде достаточно четкая. (Рис. 4). Приморский оползень состоит из девяти оползневых очагов. Часть из них объединились во фронтальный оползень. Южный участок оползневой склона отделен от вершинного плато горы обрывом и молодым рвом, а от древнего оползня северного участка — депрессией старого рва. Внешний облик рельефа этой территории свидетельствует о недавнем катастрофическом смещении больших масс горных пород вершинного плато. Здесь находятся рвы, зияющие трещины и отсевшие преимущественно в вертикальном направлении блоки известняка, разделенные уступами и сохранившие платообразную поверхность.

Ров расположен на привершинной части горы и состоит из двух расходящихся почти прямолинейных ветвей, простирающихся соответственно на 40° – 60° и 300° – 310° , но есть небольшие отрезки, вытянутые на 80° – 90° и 340° – 0° . Общая длина рва 2,6 км, ширина изменяется от 20–30 до 50–100 м, а глубина по отношению к нижнему уступу составляет 5–20 м. Юго-западная часть рва, имеющая сравнительно старый облик, находится уже не на приморском, а на противоположном — северо-западном склоне горы. Для нее характерно U-образное поперечное сечение при глубине 10–20 м. В днище рва имеются воронкообразные углубления. Местами ров состоит из двух продольных депрессий, разделенных валиком. Склоны рва выложены, коренные породы в дни-

ще прикрыты чехлом коллювия и делювия. Вдоль рва значительная часть бывшего плато (1,0 x 0,5 км) отсела на 20—30 м.

Северо-восточная половина рва, прилегающая к вершинному плато г.Опук, имеет свежий морфологический облик. Она состоит из длинного (1 км) и двух коротких (по 0.3 км) отрезков, простирающихся соответственно на 40° — 60° ; 340° — 0° и 300° — 310° . Молодую часть рва сверху ограничивает обрыв высотой 20—40 м. Ров имеет ящикообразное поперечное сечение и лишь частично заполнен крупнообломочным коллювием. Хорошо видно, что он образован в результате отседания по субвертикальным трещинам одного-трех мелких блоков, то есть является узким и длинным грабеном.

Вдоль молодого рва от плато г.Опук отделилась и отсела на 20—30 м большая известняковая пластина. Она раскололась на три части, однако сохранила на значительной площади платообразную поверхность. Эта пластина находится в голове временно-стабильного оползня восточного участка и ее отчленение должно было активизировать весь огромный приморский оползень.

Высокий обрыв, ограничивающий молодой ров, имеет свежий внешний облик. На нем успели образоваться только денудационные ниши и сотовые поверхности-тафони; обвалы произошли только там, где ров пересекается с поперечными разрывными нарушениями.

У стыка старой и молодой части рва, у границ его отрезков, имеющих разное простираение, находятся наиболее раздробленные разваливающиеся известняковые блоки поперечником в несколько десятков метров, а в расположенных рядом крупных блоках образовались субвертикальные зияющие неамплитудные и малоамплитудные рваные трещины длиной до 100—300 м и видимой глубиной 10—20 м,

а также небольшие грабены. Их простираение близко к простираению отрезков рва: 30° — 60° , 340° — 350° , 290° — 310° и 80° — 90° . Стены трещин неровные, без зеркал скольжения. На них местами успели сформироваться денудационные ниши и гроты глубиной 3—4 м.

Свежие обрывы, рвы-грабены и отсевшие блоки создают впечатление о двух недавних катастрофических смещениях, из которых первое было более значительным и образовало основные черты рельефа приморского склона, а второе частично освежило старые швы и переместило блоки, заключенные между двумя главными отрезками рва, преимущественно в вертикальном направлении.

В приморской части южного участка платообразно-ступенчатый рельеф сменяется грядово-ступенчатым, сходным с оползневым рельефом восточного участка. Границей между этими морфологически разными частями служит система из двух понижений, имеющих вид бессточных котловин и балок длиной 0.7-0.8 км расположенных на месте значительно опущенных блоков. Одно понижение простирается субмеридиально (350°) и вдоль него в настоящее время проходит грунтовая дорога, а второе простирается на 60° .

Вдоль этих депрессий произошло значительное смещение блоков не только в вертикальном, но и в горизонтальном направлениях. Блоки имеют вид моноклиналичных гряд, их уступы, обращенные к морю, достигают 50-70 метровой высоты. Внешний облик рельефа позволяет предполагать, что движение блоков произошло во время, близкое ко времени образования старого рва и значительного отседания большей части известняковых блоков в верхней части склона. Локально прибрежные блоки также рассечены зияющими трещинами, которые свидетельствуют об активизации всего южного участка площадью около 1,1 кв.км.

Рельеф приморского склона Опука может иметь тектоническую и оползневую природу. Обе точки зрения нашли отражение в научной литературе. Так, например, Н.с.Благоволлин (1962) и П.Н.Науменко (1982) связывали опукские дислокации со ступенчатыми сбросами, а Г.А.Лычагин — с древними оползнями.

Геологическое строение склона и морфологические признаки бесспорно свойственны определенной группе оползней, именуемых оползнями сдвига (выдавливания). Их движение в сходных условиях происходит за счет постепенного уменьшения устойчивости крутой и высокой прибрежной части склона. Когда коэффициент устойчивости склона уменьшается до единицы, от плато отчленяются блоки, которые перемещаются преимущественно в вертикальном направлении по очень крутой верхней части поверхности смещения. Отсевшие блоки пригружают голову оползня и создают горизонтальный градиент давления, что сопровождается снижением коэффициента устойчивости оползневого тела. Когда он уменьшается до единицы, блоки начинают двигаться по пологой нижней части поверхности смещения, преимущественно в горизонтальном направлении. При значительных подвижках в основании склона образуется вал выдавливания.

На приморском склоне г. Опук находится, на наш взгляд, крупный и сложный оползень сдвига, пребывающий в стадии незавершенного развития (Рис.4). Его верхние блоки отсели, но, несмотря на свою огромную массу, не смогли значительно сместиться в горизонтальном направлении. По ориентировке блоков, наклону слоев и простиранию трещин видно, что на восточном участке блоки перемещались в юго-восточном направлении и к востоку, а на южном — к югу, юго-западу и западу, что определило рас-

положение зон сжатия и растяжения. В связи с разными направлениями движения у границы участков создались условия, благоприятные для отчленения от плато и отседания блоков, образования молодого рва-грабена. При этом ранее сместившиеся блоки южного и восточного участков, вероятно, только несколько деформировались и раскололись в некоторых местах, не претерпев заметного смещения в горизонтальном и вертикальном направлениях. В оба этапа активизации оползневой деятельности рвы и блоки выкраивались вдоль ослабленных зон сбросов и тектонических трещин, в связи с чем простирающие этих элементов рельефа сходно с типичными направлениями тектонической трещиноватости.

Дислокации приморского склона г.Опук похожи на сейсмо-гравитационные дислокации, но пока «отсутствуют четкие признаки, отличающие формы, обязанные своим происхождением только гравитационным процессам, от форм, в образовании которых принимала участие активационная энергия сейсмических толчков» (Полунин, 1989,с.197).

Морфоструктура горы Опук формировалась длительное время в сложных геологических условиях. В меотический век где-то по соседству действовали грязевые вулканы. Тогда на месте Кояшского озера, скал Корабль-Камень и г. Опук образовались компенсационные прогибы и вдавленные синклинали (Губанов, Клюкин, 1979; Науменко, 1982; Шнюков и др., 1986). Позже прогибание сменилось поднятием, вероятно, в виде горста. Он возвышается на 160 м над скалами Корабль-Камень и на 140 м над горой Приозерной, которые также сложены меотическими известняками. Тектонический блок горы Опук невелик. Он вытянут с северо-востока на юго-запад на 3,5 км и в поперечном направлении на 2 км. Его ограничивают

с четырех сторон почти прямолинейные берега Черного моря и Кояшского озера. Простираение линейментов (350° , 50° , 300° , 340°) соответствует характерным направлениям тектонической трещиноватости и косвенно подтверждает блоковую природу останцово-горы.

Сложная тектоника Опука связана с пограничным положением его у стыка нескольких крупных структур. Тут заканчивается и погружается периклиналь мегантиклинория Горного Крыма и начинается молодой поперечный Керченско-Таманский прогиб, разделяющий орогенические поднятия Горного Крыма и Большого Кавказа. Неподалеку проходят живые глубинные разломы. Один из них — Южнобережный — отделяет вышеуказанные структуры от впадины Черного моря, а вдоль другого — Правдинского — заложен Керченско-Таманский межпериклиналиный прогиб с ложбиной Керченского пролива, которая при глубоких четвертичных регрессиях Черного моря превращалась в низовья долины Пра-Дона.

Зоны сочленения этих долгоживущих глубинных разломов отличаются высокой современной тектонической активностью и сейсмичностью. Район Анапы и южной части Таманского полуострова, Керченского пролива и прилегающей акватории Черного моря являются плейстосейстовой областью современных землетрясений интенсивностью до 7 баллов. В 100—110 км от горы Опук — на северо-западном Кавказе, у мыса Утриш и полуострова Абрау известны крупные сейсмодислокации. Их образование объясняют восьми-девятибалльными землетрясениями, происходившими в античное время (Островский и др., 1977; Винокуров, Никонов, 1999, с. 32), или сейсмогенно-вибрационной ползучестью, обусловленной длительными сейсмическими колебаниями умеренной интенсивности (Солоненко, 1973;

Хромовских и др., 1977). С жизнью керченской группы очагов связано и землетрясение 63 г. до н.э., разрушившее Пантикапей и ряд городов Боспорского царства (Блаватский, 1977). Интенсивность этого землетрясения оценивают в 7—9 баллов при $M=6-7$ (Пустовитенко, Тросников, 1977), Винокуров и Никонов — 9—10 баллов (Винокуров, Никонов, 1999, с. 32).

На основании историко-археологических и геолого-морфологических данных сейсмологи и геологи относят южное побережье Керченского полуострова и побережье с северо-западного Кавказа к районам, где возможны 8-балльные землетрясения (Шебалин, 1977; Островский и др., 1977; Винокуров, Никонов, 1999). Геологическая и геоморфологическая ситуация свидетельствует, что оползень приморского склона горы Опук может быть сейсмогравитационным образованием.

О связях опукских дислокаций с сильными землетрясениями свидетельствуют, на наш взгляд, следующие критерии и признаки: незавершенность развития оползневого склона и сохранение в таком состоянии в течение продолжительного времени; сходство отдельных блоков с сейсмогенными клиньями, образованными в зонах существовавших разрывов при раскачивании вершины горы; возможно эти клинья сдерживают сползание отсевавших блоков вниз по склону; прямолинейность и значительная протяженность рва, совпадение его простираения с простиранием разрывных нарушений, пересечение им водораздела горы; впечатляющие размеры оползней: при общей площади более 4 кв км и объем перемещенных раздробленных пород при глубине захвата до 50—100 м составил около 200 млн. м³; близость к сейсмогенерирующим разломам и эпицентрам известных землетрясений.

Интенсивность колебаний, которые могли спровоцировать образование опук-

ских сейсмогравитационных дислокаций, усиливалась от влияния высокого и крутого приморского склона горы, рассеченного разрывными нарушениями и обращенного к сейсмогенерирующей структуре. Гора Опук является одной из самых высоких и крутосклонных во всей Керченско-Таманской области.

Пока нет оснований считать, что опукские дислокации непосредственно связаны с сейсмогенерирующим разломом. Проявление в рельефе тектонической трещиноватости обусловлено тем, что существовавшие тектонические швы были пассивно вскрыты и по ним во многих местах произошло отделение и отседание блоков. По классификации В.П. Солоненко (1973), дислокации горы Опук следует отнести к сейсмогравитационным образованиям. Это сложный сейсмогенный оползень, отчасти субсейсмогенный или сеймосинхронный в понимании В.С. Федоренко (1988). Мы не исключаем возможности синхронного образования сейсмодислокаций на горе Опук и у мыса Утриш в 8—9-балльной плейстосейстовой области разрушительного землетрясения, эпицентр которого находился под дном моря между эти двумя пунктами.

В рамках проводимого исследования особый интерес представляет хронология сейсмодислокаций. Об их молодости свидетельствуют свежий облик обрывов, зияющие трещины, монолитность смещенных блоков, незначительная аккумуляция коллювия и делювия во рвах и депрессиях оползневого рельефа, неразработанность склоновой эрозионной сети, мелко изрезанные абразионные берега и другие морфологические признаки.

В оползневом рельефе Опука запечатлены минимум два катастрофических события. Первое было более значительным и произошло в геологическое время, скорее всего в позднем плейстоцене. С ним

связано образование старого рва и основных черт рельефа приморского склона горы. Второе событие случилось недавно — в историческое время. С ним связана активизация огромного позднеплейстоценового приморского оползня и заложение молодого рва в его головной части. О времени этой активизации свидетельствуют деформации береговой линии и, возможно, ряда археологических объектов. Катастрофические подвижки оползней сдвига обычно сопровождаются подъемом пляжа и прилегающего дна моря валом выдавливания.

На побережье Опука нами обнаружено три небольших фрагмента морских террас (Рис. 3). Два из них находятся в 0,5 — 0,6 км западнее мыса Опук и один в 1,2 км северо-восточнее мыса Опук непосредственно. Морские отложения террас южного участка имеют мощность около 1 м и состоят из гальки и валунов местных известняков с желто-серым детритусово-песчаным заполнителем. В нем преобладают раковины двустворок. Реже встречаются *Chlamys glabra* L., *Spisula subtruncata triangula* Renier., *Cardium edule lamarcki* Reeve. В единичных экземплярах обнаружены *Mytilaster lineatus* Gm. in L., *Donacilla cornea* Poli, *Dreissena polymorpha* Pall. и несколько видов гастропод. Такой палеофаунистический комплекс характерен для открытых берегов в каламитское (новочерноморское) время, хотя перечисленные виды обитают в Азово-Черноморском бассейне по настоящее время (Невесская, 1963; Невесский, 1967).

Морские отложения террас, обнаруженные западнее мыса Опук, лежат на субгоризонтальной абразионной поверхности, выработанной в известняках сползшего блока. Высота первого фрагмента террасы у тылового шва составила 8 м, а второго — у бровки около 6 м над уровнем моря. В обоих пунктах морские отложения

перекрыты щебнисто-глыбовым коллювиумом мощностью 3—6 м. Цоколь террасы местами разбит зияющими трещинами, в которые отчасти провалились морские отложения.

Третий фрагмент морской террасы находится на юго-восточном побережье горы Опук и возвышается над уровнем моря на 9 м. Абразионная поверхность террасы срезала сарматские глины. На них лежат гравий, галька и валуны из местных известняков с детритусово-ракушечным заполнителем. В морских отложениях встречаются гальки вулканитов, которых нет в геологических разрезах Керченского полуострова. Морские отложения террасы покрыты солонцеватыми почвами мощностью до 1 м.

На побережье Опука кроме террас высотой 6—9 м обнаружены также сходные с ними по строению террасы высотой 2,5—3 м, не затронутые или слабо затронутые оползневой процессом. И те, и другие относятся к одной береговой линии, но в разной степени деформированной оползнями. В основании почв, перекрывающих одну из низких (3 м) террас, найдены неокатанные фрагменты причерноморской амфоры VIII—IX вв. Крупные фрагменты тех же амфор обнаружены под обвалом в основании примитивных почв, покрывающих шестиметровую террасу 0,6 км западнее м. Опук. А из кровли галечников девятиметровой террасы извлечены полуокатанный фрагмент венчика эллинистической амфоры (Герakлея Понтийская).

Приведенные факты свидетельствуют, во-первых, что на побережье Опука есть нимфейская морская терраса, а во-вторых, что в ряде мест эта терраса была приподнята в процессе катастрофической подвижки оползня. Оползень, вероятно, послужил причиной прекращения жизнедеятельности на поселении «холм А», возникшем на месте стоянки эпохи поздней

бронзы (Кругликова, 1958, 1975). И вообще, создается впечатление, что поселение на холме «А» имело гораздо большую площадь, а ее сползшие строительные остатки покрыты многометровыми оползневой отложениями. Кроме того, в этой связи необходимо отметить, что оползневые процессы на этом участке склона горы Опук находятся в настоящее время в незавершенной стадии (Рис. 5).

Артефакты указывают на активизацию оползневых процессов в приморской части Опука после IV — II вв. до н.э., но до VII — IX вв. н.э. В IV в. н.э. на устойчивой поверхности вершинного плато была воздвигнута цитадель, хорошо вписанная в существующий рельеф. На отделенных от плато отсевиных блоках нет смещенных строений, на оползневом склоне под цитаделью не обнаружено деформации фундамента восточной оборонительной стены. Более поздние, раннесредневековые, памятники Опука также хорошо вписаны в существующий оползневой рельеф и в них пока не встречены следы катастрофических оползневых подвижек. Эти факты позволяют уточнить время поздних сейсмогравитационных дислокаций и ограничить их IV в. до н.э. — III в. н.э. В указанный промежуток времени в Черном море происходит нимфейская трансгрессия и усиливается абразия берегов, что также могло спровоцировать активизацию оползней на побережье Опука.

В 1990 г. Южно-Боспорская экспедиция исследовала на плато у цитадели зольный холм высотой около 3 м (см. далее, а также рис. 36), который перекрывал культурный слой IV—III вв. до н.э. и сформировался во II—IV — начале VI в. н.э. Нижние слои, включая и сам материк, оказались рассеченными тремя субвертикальными трещинами субширотного (80° — 90°) и диагонального (60°) простирания, постепенно затухающими кверху

в слое в артефактами конца II—III в.н.э. В одной из трещин обнаружены микро-смещения слоев, а в другой — обнаружен слабый ток воздуха. Трещины наследуют тектонические трещины, раскрытые разгрузкой, которые прослеживаются в метрических известняках под почвой, подстилающей зольник. Они простираются параллельно и диагонально к обрывам, ограничивающим плато с востока и юга, и находятся соответственно в 60 и 150 м от них.

Трещины, обнаруженные в зольнике, являются типичными сейсмогенными трещинами, образованными после отложения слоев с материалом II—III вв.н.э., в которых затухают. Они могут быть связаны с самым интенсивным землетрясением за последние 17—18 столетий. Не исключено, что такое землетрясение произошло в конце III в. Эта дата приведена в Новом каталоге (1977). Может быть, жизнь на памятниках Опука начала постепенно угасать в конце III в., в том числе и в связи с последствиями разрушительного землетрясения, эпицентр которого находился где-то неподалеку, на дне Черного моря? В своем недавнем исследовании Н.И.Винокуров и А.А.Никонов пришли к аналогичным выводам: в середине — второй половине III в.н.э. на Боспоре, как на его европейской, так и азиатской частях, произошло катастрофическое землетрясение, мощность которого они оценивают в 9—10 баллов по шкале Рихтера (Винокуров, Никонов, 1999, с.31—32).

Активизация же огромного старого оползня произошла, на наш взгляд, до III в.н.э., о чем свидетельствуют ранее приведенные факты. Оползень мог активизироваться и во время известного землетрясения 63 г. до н.э., когда на плато г.Опук еще не было той цитадели, которая сохранилась до нашего времени.

1.3. ГИДРОГЕОЛОГИЯ ГОРЫ ОПУК И ПРИЛЕГАЮЩЕЙ ТЕРРИТОРИИ

Знание гидрогеологии рассматриваемого региона имеет важное значение для понимания критериев выбора древним населением среды обитания и особенностей процесса его хозяйственного освоения.

Южная часть Керченского полуострова относится к двум разным гидрогеологическим регионам. Первый район отвечает Юго-Западной равнине и сложен мощными водоупорными засоленными глинами майкопской свиты. На этой территории можно обнаружить только солончатые грунтовые воды в четвертичных отложениях, выполняющих балки и слагающих морские террасы. Второй гидрогеологический район расположен между г.Опук и м.Такыл. В геологическом разрезе этой территории, кроме глин, участвуют также известняки и песчаники, с которыми связаны водоносные горизонты. Кроме того, в четвертичных делювиально-пролювиальных морских и оползневых отложениях встречаются грунтовые воды, в том числе пресные, пригодные для питья и добычи с помощью неглубоких колодцев. Это в большей степени определило освоение в античное время именно этой территории, а не Юго-Западной равнины.

Среди разнообразных видов источников в особую группу выделяется группа карстовых, которые представляют собой выходы подземных вод, формирующихся в хорошо растворимых в воде горных породах (известняках, доломитах, глинах и т.д.). Как правило, это достаточно высокодебитные источники, дающие качественную питьевую воду. Кроме крупных источников, в карстовых районах часто встречаются небольшие источники с расходами от первых долей до нескольких ли-

тров в секунду. Расположение подобных источников в районах, испытывающих дефицит питьевой влаги, подчеркивают их важность для местного населения, является одним из факторов, обуславливающих расселение людей и выбор основных типов поселений.

В настоящее время существует представление о двоякой природе карстовых вод. Первая — инфильтрационная, связана с интенсивным поглощением поверхностных и атмосферных вод в трещиноватые и закарстованные горные породы с последующим их выходом у подножья карстовых массивов. Вторая природа — конденсационная, связана с интенсивностью конденсационных процессов образования влаги в трещинах и карстовых пустотах. Конденсационные воды дают начало небольшим источникам, но отличающимся повышением расхода именно в жаркое время года.

Долгое время господствовала инфильтрационная теория, однако работами А.Ф.Лебедева доказано, что в образовании подземных вод участвуют оба процесса. Процесс конденсации влаги из атмосферного воздуха был известен и использовался в античное время. Наличие конденсации в горных и степных районах Крыма получило экспериментальное подтверждение. В 1864 году проф. Головинский установил в имении Кастело три дождемера, которые давали воды больше, чем ее выпадало с атмосферными осадками. Это послужило основанием для заключения о конденсации водяного пара в грунте. Позже открытие в окрестностях Феодосии древних конденсаторов натолкнуло известного российского ученого-лесовода Ф.И.Зибольда на идею сооружения экспериментального конденсатора. Сооруженный в 1905—1911 годах на горе Тепе-Оба искусственный источник показал отлич-

ные результаты, выдавая в сутки до 400 литров воды (Зибольд, 2000, с. 114).

Используя методы определения объема трещинно-карстовых и поровых коллекторов, направлений и локализаций подземного стока, изучения микроклиматических условий на поверхности, в карстовых полостях и искусственных выборках, на базе расчета водного баланса с вычленением конденсационной и инфильтрационной составляющих, учета продолжительности конденсации, среднемесячных значений e поверхностной и e подземной, определения коэффициента воздухообмена, участником экспедиции канд. геогр. наук деканом географического факультета Таврического национального университета Б.А. Вахрушевым была доказана конденсационная природа подземных вод горы Опук и рассчитан их потенциальный дебит. В ходе обследования г. Опук с помощью геолого-структурной съемки была определена сильная тектоническая и литологическая трещиноватость карстующихся известняков. Объем известняков г. Опук при мощности 50 м и площади поверхности 2,69 кв. км составил 1345000000 м^3 (0.134 км^3). В связи с высокой трещиноватостью известняков горы Опук объем пор и карстовых каверн составляет до 5%, или $0,0067 \text{ км}^3$. Процесс конденсации в опукских пустотах начинается на глубине около 10 м. В июле 1996 г. была зафиксирована рекордная для Крыма амплитуда колебания температуры и подземного воздуха на глубине 30 м температура составила $+5,4^\circ\text{C}$, а на поверхности $34,4^\circ\text{C}$ она достигла величины $+29^\circ\text{C}$. В настоящее время период конденсации на горе Опук составляет около 240 дней в году, что дает в массиве горы 322500000 литров воды, что равносильно источнику с расходом 15,5 литра в секунду (или 5,27 литра в секунду с одного км^2 площади). Модуль конденсационного стока с масси-

ва г. Опук практически равен этому показателю массива Ай-Петри, площадь зоны конденсации которого составляет 97,7 кв. км против 2,7 кв. км г. Опук! (Вахрушев, 1999, 2002).

Нет сомнения, что более 10 колодцев², найденных экспедицией на южном и юго-восточном склонах г. Опук, функционировали в древности. Следы каптажа в виде подземных галерей, сложенных из поставленных на ребро дикарных камней, обнаружены у действующего колодца у «холма А» (раннеантичное поселение) и у заброшенного колодца к западу от этого холма³. Часть колодцев, сооруженных еще в античное время, вероятно, перестраивалась в раннесредневековое и позднесредневековое время. Об этом можно судить по керамическому материалу, извлеченному при расчистке колодца-накопителя у «холма А». Колодец не был расчищен до конца, однако в его заполнении были обнаружены фрагменты эллинистических амфор (Хиос IV — III вв. до н.э., Гераклея, Синопа, Родос). К сожалению, у нас нет пока критериев для датировки сохранившихся древних колодцев по их конструктивным особенностям, однако есть наблюдение, что раннесредневековые колодцы, как и более поздние — крымскотатарские, имеют более выраженную грушевидную форму. Однако использование грушевидной формы колодца, также употреблявшаяся и в античности, ставило своей целью максимальное увеличение зеркала воды и соответственно объема аккумулировавшейся жидкости. Данный прием был вполне оправдан в геологических условиях Опука. До современности колодцы на Опуке строились из дикарного камня без использования связующих материалов, что затрудняет их классификацию и датирование. Большинство колодцев после расчистки могли бы действовать и поныне.

Пока нет оснований для предположения, что гидрогеологическая ситуация в античное и раннесредневековое время сильно отличалась от современной: локализация водосборных и бессточных депрессий на склонах горы в историческое время практически не изменилась, хотя ряд колодцев мог прекратить свое существование в силу оползневых и сейсмических процессов, а также локальных изменений путей движения подземных вод (например, источник у «холма А», питание которого, вероятно, прекратилось после сейсмических подвижек на этой части склона горы). Еще не вполне ясны источники водоснабжения городища Киммерик — здесь пока не было найдено колодцев. Возможно, колодцы и источники располагались у береговой линии в месте подпора линз пресной воды водами моря. Нельзя исключить и подвоз питьевой воды из ближних источников (расстояние от городища до ближайшего из них около 800 м), а также подведение к городищу наземного керамического акведука, следы которого могли не сохраниться. Однако не исключено, что неизвестный ныне источник питьевой воды на городище мог иссякнуть из-за сейсмических подвижек.

Несколько сложнее обстоит дело с водоснабжением сельских поселений в окрестностях Опука. Грунтовые воды хотя здесь и присутствуют, но их количество невелико. Они бесспорно могли добываться при помощи неглубоких колодцев и отстойников. Однако, как мы увидим, многие из поселений вокруг Опука тяготеют к балкам с обширным поверхностным водосбором, что допускает возможность их запруживания для сбора поверхностных вод, связанных с атмосферными осадками. Пересеченность рельефа окрестностей Опука, наличие значительного количества балок с значительной площадью поверхностного водосбора позволяла обеспечи-

вать сельские поселения необходимым минимумом влаги. Так, плотины и водоемы могли быть сооружены в балках Чебакская, Киркояшские (северо-восточная и юго-западная), Опукская восточная, Кояшская (северо-восточная) и Узунларская (юго-восточная), а также в менее крупных балках не имеющих собственных названий. Мы не исключаем возможности, что именно от античного и раннесредневекового землепользования болгарскими и крымскими татарами был заимствован метод строительства ставков, широко применявшийся и применяемый поныне в Крыму.

Поселения прибрежной зоны в своем водоснабжении могли также опираться на линзы подпора грунтовых вод морской водой, расположенные в прибрежных дюнах. Два колодца подобного типа были обнаружены Южно-Боспорской экспедицией в дюнах между горой Опук и Чебакской балкой.

Мощный конденсационный ресурс г. Опук с учетом его не полного использования известными в настоящее время водозаборниками мог обеспечить питьевой водой население в пределах 4000 человек (Вахрушев, 1993).

1.4. ОБЗОР ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ И НЕКОТОРЫЕ СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

Черноморское побережье Керченского полуострова, где в античное время находилась часть так называемых малых городов Боспорского государства, вытянуто по прямой с запада на восток между Феодосией и Керченским проливом на 85 км. На этом пространстве береговая линия слабо изрезана: она вдается глубоко в сушу лишь Феодосийским заливом и выступает в акваторию мысами Чауда, Карангат,

Опук, Кыз-Аул и Такыл (Такиль). Между мысами располагаются небольшие мелководные бухточки, не имеющие собственных названий. К берегу Черного моря примыкает низменная равнина, среди которой выступают гряды и холмы, иногда имеющие горный облик. Наиболее высоким элементом рельефа является г.Опук.

На этом участке черноморского побережья Керченского полуострова в античное время располагалось несколько античных городов и поселений. Наиболее значительным центром этой части побережья является крупный портовый город Феодосия, располагавший обширной бухтой, служит западной границей Керченского полуострова. На востоке Феодосийская бухта фланкирована мысом Чауда, на котором локализуется местечко Казека; далее лежали так называемые малые боспорские города Киммерик и Китей; а у входа в Керченский пролив, замыкая черноморское побережье полуострова на востоке, предположительно располагался городок Акра⁴, ныне подтопленный водами Черного моря (Рис.1). Часть населенных пунктов античного времени, упоминавшихся древними авторами, но еще археологически не локализованных (Сатарха, Аргода, Табана и др.), располагалась в глубине прибрежной зоны.

Крайне скудны и отрывочны наши знания о самом городе Киммерик, времени его возникновения, его социально-политическом статусе в составе Боспорского царства, социально-экономическом устройстве и инфраструктуре. Практически ничего не было известно и о хоре Киммерика, ее размерах, типах поселений и характере их взаимоотношений с Киммериком и самим Боспорским государством, о времени их возникновения, расцвета и упадка. Также остались малоизученными прилегающие к Опuku с востока и запада равнинные участки побережья. Поэтому нет необходимости давать оценку значимости этого археологического региона не

только с точки зрения изучения древностей Боспорского царства, но и всего античного мира Северного Причерноморья.

Гора Опук, одиноко возвышающаяся на равнинном побережье, при каждом ее посещении поражает своей суровостью и сложностью рельефа. Он свидетельствует о сложных, порой катастрофических, геологических процессах, протекавших здесь как в геологической, так и исторической древности, и зреющих здесь в настоящее время. «Кратчайшая дорога из Акры до горы Опук идет берегом моря; но так как этот путь очень труден, то лучше возвратиться в Коптакиль (современный поселок Заветное — В.Г.), и, пройдя деревни Хорелек и Кысаул (современный поселок Яковенково — В.Г.) мы без труда достигнем деревни, лежащей у подошвы горы Опук, на северной стороне» (Дюбрюкс, 1858, с.69). И поныне гора Опук остается труднодоступной для посещения — она расположена более чем в 12 км южнее поселка Марьевка и в 11 км западнее поселка Яковенково (бывший Кыз-Аул) (Рис.1.2). Депортация в 1944 году крымских татар и других народов, проживавших в окрестностях горы Опук, уничтожила локальную инфраструктуру местных деревень Опук, Элькен-Кояш (Кояш), Кырк-Кояш и Чебак — в результате запустение и постепенное исчезновение дорог сделало гору Опук, особенно в дождливую погоду, практически недоступной.

Если названия наиболее близких к Киммерии античных городов — Акры и Китея — восходят к географическим особенностям мест, где расположены эти города (от др.-греч. *ἀκρᾱ* - мыс, оконечность, вершина, крепость на горе; от др.-греч. *κύττω* - выпуклость), то название Киммерика, вслед за античной традицией, исследователи связывают с киммерийцами, якобы составлявшими основное население полуострова до появления здесь скифов, а затем — греческих переселенцев. Память о легендарном древнем насе-

лении Таврики достаточно прочно утвердилась в античной топонимике Боспора и других регионов Крыма, и именно с этим народом античная традиция связывала сохранившиеся на полуострове древности предшествующих культур.

Трудно избежать искушения попытаться локализовать этот легендарный киммерийский город где-либо в Восточном Крыму, однако сомнительно, что археологические материалы смогут пролить свет на достоверность данной легенды. По крайней мере, на Керченском полуострове пока не выявлено памятников конца II — начала I тысячелетия до н.э., которые могли бы претендовать на «Киммерийский город». Более того, ряд исследователей полагает, что оседлое доскифское население на Керченском полуострове археологически не фиксируется (Колотухин, 2000, с. 69). Однако, на мой взгляд, последнее утверждение излишне категорично, поскольку на Керченском полуострове засвидетельствованы памятники каменной культуры (Кислый, 2005), а на самой Опуке и на горе Приозерной, расположенной в окрестностях Опук (озеро Кояш), — стоянки и могильники эпохи поздней бронзы.

О киммерийцах и происхождении самого названия и древностей Боспора Киммерийского от этого этника сообщает также Геродот. Сообщения Геродота о киммерийских укреплениях и переправах послужили первопричиной для поиска современными исследователями археологических свидетельств пребывания киммерийцев в Восточном Крыму и на Таманском полуострове. В своем труде «История», созданном около середины V в. до н.э., Геродот пишет: «В Скифской земле существуют киммерийские укрепления и переправы; есть также и область Киммерия и так называемый Киммерийский Боспор» [Herod., IV,12]. Упоминает «Киммерийский перешеек» и Эсхил, описывая злоключения Ио.

Память об опустошительном вторжении киммерийцев во второй половине VII в. до н.э. в Малую Азию долго сохраняется в античной традиции. Его упоминает Каллимах, живший в V—III вв. до н.э., Страбон, Диодор [Diod., V, 32, 3] и многие другие авторы, при этом уже к эллинистическому времени в представлении греков этническое различие скифов и киммерийцев постепенно стирается. Так, например, в схолии к «Аргонавтике» Аполлона Родосского (2 половина III в. до н.э.) киммерийцы уже названы «скифским народом» [Schol. Apoll. Rhod., II, 168]. Аполлодор, живший во II в. до н.э., продолжает относить существование Скифии и Киммерийской земли к мифическим временам. Эти земли он упоминает, описывая блуждания Ио во второй книге своей «Библиотеки» [Apoll. Rhod., II, 1,3]. И хотя труд Аполлодора не отличается критическим подходом к использованным источникам, он, тем не менее, показывает, что легендарность киммерийцев в античной традиции сохраняется достаточно долго.

Один из лучших географов античности — Страбон — посвятил в своей «Географии» своеобразный историографический обзор свидетельств о связи названия Боспора с киммерийцами и о знании своих предшественников об этом народе. В первой книге своего труда он утверждает, что еще Гомер знал Боспор Киммерийский [Strabo, I, II, 9]. О вторжениях киммерийцев в Малую Азию Страбон упоминает неоднократно и в других местах своего труда [Strabo, I, III, 21; III, II, 12 и др.]. Помимо своих соображений об осведомленности Геродота, Страбон также приводит ценные сведения о познании своих предшественников, показывая, насколько долго сохранялся интерес античного общества к древнему населению этой части Северного Причерноморья. [Strabo, V, VI, 5, VII, I; XIII, IV, 8; XIV, I, 40 — краткий обзор дискуссии о датировке этих событий см.:

Алексеев, Качалова, Тохтасьев, 1993, с. 24 сл.].

Первые исследователи таврических древностей, а позже их последователи, в первую очередь опирались на сведения древних авторов, сравнивая их с опытом собственных путешествий и первых открытий. Поэтому вполне понятно долгое стремление отечественных исследователей связать открытые «неэллинические» памятники с легендарными киммерийцами и таврами. Так, М.И. Ростовцев, как и предшествующие исследователи XVIII — XIX вв., также не сомневающийся в том, что название Киммерика восходит к «негреческому» населению Крыма, отмечал, что связь названия «с киммерийцами уже Геродоту казалась несомненной» (Ростовцев, 1925, с.258). Хотя несерьезно было бы полагать, что в числе «киммерийских укреплений» Геродота [Herod., IV, 12], могли упоминаться «негреческие» древности горы Опук, но в целом этимология названия города бесспорна. И тем не менее фраза М.И.Ростовцева о том, что многие годы «вопрос о киммерийцах обсуждался в русской ученой литературе неоднократно и вкрявь и вкось» (Ростовцев, 1925, с.259), остается крайне актуальной и поныне.

Подробный анализ происхождения киммерийского этноса и границ его расселения, обсуждение «киммерийского вопроса» в гомероведении и присоединение к непрекращающейся дискуссии по «киммерийской проблеме», которым посвящена обширная литература, выходят далеко за рамки нашего исследования. Поэтому я ограничусь лишь кратким освещением двух полярных точек зрения, которые иллюстрируют нынешнее состояние проблемы.

Один из наиболее авторитетных отечественных исследователей, С.А.Жебелев, в своих двух работах «Народы Северного Причерноморья в античную эпоху» и «Скифский рассказ Геродота» (Жебелев, 1953) на основе тщательного анализа

письменных источников предполагал, что «главное местопребывание киммерийцев» находилось в пределах теперешнего Керченского полуострова», а «Киммерийская область» Геродота располагалась в его северо-восточной части (Жебелев, 1953, с. 255 и ссылка 2; эту точку зрения уже в наше время разделил и С.Р.Тохтасьев — 1993, с. 24, 36). При этом Жебелев так характеризует свидетельство Геродота: «Геродот не говорит о том, вся ли Скифия принадлежала киммерийцам или часть ее. Он указывает [Herod., IV, 12] только на то, что в его время уже существовал целый ряд топонимических данных, свидетельствующих о пребывании киммерийцев в Скифии: Боспор Киммерийский, Киммерийские укрепления, Киммерийские переправы, Киммерийская область», однако как далеко на запад и на север в степной зоне распространялись их владения без тщательной градации и изучения археологических данных говорить невозможно (Жебелев, 1953, с. 255). С.А. Жебелев пытается локализовать киммерийские топонимы: «Под Киммерийскими переправами, служившими границей между Европой и Азией [Herod., IV, 45] — в античном понимании этого термина — естественнее всего разумеать наиболее узкую часть Киммерийского Боспора, а под Киммерийской областью — северо-восточную часть Керченского полуострова. Список местностей, связанных с киммерийцами у Геродота, можно еще дополнить: а) Киммерийским селением, лежащим при входе в Киммерийский Боспор, к югу от устья Антикита и б) Киммерийским городом на Керченском полуострове [Strabo., XI, 494]». Эту мысль С.А. Жебелев повторяет и в статье «Скифский рассказ Геродота» (Жебелев, 1953, с. 321 и ссылка 2), подчеркивая автохтонное происхождение этого этноса (Жебелев, 1953, с. 337). Защищая локализацию страны Киммерии на Боспоре, М.В.Скржинская отмечает, что исследователи не обратили внимания на

то, что «Помпоний Мела назвал «киммерийскими городами» Мирмекий, Пантикапей, Феодосию и Гермисий [II,3 — «in Bosporum Cimmerica oppida Mirmecion, Panticapaeon, Theodosia, Hermesium»]. Тот факт, развивая далее свою мысль, замечает Скржинская, что Мела заимствовал сведения из трудов «ионийских географов», эти города в архаический период могли быть так или иначе связаны с догреческим населением Боспора (Скржинская, 1988, с. 7). Ей возражает С.Р.Тохтасьев, который полагает, что эти города у Мелы стали «киммерийскими» «из-за грамматического пересогласования в препарировании (исходного — В.Г.) источника» (Тохтасьев, 2001, с. 71).

Анализируя разрозненные сведения ранних письменных источников, упоминающих киммерийцев, В. Паркер приходит к выводу, что свидетельства поздних авторов о киммерийцах, основанные на сведениях более ранней традиции, «точно отражают действительность», а «малоазийские греки располагали значительным объемом сведений о киммерийцах и их походах в пределах М. Азии», из малоазийских источников заимствована информация об этносе Геродотом и Псевдо-Скимном (Паркер, 1998, С. 101).

В своем исследовании, С.Р. Тохтасьев (1993), также анализируя сведения письменных источников о киммерийцах и историографию «киммерийского» вопроса, пришел к иному выводу — современные исследователи при изучении «киммерийских топонимов» Северного Причерноморья и, в частности, Боспора явно пошли на поводу у античной письменной традиции. По мнению Тохтасьева, греческие переселенцы, прибывшие на Боспор, а также их потомки, опираясь на эту легенду, не имея возможности «полностью игнорировать гомеровское свидетельство», отождествили остатки жилищ, укреплений и курганы, оставшиеся от предшествующих культур, с киммерийца-

ми (Алексеев, Качалова, Тохтасьев, 1993, с.30-44). Таким образом, «топонимы не могут служить надежным свидетельством тому, что киммерийцы жили именно в тех местах, где располагались соответственно поименованные объекты» (Алексеев, Качалова, Тохтасьев, 1993, с.37). Сходную позицию занимает и А.Е.Кислый, который полагает, что ассоциирование памятников эпохи бронзы с киммерийцами было вызвано у греков-колонистов как их познаниями мифологии, так и их «реальными наблюдениями и изысканиями». Он также считает, что остатки поселений каменной культуры, «так же, как и подобные у горы Опук (Киммерик) могли восприниматься греческими поселенцами как остатки киммерийских городов» (Кислый, 1999, с. 102-106). М.В.Скржинская же полагает, что активное использование киммерийских топонимов на Боспоре связано с тем, «что греки встретились в Северном Причерноморье с остатками киммерийского населения» (Скржинская, 1988, с. 7), в другой своей работе исследовательница выражается более осторожно: «Топонимика не выявляет границ, а лишь свидетельствует об обитании киммерийцев в Северном Причерноморье и проливает свет на некоторые стороны языковых контактов киммерийцев, скифов и греков» (Скржинская, 1991, с. 172). Однако это наблюдение вряд ли согласуется с этно-культурной ситуацией в Крыму в догреческий период (см. Колотухин, 2000).

Не менее сложен и археологический аспект «киммерийского вопроса», который также имеет обширную литературу. Ставя целью не включаться и в эту дискуссию, я вновь позволю себе привести несколько полярных точек зрения современных исследователей.

Проблема археологической интерпретации «киммерийской проблемы» была предложена В.А.Городцовым, который в своих исследованиях, в первую очередь, неукоснительно следовал свидетельствам

Геродота, а также других античных авторов. Этот подход и до настоящего времени сохранялся и в исследованиях его последователей и базируется на следующих основных тезисах: «Киммерийцы были единственными обитателями Причерноморья в период, предшествующий появлению там скифов. Следовательно, реальные свидетельства их материальной культуры должны быть едины на всем протяжении южнорусских степей. Киммерийцы являлись исконными обитателями этой территории, отсюда происходила необходимость отыскать истоки этой культуры в местных памятниках эпохи бронзы. Культура киммерийцев должна хоть чем-то отличаться от культуры скифов, и эти отличия должны быть зафиксированы в археологическом материале» (Алексеев, Качалова, Тохтасьев, 1993, С. 51). Исходя из поставленных задач «киммерийскими» считали памятники позднего палеолита и бронзы (Самоковасов, 1992): памятники, родственные раннескифским (Городцов, 1925; Дударев, 1998); памятники кобанской культуры (Ельницкий, 1949); древности позднесрубной (Крупнов, 1960); черноговоровской и новочеркасской культур (Тереножкин, 1976, Лесков, 1971); памятники катакомбной культуры (Артамонов, 1974), киммерийцами также считали один из субстратов скифской культуры (Иессен, 1954) и даже выходцами из Ирана (Иванчик, 1996).

А.Ю.Алексеев и Н.К.Качалова, проанализировав накопленные к моменту публикации исследования археологические материалы и существующие концепции, приходят к выводу, что в настоящее время в степной зоне Восточной Европы не известно ни одной археологической культуры или группы памятников, которые могли бы однозначно трактоваться как киммерийские. (Алексеев, Качалова, Тохтасьев, 1993, с. 75—76). В своем недавнем исследовании В.Е.Максименко и С.С.Востриков отмечают, что «в отечественной

археологии господствующим становится мнение, что в Северном Причерноморье ни одну группу памятников невозможно толковать как киммерийскую... а сама идея обитания киммерийцев в Северном Причерноморье спровоцирована письменной традицией греков и не имеет под собой реальной основы» (Максименко, Востриков, 1999, с.11). Тем не менее даже при таких категоричных заключениях отдельных исследователей вопрос о древностях киммерийцев остается открытым, и на проблеме обитания этого этноса в Северном Причерноморье пока рано ставить точку.

Так или иначе, этимология названия Киммерика остается как и прежде связанной с таинственным и легендарным народом, якобы обитавшем здесь до прихода скифов, а затем греческих мигрантов, и не стоит исключать предположение о том, что город своим названием обязан не только стоянкам эпохи поздней бронзы, расположенным на горе Опук и в ее окрестностях (см. раздел III.2), но также величественному облику горы на фоне окружающих ее степей, являвшейся прекрасной природной крепостью. В.Ф. Гайдукевич в свое время полагал, что благодаря исключительным природным условиям горы Опук эта возвышенность должна была с древнейших времен использоваться как укрепление и убежище (Гайдукевич, 1949, с. 187). Нагромождения скал, бесспорно, пробуждали у боспорян фантазии на тему циклопических сооружений легендарных киммерийцев. В плену подобных фантазий, как мы увидим ниже, оказался и П. Дюбрюкс, который за отдельные «башни» и «стены» Киммерика порой принимал естественные выходы скальных пород и отдельно стоящие скалы. Кроме того, нельзя отрицать восхождение названия Киммерика и к имени самого Боспора Киммерийского, поскольку этот город открывал со стороны Понта Эвксинского вход в пролив, а его поселок-тезка (Киммерий) позже, согласно сведениям Псев-

до-Скимна, Страбона и Плиния Секунда⁶, возник на азиатской стороне при входе в тот же пролив со стороны Меотиды.

Сведения древних авторов о «малых» городах рассматриваемого региона, и в их числе Киммерика⁷, скудны и отрывочны, хронологически неоднородны. Несколько большее внимание античная письменная традиция уделяет крупному центру Боспора — Феодосии, замыкавшей боспорские владения на Керченском полуострове на юго-западе. Это внимание обусловлено, в первую очередь, бурными и драматическими событиями, сопровождавшими подчинение Феодосии Боспорскому царству при первых Спартокидах, богатству округи города товарным хлебом и наличием удобной гавани, способной обеспечить стоянку многих судов, а также благодаря близкому торговому соседству города с варварским населением Таврики — так в схолиях Ульпиана Феодосия упоминается как «местечко Боспора и торжище вблизи Скифии» (см. Латышев, 1947 г., с.239).

Наиболее подробные сведения о малых городах Боспора на рассматриваемом участке черноморского побережья, как правило, относятся к достаточно поздним из дошедших до нас авторам. Ранние авторы, за исключением отдельных известных в настоящее время Периплов, о греческом мире в Таврике и на Боспоре в частности сообщают достаточно мало. В рамках проблемы освоения греческими переселенцами северопонтийского региона, сложения государственности на Боспоре и социально-политического положения его малых городов, известное описание в «Истории» Геродота похода Дария I, ставит ряд трудно разрешимых вопросов, в числе которых, как справедливо отмечали некоторые исследователи (Блаватская, 1959, с.58—63; Рыбаков, 1979, с.66), и полное отсутствие у Геродота сведений о городах Северного Причерноморья, большая часть которых уже была основана и, несомненно, была известна ему. Т.В. Блаватская справедливо

отметила тенденциозность труда Геродота, в которой, вероятно, и следует искать ответы на многие вопросы. Более того, «(приведенные выше примеры — В.Г.) позволяют настаивать на том, что умолчание Геродотом боспорских городов является... результатом его враждебного отношения к Боспору. Симптоматично, что Плутарх [Plut., *De malign. Herod.*, 24, 32, 35] указывает на метод умалчивания о хорошем как на один из весьма обычных приемов Геродота. Признаки политической разобщенности Боспора и Афин в 40—30-х годах V в. до н.э. можно проследить и в рассказе Фукидида. Последний, весьма обстоятельно изложив перипетии Пелопоннесской войны до 411 г., ни разу не нашел случая упомянуть о Боспоре, являвшемся уже тогда крупнейшим государством на Понте» (Блаватская, 1959, с.62). Более того, Геродот не упоминает и крупнейший, один из наиболее ранних городов на азиатской стороне Боспора — Фанагорию, «которая имела прямое отношение к главной теме Геродота — борьбе эллинов с персами» (там же, с.61). И хотя Геродот, бесспорно, располагал значительной информацией о регионе (описывая границы владений эллинских скифов, Геродот лишь вкратце упоминает Ольвию), но довольно точно определяет границы тавров и скифов в Восточном Крыму, при этом упоминая лишь город Кремны, который имеет отношение исключительно лишь к сюжетной линии рассказа. Подобное игнорирование Боспора Геродотом и другими авторами в первую очередь, следует объяснять проперсидской позицией Боспора, которая ранее не признавалась исследователями. Однако исследования Т.В.Блаватской (1959), автора и Н.Ф. Федосеева (Федосеев, Голенко, 1995) и автора solo (Голенко, 2002) позволяют ныне утверждать данный исторический факт⁸, который в значительной мере объясняет молчание источников, характеристику власти на Боспоре в источниках как тирании, пристальное

внимание к богатству боспорских правителей и шумные судебные процессы над афинскими гражданами, связанными с боспорскими тиранами (измена Гилона) и обласканными ими.

Гораздо больше информации о боспорских городах, как и следовало ожидать, представлено не в исторических сочинениях древних авторов, а в древних лоциях Понта. Перипл Псевдо-Скилака (IV в. до н.э. — см. Скрижинська, 1980) в числе греческих полисов черноморского побережья Керченского полуострова — Феодосии, Китея, Нимфея, Пантикапея и Мирмекия — не упоминает Киммерика, Акру, Тиритакру, хотя эти города бесспорно существовали в это время. Перипл Псевдо-Скимна, ранее относившийся к авторству Скимна Хиосского и написанный на основании свидетельств других авторов во второй половине II — начале I в. до н.э. (К.Мюллер датировал Перипл временем около 90 г. до н.э. [Muller, 1855, FHG, I, 449 сл.]), упоминает город Киммерий на азиатском берегу у устья Меотиды. Согласно источнику, город был основан боспорскими тиранами и своим названием также восходил к варварам-киммерийцам [Ps. Scymn. *Peripl.*, 896—899]. Помпоний Мела, создавший свой труд «Землеописание» в 40-х гг. н.э., в числе городов Азиатского Боспора упоминает Киммерий, при этом Мела, пожалуй, единственный автор, который называет азиатский Киммерий городом [ср. I, 112]. Другой автор, Плиний Секунд, издавший свой труд «Естественная история» в 77 г.н.э., упоминая Киммерий среди городов Азиатского Боспора, уточняет, что ранее город назывался Керберием и располагался в 2,5 милях от Пантикапея на азиатской стороне пролива [Plin., NH, VI, 18; IV, 87; гипотезу, объясняющую столь неточное расстояние между упомянутыми пунктами см. Зубарев, 1999, с.124 сл.].

«Перипл Понта Эвскинского», составленный Флавием Аррианом во II в.н.э., сообщает, что «от Пантикапея до местечка

Казека (Καζεκα), лежащего при море, 420 стадиев; отсюда 280 стадиев до опустевшего города Феодосия» [Агг. Peripl., 30]. Выбор Аррианом прибрежных ориентиров довольно странен — на пространстве между Феодосией и Пантикапеем он упоминает лишь один весьма скромный пункт — местечко Казеку, в то время как опускает все остальные города побережья. Хотя и существует мнение, что в основе Перипла Арриана лежат сведения источника эллинистического времени, такое невнимание Арриана (или его источников) к другим городам побережья и выбор в качестве репера местечка Казека, которое в эллинистический период, насколько можно судить по материалам наших разведок, представляло собой мало чем примечательное поселение, объяснить достаточно трудно. Если Арриан использовал современные ему данные, выбор Арриана все так же трудно объяснить: большинство городов продолжало существовать, а Киммерик с его гаванью, насколько можно судить по культурным напластованиям на самом городище, во время Арриана переживает значительный подъем.

Города Акра и Кита (Китей) без Киммерика упоминаются в сочинении «Об общей Просодии» Элия Геродиана, жившего при императоре Марке Аврелии (Латышев, 1948, с. 262), в то время как в «Географическом руководстве» его современника (вторая половина II в. н.э.) — Клавдия Птолемея — город Киммерий упоминается при описании Таврического Херсонеса в числе городов рассматриваемого участка побережья — Портакры (Акра). Китея и ряда пока нелокализованных пунктов [Ptol., VI.8.5], среди которых нет Казеки.

В целом можно отметить, что дошедшие до нас древние географические и исторические произведения демонстрируют достаточно поверхностное знание древней топографии Боспорского государства, особенно его небольших пунктов, и

порой представляют собой череду компиляций.

Наиболее подробное описание интересующего нас участка черноморского побережья Керченского полуострова и, в первую очередь, Киммерика дано в Перипле анонимного автора или Псевдо-Арриана. Этот Перипл до настоящего времени вызывает много споров: одни исследователи относят его к V—VI вв. н.э., другие — к более раннему времени. Придерживаясь последней версии, М.В. Агбунов полагает, что Перипл дополнен и расширен самим Аррианом (II в. н.э.), а поздний переписчик внес некоторые изменения: дополнил указание расстояний в стадиях милями и использовал некоторые современные ему географические названия (Агбунов, 1987, с. 12—13; 1992, с. 85). Тем не менее ценность приведенных в Перипле сведений, возможно, восходящих к Периплам Мениппа (I в. до н.э.) и самого Арриана, позволяют процитировать их полностью: «От Кит до города Киммерика 60 стадиев, 8 миль; там есть стоянка для кораблей, защищенная от западных ветров. Напротив него в море недалеко от берега два скалистых небольших острова. Всего от устья Меотийского озера до Киммерика 300 стадиев, 40 миль, а от города Пантикапей до Киммерика 240 стадиев, 32 мили. От Казеки до Феодосии, опустевшего города, имеющего гавань, — 280 стадиев, 37 1/3 мили: это был древний город, колония милетян, о нем есть упоминания во многих сочинениях. Ныне же Феодосия на аланском наречии называется Ардабда, то есть Семибожний. В этой Феодосии, как говорят, жили некогда изгнанники из Боспора» [Анон. PPE. 76—77]. В целом указанные в Перипле расстояния совпадают с современной археологической реальностью: согласно исследованиям М.В. Агбунова, в трудах Арриана и Анонимного автора использован стадий Эратосфена, составляющий 157,7 м, а в Перипле последнего он дополнен более поздним пересчетом

стадия в римские мили (1481 м), при соотношении стадия к миле 7,5:1, «по принятому в то время стандарту» (Агбунов, 1992, с. 85). Определяя стадий Арриана, М.В.Агбунов пишет, что величина стадия в кратком и полном Перипле этого автора «определяется по-разному: 157,7; 177,6; 185; 197; и 200 м... В последнее время большинство ученых склоняется к цифре 197 м, (однако — В.Г.) при таком пересчете абсолютно все указанные в Перипле расстояния между известными, твердо локализованными городами, оказывается намного больше действительных» (Агбунов, 1992, с. 29). На основании измерения современных карт и анализа данных латинских М.В.Агбунов приходит к выводу, что Арриан использовал стадий 157,7 м, т.е. стадий Эратосфена, поскольку источниками Арриана послужили сведения эллинистического, неизвестного нам автора (там же). Исходя из этого наблюдения и

факта, что византийский переписчик использовал соотношение стадия к миле как 7,5:1, а не 8:1 или 8,3:1, как было принято «в античное время», заключает М.В.Агбунов, «следует пересчитывать стадии в километры. Согласно такому пересчету, стадий Арриана составляет 157,7 м» (Агбунов, 1992, с. 30).

Однако для выяснения, насколько справедливы выводы, сделанные М.В.Агбуновым, проанализируем таблицу:

Как мы видим из приведенной таблицы, пересчет расстояний между памятниками рассматриваемого региона в стадиях, при стадии равном 157,7 м, и в милях, при миле равной 1481 м, числовые данные очень сильно разнятся. Однако если результат пересчета расстояний в милях в современные километры разделить на количество стадий, получим исходную величину последнего. Как мы видим, практически для всех объектов эта величина колеблется

Таблица I. 4 — 1.

Древнее наименование	Стадий	Совр. км. при стадии, равном 157,7 м	Римских милей	Совр. км при миле, равной 1481 м	Стадий в м из пересчета расстоя- ния в ми- лях
от селения Порфмия «или устья Меотийского озера» (выделение мое — В.Г.) до Мирмекия	60	9,462	8	11,848	197,5
от Мирмекия до Пантикапея	25	3,942	3 1/3	4,942	197,3
от Пантикапея до Тиритаки	60	9,462	8	11,848	197,5
от Тиритаки до Нимфея	25	3,942	3 1/3	4,942	197,3
от Нимфея до Акры	65	10,250	8 2/3	12,825	197,3
от Акры до Китея, прежде Кидеаки	30	4,731	4	5,924	197,4
от Китея до Киммерика	60	9,462	8	11,848	197,5
всего от устья Меотиды до Киммерика	300	47,310	40	59,240	197,4
от Пантикапея до Киммерика	240	37,848	32	47,392	197,4
от Киммерика до Казеки	180	28,386	24	35,544	197,4
от Казеки до Феодосии	280	44,156	37 1/3	55,285	197,4

в пределах 197,3 — 197,5 м, что позволяет нам утверждать: в основе данных измерений лежит стадий, равный 197 м, а не 157,7 м. Теперь следует обратиться к современным расстояниям, чтобы проверить, какой стадий использовался при первоначальных измерениях и насколько эквивалент в милях соответствует географической реальности. Кроме того, это позволит нам выяснить, какой метод измерения расстояний между городами использовался источниками Арриана — согласно конфигурации береговой линии или измерение спрямлен-

ных дистанций между объектами. Так, современное расстояние между памятниками по линии побережья и спрямленным расстоянием составляет:

Сопоставим полученные результаты. В приведенной таблице сразу же бросается в глаза точное совпадение расстояний по линии побережья между Порфмием и Пантикапеем при стадии, равном 157,7 м и завышенное расстояние при пересчете дистанции из римских миль в километры (16,8 против 13,2 км). Похоже, и расстояние между Мирмекием и Пантикапеем

Таблица I. 4 — 2.

Древнее наименование	Расстояние между пунктами в стадиях (1) и милях (2)	В современных километрах при стадии, равном 157,7 м	В современных километрах при стадии, равном 197,4 м	В современных километрах при миле, равной 1481 м	Реальное расстояние в км, следуя изгибу берега	Реальное расстояние (морская дистанция) в км, спрямленное
от Порфмия до Пантикапея	85 (60+25) 11 1/3	13,40	16,74	16,780	13,2	12,0
от Мирмекия до Пантикапея	25 31/3	3.942	4.935	4.942	4,1	3,8
от Пантикапея до Тиритаки	60 8	9,462	11,844	11.848	11.6	8.4
от Тиритаки до Нимфея	25 31/3	3.942	4.95	4.942	4.4	4.2
от Пантикапея до Нимфея	85 (60+25) 11 1/3	13,40	16,74	16,780	15,8	13,2
от Нимфея до Акры (около м. Такыл)	65 8 2/3	10.250	12.831	12.825	12,8	11,0
от Акры до Китея, прежде Кидеаки	30 4	4.731	5.922	5.924	—	—
От Китея до Киммерика (м. Опук)	60 8	9.462	11.844	11.848	16,8	14,4
от Киммерика (м. Опук) до Акры (м. Такыл)	90 (30+60) 12	14,193	17,730	17,770	20,1	19,0
Всего от устья Меотиды до Киммерика	300 40	47.310	59.220	59.240	63,8	57.2
от Пантикапея до Киммерика	240 32	37.848	47.376	47.392	51,4	46,9
от Киммерика (м. Опук) до Казеки (м. Чауда)	180	28.386	35.532	35.544	32,2	28,6
от Казеки до Феодосии	280 371/3	44.156	55.272	55.285	44,8	32,4

также измерено в стадиях, при стадии, равном 157,7 м, однако незначительная разница между расстояниями по линии берега и по спрямленной, морской, дистанции не позволяет определить метод измерения расстояния.

Расстояние между Пантикапеем и Тиритакой, измеренное по береговой линии (11,6 км), совпадает с дистанциями, выраженными в милях (11,84 км) и в стадиях при стадии, равном 197,4 м (11,84 км).

Незначительное расстояние между городищами Нимфей и Тиритака затрудняет определение величины стадии и метод измерения расстояний: так, расстояние в стадиях при стадии, равном 157,7 м, близко к значению спрямленной, морской, дистанции (3,94 и 4,2 км соответственно), а расстояние, выраженное в римских милях, приближено к дистанции между городами, измеренной по береговой линии (4,94 и 4,5 км), и разница между вычисленными расстояниями и реальными дистанциями (3,94 км; 4,2 км и 4,94 км; 4,5 км) оказывается почти пропорциональна (0,26 и 0,44 км), поэтому использовать эти данные для расчетов некорректно.

Общепринята локализация городища Тиритака на окраине Аршинцево (бывший Камыш-Бурун), около Керченского железно-рудного комбината. Перипл определяет расстояние между Пантикапеем и Тиритакой в 8 римских миль, что соответствует 11,8 км. Данное значение совпадает с расстоянием между обеими пунктами по линии побережья (11,6 км), в таком случае стадий Перипла составляет 197,4 м.

Полностью совпадает расстояние по линии берега между Нимфеем и Акрой с расстоянием, выраженным в милях, и при стадии, равном 197 м (соответственно, 12,8 км и 12,83 км).

Сильно разнятся полученные данные расстояний между Китеем и Киммериком, при этом разница между реальным рас-

стоянием и наибольшим, исчисляемым из римской мили (1481 м), и при стадии, равном 197 м, значительна. Разница составляет 2,6 км для спрямленной (морской) дистанции и 4,0 км для дистанции, учитывающей изгибы береговой линии. Если выбирать наиболее приближенные друг к другу данные, то формально следует отдать предпочтение расстояниям, выраженным в милях (и при стадии, равном 197 м) и по спрямленной (морской) дистанции. А если учесть то обстоятельство, что весь массив горы Опук тянется по берегу до городища Киммерик на длину около 3 км, разницу расстояний можно сократить.

Расстояние между Акрой (мыс Такыл) и Киммериком указано с учетом величины стадии 197 м, что, соответственно, совпадает с дистанцией, исчисляемой из значения в милях, однако с некоторым отклонением (2,3—3,1 км) от реальных расстояний (спрямленный и береговой маршруты). Однако это несовпадение также можно объяснить тем, что при определении расстояния могли не учесть саму величину береговой линии массива горы Опук. Кроме того, если учесть, что археологические памятники на Опуке были разбросаны по всему побережью, то не исключено, что древние мореплаватели принимали за Киммерик всю гору Опук, с расположенными на них памятниками. Кроме того, разница в расстояниях, вычисленных с учетом изгиба береговой линии, и спрямленной (морской) дистанции из-за относительно ровной линии берега на этом участке незначительна. Это затрудняет определение метода исчисления расстояния, использованного в Перипле. Однако формально более приближена к указанному в источнике расстоянию спрямленная (морская) дистанция.

Определение расстояний между устьем Боспора Киммерийского (по источнику — городище Порфмий) и Киммериком по-

казывает, что в источнике оно измерено по спрямленной (морской дистанции) в стадиях при стадии, равном 197,4 м, и оно совпадает с дистанцией между пунктами, вычисленной из указанных в источнике миль (57,2 км и 59,2 км).

Расстояние между Пантикапеем и Киммериком, составляющее, согласно Периплу, 240 стадий и 32 мили, при стадии, равном 197 м, совпадает со спрямленной (морской) дистанцией между указанными пунктами и составляет соответственно, 47,3 км и 46,9 км.

Расстояние между Киммериком (мыс Опук) и Казекой (мыс Чауда) по береговой линии совпадает с дистанцией указанной в стадиях, при стадии, равном 157,7 м (28,6 км и 28,3 км соответственно).

Абсолютно аналогичная картина характерна и для исчисления расстояний между Казекой и Феодосией. Расстояние по линии побережья между обоими пунктами составляет около 44,8 км, что близко к значению того же расстояния при стадии равном, 157,7 м — 44,1 км. При стадии, равном 197 м, разница между данными составит более 10 км. Вычисление расстояния по морской дистанции убедительно показывает, что этот метод в данных Перипла не использовался: разница даже при наименьшем значении стадии (157,7 м) очень значительна и составляет соответственно 32,4 км против 44,1 км.

На основании проведенных вычислений можно сделать ряд общих наблюдений. Во-первых, очевидно, что Анонимный автор Перипла Понта Евксинского при описании расстояний между пунктами интересующего нас участка побережья Керченского полуострова использовал разные, асинхронные, источники. Об этом свидетельствует использование стадиев разных величин: стадий, равный 157,7 м, использован при определении расстояний между Порфмием и Пантикапеем, Пан-

тикапеем и Мирмекием, Киммериком и Казекой, Казекой и Феодосией. В остальных случаях используется стадий, равный 197 м. Во-вторых, источники Анонимного автора при вычислении расстояния между пунктами использовали два метода его измерения: вдоль береговой линии и по спрямленному морскому маршруту. Морская спрямленная морская дистанция использовалась при вычислении расстояний между Китеем и Киммериком, Пантикапеем и Киммериком, устьем Боспора Киммерийского и Киммериком, Киммериком и Казекой. В остальных случаях древние географы учитывали конфигурацию береговой линии.

Таким образом, как мы видим, при использовании Перипла Анонимного автора для определения местоположения памятников недостаточно только пересчитать расстояния из стадиев в современные километры, как рекомендует М.В.Агбунов (Агбунов, 1992, с.30). Приведенные же в Перипле расстояния не могут быть механически использованы для уточнения локализации памятников.

Таким образом, согласно Периплу, расстояние между устьем Боспора и Киммериком, Пантикапеем и Киммериком, Киммериком и Казекой, Казекой и Феодосией должно соответственно составлять около 59,2; 47,3; 28,3 и 44,1 км. Наиболее точно совпадают расстояния между м. Чауда и Киммериком и Феодосией, которые *по линии берега* (выделение мое — В.Г.) соответственно равны 28,8 км и 48 км. Отсчет же расстояния 59,2 км «от Пантикапея до Киммерика» по выпрямленной сухопутной дистанции указывает на местность в окрестностях озера Качик⁹ и горы Дюрмень (около 60 км, сухопутная дистанция между Керчью и Опуком по имеющимся в настоящее время шоссейным и грунтовым дорогам составляет порядка 45—46 км). В.Ф. Гайдукевич полагал, что

расположенное «поблизости» (в 5,5 км северо-восточнее-восточнее от мыса Чауда) озеро Качик в древности было морским заливом, в котором могла располагаться гавань города (Gaydukevich, 1971, p. 203). Данное предположение достаточно спорно и требует проверки с проведением специальных исследований по изучению морфологии этого соленого озера, а также детальных разведок.

В настоящее время озеро Качик представляет собой значительно более мелкий, чем близлежащие озера Узунлар и Кояш, постоянно пересыхающий водоем¹⁰, сезонно пополняющийся атмосферными осадками и изредка морскими водами штормовых нагонов. Если допустить сходную морфологию Кояшского, Узунларского и Качикского озер, то образование мелководного залива на месте озера Качик в интересующее нас время пришлось лишь на первую половину — середину I тыс. н.э., в то время как в античный период, на который приходится т.н. фанагорийская регрессия Черного моря, на месте озера должна была располагаться обширная балка.

Наиболее позднее из известных упоминаний Киммерика (под именем Киверник) зафиксировано в сочинении византийского императора Константина Багрянородного (945—959 гг.) «Об управлении Империей». Описывая события последней херсон-боспорской войны, основанные, судя по всему, на данных херсонесских хроник, Константин Багрянородный отмечает, что в результате поражения боспорян последняя граница Боспора в IV—VI вв. н.э. пролегла через этот город. Об этих событиях и месте Киммерика в этом эпизоде боспорской истории речь пойдет ниже.

С горы Опук известны единичные эпиграфические памятники. Впервые о находке мраморной плиты с трехстрочной надписью упоминает редактор «Записок

Одесского общества истории и древностей», который, пересказывая письмо П.А.Дюбрюкса И.П.Бларамбергу от 16 марта 1828 года, сообщает: «Далее следует приписка о делах домашних, которая считается лишнею здесь, но в конце на особом клочке бумаги сказано: в мусоре найден кусок белого мрамора с надписью в три строки, я перенес его в верное место до вашего приезда... находку сделал брат мой» (Дюбрюкс, 1858, с.73). К сожалению, из текста письма не совсем ясно, где была совершена эта находка — на западном городище или на цитадели, расположенной на вершинном плато горы Опук. Дальнейшая судьба этого эпиграфического памятника неизвестна.

Это не единственная эпиграфическая находка с Опука — так вторая надпись — надпись фиасов, выполненная из известняка и датируемая не ранее III в.н.э., была обнаружена в 1910 году кладовщиками около мыса Элчин-Кале (городище Киммерик) (КБН, С. 528, № 946). Надпись ныне хранится в Керченском музее, впервые она была переведена и издана В.В. Шкорпиллом (1911, С.92, №1). Надпись гласит: «Перисалу, сыну Косуса, поставили эту стелу Эвда и остальные члены синода». Религиозно-культурные объединения типа фиасов на Боспоре создавались, как правило, в городах, имевших статус полиса. Они известны в Пантикапее, Мирмекии, Зеноновом Херсонесе, Фанагории, Горгиппии и Мирмекии. Одной из политических функций фиасов была помощь центральной власти в формировании из жителей городов и округа гражданского ополчения (Ростовцев, 1989, с.201).

Еще одна случайная эпиграфическая находка, по сообщению одного из старожилов пос. Марьевка в 1994 году, была сделана на пашне между горой Опук и упомянутым поселком в 70-е годы XX века. Она представляла собой прямоуголь-

ную мраморную плиту длиной не менее 1,0 м. Однако ее нынешнее местонахождение так же неизвестно, и то, были ли на этой плите какие-либо надписи или скульптурные изображения.

И наконец, следует упомянуть о случайной эпиграфической находке, сделанной автором и А.В. Джановым под стенами крепости на вершинном плато г. Опук. Этот памятник не только подтверждает сообщение Константина Багрянородного о перенесении границ позднеантичного Боспора на линию Узунларского и Кояшского валов, но и позволяет поднять вопрос об определенной древнегерманской прослойке населения позднеантичного и раннесредневекового Боспора, сохранившей свои традиции и духовную культуру. Так, непосредственно под южной оконечностью западной куртины крепости, в гроте на скальном уступе, расположенном 3,0 м ниже основания куртины¹¹, авторами был обнаружен фрагмент прямоугольной стелы с рунической надписью (Рис. 52). Грот использовался жителями татарской деревни Опук как пастушье убежище и был отгорожен от обрыва заградительной стенкой, сложенной из камней, вероятно, сброшенных на уступ с развалов куртины и с внутренней территории крепости. Именно среди развала камней этой ограды и была обнаружена стела. Топографические условия, а именно то обстоятельство, что грот расположен на краю 15-метрового обрыва юго-восточной части плато, не позволяет допустить, что стела была привнесена сюда из какого-то иного места. Неравномерное распределение лишайников на поверхности плиты, большая плотность которых приходится на ее верхнюю часть, придав ей иной оттенок, говорит о том, что нижняя часть плиты долгое время находилась в грунте (кладке) и не контактировала с атмосферой.

Прямоугольная стела размерами 0,62—0,34 x 0,49 x 0,20 м выполнена из мшанкового известняка, верхний правый край ее утрачен. На внешней стороне расположен солярный знак в виде равноконечного креста, помещенного в круг, разметка которого была произведена при помощи циркуля, следы от иглы которого сохранились в центре креста. Под крестом располагалась однострочная руническая надпись [ᚠᚱᚱ], вырезанная рельефно. Высота рун надписи составляет 0,15 м, ширина линий знаков — 0,025 м, глубина рельефа — 0,005—0,009 м. Опускская руническая надпись составлена из определенного набора рун старшего 24-значного футарка, который употреблялся древнегерманскими племенами в III—VII вв. Найденная стела бесспорно относится к языческому периоду германцев Восточного Крыма, поскольку, согласно сообщениям Иоанна Златоуста, к концу IV в. боспорские германцы уже были христианами. Учитывая же последнюю датировку крепости на г. Опук, стелу можно датировать временем между второй и третьей четвертями IV в. Надпись не поддается прямому переводу и, возможно, имеет магическое назначение (Голенко, Юрочкин, Сицько, Джанов, 1999, с. 77—97). Предварительная публикация этого уникального эпиграфического памятника по понятным причинам закономерно вызвала определенную полемику. Так, Шалыга Д.А. датирует надпись временем не ранее VI в.н.э., относит ее к готам, осевшим на Боспоре, и сомневается, что она могла быть выполнена мастером-германцем (Шалыга, 2000, с. 205—207). Однако, не вдаваясь в дискуссию по сложной этнической ситуации, сложившейся в Северном и Северо-Западном Причерноморье, следует заметить, что римские авторы распространили название готы на весь «конгломерат варварских племен»,

вторгавшихся в пределы Империи с III — IV вв. н.э. (Гуднова, 1999, с. 124).

* *
*

В нашем обзоре письменных и эпиграфических источников невозможно обойти вниманием важную источниковедческую и историографическую проблему. Она связана с одним из свидетельств Страбона (I в. до н.э. — I в. н.э.), которое посвящено азиатскому Киммерию [XI, II, 4—5]. Данное свидетельство довольно противоречиво и вокруг него до сих пор не прекращаются споры, но оно остается крайне актуальным для боспорской истории, особенно в свете находки на афинском Акрополе псефизмы (податного списка) I Афинского морского союза, датированной 425/424 гг. до н.э. В этой надписи в числе городов Эвксинского податного округа предположительно упоминается Киммерик [IG, I 2, 63; впервые опубликована Келером (Koehler, 1870, 56, 111)]. В СССР этот эпиграфический памятник специально исследовался С.А. Жебелевым [Жебелев, 1934, с. 25—26]¹² и был издан Б.Н. Граковым [Граков, 1939, с. 237—238]. Публикация этой надписи, в которой содержится перечень и размеры взносов городов-членов союза, вполне естественно, вызвала вопрос: какому из двух боспорских городов отдать предпочтение — европейскому Киммерики или азиатскому Киммерии и какой из этих двух городов в период независимости от Пантикапея был полноправным греческим полисом. В этой ситуации исследователи вновь оказались вынужденными апеллировать к оговорке Страбона, упоминавшего данные города.

Страбону и его творчеству, а также анализу основных источников по Северному Причерноморью в его «Географии» посвящена обширная литература (наиболее фундаментальным исследованием,

бесспорно, следует назвать исследование Л.И. Грацианской ««География» Страбона. Проблемы источниковедения» [1988]), поэтому я позволю себе ограничиться лишь фактологической стороной данной проблемы. Несмотря на добросовестность труда Страбона¹³ и его довольно надежные источники¹⁴, в описании Киммерика чувствуется некоторая неуверенность автора: описывая селение Киммерик (Киммерий, Киммериду) на азиатском берегу, он в следующем параграфе оговаривается, что «в прежнее время Киммерик был городом на полуострове и запирал перешеек рвом и насыпью» [Strabo, XI, 2, 5].

В последние годы дискуссия по поводу «исторического отступления Страбона» и на тему принадлежности сведений древнего географа к тому или иному центру — европейскому Киммерики или азиатскому Киммерии — приобрела новый виток. О.Н. Усачева и Г.А. Кошеленко полагают, что это свидетельство Страбона всецело относится к азиатскому, а не к европейскому Киммерики. Они считают, что, помимо В.Ф. Гайдукевича, некоторые другие исследователи пошли по ложному пути, считая, что Страбон использовал сведения о двух разных центрах (Усачева, Кошеленко, 1994, с. 68). Недавно эта проблема вновь была поднята и подробно проанализирована А.А. Завойкиным. Будучи активным сторонником «азиатской версии», автор выдвинул собственную оригинальную аргументацию, которая при всей добросовестности анализа источников далеко не безупречна. Ничего принципиально нового для дополнительной локализации обоих центров не внес подробный анализ римских картографических источников (Подосинов, 2003).

Итак, рассмотрим логику построений А.А. Завойкина. Первым пунктом своих доказательств автор приводит тезис, что «то, что, по нашим представлениям, ме-

стоположение Киммерика «как нельзя лучше подходит к Киммеру ... у горы Опук (по словам В.Ф.Гайдукевича — А.З.)», что не отрицает само по себе вероятности, что нелокализованный азиатский город «подходит» под описание Страбона» (Завойкин, 1999, с.131). С подобной аргументацией спорить сложно, и иначе как научным экстремизмом подобный подход назвать трудно. Далее в ссылке «на представление» автора о местоположении Киммерика (Завойкин, 1999, с.135, ссылка 14) А.Завойкин отмечает, что под «полуостровом» Страбона в отрывке VII, 14 его «Географии» речь идет о «Большом Херсонесе», т.е. о самом Крымском полуострове. Это действительно так, однако с утверждением, вскользь высказанным В.Г.Зубаревым и повторенным А.Завойкиным, о том, «что авторы, исключая Геродота, «не выделяют в Крыму Керченский полуостров», и под «перешейком» Страбона (как следует из логики автора) нужно принимать лишь элементы рельефа Таманского, но не Керченского полуострова, трудно согласиться, ибо еще во времена Эсхила Керченский полуостров рассматривался как полуостров с перешейком. Так, описывая злоключения Ио, путь которой лежал из Европы в Азию через пролив, согласно античной традиции назван «в память о ее пребывании в киммерийской земле» Боспором, Эсхил словами Прометея говорит:

«Ты выйдешь к перешейку Киммерийскому»

*К воротам узким моря, безбоязненно
Пересечешь теснину меотийских
вод...»*

(перевод Керасиди, 1999, с. 101—102).

Клавдий Птолемей, которому принадлежит наиболее подробный перечень боспорских населенных пунктов, городов и основных географических реперов, а также их координаты, при описании ази-

атской стороны Боспора упоминает лишь мыс Киммерий и ничего не сообщает о наличии в его окрестностях каких-либо полуостровов и перешейков. Здесь важно отметить, что древние авторы, говоря о Боспоре, его европейской части, часто применяют термин «полуостров», который чаще ассоциируется как с самим Керченским полуостровом, так и с Крымом вообще. Как известно, на визуальном расстоянии от европейского Киммерика у северной оконечности Узунларского озера завершается знаменитый Узунларский (Асандров? — В.Г.) (Аккосов) вал с глубоким рвом. Не только по древним, но и по современным представлениям, это внушительное инженерное сооружение, пересекающее весь полуостров. Мною неоднократно был обследован земляной вал и ров античного времени в непосредственной близости от европейского Киммерика — на перешейке Кояшского и Узунларского озер. Это сооружение является логическим завершением Асандрова вала, замыкая на Киммерике, единую оборонительную систему восточной части Керченского полуострова и защищая единственный береговой проход с запада между акваториями обоих озер. Хотя и вал, и ров значительно пострадали от современного землепользования, они отчетливо различимы на аэрофотосъемке, а в микрорельефе прослеживаются в виде насыпи высотой до 1,2 м и ложбины глубиной до 1,1 м. Функциональное назначение этого сооружения не вызывает сомнений: его южная оконечность на берегу Кояшского (Элькенского) озера фланкирована поселением эллинистического времени, а с восточной (внутренней) стороны к валу примыкают остатки культурных напластований трех уничтоженных вспашкой селищ хоры Киммерика. Вероятно, в ходе трансгрессии Черного моря на рубеже — в первой половине I тыс.н.э. оба озера, в период регрессии бывшие балками, мог-

ли превратиться в морские заливы и стать естественными преградами на линии Узунларского вала. Возможно, поэтому у Асандра не возникло необходимости восстанавливать вал и ров на перешейке обоих озер, хотя сигнальный пост на вершине одного из отрогов г. Кончек, обнаруженный нами, продолжал функционировать. Важно заметить, что в период трансгрессии зеркало Узунларского озера (читай: залива), вдающегося в сушу более чем на 10 км, со стороны моря усиливало впечатление о Киммерике как о городе, расположенном на перешейке (между Узунларом и огромным Казантипским заливом). Это позволяет говорить, что отступление Страбона целесообразно относить именно к европейскому Киммерику, поскольку его географическое положение не противоречит описанию Страбона, а стратегическое значение этого города в оборонительной системе Боспора очевидно. Здесь важно отметить и то, что Киммерик является единственным городом на линии этого оборонительного сооружения. Кроме того, Страбон черпал свои знания о Боспоре не из собственного опыта, а из произведений других авторов, в частности Гипсикрата Амисского, и неизвестно, какой перешеек и какой из двух городов имел в виду первоисточник Страбона.

Следует отметить, что во времена Страбона интерес древних авторов к Боспору имеет больше геополитический оттенок, нежели географический, а наиболее популярными географическими объектами Боспора для древних авторов многие столетия остается сам пролив — Боспор Киммерийский и «озеро» Меотиды, которым уделяется особое внимание. Если мы обратимся к тексту Страбона, то можно отметить, что в масштабах труда древнего географа Керченский полуостров представляется лишь малой частью земель, подвластных боспорским тиранам. Отсю-

да следует и краткость его описания. Схема описания европейской части Боспора у Страбона такова: описание богатой хлебом и располагающей прекрасной гаванью Феодосии с указанием расстояния до Пантикапея; при этом обо всем Керченском полуострове Страбон скупно говорит лишь следующее: «Вся эта область хлебородна; в ней есть селения и город с прекрасной гаванью под именем Нимфей» [Strabo, VII, IV,4], при этом, как и при описании Пантикапея, Страбона интересует в этом городе в первую очередь наличие хорошей гавани. Кроме того, великий географ вряд ли мог обойти вниманием этот город, который в античной письменной традиции занял значительное место в эллинской истории благодаря бурно обсуждавшимся в античной историографии событиям, связанным с изменой Гелона. Об остальных пунктах Керченского полуострова включая поселения и города азовского побережья Страбон полностью умалчивает. Далее идет описание устья Меотиды — Боспора Киммерийского, затем упоминается Фанагория как самый ближний, с его точки зрения, город в Азии. Далее следует река Танаис с расположенным на ней эмпорием варваров, которая, как и Боспор Киммерийский, отделяет Европу от Азии, чем и важна для повествования Страбона. Следующий пассаж возвращает нас к городам Мирмекий и Парфений, который упомянут Страбоном только лишь потому, что первый лежит при входе в Киммерийский Боспор, а второй — располагается у самой узкой части пролива. Далее Страбон дает характеристику всего Крымского полуострова, отмечая, что им владеют правители Боспора, и вновь замечает, что равнинные части Таврики богаты хлебом, затем вновь возвращается к богатству хлебом Феодосии, сообщает о строительстве Асандром стены на перешейке полуострова с целью защиты земель от варваров,

упоминает города и укрепления Скилура и его сыновей и завершает обзор кратким рассказом о крепостях и гаванях Северо-Западного Крыма. Таким образом, как мы видим, информация Страбона о Керченском полуострове крайне скудна и особый акцент делается, в первую очередь, на плодородие земель полуострова, наличие больших удобных гаваней и на особое географическое положение того или иного центра в системе пролива Боспора Киммерийского. В этом отношении показательно упоминание Страбоном Акры — ее нет, как мы помним, в описании пространства между Феодосией и Пантикапеем, однако это «маленькое селение... в области пантикапейцев» фигурирует при описании азиатской части Боспора [Strabo, XI, II, 8]. Такое внимание Страбона к маленькому селению на европейской стороне пролива (подобно Киммерийскому селению на азиатской) обусловлено лишь тем, что оно располагалось в устье пролива напротив Корокондамы, замыкавшей Боспор Киммерийский на юго-восточной, азиатской стороне [Strabo, XI, II, 8]. Следуя этой же схеме в предшествующем абзаце Страбон, описывая Ахиллеон, вторично упоминает расположенные на противоположном берегу пролива Мирмекий и Парфений, а также Гераклий. Поэтому нет ничего удивительного в том, что при столь пристальном внимании Страбона к району пролива и достаточно сжатой характеристике Керченского полуострова информация о других населенных пунктах европейского Боспора, включая Киммерик, отсутствует. Кроме того, следует заметить, что Европейский Киммерик располагался достаточно далеко от устья пролива и в его системе не играл существенной роли. В целом, приводимые Страбоном сведения о европейской части Боспора обнаруживают достаточно скромные познания Страбона географии этого государства.

Если отбросить экскурсы Страбона в область политической истории Таврики и ее этнографии, собственно географические данные всего Крымского полуострова окажутся достаточно поверхностными. К подобному же выводу, но относительно Таманского полуострова, недавно пришел и Ю.В.Горлов, который отмечает, «что Страбон и его источники довольно смутно представляют географию азиатской части Боспора и Синдики» (Горлов, 1999, с.47). Что же касается интереса Страбона к азиатскому Киммерийскому селению, то он обусловлен лишь тем, что оно «является отправным пунктом плавания по озеру (Меотиде — В.Г.)», подробное описание берегов которого приводится в том же параграфе.

Вторым аргументом своей версии об отступлении Страбона А.А.Завойкин выдвигает следующую мысль: поскольку реконструкция древней береговой линии Таманского полуострова дискуссионна, трудно отрицать наличие там в древности перешейка и соответственно города. Я не могу согласиться с автором, что в последние десятилетия ни серьезных геоморфологических, ни тем более специальных палеогеографических исследований на Таманском полуострове не проводилось. Недавнее исследование Я.М.Паромова¹⁵ по палеогеографии Таманского полуострова (Паромов, 1997) снимает многие противоречия в наших знаниях исторической географии азиатского Боспора.

Весьма противоречивым в «азиатской версии» выглядит утверждение, что «Киммерик был городом, построенным на полуострове (азиатского Боспора; здесь и далее разрядка моя — В.Г.) и замыкавшим перешеек валом и рвом» [Strabo, XI, 2,5], ибо закономерно возникает вопрос: стали к тому времени Таманский полуостров полуостровом, на котором А.А.Завойкин пытается локализовать полис Киммерик?

Этот пассаж Страбона поднимает слабо изученную проблему палеогеографии Таманского полуострова в историческое время. Так же неоднозначно оценивается и величина трансгрессии Черного моря за последние 2500 лет (Блатовский, 1940, с. 298; Невесский, 1957; Зенкович, 1858; Беренбейм, 1959; Шилик, 1975; Паромов, 1994; 1997; Горлов, 1996 etc). Все это вынуждает опираться на разобщенные сведения геоморфологии и археологии, а исследование Я.М.Паромова (1997) остается библиографической редкостью. Конспект исследований по геоморфологии Таманского полуострова представлен в работе Ф.В.Шелова-Коведяева (Шелов-Коведяев, 1985, с. 33—37). Пока мы можем лишь предполагать, пишет автор, что «... в античное время на месте полуострова располагались пять отдельных островов, разделенных проливами (протоками-рукавами) Кубани, по которым можно было свободно плавать...», кроме того «...следует признать, что таманские берега сильно изменили свои очертания со времен античности...» и «...есть все основания полагать, что древний таманский берег был более расчлененным, изрезанным и имел значительно больше удобных бухт и мысов для поселения» (Шелов-Коведяев, 1985, с. 34, 36, 37). Исследования последних лет не внесли согласия у исследователей в реконструкции палеогеографии Таманского полуострова: так, например, Я.М. Паромов полагает, что современный Таманский полуостров представлял собой в античное время архипелаг из пяти островов (Паромов, 1994, с. 6; 1997; Шилик, 1975). Ю.В. Горлов реконструирует Тамань I тыс. до н.э. как единый островной массив (Горлов, 1996, с. 71). Так или иначе, на одном из островов — Киммерийском острове (название современное и условное) — исследователи предположительно локализируют азиатский Киммерий (Латышев, 1909,

с. 63; Завойкин, 1997; Зубарев, 2000, с. 24 — 25).

Современная периодизация изменений уровня Черного моря в историческое время не дает нам точного ответа на вопрос, когда Тамань стала полуостровом, обозначая лишь тенденции этого процесса в сильно размытых для историков хронологических рамках. Однако наблюдения, сделанные Я.М.Паромовым при визуальном знакомстве с памятниками, дешифровке аэрофотосъемки, в ходе работы с топографическими материалами, позволяют сделать ряд предварительных заключений и определить главные тенденции процессов (подробнее см.: Паромов, 1997). Исходя из рассуждений Страбона в 1-й книге «Географии» о причинах обмеления Понта [Strabo, 1,3,4 и далее], можно заключить, что описываемые процессы относятся к заключительной фазе фанагорийской регрессии или к пограничному этапу этой регрессии и нимфейской фазы трансгрессии. Тем не менее это также не позволяет нам с полной уверенностью утверждать, что Тамань в этот момент была полуостровом. Сопоставим сведения авторов. Так Псевдо-Скимн пишет, что «при самом выходе из устья (пролива — В.Г.) лежит город Киммериды и Кеп, основанный милетянами» [Ps.-Scymn., 896—899]. Это замечание говорит о том, что в то время Корокондамское озеро (Таманский залив — В.Г.) благодаря одной из протоков Гипаниса, протекавшей около городища Кепы, было открыто со стороны Азовского моря; иначе не было смысла, описывая устье, упоминать город, расположенный в настоящее время в глубине Таманского залива (См. также Зубарев, 1999, с. 124). Псевдо-Скимн характеризует указанную местность как остров «недоступный, с одной стороны, вследствие болот, речек и топей, находящихся на противоположной стороне от моря, и с другой — благодаря морю

и озеру (по контексту — Меотида — В.Г.) [Ps.- Scymn., 890—895]. Сам Страбон также указывает на существование островов, на одном из которых лежат Фанагория и Кепы «по левую руку для плывущих в озеро» [Strabo, XI,2,10], утверждая, что один рукав Антикита (Гипаниса, Кубани — В.Г.) образует этот остров, который омывается водами озера (Таманского залива — В.Г.), Меотиды и самой рекою [Strabo, XI,2,9 — 10]. Достаточно сходная информация содержится и в «Землеописании» Помпония Мелы [Pomp. Mela. De chorogr., I,112]. Другой автор — Александр Полигистр (II — I вв. до н.э.) в сочинении «Об Эвксинском Понте» также упоминает два рукава Гипаниса, изливавшихся в Меотиду [fr.39]. Островное положение Тамани упоминают Дионисий и Стефан Византийский. Аммиан Марцеллин сообщает о двух островах — острове Фанагора и Гермонассы [Amm. Marc., XXII, 8, 30]. И лишь один только Плиний Секунд говорит о Тамани как о полуострове [Plin., NH,VI,18], хотя это не свидетельствует, что упомянутая протока уже перестала существовать.

Таким образом, мы можем считать, что во времена Псевдо-Скимна и Страбона у древних авторов не было достаточных оснований называть современный Таманский полуостров полуостровом, поскольку понятие «остров», как мы видим, проходит почти через большинство источников. В качестве исторического курьеза, связанного с очередным этапом трансгрессии Черного моря, мы посмеем упомянуть также и Указ Императрицы Екатерины II о присоединении Крыма к Российской Империи, в котором Тамань именуется островом.

Изменение береговой линии и трансгрессия Черного моря затрудняют в настоящее время локализацию азиатского Киммерия, что и породило длительную дискуссию. Ф.Дюбуа де Монпере располагал

город на месте батарейки около пос. Ильич (1834, Р. 44), Ф.Жиль — в основании Северной косы (1854, с. 54), Я.М.Лазаревский — около пос. Кучугуры (1861, с. 31), В.В.Латышев — на северном побережье современного Фонталовского полуострова (1890, карта). Если под «полуостровом» подразумевать современный Фонталовский (Фонтановский) полуостров, то местоположение азиатского Киммерия могло быть (с учетом реконструкции древней береговой линии) в районе Кучугурского поселения, что предполагал в свое время Башкиров¹⁶ (Башкиров, 1927, с. 34). В.Ф.Гайдукевич подверг критике эту гипотезу, как и гипотезу Войцеховского (Войцеховский, 1929, с. 9) (помещавшего Киммерий на берегу современного Динского залива¹⁷), отметив, что эти предположения не соответствуют указаниям древних авторов, помещавших город в меотийском устье пролива (Гайдукевич, 1949, с. 516, сссылка 119). В.Д.Блаватский с известной долей сомнения помещал Киммерий на месте городища около хуторов (Фонталовский полуостров) (Блаватский, 1941, с. 222) или же около бывшего хутора Назарова (Блаватский, 1954, с. 23). Даже с учетом изменений береговой линии и колебаний уровня Черного моря, иного перешейка, кроме как участка в районе современной пересыпи Ахтанизовского лимана, на азиатском берегу нет (современный Динский залив представляет собой более позднее новообразование). Клавдий Птолемей однозначно локализует одноименный мыс Киммерий на азиатском берегу рядом с Апатуром и Ахилием [Ptol., V,8,2]. Вряд ли Страбон имел в виду и перешеек самого мыса, ибо в этом случае мыс должен иметь внушительные размеры, что не согласуется с палеогеографией и современной географией Таманского полуострова. Однако из описания Плиния, который однозначно указывает, что Киммерий расположен у

устья пролива со стороны Меотиды, и из локализации одноименного мыса Клавдием Птолемеем можно предполагать, что этот центр располагался где-то северо-западнее пос. Кучугуры, но не южнее Ильичевского городища — на побережье Азова, где, пожалуй, единственно могли располагаться в древности два-три небольших мыса. Даже с учетом изменения береговой линии в ходе береговой абразии и подъема уровня Черного моря (Паромов, 1999, с. 90; Никонов, 1998, с. 88—95) в древности иного перешейка, кроме как участка в районе пересыпи Ахтанизовского лимана, на азиатском берегу нет¹⁸, а существующие ныне мысы этой части побережья Тамани крайне малы для размещения здесь города с серьезной линейной системой обороны. В последнее время к идее локализации азиатского центра в районе поселка Кучугуры пришел Ю.М.Десятчиков, который полагал, что иного места для этого города на Фонталовском побережье нет (Десятчиков, 1993, с. 32). И хотя Клавдий Птолемей однозначно локализует *мыс* Киммерий на азиатском берегу рядом с Апатуром и Ахиллием [Ptol., V, VIII, 2], который В.Г.Зубарев помещает на современном мысе Каменный (Зубарев, 1999, с. 143), вряд ли Страбон имел ввиду и перешеек этого мыса, ибо в этом случае мыс должен иметь очень внушительные размеры, что не согласуется с палеогеографией Таманского полуострова. С другой стороны, проведенные в последнее время на Таманском полуострове археологические разведки не выявили ни новых крупных городищ, ни валов, ни рвов, в чем А.А.Завойкин признается в другом своем исследовании (Завойкин, 1999, с. 228, 232). Единственным достоверным валом, известным под именем «Киммерийский»¹⁹, на Фонталовском полуострове является вал, тянувшийся со стороны Азовского моря вдоль старого русла Кубани, впадавшего в

древности в Азовское море в районе пос. Пересыпь, и расположенный напротив городища Кепы. Однако еще Гайдукевич усомнился в военном назначении вала, справедливо относя его к гидротехническим сооружениям (эту точку зрения поддержал также и Н.И.Сокольский в работе, посвященной системе обороны Боспора, — 1957, с. 95), защищавшим «низменные части Фонталовского полуострова от разлива вод (а также от засоления и размыва почв этих частей острова в ходе сезонных и катастрофических нагонов со стороны Азовского моря, продолжающихся здесь и по сей день — В.Г.), проходивших по одному из ныне несуществующих протоков Кубани. Следы последнего хорошо прослеживаются в настоящее время вдоль вала» (Гайдукевич, 1949, с. 207). Здесь же Гайдукевич отмечает, что указанный вал не имеет следов рва, о котором сообщает Страбон²⁰. В числе современных исследователей Я.М.Паромов также не сомневается в гидротехническом назначении этого вала и полагает, что «повышением уровня моря была вызвана необходимость в возведении в I в. до н.э. Киммерийского вала» (Паромов, 1999, с. 90). Отметим, что подобные гидротехнические сооружения в виде вала и рва, защищавшие пахотные земли от речной стихии, были известны в древности, в частности, в Древнем Риме. Так, известный римский ученый и писатель Теренций Варрон (116—27 гг. до н.э.), описывая в своем трактате «О сельском хозяйстве» виды оград, к которым причисляет валы и рвы, пишет: «Третий род ограды — ров и земляная насыпь. Ров удобен, если он способен вместить всю воду, проливающуюся с неба, или если он имеет наклон для стока этой воды. Насыпь хороша такая, которая примыкает к внутренней стенке рва или настолько крута, что перебраться через нее нелегко. *Такого рода ограждения делают вдоль*

проезжих дорог и вдоль рек. На Соляной дороге, в Крустумерийском округе, можно кое-где увидеть сплошные насыпи со рвами, устроенные для того, чтобы река не вредила полям...» [I, 14,2—3, выделение мое — В.Г.]. Если приведенная Я.М.Паромовым дата возведения Киммерийского вала на Фонталовском полуострове верна — I в. до н.э. (Паромов, 1999), то он, соответственно, не может иметь никакого отношения к дострабону Киммерику и его оборонительной системе, ни хронологически, ни тем более территориально, ибо его остатки находятся слишком далеко от предполагаемого местоположения этого поселения. Кроме того, статус Киммерийского селения слишком уж мал для привязки к нему единственного вала всего Фонталовского полуострова.

Археологические реалии, которые таверическая земля сохранила до наших дней, показывают, что в числе обнаруженных к настоящему времени на Керченском и Таманском полуостровах памятников Боспора только один Европейский Киммерик²¹ у горы Опук располагался в системе мощнейшей системы линейной обороны Боспора — знаменитого Узунларского (Аккосова) и Кояшского валов и рвов, запирая линию валов на черноморском побережье. Не только по древним, но и по современным меркам это внушительное инженерное сооружение, пересекающее весь полуостров, которое вряд ли могло быть обойдено вниманием древних авторов, тем более при географических описаниях Боспора.

В ходе недавних исследований автора были детально обследованы следы Кояшского земляного вала и рва на перешейке Кояшского и Узунларского озер (см. раздел II.5.A), непосредственно около самого Киммерика (Голенко, 1991). Этот отрезок вала бесспорно входит в единую оборонительную линию Аккосова вала,

отделяющего восточную часть полуострова, замыкая его с юга в месте, где имелся единственный проход между акваториями обоих озер (Рис.2). Если принять во внимание трансгрессию Черного моря, в результате которой уровень моря к первым векам н.э. достиг современных показаний и даже превысил их, то во времена Страбона Узунларское озеро, в наши дни вдающееся в сушу почти на 10 км, бесспорно было уже озером или, возможно, морским заливом. В этом случае *со стороны моря зеркало Кояшского и Узунларского озер бесспорно усиливало впечатление от Киммерика как от города, расположенного на перешейке* (одном из — В.Г.) полуострова (выделение мое — В.Г.). Н.И. Сокольский, также придерживавшийся версии, что пассаж Страбона относится именно к Европейскому Киммерику, и отмечал, что если Узунларское озеро в рассматриваемое время уже представляло собой залив, это обстоятельство усиливало его полуостровное положение (Сокольский, 1957, с.95).

Трудно также принять утверждение О.Н.Усачевой и Г.А.Кошеленко, что «азиатская версия» прямо подтверждается свидетельством Клавдия Птолемея [Ptol., V,VIII,5], «у которого Киммерик присутствует т о л ь к о (разрядка моя — В.Г.) как географическое понятие — «мыс Киммерий» (Усачева, Кошеленко, 1994, с.67). Птолемей, описывая города, расположенные внутри Херсонеса Таврического (Крымского полуострова), упоминает европейский Киммерик в числе ряда уже локализованных и неизвестных пунктов — Портакры, Биона, Илурата, Сатархи, Бадатия, Китея, Тасоса, Аргоды, Табаны [Ptol., III,6,5], о чем, кстати, и пишут в своей статье указанные авторы несколькими абзацами ниже (Усачева, Кошеленко, 1994, с. 68). В то же время мыс Киммерий действительно как географическое поня-

тие автор помещает на азиатском берегу [Ptol., V, VIII, 2] «за устьем реки Танаис» между устьем реки Вардана (совр. Кубань — В.Г.) и Апатуром.

Следующий тезис в аргументации А.А.Завойкина основан на мысли, что после захвата Спартокидами территорий на азиатской стороне пролива город Киммерий мог быть не столько основан, а переоснован «боспорскими тиранами» на месте более раннего полиса, который мог в последней трети V в. до н.э. быть членом Афинского морского союза. Действительно, практика переоснования городов в результате их переподчинения новым правителям или потери независимости была известна в античном мире, она получила наибольшее распространение в эллинистическое время — со времени Александра Македонского и его преемников. Но даже если принять идею о переосновании Киммерика Спартокидами в период, когда города азиатского Боспора утратили свою независимость, то невозможно игнорировать важное свидетельство Плиния Секунда, который отмечает, что ранее Киммерий носил иное название — Керберий [Plin., NH, VI, 18]. Свое новое название — Киммерий — он получил, вероятно, уже будучи «царским» городом, а в этом статусе он, естественно, не мог участвовать в Афинском морском союзе как независимый полис. В этой связи мне кажется крайне важным наблюдение С.А.Жебелева: «Перипл Псевдо-Скимна определенно называет город (Кепы — В.Г.) милетской колонией (*т.е. подчеркивая ее полисное происхождение* — В.Г.), противопоставляя ее соседившей с ней Киммериде, основанной боспорскими правителями» (Жебелев, 1953, с. 68). Ю.М.Десятчиков полагает, что азиатский город был основан уже в ходе государственной колонизации Боспором прилегающих к проливу земель и не мог быть самостоятельным полисом.

Эти события он датирует временем не ранее начала V — IV в. до н.э. (Десятчиков, 1993, с.32).

Как полагает А.А.Завойкин, вставка Страбона в текст описания Киммерика пассажа о вале и рве и о прежнем местоположении города может носить источниковедческий характер, а не являться оговоркой «в смысле композиционном». Сам автор отмечает, что Страбону было свойственно сопоставлять данные различных источников. Л.И.Грацианская выступила с более категоричной характеристикой Страбона, позволяющей допустить смешение различных сведений о разных объектах в одном: Страбон «не только стилистически обрабатывал компилируемое, но и перерабатывал его в соответствии со своими вкусами, взглядами и целями, при этом часто работал по памяти и комбинировал разные типы источников» (Грацианская, 1988, с. 139; выделение мое — В.Г.). Что касается целей труда Страбона в части, посвященной Боспору, то, как я уже отмечал выше, Страбону в данном контексте важнее было сообщить информацию о Меотиде, Керченском проливе, его границах и узловых пунктах, нежели сообщать о каких-то других объектах, о которых он также имел некоторое представление (например, выпадение из системы описания отдельных мелких пунктов и их ассоциативное упоминание в частях книги, с ними не связанных — см. выше и ниже). Как бы то ни было, будь то композиционная вставка или источниковедческий экскурс, Страбон, бесспорно, изящно обходит проблему сосуществования в античной географии Боспора двух созвучных центров, один из которых в его время мог лежать в руинах после землетрясения 63 г. до н.э.

Рассуждая далее, А.А.Завойкин, опираясь на уже упомянутое исследование Л.И.Грацианской, отмечает, что древний

географ не мог спутать «город» и «селение», пусть даже со сходным названием, по их административно-правовому статусу, и, заключает он, «не может быть и речи о том, что Страбон механически (по сходству названий) спутал *город* Киммерик и Киммерийское *селение*». Более того, отмечает далее А.А.Завойкин, городу Киммерики нет места в описании Европейского Боспора Страбоном. «Географ сообщает, что между Феодосией и Пантикапеем есть только один полис — Нимфей» (Завойкин, 1999, с.132). О «невнимании» Страбона к городам Европейского Боспора и его акценте на города, располагающие крупными гаванями или расположенные в районе пролива, мы уже говорили. Л.И.Грацианская в своем исследовании приходит к выводу, что «на первый план в «Географии» выступает противопоставление. Противопоставление у Страбона идет по нескольким линиям: в первую очередь, по признаку территориального размера, населенности, наличия монументального строительства, а также разного рода культовых и культурных учреждений... Разницу даже между незначительным городом и деревней Страбон всегда осознает» (Грацианская, 1988, с. 124—125). Однако приведенные Л.И.Грацианской примеры из труда Страбона, не относятся к городам Боспора и отражают несколько иную социально-политическую и территориально-административную ситуацию, нежели в Боспорском царстве. Здесь следует заметить, что С.А.Жебелев также делает сходные с Л.И.Грацианской наблюдения, но приходит к противоположному выводу: Страбон строго не разграничивает в государственно-правовом плане «полис» и «кому»²² — «у Страбона, главным источником которого в данном отделе его географии был Артемидор Эфесский, вряд ли имеется в виду это различие; скорее оно обуславливается внешними

признаками — удельным весом каждого из населенных пунктов, занимаемой им площадью, плотностью населения и т.п.» (Жебелев, 1953, с. 162). Мне кажется, что для Боспора больше подходит вывод Жебелева, в первую очередь по следующим причинам. Во-первых, боспорские города, являясь субъектами Боспорского царства, уже давно утратили свой былой полисный статус. Часть из них безусловно сохраняла определенные атрибуты полиса — гражданский коллектив, отдельные институты и т.д., но полисами как таковыми они уже давно не являлись, поскольку не располагали самым главным — политической самостоятельностью и собственным независимым земельным фондом. С другой стороны, масштабы боспорских малых городов трудно сопоставить с городами М.Азии, Островной и Материковой Греции, а также Рима: они занимают крайне незначительную площадь, почти не располагают «монументальным строительством» и с трудом производят впечатление городов. На их фоне небольшая крепость Илурад выглядит действительно городом небольших размеров. В этой связи показательно, что Страбон называет Мирмекий — один из самых ранних городов на Боспоре, чеканивший собственную монету и т.д. — «городком». Естественно, что на фоне Пантикапея Мирмекий производит именно такое впечатление. Но самое любопытное заключается в том, что Страбон, описывая Боспор Киммерийский и азиатский берег Боспора, уже именуется тот же Мирмекий не городком, а селением [Strabo, XI,II,6]. Подобный подход Страбон сохраняет и при описании Азиатского Боспора — для него здесь существует лишь один крупный город, который может таковым именоваться. Это Фанагория — «значительный город» азиатских «боспоранов». Даже такой центр, как Горгиппия — «царская столица синдов» — названа

Страбоном как «место Горгиипия» [Strabo, XI, II, 10]. Часть остальных названных Страбоном пунктов Азиатского Боспора — Корокондама, Ахиллеон, Патрей. Баты в «Географии» фигурируют как селения, хотя из числа локализованных пунктов Патрей и Баты по площади не многим уступают Гермонассе и Кепам, названным Страбоном городами [Strabo, XI, II, 10]. Таким образом, можно заключить, что Страбон при описании боспорских центров не проводит четкой грани между малыми городами и селениями. Плохую осведомленность Страбона об обоих городах (Киммерике и Киммерии) можно объяснить тем, что оба города во времена Страбона могли переживать «определенный упадок»²³, что, в общем, было достаточно обычным для боспорских городов I в. н.э.» (Усачева, Кошленко, 1994, с. 67) включая и сам Пантикапей (Блаватский, 1961, с. 201), и они могли не выделяться среди более крупных центров. Говоря об азиатском Киммерии, Страбон характеризует его не иначе как «селение», (κωμη), что указывает на то, что этот центр в то время находился в запустении. Разведки последних лет на г. Опук и в окрестностях Киммерика также говорят о заметном запустении в рассматриваемое время европейского Киммерика и его округи. Сельские поселения этого времени в округе Киммерика единичны, в то время как поселения IV — III вв. до н.э. плотным кольцом окружали г.Опук. Подобное сокращение хоры и рустификация жизни в это время характерна для большинства боспорских городов. Кроме того, сейсмогенная ситуация на обширном приморском склоне г. Опук, свидетельствующая о катастрофических подвижках, произошедших в историческое время — скорее всего, в ходе известного землетрясения 63 г. до н.э., позволяют предположить, что ранний Киммерик, безуспешными поисками которого исследователи занимаются

не один десяток лет, мог быть разрушенным этим землетрясением²⁴ и возродиться лишь в I в.н.э. на тектонически более стабильном западном склоне горы Опук. Этим обстоятельством можно объяснить ограниченность информации Страбона об этом центре.

По мнению А.А.Завойкина, незначительное число объектов V в. до н.э. на г. Опук не может, якобы, говорить о наличии здесь города во времена существования Афинского морского союза, однако, как мы увидим ниже, это утверждение вызвано досадной недостаточной информацией об археологической ситуации на г. Опук.

Наиболее серьезным доводом А.А.Завойкина является замечание, что упоминания европейского Киммерика встречается в довольно поздних источниках, в то время как азиатский Киммерий упоминается раньше и во многих источниках. Однако пафос аргументации Завойкина тускнеет от факта, что самое первое упоминание азиатского Киммерия относится не ранее чем к 90-м гг. до н.э. и принадлежит Псевдо-Скимну [Ps. Scytl., 896—899] и отделено от времени деятельности Страбона всего несколькими десятилетиями. Перипл Псевдо-Скимна, как известно, — краткое землеописание («Перизгеса»), как и многие другие античные географические сочинения, дополнен историко-этнографическими и мифологическими вкраплениями. Ранее сочинение приписывалось Скимну Хиосскому (Скржинская, 1980). М.И.Ростовцев, вслед за Парети, был склонен датировать деятельность его автора либо периодом между 133—100 гг. до н.э., либо 121—110 гг. до н.э. (Ростовцев, 1925, с. 37). К. Мюллер относил его ко времени около 90 г. до н.э. (Muller, 1855; FHG, I, 449 сл.). Скимн отражает географические познания предшествовавших авторов III — II вв. до н.э. Так Псевдо-Скимн сам в качестве источников

своего Перипла называет труды Эфора, из которых почерпнуты в основном данные о Крыме и Кавказском побережье, и сочинение Деметрия из Каллатиса для северо-западной части Понта. Сведения Перипла о Европейском Боспоре и Скифии крайне скупы. При описании европейской части Боспора Скимн, каковыми ни были его источники, посчитал необходимым отметить лишь единственный город — столицу государства — Пантикапей, опустив даже простое упоминание всех остальных центров полуострова, в то время как при описании азиатской стороны автор в своих заметках более подробен: «Затем следует Гермонасса, Фанагория, которую, как говорят, основали некогда теосцы, и гавань Синдская, населенная эллинами, пришедшими из разных местностей. Эти города расположены на острове, занимающем большое пространство ровной земли по Меотиде вплоть до Боспора; остров этот недоступен с одной стороны вследствие болот, рек и топей, находящихся на противоположной стороне, с другой — благодаря морю и озеру. При самом выходе из устья лежит город Киммериды, получивший свое название от варваров-киммерийцев, основанный боспорскими тиранами, и Кеп, основанный милетянами» [Ps.Scymn., 886—899]. Таким образом, в труде Псевдо-Скимна просто не нашлось места для Европейского Киммерика, как, собственно, и для других таврических центров Боспора. Далее хронологически следует свидетельство Страбона, более или менее синхронное времени правления на Боспоре Полемона [Strabo., XI, 2, 11], когда, как я уже отмечал, после землетрясения 63 г. до н.э. город мог лежать в руинах, не успев достигнуть размеров, которые он имел в первые века н.э.

Таким образом, у нас пока нет достаточных оснований пересматривать все так же убедительное мнение В.Ф.Гайдукеви-

ча, считавшего, что сам Страбон заметил противоречие в своих источниках (Гайдукевич, 1949, с.510, ссылка 64), сделав своеобразное «историографическое» отступление. Текст Страбона, как справедливо отметили О.Н.Усачева и Г.А.Кошеленко, «здесь логически увязан» (Усачева, Кошеленко, 1994, с.67), но следует признать, что сведения, приведенные Страбонам, достаточно поверхностны и компилятивны, хотя отдельные свидетельства в значительной мере заполняют те лакуны, которые имеются в других источниках.

Приведенные аргументы позволяют говорить, что отступление Страбона целесообразнее относить именно к Европейскому Киммериду, поскольку стратегическое значение этого пункта в оборонительной системе Боспора очевидно.

1.5 ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНОСТЕЙ ОПУКА²⁵

Первое предположение о том, что развалины древних укреплений античного города на склонах и на плато горы Опук принадлежат боспорскому городу Киммериду, сведения о котором приведены в Перипле Анонимного автора, высказал известный российский исследователь и путешественник Петер Симон Паллас (1741 — 1811). Он путешествовал по Таврике в конце XVIII в. — через два десятилетия после присоединения Крыма к России. Наблюдения, сделанные П.С.Палласом в ходе его экспедиции, поражают своей широтой. Его интересовали как все аспекты современного уклада жизни на полуострове, так и вопросы географии, минералогии, зоологии и палеонтологии, географии и геологии, ботаники, этнографии и других наук. Особое место в исследованиях Палласа заняло изучение исторической географии и древностей Тавриды. Им приведены ценные сведения и о памятниках

Керческого полуострова, встреченных в ходе обследований на пути в Кафу. В своем обобщающем труде «Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793—1794 годах» П.С.Паллас приводит свои наблюдения и рассматриваемого нами региона. Анализируя встреченные на Черноморском побережье полуострова археологические памятники и сопоставляя их с данными письменной традиции, он, в частности, отмечает: «Такие же следы (древних построек — В.Г.) находятся близ горы Опук, покрытой тюльпанами (опукскими эндемиками — тюльпанами Шренка — В.Г.), у Черного моря в 16 верстах западнее Такиль-Буруна; здесь находится прекрасная якорная стоянка даже и для военных кораблей. Еще находятся следы также и на мысе Таш-Качик, на восточном конце бухты Кафы, вблизи соляного озера. Если сравнить эти следы древних колоний с описанными в географии Страбона и в Перипле Арриана и Скимна Хиосского, то видно, что они почти соответствуют древним названиям этих мест» (Паллас, 1999, с.146).

Далее он приводит локализацию отмеченных в Периплах центров, причем приводит их местоположение очень точно, что совпадает с современным общепринятым расположением перечисляемых памятников: «1. Acras-comion (транслитерация издателей — В.Г.) от Nymphaeum — 65 стадиях, или 15 верстах, что составляет его расстояние от Такиль-буруна. 2. Kytas — 30 стадий, или 5 верст, как и должно, быть между Такиль-Буруном и горой Опук. 3. Cimmerium — в 60 стадиях, или 10 верстах, что согласуется с развалинами Елкен-кале у горы Опук, где находится хороший рейд даже и для военных судов, защищенный от северных и западных ветров и имеющий отличный якорный грунт. 4. Cazeca — в 180 стадиях, или 36 верстах от предыдущего;

кажется, походит даже и по нынешнему названию мыс Таш-Качик²⁶ (современный мыс Чауда — В.Г.), находящийся на восточном конце Феодосийской бухты; здесь видны колодцы и следы древних жилищ неподалеку от соляного озера. 5. Theodosia — расстояние нового города этого имени не согласуется точно с даваемыми в Перипле, но ее должно считать той же по всей вероятности, так как вдоль бухты я не нашел никаких других следов древнего города» (Паллас, с. 146—147; о причине несовпадения расстояния от Казеки до Феодосии см. выше).

Первое детальное обследование древностей горы Опук принадлежит известному российскому исследователю и собирателю, одному из основателей Керченского музея древностей (1826) Поллю Августину (Павлу Алексеевичу) Дюбрюксу (де Брюксу) (1773—1835). Он посещал Киммерик несколько раз: в 1817, 1818, 1819, 1820-х, 1830 гг., где проводил разведки, небольшие раскопки и планиграфические съемки. Однако его детальное описание древностей горы Опук, строительных остатков городища Киммерика («Западного Киммерииона»), цитадели («Акрополиса и главной возвышенности») (Рис.7, 19) было издано благодаря стараниям Одесского общества истории и древностей лишь в 1858 г. — значительно позже смерти исследователя (Дюбрюкс, 1858, с.69—84). В годы путешествий и раскопок Дюбрюкса строительные остатки Киммерика на склонах горы Опук и цитадели на вершинном плато были в значительно лучшей сохранности, нежели в XX столетии, что придает особую значимость выполненным Дюбрюксом описаниям. Однако, как мы увидим ниже, он не всегда различал развалины отдельных узлов оборонительной системы г.Опук и естественные выходы скальных пород, зачастую напоминающие рушеные фундаменты стен. Кроме того,

он также не всегда мог точно различать хронологически разнородные памятники (например, античные и позднеантичные строения «посада» цитадели на восточном склоне горы и раннесредневековое поселение — на южном), считая их единым комплексом античного времени (см. ниже). П. Дюбрюксом были составлены и первые планы построек, «ущевших на западном склоне горы Опук», а также по поручению первого директора Керченского музея древностей И.Бларамберга выполнено описание (очерк) соленого Элькенского (Кояшского) озера, о чем Дюбрюкс сообщает в своем письме к Бларамбергу от 16 марта 1828 года (Дюбрюкс, 1858, с. 73). Судя по тексту письма П.Дюбрюкса, им также был снят план строений, расположенных на приморском юго-восточном склоне горы Опук под стенами цитадели; однако, к сожалению, ни эти чертежи, ни очерк соленого озера, на берегу которого располагался «западный Киммерион», в оригиналах не сохранились.

Судя по уже упоминавшемуся письму к Бларамбергу, П.Дюбрюксом на вершине Опука были проведены небольшие раскопки, вероятно, ворот цитадели. Эти материалы также были утеряны. Первоначально автор отождествлял открытый им на плато памятник с Китеем, считая, что на горе Опук располагались два разных города. Однако позже Дюбрюкс принял критику И.П.Бларамберга и согласился с локализацией здесь европейского Киммерика, предложенную последним автором (Бларамберг, 1848, с. 4—11; Дюбрюкс, 1858, с.81).

В 1818 и 1820 годах, судя по отдельным замечаниям самого Дюбрюкса, он производил раскопки «гробниц» на некрополе Киммерика, который располагался, вероятно, на северной окраине городища. Ориентировочно в период между 1821 и 1830-м годами П.А.Дюбрюкс, помимо

эпизодических раскопок на Опуке, занимался здесь съемкой планов городищ и оборонительных сооружений.

Другие небольшие раскопки в 1824 и 1827 годах Дюбрюкс провел на городище Киммерик на западном склоне горы, в ходе которых был выявлен водоем — цистерна с выложенной разноцветной галькой дном. Об этих исследованиях в архиве Государственного Эрмитажа сохранилась рукопись П.Дюбрюкса и акварель мозаичного дна цистерны. Работы на городище были продолжены П.Дюбрюксом и в 1830 г. Данные об этой «раскопке» сохранились в его собственноручной записке, которая была доложена В.Г.Тизенгаузену VI археологическому съезду, происходившему в Одессе в 1884 г. Однако большая часть документации и материалов Дюбрюкса, переданная Керченскому музею древностей, как и сами фонды музея, погибли в годы Крымской войны 1854 — 1855 годов. Позволим себе процитировать выдержку из этой записки. «На обрывистом склоне западной части этой горы (Опук — В.Г.), на высоте нескольких сажен и близ самого моря, ниже остатков циклопических стен, окружавших небольшой акрополь старинного поселения, находившегося в этой местности и принимаемого г. Бларамбергом за европейский Киммерик, в 1824 году, во время производившейся мною съемки плана этих развалин, дожди и обвалы земли обнаружили верхушку гробницы из тесаных камней. По просьбе моей владетель этой горы, майор Шурупов, позволил мне не только раскопать эту могилу, но и другие, какие могли бы оказаться на его землях. Гробница, о которой я говорю, была прикрыта двумя тесаными плитами, каждая в 1 1/2 аршина в квадрате, и по снятию их оказалась длиною в 2 1/2 арш., шириною в 1 аршин, глубиною же около 12 вершков, составлявших также вышину отесанных плит, окружавших

ее с 4-х сторон. Приказав снять эти плиты для облегчения работ, я, к немалому удивлению своему, нашел род колодца в 2 1/2 арш. в диаметре, оштукатуренного красным цементом. По снятии слоя земли в 1/2 арш. толщины я прекратил работу, опасаясь, что она вовлечет меня в издержки, превышающие мои средства. В 1827 году, г. Бларамберг, находясь со мною в Опуке для проверки моего плана Киммерика и увидев мою раскопку, дал мне из денег музея 10 рублей для продолжения работ. Я приказал вынуть землю и камни, наполнявшие этот колодезь, но работа с каждым днем становилась затруднительнее, и, израсходовав деньги, я снова прекратил ее. Наконец, г. Стемповский, в сентябре прошлого года, отпустил мне денег на окончание работы, и я снова принялся за нее. По мере выемки земли колодезь незначительно расширялся и все еще был оштукатурен красным цементом. В наполнявшей его земле встречались обломки глиняных ваз изящнейших форм, покрытые прекрасною черною поливою. На глубине 2-х сажен колодезь принял осьмиугольную форму в 4 арш. в диаметре, а углубившись еще на 1/2 саж. и с трудом сняв две огромные плиты, лежавшие под этим слоем земли, мы нашли воронкообразное дно колодезя, сплошь покрытое мозаикою, которая хотя и груба, но чрезвычайно замечательна. По толстому в 1 вершок слою красного цемента, идущему по всему дну, размещено огромное количество вдавленных в него совершенно одинаковых мелких, продолговатых, очень твердых шлифованных камешков бело-голубоватого цвета, которые мы сначала приняли за кусочки мрамора, длиною от дюйма до 15 линий, в диаметре от 2 до 3 линий; они идут лучами от центра к краям в виде оливковых веток. Нет сомнения, что это дно составляет покрывку одного из подземелий, которых в этой горе несколько. Это доказывает звук,

издаваемый дном, когда по нем ударяют с этой стороны. Скала, в которой вырублен этот колодезь, очень тверда и серого цвета, тогда как дно представляет мягкий камень желтоватого цвета. Открытие Кульобского склепа и вслед за тем санитарные кордоны, устроенные в то время, как мы рассуждали о средствах, как бы вынуть, по крайней мере отчасти, эту мозаику для помещения в Керченский музей, помешали мне окончить эту раскопку. Весною же я узнал, что Татары соседней деревни (Чекур-Кояш — В.Г.) засыпали часть колодезя, говоря, что через это отверстие выходит «злой дух»» (Тизенгаузен, 1888, с. 138—139).

П.А.Дюбрюксу также принадлежит ряд важных наблюдений в области исторической топографии древностей Опука — так, например, он четко разграничил городище на западном склоне горы Опук (городище Киммерик) и «акрополис» на вершинном плато этой горы, считая их разными строительно-архитектурными комплексами: «Я сначала думал, что остатки жилищ на восточной и западной стороне горы принадлежали одному городу, но, исследовав с большим вниманием и снявши план различных частей горы, я за год прежде, чем г. Бларамберг, признал западную часть за остатки Европейского Киммериона, и что здесь существовало два отдельных города или селения» (Дюбрюкс, 1858, с.81). Порт Киммерика Дюбрюкс поместил в бухте с восточной стороны крепости (так называемая Бакланья бухта под (и восточнее) раскопом Береговой И.Б.Зеест — В.Г.), посчитав Кояшское озеро недостаточно глубоким для размещения здесь порта. Как мы увидим ниже, локализация портовой части Киммерика и поныне остается спорной, а скромные размеры Бакланьей бухты не позволяют видеть в ней гавань города без предварительных подводно-археологических обследований с целью вы-

явления там древних рифовых отmelей и банок.

Сопоставление планов городища Киммерик, выполненных Дюбрюксом (Рис.7) (впервые опубликованы И.В.Тункиной, 1999; 2002, рис. 59, 66) и Бларамбергом (Рис. 8), указывает на некоторую разницу в планировке городища, что трудно поддается объяснению, поскольку временной разрыв между выполнением этих чертежей ничтожен. Обращает на себя внимание излишняя схематичность отображения оборонительных стен на плане Бларамберга, и излишняя детализация, зачастую незначительных деталей, на плане Дюбрюкса. К сожалению, с начала XX века развалины Киммерика неоднократно подверглись значительным разрушениям, что сейчас не позволяет судить, чей чертеж больше соответствовал реальности.

К сожалению, рассмотренный нами выше труд П. Дюбрюкса при издании оказался значительно сокращен (первоначальный авторский текст составлял, видимо, более 250 страниц, с чертежами, как полагает И.В.Тункина) и, по вине переводчика, который опускал непонятные для него места, чем «фактически искажил смысл труда» (Тункина, 1999, с. 33). Она же полагает, что переводчик также снял и «цифровые обозначения, соотносящиеся с планами» (там же). Однако в послесловии к труду П.Дюбрюкса переводчик (внук — Александр Дюбрюкс — В.Г.) пишет: «Но и тут было нелегко справиться с цифрами и буквами, которыми были обозначены башни, рвы и пр. в тексте со ссылкой на планы. Уже по окончании перевода трудами известного ученой публике г. Секретаря Н.Н. Мурзакевича было найдено несколько черновых листов чертежей в бумагах, кажется, г. Бларамберга; листки, видимо, не принадлежали тексту. Сличая текст с чертежом, я уже сам нанес несколько букв

и оставил остальные в переводе своем с тою целью, что быть, может, кто-нибудь поопытней меня найдет и им место на плане» (Дюбрюкс, 1858, с.84). При таком подходе Александра Дюбрюкса к переводу напрашивается вывод, что буквенные и цифровые обозначения в издании, скорее всего, были удалены редактором, т.е. Н.Н.Мурзакевичем. План цитадели на вершинном плато горы, выполненный П.И.Дюбрюксом (Тункина, 2002, рис. 58), несмотря на его излишнюю схематичность, абсолютно точно отражает конфигурацию памятника, до настоящего времени различимую в микрорельефе.

Архив Дюбрюкса, как и все его рукописное и графическое наследие (о судьбе П.А.Дюбрюкса и его трудов подробнее см: Тункина, 1999; 2002), постигла нелегкая судьба — львиная доля так и не была издана; более того, ряд керченских коллег Дюбрюкса (И.П.Бларамберг, А.Б.Ашик, Д.В.Карейша) использовали его материалы для своих публикаций, но не утруждали себя ссылаться на Павла Алексеевича (что, в частности, послужило причиной разрыва между Дюбрюксом и Бларамбергом в последние годы). И тем не менее только благодаря Одесскому Обществу истории и древностей, выкупившему рукопись у дяди внука Павла Алексеевича Дюбрюкса — Александра Дюбрюкса, выполнившего, как мы уже отмечали, перевод труда деда. Вот что пишет о судьбе архива своего деда А.Г.Дюбрюкс: «По смерти П.А.Дюбрюкса бумаги его, по некоторым домашним обстоятельствам, не попали к отцу моему, а переходили через несколько рук и преимущественно таких лиц, которые не знали вовсе ни их содержания, ни их нежности, пока, наконец, не были отысканы дядею моим (А.П.Дюбрюксом — В.Г.), от которого общество и приобрело (дважды

— В.Г.) эту рукопись, но без чертежей и планов» (Дюбрюкс, 1858, с.84).

И наконец, следует отметить, что П.Дюбрюксу первому принадлежит важное наблюдение — рельеф горы Опук, особенно в области его платообразной вершины, мог иметь, по его впервые высказанному мнению, сейсмогенное происхождение. Так, описывая строительные остатки на плато, он отмечает: «На возвышении, образуемом этими скалами вместе с другими, есть кое-где фундаменты жилищ и множество обломков скал, отделенных, вероятно, в одно время с откосом рва землетрясением» (Дюбрюкс, 1858, с.73).

К сожалению, при масштабе работ Дюбрюкса, которые охватили многие античные памятники Керченского полуострова, его работы на Опуке, насколько мне известно, после 1830 года не возобновлялись.

Совместно с Дюбрюксом исследования на горе Опук проводил и первый директор Керченского музея Жан Маре де Бларамберг, взявший себе русское имя Иван Павлович (1772 — 1831). Судя по упомянутому выше письму П.А.Дюбрюкса к нему, Бларамберг посещал Опук в те годы, когда там работал Павел Алексеевич. Дюбрюкс совместно с Бларамбергом проводили на Керченском полуострове обширные разведки от мыса Фонарь до горы Опук, которые, в первую очередь, основывались на сличении данных письменных источников и собственно керченских древностей. Будучи директором музея, значительную часть экспонатов которого составляли находки П.А.Дюбрюкса, Бларамберг, как мы уже видели, отчасти финансировал исследования Дюбрюкса и поручал ему выполнение планов открытых памятников. При этом Бларамберг не только поручал выполнение этой работы, но и сам посещал

обследуемые объекты и, насколько можно судить из одной записки Дюбрюкса, проверял на месте эти планы (Тизенгаузен, 1888, с. 138). В письме М.С.Воронцову от 19 марта 1827 г. (Тункина, 2002, с. 556) Бларамберг сообщает о намерении исследовать памятники полуострова и сопоставить этот опыт со сведениями древних авторов: «Разыскания, которые я собираюсь осуществить на местности, начиная от Керчи и до соленого озера Атал-Алчин, примерно в шести верстах от Опука, должны подтвердить или опровергнуть мои предположения», в частности, локализацию «порта Киммериума», который «в древности находился на восток от залива, а сейчас отгорожен земляным наносом и представляет сегодня соленое озеро Элькен (Кояш — В.Г.)».

Работа П.И.Бларамберга «Замечания на некоторые места древней географии Тавриды» вышла уже после его смерти в первом томе «Записок Одесского общества истории и древностей» 1848 года (Бларамберг, 1848). Ему же принадлежит и полный план горы Опук с нанесенными на него оборонительными сооружениями²⁷. Этот план позже переиздавался Ю.Ю.Марти (Марти, 1928, с. 8—9) и И.Т.Кругликовой (1958, с.223 — схема и обмеры цитадели на плато г. Опук).

В своем труде И.П.Бларамберг выдвинул довольно передовую для своего времени методику исследования. В первой главе своего труда, озаглавленной «Общее обозрение дошедших до нас сведений древних авторов о помории Таврическом, простирающегося от древнего залива, что ныне соляное озеро Атал-Алчин²⁸ до Керчи, а оттуда до Порфминеона Страбона», автором дается подробный анализ сохранившихся сведений древних авторов об интересующем нас регионе, при

этом П.И.Бларамберг подходит к источникам вполне критически, стремясь, там, где возможно, определить основной источник сведений того или иного автора и объяснить, почему у разных авторов упоминаются разные города, в то время как сведения о других умалчиваются. Говоря о цели своего исследования, Бларамберг пишет: «Местные разыскания, результаты которых мы представляем в настоящем сочинении, были предприняты с целью указать и исправить ошибки, которыми преисполнены те карты» (Бларамберг, 1848, с.2). Далее Бларамберг прилагает полученные выводы к конкретной местности, к известным к тому времени памятникам и собственным наблюдениям. Разведочные работы строятся им, исходя, как правило, из характерных упомянутых географических ориентиров и расстояний между выбранными объектами. В одной из последующих глав, названной «Изыскания о положении древнего местечка и пристани Киммериона», Бларамберг приходит к выводу, что озеро Атал-Алчин (Кояш) в древности было заливом и именно здесь следует искать Киммерик, поскольку именно напротив этого места в море расположены две скалы, упомянутые в Перипле Понта Анонимом (Бларамберг, 1848, с. 5). Что касается этнонима «Киммерик», то Бларамберг не сомневается, что именно этот город — Киммерик, поскольку он находится «в стране, где жили издревле Киммерийцы» и поскольку рядом расположен вал, отделяющий Керченский полуостров от собственно Таврики (Бларамберг, 1848, с. 6—7). Подводя итоги своих изысканий, И.П.Бларамберг пишет: «Из наблюдений и изысканий, сделанных нами на месте, выходит следующее. Соляное озеро Атал-Алчин или Елкен (Кояш — В.Г.), находящееся близ деревни Коях, образовывало

некогда залив, на восток которого находился порт Киммерион: доказательства, изложенные нами выше и на которых мы основывает свои предположения, были подкреплены открытием остатков стены, соединявшей порт с башнею, которая составляла часть укреплений, видимых ниже крепости Опука и принадлежавших, без сомнения, местечку Киммерион» (Бларамберг, 1848, с. 11).

Информация о последующих исследованиях после работ И.П. Бларамберга практически отсутствует. Известно, что значительные топографические изыскания на Опуке проводились в 1852 году, когда подполковником Рябовым для издания «Древности Боспора Киммерийского» был выполнен план горы Опук и расположенных на ней объектов. План этот поныне сохранился в архиве Института истории материальной культуры Российской академии наук²⁹, ранее он принадлежал Археологической комиссии, которая и заказала его изготовление, но так и не был издан. План Рябова достаточно точен — им довольно подробно передана конфигурация этой возвышенности, и, более того, помимо уже известных объектов, произведена съемка развалин раннесредневекового аила в центральной части южного склона горы (поселение «Над источником», см. раздел III.5), которые отсутствуют на планах Дюбрюкса и Бларамберга. По тексту Дюбрюкса можно определить, что он все же видел это поселение, поскольку дал описание кольцевых загонов для скота аила, которые исследователь ошибочно принял за фундаменты круглых античных башен. Возможно, планы этого поселения, как и других археологических объектов, все же присутствовали среди несохранившихся документов графического архива Дюбрюкса и Бларамберга.

Более в XIX веке археологические исследования на Опуке не проводились, однако результаты работ П.А.Дюбрюкса и И.П.Бларамберга, их критический анализ письменных источников и локализация боспорских памятников широко использовались как их современниками, так и последователями. В числе современников Бларамберга, полемизирующих с ними, были известные российские исследователи П.И.Кеппен и Е.Е.Келер, которые сообщают любопытные дополнительные сведения об исторической топографии Опука. Труд Кеппена уже давно стал библиографическим раритетом, поэтому я позволю себе полностью процитировать данный пассаж. Вступая в полемику с И.П.Бларамбергом о локализации места Отуз (-Тузла), где генуэзцы брали камень для строительства Феодосийского порта и его крепости, П.И.Кеппен пишет: «Но почему же Г-н Бларамберг не предпочел думать, что то место, откуда Генуэзцы брали камень, есть нынешняя гора Опук, близ косой на карте Мухина, показана опустевшая деревня Тузла, и где, по мнению самого Г-на Бларамберга, некогда стоял древний киммерийский город... Опук, как известно, есть гора, находящаяся на мысу, который у Мухина назван Элькен Кая, а на карте Черного моря, составленной в Гидрографическом депо в 1829 году: мыс Кара (на карте Лейт. Будищева 1817 года, подписано мыс Карак. Перед этим мысом, в верстах пяти от берега в море лежат камни Ялчан, Елчан, или Элкен-Кая, которые, вероятно, по сходству своему с кораблями, называют также *Karavia* (от ново-греческого *Karafi*, «корабли»). — В подтверждение того, что Генуэзцы тут-то преимуще-

ственно брали камень для своих построек, я могу привести слова Г-на Акад. Келера, который, говоря об Опуке, излагает следующее мнение: «Herchst wahrscheinlich sind die Steine der Mauern, die zuletzt den Felsen befestigten, hebst denen der alten Stadt Kimmerium, die am Fusse desselben lag, zum Aufbau von Kaffa gebraucht, oder spdterhin von den Turken weggeschafft worden. — См. Serapis. St.Petersburg, 1822, 8. S.421 в статье *Das Konigliche Schloss des Bosphorus und die Stadt Gargaza auf der taurischen Halbinsel*. Да и не естественно, чтобы Татарское слово Отуз (тридцать), при изуродовании изменилось в Тузла (так в Крыму и в Боснии называют места, где у озер добывается соль)» Кеппен, 1837, с. 106-107 и ссылка 153).

Интерес к вновь открываемым памятникам и попытки связать их с упомянутыми в источниках городами был характерен для периода первой половины XIX в. Так капитан-лейтенантом Манганари в 1836 году была составлена карта Черного моря, где были нанесены известные к тому времени остатки древних городов. В 1852 г. таблица этих поселений была опубликована З. Аркасом, которые сопроводил ее своими комментариями (Аркас, 1852, с. 135—140). Позволим себе привести выдержки из этой таблицы, относящиеся к рассматриваемому региону, и сделать ряд своих поправок к ней.

«Сравнительная таблица эллинских поселений по Евксинскому Понту, Безымянного автора с местами, назначенными на меркаторской карте Черного моря, последней описи 1836 года капитан-лейтенанта Манганари 1-го. (З.Аркас. ЗООИД, 1852, т. III, с. 144—150, с комментариями)

Таблица I. 5 — 1.

Древнее наименование	Стадий	Совр. км.-В.Г.	Рим. миля 1	Морск. миля 2	Росс. верста 3	Каким местам на меркарторской карте капитана-лейтенанта Манганари 1-го, издания 1836 года соответствуют
от селения Порфмион или Парфениеон до городка Мирмикиона	60	9.46	8	6	10-2/5	Керченскому карантину
от Мирмикиона до городка Пантикапеон	25	3.94	3 1/3	21/2	41/3	городу Керчи
от Пантикапеона до городка Нимфеон	25	3.94	3 1/3	2 1/2	4 1/3	мысу Ак-Бурну
от Нимфеона до городка Акрас	65	10.25	8 2/3	6 1/	11 1/4	мысу Камыш-Бурну
от Акрас до Китас, прежде Кидеак	30	4.73	4	3	5 1/5	соленому озеру между мысами Камыш-Бурну и Таклы
От Китаса до города Киммерика	60	9.46	8	6	10-2/5	мысу Таклы
от Киммерика до селения Казекас	180	28.38	24	18	31 1/5	соленому озеру между горой Опук и курганом Дюрмень
от Казекаса до города Феодосия	280	44.15	371/3	28	48 1/2	городу Феодосия

В своих комментариях к приведенной выше сравнительной таблице 3. Аркас отмечает: «Г-н Бларамберг, основываясь на развалинах найденных на мысе Таклы (Такыл — В.Г.), полагает на этом месте Акрас, но по измерению Безымянного, считая от Ак-Бурну (Ак-Бурун — В.Г.) 6,5 миль выходит Акрас на мысе Камыш-Бурну (Камыш-Бурун — В.Г.), на мысе же Таклы, по измерению Безымянного выходит город Киммерик, откуда начинается Боспор Киммерийский; также по карте Манганари Керченский пролив начинается от мыса Таклы. И поэтому развалины найденные Г. Бларамбергом, полагать

должно, были Киммерика, а не Акраса». Также у Аркаса не совпадает местоположение Китея, который он помещает на берегу Тобечикского озера: «Вероятно, это озеро было тогда залив, и город Китас находился у берега этого озера».

А у горы Опук 3. Аркас помещает Казеку: «Г-н Бларамберг относит Киммерик между горой Опук и соленым озером Атал-алчин, где он нашел развалины древних укреплений, порта и стены, соответствующие описанию Киммерика; по измерению же Безымянного на этом месте оказывается селение Казекас. И поэтому, следуя описаниям Безымянного, я назна-

чил Казекас у соленого озера между горой Опук и курганом Дюрмень».

Расхождение с общепринятой локализацией перечисленных памятников черноморского побережья Керченского полуострова в комментариях З.Аркаса, как мы видим, очень значительное, однако легко объяснимое. При составлении данной таблицы оказалось пропущенным упоминание расстояний между Пантикапеем и еще одним боспорским центром — Тиритакой, и, соответственно, расстояние между Тиритакой и Нимфеем, приведенном в Перипле Анонимного автора: «А от города Пантикапея до города Тиристки 60 стадиев, 8 миль, от города Тиритакки до Нимфея 25 стадий 3 1/3 мили» [Анон., РРЕ., 70]. Эта ошибка и привела к смещению координат памятников более чем на 13 км. Учитывая

данную ошибку, таблица должна выглядеть следующим образом:

Увлечение российских археологов древностями Пантикапея и ближайших к нему боспорских городов, а также расширение масштабов исследований на азиатской стороне Боспора почти на столетие исключили трудно доступный Опук из внимания исследователей. Лишь спустя почти целое столетие небольшие исследования на горе Опук были возобновлены. В 1927 г. экспедиция Керченского музея, возглавляемая его директором — Ю.Ю.Марти, лишь в течение одного полевого сезона продолжила обследование района от Киммерика до Акры, где провела и разведочные раскопки. Экспедиция Марти, помимо чисто разведочных работ, ставила себе очень определенные и важные задачи: по-

Таблица 1. 5 — 2.

Древнее наименование	Стадий	Римских миль	Современных км.	Местоположение
от Порфмия <i>«или устья Меотийского озера»</i> (выделение мое ³⁰ — В.Г.) до Мирмекия	60	8	9.46	около поста ДА1 (ГАИ) у Керченской переправы; карантину
от Мирмекия до Пантикапея	25	3 1/3	3.94	городу Керчи
<i>от Пантикапея до Тиритакки</i>	60	8	9.46	Аршинцево, возле кафе ЖРК
от Тиритакки до Нимфея	25	3 1/3	3.94	пос. Эльтиген, восточная окраина
от Нимфея до Акры	65	8 2/3	10.25	поселок Приморский (Заветное)
от Акры до Китея, прежде Кидеаки	30	4	4.73	городище Китей, южнее пос. Заветное
От Китея до Киммерика	60	8	9.46	г. Опук
Всего от устья Меотиды до Киммерика	300	40		от Порфмия
от Пантикапея до Киммерика	240	32		г. Опук
от Киммерика до селения Казека	180	24	28.38	мыс Чауда
от Казекаса до города Феодосия	280	37 1/3	44.15	городу Федосия

мимо определения состояния памятников, временно выпавших из внимания исследователей, ставила целью и организацию их охраны и заповедования (Марти, 1928, с. 24).

Экспедицией Ю.Ю.Марти было выбрано несколько направлений обследования древностей Опука. На городище Киммерик, расположенном на берегу Кояшского озера, экспедицией были обследованы строительные остатки и определены разрушения, произошедшие на памятнике после работ Дюбрюкса и Бларамберга. Разведочные раскопки на городище, проведенные Марти, затронули следующие элементы городища. Ю.Ю.Марти разведочными ямами попытался найти место сочленения фундамента западной стены городища, тянущейся к соленому озеру, с остальными комплексами памятника. По предполагаемой линии было прокопано «до 20 разведочных ям, но тщетно», поскольку фундаменты стен, скорее всего, оказались разрушены при современном строительстве или смыты морем (Марти, 1928, с. 4). На территории самого городища были проведены тщательные разведки и собран многочисленный подъемный материал, в основном фрагменты амфор первых веков н.э. и кухонная посуда. При этом Ю.Ю.Марти особо отметил ничтожное количество «чернолаковых черепков» — «всего два». У подошвы акрополя экспедицией была заложена разведочная яма, которая, однако, не дала ожидаемой «картины постепенного наслоения культур» (там же, с. 4). Разведочные раскопки на линии западной стены городища двух ограждений дали фрагменты амфорной тары и «черепки скифских сосудов». В другом ограждении — в «башне» на северной стене Бларамберга — был выявлен культурный слой мощностью более 1 м и выявлено два культурных горизонта: слой

античного времени с остатками расписной штукатурки был перекрыт напластованиями средневековья, в которых были найдены три медные монеты Иоанна Цимисхия (Марти, 1928, с. 4—5).

Далее Ю.Ю.Марти провел обследование и краткое описание состояния развалин цитадели на вершинном плато горы Опук, отметив, также, как и для городища Киммерик, «полную картину разрушения и разорения».

Вторым объектом внимания Ю.Ю.Марти стали погребальные памятники Опука и ближайших окрестностей — экспедицией «в целях всестороннего обследования культуры окрестного района» было вскрыто несколько погребений. Одна из могил была вскрыта к востоку от деревни Чекур-Кояш на вершине холма. Судя по описанию, это погребение находится недалеко от «кургана I», доисследованного автором в 1992 году и, возможно, относится к единому погребальному комплексу. Марти была вскрыта ограбленная могила, «обложенная камнями неправильной формы», под которыми в изголовье был встречен бронзовый наконечник стрелы. На гряде над серными рудниками, прикрывающей деревню Чекур-Кояш с северо-востока, экспедицией был доследован один из ограбленных курганов (без кромлеха). Здесь было встречено два погребения — «греко-скифское» и «византийского времени» (Марти, 1928, с. 6). Другой «большой холм с кольцеобразным ограждением из камней неправильной формы» был обследован Марти на противоположной периферии горы Опук — около кладбища деревни Опук (северо-восточная подошва горы). В разоренной могиле в форме обложенного камнем ящика было «обнаружено острие железного ножа и бронзовое острие стрелки», «другие могилы в той же местности, сильно разоренные, имели вид каменных

ящиков, построенных из хорошо обтесанных плит» (Марти, 1928, с. 11).

Подытоживая свои краткие изыскания на горе Опук, Ю.Ю.Марти следующим образом суммирует свои выводы: «Следов древнейшей киммерийской культуры пока нами нигде не обнаружено. Повсюду заметно преобладание местной скифской культуры над привозной. Киммерик-порт — древнегреческое поселение, обслуживавшее местный округ вплоть до позднейшего времени. Акрополь Киммерика на вершине Опука, цитадель всей крепости, возник в позднеэллинистическую эпоху, скорее всего в момент объединения скифов и напора их на греков. Находки в могилах ярко подчеркивают военное положение этого района, находившегося в непосредственной близости с Киммерийским валом и рвом» (Марти, 1928, с. 12).

Краткость описания работ, отсутствие иллюстративного материала и последовавшая в годы войны утеря документации и находок при всей важности проведенных исследований не позволяют в полной мере осмыслить результаты работ Ю.Ю.Марти и определить хронологические рамки его находок. Однако следует обратить внимание на то, что Марти ошибочно считал цитадель на плато горы Опук «акрополем» городища Киммерик, объединив все оборонительные сооружения горы в единый фортификационный комплекс. При этом он сильно удревнил, как мы увидим, дату сооружения цитадели, хотя сам отмечал обилие в подъемном материале хорошо датирующегося и в его время материала — «краснолаковых черепков и осколков стекла зеленовато-желтого цвета» (Марти, 1928, с. 10). Так или иначе, работы Ю.Ю.Марти выполнили поставленную цель — они вновь привлекли внимание исследователей к малым городам Боспора, которые были незаслуженно забыты

«керченской археологией», которая «все свое внимание обратила на саму столицу царства и ее ближайшую округу, а вне ее интересовалась только курганами» (Марти, 1928, с. 1).

В 1930-е годы археологические изыскания на Керченском полуострове, в особенности в окрестностях Пантикапея, заметно активизировались, однако планомерным археологическим исследованиям на горе Опук суждено было возобновиться лишь после Великой Отечественной войны.

В 1947—1951 гг. на Киммерике были проведены исследования Киммерикской экспедиции, организованной Керченским государственным историко-археологическим музеем им. А.С.Пушкина совместно с Сектором античной археологии ИИМК АН СССР, при этом впервые исследование Киммерика было включено в план научной работы Сектора. Экспедицию возглавила И.Б.Зеест, отдельными работами на горе Опук руководила И.Т.Кругликова, участие в экспедиции приняли также Д.Б.Шелов и А.К.Коровина. Первый год исследований был посвящен в основном разведкам, сопоставлению сохранившихся строительных остатков с описаниями памятников П.А.Дюбрюкса, И.П.Бларамберга и Ю.Ю.Марти и разведочным раскопкам. Небольшие зачистки стен были проведены на городище Киммерик (Рис. 11) и на цитадели. На основании собранного материала и сопоставлении техники кладок в первый год работы экспедиции впервые была предложена достаточно подробная датировка памятников. И.Б.Зеест было определено, что наиболее ранние материалы с городища относятся к IV в. до н.э., в I в.н.э. город был укреплен системой оборонительных сооружений и просуществовал до III—IV в.н.э. Гавань города И.Б.Зеест предположительно поместила в Кояшском озере. Время существования

цитадели Ираида Борисовна отнесла к I — IV вв.н.э., допустив и более раннюю дату (Зеест, 1949, с. 52—55).

В 1949 — 1950 гг. экспедицией И.Б.Зеест были проведены начатые в 1947 — 1948 гг. раскопки на городище Киммерик. На «Змеинном» холме были вскрыты нетронутые остатки жилого и хозяйственного комплекса II — III вв. н.э. террасообразной планировки, искусно вписанного в склон прибрежной скалы. Находка ступ, зернотерок, зерновых ям позволило И.Б.Зеест охарактеризовать этот комплекс как «мукодельную мастерскую». Постройка погибла в пожаре, который И.Б.Зеест датировала (не ранее середины — В.Г.) III в.н.э. (Зеест, 1950); И.Т.Кругликова позже несколько подняла эту дату до «конца III или начала IV в.н.э.» (Кругликова, 1958Б, с. 249).

В 1950 году Киммерикскую экспедицию возглавила И.Т.Кругликова.

В 1950 — 1951 гг. Киммерикской экспедицией у берегового обрыва восточнее «Змеинного» холма (Рис. 17) был вскрыт частично разрушенный береговой абразией жилой комплекс из нескольких помещений (не менее 3-х) I — II вв.н.э. и несколько хозяйственных ям. Исследования «Берегового» раскопа дали и другой исключительно важный материал. В рыхлой предматериковой супеси мощностью 0,6 — 1,2 м, подстилающей «эллинистические слои», были обнаружены многочисленные фрагменты лепных сосудов «катакомбно-го облика», фрагменты валиковой керамики, декорированные пальцевыми вдавлениями, фрагменты сосудов с резным декором и насечками, кремневые отщепы с ретушью, кремневые наконечники стрел, фрагмент каменного полированного топора и другие находки, относящиеся к эпохе поздней бронзы (керамика была определена О.А.Кривцовой-Граковой) (Зеест, 1949,

с. 101; Кругликова, 1952, с. 111; Кругликова, 1958, с. 231 — 234).

В 1950 г., хотя исследования городища Киммерик продолжалось, основное внимание экспедиции на сей раз было сосредоточено на восточном и юго-восточном приморском склоне горы Опук, в те времена еще плохо обследованном. Проведены небольшие разведки, которые вскоре были прекращены, поскольку на юго-восточном склоне обнаружились раннегреческие культурные напластования (поселение «холм А» — В.Г., Рис. 6, 72), к исследованию которых и приступила экспедиция. В ходе работ были вскрыты остатки поселения с жилищами необычной планировки, состоящими из отдельных изолированных помещений с отдельным входом и привратным мощеным двориком, пристроенные к единой глухой стене. Постройка пережила два строительных периода, несколько этапов подсыпки полов. Многочисленный амфорный материал, фрагменты чернофигурных киликов и краснофигурных лекифов, чернолаковой посуды, терракотовых статуэток и т.д. позволили И.Т.Кругликовой датировать поселение рубежом VI — началом IV в. до н.э. (Кругликова, 1952, с. 58—67; Кругликова, 1958, с. 234 — 243). Культурные напластования поселения на «холме А» перекрывали остатки поселения эпохи поздней бронзы с впущенными в материковый суглинок землянками. Керамику из этих слоев И.Т.Кругликова по типу декора разделила на несколько отдельных групп: «сосуды с гребенчатым заглаживанием обеих поверхностей, украшенные веревочным орнаментом»; орнаментированные оттисками тонкой веревки в несколько параллельных рядов; «сосуды с суживающимся горлом и нарезным орнаментом на плечах, сочетающимся с вдавленными ямками»; декорированные «различного

рода валиками»; «с налепными валиками, украшенными вдавленным пальцем орнаментом». Обнаруженный керамический материал И.Т.Кругликова относит к разным периодам — «наиболее ранние к концу II тыс. до н.э., наиболее поздние — к VI — V вв. до н.э.» (Кругликова, 1952, с. 115—116). К сожалению, попытки расширить площадь поселения результатов не дало, иных, сколько-нибудь существенных построек поблизости раскопанного комплекса найти не удалось. Отдельные незначительные следы построек, хозяйственных ям и культурных напластований встречались в окрестностях поселения, но не имели решающего значения. Как мы увидим, это обусловлено не археологической особенностью памятника, а тем, что скорее всего другие комплексы были уничтожены здесь сильнейшими оползнями.

Вскоре гора Опук и ее окрестности перешли под юрисдикцию Министерства обороны СССР, и работы на горе Опук пришлось прекратить. Тем не менее результаты работ Киммерикской экспедиции, вероятно, превосходили ожидания. К числу наиболее важных открытий, сделанных в ходе исследований экспедиции, следует отметить следующие: обнаружение культурных напластований эпохи поздней бронзы на городище Киммерик и «холме А», определение даты возведения оборонительных сооружений Киммерика и времени гибели городища, изучение хозяйственных комплексов Киммерика и определение места города в зерновом производстве Боспора, находки отдельных фрагментов керамических изделий позднеклассического и эллинистического времени на городище Киммерик, обнаружение и исследование раннегреческого поселения на «холме А», обследование цитадели и попытка ее датировки, а также обширные разведочные работы. Ис-

следования И.Б.Зеест и И.Т.Кругликовой, бесспорно, показали достойное место Киммерика в экономической и политической истории Боспора, и вплоть до настоящего времени результаты работ Киммерикской экспедиции широко используются отечественными и зарубежными антиковедами.

В период между 1952 и 1989 годами работы на горе Опук, по указанной выше причине, не проводились, однако по возможности этот район посещался археологами. Небольшие разведки и «ознакомления», правда, не оформленные документально, проводились эпизодически Б.Г.Петерсом, А.А.Масленниковым, О.Д.Чевелевым, В.П.Толстиковым и другими исследователями.

В период между 1949 и 1964 гг. разведки в окрестностях Опука (прилегающие территории вокруг поселков Яковенково, Вазниково, Марьевка и Борисовка) проводил В.В. Веселов, которому принадлежит открытие ряда памятников от эпохи бронзы до раннего средневековья (Веселов, 2005, с. 44—47, 50; 52—53).

В 1989 году исследования на горе Опук и в ее окрестностях (от мыса Кыз-Аул до западного берега Узунларского озера — на востоке и западе и до северного берега Узунларского озера — на севере) продолжила Южно-Боспорская экспедиция Института археологии АН СССР, а с 1996 года — Крымского филиала Института археологии Национальной академии наук Украины, которую возглавил автор³¹. Основной и первоочередной задачей экспедиция поставила перед собой создание подробной археологической карты, основанной на материалах сплошных археологических разведок, проведение небольших разведочных и охранных раскопок и детальной топографической съемки объектов. Другой задачей экспедиции стала организация заповедования горы Опук и

прилегающих территорий древнего антропогенного ландшафта с целью сохранения этого уникального памятника природы и археологии. Инициатива ЮБАЭ в 1997 году увенчалась созданием Национального природного заповедника «Опукский»³².

1.6. ПРОБЛЕМА ЛОКАЛИЗАЦИИ «ПОЛИСА» КИММЕРИКА

Неравномерное освещение древними авторами бурной политической истории Боспорского царства накладывает отпечаток определенной субъективности на результаты исторических построений. Так, одной из малонизученных проблем истории Боспорского государства является возникновение и развитие так называемых малых городов европейского Боспора и в их числе Киммерика. Сведения о них в письменных источниках хронологически неоднородны, крайне скудны и отрывочны, а сами города и ряд нелокализованных пунктов остаются почти неизученными. Письменные источники не донесли до нас каких-либо сведений об основании большинства малых боспорских городов.

Хотя и считается, что большинство из них возникло «на исходе милетской колонизации» (Шелов-Коведяев, 1985, с.51), мы не можем с полной уверенностью утверждать, что они возникли именно в ходе этого исторического процесса, или отрицать то, что они не могли быть основаны ближайшими потомками ионийских колонистов позже, во время освоения земель Керченского полуострова. Почти неизвестной остается история этих городов.

Существование на берегах Боспора Киммерийского двух городов, несущих в своих названиях единый этникон — европейского Киммерика (Κιμμερικόν) и азиатского Киммерия (Κιμμερίον) — явление вполне объяснимое, однако это созвучие названий привело к тому, что порой древ-

ние авторы путали эти города, что, как мы видели, породило длительную дискуссию среди исследователей о роли и месте этих центров в истории Боспора. Трудно согласиться с тезисом О.Н.Усачевой и Г.А.Кошеленко, что «на Боспоре имелось два города под одним и тем же названием» и что «оба боспорских города в источниках назывались и так и этак» (Усачева, Кошеленко, 1994, с.67). В числе немногих упоминаний Европейского Киммерика — у Страбона и Анонимного автора Перипла Понта, употребляется написание Κιμμερικόν πολιν [Strab., XI, 2, 5; Αποπ.ΡΡΕ, 76], в то время как азиатский Киммерий у Псевдо-Скимна, Страбона, Помпония Мелы и Плиния Старшего упоминается в форме Κιμμερία πόλις, τὴν κωμὴν τὴν κιμμερικτὴν, Κιμμεριὸν [Ps.-Scymn., 896-898; Strabo., XI.2.4; Pomp. Mel. De chorogr., I.112; Plin.NH.VI.18; IV.87]. Также разделяет азиатский мыс *Киммерий* и европейский город *Киммерик* Клавдий Птолемей [Ptol., V.8.2; III.6.5].

В тексте афинской псефизмы 425/4 гг.до н.э. среди полисов Понтийского податного округа, выплачивавших форос в казну Афинской архэ, были восстановлены имена ряда полисов боспорского региона Нимфея, Патрея и Киммерика. Под последним, как правило, исследователями подразумевался европейский Киммерик. Первые издатели, а позже Б.Н.Граков (1939, с. 237), восстанавливали название города в псефизме как Κιμμερίον. Подобного восстановления придерживался ранее и В.В.Латышев (Латышев, 1909, с. 74), правда, не уточняя, какой из двух городов он имел в виду. В последней работе, посвященной этой проблеме, О.Н.Усачева и Г.А.Кошеленко принимают восстановление названия как Κιμμερίον, оговариваясь, что возможно и другое восстановление — Κιμμερικόν (Усачева, Кошеленко, 1994, с.65). Иных же городов, названия которых

начинались бы с букв Κιζ, на северопонтийском побережье неизвестно.

Наиболее подробное описание интересующего нас участка черноморского побережья Керченского полуострова от мыса Такыл до Феодосии — региона, где расположен европейский Киммерик, представлено в более позднем источнике — в Перипле Понта Анонимного автора, или Псевдо-Арриана. Источник сообщает, как я отмечал выше, расстояние до Киммерика от Пантикапея, Китея, Феодосии и устья Меотиды, а также приводит прекрасный географический ориентир — два скалистых небольших острова [Αποπ., ΡΡΕ.76 — 77].

Местоположение европейского Киммерика традиционно локализуется на трех холмах юго-западного склона г. Опук, между берегом Черного моря и Кояшским соляным озером (Рис.9). Наиболее живой интерес исследователей вызвала проблема локализации портовой части этого города (подробнее см. раздел II.3.С). Небольшие раскопки, проведенные на западном городище Дюбрюксом, Марти (1928), Зеест, Кругликовой (Кругликова, 1958, с. 219—253) и автором выявили в основном строительные остатки только первых веков н.э., хотя единичные находки раннего материала в слое позволили Зеест и Кругликовой предположить, что поселение на западном склоне «уже существовало в V в. до н.э.» (Кругликова, 1952, с. 57; 1958, с. 222). Отсутствие строительных остатков на западном городище Зеест объясняла тем, что «в условиях скалистой местности культурные отложения, относящиеся к предшествующему периоду жизни города, могли не сохраниться: по всей вероятности, они счищались в процессе жизни города» (Зеест, 1949, с. 98). В качестве аналогии Зеест приводит Пантикапей (мы можем добавить и Херсонес — В.Г.), где поверхность нивелировалась

при очередной перепланировке города. Однако остается не вполне ясным, почему на Киммерике не сохранились ранние античные слои, в то время как в районе «Берегового раскопа» (Кругликова, 1958, с. 231) вскрыт мощный слой эпохи поздней бронзы, подстилающий горизонт с постройками I — III вв. н.э. И.Т.Кругликова дипломатично объяснила отсутствие раннесантичных слоев тем, что во времена раннего Киммерика на месте раскопок располагался городской пустырь (Кругликова, 1958, с. 224). Более к этой проблеме исследователи не возвращались, поскольку на южном склоне горы ими было обнаружено и раскопано небольшое более раннее поселение («холм А»), датированное Кругликовой VI — началом IV в. до н.э. (Кругликова, 1952, с. 67).

Вопрос о локализации раннего Киммерика в настоящее время вновь приобрел актуальность в связи с поднятой проблемой вхождения Киммерика в состав Афинского морского союза. Бесспорно, если во второй половине V в. до н.э. Киммерик мог иметь статус независимого полиса, он, как и ряд других крупных и более мелких центров, включая малые боспорские города, до перехода под власть Боспорского царства мог входить в состав этого союза. Вопрос о статусе Киммерика пока имеет бедную источниковедческую базу: два основных источника — Анонимный автор Перипла и Клавдий Птолемей — называют Киммерик полисом (Κιμμερικόν πόλιν, πόλεα), Страбон также называет «спорный» Киммерик полисом. Не вызывает сомнения, что во времена Страбона и Клавдия Птолемея политико-административный статус Киммерика уже бесспорно отличался от статуса классического греческого полиса. Будучи активными сторонниками версии о вхождении европейского Киммерика в Афинский морской союз, Усачева и Кошеленко (1994,

с. 68) не избежали искушения найти следы полисной инфраструктуры Киммерика на склонах г. Опук. и локализовали «полис» Киммерик VI — V вв. до н.э. на месте раннеантичного поселения на «холме А», считая, что позже город был перенесен на западный склон горы (Усачева, Кошеленко, 1994, с. 68) — на место городища Киммерик, что не согласуется ни с реальной археологической обстановкой на г. Опук, ни тем более с локальными геологическими условиями.

«Холм А» представляет собой скальный останец, расположенный на юго-восточном береговом склоне горы (Рис. 6, 72). В 1950 — 1951 гг. Кругликова исследовала открытое ею и И.Б.Зеест раннеантичное поселение, расположенное на террасе этого останца. На основании находок керамического материала возникновение этого поселения ранее было датировано ими VI — V — началом IV вв. до н.э. (Кругликова, 1958, с. 234 — 242; 1952, с. 61 — 66). Автор справедливо отметила необычное архитектурно-планировочное решение этого комплекса. Он представляет собой четырехкамерную постройку, в которой одно помещение было, вероятно, хозяйственной пристройкой, остальные три помещения имели отдельные входы, вымощенные камнем предвратные дворики и заглубленные относительно дневной поверхности полы помещений. Кругликова, отметив необычную планировку комплекса, отнесла его к местной строительной традиции (Кругликова, 1958, с. 243) (см. также раздел III.3.А). Гибель поселения Кругликова датирует IV в. до н.э., предполагая, что оно прекратило свое существование либо в результате землетрясения, либо в силу изменения политической обстановки, вызванной войной Боспора с Феодосией (Кругликова, 1958, с. 243).

И.Т.Кругликова первая обратила внимание на то, что в древности этот склон горы был более ровным, но его рельеф

сильно изменился «в результате землетрясения и действия воды», здесь образовались овраги, часть склона, включая «значительную часть поселения VI — IV вв. до н.э.» отсела и рухнула в море, в результате чего «все остальное пространство между берегом моря и сохранившейся до настоящего времени частью поселения представляет собой материковый грунт, как бы вывернутый в результате откола и падения почвы» (Кругликова, 1958, с. 234).

Поселение действительно расположено на теле временно стабильного активного оползня, который в историческое время, после возникновения раннеантичного поселения, активизировавшись, деформировал весь приморский склон горы (Клюкин, Голенко, 2000). В связи с исчезновением воды жизнь на поселении постепенно замирает. Важно отметить, что раскопками Кругликовой не выявлено каких-либо следов мощных пожаров и разрушений, которые могли бы говорить о катастрофических военных причинах гибели поселения. На наш взгляд, при активизации оползня блок склона, усиленный крупным скальным останцем, на подошве которого располагалось поселение, не был деформирован, что сказалось на сохранности архитектурных остатков. Подобные подвижки были не единственными на этом участке склона и происходят поныне³³ (Рис.5). На основании наших раскопок на периферии поселения можно утверждать: слой эпохи бронзы, подстилающий культурный слой раннеантичного поселения, до его возникновения был перекрыт на северной периферии стерильным слоем суглинков мощностью до 0,30 — 0,50 м. Кроме того, судя по сохранившимся иллюстративным материалам исследований Кругликовой на «холме А», облик микро-рельефа террасы продолжает меняться и поныне: так, с западной стороны этой террасы, сложенной глинами и рыхлыми колювиально-делювиальными отложениями, продолжается процесс образова-

ния молодой балки, уничтоживший около 1,0 — 1,5 м западной части раскопа; часть остатков поселения эпохи поздней бронзы оказалась перемещенной ниже по склону и сейчас покоится на молодой узкой террасе; в береговом обрыве зафиксированы отложения нимфейской террасы, приподнятые оползнем выдавливания.

Кругликова справедливо отметила, что поселение на «холме А» имеет очень скромные размеры, что, вероятно, не позволило ей видеть в нем ранний Киммерик. Однако обследование Кругликовой окрестностей поселения дало хоть и скромные, но важные результаты — невыразительные фрагменты построек и пятна культурного слоя, отдельных ям, датированных Кругликовой VI — V вв. до н.э. (Кругликова, 1952, с. 67). Как справедливо заметил исследователь, строительные остатки, к которым принадлежат эти невыразительные обрывки стен, ямы и т.д., могли быть уничтожены абразией берега (или перекрыты обвальными породами — В.Г.). Современная дневная поверхность ряда террас и депрессий говорит о том, что оползневые процессы происходили здесь в недавнее время и оползень находится во временно стабильном состоянии. В радиусе 500 м встречены лишь следы стен-оград и аморфные следы небольших построек позднеантичного и раннесредневекового времени. И тем не менее фрагменты амфорной тары V — II вв. до н.э. вместе с материалом первых вв. н.э. часто встречаются по всему приморскому склону горы. Более того, в «каменном хаосе» южного склона горы на некоторых участках прослеживаются³⁴ обрывки каменных кладок, фрагменты построек, в том числе фрагмент мощной (ширина до 2,5 м) стены, сложенной из известняковых блоков размерами более 1,0 м. Кроме того, на северном склоне бухты, получившей условное название «Восточная 5», непосредственно под «холмом А», на первой приморской террасе, в микрорельефе

мною были обнаружены аморфные следы постройки, ориентированной по сторонам света, размером около 4,0х3,5 м или более. На развале постройки подъемный материал отсутствовал, однако юго-восточнее нее собраны в береговом обрыве фрагменты амфор³⁵ с усеченноконусным (стаканообразным) дном [Зеест, 1960, табл. III, 9; Лесбос и «круг Лесбоса» — Монахов, 2003, с. 47-49] второй четверти VI — начала V в. до н.э., хиосских пухлогорлых амфор [Зеест, 1960, табл. IV, 11] конца VI — второй четверти V в. до н.э., амфор Менде [Зеест, 1960, табл. VII, 18] конца VI — I половины V в. до н.э., и фрагменты чернолаковых лекифов (?). Не исключено, что эта постройка, еле различимая в микрорельефе, относится к отдельным объектам в окрестностях поселения, описанным И.Т.Кругликовой (Кругликова, 1952, с. 67).

В 1991 г. было высказано предположение, что поселение «холм А» возникает одновременно с ранними слоями Зенонова Херсонеса в течение второй четверти V в. до н.э., а возникновение ближайшего к Киммерику города — Китея — также относится ко второй половине того же столетия (Абрамов, Масленников, 1991, с. 243 — 247; Молев, 1986), позже Е.А. Молев, ссылаясь на находки из святилища и некрополя Китея, отказался от своего вывода и предложил более раннюю дату основания Китея — конец VI — начало V в. до н.э.: Молев, 2000, с. 42). А.П.Абрамов и А.А.Масленников в своих предположениях опирались лишь на массовый амфорный материал с достаточно широкой датой, в то время как весь материал, найденный в ходе раскопок «холма А», не был описан в той мере, которую требуют современные хронологические построения. О.Н.Усачева и Г.А.Кошеленко, используя датировку Кругликовой и Зеест, считают, что ранний Киммерик («холм А» — В.Г.) уже существовал в VI в. до н.э. (Усачева, Кошеленко, 1994, с. 65). Таким образом, если допустить правильность

датировки раннего материала с западного городища г. Опук (городище Киммерик), выполненной Зеест и Кругликовой, оба этих раннегреческих поселения (как и ряд сельских в округе Опука) возникли, вероятно, практически одновременно.

Важно отметить, что моими разведками 1989 — 1997, 2000, 2003 гг. на склонах г. Опук были собраны различные артефакты от рубежа VI и V вв. до н.э. до раннего средневековья (см. разделы II.4.J; III.3 и др.), зафиксировано антропогенное террасирование северного склона горы подcitателью со следами построек и подпорных стен (Рис.54, 58), на современной дневной поверхности которого был собран аналогичный подъемный материал. На всем южном склоне были также обнаружены остатки небольших объектов античного времени, давших материал рубежа VI — V вв. до н.э., эллинистического времени и первых вв. н.э. Все это говорит о том, что как первоначально, так и в последующие века, помимо территории около «холма А», осваивались все склоны горы.

Таким образом, вопрос о точной локализации раннего «полиса» Киммерика остается открытым: как мы видим, конкретного пра-Киммерика, позже перенесенного на другое место, просто не было, хотя, как это ни парадоксально, этот полис, несомненно, существовал. Так, Г.А.Кошеленко отмечает, что существование городского центра не является определяющим фактором полиса: «Отметим прежде всего, что при таком определении полиса на первый план выдвигается одна (и далеко не самая важная — Г.К.) особенность данного социального организма: сравнительно небольшие размеры территории и объединение вокруг нее одного городского центра. Первая особенность не является определяющей, она производная от более важных сущностей характеристик полиса, вторая же просто неверна. Это доказывают примеры двух самых известных полисов Греции. В Аттике, например, был не один,

а два городских центра (Афины и Пирей), в Спарте же вообще не было городского центра, и она представляла собой объединение пяти деревень. Ту же систему расселения мы видим и в Таренте. Вообще в Греции были достаточно широко распространены политические образования, не имевшие собственных городских центров, но воспринимавшиеся и самими их гражданами, и остальными эллинами как полисы. По всей видимости, подобные политические образования наиболее типичны для архаической эпохи, о чем свидетельствует Фукидид [I,5,1], однако достаточно широко они были распространены и позднее, вплоть до первых веков н.э. Во всяком случае, Павсаний знает политические образования, лишенные городских центров, но обладавшие полисным статусом, как можно понять из его описания Панопея [X,4]: «В стадиях 20 от Херонеи находится фокидский полис Панопей, если его вообще можно назвать полисом, так как в нем нет ни правительственных зданий, ни гимнасия, ни театра, ни площади, ни водоема, куда бы собиралась вода, но жители обитают здесь вдоль горного потока, в полуземлянках, более всего похожих на горные лачуги. Однако у них есть границы их области с соседями и на всефокейское собрание они также высылают своих представителей (синедров)» (Античная Греция, I, 1983, с. 10 — 11).

На нашем уровне знаний археологического наследия Опука и а priori в рамках настоящего исследования мы можем с определенной долей уверенности предполагать, что и у Киммерика также не сложилась регулярная городская застройка. Это можно объяснить целым рядом причин.

Во-первых, в оползневом рельефе Опука запечатлены минимум (В.Г.) три катастрофических события. Первое было значительным и произошло в геологическое время. С ним связано образование старого рва в основании плато горы и основных черт приморского склона горы. Другие

события случились недавно — в историческое время. С ними связана активизация огромного позднеплейстоценового приморского оползня и заложение молодого рва в его головной части (Клюкин, 1995, с. 112 — 117). О времени этой активизации свидетельствуют деформации береговой линии и археологических объектов включая поселение на «холме А». Эти деформации склонов могли привести как к смещению береговых культурных напластований в море, так и к погребению этих напластований оползневой массой. За время существования Боспорского государства, оно, как и сам Опук, неоднократно подвергалось землетрясениям (Винокуров, Никонов, 1999; Толстиков, 1999; Никонов, 2001), некоторые из них, как, например, землетрясение 63 г. до н.э., были катастрофическими, уничтожавшими целые города опустошавшими окрестности. Для Опука с его неординарным геологическим строением последствия землетрясений могли быть не менее разрушительными³⁶. Возможно, во времена Страбона Европейский Киммерик либо еще лежал в руинах, или только начинал оправляться от землетрясения 63 г. до н.э., что и привело к контаминации «двух разных городов со сходными наименованиями» (Тохтасьев, 1984, с. 145 — 146). Таким образом, почти весь южный приморский склон горы, занятый нестабильным оползнем, оказался практически непригодным для развития инфраструктуры городского типа, а активизация оползневых процессов локального характера при сейсмической активности в отдельные периоды заселения Опука вела к разрушению объектов, воздвигнутых на нестабильных приморских склонах.

Во-вторых, немаловажную роль сыграла и гидрогеологическая ситуация на этом склоне горы. Несмотря на наличие нескольких конденсационных источников с внушительным дебитом воды, которые вместе с водозабором из линз пресной воды в отложениях пляжей были един-

ственным источником водоснабжения, их объединение в единую систему водоснабжения города с регулярной застройкой по тем же геологическим причинам было просто невозможно и нецелесообразно. Постоянные микроподвижки могли периодически обезвреживать тот или иной источник и деформировать отдельные участки склона. Создание регулярной застройки в условиях сейсмоопасного, оползневого и круто наклоненного склона требовало огромных физических затрат и, соответственно, городских расходов. В этих условиях наиболее рационально было располагать постройки «кустами» в наиболее удобных местах возле источников и водосбросных разломов, на временно стабильных участках обширного приморского склона (общей протяженностью до 3,5 км). Нами были обнаружены некоторые из них. Кроме того, большую роль в инфраструктуре Киммерика как античного, так и раннесредневекового времени играло обширное террасирование северного и восточного склонов горы. (См. раздел III.3.В)

В-третьих, в начальный период своего существования боспорские полисы имели весьма скромные размеры, не превышавшие несколько гектаров, а численность населения небольшого полиса не превышала нескольких сотен человек [Яйленко, 1979, с. 68]. Сам Пантикапей первоначально вряд ли превосходил другие города [Блаватский, 1964, с. 49]. Кроме того, переход к наземному домостроительству и оформление градостроительной системы, включавшей и общественное строительство, происходит в самом Пантикапее лишь на рубеже не ранее 4-й четверти VI в. до н.э. (Толстиков, 2001 а, с. 390 сл.), и лишь в начале V в. до н.э. осуществляется сооружение первых крепостных стен на акрополе (Толстиков, 2001 а, с. 397 сл.; 2001 б, с. 53 сл.). Более того, только в начале V в. до н.э. из-за дестабилизации внешнеполитической обстановки (сравни: Виногра-

дов, 1983, с. 398—406; 1989, с. 81—109; Толстиков, 2001 б, с. 45 сл. и Долгоруков, 1990, с. 35; Васильев, 1992, с. 114—128; Молев, 1997, с. 27—33; Григорьев, 1998, с. 38 сл.) в малых боспорских городах начинается фортификационное строительство (см. Гайдукевич, 1949, с. 45; 1952 а, с. 217; 1952 б, с. 17—19; Виноградов, Тохтасьев, 1989, с. 27—28; Вахтина, 1991, с. 33—34; Виноградов Ю.А., 1991 а, с. 74; Толстиков, 2001 а, с. 397—398; 2001 б, с. 54—55).

В-четвертых, наличие на г. Опук пластообразной вершины с обрывистыми кромками, делавшими ее неприступной, и расположение там убежища, возможно, позволяло на определенных этапах развития города избегать необходимости возведения фортификационных сооружений вокруг «официального» ядра полиса.

И наконец, возможно незначительное разделение труда среди первых поколений горожан Киммерика, вероятно, в основном специализировавшихся на сельскохозяйственном производстве и транспортировке его продукции, могло не противоречить объединению под именем «полиса Киммерика» конгломерата сельскохозяйственных усадеб и простейших общественных объектов.

Таким образом, под «полисом» Киммериком и последующим боспорским городом следует, на мой взгляд, понимать не какой-либо компактный объект, а весь комплекс памятников, расположенных на склонах горы: западное городище, цитадель, объекты южного, северного и восточного склонов горы, т. е. весь комплекс объектов сельскохозяйственного, ремесленного, сигнально-фортификационного и общественного характера. Пока мы можем лишь предполагать, что активизация оползневых процессов на южном склоне горы в I в. до н.э. послужила одной из причин того, что основная застройка Киммерика первых веков н.э. сложилась на западном (Киммерик) и северном склонах горы, хотя отдельные объекты существовали по всему периметру горы. Характе-

ризуя памятники г. Опук, В.Д.Блаватский назвал гору с расположенными на ней объектами «укрепрайоном» для местного сельского населения (Блаватский, 1961, с. 201), что вполне соответствует одной из функций города — «...античный город, по всей видимости, поначалу зарождался как *refugium*, служивший убежищем для окрестного сельского населения» (Блаватский, 1963, с. 26), поскольку античный полис в первую очередь подразумевает наличие собственной сельской округи — хоры. Подобная характеристика одной из первоначальных функций города как убежища сохраняется в современной исторической науке (Размустова, 1995, с. 78).

Итак, мы можем предполагать, что процесс градостроительства на г. Опук в значительной мере зависел от конкретных геологических условий, не позволявших создать здесь привычную для нас регулярную застройку. Эти условия, вероятно, способствовали возникновению специфической для Боспора формы города, которая тем не менее не была уникальной для античного общества. Блилежащий Китей, расположенный на открытой прибрежной равнине, в отличие от Киммерика, вынужден был создавать компактную застройку, вписанную в городские оборонительные стены. Мы вряд ли сможем точно ответить на вопрос, в чем заключался для Киммерика смысл или вынужденная необходимость в членстве в Афинской архэ в последней трети V в. до н.э., однако не следует игнорировать потенциал хоры этого города, наличие значительных, по сравнению со всем остальным черноморским побережьем Керченского полуострова, запасов пресной воды, хороших корабельных стоянок и стратегическое положение города.

Примечание

¹ Пользуюсь возможностью выразить свою искреннюю благодарность и безмерное уважение этому неутомимому бескорыстному исследователю, к вели-

кому сожалению, безвременно нас покинувшему.

² Конструкции водозаборных устройств Опука мы опишем далее.

³ По словам военнослужащих с близлежащего поста, выше по ложу галереи располагается вырубленный в скале бассейн-водосборник площадью около 5-7 кв. м и объемом не менее 5 куб.м, однако из-за обилия змей обследовать эту галерею мы не решились.

⁴ Об иной локализации этого центра см. ниже.

⁵ Не вдаваясь в подробности частной для нашей работы проблемы территориальных владений киммерийцев, которой посвящена обширная литература, позволим себе заметить, что Геродот сам упоминает один из своих источников по «киммерийскому вопросу»; а также процитировать С.А.Жебелева, который отмечает: «О том, что киммерийцы были вытеснены со своего местожительства скифами, упоминал в своей поэме «Аримаспия» Аристей Проконесский, живший на рубеже VII — VI вв. Об этом говорит Геродот в IV,13, замечая в конце главы, что рассказ Аристея не согласуется со Скифским рассказом, будто бы скифы были автохтонами. Действительно, по рассказу Аристея выходит, что скифы были вытеснены из своего прежнего местожительства исседонами и сами, в свою очередь, вытеснили киммерийцев, живших у «южного моря», под которым, очевидно, нужно разуметь Понт Евксинский, названный «южным» в противоположность к северному морю, около которого жили гипербореи» (Скифский рассказ Геродота // С.А. Жебелев. Северное Причерноморье. Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. М.-Л., 1953, с.337). Сам Сергей Александрович локализовал «главное местопребывание киммерийцев» в пределах Керченского полуострова, что формально подтверждается свидетельством Дионисия Перизгетта, который сообщает, что «киммерийцы живут у холодной подошвы Тавра» (Dion.Perg., 168), несомненно подразумевая под восточные и северные предгорья Крымских гор; «Киммерийскую же область» античных источников С.А.Жебелев помещает в северо-восточной части Керченского полуострова (Там же. Народы Северного Причерноморья в античную эпоху. с. 255 и прим. 2).

⁶ Проблема локализации этих пунктов, а также свидетельство Страбона о городе Киммерике и селении Киммерии будут рассмотрены ниже.

⁷ Дальнейший анализ письменных источников о Киммерике будет построен на сопоставлении сведений о двух боспорских городах европейского Киммерика и азиатского Киммерия (Киммерика, Киммериды, Киммерийского селения и т.д. — у разных авторов), что связано с проблемой их локализации и идентификации.

⁸ Этому вопросу ниже будет посвящен небольшой экскурс.

⁹ Мною использованы расстояния от мыса Чауда

вдоль береговой линии. Поскольку побережье между Киммериком и Казекой, Казекой и Феодосией более выпрямлено и не осложнено значительными курсовыми изгибами (как, например, у мысов Камыш-Бурун и Такиль), расстояния между указанными пунктами совпадают более точно. Однако расхождение в реальном расстоянии между м. Чауда и г. Митридат, составляющее чуть более 4 км, не кажется мне существенным.

¹⁰ В большой степени на современный режим озера Качик оказало влияние строительство насыпи для шоссейной дороги, проложенной по песчаной перемычке между озером и морем, однако сохранилось описание озера, приведенное П.С.Палласом: «Соленое озеро Качик находится у мыса того же названия, ограничивающего с востока Кафский залив: самая большая его ширина — у Черного моря, отделяемого от Черного моря узкой персыпью, песчаной и низкой. В нем осаждается мало соли вследствие текущих в него пресных вод» (Паллас, 1999, с. 203).

Здесь я пользуюсь возможностью выразить свою искреннюю благодарность командованию пограничной заставы и метеопоста Черноморского флота, в первую очередь, кап. II ранга Евгению Ляхову, предоставившим возможность провести разведочные работы на м. Чауда и в его окрестностях.

¹¹ Стела была обнаружена на небольшой террасе непосредственно под остатками юго-западной куртины цитадели на вершинном плато г.Опук. Плита, вероятно, была использована в ограде современного пастушеского убежища. Условия находки говорят о том, что она скорее всего попала сюда с площади цитадели и вряд ли была привнесена из другого места.

¹² Квадратными скобками в настоящей работе обозначены не только письменные источники, но и работы, на которые автор ссылается как на источник (публикации источников, каталогизированные издания и т.д.). Остальная библиография помещена в круглые скобки.

¹³ Подробная характеристика «Географии» Страбона и анализ его источников детально рассмотрен в исследовании Л.И.Грацианской: «География» Страбона. Проблемы источниковедения. // Древнейшего государства на территории СССР. 1986 год. М., 1988.

¹⁴ См. Ростовцев, 1925.

¹⁵ Пользуюсь возможностью поблагодарить Якова Максимовича за предоставленные материалы этого редкого издания и помощь в изучении палеогеографии Боспора в годы нашей совместной работы в Институте природного и культурного наследия.

¹⁶ См. также: Десятчиков, Горлов, 1977, с. 95 — 96.

¹⁷ Динской залив — современное образование (В.Г.).

¹⁸ Многие элементы современного побережья Таманского полуострова (лиманы, мысы и т.д.) сформировались сравнительно недавно, в античное время из-за изменения уровня Черного моря ситуация на

полуострове была иной (См. Паромов, 1997).

¹⁹ Название, которое, насколько я могу судить, дано в наше время.

²⁰ Длительные попытки найти приемлемый вал и ров на Таманском полуострове, который бы совпадал с характеристикой Страбона, насколько мне известно по доступной археологической литературе, пока не дали сколь-либо приемлемых результатов.

²¹ Надо признать, что городище Тиритака также записала с юга линию другого — Тиритакского вала, ограждавшего окрестности Пантикапея и пересекавшего полуостров. Однако масштабы этого сооружения менее значительны, и Страбон ничего о нем не сообщает.

²² Я позволю себе здесь опустить др.-греческий перевод этих и нижеследующих терминов.

²³ См. ниже.

²⁴ Как мы увидим, археологическая ситуация на памятниках, расположенных на склонах горы Опук, позволяет утверждать, что жизнь не прекращалась здесь на протяжении всего античного периода. Что же касается до сих пор археологически незафиксированной урбанистической застройки раннего Киммерика, то речь о ней пойдет ниже.

²⁵ В начале этой главы автор считает необходимым выразить свое искреннее признание историографическому энтузиазму И.В.Тункиной (Санкт-Петербург), в сравнении с даже наиболее минорными работами которой сей раздел выглядит как краткий обзор.

²⁶ При этом П.С.Паллас впервые высказывает предположение, что название Таш-Качик, возможно, представляет собой, в своей второй части, искаженное название «Казека».

²⁷ И.В.Тункина сообщает любопытный факт, что П.И.Бларамберг в 1827 году без согласия потребовал скопировать чертежи Дюбрюкса, которые были переданы в Петербург как выполненные Бларамбергом. За это якобы Бларамберг получил титул действительного статского советника, что и послужило началом конфликта между исследователями (Тункина, 1999, с.18). В такой ситуации мы не можем быть доподлинно уверены в авторстве схемы горы Опук, опубликованной Бларамбергом, хотя план городища Киммерик, как мы уже говорили, отличается от плана Дюбрюкса, что позволяет, на мой взгляд, считать его принадлежавшим Бларамбергу.

²⁸ Или Элькенское озеро, что расположено у западного склона горы Опук.

²⁹ Инв.№ 8577, шифр 1118 и 7.

³⁰ Выделение текста относится к пропущенным З.Аркасом расстояниям Перипла.

³¹ В работах экспедиции также принимали уча-

стие Ю.В.Горлов (1989-1990), О.Н.Усачева (1990-1992), И.М.Безрученко (1992), Н.Ф.Федосеев (1991-1995), Н.И.Сударев (1995), А.В.Джанов (1997) и А.А.Клюкин (1989-2005).

³² В подготовке научного обоснования заповедника «Опукский» ЧФ. Я пользуюсь возможностью упомянуть этих людей, без чьих стараний создание заповедника было бы просто невозможным, и выразить им мою искреннюю благодарность: А.Клюкин, Н.Боков, Б.Вахрушев, В.Крженевский, В.Вижевский (он же и первый директор заповедника), Ю.Комов, О.Сергеева, А.Филатов, А.Трошев, Е.Ляхов, В.Дядюнов и др.

³³ Тело горы лежит на глинах и подвержено оползням. В 1991, 1997 и 2003 гг. автор этих строк был свидетелем оползней на юго-восточном склоне горы, охвативших площадь в несколько тыс. кв.м.

³⁴ Способность различать в этом каменном «хаосе» обрывки стен приходит, к сожалению, с опытом, когда после неоднократных обследований удастся «набить глаз» на естественные и антропогенные образования. Именно этим можно объяснить множество неточностей и «зрительных фантазий» в описании древностей Опука у П. Дюбрюкса.

³⁵ Поскольку определение аморфного материала осуществлялось в разные годы, автор придерживается ссылки на общепринятую работу И.Б. Зеест (1960), при необходимости — новейшие издания.

³⁶ Я не исключаю, что жизнь на городище Киммерик прекратилась в III в.н.э. в результате очередного землетрясения «первых вв. н.э.», по крайней мере, в заложенном Южно-Боспорской экспедицией береговом раскопе, нами была обнаружена трещина в материковой скале, с которой, вероятно, связана деформация постройки. Кроме того, при исследовании зольника цитадели на вершинном плато горы были обнаружены аналогичные трещины, затухающие в культурном слое (см. ниже и выше).

ФОРТИФИКАЦИОННЫЕ СООРУЖЕНИЯ ГОРЫ ОПУК И ЕЕ ОКРЕСТНОСТЕЙ

II.1. ВВЕДЕНИЕ. СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА ОБОРОНЫ

При анализе организационно-планировочных принципов и приемов возведения античных фортификационных систем в первую очередь необходимо учитывать основную стратегическую цель создания этих трудоемких и дорогостоящих сооружений. В современной историографии справедливо различаются принципы и масштабы обороны населенных пунктов различного назначения и времени, функциональные отличия ряда которых достаточно условны. Следует учитывать, что разные города эллинского мира обладали неравнозначными возможностями развития своих фортификационных систем, которые «были весьма важным показателем не только экономического потенциала полиса, но также и военно-политической ситуации» (Толстикова, 1984, с.28.) , и, добавим, военно-административного статуса города. Так, они были различны у небольших городских центров, расположенных на преимущественно сельскохозяйственных территориях и служащие своеобразным «*refugium*» для окрестного сельского населения; у крупных торговых центров, в выборе места для возведения и планировки которых использовались несколько иные принципы. Более разнообразной структурой обороны обладали древние «мегаполисы», фортификационные принципы планировки которых иногда диктовались их полифункциональностью. Также несколько иными были требования, предъявляемые к возведению отдельно стоящих крепостей, располагавшихся как на побережье, так и в глубине территорий и выполнявших свои специфические функции.

При сложении единого Боспорского государства, в одну из задач которого входила оборона обширной сельскохозяй-

ственной территории, оборонительные назначения городов стали играть двойную роль. С одной стороны, они входили в общую систему обороны государства, с другой — оставались убежищем для местного (греческого и варварского) земледельческого населения.

При анализе структуры фортификации Боспорского государства в целом и его городов в частности не вполне корректно, на мой взгляд, искать прямые аналогии в градостроительстве других регионов эллинского мира и строить на этих аналогиях хронологию не полностью изученных памятников (напр.: Горлов, Лопанов, 1997, с. 140).

Города Северо-Восточного Причерноморья, и в их числе города европейской части Боспора, возникли на землях, ранее принадлежавших варварам, в окружении многочисленного мигрирующего и отчасти оседлого варварского населения, отношения с которым были то мирными, то враждебными. Часть этого населения вскоре осела в этих городах или обитала в их непосредственной близости. Поэтому безопасность городов во многом зависела как от характера отношений государства с варварским населением, так и от этнополитических и социальных процессов, происходивших в самом варварском мире. Эти процессы оказывали огромное воздействие на весь ход исторического развития Боспора. И хотя взаимоотношения с варварским окружением не всегда были равными, многоплановый симбиоз варварской (сначала скифской а, позже и скифо-сарматской) и греческой культур на Боспоре наводит исследователей на мысль о существовании своеобразного греко-варварского государства в Северном Причерноморье (Rostovtzeff, 1930, p.263; Исмагилов, 1993, с. 64).

II.1.A. ВОЕННАЯ ТАКТИКА СКИФОВ, САРМАТ И БОСПОРЯН (ОБЩИЙ ОБЗОР)

О военном искусстве в античных городах Северного Причерноморья, скифов, сармат и боспорской тактике мы знаем немного. Разрозненные сведения письменных источников и данные археологии наиболее полно приведены и проанализированы в последние десятилетия в работах В.Д. Блаватского (1946, 1954); М.П. Мелюковой (1950, 1964); В.И. Холмогорова (1939); С.Б. Буйских (1991); С.Г. Колтухова (1999); И.Н. Храпунова, С.Г. Колтухова и В.Ю. Юрочкина (2004), А.Е. Пудровского (1992, 1995, 2001а,б), В.П. Толстикова (1985 и др.); В.А. Горончаровского (1993, 2001, 2003); Ю.А. Виноградова (2004), А.К. Нефедкина (2004) и других исследований, что позволяет нам ограничиться лишь самыми общими положениями.

О скифской тактике мы знаем немного. В целом, скифы не предпринимали длительных осад, а предпочитали неожиданный конный налет с интенсивным обстрелом стрелами, в том числе и зажигательными (Мелюкова, 1964, с. 85), и столь же неожиданное отступление (Мелюкова, 1950, с. 38). Известно, что при штурме Ктенунта в конце II в. до н.э., скифы лишь засыпали ров землей, хворостом и другими подручными материалами (Буйских, 1991, с.119), что, тем не менее, не привело к ожидаемому результату. Однако, не стоит и принижать осадную технику скифов (Блаватский, 1947, с.89-93), ибо не исключено, что вскоре они могли перенять эллинский опыт использования осадных машин (Мелюкова, 1964, с. 85; Сокольский, 1971, с. 78) и камнеметов, о чем, в частности, говорят противотаранные панцири усадебных башен на ближней и дальней

хоре Херсонеса, оборонительные сооружения самих скифов (Колтухов, 1999, с. 80 сл.), а также изображение тарана или осадной башни на схематическом граффити на штукатурке дома II в.н.э. в Неаполе Скифском (Буйских, 1991, с. 119).

У собственно сармат, постепенно к первым векам н.э. сменивших на таврической исторической арене скифов, как и у большинства кочевников, война была одним из «средств производства». Как сообщает Аммиан Марцеллин, сарматы, как и большинство кочевников, не владели искусством осады городов [Аmm. Marc., XXIX, 6,12] и стремились захватывать города или поселения неожиданно, «с наскока», не прибегая к длительной осаде (Нефедкин, 2004, с. 83—98). Об этом в частности сообщает легенда об Амаге, жене царя сарматов Медосакка, переданная Полиеном (60-е гг. II в.н.э.) и ее набегах на резиденцию скифского царя (Polyaen., Strateg., VIII, 56) в первой половине II в. до н.э. (Пуздовский, 1991).

О тактике осады городов сообщает в Н. Мезии и Фракт Публий Геренний Дексипп (III в. н.э.) (Латышев, 1948 б, с.308-309).

Несколько иначе, уже с применением осадных орудий осуществлялась осада «скифами» города Филиппополя, расположенного на реке Гербе на границе Фракии и Македонии. (Латышев, 1948 б, с.309-310). Осадные орудия и механизмы были также использованы варварами и при осаде города Сиде в Ликии.

Для истории Боспора, несмотря на ее бурное течение, имеется крайне ограниченное число источников, так или иначе, прямо или косвенно отражающих тактику обороны боспорских крепостей и эволюцию осадного дела как самих боспорян, так и их варварского окружения. Наиболее раннее упоминание использования осадной техники на Боспоре относится к периоду правления Митридата VI Евпато-

ра [Буйских, 1991, с. 119; App. Mithr., 107]. К раннему периоду боспорской военной истории относятся сообщения Полиена об осаде Феодосии в ходе борьбы Сатира I и Левкона I за обладание этим регионом, сопровождавшей процесс сложения царской формы правления, объединения боспорских полисов и территориальной экспансии ранних Спартокидов. Осада города была длительной, что свидетельствует о мощности ее оборонительных сооружений.

Несколько более информативны сведения, приведенные Диодором (вторая половина I в. до н.э.). В XX книге Диодор приводит подробные сведения о междоусобной войне за власть сыновей Перисада — Евмела, Сатира и Притана, в которой принимали участие в качестве союзников Сатира греческие наемники, фракийцы и скифы, а на стороне Евмела — фатеи во главе со своим царем Арифарном. Междоусобица завершилась битвой при реке Фате, которой дается подробное описание, дающее представление о состоянии военного дела того периода (Diod., XX, 23. Блаватский, 1946).

Дальнейшая военная история Боспора вплоть до конца II в. до н.э. практически не освещена прямыми сообщениями письменных источников (Блаватский, 1954, с. 67; о событиях военной истории Митридата VI и его приемников подробнее см. App., Mithr.; Сапрыкин, 2002).

Описывая войну Митридата VIII и Котиса, которая велась при поддержке Рима, тот же Корнелий Тацит приводит краткое описание осады города сираков Успы в бассейне Кубани (?), «в трех днях пути от реки Танаис» [Тас., App., XII, 17]. Город был расположен на возвышенности и укреплен стенами и рвами. Оборонительные стены были возведены не из камня, а из «плетней и прутьев с насыпанной между ними землей». «Осаждающие (Котис и

римляне — В.Г.), выведя выше стен башни, бросаемыми с них факелами и копьями приводили в смятение осаждаемых, и если бы ночь не прекратила сражение, то взятие города было бы начато и завершено в один день» [Тас., App., XII, 16].

Владение искусством осады городов являлось одним из ключевых, решающих моментов в военно-политической жизни древности, поэтому естественно, что анализу основных приемов осады были посвящены труды древних полиоркетиков.

Осада города, если она становилась длительной, что было довольно частым явлением в античном военном деле, представляла собой трудоемкое сложное мероприятие, требовавшее четкой организации как самих осадных операций, так и предшествующих им подготовительных работ. Одним словом, легион должен иметь при себе и возить с собою все, что считает нужным при любом виде войны, чтобы разбитый на любом месте лагерь мог превратиться в вооруженный город» [Veget., II, 25]. Апполодор Дамасский (II в.н.э.) в своей «Полиоркетике» [fr.139] и Афиней в сочинении «О машинах» [fr.16] перечисляют все необходимые приспособления для успешной осады городов [fr.139].

II.1.В. СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА ОБОРОНЫ БОСПОРА

Система обороны самих малых городов Европейского Боспора как на этапе самостоятельности, так и в рамках Боспорского государства на раннем этапе была достаточно скромной, опиралась на особенности рельефа и ограничивалась, как правило, линией крепостных стен, зачастую сырцовых (крайне редко усиленных крепостными рвами)², возводимых по периметру ядра города с традиционным акрополем. В ранней боспорской фортификации башенные конструкции неиз-

вестны — их роль, вероятно, выполняли сооружения бастионного типа (Вахтина, Виноградов, 2001, с. 42). Эти элементы мы встречаем в планировке Мирмекия, Тиритаки, Нимфея, Китея, Зенонова Херсонеса и ряда безымянных поселений Караларского побережья Азова. Так, ранняя оборонительная стена Порфмия, воздвигнутая во второй половине VI в до н.э., имела толщину только 1,10 м (Вахтина, 1995, с.31). Каменная или сырцово-каменная стена акрополя Мирмекия, также сооруженная «вскоре после середины VI в. до н. э.» (Вахтина, Виноградов, 2001, с. 41—45), тоже не была рассчитана на длительную осаду (Виноградов, 1995, с. 35), а сам город был обнесен оборонительными стенами лишь в начале IV в. до н.э. (Археология СССР, 1984, с. 66). Во многом это было обусловлено не только внешнеполитической обстановкой, но и возможностями гражданского коллектива и дальнейшей, несколько подчиненной ролью этих городов в единой оборонительной системе Боспорского государства. Более мощные оборонительные сооружения в городах Боспора появляются, главным образом, в эллинистическое время³.

Хотя в современной историографии существует мнение, что развитие первых оборонительных сооружений в городах по обеим сторонам Боспора Киммерийского (изученных археологически — В.Г.) приходится на период политико-экономического подъема 70—30 гг. V в. до н.э. (Шелов-Коведяев, 1985, с.79), однако не следует также забывать и о процессах, происходивших в варварской среде, о курсе образованного государства на расширение своих территориальных владений, а также об активизации политики Афин в Понтийском регионе. Эти обстоятельства, безусловно, могли стимулировать ускоренное развитие системы обороны городов, в том числе и еще не вошедших в его состав.

Так, например, к моменту начала войны за Феодосию этот город был, вероятно, внушительно укреплен, что в определенной мере и вызвало длительность его покорения (Шелов-Коведяев, 1984, с. 123; Петрова, 2000, с. 75—76).

С раннего этапа существования боспорских городов, а затем сформированного с их участием государственного образования одним из наиболее эффективных и актуальных приемов обороны от кочевников всего государственного земельного фонда, самих городов и подвластного населения стало возведение валов и рвов, пересекавших меридианально весь Керченский полуостров и создававших на большой протяженности несколько эшелонов защиты, — явление не столь частое в античной практике⁵ и более характерное для Римского государства. Система рвов и валов на разных этапах истории государства дополнительно усиливалась размещением в узловых пунктах воинского контингента, осуществлявшего охрану этих рубежей, в небольших крепостях и фортах.

На территории европейской части Боспора известны три линии валов, создававших глубоко эшелонированную систему обороны внутренних территорий государства. К ним относятся так называемый Ак-Монайский и Узунларский валы и рвы, Тиритацкий вал. Их дополняют отдельные локальные валы (Масленников, 1998, с. 219 — 220; 2000, там же илл.; Масленников, 2003), игравшие эпизодическую или второстепенную роль.

Датировка этих внушительных инженерных сооружений до настоящего времени вызывает множество споров, несмотря на отдельные попытки археологических исследований их участков и элементов.

Самым западным валом Европейской части Боспора является так называемый Ак-Монайский вал, плохо сохранившийся и почти неизученный до настоящего вре-

мени. Ширина вала составляет чуть более 10 м, а рва около 10—15 м. Вал сохранился на отдельных участках. Он, следуя рельефу местности, шел от побережья Азовского моря к Парпачскому гребню и далее к окрестностям Феодосии. Вал был укреплен башнями. Во времена путешествий Ж. Ромма, П.С.Палласа и М.Е.-Д.Кларка сохранность этой фортификационной линии была значительно лучше (Паллас, 1999, с. 118; Кларк, 1999, с. 36).

В последние годы были предприняты отдельные попытки обследования Ак-Монайского вала. А.А.Масленниковым в 1996 году были выявлены «остатки земляных укреплений» в виде вала и рва у его западной поры, которые были обнаружены в пяти км к западу от Арабатской стрелки и прослежены на длину 1 — 1,5 км (Масленников, 1998, с. 218 — 219). В последние годы обследование по линии Ак-Монайского вала были проведены А.В.Гавриловым (Гаврилов, 2001). Земляной вал имеет ширину до 18 м и на отдельных участках сохранился на высоту до 2, 5 м, но в целом сохранившаяся высота вала не превышает 0,2 — 0,5 м. Ров шириной не менее 10—15 м, прослеживается лишь на отдельных участках — он сильно запыл в результате проведения современных сельскохозяйственных работ. Вал, вероятно, следует датировать эллинистическим временем. При визуальном знакомстве с этим валом⁶ бросается в глаза его конструктивное сходство с Узунларским валом⁷, а также близость основных параметров и конструкции Ак-Монайского и Кояшского валов (См. раздел II.5.А), позволяющее считать их сооружениями единой системы.

Наиболее внушительным сооружением линейной системы обороны Боспорского государства является Узунларский, Аккозов или Киммерийский вал и ров, пересе-

кающие центральную часть полуострова от Азовского моря до Узунларского озера.

Система рвов и валов не была рассчитана на долговременную оборону и, в первую очередь, ставила перед собой целью сосредоточение наступавшего противника (как правило, варварской конницы) у укрепленных и охраняемых проходов и ворот. Наличие глубокого рва с круто наклоненными бортами, усиленное уклоном тела самого вала, возможно, подтопленное грунтовыми и поверхностными водами дно рва делало это препятствие труднопроходимым для конницы.

Оборона сельскохозяйственной территории от вторжения варваров, в которой валам и рвам отводилась первоочередная роль, была характерна для всех государств Северного Причерноморья — валы и рвы охраняли также сельскую территорию Ольвии и дальнюю хору Херсонеса (Буйских, 1991, с. 114—115).

Система валов Керченского полуострова — основных и локальных — играла и еще одну существенную роль, которую часто не упоминают исследователи. Они также выполняли и коммуникационные функции между различными территориями полуострова, о чем, в частности, свидетельствуют следы дорог вдоль тыльной стороны Узунларского вала. Валы, даже при отсутствии дорог, в условиях распутицы могли активно использоваться как транспортные маршруты.

Первые сведения об Аккозовом вале (по названию крымскотатарской деревни Аккез) мы встречаем у Жильбера Рома, посещавшего Крым в 1786 г. (Ромм, 1941, с. 54). В заметках П. Палласа приводится достаточно подробное его описание. Разведки, проведенные О.Д.Чевелевым, выявили на Узунларском валу следы 14 башен и 11 проходов (Масленников, 1983, с. 18).

Первоначальная дата сооружения вала до сих пор вызывает споры среди исследователей, часть из которых относит возведение этой фортификационной линии к доантичному периоду, считая, что он был линией обороны киммерийцев от номадов Степного Крыма⁸; другие — относят его к античному времени. Поперечные стратиграфические разрезы вала, осуществленные в 1973—1984 гг. Северо-Крымской экспедицией Института археологии АН УССР подтвердили датировку вала античным временем⁹. По мнению Ф.В.Шелова-Коведяева сооружение Узунларского вала относится к началу IV в. до н.э., когда в городах Боспора наблюдается интенсивное строительство (Шелов-Коведяев, 1985, с. 117). Ряд исследователей полагает, что во второй половине I в. до н.э., при царе Асандре, ведшем активное фортификационное строительство на обеих сторонах Боспора, и Узунларский вал подвергся реконструкции¹⁰.

Несмотря на неоднократные исследования Узунларского вала в XIX — в начале XXI вв., датирующие материалы, позволяющие воссоздать полностью хронологическую колонку памятника, встречались достаточно редко.

Впервые раскопки вала были предприняты И.Бларамбегом в 1827 г. на отрезке в окрестностях станции Султановка или Аккос (современный пос. Горностаевка). Материалы этих исследований сохранились лишь частично (Шмидт, 1941, с. 272 — 273). По его измерениям ширина вала составила 28,5 м (40 аршин) и рва — 14, 2 м (20 аршин). Также были обнаружены кладки каменного основания вала в виде «остатков стены или фундамента, сложенных из грубых камней, наваленных без всякой системы» и подобия «стены или фундамента из тесаных камней, собранных без цемента одного на другом, параллелограммической формы», остатки

фундамента башни (Архив ИИМК. Дело № 197, 1852).

В 50-х годах XIX в. в ходе подготовки издания «Древностей Боспора Киммерийского» Узунларский вал вновь подвергся археологическому исследованию (в окрестностях г. Атаманской, совр. Горностаевка, современными пос. Горностаевка и Белинское).

В последующем археологические работы на Узунларском валу были продолжены только в 1926 году благодаря случайной находке богатого подкурганного погребения восточнее деревни Марфовка. Оно было исследовано Ю.Ю.Марти, который провел и обследование самого вала, отметив наличие рва с западной стороны вала, проходов и остатки фланкирующих их башен (Марти, 1926, с.48). Находка в наиболее раннем из встреченных в упомянутом кургане погребений фрагментов чернолаковых сосудов IV — III вв. до н.э. (Сокольский, 1957, с. 93) вновь подняла вопрос о пограничном назначении вала и рва, которые Ю.Ю.Марти считал границей государства до присоединения при Левконе I (387—347 гг. до н.э.) Феодосии к Боспору (Марти, 1937, с.10). Эту точку зрения поддержал, в частности, К.Э.Гриневич, определив возникновение этой оборонительной линии периодом от 405 г. до н.э. до завоевания Феодосии Спартокидами в первой четверти IV в. до н.э. (Гриневич, 1947, с.61). Н.И.Сокольский несколько критично оценил результаты этих исследований, полагая, что в период 405—380 гг. до н.э., когда Боспор вел «длительную наступательную войну против Феодосии», ранние Спартокиды вряд ли обладали достаточными силами и ресурсами для возведения столь внушительных оборонительных сооружений (Сокольский, 1957, с. 93).

Узунларский вал стал дважды объектом исследований и Боспорской экс-

педиицей, возглавляемой В.Ф.Гайдукевичем. Работы производились в 1940-м и в 1951-м годах, однако их материалы остались неопубликованными.

В 1951 г. вал был обследован экспедицией В.Д.Блаватского (Блаватский, 1954, с. 102 сл.), а в 1952 г. вал вновь был обследован где-то в районе селения Тасуново Н.И.Сокольским. Общая ширина вала и рва по измерениям Н.И.Сокольского составила 34 м, при этом вал сохранился «в этом месте на высоту 2,56 м, а ров имеет глубину 2,00 м» (Сокольский, 1957, с. 94).

Н.И.Сокольский, вслед за В.Ф.Гайдукевичем, не исключал догреческое происхождение Узунларского и Тиритакского валов (Сокольский, 1957, с. 95). В недавнее время эти идеи вновь приобрели своих новых нестойких приверженцев (Масленников, 1998, с. 222 сл.; 1983).

Сооружение Северо-Крымского канала и связанные с этим строительством мелиоративные работы послужили причиной проведения охранно-археологических исследований Узунларского вала в первой половине 80-х годов. На одном участке вала в долине Эль-Шенгель (западнее пос. Горностаевка) были проведены довольно обширные раскопки основного вала и еще двух валов, усиливающих основной вал и примыкавших к нему в котловинной части долины, наиболее удобной «для прорыва вражеской конницы» в глубь полуострова восточнее вала (Мосейчук, 1983, с. 74—77). Первый вал сохранился на высоту 1,6 м при ширине до 35 м. А высота и ширина второго составляют 0,6 и 15 м на 1310 м. Третий вал протяженностью 900 м имел высоту 0,5 м, а ширину 13 м. В древности ширина рва равнялась 21 м, а глубина 2,5 м. В 12 м от подошвы основного вала были выявлены три параллельно лежащих ряда камней. Это кладка с забутовкой без раствора, состоящая из трех рядов равноуго необработанного известняка. (Мосей-

чук, 1983, с. 74—77). Как отмечает автор статьи, незначительное количество фрагментов керамики (31 экз.), найденной при шурфовке памятника, изготовленные из боспорской, синопской и родосской глин, затрудняют более точную датировку памятника (Мосейчук, 1983, с. 77), нежели период эллинизма (В.Г.).

Еще три разреза Узунларского вала на том же участке под снос близ поселка Горностаевка были произведены в 1984 году Северо-Крымской экспедицией под руководством В.А. Колотухина. Его дно неровное, в центре оставлен продольный выступ — «гребень», ширина которого у основания 0,5—0,6 м, высота 0,7—0,9 м. На основании полученных материалов сооружение этой оборонительной линии исследователи относят ко времени не ранее V — IV вв. до н.э. (Колотухин, 1984, с. 29; Колтухов, 1999, с. 87).

Проведенные автором совместно С.Б. Ланцовым в 1999 году охранно-археологические работы на одном из участков вала южнее городища Савроматий позволили определить дату последней реконструкции вала и рва. Это в свою очередь, учитывая опыт предшествующих исследований Узунларского вала в общих чертах определить нижнюю и достаточно точно — верхнюю дату бытования этого оборонительного сооружения. По проекту трасса газопровода Джанкой — Керчь вновь пересекла линию Узунларского вала на участке в 1300 м к северу от 73-го километра шоссе на дороге Феодосия — Керчь и в 2450 м к югу от городища Савроматий. На этом участке вал сохранился не полностью — отрезок от места разреза вала газопроводом до трассы Феодосия — Керчь в первой половине 1980-х годов был снивелирован, как мы уже отмечали, под орошаемые сельскохозяйственные угодья (Мосейчук, 1983; Колотухин, 1984).

Раскопчной траншеей был получен полный профиль рва, примыкающего к валу с запада, и стратиграфический разрез западной половины вала до уровня погребенной телом вала древней дневной поверхности. Вал представляет собой земляную комковатую¹¹ насыпь без следов какой-либо крепиды. Под воздействием естественных процессов и многолетней распашки насыпь значительно оплыла, почти полностью заполнив ров. Современная ширина вала на данном участке составила 22,5 — 23 м. Верхняя часть вала уплощена и его современная дневная поверхность в верхней точке почти полностью совпадает с напластованиями позднейшей досыпки вала. В настоящее время вал сохранился на высоту до 3,5 м.

Ширина рва, впущенного в материковые суглинки, составляет чуть более 17,0 м. Его глубина относительно вершины вала составляет 6,10 м. В древности ров был заглублен в грунт на глубину 2,50 м относительно погребенной древней дневной поверхности. Постепенно как в ходе расчистки рва в древности, так и из-за постепенного размыва самого вала, дно рва оказалось расположенным на глубине 3,25 м относительно современной поверхности. Ров имел относительно пологий западный склон, однако восточный склон с учетом наклона борта вала делал ров труднопреодолимым. В нижней части рва поверхность его дна на протяжении 3,50 м относительно ровная и совпадает, как и на участке, исследованном В.А. Колотухиным (Колотухин, 1984, с. 29), с современным уровнем грунтовых вод. Не исключено, что на равнинной части, даже с учетом произошедших за последние тысячелетия изменений залегания грунтовых вод, ров выбирался именно до их уровня, что делало дно рва заболоченным и труднопроходимым.

При зачистке дна рва на поверхности материкового сильно увлажненного суглинка были обнаружены фрагменты донца красноглиняной узкогорлой амфоры с высоко поднятыми ручками (типа: Зеест, 1960, табл. XXXIII, 79), а также стенки позднеантичных амфор коричневой глины с перехватом и осмоленной внутренней поверхностью (типа: Зеест, 1960, табл. XL, 103). Стратиграфические условия исключают случайное привнесение этих материалов в ров при перекопах. Эти фрагменты амфорной тары могли попасть в ров лишь в том случае, если в тот момент его профиль был полностью раскрыт и не заполнен натечным грунтом, процесс аккумуляции которого отчетливо прослеживается в перекрывающих находки напластованиях. Таким образом, раскрытый раскопками профиль рва относится не к раннему этапу его существования, а является рвом, расчищенным при последней реконструкции вала, в ходе которой борта и дно первоначального рва (или рвов) уже были срезаны при углублении и расширении.

Распространение амфор с высоко поднятыми ручками И.Б.Зеест относил к времени не позже III в.н.э., опираясь на тот факт, что фрагменты амфор этого типа встречались в слоях Киммерика, Илурата и Семеновки, «погибших к этому времени» (Зеест, 1960, с.114). Эти амфоры, вероятно, производства одного из центров Эгеиды, были широко распространены не только в Северном Причерноморье, но и во всем античном мире от Германии до Ирака (Robinson, 1959, P. 69; Кузманов, 1973, с. 14 сл.; Riley, 1983, p. 190 — 193; Peacock, Williams, 1986, p. 193 etc). Их производство началось в начале III в.н.э. и получило наибольшее распространение в конце III — IV вв. н.э. использовались, возможно, вплоть до начала V в.н.э. (Riley, 1983, p. 190 — 193; Peacock, Williams, 1986, p. 193; Мелентьева, 1969, с. 24 — 25;

Крапивина, 1993, с. 95). Ошибочность датировки И.Б.Зеест подтверждают и сами киммерикские материалы — фрагменты амфор этого типа встречены в мусорных напластованиях цитадели на горе Опук, сформированных после гибели прибрежного городища Киммерик. Об этом речь пойдет ниже.

Амфоры коричневой глины с перехватом (Зеест, 1960, табл. XL, 103; Scorpan, 1977, р. 271; Кузманов, 1973, с. 17; Сазанов, 1989, с. 51) восточнопричерноморского производства получают широкое распространение в Северном Причерноморье и особенно на Боспоре в IV в. н.э. Эта амфорная тара производится и в последующие века, и ряд исследователей доводит их верхнюю дату чуть ли не до первой половины VII в. (Сазанов, 1989, с. 51). Не вдаваясь в дискуссию о временном диапазоне бытования этих амфор, отметим лишь то, что фрагменты этих амфор встречены в зольных напластованиях цитадели на горе Опук, которые формировались в IV — первой половине VI в. н.э.

Таким образом, мы можем констатировать, что заключительная расчистка Узунларского рва и, вероятно, одновременное обновление вала было произведено в период не ранее первой половины IV в. н.э., а не во время правления боспорского царя Асандра, как полагали ранее многие исследователи.

Совсем недавно, в 2002 г., С.Г.Колтуховым¹² были проведены охранные раскопки вала и рва в нескольких километрах к югу от описанного участка (Колтухов, Труфанов, Уженцев, 2003). В ходе указанных работ были исследованы: сам вал (сегментовидный в сечении с уплощенной вершиной высотой 1,7 м и ширина в основании около 10 м, вероятно, с восточной стороны укрепленный крепидами); предположительно берма, и трапецевидный в профиле ров с плоским дном, сравнитель-

но покатым эскарпом и крутым контрэскарпом. Стратиграфически было выделено два (возможно, и три) строительных периода.

Незначительный вещественный материал, полученный в ходе раскопок, позволил тем не менее уточнить крайне спорную нижнюю хронологическую дату памятника. Под древнейшей насыпью вала на уровне погребенной дневной поверхности обнаружено несколько фрагментов амфор Гераклеи Понтийской и Фасоса. Также в слое за валом и в заполнении рва обнаружены фрагменты (непрофильные, к сожалению, — В.Г.) амфор Фасоса, Гераклеи и раннего Херсонеса. Это позволило исследователям предположить, что вал был построен не ранее IV — первых десятилетий III в. до н.э.

Внутри указанного хронологического среза авторы выделяют три эпизода. Первый приходится на вторую четверть IV в. до н.э., когда осуществляется строительство новых оборонительных сооружений в ряде городов Европейского Боспора, в систему которых, возможно, входила и передовая линия обороны. Второй эпизод, по мнению С.Г.Колтухова, может отражать события войны со скифами, упомянутой Демосфеном, и происходившей, вероятно, в конце 30-х — начале 20-х гг. IV в. до н.э. Третий он связывает с катастрофическими событиями, произошедшими на Боспоре конца первой четверти — первой трети III в. до н.э. (Колтухов, Труфанов, Уженцев, 2003). А.А.Масленников, в целом не отрицая возможности возведения вала в эпоху бронзы — раннего железа (?), склоняется к датировке активного строительства на валу началом III в. до н.э. (Масленников, 2003, с. 205, 208, 211): «...в конце первой трети III в. до н.э., ввиду явной внешней угрозы основному центру боспорских сельских владений (оставим в стороне вопрос: со стороны кого именно) (!? — В.Г.)

тут возводится мощная оборонительная линия» (Масленников, 2003, с. 211), а «.... до середины — второй четверти IV в. до н.э. здесь (на Керченском полуострове — В.Г.) и защищать-то было как бы нечего», поскольку, как следует из следующего абзаца, по мнению А.А.Масленникова, сооружение вала ставило целью охрану царской хоры и отделению варварского населения, оседавшего на землях полуострова (Масленников, 2003, с. 208 — 209). С подобной трактовкой роли Узунларского вала вряд ли можно согласиться. Исследователю импонирует дата — III в. до н.э. в первую очередь лишь потому, что «глобальные негативные явления», которые могли стать причиной возведения вала, проявились в конце первой трети III в. до н.э., «которые всеми исследователями характеризуются как общий и повсеместный кризис». Далее А.А.Масленников, вновь оставляя в стороне остро дискуссионные проблемы о причинах и содержании кризиса, задается вопросом: «Не проводились ли эти грандиозные работы в преддверии какой-то чрезвычайной угрозы?» (Масленников, 2003). В качестве одного из аргументов исследователь отмечает тот факт, что ряд объектов с материалами IV в. до н.э. перекрыт насыпью вала.

Как мы видим, датировка вала вновь остается построенной на догадках и приспособлении к историческим датам, что требует критики методики исследований. Во-первых, как отмечает повсеместно сам А.А.Масленников, в большинстве случаев исследования вала, давших датирующий материал, памятники либо оказались плохо ситуационно и стратиграфически привязаны, либо необходимая документация отсутствовала или не сохранилась. Во-вторых, факт перекрытия полкой вала археологических памятников не только синхронных времени его возведения, но

и существовавших параллельно с валом, вполне допустим как в силу неоднократных подсыпок и ремонтов этого сооружения (минимум в I в. до н.э., возможно, на рубеже I — II вв. н.э. или в первой четверти II в.н.э., и в первой трети IV в.н.э.). Кроме того, вал оплывал сам по себе, а под воздействием распашек в последующие столетия мог перекрыть своими отложениями прилегающие объекты. В-третьих, любые находки в теле вала, а не на поверхности погребенной почвы или в ней самой, не могут быть надежным критерием для датировки. И в-четвертых, невозможно точно совместить ключевые события боспорской истории с керамическим материалом, который подчас датируется вне комплексов достаточно широко.

О херсонесско-боспорских конфликтах и о месте в них древнего Киммерика речь пойдет ниже, поэтому здесь мы отметим лишь следующее. Согласно сведениям Константина Порфиrogenита на царствование римского императора Константина I (306 — 337 гг.) приходится заключительная, третья, херсонесско-боспорская война за передел сфер влияния в позднеантичной Таврике (Const. Porph., *De adm. Imp.*, 53). В результате поражения боспорян в этой войне западная граница Боспорского государства была перемещена к Киммерику, где были установлены пограничные знаки. В результате Узунларский вал перестал быть системой обороны внутренних земель государства и приобрел более важный статус последней границы позднего Боспора. Став фактической границей государства, вал, вполне естественно, был подвергнут реконструкции, которая, вероятно, вылилась в углублении рва и досыпке вала, что подтверждено археологически (Ланцов, Голенко, 1999)¹³. Кроме того, есть основания полагать, что были реконструированы или заново воз-

ведены отдельные узлы обороны на этой фортификационной линии. Так, в первую очередь следует отметить реконструкцию цитадели на горе Опук и возможное фортификационное строительство на горе Кончек (См. раздел II, 5. В), возведение или реконструкцию крепостицы на горе Атаманской, занимающей стратегически важное положение на южном фланге вала (здесь в ходе разведок были обнаружены фрагменты амфорной тары этого же времени), укрепление оборонительных сооружений городища Белинское (Зубарев, 1999), расположенного около северной оконечности вала и т.д. Сведения Константина Порфиrogenита «большинством исследователей» считалось «легендарными», а возможность столь позднего использования вала как пограничной фортификационной системы им представлялась маловероятной, единственно достоверным считалось только «описание местности и памятников (имеется в виду описание С.П.Палласом Узунларского вала — В.Г.)» (Шмидт, 1941, с.272). Однако, как мы видим, предположения, высказанные отчасти а priori С.П.Палласом, Э. Кларком, Дюбуа де Монпере, И. Бларамбергом и другими исследователями, в настоящее время получают археологическое подтверждение.

При дешифровке аэрофотосъемки перешейка Кояшского и Узунларского озер хорошо фиксируются следы земляного вала и рва, пересекающих перешеек в его наиболее узкой части по линии юго-восток — северо-запад (подробное описание вала см. раздел II.5.А.). Автором было произведено его обследование и обмеры. С северо-запада и юго-востока вал и ров обрываются в береговых обрывах соответственно Узунларского и Кояшского озер (Рис.104,106,107). Он прослеживается на местности и на аэрофотосъемке на всю длину около 1925—1950 м. Ров непосред-

ственно примыкает к юго-западной внешней части вала, что говорит о том, что это фортификационное сооружение ориентировано на район пересыпи Узунларского озера, расположенной в 4250 м юго-восточнее вала. Вал находится в визуальном расстоянии от поселения Кончекское южное (см. ниже), в сторону которого ориентирована его северо-западная оконечность, и городища Киммерик. Общий облик вала и рва, их размеры и строительная техника говорят о том, что этот вал и ров несомненно входят в единую фортификационную систему: Узунларский вал-поселение Кончекское южное — поселение Кояшское северное — комплекс урочища Опук, и были сооружены одновременно с Узунларским валом.

Датировка вала основывается на факте раскладки культурного слоя четырех поселений или селищ, примыкающей к его тыльной, северо-восточной, части территории и поселения Кояшское северное (см. раздел III, 3. F), в инфраструктуру которого они вписаны (Рис. 92). Иных археологических объектов непосредственно возле вала выявлено не было.

Наличие Кояшского вала и соседствующих с ним укрепленных пунктов (пос. Кончекское южное, Кояшское северное, поселения на тыльной стороне вала и укрепления городища Киммерик) вновь поднимает вопрос о локализации так называемого Асандрова вала. По известному сообщению Страбона [Strabo, VII, 4,6], «Асандр... построил на перешейке Херсонеса стену шириной в 360 стадий и воздвиг на каждую стадию по 10 башен» для обеспечения безопасности своих границ. Локализация вала Асандра до сих пор спорна. Одни исследователи отождествляют его с Перекопским валом, другие с Узунларским валом, третьи — с суммарной длиной всех оборонительных валов

Керченского полуострова. При этом длины предлагаемых вариантов не совпадают с длиной вала, указанной Страбоном, — 360 стадий.

Страбон, бесспорно, ошибся, отметив, что на каждой стадии этой оборонительной системы было возведено по 10 башен. Скорее всего на каждые 10 стадий приходилась одна башня. Остается неясным, что Страбон подразумевал под «перешейком Херсонеса». Казалось бы, по контексту параграфа, речь идет о собственно Таврике и Перекопе. Ширину Перекопского перешейка Страбон доподлинно не знает и приводит сильно разнящиеся данные — от 40 до 360 стадий, и ремарка Страбона — «По словам некоторых, ширина этого перешейка 360 стадий» [Strabo, VII, 4, 1] — послужила причиной длительной дискуссии о локализации данного вала.

Однако, как отмечает сам Страбон, сведения о вале Асандра он почерпнул у Гипсикрата Амисского, жившего также в I в. до н.э. и бывшего одним из важнейших источников Страбона по вопросам боспорской истории времени Митридата VI Евпатора и его преемников (Ростовцев, 1925, с. 142—143). Труд Гипсикрата не дошел до наших дней, поэтому мы доподлинно не знаем, какой перешеек он имел в виду, но поскольку сведения Гипсикрата касаются деятельности боспорского узурпатора Асандра, не исключено, что древний историк мог иметь в виду и перешеек Керченского полуострова, который некоторые источники называют полуостровом.

Как мы уже отмечали выше, в трансгрессионный период, начало которого приходится на рассматриваемое время, когда Узунларское озеро, более чем на 10 км вдающееся в сушу, было морским заливом, перешеек между озером и Казантипским заливом был значительно уже, что еще больше придавало этой части

Керченского полуострова вид полуострова с перешейком у Узунлара. Как известно, в ходе становления власти Асандра ему приходилось вести активную борьбу с варварами и Таврики, и Азиатского Боспора, чем, собственно говоря, и была обусловлена его военно-строительная активность не только на границах своих владений, но и на внутренних землях. Кроме того, несмотря на то, что влияние Боспора при Асandre распространялось на всю Таврику, источники не сообщают, что им были подчинены «поздние скифы» и другие варварские народы Крыма. При рассмотрении вопроса о боспорском влиянии в Таврике, безусловно, следует разделять военное, политическое и экономическое влияние с территориальными владениями Асандра.

Для локализации вала Асандра крайне важна древняя протяженность Узунларского вала, которая до сих пор не была определена. По сведениям одних исследователей длина этой оборонительной линии, пересекающей Керченский полуостров с севера на юг, составляет 37,45 км (Мосейчук, 1983, с. 74), других — величину, близкую к 40 км (Масленников, 2002, с. 191). Обследование автором этих строк вала дало примерно те же данные¹⁴ — около 39,6 км. На юге Узунларский вал доподлинно обрывается на северном побережье одноименного озера и далее к морю не идет. Однако существуют три фактора, которые объясняют это. Во-первых, даже не зная режим Узунларского озера в годы правления Асандра, можно уверенно говорить, что озеро (будь оно лиманом или заболоченной балкой с крутыми бортами) само было прекрасным естественным рубежом. Во-вторых, факт включения элементов рельефа побережья озера в единую систему Узунларского вала подтверждает наличие Кояшского вала, сооруженного

на перешейке Кояшского и Узунларского озер, лишенного естественных преград. В свою очередь и в-третьих, Кояшское озеро, сходное по режиму и морфологии с Узунларским, само было прекрасным естественным рубежом. Таким образом, линию обороны Узунларского вала можно замкнуть на черноморском побережье, т.е. на Киммерике, при этом отметив, что на южной оконечности этой линии были максимально использованы особенности рельефа побережья. При возведении столь трудоемких сооружений это значительно упрощало постройку. Следует отметить, что столь благоприятных в фортификационном плане природных условий нет ни на центральном, ни на северном отрезках вала.

Длину вала Асандра источники определяют как 360 стадий. Как Гипсикрат, так и Страбон в своих исчислениях используют стадий Эратосфена (ок. 276—194 гг. до н.э.), равный 157,7 м (Фирсов, 1972, с. 164—168; Агбунов, 1992, с. 28—29). Исходя из этой величины, длина вала Асандра должна составлять в современном исчислении 56,7 км. Спрямоленное расстояние по линии: гора Атаманская (южное окончание Узунларского вала) — гора Кончек (восточное побережье Узунларского озера, укрепление на вершине горы) — Кояшский вал — городище Киммерик составляет 14,1 км. Та же дистанция, но измеренная с учетом конфигурации побережий озер, составляет 16,05 км. Если мы допустим длину Узунларского вала до горы Атаманская близкой к 40 км¹⁵ и прибавим полученные величины, то получим реальную длину всей оборонительной системы 54 и 56 км. Эта величина, как мы видим, почти совпадает с данными источников. Даже если длина вала завышена нами и мы используем величину, равную 37,5 км, то незначительным расхождением между реальной длиной этой линейной

системы обороны (51,6 км и 53,5 км) и данными источников можно пренебречь.

Таким образом, под валом Асандра следует воспринимать Узунларско-Киммерскую линию обороны внутренних земель Европейского Боспора. Страбон сообщает, что целью строительства вала было стремление Асандра обезопасить владения от вторжения варваров-«георгов», которые сдавали свои земли в аренду тем, кто хочет ее обрабатывать. Здесь речь, бесспорно, идет о крымских скифах, ибо Страбон прямо называет их «народностью херсонесцев» [Strabo., VII, 4, 6], а не скифов, обитавших за пределами Перекопа. То есть «вал Асандра» оборонял непосредственные земельные владения Боспора — его η π α ν τ ι κ α τ α ί ϵ ω ν γ ή. Кроме того, крайне сомнительно, что Асандр, ведший активные действия и на Азиатском Боспоре, был в состоянии контролировать весь Крымский полуостров.

Определенная роль в обороне территории государства отводилась также небольшим отдельно стоящим крепостям, «батарейкам» (последние распространены на территории Таманского полуострова) и укрепленным поселениям хоры, в которых часто располагался гарнизон, ответственный за оборону того или иного участка сельской округи.

Возникновение укрепленных сельских поселений на Боспоре в первую очередь связано с активным освоением внутренних земель полуострова, которое началось во второй четверти — середине IV в. до н.э. (в «конце 2-й четверти IV в.» — Масленников, 1998, с. 88), когда вся территория до границ Феодосии оказалась под контролем боспорской династии Спартокидов (около 366—364 гг. — см. Завойкин, 2000 а, с. 265—266). Поселения более раннего времени крайне немногочисленны и не несут никаких следов рукотворной фортификации — это, как правило, не-

укрепленные поселения, тяготеющие к естественным укреплениям и убежищам — береговым мысам, скалам, высоким обрывистым берегам и балкам. Однако в контексте данного исследования в рассматриваемом регионе следует упомянуть одно из поселений в окрестностях г. Опук, которое возникло на рубеже VI — V вв. до н.э. и просуществовало до III в. до н.э. и, возможно, имело некоторые элементы фортификации. Это поселение у Кызаульского маяка, выявленное автором (подробнее см. раздел III. 3. С). В микрорельефе этого поселения на северной и южной границе прослежены остатки валов, тянущиеся параллельно линии берега. Южный вал сохранился на высоту до 0,5 м, он прослеживается на длину до 350 м, от северного остались маловыразительные участки, которые, однако, включены в линию невысоких скальных останцев, ограничивающих поселение с севера. Однако ранняя дата возникновения поселения не позволяет без соответствующих археологических работ предполагать, что оборонительные сооружения данного поселения возникли одновременно с ним.

II. 2. ГОРА ОПУК И ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ АНТИЧНОЙ ФОРТИФИКАЦИИ

Ландшафтные условия. Как правило, в античной фортификации как одной из основных областей древнего градостроительства природные условия играли существенную роль. Определяющими служили различные факторы: наличие, в основном, прибрежных возвышенностей с круто наклоненными или обрывистыми склонами, располагающих хорошим обзором морской акватории и прилегающей суши, близ расположенных заливов, устьев рек, способных служить гаванями и естественными рубежами обороны, источников

воды, земельного фонда, возможность добычи строительных материалов и сырья, развития сухопутных коммуникаций и т.д. Даже с дальнейшим совершенствованием военного дела в эллинистический и римский период природный фактор не терял своего определяющего значения (об этом, в частности, на Боспоре свидетельствует яркий пример Илурата, сооруженного не ранее середины I в.н.э., и ряда других боспорских памятников). Опыт античной фортификации подытожен в немногих дошедших до нас трактатах (или передан в произведениях более поздних авторов), принадлежавших перу Аристотеля (IV в. до н.э.), Энея Тактика (IV в. до н.э.), Филона Византийского (III в. до н.э.), Полибия (II в. до н.э.), Ветрувия (конец I в. до н.э.), Фронтин (I в.н.э.), Аполлодора Дамасского (II в.н.э.), Анонима Византийского (после II в.н.э.), Флавия Вегеция Рената (конец IV — начало V в.н.э.) и других авторов. Этот опыт указывает, что при планировке фортификационных сооружений во главу угла ставятся именно природные условия. Так, согласно Аристотелю, город должен располагать удобным для населения выходом, а для неприятеля быть труднодоступным. Водой и источниками город должен быть снабжен от природы в наивозможно большем изобилии» [Arist. Pol., VII, 10. 1—2].

Аполлотор, считает, что город должен находиться в условиях сложного рельефа на обрывистых и крутых склонах [Apol-lod., Polyor., 139], Филон же Византийский «настаивает на важности планировки укреплений в соответствии с рельефом местности так, чтобы возводить стены только для усиления естественных укреплений» (Шуази, 1935, с.382). Гигин-грамматик (I — II вв.н.э.) в своем трактате «Об установлении границ», подытоживая опыт древнего градостроительства, отмечает: «Древние, под непосредственной угрозой

военных опасностей, не только окружали город стенами, но и выбирали труднодоступные, скалистые места, где для них величайшим оплотом служило само местоположение. Часто колонию ради гавани располагают у моря... некоторые колонии ради удобства снабжения водой помещают у горы...» [PP, 178—181]. Аристотель также считал наиболее удачным приморское расположение города, ибо, по его мнению, «сообщение города и всей территории государства с морем является большим преимуществом и с точки зрения безопасности государства, и с точки зрения снабжения его всем необходимым» [Arist. Pol., VII, 4].

Несмотря на развитие осадной техники, эти основополагающие принципы использовались в римское и византийское время — всегда в первую очередь учитывалось удобство и естественная укрепленность местности [Vitruv., I, 51], и строгих канонов планировки при возведении крепостей, как правило, не придерживались — она диктовалась условиям местности (Овчаров, 1982, с. 23; Foss, Winfield, 1986, p. 29). Флавий Вегетий Ренат считал город хорошо укрепленным природой, если «он стоит на возвышенном месте, на обрыве, или окружен морем, болотами и реками, искусственные укрепления состоят из рвов и стен» [Veget., IV, 1] и он располагает запасами воды, продуктов и материалов. Сочетание природных укреплений и укреплений, созданных рукой человека, по его мнению, делает города особенно сильными [Veget., IV, 1].

Определенные изменения в фортификационном искусстве, произошедшие во времена возникновения и существования эллинистических государств, отмеченные исследователями⁵³ и обусловленные коренными изменениями в военно-политической, социальной и экономической областях, вряд ли могли оказать существенное

влияние на сами принципы боспорской фортификации, скорее всего, затронув лишь ее техническую сторону — в отличие от эллинистических монархий, в основе обороны которых, в первую очередь, лежал принцип охраны пограничных территорий, с момента возникновения Боспорского государства, оборона от варварского окружения обширной, постепенно разрастающейся (или временами сужающейся) сельской территории, входила в основную функцию фортификационной системы Боспора. Она сохранилась на внутренней территории государства на протяжении всего его существования, о чем свидетельствуют известные валы, рвы и другие укрепления на обоих берегах пролива. Несколько отличался и статус крепостей эллинистических городов, обусловивший их большую компактность и несколько отличные принципы планировки. Они были местом расположения гарнизонов, чаще наемной армии эллинистических правителей, в чью основную функцию входил контроль за военно-политической обстановкой в той или иной части государства и защита интересов правящей династии; защита же гражданского населения, социальный статус которого не везде был одинаков, являлось задачей второстепенной. На Боспоре, с его неординарным политическим устройством, сочетавшим царскую власть, основные элементы полисной структуры, различный статус и этническое происхождение населения, эллинизированную варварскую аристократию, своеобразные отношения с негреческим населением, отличавшиеся от «прав завоевания» эллинистических монархов, а также в условиях главенства в экономике государства межэтнического сельского хозяйства, промыслов и связанных с ними торговли, в которой активнейшее участие принимали и сами боспорские правители, проблема охраны сельской территории

и ее населения никогда не теряла своей актуальности — укрепления городов как элемента всей фортификационной системы государства всегда оставались убежищем для местного населения, а их естественные укрепления никогда не теряли своей ценности.

В число оборонительных сооружений горы Опук и ее окрестностей входят: крепостные стены городища Киммерик, стена так называемой портовой части городища («Западная» стена), крепость («цитадель») на вершинном плато горы, оборонительная стена, возведенная на водоразделе восточного склона горы («Восточная» стена), земляной вал и ров на перешейке Кояшского и Узунларского озера усиленные поселениями, и укрепление на одном из отрогов горы Кончек. К ним также следует отнести и иные сооружения, игравшие в оборонительной системе подчиненную роль, — это в первую очередь источники питьевой воды, дороги, сигнальные и наблюдательные пункты (Рис.18).

Рассмотрим под этим углом зрения природные условия на черноморском побережье, на котором расположена гора Опук.

Эта часть Юго-Западной равнины Керченского полуострова, как мы уже отмечали выше, образована на периклинали мегантиклинория Горного Крыма и на складках Керченско-Таманского прогиба, где в рельефе сочетаются наклонные денудационные и пластовые равнины, на границе которых возвышается гора Опук. Абсолютная высота рельефа равнины возрастает в направлении с юга на север и с запада на восток, достигая максимума — 183,7 м — на г. Опук. Здесь рельеф усложняют котловины кальдер проседания над очагами древних грязевых вулканов, занятые, в частности, южной частью Узунларского и, возможно, Кояшским озером.

Гора Опук, как мы уже отмечали, является одной из наиболее высоких береговых возвышенностей Керченского полуострова. Тектонический блок горы невелик. Он вытянут с северо-востока на юго-запад на 3,5 км и в поперечном направлении на 2 км. Его ограничивают с четырех сторон почти прямолинейные берега Черного моря и Кояшского озера (Рис. 6).

От древнего рельефа останцевой горы сохранилось только небольшое структурно-денудационное вершинное плато треугольной в плане формы абсолютной высотой 160—184 м, бронированное слоями известняков. На восточной оконечности этого плато и расположена цитадель Киммерика (Рис.20). Плато практически неприступно — оно ограничено со всех сторон обрывами высотой 10 и более метров, а с южной — дополнительно усилено естественным рвом-грабеном глубиной до 40 м. Под обрывами находятся частично обжитые в древности волнистые, грядово-ступенчатые и платообразно-ступенчатые склоны.

Приморский южный склон горы ограничен береговыми обрывами практически с вертикальными бортами, высотой от 5 (юго-восточный склон) до 30—70 м (юго-западный склон). На отдельных участках побережья располагаются маленькие бухты, чаще всего с обрывистыми берегами и узкими крупногалечными пляжами. Прибрежная акватория заполнена отделенными от приморского склона горы блоками, частично переработанными морем, затрудняющими высадку судов. Наклон склона достаточно велик (вне обрывов, порой от 1 до 5 м на погонный метр склона), и он осложнен для доставки осадной техники несколькими рядами скальных гряд и отдельных крупных скальных блоков, в древности отделенных от тела останцевой горы, образуя грядово-ступенчатый рельеф. С юга склон сначала упирается

в отсевшие от плато блоки, сохранившие платообразную поверхность, а затем в упомянутый ров-грабен.

Таким образом, с южной, мористой, стороны гора Опук была труднодоступной, а также неудобной для высадки вражеского морского десанта.

Юго-восточный приморский склон, как и северо-восточный, более пологие — здесь встречаются лишь отдельные скальные останцы и блоки, доминирует оползневый рельеф с сильно рушенными в приморской части скальными останцами, создающими в отдельных местах впечатление каменного хаоса. Вероятно, более легкой доступностью восточного склона, особенно с его береговой части, была обусловлена необходимость сооружения на водоразделе восточного склона дополнительной оборонительной стены.

Северный террасообразный склон горы относительно пологий, однако он также опирается в отвесные скальные обрывы вершинного плато высотой 10 м и более, которые делают вершину горы также труднодоступной с северного направления. Доставка осадных механизмов и сооружение таковых под обрывами плато и стенами цитадели были возможны только при длительной осаде крепости.

Западный склон горы Опук, на приморской части которого расположено городище Киммерик, относительно пологий. Более всего он выполаживается в своей северной части, в то время как крутизна склона нарастает к приморской части. Склон отделен от моря береговым обрывом, высота которого нарастает с запада (скала с древним сигнально-маячным постом на юго-западной границе городища) от 5 до 70 м к востоку (пост ВМФ, западнее мыса Опук). На этом участке побережья практически отсутствуют пляжи и бухты. Единственный участок галечного пляжа расположен под скалой, на которой размещается метеопост ВМФ. Однако ее приморские вертикальные обрывистые

склоны высотой до 70 м, а также обилие подводных камней в зоне прибоя, не позволяют использовать этот пляж, ширина которого достигает 25—30 м, для высадки судов.

Западный склон горы Опук опирается в мощный скальный гребень-кряж, тянувшийся почти перпендикулярно береговой линии с севера на юг. Ширина кряжа составляет от 30 до 100 м, а высота его обрывов с обеих сторон — с западной, обращенной к городищу Киммерик, и восточной, образующей с отсевшими от плато блоками узкое ущелье — составляет от 10 до 30 и более м. Эта гряда защищает городище Киммерик с востока, которое тем не менее оставалось открытым со стороны моря и с севера — со стороны равнинного побережья Кояшского озера.

Единственно удобными для высадки морского десанта являлись береговые дюны к востоку и к западу от массива горы. Однако высадка и выгрузка осадных механизмов была затруднена: с востока — достаточно высоким древним береговым клифом (до 6—8 м высотой) и крутым склоном самой горы; с запада — дюна представляла собой хотя и ровную, но труднопроходимую пересыпь (местами заиленную) между морем и Кояшским озером, осложненную береговыми укреплениями городища. При обходе Кояшского озера с запада морской десант упирался в Кояшский ров и вал и расположенные за ним поселения.

Таким образом, сложная геологическая структура горы делает ее и отдельные участки ее склонов достаточно труднодоступными, требующими огромных трудовых затрат для доставки осадных механизмов.

В античное время линия побережья горы Опук и ее окрестностей имела несколько иной вид. В регрессионные этапы в прибрежной морской акватории на поверхность выступали отдельные банки и рифы, образующие, с одной стороны, до-

полнительные удобные якорные стоянки, и затрудняющие, с другой стороны, неожиданное вторжение со стороны моря. Линия побережья в этот момент была более изрезана, чем современная.

В окрестностях гор Опук и Кончек располагались пригодные для земледелия (запасы) равнины, имелись месторождения серы, гипса, выходы керченских руд, в изобилии были представлены строительные материалы и, в первую очередь, строительный камень, глина и песок.

Гора Кончек (высотой 117,1 м) расположена западнее-северо-западнее г.Опук на юго-восточном берегу Узунларского озера (Рис. 2), к северному берегу которого примыкает южное окончание Узунларского вала. Ее образование также связано с формированием котловин кальдер проседания древних грязевых вулканов. Западный и южный склон горы окаймлены водами (рапой) Узунларского соленого озера. Гора Кончек представляет собой возвышенность с центральным массивом и двумя отрогами — западным и южным, сложенными из известняков и глин, склоны горы очень круты и труднодоступны. Помимо труднодоступности горы, с нее открывается на десятки километров широкая панорама прилегающих равнин и морской акватории, чем обусловлено возведение здесь небольшой крепости (см. раздел II,5.В).

Гидрогеологические условия. Гидрогеологические условия в античной (а также римской и византийской) фортификации играли не менее важную роль как с точки зрения хозяйственной деятельности, так и в качестве необходимого условия боеспособности гарнизона. Гидрогеологическая ситуация на горе Опук также отличается своеобразием. Южная часть Керченского полуострова относится к двум разным гидрогеологическим регионам. Первый район отвечает Юго-Западной равнине и сложен мощными водоупорными засоленными глинами майкопской свиты. На

этой территории можно обнаружить только солоноватые грунтовые воды. К этому району принадлежит гора Кончек, гидрогеологические условия которой крайне неблагоприятны (что, вероятно, вынуждало население использовать экстремальные способы водозабора). Второй гидрогеологический район расположен между г. Опук и м. Такыл. В геологическом разрезе этой территории, кроме глин, участвуют также известняки и песчаники, с которыми связаны водоносные горизонты. Кроме того, в четвертичных делювиально-пролювиальных морских и оползневых отложениях встречаются грунтовые воды, в том числе пресные, пригодные для питья и добычи с помощью неглубоких колодцев. Это в большей степени определило активное освоение в античное время именно этой территории, а не Юго-Западной равнины. В ходе изучения гидрогеологии г.Опук с помощью геолого-структурной съемки, как мы уже отмечали, была определена сильная тектоническая и литологическая трещиноватость карстующихся известняков, выявлена конденсационная природа подземных вод и рассчитан их потенциальный дебет, который составляет в недрах г.Опук около 200.000 литров воды в сутки.

Немаловажное значение имела также возможность сбора поверхностных вод путем запруживания балок в окрестностях Киммерика, в том числе и у горы Кончек, располагавших обширными площадями водосбора.

Пока остается неясной система водоснабжения цитадели на плато г. Опук. П.Дюбрюкс при описании внутренней застройки цитадели упоминает нечто, похожее на колодец, однако последующими исследованиями его наличие не подтверждено. Более того, трудно сказать, что полости массива вершинного плато могли обеспечивать вершинную часть горы достаточным количеством конденсационной влаги. Мы не исключаем наличие здесь

подземной галереи, ведущей из цитадели к подземным водам (как это было, например, на Илурате), расположенным на значительной глубине, однако для доказательства этого предположения необходимы не только масштабные археологические работы, но и расчистка катакомб, в древности и в новое время прорезавших тело плато под цитаделью. Не исключено, что эти катакомбы могли частично уничтожить эту галерею или кладку колодца. По крайней мере в среде местных жителей бытует легенда о былом существовании в «катакомбах» колодца (или конденсатора) с питьевой водой.

Однако, как мне представляется, водозабор из осадного колодца мог быть не единственным источником питьевой воды в крепости. На плато могли задерживать и накапливать воду атмосферных осадков, затем сохраняя ее в резервуарах. Возможно, для этих целей использовались искусственные углубления, вырубленные в скале и имеющие слив, очень похожие на тарапаны. Таких площадок, площадью до 5 кв.м, на скальных выступах около цитадели автором встречено более десятка. Они могли использоваться в равной степени как давяльные площадки, площадки для сбора атмосферных осадков, однако все же не могли в полной мере решить проблему осадного водоснабжения цитадели.

И хотя пока еще не вполне ясны источники осадного водоснабжения самого городища Киммерик и цитадели на плато г. Опук, можно с полной уверенностью утверждать, что гидрогеологическая ситуация на горе Опук в целом была намного благоприятнее, нежели в других малых городах Европейского Боспора.

Таким образом, природные условия горы Опук и ее окрестностей, как мы видим, в значительной мере удовлетворяли требованиям древней фортификации.

II.3. ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ГОРОДИЩА КИММЕРИК

II.3.A. КРЕПОСТНЫЕ СТЕНЫ И БАШНИ

Городище Киммерик, который традиционно локализуют на юго-западном склоне горы Опук между берегом моря и Кояшским соленым озером, располагается в 1780 м юго-западнее триангуляционного знака на вершине горы Опук и в 2320 м юго-западнее рва цитадели на вершинном плато горы (Рис. 6, 9, 10, 11). Возможно, будучи первоначально, как и другие малые города, самостоятельным полисом, Киммерик к последней декаде V столетия до н.э. вошел в состав Боспора Спартокидов. Статус малых городов в рамках этого государственного образования имел немаловажное значение в развитии городской инфраструктуры, однако мы не имеем прямых сведений источников о роли того или иного города в системе государства Спартокидов на основных этапах его существования. Так, неизвестно, сохранил ли Киммерик, как и другие малые города, при этой династии свой частичный полисный суверенитет, соответствующее гражданское ополчение, или же, если он был переоснован центральной властью как царский укрепленный город, то располагал ли царским гарнизоном, и было ли местное население освобождено от несения воинской, включая гарнизонную, службы. Также мы достоверно не знаем, как изменялся статус Киммерика на всем протяжении его существования в составе Боспорского государства. Единственным документом, свидетельствующим о возможном существовании в городе полноправного гражданского населения, исполнявшего определенные государственные обязанности, является уже упоминавшаяся

ся надпись фиасов, обнаруженная в 1910 году на городище Киммерик (Шкорпил, 1911, с. 92, №1; КБН, с. 528, № 946). Религиозно-культовые объединения типа фиасов на Боспоре создавались, как правило, в городах, имевших статус полиса, и выполняли перед государством определенные исполнительные обязанности.

Археологическое изучение Киммерика осуществлялось достаточно выборочно: от раскопок П.А.Дюбрюкса остались лишь описания и отдельные сведения в его переписке, Ю.Ю.Мартин вскрыл стену на Большом холме и исследовал ряд объектов в окрестностях городища, раскопками И.Б.Зеест и И.Т.Кругликовой исследовались жилые комплексы I—III вв.н.э.

«Само городище (Киммерик — В.Г.) расположено на трех прибрежных холмах (Рис.12), между западным склоном горного массива и соленым озером Элькен. Центральная часть города (I — III вв.н.э. — В.Г.) находилась на втором от моря, «Большом» холме, окруженном своеобразной стеной-оградой. Она выложена грядой из больших камней различной величины, грубо отесанных только с внешней стороны. Берег залива был соединен с городом длинной «Западной» стеной, которая, вероятно, ограждала порт Киммерика. В настоящее время на поверхности хорошо видны два панциря стены, состоящие из огромных необработанных камней. Стена прослеживается на 250 м в длину и имеет 2,5 м толщины. Аналогичная стена защищала город и с северной стороны, где она пересекала лошину между холмами и склоном Опука. Эта стена была укреплена башнями» (Зеест, 1949, с.95). Обе эти стены сохранились до настоящего времени, одна из них (восточная) не является оборонительной стеной, а представляет собой стену крупной постройки, примыкавшей к скалистому склону Большого холма. Вторая стена (северная) в обрывах пролега-

ет по ложине между Большим холмом и безымянным холмом с памятником военным топографам Второй мировой войны. Стена, обрамляющая северо-западный склон холма и указанная на плане П.Дюбрюкса, в настоящее время не сохранилась, и о ее былом существовании говорят лишь крупные дикарные известняковые глыбы, не выбранные местными жителями в конце XIX — XX в. Дюбрюкс и Бларамберг застали оборонительные сооружения в лучшем состоянии, чем в годы исследований Зеест и Кругликовой. Так, представленные Дюбрюксом (Тункина, 1999; 2002, рис. 59, 66) и Бларамбергом (Рис.7, 8) планы показывают целую систему оборонительных стен, усиленных башнями и обрамлявших городище ломаной линией. Именно этот план¹⁶, как правило, используется при описании Киммерика. Однако еще в начале XX в. практически все строительные остатки, выходившие на дневную поверхность, были разобраны и частично выкопаны на строительный камень местным помещиком, а позже — на нужды строительства серного завода (Мартин, 1929, с. 3, ссылка 1, с. 4), развалины которого сейчас перекрывают юго-западную приморскую часть городища и одну из приморских стен города (Рис. 11). Часть описанных И.Б.Зеест объектов сохранилась и поныне в прежнем виде. Так, на «первом от моря скалистом холме, который был принят Мартин за акрополь Киммерика, обнаружены подтески скал, служившие основанием фундаментов архитектурных сооружений» IV в. до н.э. — III—IV вв.н.э. (Зеест, 1949 б, с.52). Однако упоминание Зеест других остатков «городских стен, направление которых точно совпадает с направлением стен, нанесенных на план Бларамберга» (и, по ее словам, прослеживаются на поверхности отдельными участками, опоясывая Большой холм с южной, западной и северной

сторон, пересекая лощину, подходя вплотную к горному массиву, и укрепленные пятью башнями), «от которых сохранились незначительные остатки и подтески скалы на склоне горного массива Опука», а также упоминание остатков еще одной стены «примерно в 1 км к северу» (Зеест, 1949 б, с.53—54) бесспорно восходит к сведениям П.А.Дюбрюкса и И.П.Бларамберга, слепо процитированы и в меньшей степени соответствуют реальной археологической обстановке на городище. Остатки стены, «пересекающей лощину» отдельными участками, ныне прослеживаются лишь в обрывках и в микрорельефе. Остатки линзы помещения приблизительно 4 на 4 м, обрамленной отдельно стоящими глыбами, которое можно предположительно отождествить с одной из «пяти башен» городища, расположенной на предполагаемой линии стены, обнаружены на восточном склоне этой лощины. Подъемный материал, собранной в линзе этого помещения, впущенного в скалистый грунт, и вокруг него, пока не позволяет датировать этот объект временем ранее II—III вв.н.э. — здесь были собраны фрагменты амфорной тары позднеантичного и, главным образом, раннесредневекового времени. Сохранившиеся остатки кладки сложены настолько небрежно с нарушением геометрических пропорций, что в них трудно видеть остатки столь внушительного сооружения, как крепостная башня. Внешне она напоминает заглубленную в землю постройку раннесредневекового времени, коих в регионе встречено несколько. С востока к линзе постройки примыкает каменистый склон, на котором фиксируются крайне аморфные развалы стен, неподдающиеся реконструкции и датировке.

Остатки стены в 1 км севернее также вовсе не сохранились. Скорее всего, за остатки этой стены исследователи приняли каменистый гребень на северном краю

неглубокой балки, спускающейся с водораздела к подножию этой части склона горы. Возможно, этот гребень мог использоваться как естественный рубеж, однако каких-либо строительных остатков на нем встречено не было. Тем не менее на плане П.Дюбрюкса этот гребень обозначен как стена (Рис. 7). Также сомнительно определение Дюбрюксом круглых башен. На территории городища встречены материалы салтово-маяцкой культуры, что позволяет говорить о том, что ряд сохранившихся строительных остатков, выходящих на дневную поверхность, могли относиться (или использоваться в перестроенном виде) и к этому хронологическому периоду. Как мы увидим далее, для памятников этого времени на г. Опук характерны кольцевые загоны для скота, поэтому увиденные П.Дюбрюксом круглые сооружения в северной части городища (Тункина, 2002, рис. 59, Марти, 1929, с. 4), несохранившиеся ныне, вряд ли следует относить к элементам обороны античного городища. По указанным выше причинам, мы, к сожалению, можем лишь в определенной степени довериться реконструкции Дюбрюксом и Бларамбергом оборонительной системы городища, естественно, оставив под сомнением принадлежность к фортификационным сооружениям кольцевые постройки¹⁷ в северной части городища (Тункина, 2002, рис.59, объекты 2,3,4 на плане П.Дюбрюкса). Фортификационные сооружения, окружавшие упомянутый безымянный холм, вовсе не сохранились, более того, на поверхности холма почти не попадает подъемный материал. Единственно достоверными являются остатки античных стен, зачищенных Ю.Ю.Марти на юго-восточном склоне Большого холма, «западная» стена портовой части города, мощная стена вдоль берегового уступа под маячным пунктом, ныне перекрытая мощным бетонным основанием серного

завода и отдельные обрывки стен на площади городища (Рис.10,11). Эти стены отличаются более аккуратной техникой кладки, нежели упомянутые стены-ограды, однако эти объекты ныне не вырисовывают общую планировку укреплений городища, практически полностью разобранных в минувшее столетие.

Судя по реконструкции плана обороны Киммерика, башни, или, вернее сказать, бастионы, располагались на западном участке обороны Киммерика (Тункина, 2002, рис. 58, элементы 7, 21, 40) на расстоянии не более 50 м друг от друга, то есть на расстоянии эффективного полета стрелы [Vitruv., I, V. 4]. Линия стен была сильно изломанной в равнинной части, однако эта деталь вряд ли связана с рекомендациями древних теоретиков фортификации — скорее всего это было продиктовано особенностями рельефа городища, сочетавшего невысокие всхолмления на подошве склона и расположенные между ними небольшие выположенные котловины и террасы. Судя по выходам кладки под фундаментом серного завода, внешние стены приморской части городища были прямолинейными, что достаточно подробно проиллюстрировано на упомянутом плане П.Дюбрюкса, видевшего их нетронутыми.

С востока городище было прикрыто скальным гребнем, тянувшимся меридианально от берегового обрыва до северо-западного склона горы. Сооружение стен на данном участке обороны городища не требовалось — гребень шириной до 100 м с восточной и западной сторон обрывается отвесными ярами максимальной высотой 30 м и более. Этот гребень практически неприступен как со стороны городища, так и со стороны приморского склона Опука и расположенного за гребнем ущелья. Не исключено, что на гребне могли располагаться отдельные сторожевые

башни, остатки одной из которых встречены на северо-западном склоне горы (см. раздел II.4.F). Еще одна башня, возможно, располагалась южнее — при гроте, приспособленном в XIX—XX вв. под сезонную пастушескую сторожку. Отдельные подтесы скалы на береговом обрыве под гребнем рядом с полотном древней дороги позволяют предполагать наличие здесь сторожевого поста, замыкавшего эту линию и контролировавшего проход в город и к источнику (см. раздел II.4.F).

Прибрежные холмы городища, запятые основной застройкой, сложены из неогеновых известняков и щебнисто-глыбовых отложений и являются блоками древнего стабильного оползня, приморская часть которого вместе с культурными напластованиями городища срезана активным клифом высотой 20-30 м и подвержена абразии. У бровки клифа хорошо видны следы многочисленных подтесок скал и выровненных поверхностей скалы на месте бывших построек. Отдельные блоки с подтесками и культурными напластованиями отделены трещинами бортового отпора, наклонены к морю или уже отстоят от берегового обрыва на несколько метров в море, образуя отдельные скалы. Часть блоков давно рухнула в море — обрушившиеся глыбы со следами подтесок стен и полов, а также сводов помещений лежат у подножия берегового уступа и на дне моря в 20—30 и более м от берега (Рис.14,15). Этот участок располагается на берегу между т.н. «Бакланьей» бухтой и маячным постом (см. сл. абзац) — и в длину составляет чуть более 100 м (Рис. 9). Именно здесь, в Бакланьей бухте Дюбрюкс предположительно локализовал «*petit port de Cimerium*»¹⁸ (Тункина, 2002, рис.59). Однако усеянное обломками скал дно бухты, обрывистые ее берега и небольшое зеркало воды вряд ли делали эту бухту удобным и надежным убежищем для су-

дов, особенно в штормовую погоду. Однако, если принять во внимание регрессионные фазы уровня моря, во время которых прибрежные банки, тянущиеся от Опука в сторону Скал-Кораблей, в Бакланьей бухте вполне мог располагаться если не порт, то вполне приемлемая якорная стоянка.

На юго-западной границе городища, на скалистом мысу, обрывающемся к песчаной косе между озером и морем, в 60 м ниже (юго-западнее) «мукомольной мастерской» Киммерика (Зеест, 1950), располагался небольшой маячный пост или небольшая приморская башня. Ее следы в виде подтески скалы под кладку размерами не более 3 на 4 м, нескольких вырубленных ступеней, ведущих к ней, прямоугольной ниши для сигнального костра и углублений для фиксации защитных экранов различимы на поверхности скалы. На плане П.Дюбрюкса с севера к ней примыкает мощная двойная стена, тянущаяся по краю придюнного обрыва (Тункина, 2002, рис. 59). В настоящее время стена полностью разобрана, а остатки ее субструкции и небольшой отрезок кладки высотой до 3-х рядов и длиной около 11 м, сложенной из крупных, слегка подтесанных блоков известняка, прослеживаются в береговом обрыве под бетонированным фундаментом разрушенного серного завода. Кроме того, под береговым обрывом непосредственно под башней, на краю пляжа, встречаются отдельные огромные рухнувшие обломки скал, на поверхности которых заметны подтесы, в том числе и в виде части коробового свода, говорящие о том, что часть построек конструкций припортового участка обороны, вырубленных в прибрежных скалах, давно прекратила свое существование под воздействием природных и антропогенных факторов. Не исключено, что постройки более раннего времени, чем застройка I — III вв. н.э., бесспорно располагавшаяся в прибрежной части городища, могли

быть сметены в море землетрясением 63 г. до н.э., о чем свидетельствуют указанные выше следы подтесов скал и отделившиеся от берегового обрыва скальные блоки с аналогичными подтесами, в одном из которых уверенно прослеживается часть стены и пола вырубленного в скале помещения. Трещины бокового отпора были зафиксированы автором и при раскопках подвального помещения и мощеного камнем дворики II-IV вв. на приморской части «Змеиного холма». Жители вынуждены были засыпать эти трещины до тех пор, пока разрушение берега сделало невозможным безопасное существование здесь построек.

Штормовые волны выбрасывают на берег фрагменты амфорной тары эллинистического времени (вероятно, из размытого культурного слоя), которые также встречаются на прибрежных участках дна. В ходе многолетних наблюдений автором были подняты многочисленные профильные части и стенки амфор, в числе ранних — фрагменты амфор Хиоса [Зеест, 1960, табл. V, 14] IV — начала III в. до н.э., Фасоса [Зеест, 1960, табл. VII — VIII, 20] I — 3 четверть IV в. до н.э., Гераклеи [Зеест, 1960, табл. XXII, 42, 43, 45] IV — начала III в. до н.э., Пепарета I и II, Синопы [Зеест, 1960, табл. XIII — XIV, 28 — 30] IV — III — I половины II в. до н.э., Родоса [Зеест, 1960, табл. XXIV, 49, 50] конца III — II в. до н.э. и других центров. Провести детальные подводно-археологические обследования не позволили режимные условия Опука. Помимо сейсмогенных факторов и абразионных процессов, на сохранность приморских сооружений Киммерика могло оказать крайне негативное воздействие и строительство здесь причала серного завода — сваи этого причала, вероятно, укрепленного волноломом из местных материалов, фиксируются поныне в прибрежной акватории городища.

Описанными сохранившимися отрезками оборонительных ограждений охвачена площадь чуть более 4,5 га, а проведенные шурфовки вне «Змеиног» и «Большого» холмов, а также обнажения слоя¹⁹ в современных траншеях и капонирах позволяют говорить, что реальная площадь городища вряд ли превышала эти размеры. Сопоставление плана городища П.Дюбрюкса с результатами обследования сохранившихся остатков *de visu* и их инструментальной съемкой (См. ситуационный план городища Киммерик — Рис. 9,10,11) позволяют, во-первых, говорить о том, что П.Дюбрюкс сумел графически отразить систему обороны городища, от строительных конструкций которых ныне остались лишь обрывки стен, не разобранных лишь только потому, что они представляют участки кладок, сложенных из крупных неотесанных глыб, требовавших у новых строителей дополнительной обработки. Во-вторых, что сохранившиеся остатки конструкций вполне совпадают с элементами плана Дюбрюкса, что позволяет использовать его для реконструкции планировки города и его оборонительных сооружений.

Таким образом, система обороны городища Киммерик складывалась из нескольких элементов. В первую очередь, особую роль играл рельеф, особенно скальные гряды, прикрывавшие городище с востока, во-вторых, крутой обрывистых берег делал городище неприступным с мористой стороны. Системой подтесок выходов скал в обрывах склона «Большого холма», сочетавшихся с кладками, выстроенными у его подножия, было укреплено место предположительного расположения акрополя городища — «Большой холм». Судя по плану П.И.Дюбрюкса, а также по особенностям микрорельефа: «Змеиног холма», остаткам монументальных стен, вскрытых раскопками раскопа «Берего-

вой» И.Б.Зеест и другим элементам (выходы отдельных камней, участков кладок и т.д.), свою систему обороны в виде стен, окаймляющих «Змеинный холм», имела и приморская часть городища. Въезд в Киммерик, насколько можно судить по особенностям микрорельефа, располагался там же, где и сейчас находится въезд на городище. В этом случае раздельное укрепление «Змеиног» и «Большого» холмов играло дополнительную фортификационную роль, поскольку ворвавшийся на городище противник оказывался в ложине между двух укрепленных холмов, и упирался в крутой склон на восточной окраине городища, который также был застроен (насколько можно судить по результатам проведенных автором разведок, ср. план Дюбрюкса, — Тункина, 2002, рис. 59, объекты 26,28,29 и мой инструментальный план — Рис. 9,10). Продвигаясь далее вдоль склона, противник оказывался в узкой ложине, образованной «Большим холмом» и склоном горы, также застроенной, и упирался в башню и, возможно, в стены, располагавшиеся северо-восточнее «Большого холма». Двигаясь по территории городища еще далее на север, противник упирался в северные участки обороны — стены или каменные валы, спускавшиеся с главного водораздела горы от вершинного плато по западному склону горы (пересекавшие современную дорогу на пост ВМФ) и усиленные минимум одной-двумя башнями (см. ниже). Если прорыв обороны города осуществлялся с северной стороны, то весь маршрут противника пролегал в обратном направлении, и он так или иначе оказывался вновь в узких лощинах с застроенными склонами, образованными западным склоном горы и «Большим холмом» и «Большим» и «Змеинным» холмами. Особой стеной, примыкавшей к юго-западной границе го-

роdiща, речь о которой пойдет ниже, была фланкирована приморская часть города.

Несмотря на скудность информации об оборонительных сооружениях городища, как документальных, визуальных, а также археологических, можно с полной уверенностью говорить о том, что система обороны городища Киммерик на западном склоне горы Опук была рассчитана как на отражения нападений со стороны суши, так и с моря. Отсутствие каких-либо следов рвов и валов, не фиксирующихся ни визуальнo, ни инструментально, а также при дешифровке аэрофотосъемки, говорит о двух фактах. Во-первых, насколько можно судить по сохранившимся остаткам стен, которые могли (учитывая реконструкции планировки городища П.Дюбрюкса и И.Бларамберга) составлять отдельные элементы оборонительных сооружений Киммерика, городище располагало крепостными стенами, способными выдержать кратковременную осаду даже с применением примитивных таранов. Об этом свидетельствуют конструктивные особенности сохранившихся «стен-оград». Это мощные двухпанцирные конструкции (шириной до 1,5 м), сложенные из дикарных блоков известняка внушительных размеров (отдельные блоки размерами 1,50x0,80x0,50 м), межпанцирное пространство которых, насколько автор может судить по их шурфовкам, было заполнено рваным камнем и мелким бутом на суглинистом растворе. Подобные конструкции оборонительных стен не противоречат требованиям древней полиоркетики. Во-вторых, городище вряд ли было рассчитано на продолжительную осаду в случае крупных войн, что подтверждает факт наличия убежища на вершинном плато, предшествующего цитадели, сооруженной в финальный этап боспорской истории (см. раздел II.4.С). Этот факт археологически подтверждается как наличием

мощных мусорных напластований первых вв. н.э. в зольнике цитадели и культурных напластований этого времени на террасированном северном склоне горы под цитаделью. О них речь пойдет ниже.

II.3.В. АКРОПОЛЬ КИММЕРИКА И ВНУТРЕННЯЯ ЗАСТРОЙКА

Ю.Ю.Марти датировал городище Киммерик скифо-античным и ранневизантийским временем (Марти, 1928, с. 107). И.Б.Зеест считала, что «весь оборонительный комплекс Киммерика, по всей видимости, был сооружен около начала нашей эры, но бытовал, несомненно, на протяжении длительного периода, вплоть до III—IV вв.» (Зеест, 1948, с.95). «На основании единичных находок (курсив мой — В.Г.) более раннего времени, встречающихся в нижнем горизонте культурного слоя, можно считать, что эта территория была заселена еще в эллинистическое время» (Зеест, 1948, с.98). И.Т.Кругликова полагает, что городище было заселено еще в V в. до н.э. (Кругликова, 1952 а, с.72), однако, пока при раскопках холмистой части городища не были выявлены строительные остатки этого времени, что позволяет предполагать, что застройка городища V—II вв. до н.э. располагалась в прибрежной части, ныне подтопленной и разрушенной морем, и частично перекрытой фундаментами серного завода.

Датировка отдельных частей городища имеет для нас важное значение, и, поскольку современные исследователи опираются на наблюдения И.Б.Зеест и И.Т.Кругликовой, я позволю себе здесь привлечь архивный материалы их раскопок. При зачистках культурных отложений на Большом холме «эллинистический материал оказался в очень ограниченном количестве, а более ранний отсутствовал вообще» (Зе-

ест, 1949 в, с.5), из материала IV в. до н.э. были встречены 5 стенок амфор Фасоса и Синопы (Зеест, 1948 а). Больше эллинистического материала дал «Береговой» раскоп, расположенный между Большим и «Змеиным» холмами (реально — восточнее «Змеинового» холма — В.Г.). Среди находок 1950 г. из раскопа «в ложбине между Большим и Змеиным холмами» были также встречены фрагменты синопских амфор (в том числе три клейма²⁰), родосское клеймо²¹, «профилированные светлоглиняные ручки, амфоры коричневой глины, светлоглиняные двустольные ручки, амфоры светлой глины I—II вв., реберчатые амфоры, массивные профилированные боспорские амфоры, минимум 3 фр-та амфор Хиоса, монета Гиппеперии». В 1951 г. в слоях того же раскопа были найдены фрагменты амфор первых веков н.э. отдельные фрагменты амфор Хиоса, Родоса и коричневой глины с черными включениями (Кругликова, 1952 а, с.4—6). Поскольку, насколько мы можем судить по описанию, преобладали все же находки рубежа и первых веков н.э., а строительных остатков эллинистического времени встречено не было, И.Т.Кругликова предположила, что в это время здесь располагался городской пустырь (Кругликова, 1952 а, с. 225). Эллинистический материал был обнаружен также и при раскопках на «Змеином» холме («неоднократные находки керамики III и даже IV вв. до н.э.» — Зеест, 1949 б, с.14), но и здесь также не было зафиксировано остатков синхронных построек. Ранние материалы были найдены на крайне любопытном объекте — так называемой свалке IV — III вв. до н.э. на берегу Кояшского озера на западной припортовой окраине городища. «... Были учтены 422 фрагмента остродонных амфор, поддающихся определению. Среди них выделяются гераклейские амфоры, которые составляют наиболее много-

численную группу: 131 экз. и 11 клейм на горлах. В подавляющем большинстве амфоры принадлежат к одному из типов IV в. до н.э....., несколько ножек относится к типу III в. до н.э.... Из 11 найденных клейм — четыре анэпиграфических с изображением кадуцея, канфара, палицы Геракла и пальметты... Импорт синопских амфор (46 экз. и 5 клейм) уступает гераклейским... Все клейма относятся к I и II группам (ссылка на: Граков, 1929)...имеются три экземпляра с именем одного астинома Θευσεῖτος» (Зеест, 1949 а, с. 98—99). Кроме того, были встречены фрагменты амфор Фасоса, Родоса, Коса и Пантикапея (idem; Зеест, 1949, отчет, с. 14 — 15).

По мнению И.Б.Зеест, «окончательная гибель города произошла в середине III в. н.э., одновременно с Тиритакой, Илуратом и, вероятно, некоторыми другими малыми городами Боспора... очевидно, во время одного из опустошительных набегов степных кочевых племен, частых на Боспоре в III — IV вв. н.э.» (Зеест, 1951, с. 194—195). И.Т.Кругликова предполагает иное развитие этих катастрофических событий: «Материала, который с уверенностью можно было бы отнести к IV в., при раскопках не найдено²². Можно предположить, что гибель прибрежных зданий связана с нападением пиратов, которые в III в. грабили и разоряли боспорские города» (Кругликова, 1953, с.135)²³. Дата гибели Киммерика у обеих исследовательниц опирается на «остродонные амфоры различных типов», которые «были привезены из каких-то центров Боспора» (Зеест, 1950, с. 99, 101), красный лак и найденные с ними монеты боспорской чеканки середины III в. (Зеест, 1951, с.192). Эти «большие амфоры из розоватой или плохо промешанной светло-зеленоватой глины с массивными круглыми ручками и венцами встречаются в слоях III — IV вв. н.э.»

Пантикапея и других боспорских городов (Зеест, 1950, с.99).

Город существовал и позже указанной даты, что, в частности, справедливо отмечает Кругликова и подтверждается материалами последних разведок: «Город, по-видимому, особенно процветал в первые века н.э., но после какой-то катастрофы, происшедшей в III в., он отодвинулся от моря и как бы поднялся вверх по отрогам западного склона г. Опук, где в настоящее время встречается большое количество подъемного материала позднеантичного времени» (Кругликова, 1952 а, с.72). Помимо военно-политических событий, «какой-то катастрофой» могло быть и разрушительное предполагаемое землетрясение III в.н.э. (см. далее), которое могло разрушить береговую часть городища и нарушить водные источники, — в настоящее время на данном склоне горы Опук таковые отсутствуют.

Насколько можно судить по топографическим особенностям городища, результатам немногочисленных раскопок его отдельных участков, акрополь города располагался в центральной части городища на т.н. Большом холме (Рис. 10, 13). Он представляет небольшой каменистый холм, на котором почти полностью смыт культурный слой. Однако на юго-западном и северо-западном склонах холма прослеживаются антропогенные террасы площадью до 150 кв. м, на которых могли располагаться комплексы центральной части города. Отдельные вертикальные выходы скал имеют следы подтесов и вырубленных прямоугольных углублений для крепления связующих балок или иных балочных конструкций. Именно по склону (а не подошве) этого холма (его юго-восточный и южный склоны) Ю.Ю.Марти была прослежена стена сохранившейся длиной более 20 м, которая, несомненно, являлась оборонительной стеной этой ча-

сти городища. Стена сложена в двухпанцирной с забутовкой мелким камнем технике, ее ширина составляет до 0,80 м. Аккуратный характер кладки, отличающийся от кладок стен-оград, говорит о том, что она могла быть возведена в момент наивысшего развития городища. Шурфовки ее фундамента и подробный осмотр не дали какого-либо датирующего материала, вероятно, полностью выбранного Ю.Ю.Марти в ходе раскопок. В момент исследования городища Ю.Ю.Марти оно представляло «полную картину разрушения. Холм акрополя снизу доверху изрыт ямами: здесь и известковые печи, здесь и каменоломни. Вход в лошину (со стороны озера) загражден целым рядом новейших полуразрушенных зданий, воздвигнутых в 1913 году для экспорта хлеба» (Марти, 1929, с. 4). Материалы этих раскопок, к сожалению, не сохранились. Обследование упомянутых террас выявило наличие обрывков стен, в линию которых искусно впущены выходящие на дневную поверхность выходы скалы или отделившиеся от нее крупные блоки. Крайне дробный подъемный материал с Большого холма принадлежит к амфорной таре IV—II в. до н.э. и конца II — IV в. н.э., что не исключает, что отдельные стены «акрополя» могли быть воздвигнуты и в более раннее время. С целью окончательного решения вопроса хронологии городища, автором был проведен целенаправленный поиск артефактов, определяющих верхнюю и нижнюю дату Киммерика. Были внимательно обследованы все обнажения культурного слоя городища, которые дали следующие результаты. Из бортов «Берегового» раскопа и рядом расположенного берегового обрыва были изъяты: ручка хиосской амфоры с полосой бледно-красной краски под верхним основанием [Абрамов, 1993, с. 27, тип 2.6, с. 75, табл. 7] конца VI — начала V в. до н.э., ручка фасосской амфоры [Зеест,

1960, табл. VII, 20 в] 2 половина V — 1 — 2 треть IV в. до н.э., венчики гераклейских амфор [Зеест, 1960, табл. XXII, 42] IV — начала III в. до н.э. и несколько ручек синопских амфор [Зеест, 1960, табл. XIII — XIV, 28 — 30] (без клейм) второй половины IV — III в. до н.э. В обнажениях слоя под мощным забутованным и заизвесткованным фундаментом мощностью около 2,5 м автором были обнаружены маловыразительные стенки чернолаковых сосудов (тип неопределим), фрагменты амфор Фасоса, Гераклеи и Синопы (одна ручка с клеймом астинома Дионисия, сына Аполлодора, ок. 294 г. до н.э.). У основания Большого холма, помимо отдельных фрагментов амфорной тары эллинистического и поздеантичного времени, гончарной посуды были встречены и фрагменты краснолаковой посуды, включая хрестоматийный фрагмент венчика типа «поздний римский С» формы 3, тип краснолаковых мисок, доживающий до первой половины VI в. Таким образом, подъемный материал с городища значительно расширяет его хронологические рамки, смыкая его бытование, как мы увидим, с времен бытования цитадели на г. Опук. Вероятнее всего, ранние слои этого городища пока остались недоступными для исследователей по указанным выше причинам.

Раскопками И.Б.Зеест и И.Т.Кругликовой был исследован ряд внутренних построек городища. Одна из них, получившая название «мукодельная мастерская», расположена на северо-западном склоне приморского т.н. Змеиног холма (Зеест, 1950, с. 98, рис. 42). Центральная часть комплекса представляла собой мощный дворик (вскрытая площадь 5,80—6,00 х 2,60—4,60 м), с востока ограниченный подпорной стеной, к которому примыкали (террасообразно, с учетом рельефа склона) минимум три помещения с глинобитными кровлями (Зеест, 1950, с. 97).

Одно из помещений сообщалось с двором каменной лестницей. В помещении Б комплекса (вскрытая площадь 3,60х5,20 м) были обнаружены каменные ступы, жернов и рабочий столик, а также ручная зернотерка. Это «производственное» помещение, имевшее выход и окно во двор, сообщалось с другим помещением, в котором не были встречены орудия труда (раскопанная площадь помещения (5,55 х 3,75 м). Раскопками было вскрыто и зернохранилище, расположенное в помещении, «почти полностью» вырубленном в материковой скале и примыкающее к дворику с юга. И.Б.Зеест реконструирует достаточно внушительные размеры этого хранилища («12,0 м в длину и не менее 6 м в ширину» — Зеест, 1951, с. 191). Не исключено, что это помещение, пол которого представлял собой ровно подтесанную скалу, мог использоваться для обмолота зерна. Пшеница, обгоревшие зерна которой были встречены тут же, хранилась в амфорах и пифосе (Зеест, 1950, с. 97-99). К востоку от постройки раскопана часть еще одного дома, с полом, вымощенным плитами, и частично представляющим собой поверхность подтесанной скалы. По датировке И.Б.Зеест, постройки были также возведены на рубеже веков и погибли в пожаре середины III в.н.э. (Зеест, 1951, с. 195).

Ямы внушительных размеров для хранения зерна (грушевидные, с каменной обкладкой горловины и каменной крышкой, в глубину достигающие 6,50 м при диаметре дна до 2,20 м) были вскрыты И.Б.Зеест и И.Т.Кругликовой на т.н. Береговом раскопе (Кругликова, 1952, с. 71). По подсчетам И.Т.Кругликовой, каждая такая яма вмещала по 76 куб.м зерна, а все ямы комплекса — соответственно 228 куб.м. В Пантикапее максимальная вместимость зерновых ям составляла 12—22 куб.м, что

позволило Кругликовой определить киммерикское зерновое производство как товарное (Кругликова, 1966, с. 108).

Комплекс «Берегового» раскопа имеет сходную с мукодельной мастерской планировку, состоящую из хозяйственного двора (вскрытая площадь около 160 кв.м), в котором и располагались многочисленные хозяйственные ямы, «не менее трех комнат» (раскопанной площадью 4,10 x 3,10; 4,00 м и более x 3,60 м; и 2,20 x ? м — Кругликова, 1953, с. 134, 1958, с. 245—246, рис. 22), примыкающих к двору и имевших смежную планировку (часть комплекса обрушилась в море). Кругликова датирует сооружение этого комплекса I в.н.э.

Стены обоих комплексов сохранились достаточно хорошо (высотой до 1,60 м), что позволяет охарактеризовать строительную технику. Стены в основном двухпанцирные с забутовкой из мелких дикарных камней на глинистом связующем растворе, сложены в постелистой технике кладки. Толщина стен варьирует в зависимости от их функционального назначения — от 1,20 до 0,75 м. В целом, наиболее распространенным модулем является толщина стен около 0,80 м. Ряд камней кладок имеет следы легкой обработки, но, в основном они сложены из дикарного известняка. Дверные проемы помещений, как правило, выполнены из хорошо отесанных и аккуратно подогнанных блоков. В целом, техника кладок в Киммерике не отличалась от домостроительных традиций II — III вв. других боспорских городов — Нимфея, Илурата, Тиритаки, Горгиппии и Танаиса (Кругликова, 1966, с.50).

Одной из особенностей строительной техники Киммерика, прекрасно проиллюстрированной раскопками обоих комплексов, является сочетание кладок с подтеской материковой скалы, как для поверхности полов, так и цоколей и даже целых

массивов стен. Аналогичный прием был использован и при строительстве соседнего с «мукомольной мастерской» еще одного комплекса, расположенного чуть выше по склону того же холма, частично исследованного автором. Он представлял собой небольшой мощеный камнем (раскопанная площадь 5,20 x 2,80 м) дворик, также ограниченный подпорными стенами с севера и востока, полуподвальное помещение с некогда врытыми в землю пифосами боспорского производства. Собственно жилое помещение, от которого остался лишь пол и восточная стена, также почти полностью вырублен в скальном массиве. К сожалению, комплекс сильно пострадал от абразионных и оползневых процессов, а также от антропогенного фактора. Трещина бокового отпора почти полностью деформировала полуподвальное помещение и часть двора, другие постройки, а позже они были полностью разобраны на камень и частично обрушились в море. Судя по находкам амфорной тары, комплекс бытовал во II — I половине IV в.н.э., а оползневые процессы начались буквально с первых лет после его сооружения, о чем свидетельствуют прослой засыпки трещины. Раскопки этой конструкции не внесли ничего нового в изучение строительных особенностей Киммерика, однако косвенно подтвердили товарность его зернового производства. Указанные артефакты и позволили определить хозяйственную специализацию части городского населения. Однако находка в одном из помещений комплекса (помещение Г — В.Г.) пифоса с остатками соленой рыбы и пирамидальных грузил, а также частые находки фрагментов цемянковых обмазок в культурном слое городища, говорит о том, что производство товарного хлеба было не единственным промыслом горожан (Зеест, 1950, с.101).

И.Т.Кругликова полагает, что жители Киммерика были среднего достатка, подчеркивая экономический профиль городского хозяйства: «Общий экономический уровень жизни населения в Киммерике в III в., по-видимому, был таким же, как и в других рядовых боспорских городах типа Илурата и Тиритаки» (Кругликова, 1966, с. 45—46), и вместе с Китеем он представлял собой один из центров боспорской хлебной торговли (Кругликова, 1966, с. 56).

Высказанные соображения несколько противоречат определению хозяйства Киммерика как «натурального (субсидиарного)» (Колесников, 2003, с. 126), скорее всего он представлял собой «центральное место» (ЦМ) данного региона со своей развитой инфраструктурой (подробнее о теории ЦМ см. Колесников, 2003, с. 30—39).

II.3.С. «ЗАПАДНАЯ» ОБОРОНИТЕЛЬНАЯ СТЕНА, ПРОБЛЕМА ЛОКАЛИЗАЦИИ ПОРТА КИММЕРИКА И МОРФОЛОГИЯ КОЯШСКОГО ОЗЕРА²⁴

Как мы уже отмечали, городище на юго-восточном берегу Кояшского озера отождествил с Киммериком И.П. Бларамберг (1848), опираясь на свидетельство Анонимного автора перипла Понта. Упоминание древним анонимом гавани Киммерика вызвало наиболее живой интерес у исследователей и побудило попытаться локализовать порт Киммерика.

И.П.Бларамберг был первым, кто обратил внимание на изменение конфигурации берегов в историческое время и предположил, что в античное время на месте Кояшского (Элькенского) озера располагался морской залив, куда заходили корабли, а порт Киммерика находился на восточном

берегу этого залива (1848, с.11). П.И. Дюбрюкс (1858, с.81), принявший сначала Киммерик (цитадель) за Китей, считал, что порт города находился на восточном краю городища (Тункина, 1999, 2002), а озеро Кояш, по его мнению, было недостаточно глубоким для корабельной стоянки. Все последующие исследователи Киммерика безоговорочно приняли точку зрения Бларамберга, не подкрепив ее убедительными доказательствами. Их внимание привлекла двухпанцирная стена, расположенная на пересыпи между Кояшским озером и Киммериком и примыкавшая, согласно плану Дюбрюкса²⁵, к оборонительным стенам городища (Тункина, 2002, рис. 58). «Длина этой стены, — пишет Дюбрюкс, — 150 саженей, а толщина 4 аршина... во многих местах высота стены простиралась до одного аршина», в других местах она оказалась разрушенной до фундамента (Дюбрюкс, 1858, с.79). Бларамберг же помещал «пристань Киммерикона» непосредственно в акватории озера у развалин деревни Кояш: «Пристань, о которой говорят Скимн и Безымянный автор, должна была находиться там, где на подробной карте генерала Мухина, назначена полуразвалившаяся Татарская деревня Коях, подле берега древнего залива, в небольшой долине, которую встречаем на запад от горы Опук» (Бларамберг, 1858, С.5). П.Дюбрюкс, как мы уже отмечали, располагал порт в акватории «Бакланьей» бухты.

Назначение «западной» стены, на первый взгляд, не совсем понятно. Хотя, если допустить расположение гавани в Кояшском озере, она могла защищать портовую часть города. И.Б. Зеест датировала стену римским временем и считала, что «порт и гавань прекратили существование в начале нашей эры, когда образовалась пересыпь и залив превратился в мелководное соленое озеро» (Зеест, 1950, с.102). В этом

случае мы должны признать, что Анонимный автор перипла предоставил для мореплавателей II или V в.н.э. ложную, устаревшую информацию. Позже И.Т. Кругликова предположила, что перемычка, отделяющая озеро от моря, появилась в позднеантичное время (Кругликова, 1975, с. 18).

Недавно вопрос о назначении стены был вновь поднят Ю.В. Горловым при неточной характеристике морфологии Кояшского озера, озерных и береговых процессов, что сказалось на выводах авторов (Горлов и др., 2005, с. 77—80).

Местоположение береговой линии непрерывно изменялось, и в античную эпоху она имела иной вид, нежели сейчас. Ее перемещение во времени и в пространстве было связано с эвстатическими колебаниями уровня моря, тектоническими движениями и абразионно-аккумулятивными процессами. Чтобы ответить на вопрос, могло ли Кояшское озеро быть гаванью Киммерика и где располагался берег в античное время, необходимо обратиться к анализу указанных факторов²⁶.

Пересыпь Кояшского озера состоит из молодого и старого песчано-ракушечного вала. Старая часть пересыпи делит озеро на две части (Рис.17). Валы сложены из раковинного детрита и створок моллюсков, населяющих береговую зону Черного моря во второй половине голоцена. Бары формировались в море и не могли возникнуть в акватории озера.

Внешний облик и строение пересыпи свидетельствуют о ее образовании в два этапа. Сначала появился старый песчано-ракушечный вал, соединивший г. Опук с г. Приозерной. Он отделил от моря более крупную восточную часть акватории Кояшского озера. В течение второго этапа возник молодой вал. Он отделил от моря меньшую западную часть озера. В результате образования пересыпи изрезанный

абразионный берег преобразовался в выровненный аккумулятивный, бухта была отрезана от моря и превратилась в соляное озеро. Это закономерный путь эволюции ингрессионных бухтовых берегов (Зенкович, 1962, с.451; Морская геоморфология, 1980, с. 181, 215).

Пересыпь Кояшского озера является типичным береговым баром. Благоприятные условия для формирования баров создаются во время замедления темпа повышения уровня моря, а преобразование подводного бара в островной, а затем в береговой, происходит при последующем понижении уровня моря (Морская геоморфология, 1980, с. 95). Именно тогда бары выходят из-под воды и отделяют акватории лагун. В случае повторного повышения уровня моря они становятся препятствием на пути наносов, перемещаемых с дна к берегу. Ширина баров возрастает за счет причленения со стороны моря новых валов. Именно в таких условиях формировалась пересыпь Кояшского озера.

В голоцене в Азово-Черноморском бассейне происходит черноморская трансгрессия, соответствующая фландрской трансгрессии Мирового океана. Ход этой трансгрессии был неравномерным: фазы ускорения и замедления подъема уровня сменялись кратковременными фазами понижения уровня моря (Невесский, 1967, с.226; Федоров, 1978, с.156—157; Шилик, 1976, с.50; Горлов и др., 2002, с. 252—253). В середине голоцена — около 6-3,5 тыс. лет назад — уровень Черного моря достиг современной отметки и превысил ее на 1—2 м. В эту максимальную — новочерноморскую фазу трансгрессии в низовьях балок и долин образовались бухты. Одна из них находилась на месте Кояшского озера. Склоны балки, затопленной морем, за короткое время были срезаны береговыми уступами-клифами и оползнями. Абразионные и оползневые

процессы ослабли и прекратились, когда бухта отделилась от моря и превратилась в мелководное соляное озеро.

Во второй половине голоцена новочерноморская фаза трансгрессии сменяется фанагорийской регрессией; затем уровень моря последовательно повышается (нимфейская фаза трансгрессии), понижается (корсунская регрессия) и сменяется современной трансгрессивной фазой. Поскольку скорость подъема уровня моря возрастала в начале и уменьшалась в конце каждой трансгрессивной фазы, а затем уровень моря понижался (Невесский, 1967), то дважды создавались благоприятные условия для формирования подводных баров и преобразования их в береговые бары. Старый песчано-ракушечный вал пересыпи Кояшского озера, образовавшийся в новочерноморскую фазу трансгрессии, был дополнен молодым валом, сформированным в нимфейскую фазу трансгрессии. Оба вала вышли из воды соответственно в начале фанагорийской и корсунской регрессий, отделив от моря сначала восточную, а затем западную часть акватории Кояшского озера.

На поверхности старой части пересыпи и находятся остатки этой каменной двухпанцирной стены, которая вытянута с запада-северо-запада на восток-юго-восток между берегом Кояшского озера и подножьем юго-западного склона г. Опук. Часть стены, ранее примыкавшей к городищу, разобрана местными жителями (Марти, 1928, с.3; Кругликова, 1958, с. 221) и размита морем. В настоящее время сохранился отрезок длиной 165 м и толщиной около 2,0 м, который упирается в берег Кояшского озера.

Разведочным шурфом Южно-Боспорской экспедиции был вскрыт небольшой отрезок стены в 160 м от озера и в 110 м от моря. Кладка глыб известняка покоится без фундамента непосредственно на

стерильных морских детритусово-ракушечных отложениях пересыпи (Рис. 16). Пересыпь перекрывают и прислоняются к стене зеленовато-серые, а затем темно-серые озерно-лиманские илы с включением раковинного детрита общей мощностью 0,7 м. В их средней части найдены неокатанные фрагменты стенок лепных сосудов, позднеантичных (конца II — VI в. н.э.) амфор. Илы перекрываются маломощными стерильными морскими и золовыми желто-серыми детритусово-ракушечными песками с включениями гальки.

Артефакты, обнаруженные в отложениях, прислоненных к стене, свидетельствуют о том, что она была сооружена ранее конца II — VI в. н.э. и, скорее всего, на рубеже тысячелетий.

Стена не заканчивается у берега Кояшского озера. Она прослеживается на дне Кояшского озера мерным штырем еще на 75 м²⁷ до глубины 0,8 м. Глыбы известняка лежат на морских детритусовых песках озерного склона пересыпи и перекрываются черными озерными илами мощностью 0,7 м. В 150—200 м от берега озера мощность илов, судя по зондированию мерным штырем, превышает 1,5 м. Согласно А.И.Дзенс-Литовскому (Дзенс-Литовский, 1968, с.105) для накопления полуметрового слоя илов в подобных условиях требуется около 1000 лет. Все это позволяет с определенной долей уверенности предположить, что стена, построенная на новочерноморских отложениях старой пересыпи, была подтоплена водами Кояшского озера и частично погребена под илами во второй половине нимфейской трансгрессии — в позднеантичное и раннесредневековое время.

После сооружения стены уровень моря, а следовательно и озера, поднялся как минимум на 1,5 м и в финальную стадию нимфейской трансгрессии располагался на 0,8—1,0 м выше современного уровня.

Предшествующие исследователи Киммерика полагали, что стена соединяла порт с городом и защищала портовую гавань (Бларамберг, 1848, с. 11; Марти, 1928, с. 2—3; Зеест, 1949, с. 95; Кругликова, 1958, с.222 сл.). При этом а priori принималось, что гавань города находилась на месте современного Кояшского соляного озера. Однако еще до греческой колонизации этого региона, которая началась, вероятно, не ранее последней четверти — рубежа VI—V вв. до н.э. и в момент возникновения Киммерика, пересыпь уже отделила восточную часть бухты, и здесь образовалось мелководное озеро.

Версия о связи стены с портом базировалась на необычной ее ориентировке — стена почти вытянута вдоль современной пересыпи. Попытаемся реконструировать условия, в которых она была воздвигнута.

В начале нимфейской трансгрессии, когда был основан Киммерик, уровень моря находился на несколько метров ниже современной отметки, и вся прибрежная полоса являлась сушей, поэтому не было необходимости в сооружении небольшой оборонительной стены. Потребность в ней появилась в первые века н.э., когда уровень моря приблизился к современному. Тогда к Киммерику по берегу с запада вела единственная дорога — по узкой пересыпи озера. Для защиты города с этой стороны, вероятно, и была сооружена эта стена. Во время сооружения стены пересыпь имела вид дуги, протянувшейся между г. Опук и г. Приозерной. Стена перегораживала эту дугу почти поперек от озера до моря, защищала Киммерик с западной стороны и имела, скорее всего, оборонительное значение. При дальнейшем подъеме уровня моря в позднеантичное и раннесредневековое время стена оказалась частично подтопленной водами Кояшского озера. Утверждение Ю.Горлова и Ю.Лопанова, что эта стена соединялась

с Кояшским валом на перешейке одноименного и Узунларского озер и этот факт фиксируется на аэрофотосъемке, следует воспринимать как недоразумение (см. раздел III.3.F).

Во время основания города (предположительно не ранее конца VI в. до н.э.) уровень моря был ниже современного и, естественно, конфигурация береговой линии была совершенно иной — она находилась значительно южнее современной. В то время на месте Кояшского озера располагалась балка, перегороженная между г. Опук и г. Приозерная песчано-ракушечной новочерноморской пересыпью. При этом не исключено, что ручей или временные водотоки могли образовать у этой плотины небольшое озеро, обеспечивавшее население эллинистического Киммерика пресной водой.

В эпоху поздней бронзы и раннего железа, а также в античный период пересыпь использовалась как дорога, связывающая противоположные берега Кояшского озера и ведущая к единственному стабильному источнику питьевой воды, каковыми являлись водные запасы горы. Вероятно не случайно у краев пересыпи располагались стоянки эпохи поздней бронзы — культурный слой одной из них на месте Киммерика частично вскрыт И.Б.Зеест (Кругликова, 1952 б, с.108—114), вторая стоянка была обнаружена автором у подножия г. Приозерной (см. раздел III. 2).

Подъем уровня моря во время второго этапа нимфейской трансгрессии, совпадающего с периодом поздней античности, сопровождался затоплением низменной суши с береговыми постройками эллинистического Киммерика, восстановлением за новочерноморской пересыпью соляного озера. На юго-восточном берегу озера, вблизи уреза рапы, сохранились аморфные следы какой-то, предположительно эллинистической, постройки с мощным

камнем двориком. Однако произвести шурфовку и получить материал оказалось невозможным из-за высокого уровня рапы. Подъем уровня Черного моря способствовал активной абразии прибрежной части городища, о чем свидетельствуют трещины бокового отпора в раскопе на Змеином холме, а также отсевшие на несколько десятков метров от начала берегового обрыва скальные останцы с сохранившимися на них подтеками под древние постройки.

В это же время на месте западной части современного Кояшского озера находилась бухта треугольной формы, вдававшаяся на 1 км в сушу. Эта бухта была прикрыта от северных ветров г. Приозерная, от восточных — массивом г. Опук, а от западных — береговым обрывом до 5—6 м высотой. Она могла быть одним из мест якорной стоянки городища Киммерик первых вв. н.э. Вероятно, поэтому на старой пересыпи, разделяющей озеро на западную и восточную части, иногда встречаются неокатанные фрагменты амфорной тары позднеантичного и раннесредневекового времени. Небольшое количество подъемного материала, среди которого попадаются фрагменты керамики IV — III вв. до н.э., можно объяснить размытием песчано-ракушечной перемычки сначала штормовыми волнами, а затем водами нагонов. Однако не исключено, что часть фрагментов более ранней амфорной тары эллинистического времени, обнаруженная преимущественно у южного берега г. Приозерной, попала сюда в результате смыва культурного слоя со склонов этой горы (См. раздел III, 3. F).

В заключительный этап нимфейской трансгрессии, когда темп подъема уровня моря замедлился, у входа в бухту образовался новый песчано-ракушечный подводный бар.

Во время корсунской регрессии — в период раннего средневековья — он пре-

вратился в береговой бар-пересыпь, который отделил от моря западную часть Кояшского озера и нарастил восточную часть старой пересыпи.

Одновозрастная с молодой пересыпью нимфейская морская терраса высотой до 2,5—2,7 м над уровнем моря сохранилась в нескольких пунктах побережья Опука. В основании почв, перекрывающих одну из них, обнаружены крупные неокатанные фрагменты стенок амфор причерноморского типа. Этот факт еще раз подтверждает, что максимум нимфейской трансгрессии приходится на середину — начало второй половины нашего тысячелетия.

Штормовые волны забрасывают гальку и валуны на прибрежную часть нимфейской террасы — на 2—2,2 м выше уреза. Вероятно, максимальный уровень моря в фазу нимфейской трансгрессии (римское время — раннее средневековье) превышал современный не более, чем на 0,5 — 1,0 м. Эта отметка близка к высоте кровли озерных илов, прислоненных к оборонительной стене на пересыпи у Киммерика.

Таким образом, береговой бар-пересыпь и Кояшское соляное озеро образованы в два этапа. В начале фанагорийской регрессии — в эпоху поздней бронзы — от моря отделилась восточная, а в начале корсунской регрессии — в раннем средневековье — западная часть акватории озера. Как я уже отмечал выше, в регрессионный период, когда озерный режим отсутствовал, гаванью (точнее сказать, якорной стоянкой) Киммерика, вероятно, служила бухта у юго-восточной границы городища, как это указал на плане Киммерика П.И. Дюбрюкс (Тункина, 2002, рис. 56). Естественным молом этой небольшой гавани могли служить рифы, выступавшие над поверхностью воды. В римское время поздней якорной стоянкой Киммерика, в период трансгрессии, могла служить и

бухта на месте западной части современного Кояшского озера.

II.4. ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ЦИТАДЕЛИ НА ВЕРШИННОМ ПЛАТО ГОРЫ ОПУК

II.4.A. КУРТИНЫ И БАШНИ ЦИТАДЕЛИ

Наиболее хорошо сохранившимся объектом Киммерика является так называемая цитадель (Рис. 19, 20, 21 22). Она представляет собой крепостное сооружение, выстроенное на вершинном плато горы. Сохранность цитадели и входящих в ее оборонительную систему сооружений была более хорошей во времена ее посещения П.Дюбрюксом (Дюбрюкс, 1858, с. 69—77) и И.Бларамбергом, о чем свидетельствуют их описания. Мы не знаем, в каком состоянии находилась цитадель во время работы экспедиции Ю.Ю.Марти в 1927 г. (Марти, 1928, с. 103—115) и какой был нанесен ущерб памятнику в годы Второй мировой войны, однако со времени работ экспедиции И.Б.Зеест и И.Т.Кругликовой сохранность памятника, в целом, мало изменилась²⁸.

Цитадель расположена чуть более 2-х км к северо-востоку от городища Киммерик и возведена на восточном краю скалистого структурно-денудационного плато на высоте 170—165 м над уровнем моря. Центральная часть западной куртины цитадели расположена в 625—650 м восточнее-северо-восточнее триангуляционного знака на вершине горы (Рис. 36). Плато, бронированное известняками, имеет треугольную форму и наибольшей длиной вытянуто по линии ЮЗ-СВ. Оно практически неприступно со всех сторон — с юга, севера и

востока высота обрывов колеблется от 15 до 40 м, что делает крайне затруднительным транспортировку к цитадели тяжелых стенобитных и иных осадных орудий и механизмов. С вершины плато, а также со стен цитадели хорошо просматриваются на северо-западе — горы Острая, Приозерная, земляной вал и ров на перешейке Кояшского и Узунларского озер, а также поселения около этого вала, гора Кончек и южное окончание Аккозсова (Узунларского) вала, завершающегося на южной подошве горы Атаманской, расположенной на северном берегу Узунларского озера. С востока открывается панорама всей прибрежной долины между г.Опук и м.Кыз-Аул (10500 м), а в ясную погоду просматривается городище Китей (16250 м), с севера открывается панорама отрогов Парпачского и Параболического гребней. Обзор морской акватории охватывает линию побережья от мыс Кыз-Аул до мыса Карангат, а в ясную погоду — до окрестностей м. Чауда (Казека), что составляет, соответственно более 10 и 30 км.

Данное крепостное сооружение располагает минимум пятью линиями обороны — к ним следует в первую очередь отнести обрывистые склоны самого плато, ров-эскарп и протейхизму или парапет под куртинами крепости, собственно крепостные стены, а также огромную постройку бастионного типа в северо-западной части крепости, которая является ее своеобразной цитаделью или донжоном. Судя по «плану Акрополя» (цитадели — В.Г.), составленному П.И.Дюбрюксом (Тункина, 2002, рис. 58), он увидел с внешней стороны рва еще и остатки каменного палисада, представляющего еще один оборонительный рубеж. В оборонительную систему цитадели также входят остатки оборонительных сооружений, выдвинутых за пределы цитадели и примыкающих к обрывам плато. Они возведены по водоразделу этого

горного массива, составляя с цитаделью единый комплекс (см. раздел II. 4. F).

Если в описании цитадели, развалы строительных конструкций которой почти повсеместно выходят на дневную поверхность, исследователи дают ее точное и полное описание, то в описании оборонительных сооружений под обрывами плато, сохранившимися несколько хуже, имеется ряд неточностей.

Собственно цитадель представляет собой крепостное сооружение мысового типа (Буйских, 1991, с. 82) прямоугольной формы, вытянутое вдоль восточного края плато по линии С-Ю. Западная стена цитадели, пересекающая плато с юга на север, сохранилась на длину до 176 м. На ней сохранились следы минимум 2-х небольших башен размером приблизительно 5—7 х 5—7 м, расположенных на расстоянии около 40 м друг от друга, а также остатки еще одной более крупной башни, сооруженной на месте соединения западной стены цитадели с внутренней поперечной южной стеной. Отрезок этой внутренней куртины прослеживается в 65 м к северу от южной кромки плато. Эта стена как бы делит цитадель на северную и южную части, ее восточная оконечность фланкирована башней 6—7 х 6—7 м. Общая площадь цитадели в настоящее время²⁹ составляет 1,452 га.

Куртины. Наиболее хорошо сохранившейся куртиной цитадели является ее западная оборонительная стена (Рис. 20, 21). Она пересекает плато по линии С-Ю с небольшим отклонением к западу и востоку. Куртина сохранилась практически на всю свою длину, которая составляет 175,9 м. Развалы кладки стены повсеместно выходят на дневную поверхность, местами стена сохранилась на высоту до 2—4 рядов кладки над современной дневной поверхностью. В 1994, 1995 и 1997 годах автором был исследован 10-метровый уча-

сток западной куртины цитадели мощностью до 2,63 — 2,80 м (*вопрос о датировке цитадели будет рассмотрен ниже* — см. раздел II, 4. С). Она сложена из частично подтесанных искусно подогнанных блоков известняка размерами до 1,40 х 1,05 х 0,40 м и более мелких дикарных камней, также искусно подогнанных друг к другу. Стена возведена в традиционной для рядовых боспорских городов технике постелистой двухпанцирной кладки с забутовкой из мелкого бута и крупных обломков известняка. Собственно панцири куртины сложены насухо, в то время как забутовка залита глинистым раствором. Подобная техника кладки полностью соответствует приемам возведения оборонительных стен того времени. При описании конструкций крепостных античных стен Вегеций отмечает: для того чтобы крепостная стена никогда не могла быть разрушенной, она должна строиться по следующему принципу. Первоначально выстраиваются две стены (панциря) с промежутком в 20 футов, пространство между которыми заполняется грунтом из одновременно строящегося рва. Подобная забутовка благодаря своей вязкости усложняет разрушение стен стенобитными орудиями [Veget., IV,3]. Западная стена цитадели построена по тому же принципу. Об этом говорит наличие рва (сохранившаяся глубина которого в северной оконечности достигает 2,5 м, при ширине 8 м и более), два панциря, и то обстоятельство, что внутренние постройки цитадели, примыкающие к стене, также выстроены на материковой скале.

Стена цитадели сохранилась на высоту более чем на 2,60 м, она была возведена на снивелированной поверхности материка — предматериковой известняковой крошке и, возможно, на частично сохранившихся участках прежней стены³⁰. При подобной толщине куртины ее высота (суперструкция и парапет) должны со-

ставлять от 5,60 до 8,40 м³¹. Филон рекомендовал возводить куртины высотой в 20 локтей (около 9,00 м) (Phil., III, 1—2). Значительная высота куртины цитадели подтверждается пристроенными к ней с внутренней стороны помещениями казарм («казематами»), высота которых, по нашим подсчетам, должна была быть не менее 2,50—3,00 метров. Поскольку здания «казематов» в целях осадной безопасности должны были быть значительно ниже уровня крепостных стен, высота стены цитадели вряд ли была менее 5 м. Однако субструкция, которая, по Филону, должна в ширину значительно превышать ширину суперструкции, у нашей стены отсутствует. С точки зрения античной и ранневизантийской фортификации, идеальной считалась двухэтажная стена с башнями, которые при случае могли вести оборону самостоятельно. Наиболее употребительная ширина стен составляла от 1,5 до 3,5 м, в то время как Филон рекомендует возводить оборонительные стены толщиной не менее 10 локтей (около 4,5 м) [Phil. III.1]. Лишь позже, в римское и ранневизантийское время, благодаря использованию известковых растворов, при сохранении высоты толщина стен значительно уменьшилась (Овчаров, 1982, с.35).

Аноним Византийский рекомендует использование сырцовых кирпичей в кладке оборонительных стен, поскольку каменные стены можно скорее и легче поколебать и разрушить, нежели кирпичные, ибо вследствие рыхлости и мягкости кирпича удар тарана бывает слабым и легким [Аноп. Вуз., 230]. Однако у нас пока нет оснований полагать, что куртина цитадели имела сырцовую часть суперструкции, скорее всего стена была цельнокаменной. Мы также не знаем, имела ли верхняя платформа куртины зубчатый парапет, который не всегда был обязательной деталью куртины [Phil., 3,1], и был ли бое-

вой ход перекрыт навесом. Если на куртине был навес, то он мог быть перекрыт черепицей, поскольку в напластованиях зольника и среди подъемного материала с цитадели и участков плато около крепости встречаются отдельные фрагменты черепиц. Однако не исключено, что навес мог быть сооружен из тростника, обмазанного глиной.

Западная куртина цитадели имеет прямолинейную конфигурацию, хотя древние полиоркетики рекомендовали использовать изломанную линию оборонительных стен. Однако на практике (Болдырев, Боровский, 1948, с. 311), особенно в Северном Причерноморье, подобные стены использовались достаточно редко.

В северной части западной куртины цитадели (возле бастиона) прослеживаются следы пролома или въезда. Расположение рядом мощного бастиона позволяет предполагать, что это скорее всего один из въездов или калитка на территорию крепости. Древние архитекторы рекомендовали располагать в оборонительных стенах несколько проходов, чтобы иметь возможность для неожиданных вылазок в случае осады крепости.

От северной оборонительной стены цитадели остались лишь отдельные блоки, а также следы подтесок скалы под тело куртины на краю обрыва. Но на плане П.Дюбрюкса она воспроизведена полностью (Тункина, 2002, рис. 58). Фундамент стены, вероятно, покоился на подтесанной поверхности материковой скалы, выходящей здесь практически на дневную поверхность. Линия этой стены соединялась с бастионом, а также, бесспорно, с нижней, «восточной» оборонительной стеной, возведенной по водоразделу восточного склона горы, о чем свидетельствуют уступчатые подтески скалы под блоки стены как на северо-восточном краю плато, так и на стенке обрыва, имеющие размеры

и конфигурацию, рассчитанные для установки блоков стены в месте ее сочленения со скалой (П. Дюбрюкс ошибочно принял их за ступени, ведущие в воображаемую башню). Линия северной стены имела продолжение и за границами цитадели — она прослежена за пределами крепостного рва, разрывающего ее и образующего своеобразную калитку, ведущую из рва на северный склон горы. От нее остались отдельные подтески скалы на краю обрыва, следы въезда на плато, частично прорубленного в скалах, крайне аморфные следы «привратной» башни, разрушенной природой, и вала бутового материала высотой до 0,60 м в ее восточной оконечности, хорошо различимого на аэрофотосъемке. Наличие упомянутой выше «калитки», разрывающей единую линию упомянутой стены и оборонительной стены на водоразделе восточного склона горы, послужило причиной ошибочного предположения, что остатки цитадели не вписываются в оборонительную систему горы Опук и она является «самостоятельной фортификационной единицей», возникшей после прекращения существования оборонительной системы комплекса (Горлов, Лопанов, 1997, с. 142). В качестве аргумента авторы приводят довод, что при строительстве рва новой цитадели северная стена, тянувшаяся по краю плато западнее рва, была «прорублена». Однако нет никаких оснований утверждать, что эта стена была действительно прорублена. Наоборот, сочленение ее с цитаделью не способствовало бы усилению оборонительных возможностей самой крепости (что было, по всей видимости, допущено для «восточной» стены склона горы, располагавшейся значительно ниже плато — см. раздел II. 4. F), в то время как ров создавал дополнительное препятствие, а наличие небольшого прохода в виде калитки, выходившего на край плато, делало из рва что-то типа дополни-

тельной протейхизмы, отвлекавшей силы осаждавших у наиболее укрепленной части цитадели — ее северо-западного бастиона. Кроме того, эта «калитка» могла использоваться и для тайной эвакуации гарнизона крепости.

От бастиона западная стена тянется к югу. Она пересекает плато поперек. Хорошо видны остатки фундамента двух башен и ворота, разрушенные в начале 1990-х гг. военным строительством на плато.

Следы южной стены цитадели крайне аморфны — западная стена в своей южной оконечности, скорее всего, соединялась с этой стеной, расположенной непосредственно над обрывом и фланкировалась небольшой башней, аморфные следы которой также пока еще сохраняются над обрывом плато в его юго-восточной оконечности.

О наличии восточной стены цитадели у нас нет никаких сведений, однако не исключено, что ее вообще не существовало: вертикальный обрыв плато высотой более 10 м делал неприступной эту часть цитадели, которая к тому же возвышалась над защищенной восточной стеной по водоразделу территории. Однако не исключено, что здесь могли располагаться несложные конструкции, предназначенные для укрытия от обстрела баллистами, онаграми и другими видами осадного метательного оружия: на этом участке обрыва плато прослежены остатки вырубленных и заглубленных в край скального обрыва, по крайней мере двух помещений, по своей конфигурации и размерам напоминающие склепы с дромосом, открытые к обрыву плато (реконструируемая площадь помещения около 4—5 м²). Обе конструкции почти полностью разрушены природой, но не исключено, что они могли играть роль своеобразных бойниц для лучников гарнизона крепости.

Все упомянутые стены цитадели сложены из крупных слегка обработанных блоков известняка до 1,5 x 0,8 x 0,4 м. Кладка стен постелистая, двухпанцирная с забутовкой дикарными камнями и бутом. Ширина куртин крепости колеблется от 2,50 до 2,80 м. Все стены цитадели сложены насухо с укреплением бутового заполнения глинистым раствором.

Б а с т и о н. На севере куртина завершается огромной постройкой бастионного типа размерами 20,3 x 23,5 м со следами внутренних перегородок, которую И.Т. Кругликова приняла за цитадель крепости (Кругликова, 1958, с.221): «С севера находилась мощная цитадель (бастион — В.Г.) квадратной формы, стены которой достигали 4,26 м толщиной». Стены бастиона с фронта были усилены дополнительным панцирем из крупных слегка подтесанных блоков известняка. Северная стена бастиона располагается непосредственно над обрывом плато высотой до 10 м и покоится непосредственно на скале (Рис. 20, 22).

Как в античной, так и ранневизантийской фортификации место расположения башен диктовалось условиями обороны, они могли располагаться в любом месте стен — на линии крепостных стен, на углах, с краю и т.д. Стены бастиона цитадели выдвинуты за линию крепостной стены и, насколько можно судить по выходящим на дневную поверхность остаткам, не переплетаются с ее кладкой. О.Шуази полагает, что многие крепости, построенные в римское время под угрозой варваров, несут следы поспешности, к которым он причисляет следующие детали: куртины не связаны с башнями, стены построены наспех, сначала возводятся стены, а затем башни и т.д. (Шуази, 1935, с.488). Однако еще Филон не рекомендовал строить башни вперевязь со стенами, поскольку первые под своей тяжестью значительно

но сильнее проседали, угрожая разрушить куртину в месте ее сочленения со стеной башни.

Бастион цитадели несомненно предназначался для размещения крупных метательных орудий и с внешней стороны усилен дополнительным противотаранным панцирем. Радиус его обстрела приходится на центральную часть северного склона горы, по которому проходила древняя дорога, ведущая к цитадели, и на южную оконечность рва, где, вероятно, располагалась небольшая калитка, ведущая в небольшую расщелину обрыва плато. Не исключено, что этой калиткой могли пользоваться как для неожиданных вылазок в случае осады крепости, так и для скрытного оставления цитадели в случае ее падения.

В античном, а позже в римском и византийском фортификационном строительстве использовались разнообразные по форме башни, при этом военными инженерами выказывалось предпочтение многоугольным, круглым и полукруглым в плане башням. Подобные башни увеличивали площадь обстрела и были менее уязвимы для стенобитных орудий [Vitruv., I, V,5], однако в Северном Причерноморье широкое распространение получил именно более дешевый и легко возводимый «древний» тип прямоугольных башен (Буйских, 1991, с. 95).

Башни с многокамерными внутренними помещениями для размещения метательных орудий, складирования боевых припасов и вооружений появляются в античной архитектуре еще в конце VII — VI в. до н.э., однако продолжает широко использоваться вплоть до византийского времени. Подобная конструкция обеспечивала наибольший эффект в использовании огневой мощи обороняющихся (Winter, 1971, p. 180), а также позволяла в большей степени обезопасить обслуживающий метательные орудия персонал. Однако,

в отличие от опукского бастиона (полы внутренних помещений которого, судя по всему, находились на уровне древней дневной поверхности), внутренние помещения в подобных башнях, как правило, располагались на более высоком уровне — внутреннее заполнение фундамента в целях защиты от стенобитных орудий должно было быть значительно поднятым над уровнем земли (Winter, 1971, Р. 180). Витрувий советует заглублять фундамент башен глубоко в материк [Vitruv., X, I, 1], а Филон Византийский, в своем трактате «О фортификации» также рекомендует «при постройке башен докопать до скалы, до воды или какого-либо надежного грунта, как можно лучше укрепить это место и заложить фундаменты» [Phil., I, 1]. Башня бастиона на вершинном плато г. Опук была воздвигнута непосредственно на материковой скале и указанные выше недостатки компенсировались мощностью его стен.

Многокамерные прямоугольные башни широко использовались в Северном Причерноморье, так, например, в Ольвии сохранились остатки аналогичной башни, датированной римским временем (Буйских, 1991, с. 34.). Ширина стен бастиона цитадели Киммерика, усиленных панцирем, достигает ныне 3,5 м и более. Местами ее кладка сохранилась над дневной поверхностью на высоту 3—5 рядов камней. Высота башен, способных в случае необходимости самостоятельно держать оборону, как правило, значительно превышала высоту куртин и, в нашем случае, могла достигать 10 и более метров.

Протейхизма. В 4,20 м от западной куртины цитадели, на внутреннем краю рва, раскопками автора³² выявлены остатки протейхизмы, сооруженной из дикарного известняка на глинистой субструкции (Рис.39,89). Развал кладки протейхизмы сохранился на высоту до 1 м, кладка сло-

жена в двухслойной постелистой технике. Ее ширина составляет около 0,80 м. Стены протейхизм обычно были укреплены значительно слабее и редко превышали в ширину 1,00—1,50 м, пространство же между протейхизмой и крепостной стеной (peribolos, intervallum) в малых крепостях был незначительным — достаточным для маневра войска, расположенного на этой линии обороны (Овчаров, 1982, с. 23).

Некоторые особенности микрорельефа городища в районе рва позволяют допустить наличие палисада на внешнем краю рва, подобный палисад изображен на плане П.Дюбрюкса, который, возможно, застал его развалины (Тункина, 2002, рис. 58).

II.4.В. ВНУТРЕННИЕ ПОСТРОЙКИ ЦИТАДЕЛИ

До последнего времени археологические исследования цитадели, особенно ее внутренних построек, не проводились, поэтому датировка этой крепости и примыкавших к ней иных оборонительных стен была достаточно условной.

Исследователи Киммерика при описании внутренних построек цитадели, как правило, опирались на план П.Дюбрюкса (Тункина, 2002, рис. 58), откуда появилось описание остатков круглой в плане постройки, заглубленных помещений, круглых построек и т.д. В реальности круглая постройка не сохранилась и, вероятно, как и северная стена цитадели, была разобрана на строительный камень в период до 1944 г. Заглубленные помещения представляют собой выходы штретков каменоломни, расположенной непосредственно под цитаделью. Время их сооружения пока не определено, и не исключено, что они могли возникнуть в ходе строительства этого фортификационного сооружения не-

посредственно на территории крепости, а в последующие столетия могли быть значительно расширены до современного состояния. Остатки башни в средней части западной куртины, указанной на плане П.Дюбрюкса (Тункина, 2002, рис. 58), были разрушены военными строителями при прокладке дороги к выстроенным на плато капонирам.

В последние годы на цитадели были проведены небольшие раскопки центральной части зольного холма, участка западной куртины цитадели, прилегающих к ней внутренних построек, а также мусорных напластований под западной куртиной цитадели, позволившие датировать последний этап ее строительства, сформировавшего сохранившийся до наших дней облик этого комплекса.

«Казармы» цитадели. С внутренней стороны западной куртины цитадели к телу оборонительной стены примыкает линия внутренних построек, остатки которых представляют собой постепенно понижающийся от куртины вал рушеного и бутового камня, испещренный ямами выборки строительного камня. Небольшими раскопками был исследован центральный участок западной куртины цитадели и часть примыкавшего к ней сооружения казарменного типа (Рис.23). Центральная часть куртины расположена в 620—625 м восточнее-северо-восточнее триангуляционного знака на вершине плато (Рис.20). Весь комплекс «казарм» вытянут вдоль оборонительной стены и отделен от нее пространством шириной 1,10 — 1,20 м. Строение представляет собой многокамерную постройку казематного типа, ориентированную вдоль куртины по линии юг — север, строительные остатки которой перекрыты каменным завалом от рухнувших стен строения и самой куртины. Постройки казематного типа достаточно широко использовались в фортификационном

зодчестве античного периода [Phil., 3, 6—7] включая боспорские города (Толстиков, 1984, с. 41—42). Бесспорно, они предназначались для размещения гарнизона крепости и обороны ее стен, но вряд ли — для размещения дополнительного вооружения на их крышах (Толстиков, 1977, с. 165) и увеличения боевого хода на куртинах. Скорее их расположение непосредственно под куртинами, имевшими внушительную высоту, уберегало как сами постройки, так и гарнизон крепости от метания снарядов на внутреннюю территорию крепости. Небольшие размеры опукской цитадели, а также особенности микрорельефа позволяют допускать наличие непрерывной анфилады этих многокамерных построек от раскопанного участка до бастиона в северо-западной части комплекса.

В XVIII—XIX и в начале XX вв. на этом участке цитадели осуществлялась выборка строительного камня для нужд деревень Опук и Кояш (Коях). Раскопками было вскрыто три помещения³³, получившие условные названия «помещение А, В, С» (с юга на север). Помещение А, расположенное у предполагаемого въезда³⁴ в цитадель, было почти полностью уничтожено выборкой камня и прокладкой дороги, в результате чего слой, покрывающий материковую скалу, служившую полом помещения, оказался полностью перемешанным и не представлял собой стратиграфического целого. Помещения В и С сохранились гораздо лучше.

Стены помещений казарм. Все три раскопанных помещения имеют две общие стены, соответственно выходящую на проулок и примыкающую к куртине (Рис.23), что лишний раз подтверждает единовременность постройки комплекса. Смежные помещения имеют общие внутренние стены, в одном случае — на стыке помещений А и В — ввиду угрозы обвала стены-перегородки она была усилена

дополнительной стеной, пристроенной плашмя к предыдущей (Рис.23). Кладка всех стен комплекса постелистая, двухпанцирная с забутовкой мелким камнем, сложена на земляном связующем растворе из рваного известняка, отдельные камни имеют следы легкой подтески внешней стороны. Отдельные фронтальные пустоты между слоями камней кладки заложены мелким клиновым бутом. Наибольшие размеры отдельных камней стен составляют 0,80х0,40х0,30 м. Ширина стен колеблется от 0,70 м до 0,82 м. Часть стен повреждена ямами выборки камня. Однако в целом, они сохранились на высоту до 7—10 рядов камней (Рис.24,25).

Довольно необычным является характер сочленения внутренних стен постройки: так, стены 1, 3 и 4 помещений В и С пристроены к стене 2 впритык. По наблюдениям С.Б.Ланцова, стены внутренних построек Кутлакской крепости также сооружены впритык, но непосредственно к крепостной стене. Он правомерно склонен объяснять эту конструктивную особенность тем фактом, что первоначально были возведены внешние стены крепости, и лишь позже был произведена внутренняя застройка объекта. Не исключено, что и на Опускской крепости сначала был выведен общий периметр постройки, а внутренняя планировка осуществлена на втором этапе строительства. Однако судить о строительных приемах и этапах постройки возможно лишь после вскрытия всех упомянутых помещений или даже всего комплекса построек.

Стены помещений сооружены непосредственно на сnivelированной поверхности материковой скалы. Тела внутренних стен-перегородок имеет отклонение от вертикали, порой значительные, в южную сторону. Пока остается неясным, является ли это следствием сейсмических подвижек или обусловлено конструктивным

несовершенством кладок (сооруженных впритык и не имеющих прочного связующего элемента с другими кладками помещений). По крайней мере при смещении несущей стены 3, она, как я уже отмечал, была укреплена дополнительной стеной 4 (Рис.23), кроме того, западный край этой же стены (стена 3) несет следы ремонта или закладки более раннего прохода (?-В.Г.) между помещениями шириной до 1,40 м, наличие которого, возможно, и спровоцировало наклонение стены.

Помещение В. Помещение образовано стенами 1,2,3 и 5 (Рис.23) На помещение В приходится 2,80 м стены 2, а с учетом уклона тела стены 1 — 3,08 м. Здесь она сохранилась на высоту 9—10 рядов камней (максимальная высотная отметка от уровня пола + 1,65 м). Стена 3 примыкает к стене 2 с востока и образует с ней впритык прямой угол. Ее длина по внешнему фасу — 5,15 м, по северному фасу (внутри помещения) — 4,34 м. Стена 3 сохранилась на высоту 7—8 рядов камней (максимальная высотная отметка от уровня пола + 1,05 м). Она образует переплет прямой угол со стеной 5. К южному фасу стены 3 вплотную примыкает тело стены 4 помещения А (Рис.23). Стена 5 помещения В составляет в длину 6,36 м (5,66 м по внутреннему фасу). Стена сохранилась на высоту 8—10 рядов кладки (максимальная высота стены от уровня пола + 1,42 м). Стена является общей (восточной) стеной помещений В и С, и в ней устроен проход с порожным камнем шириной 0,96 м, возвышающимся над уровнем пола на 0,14 м. Возле южного внутреннего угла прохода обнаружена выдолбленная в скале лунка овальной формы диаметром 0,08—0,1 м для крепления оси двери, прикрывающей помещения В и С. Помещения В и С, кроме того, имеют общий проход из одного в другое шириной 1,04 м и, уже описанный выше выход в проулок. Этот довольно

своеобразный прием общего сообщения двух помещений между собой и одновременно с улицей достаточно необычен. Сходный строительный прием встречен в одной из башен Кутлакской крепости, где два внутренних помещения башни сообщались между собой и с внутренним пространством крепости единым проходом. Этот прием, учитывая то обстоятельство, что оба объекта являются оборонительными сооружениями, позволяет судить о том, что этот планировочный прием имеет определенное тактическое значение: противник, ворвавшийся внутрь казармы через вход в помещения, натывается на ребро (притолоку) стены 1 (длина 3,12 м), разделяющей оба помещения, что дезориентирует его и дает дополнительные шансы для обороняющихся.

В юго-восточном углу помещения В была обнаружена печь (Рис. 28, 31). Она представляет собой овальную конструкцию, вписанную в угол помещения. Сохранившиеся остатки печи позволяют оценить ее конструкцию как печь типа тандыра с купольным сводом (Рис.31). Внешние размеры печи составляют 1,78 м и 1,29 м. Внутренние параметры соответственно — 1,20 х 0,90 м. Топочное помещение имеет овальную форму со следами подпорного столбца свода в центральной части печи. Она сооружена непосредственно на материковой скале, которая имеет следы специальной подтески для пода печи глубиной 0,04—0,06 м. Наибольшая сохранившаяся высота печи составляет 0,64 м. Собственно печь построена из плоских плит известняка, поставленных на ребро и скрепленных глинистым раствором. Восточная и южная стенки печи примыкают непосредственно к стенам 5 и 3. Снаружи и внутри печь обмазана слоем глины толщиной до 0,06 м. Ширина устья печи — 0,72 м. Устье обрамлено поставленными на ребро плитами известняка. У

северного края устья устроен небольшой очажок открытого типа (0,72х0,66 м) для повседневных нужд. Он также сложен из небольших известковых плит и обмазан глиняным раствором. Остатки печи позволяют заключить, что она имела сводчатую верхнюю часть с подпорным глинобитным столбиком в центральной части топочного помещения, однако остается неясной конструкция дымохода. Выброс золы из печи в какое-то время осуществлялся непосредственно у входа в помещения В и С: так, в проулке, непосредственно под южной частью стены 5, у прохода обнаружены зольные напластования мощностью до 0,50 м. Конструкция и размеры печи допускают ее использование для обжига керамических изделий для повседневных нужд. К сожалению, в заполнении печи находок встречено не было.

Помещение «С» прямоугольно и ориентировано наибольшей осью по линии В—3. Оно образовано стенами 1, 2, 5 и 6 (Рис.23,30) — соответственно южная, западная, восточная и северная стены помещения. Стена 5 также общая для обоих помещений (является их восточной стеной), однако она «разорвана» общим для обоих помещений проходом. Ее длина в помещении С составляет 2,36 м. В теле стены обнаружен подтесанный известняковый блок с пропилом 0,09х0,04 м, вероятно использованный в кладке вторично. Стена 2 во внутреннем периметре помещения С сохранилась на высоту до 7—8 рядов кладки, ее максимальная высота составляет 1,38 м. В Ю—3 углу помещения подстилающая стену скала подтесана и ее выступающая над уровнем пола часть включена в кладку стены. Стена 6 помещения «С» является северной стеной этого помещения. Общая длина стены составляет 3,98 м, до заложенного прохода — 2,96-2,98 м. Как и у стены 2, участок подтесанной скалы, высоко выступающий над уров-

нем пола (скалы) в северо-восточном углу помещения, включен в тело кладки. Стена сохранилась на высоту до 8—9 рядов кладки. В западной оконечности стены 6 отмечено подобие заложенного прохода шириной 1,06 м. Однако кладка заклада прохода крайне иррегулярная и небрежная, и этот факт не исключает возможности, что «заложенный проход» может быть забутованным неиспользованным камнем яму выборки строительного камня.

Стратиграфия напластований. Поверхность перекрывающих отложения культурного слоя над помещениями казарм неровная — на дневную поверхность выходят блоки куртины, отдельные известняковые глыбы и развалы бутового камня. На поверхности встречены отдельные фрагменты амфорной тары конца II — VI в. н.э., фрагменты красноглиняной гончарной и лепной посуды.

Верхний слой почти не содержит гумуса, формируемого, в первую очередь, в результате длительной жизнедеятельности растительности. Поскольку поверхность памятника сильно потревожена современной выборкой строительного камня, гумус как таковой в условиях вершинного плато за последние столетия практически не образовался. Поэтому понятие «гумус» в нашей стратиграфической колонке достаточно условно и представляет собой слой корневой системы растущих на памятнике трав, хотя на самом деле он является заросшей дневной поверхностью современного перекопа — потревоженного культурного слоя времени разрушения и запустения памятника. Он представляет собой *темно-серый гумусированный суглинок*, сильно забутованный рваным камнем (здесь и далее — известняка-ракушечника), бутовым материалом и отдельными блоками известняка из выборки стен. Слой сильно перемешан выборкой строительного камня — на его поверхности слоя видны линзы

выборки камня и следы перекопов. Мощность слоя темно-серого гумусированного суглинка неравномерна по всей площади раскопа — она колеблется от 0,05 до 0,10 м вне помещений, а в их пределах достигает от 0,25 м до 0,57 м (в яме выборки камня в юго-западном углу помещения В — до 0,80 м). В пределах раскопа в слой впущены две ямы выборки камня, границы которых, ввиду сильной перемешанности слоя и его однотонности фиксируются только в разрушенных выборкой кладках, поскольку все слои заполнения раскапываемого помещения и слои вне его пределов сильно забутованы.

В слое встречены многочисленные фрагменты амфорной тары, гончарных и лепных сосудов (Рис.34,35). Точная датировка слоя затруднена ввиду его потревоженности и широких рамок датировки — среди собранных материалов встречены фрагменты амфорной тары, датируемой от IV до VI в.н.э., а также стенки красноглиняных кувшинов, профильные части и стенки лепных кухонных сосудов, пищевые остатки, точило.

Слой темно-серого гумусированного суглинка покрывает слой *серо-коричневого золистого суглинка* — такого же слоя, но не потревоженного перекопом выборки камня. Мощность этого слоя составляет в помещении С до 0,60 м — 0,63 м, а внутри помещения В составляет только до 0,30 м. Слой крайне насыщен дикарным известняком, бутовым камнем и отдельными блоками известняка. Он является продуктом разрушения стен помещений «А, В и С». В северо-западном и северо-восточном углу помещения С слой потревожен современными ямами выборки. В нем встречены многочисленные фрагменты амфорной тары, в том числе фрагменты светлоглиняных узкогорлых амфор [Шелов, 1978, типы D, E] соответственно, конца II — I половины III в.н.э., конца

IV- первой половины V в.н.э., широкогорлых красноглиняных амфор [Зеест, 1960, табл. XXXVIII, 96—97] второй половины III—IV—VI в.н.э., амфор из типа найденных в Хараксе [Зеест, 1960, табл. XL, 102] конца IV в.н.э., амфор типа Делакеу [Зеест, 1960, табл. XXXIX, 100] конца III — IV в.н.э. и позже (см. также Юрочкин, Зубарев, 2001, с. 460—462) амфор типа М. 273 (по Robinson) начала III — первой трети V в. н.э., стенки красноглиняных и светлоглиняных гладкостенных и реберчатых амфор, фрагменты гончарных сосудов, лепных мисок, горшков, кувшинов включая неполный профиль лепной кружки, а также пищевые остатки.

Слой серо-коричневого суглинка покрывает слой светлого желтовато-коричневого суглинка, который является продуктом разрушения сырцовых и известняковых деталей построек. Плотность забутованности значительно ниже, чем в предыдущем слое. Он заполнен отдельными камнями рваного дикарного известняка, керамическим боем и пищевыми остатками. Мощность слоя достигает в помещении С 0,35—0,40 м, а в помещении В составляет 0,25 — 0,50 м. В слое желтовато-коричневого суглинка были встречены многочисленные фрагменты амфорной тары — светлоглиняных амфор типа [Шелов, 1978, Е], широкогорлых красноглиняных амфор [Зеест, 1960, табл. XXXVIII, 96-97] второй половины III—IV—VI в.н.э., стенки красноглиняных и светлоглиняных гладкостенных и с реберчатой поверхностью амфор, а также фрагменты гончарной столовой посуды включая венчик позднееримской краснолаковой миски (тип «С» по Хейсу), фрагменты лепных мисок, горшков и кувшинов.

Полы помещений В и С. Материковый слой в помещениях «В и С», представляет собой подтесанный выход скалы, используемый в качестве пола. Неровности ска-

лы, особенно в северо-западном и северо-восточном углах помещения В сnivelированы глинистой обмазкой пола мощностью от 0,06 до 0,20 м. Глубина залегания материковой скалы (пола) колеблется от [-2.10 м] до [-2.36 м] от репера.

Следы пожара на полах помещений не были встречены. На полу помещения В, в его юго-восточном углу, выстроена печь, в северо-западном углу и в северной части помещения по полу разметаны фрагменты красноглиняной широкогорлой амфоры [типа: Зеест, 1960, табл. XXXVIII, 96—97], (Рис. 31), в северо-восточном углу на полу у северного края устья печи найдена верхняя часть диоритовой зернотерки с прямоугольным отверстием для засыпки зерна.

Непосредственно на полу помещения С были зафиксированы фрагменты красноглиняной широкогорлой амфоры [типа: Зеест, 1960, табл. XXXVIII, 96—97], сырцовый столбик диаметром 0.10 м и высотой 0.12 м, обломок сырцового кирпича и фрагментарный развал лепного горшочка. При зачистке пола помещения были встречены фрагменты красноглиняных широкогорлых амфор [типа: Зеест, 1960, табл. XXXVIII, 96—97], амфор с расширяющимся горлом, типа Делакеу [Зеест, 1960, табл. XXXIX, 100] конца III — IV в.н.э. и позже, светлоглиняных амфор [Шелов, 1978, тип Е], фрагменты красноглиняных кувшинов и лепных сосудов (миски, горшки и кувшины). Также были встречены венчик, стенки и фрагмент кольцевого поддона краснолаковых мисок («позднееримский С»), фрагмент венчика стеклянного кубка оливкового оттенка, фрагменты кружальной и лепной посуды, астрагал, кусочки самородной серы и охры, а также окатанная галька для пращи.

Выборка строительного камня в верхнем горизонте не позволяет уверенно су-

дять о наличии в комплексе второго этажа, однако трассировка развала амфоры в северо-западном углу помещения В говорит о том, что она упала с некоторой высоты и ее осколки были разметаны практически по всей поверхности пола северной части помещения до прохода. Если бы амфора располагалась на полу помещения, при гибели постройки она оказалась бы раздавленной рухнувшими стенами. Кроме того, одна зернотерка была обнаружена у устья печи на полу помещения В, а другая — выше — в слое завала, однако при обилии строительного камня на плато маловероятно вторичное использование этого изделия в качестве строительного материала. В этом случае не исключено, что вторая зернотерка могла попасть в слой завала при гибели второго этажа постройки.

Мусорный слой под западной куртиной цитадели. Мусорные напластования под западной куртиной цитадели к внутренним объектам цитадели отнесены условно, поскольку образовались непосредственно в ходе бытования внутренних построек комплекса, в первую очередь казарм, и позволяют нам уточнить дату их возникновения и гибели. Кроме того, находки из этих слов дают уверенную дату сооружения куртины и времени ее гибели, что вынуждает автора рассматривать эти напластования отдельно от собственно зольника цитадели.

Мусорный слой за пределами крепостных стен выходит почти на дневную поверхность и на исследованном участке покрыт слоем рушенного камня. Поверхность зольных накоплений постепенно понижается от куртины ко рву на западе и к подошве упомянутого всхолмления на поле зольника, частично перекрывая остатки разрушенной протейхизмы, некоторые ее камни на отдельных участках выходят на дневную поверхность, и полностью заполняя площадь *intervallum*'а.

Поверхность сильно задернована, хотя понятие гумуса едва ли применимо к рыхлому сильно насыщенному золой гумусированному суглинку. В 1994, 1995 и 1997 годах автором был исследован небольшой участок мусорных напластований под куртиной.

В мусорных напластованиях под куртиной стратиграфически выделяются пять слоев. Материком служит скала (максимальная глубина залегания — 2,50 м), покрытая предскальной известняковой крошкой, сцементированной плотным серо-зеленоватым влажным суглинком, представляющим собой *первый слой* культурных напластований. В него впущено основание куртины цитадели.

Данный горизонт не является мусорным депозитом у стен крепости и относится к периоду возведения куртины цитадели. В слое был встречен крайне однородный материал (Рис.36), представленный венчиками и ручкой красноглиняных амфор с расширяющимся книзу горлом типа Делакеу [Зеест, 1960, табл. XXXIX, 100], датированные концом III — IV вв.н.э. и позже; профильными фрагментами красноглиняных широкогорлых амфор [Зеест, 1960, табл. XXXVIII, 96—97] второй половины III—IV—VI вв.н.э.; венчиками светлоглиняных узкогорлых амфор типа F по Д.Б.Шелову [Шелов, 1978; Зеест, 1960, табл. XLI, 104] второй половины III — середины V вв.н.э. и ручкой светлоглиняной узкогорлой амфоры типа E [Шелов, 1978; Зеест, 1960, табл. XLI, 105] датированной концом IV- первой половиной V вв.н.э.

Краснолаковая посуда представлена в слое двумя венчиками краснолаковых чаш, из них одна принадлежит чаше типа «африканский красный лак», форма 62А по Дж.Хейсу [Hayes, 1972, p. 107, fig. 17—18]. Это плоскодонные миски с закругленными стенками и ровными венчиками, покрытые красно-коричневым матовым лаком.

Они производились с середины IV в. и бытовали до начала VI в.н.э. Однако наши формы таковыми не являются и представляют собой понтийский вариант этой формы, бытовавший с рубежа первой/второй четвертей IV и V вв. н.э., в основном в его первой половине (Зубарев, Юрочкин, 2001, с.465) (см. табл. II, 4, В-1). В числе прочих находок в слое следует отметить венчик красноглиняного пифоса, единичные профильные части красноглиняных мисок и тарелок, венчики лепных горшков и мисок (рис. 36).

Второй слой представляет собой прослойку коричневого суглинка с отдельными редкими включениями дикарного известняка, фрагментами керамических изделий и остеологическим материалом. Слой морфологически, вероятно, представляет собой единое целое. Он может быть лишь условно разделен на несколько подгоризонтов, поскольку в него впущены отдельные золистые линзы, которые, имеют локальный характер и в силу своей небольшой площади на раскопанном участке не являются разделительными прослойками. Другим не менее важным обстоятельством является то, что слой содержит практически однородный археологический материал. Учитывая расположение линз в слое, его можно подразделить на четыре условных подгоризонта мощностью до 0,80 м.

Довольно широкий хронологический разброс в датировках позднеантичного и раннесредневекового материала крайне затрудняет временную градацию выделенных подгоризонтов. Мне представляется абсолютно верным мнение А.П.Абрамова, что чрезвычайно значительное поднятие верхних хронологических рамок этого материала, которое порой «заставляет» бытовать тот или иной тип три столетия и более, «не представляется бесспорным»

(Абрамов, 1993, с.9). Тем не менее, не вдаваясь в крайне дискуссионные комментарии хронологии тех или иных типов, попытаемся сопоставить находки из данного слоя и сделать ряд наблюдений. Как видно из приведенной ниже таблицы, во всех подгоризонтах, включая линзы, стабильно присутствуют фрагменты красноглиняных амфор с расширяющимся книзу горлом типа Делакеу [Зеест, 1960, табл. XXXIX, 100], в настоящее время датирующиеся концом III — IV в.н.э. и позже, красноглиняных широкогорлых амфор типа [Зеест, 1960, табл. XXXVIII, 96—97] второй половины III—IV—VI вв.н.э. и светлоглиняных узкогорлых амфор типа Е по Д.Б.Шелову [Шелов, 1978; Зеест, 1960, табл. XLI, 105] конца IV—первой половины V вв.н.э. При этом, что немало важно, эти типы амфор представлены в рассматриваемых напластованиях не единичными экземплярами. Формально, по хронологическим данным, в эту группу находок можно объединить единичные находки венчиков и стенки стеклянного кубка с каплей синего стекла типа 1-Д по классификации Н.П.Сорокиной, характерного для гуннского времени и, имеющего более узкие временные рамки — конец IV — первая половина V в.н.э. Два фрагмента этих сосудов были найдены во втором горизонте. Обращает на себя внимание полное отсутствие во всех подгоризонтах и в золистых линзах фрагментов светлоглиняных узкогорлых амфор типа F по Д.Б.Шелову [Шелов, 1978; Зеест, 1960, табл. XLI, 104], которые предшествуют типу Е и датируются второй половиной III — IV вв.н.э. Фрагменты этих амфор встречены в подстилающем первом слое. В целом, эту группу материалов можно суммарно условно датировать концом III — первой половиной IV — первой половине V в.н.э.,

пренебрегая более поздними верхними датами ряда из них.

Материалы, которые в силу их достаточно широких хронологических рамок можно лишь с определенной долей ответственности отнести к более поздним, представлены только в верхних частях слоя — в 1 и 2 подгоризонтах и золистой линзе 1. К этим материалам относятся находки, чьи верхние даты выходят за V в.н.э. — это амфоры типа найденной в Тиритаке с перехватом [Зеест, 1960, табл. XL, 103], датирующиеся IV — V в., концом IV — 2 половиной VII в.н.э., донца этих амфор представлены в верхних 1 и 2 горизонтах; фрагменты светлоглиняных амфор с рифлением типа набегающая волна [Якобсон, 1979, тун 5] V — первой половины VII вв.н.э., ручки и венчики которых были найдены во втором горизонте; фрагмент круглодонной амфоры т.н. сиро-палестинского производства, а также фрагменты краснолаковых блюд группы «Поздний римский С» с греческими монографическими крестами [Hayes, 1972, Р. 349] второй половины V — первой половины VI в. н.э., венчик и придонная часть которых встречены в золистой линзе 1.

Таким образом, подведем итог наших наблюдений. Если принять верхние даты приведенных выше более поздних типов амфор, то слой 2 можно разделить на две части: наиболее раннюю часть объединяют подгоризонты 4 и 3, в которых таковые материалы отсутствуют, их верхней границей можно считать золистую линзу 2, в которой встречен аналогичный материал. Эту часть слоя можно условно датировать концом III — первой половиной V в. н.э. Выше следуют подгоризонты 2 и 1, в которых встречен более поздний материал и к которым относится золистая линза 2.

Верхняя дата этих напластований выходит за пределы V в.н.э.

Третий слой, перекрывающий слой коричневого суглинка, представляет собой слой серо-коричневого золистого суглинка с мелким бутом, включениями керамического боя и пищевых остатков. Слой по своему характеру близок ко второму слою, однако более насыщен золой, благодаря чему приобретает сероватый оттенок. Мощность слоя изменяется практически до нуля (относительно поверхности дна раскопа) в южной части квадрата. В северной части раскопанной площади его вскрытая мощность составила до 0,72 м. Слой включает в себя прослойки золы и скопления мелких углей мощностью до 0,18—0,20 м и перекрывается прослойкой (подсыпкой) желтовато-серого, почти стерильного суглинка мощностью до 0,14 м. По датирующему материалу указанные прослойки не расчленяются.

К числу наиболее ранних материалов, встреченных в слое, принадлежат единичные фрагменты светлоглиняных узкогорлых амфор типа D по Д.Б.Шелову [Зеест, 1960, табл. XXXVII, 91—93], которые он датирует первой половиной III в.н.э. (Шелов, 1978, с. 19), а также фрагменты так называемых фанагорийских амфор III в.н.э. [Зеест, 1960, табл. XXXVI, 88].

Основная масса материала из слоя относится к концу III — V в. и, возможно позже, учитывая широкие хронологические рамки отдельных типов амфор. В их числе следует упомянуть фрагменты красноглиняных амфор с высоко поднятыми ручками второй половины III — IV вв.н.э., красноглиняных с расширяющимся книзу горлом типа Делакеу [Зеест, 1960, табл. XXXIX, 100] конца III — IV в.н.э. и позже, красноглиняных широкогорлых [Зеест, 1960, табл. XXXVIII, 96—97] второй половины III—IV—VI вв.н.э., светлоглиняных с воронкообразным горлом второй полови-

ны III — начала V в. н.э., светлоглиняных узкогорлых амфор типа Е [Шелов, 1978; Зеест, 1960, табл. XLI, 105] конца IV — первой половины V в.н.э. и так называемые круглодонные сирийско-палестинского производства IV — V веков (табл. II. 4.B-1).

Слой серо-коричневого суглинка перекрыт сверху *четвертым* слоем темно-серого золистого суглинка с включениями мелкого бута, керамического боя и пищевых остатков. Ближе к полю зольного всхолмления в южной части раскопа мощность слоя увеличивается до 0,46 м, ближе к верху мусорного всхолмления его мощность составляет не более 0,20 м. В слое встречены фрагменты амфорной тары от конца II — I половины III в. н.э. (Типа мирмекийской [Зеест, 1960, табл. XXX, 72], амфор с желобчатыми венцами [Зеест, 1960, табл. XXXIII, 80], светлоглиняные [Шелов, 1978, тип D; Зеест, 1960, табл. XXXVII, 91] конца II — I половины III в.н.э., с высоко поднятыми ручками [Зеест, 1960, табл. XXXII, 79] конца II — I половины III в.н.э. или начала III — IV в. н.э.) до IV — начала V (конца IV — начала VI) в.н.э. (Шелов, 1978, тип Е и др.) и обломками кружальной столовой керамики и лепных сосудов (Рис.63—67).

Мощность перекрывающего слой темно-серого золистого суглинка слоя гумусированного суглинка (*пятый* слой) невелика — она колеблется в пределах 0,08 — 0,16 м. Немногочисленные фрагменты амфорной тары из гумусного слоя датируются концом II — III в.н.э. и IV — VI вв. н.э. Табл. II.4.B-1 (Рис.68,69).

К числу наиболее ранних амфор относятся часто встречавшиеся в прочих рассмотренных выше мусорных напластований около цитадели фрагменты розовоглиняных остродонных амфор с полукруглым приподнятым вверх или нависающим венчиком и массивными округлыми в сечении ручками, иногда покрытые светлой обмаз-

кой или так называемые розовоглиняные амфоры [Зеест, 1960, с. 116, табл. XXXV, 84,85]. Как мы уже отмечали, амфоры этого типа были распространены во II — IV вв. н.э. и, очевидно, изготовлялись в одном из центров Европейского Боспора (Шелов, 1972, с. 124—125, Крапивина, 1993, с.98). Их сопровождают фрагменты амфор с расширяющимся книзу горлом типа Делакеу [Зеест, 1960, с. 120, табл. XXXIX, 100] и красноглиняных ангобированных амфор типа М.238 по классификации Дж. Робинсона (Robinson, 1959), датирующиеся второй половиной III — IV в.н.э. К числу амфор, начавших производиться во второй половине III в.н.э., но продолжавших бытовать и после IV в., относятся фрагменты красноглиняных боспорских широкогорлых амфор с уплощенным венчиком, массивными уплощенными ручками или снабженными несколькими валиками. [Зеест, 1960, табл. XXXVIII, 96—97]

К числу амфор, производившихся в IV в. н.э. и в более позднее время, профильные фрагменты которых встречены в слое, следует отнести следующие типы: амфоры кирпично-красной глины с яйцевидным корпусом типа найденных в Хараксе [Зеест, 1960, табл. XL, 102] и производившихся в конце IV в.н.э. (Кравченко, Корпусова, 1975, рис. 3,1); светлоглиняные узкогорлые амфоры типа Е по типологии Д.Б.Шелова [Шелов, 1978, тип Е; Зеест, 1960, табл. XLI, 105], поступающие в Северное Причерноморье в конце IV и до первой половины V в.н.э. (Табл. II.4.B-1). Привнесение в верхние слои мусорных напластований под куртиной более ранних материалов конца II — III вв.н.э. и их почти полное отсутствие в нижних слоях, возможно следует объяснять тем, что они были привнесены из культурного слоя цитадели в качестве строительного мусора с осваемых в процессе жизнедеятельности внутренних площадей крепости.

II.4.C. К ВОПРОСУ ВРЕМЕНИ СООРУЖЕНИЯ ЦИТАДЕЛИ

До проведения археологических раскопок куртины и примыкавших к ней внутренних построек цитадели ее датировка была достаточно условной и субъективной, зависимой от тех целей, которыми руководствовались исследователи (главным образом современные), привлекавшие ее в качестве примера боспорской фортификации.

Первые исследователи Опука — П.Дюбрюкс и И.Бларамберг — относили ее в целом к античному времени. Ю.Ю.Марти считал, что «акрополь Киммерика на вершине Опука, цитадель всей крепости, возникли в позднеллинистическую эпоху»³⁷, скорее всего, в момент объединения скифов и напора их на греков. Отсутствие поливных черепков поздневизантийской эпохи указывает, что крепость существовала в римскую эпоху и затем вскоре была заброшена» (Марти, 1928, с. 10.). И.Б.Зеест полагала, что «весь оборонительный комплекс Киммерика, по всей видимости, был сооружен около начала нашей эры, но бытовал, несомненно, на протяжении длительного периода, вплоть до III—IV вв.» (Зеест, 1949). В ходе обследования цитадели И.Т.Кругликова пришла к выводу, что, «судя по подъемному материалу, возведение крепости следует отнести к I в. до н.э. Впрочем, не исключена возможность ее существования и в более раннее время, так как наряду с фрагментами краснолаковой керамики римского времени имеется фрагмент чернолакового сосуда, фрагменты так называемых мегарских чаш и стенка сосуда, покрытого коричневым лаком эллинистического времени. (Кругликова, 1952а). Данная точка зрения достаточно прочно утвердилась в отечественной науке (ср.: Сапрыкин, 2002, с. 142).

При датировке цитадели исследователи в основном опирались на подъемный материал, а также на анализ исторической ситуации в предполагаемый период возведения этого фортификационного сооружения. При этом, в силу активной фортификационной деятельности Асандра, времени его правления давалось наибольшее предпочтение.

В числе последних исследований, следует отметить статью Ю.В.Горлова и Ю.А. Лопанова, которые, ссылаясь на датировку слоев зольника, полагают, что комплекс стен на плато и склонах горы был возведен уже в конце V — начале IV в. до н.э. — во время проведения «агрессивной политики Спартокидов на обоих берегах Боспора», скорее всего Спартокидами во время войны за Феодосию (справедливо полагая, что небольшой полис Киммерик в период независимости вряд ли был в состоянии возвести столь внушительную систему обороны). Упомянутые исследователи также выдвигают «осторожное предположение о том, что крепость могла быть построена в I в. до н.э. и существовала до начала VI в.н.э.» (Горлов, Лопанов, 1997, с.141).

Особенности строительных методов возведения западной куртины и помещений «казарм» (проявившиеся, в первую очередь, в том, что эти строительные конструкции возводились на расчищенной до материковой скалы поверхности, с которой были удалены остатки построек предшествующих периодов), а также полученные в ходе раскопок находки позволяют в настоящее время достаточно точно определить время возникновения и гибели фортификационного комплекса, дошедшего до наших дней. Бытование этой цитадели, как мы увидим далее, на самом деле было лишь финальным этапом существования убежища на вершинном плато горы Опук.

Фрагменты керамической тары и кружалной керамики, собранные в ходе исследования помещений «казармы» и мусорных отложений под куртиной (См. сводную таблицу II.4.C.—1), распадаются на несколько репрезентативных групп, позволяющих уверенно датировать данное фортификационное сооружение в целом.

Наиболее массовым материалом в мусорных напластованиях под куртиной, особенно в перекрытых ими слоях коричневого суглинка, относящегося ко времени основания куртины, были представлены фрагменты красноглиняных амфор типа Делакеу с расширяющимся книзу горлом и профилированным желобками венцом. Этот тип амфор широко распространен в Северном Причерноморье, он датируется исследователями достаточно широко — Бётгер и А.Радулеску относят их к IV — VI вв. н.э. (Böttger, 1984, S. 44—45; Radulescu, 1976, p. 107—108), И.А. Антонова и др. — к IV — VII вв. н.э. (1971, с. 83—84), Н.А. Лейпунская датирует их также широко, но в иных хронологических рамках — III — VI вв. н.э. (Лейпунская, 1984, С. 76); Т.Л. Самойлова полагает, что в VI в. амфоры этого типа уже не употреблялись (Самойлова, 1978, с. 265). Другие исследователи полагают, что появление этих амфор относится ко времени не ранее конца IV в. н.э. и бытовали они и в первой половине VI в. н.э.. Морфологически выделяются три типа этих амфор (Сазанов, 1989, с. 50—51). Начальная дата производства керамической тары этого типа достаточно приближительна и относится рядом исследователей к периоду не ранее 360—380 гг. н.э. (Iatrus-Krivina, 1979—1982; Сазанов, 1989, с. 50), однако, по справедливому замечанию В.В. Крапивиной, она может быть несколько удревлена, поскольку фрагменты амфор этого типа часто встречаются в Ольвии, которая не располагает

слоями последней четверти IV в. н.э. (Крапивина, 1993, с. 98).

А.В. Сазанов постарался всех примирить, высказав наблюдение, что на протяжении своего бытования амфоры претерпевали ряд типологических изменений и могли просуществовать вплоть до третьей четверти VI в. н.э. А.П. Абрамов полагает, что столь широкие хронологические рамки не свойственны позднеантичной керамике и присоединяется ко мнению Н.И. Сокольского, что необходимо наконец-то разделить комплексы IV и VI вв. н.э. (Абрамов, 1993, с. 9). Сам он предложил датировать эти амфоры III — IV вв. н.э.

В целом бытование этих амфор относится к IV — V вв. н.э. Хотя А.В. Сазанов допускает и более позднее их использование, вплоть до 2 — 3 четвертей VI в. (Сазанов, 1989, с. 50; 2002, с. 32). Среди опукских материалов встречаются достаточно репрезентативные фрагменты и для подавляющего большинства венчиков амфор характерны четкая профилировка края и выраженный гребень на тыльной стороне горла. Профилировка венчиков амфор этого типа в собранной коллекции достаточно разнообразна. Наиболее точных хронологический репер дают находки амфор данного типа из Ятруса, где они встречаются в комплексах периода «А», который датируется Б.Беттгером 360—408 гг. [Böttger, 1982, s. 249]. Вероятнее всего амфоры этого типа появляются около середины IV в. (хотя А.П. Абрамов удревняет их до 2 половины III в. н.э. — Абрамов, 1993, с. 49, что маловероятно). Примечательно, что амфоры этого типа не были встречены при раскопках собственно городища Киммерик и «сельских поселений, погибших в середине III в. н.э.» (Зеест, 1960, аннотация к типу 100).

Другой значительной группой керамической тары, встреченной как при раскопках помещений «казарм», так и в мусор-

ных напластованиях, являются красноглиняные широкогорлые амфоры [Зеест, 1960, табл. XXXVIII, тип 96—97]. Подробная типология и хронология этого типа амфорной тары, в целом датируемого IV — VI вв. н.э., пока не разработана. А.В.Сазанов предлагает достаточно широкую датировку этих амфор — от конца IV до третьей четверти VI в. н.э. (Сазанов, 1989, с. 47). По крайней мере, можно с уверенностью говорить о бытовании этого типа амфор в V—VI вв. н.э. Крупные фрагменты, включая археологически целую форму одной из амфор, зафиксированы не только на полах помещений «казармы», разрушенных на финальном этапе существования крепости, но и в слое завала этих построек. При знакомстве с материалом и, в первую очередь, с фрагментами амфоры, найденными разметанными по полу в северо-западном углу помещения В, А.П. Абрамов высказал мнение, что амфора принадлежит к позднему варианту, отличающемуся покатостью ручек и характерными «шишечками» у их верхнего основания.

Среди находок также достаточно часто встречаются узкогорлые светлоглиняные амфоры типа Е по Д.Б.Шелову (Шелов, 1978). Большая их часть найдена в упомянутом слое коричневого суглинка, погребенного зольником под куртиной. Однако в надматериковом слое они пока встречены не были. Они отличаются более массивным округлым венчиком и округлым дном. Они часто встречаются на поздних боспорских памятниках и их следует относить к последней четверти IV — V в. н.э., в то время как А.В.Сазанов доводит их верхнюю дату до начала VI в. н.э. (Сазанов, 1989, с. 45). Их дополняет группа фрагментов светлоглиняных амфор типа F по Д.Б.Шелову (Шелов, 1978), которые бытуют во второй четверти — конце IV в. н.э., но не позднее середины V в. (Сазанов, 1989, с. 45; однако в публикации 2002

г. он допускает тиражирование амфор этого типа вплоть до 3 четверти V столетия — Сазанов, 2002, с. 32).

Амфоры с рифлением типа «набегающая волна» среди находок довольно редки, в основном они представлены в верхней части погребенного зольником слоя коричневого суглинка под куртиной. Это явление достаточно закономерно, поскольку амфоры этого типа в основном характерны для поздебоспорских памятников с середины V в. и вплоть до первой половины VII в. н.э. Однако для цитадели Киммерика последняя дата вряд ли приемлема. Кроме того, кажется несколько завышенной и нижняя дата амфор этого типа и, вероятно, есть доля истины в том, что ряд исследователей, и в первую очередь А.Л.Якобсон, допускали их производство и в IV в. н.э. (Якобсон, 1979, с. 13—14).

Среди наиболее характерных находок в рассматриваемых слоях выделяются немногочисленные фрагменты краснолаковых мисок группы «африканские краснолаковые сосуды, форма 62, тип В» с загнутым внутрь краем, которые Дж. Хейс датирует 350—425 гг. н.э. (Hayes, 1972, p. 109). На памятниках позднеантичной и раннесредневековой Таврики сосуды этого типа были очень распространены в слоях от первой половины IV в. до третьей четверти VI в. н.э. (Сазанов, 1989, с. 53).

Один фрагмент из погребенного мусорными напластованиями зольника слоя коричневого суглинка принадлежит к довольно редкому для Таврики типу «африканский красный лак, форма 67», который Дж.Хейс датирует 360—470 гг. В слое завала обоих помещений, а также в мусорных отложениях под куртиной, обнаружены фрагменты краснолаковых мисок с греческими монограмматическими крестами, оттиснутыми на донной части сосудов. Они принадлежат краснолаковым сосудам «поздний римский С, форма 3», который

Дж.Хейс датирует 470—580 гг.н.э. (Hayes, 1972, p. 346—348, 363).³⁸ Греческий монограмматический крест из опукских находок по Дж.Хейсу датируется концом V — третьей четвертью VI в. н.э. (Hayes, 1972, P. 363).

В погребенном зольником слое коричневого суглинка, а также в слое завала помещения В и на полу помещения С встречены фрагменты стеклянных кубков зеленовато-оливкового стекла с каплей синего стекла типа ID (по Н.П.Сорокиной). Производство этого вида стеклянных изделий датируется гуннским временем и относится к концу IV — первой половине V в.н.э. (Сорокина, 1971, с. 90).

К числу других показательных находок следует отнести бронзовую пряжку, затерявшуюся в трещине скального пола помещения В (Рис.33), она принадлежит ко второму варианту (по классификации А.И.Айбабина) и датируется первой половиной — серединой IV в.н.э. (Айбабин, 1990, рис. 22, 3—4). Обстоятельства ее находки позволяют полагать, что она была утеряна вскоре после сооружения помещения. То же можно сказать и о красноглиняном светильнике с солярной орнаментацией щитка, оказавшегося в засыпке неровностей скального пола помещения (Рис.33). Наиболее близкая его аналогия, правда, с иным обрамлением щитка, датируется поздним III — серединой IV в.н.э. (Chrzanovski, Zhuravlev, 1998, P. 127—128, № 70).

В слое завала помещения В был также встречен бронзовый статер плохой сохранности Фофорса или Рескупорида VI, суммарно датируемый 285—310 или первой третью IV в.н.э. Здесь нет необходимости подробно объяснять, что поздебоспорские эмиссии в условиях прекращения боспорской чеканки продолжали широко обращаться в регионе спустя значительный срок с момента их выпуска.

Приведенные находки позволяют достаточно точно определить дату возведения и гибели комплекса крепости в том виде, в котором он дошел до наших дней. Ее сооружение относится к периоду не ранее первой половины IV в.н.э. Именно на это время приходится заключительный этап херсонесско-боспорских войн, начавшихся в конце III в.н.э., в которых Киммерики также была отведена определенная роль, связанная с изменениями границ Боспора. Рассматриваемый краткий период истории Боспора и Херсонеса достаточно скупко освещен источниками. Основным письменным источником по данному вопросу пока остается 53 глава сочинения Константина Багрянородного «Об управлении Империи».

На политическое и этно-культурное состояние позднего Боспорского государства оказало огромное влияние сложение на побережье Меотиды полиэтничного союза варварских племен. Государство оказалось втянутым в так называемые готские и скифские войны и последующие набеги на земли римских провинций (подробнее об этих событиях см. Ременников, 1954, 1964; Буданова, 1990; Пиоро, 1990; Зубарь, 1998; Голенко, Юрочкин, Джанов, Синько, 1999 и др.). Появление нового варварского субстрата в боспорском обществе оказало значительное влияние на дальнейшее политическое развитие Боспора. В частности, оно вылилось в противоборство Боспора с Херсонесом, который и после вывода римского гарнизона в третьей четверти III в.н.э. оставался в союзнических отношениях с Римом и рассматривался последним как римский форпост в Таврике.

Константин Багрянородный сообщает о трех херсонесско-боспорских войнах. Первая произошла в правление императора Диоклетиана (284—305 гг.), вероятно, около 291—292 гг. (Харматта, 1967, с. 204

сл.), когда «скифы» Меотиды под предводительством боспорянина Савромата (имя, которое у Константина Багрянородного, как мы видим, приобретает этно-нарицательное значение) вторглись в Лазик и римские владения в Малой Азии. Римские войска во главе с трибуном Константином I не смогли нанести поражения варварам, и Диоклетиан обратился к Херсонесу с просьбой открыть фронт в глубоком тылу противника. Херсонесское войско нанесло боспорянам поражение, захватило столицу царства — Пантикапей и пленило семьи знатных граждан. Это вынудило варваров заключить выгодный для Рима мир. Вторая война разразилась после совместных боевых действий римлян и херсонесского войска на Истре во второй декаде IV в. Боспорский царь, все так же именуемый Савроматом (сыном Крискорона, внук того самого Савромата, который в 291—293 гг. воевал с Констанцием Хлором), стремясь к реваншу и желая отомстить за прошлые поражения, вновь собирает среди «варваров» Меотиды войско и выступает против Херсонеса. В местности Кафа (окрестности совр. Феодосии) боспорское войско было разгромлено, и там были установлены пограничные знаки, маркировавшие границу Боспора.

Вопрос о том, как изменялись территориальные владения Боспора в результате первых двух войн, представляется нам достаточно сложным, но вполне открытым для дискуссий. Судя по молчанию источников и факту переноса границы в результате второй войны, в ходе первой войны территориальные владения Боспора не были нарушены. К сожалению, помимо сообщений Константина Багрянородного, иных достоверных сведений, кроме монетных кладов, мы пока не имеем.

Как известно, тезаврация (сокрытие) кладов связано с определенной нестабильностью, которую испытывали их владель-

цы. Причины нестабильности могут быть крайне разнообразными: от военно-политических до семейно-бытовых. При этом военные действия в числе причин тезаврации стоят на одном из первых мест, и, как правило, подтверждаются относительным обилием одновременно сокрытых кладов.

Из региона, в котором разворачивались рассматриваемые события, происходят три монетных клада. Первый из них, датированный временем не ранее 291 г., был найден в Судаке (с. Уютное) в 1958 г. и, скорее всего, был тезаврирован во время первой войны Боспора и Херсонеса. Он содержал более 1000 статов боспорских правителей от Ининфимея до Фофорса и лишь один денарий Гордиона III (Кругликова, 1966, с. 188; Голенко К.В., 1978, с. 11—12, 39, № 22). Второй клад, получивший название Таракташского и, вероятно, связанный с событиями второй войны, был найден в с. Дачное в ближних окрестностях Судака в 1908 г. (Стевен, 1909, с. 99 сл; Голенко К.В., 1978, с. 39, № 23; Кругликова, 1966, с. 189) и содержал статеры Рескупорида III, Савромата IV, Тейрана, Фофорса и Рескупорида VI, при этом большинство монет принадлежит чекану Рескупорида VI и Фофорса. Кроме того, в кладе было встречено некоторое число медных выпусков римских императоров — Максимиана, Максенция, Максимиана, Лициния и Константина. Наиболее поздняя монета клада датирует его тезаврацию временем не ранее 328 г.н.э. Состав судакских кладов (главным образом Таракташского) является вопросом дискуссионным, но вполне показательным. Сравнивая монетные клады III — IV вв. н.э., происходящие с территории Боспорского государства, К.В.Голенко отмечал, что из 33 известных к тому времени кладов¹⁹ «только в пяти присутствовали римские монеты», при этом в четырех из них (включая упомянутый Судакский клад — В.Г.), со-

держались лишь пять римских эмиссий, и только в одном Таракташском кладе « среди 607 определенных монет оказалось 69 римских». К.В.Голенко объясняет это тем, что клад был зарыт за пределами Боспорского государства «вблизи владений Херсонеса, на рынках которого в конце III и в IV вв.н.э. господствовала римская общеперская монета» (Голенко К.В., 1978, с. 17, ссылка 28). Однако в данной ситуации ссылка на состав денежного обращения Херсонеса вряд ли является сильным аргументом. Так, по наблюдениям А.М.Гилевич, «прекращение в конце III в. выпуска (Херсонесом — В.Г.) собственной монеты привело к тому, что в городе наряду с римской медью стали обращаться монеты последних боспорских царей, что послужило стимулом к интенсивному притоку меди с Боспора. Этим и только можно объяснить огромное количество монет Фофорса, Радамсада и Рескупорида VI, встречающихся в Херсонесе» (Гилевич, 1968, с.16). Римские монеты, приведенные в списке А.М.Гилевич и выпущенные в годы херсонесско-боспорских войн, то есть в период от конца III в. до 337 г.н.э., составляют 459 экз. Чекан боспорских правителей того же времени (Фофорса, Радамсада и Рескупорида VI), включая утраченные монеты конца III — IV в.н.э., среди находок в Херсонесе составляют также значительное количество — не менее 368 экз. В целом римская и боспорская монета распределяется почти поровну, составляя соответственно 55,5 и 44,5%. И хотя приведенную А.М.Гилевич сводку монет можно считать устаревшей, с точки зрения статистики она вполне репрезентативна, поскольку охватывает находки монет из раскопок, проводившихся на территории городища многие десятилетия (с 1888 по 1963 г.). Закономерно возникает вопрос: насколько чуть более 11% римских эмиссий из числа монет Таракташского клада на фоне аб-

солютного большинства боспорских статов могут отражать зависимость местного (приграничного) денежного рынка от денежного обращения Херсонеса и тем более какую-то политическую зависимость от этого центра? Мы не можем полностью отрицать, что римская монета участвует в денежном обращении самого Боспора (Р.Исанчурин, Е.Исанчурин, 1989, с. 66) — они часто, хотя и в небольшом количестве, встречаются при раскопках боспорских городов и некрополей на европейской и азиатской сторонах Боспора Киммерийского⁴⁰. Кроме того, мы не можем полностью принять и тезис о том, что римская монета не встречается в монетных кладах коренных областей Боспора. Во-первых, многие клады попадают в руки исследователей не в полном виде, часть монет, особенно более редкие иностранные эмиссии остаются на руках у находчиков или держателей. При этом в среде коллекционеров римская монета пользуется несомненно большим спросом по сравнению с рядовыми массовыми локальными выпусками. Во-вторых, Судакский и Таракташский клады не являются единственными кладами, содержащими римские эмиссии. Так, 4-й Керченский клад 1904 г., датированный временем не позднее 336 г.н.э., содержал два ауреуса Константина II. При этом клад оказался сильно фрагментированным. Бесспорно правы Р.А.Исанчурин и Е.Р.Исанчурин, выделяя на Боспоре три зоны денежного обращения, имевшие свои особенности, — центральную, западную и восточную. Они справедливо отмечают, что восточный район тяготеет к денежному рынку Кавказа и Восточного Причерноморья, а в западном «циркулируют незначительные группы римских монет» (Исанчурин Р., Исанчурин Е., 1989, с. 92—93). В-третьих, законы денежного обращения не допускают широкого обращения позднебо-

спорских эмиссий на херсонесском рынке без возможности обмена с боспорскими денежными рынками иными эмиссиями обращающимися в Херсонесе, даже враждебные отношения между обоими государствами в условиях завершающегося монетарного кризиса в этой части эллинского мира вряд ли могли сломать этот механизм.

Все это заставляет нас усомниться в том, что наличие римской монеты в Таракташском кладе исключительно связано с херсонесским влиянием, скорее всего отражая лишь особенности денежного обращения в этой части Таврики. Незначительное количество римской меди или ее отсутствие вкладах из коренных областей Боспора можно объяснить двояко. С одной стороны, в ходе херсонесско-боспорских войн приток римской монеты на Боспор из Херсонеса мог значительно сократиться. С другой стороны, этот факт мог не отразиться на денежном хозяйстве Боспорского государства, ибо (в отличие от Херсонеса) Боспор сохраняет, хотя и полностью деградировавший, но самостоятельный и масштабный чекан бронзовых статеров, вполне удовлетворяющий как внутренний рынок, так, кстати, и херсонесский. Этот факт может служить косвенным подтверждением относительной шаткой экономической стабильности на Боспоре.

Таким образом, я не могу с полной уверенностью принять предположение К.В.Голенко о том, что материалы Таракташского клада отражают тесную связь с денежным рынком Херсонеса. Более того, как мы видим, широкое обращение боспорской меди в самом Херсонесе и обращение римского чекана на Боспоре заставляют привлекать нумизматические материалы с большой осторожностью.

Однако в любом случае следует признать, что в период 291—292 и 328—329

гг. н.э. Судакская долина и ее окрестности входили в зону, в которой свободно и активно обращались эмиссии боспорских правителей. А сам факт, что оба клада, судя по всему, были зарыты в ходе первых двух войн может подтверждать и то, что окрестности Судака все еще входили в состав Боспора.

Известная надпись Аврелия Валерия Сога, сына Олимпа (КБН. № 64), датированная 603 г.б.э. (306 г.н.э.), позволяет говорить, что Феодосия в период между первой и второй войнами находилась под властью Боспора, и не исключено, что перед третьей войной владения Боспора простирались за пределами Феодосии. Описывая битву между боспорянами и херсонитами, Константин Багрянородный отмечает, что она произошла вне города, в местности, именуемой Кафа (ἐξω ἐν τῇ τοῦ λεγόμενου Καφα τόπῳ ἐν). Издатели надписи справедливо отмечают, что поскольку в тексте употреблено наречие ἐξω Константин Багрянородный, 1989, с. 454, ссылка 24), обозначающее «вне, вне дома, города, по ту сторону, снаружи etc.» граница Боспорского государства на тот момент пролегла за Феодосией, которая (согласно географическому трактату из собрания Государственного Исторического Музея) к периоду 360—386 гг. уже именовалась Кафой (Шангин, 1938, с. 252—255). Однако текст источника прямо не указывает, что по завершении второй войны граница пролегла именно через Кафу-Феодосию, хотя ряд исследователей считает это доказанным фактом. Константин Багрянородный прямо указывает, что пограничные знаки были установлены «в том самом месте под названием Кафа, где, сразившись, победили Савромата» (Константин Багрянородный, 1989, с. 255, перевод издателей: ἐν τῷ αὐτῷ λεγόμενῳ ... Καφα, ἐν ᾧ τοπῷ πολεμήσαντες τὸν Σαυρομάτου ἐν κτησιν). Это, в первую

очередь, ставит вопрос, что понимать под «Кафой» Константина — город Феодосию или всю территорию, находящуюся под юрисдикцией этого центра. Бесспорно прав Е.А.Катюшин, отмечая, что под топонимом Кафа «у Константина Багрянородного выступают некие земли, являвшиеся, с его слов, ареной вооруженных стычек боспорян с херсонеситами, а вместе с тем — и непосредственным предметом раздора между ними» (Катюшин, 1998, с.51). Однако вряд ли правомерно отождествлять территорию «Кафа» с округой античной Феодосии более раннего времени, северная, северо-западная и восточная границы которой предположительно восстановлены Е.А.Катюшиным (Катюшин, 1998, с.23 и далее). В этой связи встает вопрос: какими же были территориальные владения Боспора в это время и где пролегла его западная граница? К сожалению, в научном обороте имеется ничтожное количество информации о позднеантичных памятниках окрестностей Коктебеля, Щebetовки и Судака, однако их наличие не вызывает сомнения⁴¹. В этом случае следует допустить, что часть плодородных приморских долин включая окрестности Судака могла входить в сферу прямого политико-экономического влияния боспорской Кафы. А в результате второй войны ареал политико-экономического влияния Боспора был лимитирован округой Кафы, то есть, вероятно, той территорией, которой Боспор владел после присоединения Феодосии и в момент своего наивысшего расцвета в IV в. до н.э. Судя по всему, результатом этой войны стала попытка поставить крест на стремлении Боспора распространить свое влияние в Таврике в той мере, в какой он обладал им в митридатовский и постмитридатовский период.

Третий монетный клад из рассматриваемого региона был обнаружен в 1927 г. у горы Курубаш в окрестностях Феодосии

(Шелов, 1950, с. 134 сл.; Голенко К.В., 1978, с. 40, № 29). Клад состоял исключительно из статеров Фофорса, Радамсада и Рескупорида VI. Клад датируется временем не ранее 327 г.н.э. Его материалы также мало могут помочь в выяснении геополитической ситуации в данном регионе, поскольку мы можем лишь гадать, связан ли он непосредственно с военными действиями или зарыт осторожным хозяином при известии о начале новой войны.

Третья по счету война Боспора с Херсонесом произошла не ранее 336 г.н.э.⁴². В результате очередного поражения боспорян граница боспорских владений была отодвинута от Кафы и установлена у Киверника (Киммерика), где были возведены соответствующие пограничные знаки.

Издатели и комментаторы труда Константина Багрянородного отмечают, что указанные Константином Багрянородным 40 миль, оставленные боспорианам, «дают не античный Киммерик, локализуемый на г. Опук, а район античной Казеки Арриана и Псевдо-Арриана» (Аг., PPE, 30; Ps.-Аг., PPE, 76—77; Константин Багрянородный. Об управлении империей, с. 454, ссылка 27). Авторы делают отсчет от Пантикапея, определяя 40 миль Константина как величину «около 60 км». Однако вряд ли географические пределы Боспора устанавливались подобным механическим образом. Действительно, расстояние между Пантикапеем и Киммериком составляет, согласно Периплу Анонима, 240 стадий и 32 мили. При стадии, равном 197 м, и миле равной, 1481 м, это расстояние совпадает лишь со спрямленной (морской) дистанцией между указанными пунктами и составляет величину менее 60 км. Определение Анонимом расстояний между устьем Боспора Киммерийского (по источнику — городище Порфмий) и Киммериком в 300 стадий и 40 миль прямо указывают нам искомые 40 миль Константина,

который определяет их не от Пантикапея, а от естественной границы европейского Боспора — пролива Боспора Киммерийского: «Всего от устья Меотийского озера до Киммерика 300 стадий, 40 миль, а от города Пантикапея до Киммерика 240 стадий, 32 мили» [Анон.РРЕ, 70.] Кроме того, район Киммерика по своим фортификационным данным бесспорно выигрывает в сравнении с Казекой — он замыкает с юга мощный Узунларский вал, пересекающий весь полуостров. Кроме того, помимо отторгнутой от Боспора Феодосии, Киммерик являлся единственным относительно крупным городом, где могла быть проведена граница и установлены соответствующие знаки. Казека этого времени, как показывают разведки, проведенные автором, в это время была лишь небольшим приморским поселением («местечко Казека»).

С событиями последней боспорско-херсонесской войны связана заключительная кардинальная реконструкция цитадели на вершинном плато и возведение оборонительных стен на водоразделе горы Опук, проведенные около второй четверти IV в. н.э. и четко зафиксированные археологически (Голенко, 1999). Так же хорошо были освоены и прилегавшие к цитадели склоны горы («посад»), что говорит о значительных демографических изменениях в Киммерике. Само городище⁴³, пострадавшее, как и многие боспорские города в III в., не располагало условиями для возведения здесь столь неприступного фортификационного сооружения.

В период не ранее первой половины IV в. н.э., а не во время правления боспорского царя Асандра, как полагали ранее, реконструкции подверглась не только цитадель Киммерика и его оборонительные стены, но и сам Узунларский вал и ров, многие столетия составлявшие с Киммериком единую фортификационную систе-

му (Ланцов, Голенко, 1999, с. 177—181). Был углублен ров и досыпан вал. При этом, следует заметить, что выбор Киммерика и Узунларского вала был вряд ли случаен — Боспору после поражения в последней войне осознанно была оставлена территория, подвластная ему до начала борьбы Спартокидов за подчинение Феодосии, и Киммерик вновь становится пограничным боспорским городом. Находка под стенами крепости стелы с рунами старшего фрутарка⁴⁴ (Рис. 52) позволяет предполагать, что охрана этой границы могла осуществляться «варварами»-федератами из числа древнегерманских племен, осевших на побережье Меотиды и на Боспоре и вовлеченных в конфликты Боспора и Херсонеса (Голенко, Юрочкин, Синько, Джанов, 1999, с. 77—97.). Любопытна, хотя и дискуссионна локализация Трапезуса готов-трапезитов на «столообразном» вершинном плато г. Опук А.В. Васильев помещал готов-трапезундов в Восточном Крыму (Васильев, 1921, с. 65—71). Некий город Трапезунд неоднократно упоминается в позднеантичных источниках (Подробнее см.: Подосинов, 2003)., А.В. Подосинов, рассматривая этот вопрос, не приходит к однозначному выводу о локализации Крымского Трапезуса. Единственной столообразной вершиной на Крымском полуострове (помимо горы Чатыр-Даг, где не обнаружено следов древнего города), как можно судить по графическим логиям Крымского побережья, со стороны моря выделяется только г. Опук (рис. 118) (Юрочкин, 2000, с. 131—132).

О некотором изменении этно-политической обстановки на ранее подвластных Боспору территориях (окрестности Кафы) в последующий период (около 380—450 гг.) говорит новый монетно-вещевой клад из Таракташа (Джанов, Юрочкин, 2001).

Цитадель же Киммерика-Киверника просуществовала, судя по материалам по-

следних раскопок, до конца первой трети VI в.н.э.

Таким образом, можно предполагать, что результатом херсонесско-боспорских войн стало целенаправленное территориальное ограничение боспорского влияния в Таврике — в ходе первой войны Рим, вероятно, не вмешиваясь в локальные территориальные вопросы, дал Боспору знать о сохранении своих интересов на полуострове, выразителем которых выступал Херсонес. В ходе второй войны сфера влияния Боспора, стремившегося к прежнему главенству в Таврике, была сведена к «историческим» границам этого государства времен ранних Спартокидов, а в результате третьей полуварварский Боспор был низведен к землям, которыми он обладал на полуострове в период сложения Боспорского царства.

Определение исторической достоверности сообщенных Константином Багрянородным сведений проливает некоторый свет на недоуменные места письменных источников. В первую очередь это относится к свидетельству Псевдо-Арриана (V в.н.э) о том, что западнее города Киты (Китей, один из ближних городов-соседей Киммерика — В.Г.) жили скифы [Ps. Arrian, 76]. Ему вторит Стефан Византийский, локализуя города Киты, Акру (р-н м. Такыл — В.Г.) и Дию (предположительно Тиритака, окраина Керчи, Аршинцево — В.Г.) в Скифии. На основании этих данных в современной историографии делаются определенные выводы об этно-политической обстановке в Восточном Крыму и перманентном сокращении территориальных владений боспорян. Однако, как показывает позднеантичная и ранневизантийская письменная традиция, понятие «скифы» не может быть принято здесь как этно-политическая характеристика. Различные авторы терминами «скифы или сарматы» объединяли весь конгломерат народов, обитавших на пограничных территориях, (включая Боспор и берега Меотиды), ча-

сто как имя нарицательное. Несмотря на многочисленность «сарматского субстрата» в северопонтийских землях, этно-политическое понятие «скифы» как образ размытый, с точки зрения этнической, и собирательный, с точки зрения географической, проходит через многие источники. «Большинство этих племен уже не выступает в III в. под своими индивидуальными наименованиями: источники называют их совокупно скифами, а иногда аланами и сарматами» (Ременников, 1954, с.9).

Не имея возможности подробно проанализировать все синхронные рассматриваемым событиям литературные памятники и их источники, я ограничусь лишь общими ключевыми наблюдениями. Как греческие, так и латинские источники парадоксально сочетают мифические данные о варварских народах и этно-территориальном делении, почерпнутые из Геродота, Страбона и ряда других предшествующих авторов с собственными достаточно подробными этно-политическими познаниями народов, обитающих в этой периферии античного мира; при этом латинские авторы более определены в этнических характеристиках, чем греческие. И тем не менее в целом при знании европейской Сарматии и Малой Скифии как таковых представления современников событий о «Скифии» рассматриваемого периода можно свести к следующему: Скифия подразделяется на Европейскую и Азиатскую (Евнапий), Европейская Скифия простирается «до второй стороны по Боспору» (Гимерий), понятие «Скифия» включает также Таврику (Нонн, Амвросий, Стефан Византийский) и Малую Скифию в Добрудже (многие авторы); Скифия — северная страна, простирающаяся «до пределов германцев» и мифических амазонок (Эпифаний). Скифскими народами считают: тавров или тафриев Страбона — Афанасий Александрийский, Нонн;

меотов, сарматов и савроматов, аорсов, будинов и герулов — Стефан Византийский; гетов и готов — Евнапий, Гермий Созомен, Филостогорий, Латиний Пакат Дрепаний, Павел Оросий и другие авторы. Более того, Орибасий относит кельтов и германцев к фракийскому и скифскому племени, а Астерий пишет, что кочевые скифы живут по Боспору и сидят по реке Рейну (т.е. подразумевая древнегерманские племена). Эпифаний помещает в Скифии готов, давнов, веннов и ариев. К скифскому племени Феодорит Киррский относит даже гуннов. Но самое важное говорит Либаний: Римскую империю окружают два величайших народа варваров — «скифы и персы». Этот перечень можно продолжать и далее. Один из основных источников о походах варваров, Зосим, также не отстает от своих коллег: в своей «Новой истории» он приводит известные сведения о набегах боранов в Азию с использованием боспорских судов: «Бораны попытались даже переправиться в Азию и легко устроили это при посредстве жителей Боспора, более из страха, чем из расположения давших им суда и показавших путь при переправе. Пока у них были цари, получившие власть по праву наследства от отца к сыну, вследствие дружбы с римлянами, правильно организовавшие торговые сношения и ежегодно посылающие им императорами даров от постоянного удерживания скифов, желавших переправиться в Азию. Когда же по исчезновению царского рода во главе правления стали недостойные и потерянные люди, то, боясь за себя, они предоставили скифам проход через Боспор, переправив их на собственных судах, которые они взяли обратно» (Zos., I, 31, 1—2). При описании их последующего похода (при Валериане, в 256 г.н.э. — В.Г.) Зосим уже называет боранов скифами: «Скифы снова взяли у боспорцев суда и переправились в Азию».

Далее, захватив Трапезунт, «скифы» вернулись «на родину с огромным количеством кораблей» [Zos., I, 33].

Таким образом, нет ничего удивительного, что Таврика, включая в первую очередь, Боспор, подвергнувшийся процессам значительной варваризации, рассматривается авторами III — V вв.н.э. как часть «скифского», т.е. варварского, мира а попытка Г.Г.Литаврина и А.П.Новосельцева на основании свидетельства Псевдо-Априана (Анонимного автора Понта) о том, что «от Афинееона до Кит живут скифы» [Аноп.РРЕ, 76; см. также Steph., Byz., s.v. Kῑta, Акра, Διά утверждать, что позже граница Боспора была отодвинута еще дальше на восток до города Китей, несостоятельна (Константин Багрянородный. Об управлении.... с. 454). Как мы видим, цитадель на горе Опук, построенная сразу же после установления границы по Узунларскому валу (Ланцов, Голенко, 1999), активно функционировала вплоть до VI в.н.э. (Голенко, 1999, с.39—49).

Отрицая достоверность сведений Константина Багрянородного, А.И.Айбабин, тем не менее сам отмечает, что гунны не нанесли ощутимого урона Боспору «ни во время гуннского вторжения на полуостров, ни после захвата ими крымской степи и примыкавшего к Феодосии региона» (Айбабин, 1999, с. 79), а погребения кочевников этого времени на Керченском полуострове малочисленны и зафиксированы только в районе Марфовки и Заморского — т.е. перед пределами Узунларского вала (Айбабин, 1999, с.58—79, рис. 19), в то время как гуннами была полностью захвачена отошедшая от Боспора Феодосия и ее округа (Айбабин, 1999, с.79). Появление «гуннских» элементов в инвентаре некрополя Пантикапея и других городов Боспора, вероятно, не следует рассматривать как этно-политическое явление, скорее всего мы здесь имеем дело с инфильтра-

цией части нового этноса или, вероятнее, его инноваций и традиций. Прокопий четко ограничивает место обитания гуннов в Крыму во второй половине V в. территорией между Херсоном и Боспором [Procop., Bello Goth., I,XI,9; VIII,V,26]. Распространение кочевнических погребений также подтверждает не только факт функционирования Узунларской линии обороны Боспора, но и факт переноса пограничного рубежа Боспора к этой линии. Таким образом, фразы Анонимного автора и Стефана Византийского, бесспорно, не следует рассматривать как свидетельство о геополитической ситуации в регионе, а как об этнической обстановке на Боспоре. Скорее всего, авторы подчеркивали степень отмеченной выше варваризации населения внутренних областей государства в сравнении с населением его столицы (боспоряне, боспориане) — Пантикапеем (Боспором) и прилегающими более мелким городами, придавая своим сведениям этнический, а не этно-политический колорит.

Предположение об оседании оставшейся варварской части боспорского войска на приграничных землях (помимо фактов существования цитадели Киверник на г. Опук и находки там рунической надписи, функционирования Узунларского вала) имеет и еще одно⁴⁵ прямое археологическое подтверждение. Так, на городище Китей (город расположен около 16-ти км к востоку от Киммерика) также зафиксированы позднеантичные слои, датированные временем не позже начала VI в. Однако они плохо сохранились, слабо исследованы и практически не опубликованы. Тем не менее на подошве скалистого гребня Джург-Оба, ограничивающего с севера китейскую приморскую долину, Ю.Ю.Марти в 1928—1929 гг. были произведены раскопки склепов, вырубленных в скальном массиве и «земляной катакомбы».

Материалы этих раскопок сохранились лишь в кратких публикациях (Марти 1929; Гайдукевич, 1959, с. 228—229). Марти датировал их II — III вв.н.э., а Гайдукевич — III в. В 2001 работы на памятнике были возобновлены А.Л.Ермолиным. В ходе этих работ была уточнена датировка одного из склепов (склеп № 2) и сделан ряд важных находок и наблюдений. Во-первых, были обнаружены фрагменты вооружения (железный меч), а во вторых, ряд объектов, относящихся к «проявлению традиций германского мира»: изображение судна с человеческой фигурой на корме, костяных гребней, и, что самое важное, изображение креста в круге, начертанное краской на стене склепа (подробнее см.: Ермолин, Юрочкин, 2002, с. 85—96), изображение аналогичного креста было высечено и на киммерикской рунической стеле. Проведенное исследование склепа позволило уточнить его датировку — первая половина IV в.н.э. В 2003 г. исследование этого некрополя было вновь продолжено. Было выявлено еще несколько земляных склепов этого времени⁴⁶. В целом, вероятно, этот некрополь будет синхронен цитадели на г. Опук.

Основываясь на этих наблюдениях, можно предположить, что оставшаяся часть боспорского «скифского» войска («Немногих из боспориан удержав у себя для земледелия, Фарнак позволил всем прочим, удостоив сострадания, уйти к боспорианам. Отпущенные Фарнаком за проявленное к ним благодеяния и чело-веколюбие воздвигли в его честь стелу в Боспоре» [Const. Porph. De adm. Imp., LIII, 195]) действительно была посажена в качестве федератов (Юрочкин, 2001 с.131—132) на приграничные земли, куда входила и округа Китея. За последующие десятилетия они и их потомки, естественно, могли переселяться и в более центральные области Европейского Боспора.

На некоторые размышления в этой связи наталкивает сообщение Аммиана Марцеллина (2 половина IV в.н.э.) о посольстве боспорян в 362 г. к императору Юлиану. Посольство боспорян и неведомых ранее народов просило Юлиана за внесение ежегодной дани предоставить им возможность спокойно жить «в пределах родной земли». Что подразумевали боспоряне под этими пределами — только установленную Херсонесом границу по Узунларскому валу и Киммерiku или же восстановление земельных владений на всем Керченском полуострове до Феодосии включительно и более? Следует оговориться, что положение на границах Римской империи в тот момент не позволяет предполагать, что боспорские посланники путем выплаты дани рассчитывали получить военную поддержку со стороны Рима.

II.4.D. СООРУЖЕНИЯ НА ПЛАТО ВНЕ ЦИТАДЕЛИ

Строительные остатки внутренних построек, в том числе и «колодца», описанные П.И.Дюбрюксом и отмеченные на схеме цитадели, опубликованной Кругликовой (Кругликова, 1958, с.223, см. также Тункина, 2002, рис. 58), как и остатки южной стены, «следовавшей всем изгибам горы и имевшей 125 сажень длины», упомянутой Дюбрюксом (Дюбрюкс, 1858, с.77) и шедшей по краю плато, до нашего времени на современной дневной поверхности не сохранились. На плане Бламберга подобными стенами укреплен весь периметр плато (См. Марти, 1928, с. 111—112, и эта реконструкция оборонительных сооружений плато прошла через все последующие издания), однако, мы можем лишь гадать, насколько эта реконструкция линии обороны соответствовала

реальности. По крайней мере за «подобие рва» на южной кромке плато (Кругликова, 1958, с.223, рис. 3а) исследователи, похоже, приняли трещину бокового отпора разрушающегося южного края плато. Следы башни на центральной части плато также не сохранились — они были полностью уничтожены за кратковременное существование здесь военно-маячного поста ВМФ. Кроме того, не исключено, что за эти башни исследователи принимали остатки построек позднеантичного времени, расположенные за пределами рва. Шурфовка, произведенная около одной из этих двух-трехкамерных построек, выявила незначительный культурный слой, синхронный времени бытования цитадели.

II.4.E. ЗОЛЬНИК ЦИТАДЕЛИ

Еще одним объектом, по известным причинам расположенным за пределами цитадели, но неотрывно входящим в его комплекс, является зольник цитадели. Зольный холм располагается в 50 м западнее внешней кромки рва цитадели. Диаметр зольного холма составляет 76 м, высота его не превышает 3,25 м. Южный склон зольника более пологий и своей юго-восточной частью наплывает на ров, частично перекрывая его.

Исследование многослойных памятников значительной площади, как правило, требует многолетних планомерных археологических раскопок. Однако если они не ведутся одновременно на всей площади памятника, реконструкция полной стратиграфической и хронологической ситуации на памятнике возможна лишь по мере постепенного накопления археологического материала.

Планомерное и широкомасштабное археологическое исследование крепости на вершине горы Опук, ставящее в том числе своей целью как выявление ранних напластований, так и воссоздание полной хро-

нологии объекта, оказалось сопряженным с определенными трудностями. Кроме того, как показали охранно-рекогносцировочные археологические работы, в ходе последней кардинальной реконструкции крепости более ранние напластования и строительные конструкции оказались полностью удаленными с поверхности подстилавшей постройки крепости материковой скалы. Подобный строительный прием при возведении столь внушительного оборонительного сооружения на обрывистом краю плато был вполне оправданным и опирался на рекомендации античных полиоркетиков, рекомендовавших стремиться возводить крепостные стены если не на материковой скале, то заглублять их в плотный материковый грунт. Уничтожение предшествующих строительных остатков при крупномасштабных реконструкциях античных городов или их отдельных кварталов было распространено в античной градостроительной практике Таврики, в том числе городов Боспора и в Херсонесе. В этих условиях воссоздание полной хронологии памятника невозможно без широкомасштабных археологических раскопок. Однако когда перед исследователем стоит первоочередная задача определения полной хронологии памятника, значительную помощь оказывает изучение мусорных напластований, сформировавшихся за годы жизни объекта. Подобные исследования в последнее время проводились на ряде античных памятников Крыма (Зенонов Херсонес, Китей, Херсонес и другие), и дали интересные результаты. Кроме того, поскольку при перестройках античных городов местоположение их зольников почти не менялось, мусорные напластования могут воссоздать полную хронологическую картину бытования объектов, строительные остатки которых могли и вовсе не сохраниться. Этими причинами я и объясняя приведенное ниже подробное описание этих напластований цитадели.

Исходя из аналогичных задач, археологическими раскопками Южно-Боспорской

экспедиции в 1989—1990, 1994—1997 гг. были исследованы различные участки мусорных напластований крепости на вершинном плато горы Опук — центральная часть зольного холма, возвышающегося западнее крепостного рва; участка зольника, сформировавшегося непосредственно под западной куртеной крепости; участка юго-восточной полы зольника, наиболее близко подступающей к куртине крепости и частично засыпанной крепостной ров. Сопоставление археологического материала из всех исследованных мусорных напластований позволяет утверждать, что полученный материал в полной мере отражает все этапы использования этой площади для возведения древних сооружений. Поэтому я считаю необходимым дать подробное описание материалов из заполнения зольника.

Поверхность раскопа на вершине зольника относительно ровная с небольшим уклоном к северу и северо-востоку, обильно задренована степным разнотравьем. Раскапываемый участок расположен в 600 м к ЮВВ от триангуляционного знака на вершине плато г. Опук (+ 183,41 м) и в 55 м к западу от куртены цитадели. Высотные отметки поверхности раскопа относительно абсолютной высоты горы составляют (- 12,13 м) для северо-западного угла раскопа, (- 12,31 м) — для северо-восточного, (- 11,96 м) — для юго-восточного и (- 11,94 м) — для юго-западного угла раскопа.

Раскопками зафиксировано 7 слоев культурных напластований общей мощностью до 4,0 м (в трещине материковой скалы).

Материком служит известняковая скала, являющаяся телом бронированного плато г. Опук. Ее широтно пересекают одна мощная и несколько мелких трещин, образовавшихся под воздействием сейсмогравитационных процессов в том числе и в историческое время. Поверхность материковой скалы относительно высоты триангуляционного знака имеет следующие высотные показатели: (- 15,08 м) для

северо-западного угла, (- 14,95 м) для северо-восточного, (- 14,97 м) — для юго-восточного и (- 14,96 м) — для юго-западного. Наибольшая трещина в материковой скале расположена в центральной части раскопа и ориентирована параллельно краю плато по линии 3-В, она имеет ширину от 2,52 до 3,05 м. Из трещины выбран грунт первого культурного слоя на глубину 1,03 — 1,05 м (- 16,99 м, — 17,01 м) относительно абсолютной высоты плато.

Первый слой. Материковая скала была перекрыта *светло-коричневым суглинком*, насыщенным известняковой крошкой и содержащим отдельные линзы золы. Грунт этого слоя заполняет описанную выше трещину в материковой скале и узкую щель шириной 0,12 — 0,18 м в северо-западном углу раскопа. Мощность слоя составляет от 0,08 до 0,14 м, а в трещине — достигает 1,15 м. Поверхность слоя относительно абсолютной высоты плато имеет следующие высотные показатели: (- 14,66 м) для северо-западного угла раскопа, (-14,65 м) — для северо-восточного, (- 14,89 м) для юго-восточного и (-14,88 м) — для юго-западного, в центральной части раскопа высота залегания слоя составляет (- 14,62 м). Описываемый слой *светло-коричневого суглинка* не является результатом отложения отходов жизнедеятельности, а скорее всего представляет собой культурные напластования, сложившиеся на начальном этапе освоения человеком плато г. Опук. Однако каких-либо строительных остатков на данном участке встречено не было. Это, возможно, позволяет судить о том, что на данной площади располагалась окраина первоначального убежища, поздвинутого, скорее всего на рубеже VI—V вв. до н.э.

1. К числу наиболее ранних экземпляров амфорной тары, представленной в данном слое, следует отнести следующие фрагменты. Ранний вариант *хиосских пухлогорлых амфор*, которые обычно декорировались красной лакообразной краской, нанесенной на край венца и на внешнюю поверхность ручки (датируется третьей

четвертью, концом VI в. до н.э. [Монахов, 1999, с. 45, 2003, с. 16—17; Рубан, 1982, с. 103; Брашинский, 1984, с. 170; Абрамов, 1993, с. 27—28; 2.5; 2.6] представлен венчиком и ручкой сосуда. *Хиосские амфоры* этого типа характерны для указанного хронологического периода, и ко второй четверти V в. до н.э. их сменяют более поздние варианты *пухлогорлых хиосских амфор*, раскраска на которых уже отсутствует.

В слое также найдены венчики и ручки амфор на так называемом *сложнопрофилированном кольцевом доне* группы А [Абрамов, 1993, 2.34, 2.37] или *протофасосские* по классификации И.Б.Зеест [Зеест, 1960, табл. VI, 15]. Эта амфорная тара является также определяющей для комплексов указанного времени. Сосуды сформованы из *светло-коричневой крупнозернистой глины* с бежевым оттенком и, как правило, имеют интенсивный серый закат на изломе ручек. Они предположительно производились одним из западных малоазийских центров или представляли собой «частью самосскую, частью милетскую тару, а также продукцию других ионийских центров, близких к Милету и Самосу» (Монахов, 1999, с. 47—48; Милет, или северная Эгеида — Монахов, 2003, с. 38—42), продукция которых экспортировалась в последней четверти VI — начале V вв. и до второй четверти V в. до н.э. (Рис. 42).

Эти находки являются определяющими не только для датировки первого слоя, но и в целом для проблемы определения начального этапа освоения г. Опук и ее окрестностей, а также времени возникновения Киммерика. Как уже отмечалось выше, наиболее ранним объектом на г. Опук считалось «поселение» у подножия скального останца холма «А» на юго-восточном склоне горы. Здесь датирующим материалом для раннего этапа существования поселения служили фрагменты *хиосских пухлогорлых амфор*, *ионийской расписной* и *чернолаковой посу-*

ды VI — V вв. до н.э. (Кругликова, 1952 а, с. 58 сл.; 1958, с. 238). В последнее время произошли некоторые изменения в периодизации ряда амфорных типов. Появление ранних вариантов хиосских амфор с прямым горлом в третьей четверти V в. до н.э. (Mattingly, 1981, Р. 78—79) в надежно датированных комплексах Афинской Аго-ры, Коринфа, Одессоса, Истрии, Нимфея и других античных памятников отчетливо маркируют верхнюю дату распространения поздних вариантов хиосских пухлогорлых амфор третьей четвертью V в. до н.э. (Абрамов, 1993, с. 28; Монахов, 2003, с. 19—20). К сожалению, сейчас трудно выяснить, какие именно типы пухлогорлых амфор были представлены в первоначальных слоях поселения на холме «А». Кроме того, И.Т.Кругликова ничего не пишет о том, несли фрагменты этих хиосских амфор следы декорирования своих частей красным лаковым покрытием или таковое отсутствовало. Исчезновение лакового декора с хиосских пухлогорлых амфор исследователи относят к рубежу 80 — 70-х годов VI в. до н.э. (Монахов, 1999, с. 69; 2003, с. 17) и ко второй четверти V в. до н.э. (Абрамов, 1993, с. 28). Таким образом, наиболее ранними материалами с поселения остаются «фрагменты ионийского полосатого аска и другого закрытого сосуда с полосой лака типа ионийской керамики, а также открытые светильников с темной полосой лака вокруг отверстия и на носике. Эти так называемые ионийские сосуды относятся к VI в. до н.э. (Кругликова, 1958, с. 241).

Появление среди материалов из ранних слоев под зольником цитадели упомянутых фрагментов хиосских амфор, которые в настоящее время, как мы уже отмечали, датируются третьей четвертью VI — началом V вв. до н.э. (Брашинский, 1984, с. 170; Монахов, 1999, с. 45; 2003, с. 15—17), крайне актуально, особенно в свете проявившейся в последние годы тенденции омоложения времени основания Киммерика и дискуссии о том, какой

из «Киммериков» входил в состав Афинской Архэ.

Природные условия плато г. Опук не вполне благоприятны для размещения здесь обычного поселения и тем более городка с аграрной направленностью хозяйства — плато имеет все условия для размещения здесь в первую очередь убежища или крепости. Вполне естественно, что подобное убежище предназначалось для населения, обитавшего в его ближайших (собственно склоны горы Опук) и ближних окрестностей. Данное обстоятельство не позволяет пока омолаживать время освоения древнегреческими поселенцами Опука и прилегающих территорий. В этом убеждает нас и то обстоятельство, что рассмотренные фрагменты ранних типов амфорной тары не являются единственными находками столь раннего времени. Так, из ближних окрестностей Опука происходят синхронные им материалы с рядовых сельских поселений округа (См. разделы III, 3. С и D). На поселении Чебакское южное, расположенном в устье Чебакской балки восточнее Опука, среди подъемного материала был встречен аналогичный венчик хиосской пухлогорлой амфоры с полосой красной лакообразной краски, который корректируется находкой на том же поселении шести профильных фрагментов «эолийских» амфор со стаканообразным дном [Зеест, 1960, табл. III, 9; Абрамов, 1993, с. 29], датирующихся третьей четвертью VI — началом V вв. до н.э. (середина VI — первая половина V в. до н.э. — Монахов, 2003, с. 47—49). Эти амфоры, вероятно, производились в мастерских одного из городов о-ва Лесбос — в Митилене, Мефимне или Антисе (Монахов, 1999, с. 42, 2003, с. 48; Абрамов, 1989, с. 7—8). Фрагменты аналогичных амфор обоих типов были найдены также на другом поселении, расположенном в средней части указанной балки (Чебакское западное), а также в более дальних окрестностях Опука — на поселении около Кызаульского маяка, речь о которых пойдет далее.

2. Амфоры второй половины V в. до н.э. в слое представлены фрагментами амфор Хиоса [Зеест, 1960, табл. III, 11] и круга Фасоса или Менде [Зеест, 1960, табл. VI, 17], которая активно экспортирует свою продукцию в Северное Причерноморье вплоть до конца IV—начала III в. до н.э.

К амфорам так азываемого «круга Фасоса» И.Б.Зеест отнесла «несколько типов амфор разных по форме, сходных по деталям профилированных частей и по характеру глины», отметив, что они синхронны фасосским амфорам с туловом биконической формы, которая активно стала развиваться с рубежа V—IV вв. до н.э. (Монахов, 1999, с. 154). Из числа амфор круга Фасоса по характеру глины, близкому к фасосским биконическим изделиям V в. до н.э., Зеест выделила группу амфор, одной из отличительных черт которых является врезной поясок на горле [Зеест, 1960, табл. VI, 17], и атрибутировала их как мендейские амфоры. Время бытования этих сосудов она отнесла к V в. до н.э., целый экземпляр амфоры этого типа был найден в синхронных слоях в помещении «В» поселения на холме «А», располагавшегося на приморском склоне горы Опук (Кругликова, 1958, с. 237, рис. 14; Кругликова, 1975, с. 32). Ныне существует две классификации амфор Менде (Абрамов, 1993, с. 33): первая принадлежит В.Грейс, вторая — И.Б.Брашинскому (1976). «По всей видимости, — отмечает А.П.Абрамов, — к производству г. Менды И.Б.Брашинский и В.Грейс относят две различные группы амфор» (Абрамов, 1993, с.33). Помимо ряда типологических различий, в обеих классификациях несколько разнится такой признак, как глина сосудов. У И.Б.Брашинского — это светло-коричневая крупнозернистая с крупными белыми включениями и песком глина, у В.Грейс она характеризуется как красная, тонкозернистая с белыми включениями (Абрамов, 1993, с.33—34).⁴⁷ Не вдаваясь в анализ типологических сходств и различий обеих классификаций, отметим, что тем не менее венчики ряда вариантов амфор обеих клас-

сификаций объединяются двумя важными для нас деталями — наличием врезного пояска или «желобком» между венцом и стенкой горла, а также отогнутостью венца наружу. Эти признаки сужают датировку наших фрагментов до третьей четверти V в. до н.э. (Монахов, 2003, с. 90, 95).

3. Другой, достаточно репрезентативной, хронологической группой представлены в слое фрагменты амфор IV— I половины III в. до н.э. Среди них встречаются профильные части амфор Синопы [Монахов, 1992, типы II а и II с; Зеест, 1960, табл. XIII, 28; XIV, 30], Фасоса [Зеест, 1960, табл. VII, VIII, 20], амфор типа Пепарет I (Солоха II) [Зеест, 1960, табл. XVIII—XX, 35], Гераклеи [тип II — по Н.А.Лейпунской, 1981; Зеест, 1960, табл. XXII, 43] и Херсонеса [Зеест, 1960, табл. XXI, 40; тип II по Монахову, 1992].

В первые два десятилетия IV в. до н.э. продукция Синопы и Гераклеи начинает занимать ведущее место в экспорте в Северное Причерноморье масла и винодельческой продукции (Монахов, 1999, с. 246), А.П.Абрамов придерживается другой даты, определяя начало широкого экспорта Синопы периодом «несколько ранее середины IV в. до н.э.», а Гераклеи — временем начиная «с третьей четверти IV в. до н.э.» (Абрамов, 1993, с. 6 — 7). В начале IV в. до н.э. Гераклея становится крупнейшим экспортером в припонтский регион (Монахов, 1999, с. 248), а гераклеийские амфоры типа II (по Н.А.Лейпунской) преобладают в последней четверти IV — III начале в. до н.э. (Монахов, 1999, с.529). Ко времени не позднее 90-х годов того же столетия относится, по мнению С.Ю.Монахова, начало широкого экспорта в Северное Причерноморье вина из Пепарета (Монахов, 1999, с. 246 — 247). Отождествление амфор типа Солоха II с продукцией мастерских Пепарета принадлежит И. Дулгери-Инцессилоглы и И. Гарлану и основывается на материалах раскопок гончарной мастерской в Панермосе (древний Пепарет) на о. Скопелос (1990, с. 376;

Монахов, 1999, с.223). Продукция этого центра постепенно прекращает поступать на рынки Северного Причерноморья в последней четверти IV в. до н.э. (Монахов, 1999, с. 529; в работе 2003 г. считает, что производство этого типа амфор не выходит за пределы IV в. до н.э. с. 94).

Активное развитие товарного производства вина в Херсонесе с середины IV в. до н.э. выдвинуло этот центр в число крупных экспортеров северопричерноморского рынка, которым он оставался до середины III — II в. до н.э.

Из фрагментов амфор Фасоса нашей коллекции наиболее надежно определим лишь венчик, который относится к типу, выпускавшемуся в первые три четверти IV в. до н.э. (Абрамов, 1993, с. 37, тип 3.6).

4. Амфоры III — II вв. до н.э., хотя и представлены значительным числом профильных частей, принадлежат мастерским только двух центров — Синопы и Родоса [Зеест, 1960, табл. XIII,29; XXIII,49], продукция которых в этот период доминирует на причерноморских рынках.

Поскольку фрагменты амфор этих типов стабильно и в значительных количествах встречаются и в перекрывающих данный слой более поздних напластованиях, не исключено, что эти фрагменты могли попасть в слой как заполнение ямы, не выявленной при раскопках, или в результате нарушения целостности слоя (перекопы) при формировании более поздних культурных отложений. Так, на границу первого и следующего слоя приходится донная часть ямы 4, располагавшейся в восточной части раскопа (описание см. ниже)

Кружальная хозяйственная и столовая посуда в данном слое представлена небольшим количеством фрагментов. Три кольцевых поддона лутериев, встреченных в слое, принадлежат сосудам, выпущенным мастерским Синопы, Гераклеи и круга Фасоса. Фрагменты красноглиня-

ных кувшинов, часть из которых выполнена из местной глины, представлены всего 7-ю профильными экземплярами. Кроме того, были встречены единичные фрагменты (венчики и донья) красноглиняных мисок и рыбных блюд. Представленная посуда хронологически мало репрезентативна, однако не выходит за верхнюю дату формирования слоя.

В слое были встречены лишь единичные профильные фрагменты *лепных сосудов* (4 венчика горшков и уплощенный поддон кувшина или горшка), однако часть из них, декорированная налепами, относится к доантичному периоду. Датировку последних подтверждает и факт находки в слое двух кремневых отщепов. Эти находки позволяют предполагать, что плато могло использоваться как временное убежище варварским населением в доантичный период.

В целом слой формировался с рубежа VI — V вв. до н.э. по IV — начало III в. до н.э. Вероятно, возможна и более дробная датировка надматериковых напластований, однако стратиграфическая ситуация на вскрытой площади позволяет охарактеризовать хронологические этапы формирования слоя лишь предположительно. Первый этап, вероятно, относится к доантичному периоду, и его сменяет этап, хронологические рамки которого определяются фрагментами наиболее ранних амфор — керамической тарой конца VI — V в. до н.э. Они составляют чуть более 20 % профильных частей амфор, встреченных в слое. Если из общего числа профильных частей исключить материал, датировка которого выходит за рамки III в. до н.э. и который, возможно, был внесен в слой после его формирования (т.е. упомянутые выше фрагменты амфор Синопы и Родоса), соотношение амфор ранних типов в слое составит более 50%. Следующий этап формирования слоя можно отнести к IV — III вв. до н.э. (рис. 42).

Выявленные при раскопках зольника трещины в материковой скале позволяют сделать ряд наблюдений по морфологии и хронологии некоторых сейсмо-гравитационных процессов, происходивших здесь в историческое время⁴⁸. Второй слой зольника перекрывает слой светло-коричневого суглинка и представлен горизонтом коричневого суглинка, насыщенного мелкими угольками, фрагментами печин, известняковой крошки, линзами золы и белесого грунта, возможно, органического происхождения. Центральная часть слоя расположена на глубине от —14,08 до —14,25 м. Мощность слоя колеблется от 0,25 до 0,60 — 0,75 м. Слой коричневого суглинка потревожен ямой 2 в центральной части раскопа, ямой 3 у восточного борта, ямой 4 у северного борта, а также перекопом, о которых речь пойдет ниже. Дно ямы 2 приходится почти непосредственно на поверхность второго слоя, яма 4 прорезает слой, и ее дно находится на стыке первого и второго слоя. Яма 2 прорезает слой частично, ее дно, расположенное на глубине —14,48 м, находится в линзе второго слоя. Перекоп культурного слоя ориентирован по линии С—Ю и ширину соответственно составляет от 0,80 до 1,12 м.

По своей консистенции слой коричневого суглинка идентичен перекрытому им I слою светло-коричневого суглинка и отличается от него лишь по оттенку грунта, а также более выраженными следам горения, возможно, пожара. Слой также не является отложением собственно мусорных напластований и, вероятно, представляет собой погребенный зольником культурный слой.

Профильные фрагменты амфорной тары, встреченные в этом слое, распадаются на три хронологические группы (Рис. 43).

1. Наиболее репрезентативна амфорная тара IV — III и отчасти II вв. до н.э. Она составляет чуть более 88% и, бесспорно, отражает время формирования слоя. Здесь представлены фрагменты амфор Пепаре-

та (Солоха II) [Зеест, 1960, табл. XVI — XX, 35], поступавшие в Северное Причерноморье до последней четверти IV в. до н.э.: Хиоса, т.н. колпачковые или с колпачковой ножкой [Зеест, 1960, табл. V, 14] — форма исключительно господствующая в IV в. до н.э.: Гераклеи [тип II по Н.А.Лейпунской (1981) Зеест, 1960, табл. XVII, 43]; амфор типа Усть-Лабинской [Зеест, 1960, табл. XVI, 33]; Синопы [Моныхов, 1992, тип II с, III а; Зеест, 1960, табл. XIV, 30, 31]; Херсонеса [Зеест, 1960, табл. XXI, 40, 41 (тип II и IV по Моныхову, 1992)]; амфоры неизвестного центра типа Муригиоль (первая половина IV в. до н.э. — Моныхов, 1990, с. 13 — 14; 1999, с. 246, 419; первые три четверти IV в. до н.э. — Абрамов, 1993) светло-коричневой или красновато-коричневой глины со светлыми и темными включениями, блестками слюды. Амфоры этого типа И.Б.Зеест считала имитациями амфор Гераклеи [Зеест, 1960, табл. XXIII, 47]. Также представлены фрагменты амфор Пантикапея [Зеест, 1960, табл. XVI, 34]; Коса со светлым ангобом [Зеест, 1960, табл. XXVI, 51] и Родоса [Зеест, 1960, табл. XXIII, 49]. Доля продукции Родоса на причерноморских рынках начинает возрастать с последней четверти IV в. до н.э. и становится доминирующей с середины III в. до н.э. (Моныхов, 1999, с. 530, 570), на это же время приходится и пик экспорта косского вина.

К числу находок, позволяющих определить время формирования слоя, следует отнести клейма на амфорных ручках. Всего в слое было встречено 7 амфорных клейм, большая часть из которых (6 экз.) оттиснута на ручках синопских амфор и охватывает период от первой до третьей четверти III в. до н.э. и принадлежит следующим магистратам: Мнесиклею, сыну Аполлония (Μησικλέων του Ἀπολλωνίου) Фемию, сыну Феопейта (Φήμεῖον του θεοπέιτου); Борню, сыну Дзеуккиа; Плейстархиду, сыну Алеманта (Πλεισταρχίδου του Αἰλημάντου); Анфе-

стерию, сыну Новмения (Νοῦμηνίου) и Дзению, сыну Аполлодора (Ἀπολλοδώρου). Одно клеймо плохой сохранности оттиснуто на ручке родосской амфоры III в. до н.э.

2. Амфорная тара более раннего времени, датируемая последней третью и последней четвертью V в. до н.э., в числе находок из второго слоя стоит несколько обособленной группой, составляя лишь около 6,5% от общего числа профильных частей. Эта керамика бесспорно внесена в слой в результате каких-то перекопов подстилающего слоя и представлена в основном амфорами Хиоса [Абрамов, 1993.2.21: Зеест, 1960, табл. I, 13].

3. Также особняком стоят фрагменты амфор поздних типов, встреченные в слое. Они тоже составляют чуть более 5% общего числа профильных частей амфор и, бесспорно, происходят из заполнения ям, впущенных в слой. Среди них были найдены фрагменты т.н. фанагорийских амфор III в. н.э. [Зеест, 1960, табл. XXXVI, 88], амфор «коричневой глины» [тип IV (Колхида)] второй половины III — IV в. н.э. Наиболее поздней находкой является венчик узкогорлой с расширяющимся книзу горлом светлоглиняной амфоры типа Е по Д.Б.Шелову [Шелов, 1978, рис. 9; Зеест, 1960, табл. XLI, 105]. Исходя из наличия фрагментов этих амфор в поздних слоях Танаиса, Д.Б.Шелов относил производство этих амфор к IV — V вв. н.э., воздерживаясь от более конкретных определений верхней и нижней хронологических границ этого типа (Шелов, 1978, с. 19). А.В.Сазанов различает два хронологического варианта этих амфор и поднимает верхнюю дату бытования этих сосудов до второй четверти VI в. н.э. (Сазанов, 1989, с. 43—44).

Формально этот материал суммарно можно датировать III — V вв. н.э., и он далеко выходит за хронологические рамки слоя и имеет огромный временной разрыв с основной массой материала, не заполненный какими-либо связующими находками.

Время образования слоя в IV — начале II в. до н.э. частично подтверждают фрагменты гончарной хозяйственной и столовой посуды.

Чернолаковая посуда представлена главным образом продукцией малоазиатских мастерских. Их количество в слое не столь велико — всего встречено 9 фрагментов, однако при всей скудности находок мы встречаем относительное разнообразие форм, представленных чашами, киликами, канфарами и солонками. Два донца чернолаковых киликов декорированы штампованным орнаментом в виде пальметт, третье донце — донце чернолаковой чаши — орнаментом в виде ов. Качество лакового покрытия на фрагментах чернолаковых сосудов варьирует от плотного черного с металлическим отливом до буро-коричневого. Основная масса фрагментов чернолаковых изделий датируется временем не ранее IV — первой половины III в. до н.э. К III — II в. до н.э. относится фрагмент стенки краснолаковой канеллированной чаши.

Среди профильных частей *столовой посуды* преобладают фрагменты красноглиняных мисок, в основном местного производства, и кувшинов (в т.ч. производства Синопы и Боспора). Один из венчиков боспорского кувшина аналогичен сосуду, опубликованному И.Т.Кругликовой (Кругликова, 1957, с. 123) и датированному ею IV — III вв. до н.э.; венчик красноглиняной миски местного производства относится к типу II по И.Т.Кругликовой (Кругликова, 1957, с. 119), который она датирует IV — II вв. до н.э. Рыбные блюда представлены лишь одним фрагментом кольцевого поддона. Из немногочисленных фрагментов лутериев (венчики и поддоны) большинство традиционно принадлежит продукции мастерских Синопы. Один из лутериев принадлежит к типу, распространенному в IV — III вв. до н.э. (Зеест, Марченко, 1962, с. 159, рис. II, 1).

Лепная посуда представлена в слое лишь единичными профильными фраг-

ментами — всего было встречено 3 венчика лепных горшков, и не исключено, что наиболее поздние из них были привнесены в слой при его перекопах. Один из венчиков принадлежит лепному горшку с биконическим туловом, максимально расширенным в средней части (тип T16 по В.П.Власову, 1997), который он датирует I в.н.э., отмечая, что на крымских памятниках они встречаются и в слоях II — III вв.н.э. (с.228—9 табл. 11, 8,11). Два других венчика принадлежат сосудам, которые Кастанаян датирует III в.н.э. (1981, т.XXIX, 3; III, 17) и «сарматским временем».

Третий слой, перекрывающий слой коричневого суглинка, представлен напластованием серого суглинка с желтоватым оттенком, поверхность которого расположена на глубине (-13,98 м) в северо-западном углу раскопа, (-13,72 м) — в северо-восточном, (-13,95 м) — в юго-западном и (-14,06 м) — в юго-восточном углу. Центральная часть поверхности слоя залегает на глубине от (-13,70) до (-14,02 м) от абсолютной высоты плато. Мощность слоя колеблется от 0,10 до 0,65 м. В северо-восточной части слой потревожен ямой 3, в центральной — ямой 2, в юго-западной — ямой 4, а в юго-западной части — ямой 1, донная часть которой располагается в линзе рассматриваемого слоя.

К данному слою принадлежит и описанный выше перекоп, прорезавший предшествующий слой коричневого суглинка. Глубина залегания бортов перекопа составляет 14,00, — 14,05 м. Ширина перекопа, вскрытого на длину 5,00 м, колеблется от 0,80 до 1,12 м при глубине до 0,55 м, ширина дна перекопа не превышает 0,54 м. Этот перекоп не был единственным — следы другой траншеи прослеживаются в восточном борту раскопа. Назначение подобных перекопов мусорных и культурных напластований зольника не вполне ясно. В

заполнении перекопа был встречен крайне нерепрезентативный и немногочисленный материал — ручка и ножка синопской амфоры, стенки красноглиняных амфор эллинистического времени, уплощенная ручка и кольцевой поддон красноглиняного кувшина, два венчика красноглиняных мисок, стенки лепных тарелок и горшков, а также два фрагмента кости коровы и лошади.

Хотя общее количество фрагментов керамических изделий, встреченных в слое, не отличается от плотности заполнения находками двух предыдущих горизонтов, количество профильных частей амфорной тары в третьем слое значительно меньше. Если в первом и втором слое их число составляло соответственно 56 и 79 экз., то в третьем горизонте их встречено всего 13.

Перекопы и впущенные в слой ямы в значительной степени способствовали смешению материала.

1. К числу наиболее ранних материалов относятся фрагменты амфор Пепарета I (Солоха II) [Зеест, 1960, табл. XVIII — XX, 35], производившихся в IV в. до н.э., и ряд фрагментов синопских амфор конца IV — начала III в. до н.э. [Монахов, 1992, тип II с; Зеест, 1960, табл. XIV, 30]. Их дополняют почти синхронные им ножки и стенки чернолаковых канфаров, край чернолаковой солонки, амфориск эллинистического времени и неопределимое клеймо на ручке синопской амфоры. Этот материал, возможно, относится к напластованиям предыдущего слоя и был привнесен в третий горизонт в результате перекопов.

2. К другой группе материала, возможно, датирующего данный горизонт, относятся фрагменты амфор Родоса [Зеест, 1960, табл. XXIII, 49] конца III — II в. до н.э. и вплоть до начала I в. до н.э.; профильные части амфор синопского производства III — I половины II в. до н.э. [Зеест, 1960, табл. XIII, 29] и светлогли-

няных толстостенных амфор конца I в. до н.э. — I в. н.э. [Шелов, 1978, тип А; Зеест, 1960, табл. XXVIII, 65]. По времени к ним близки две медные боспорские монеты очень плохой сохранности, встреченные в слое, которые по размеру и толщине кружка можно ориентировочно датировать III — II вв. до н.э.

3. К наиболее поздним материалам относится фрагмент амфоры «коричневой глины», принадлежащей к первому типу колхидских амфор. Эти изделия датируются второй половиной III — IV в.н.э. (Гайдукевич, 1952, с. 120, рис. 149,1; Левкинадзе, 1975, с. 193) Значительный хронологический разрыв с остальной массой керамики позволяет допустить более позднее привнесение в горизонт этого материала.

Хозяйственная и столовая посуда представлена в слое фрагментами красноглиняных кувшинов и мисок, венчиком синопского лутерия, венчиками краснолаковых мисок и ручкой краснолакового кувшина.

Лепная посуда представлена профильными частями горшков, кувшинов и мисок.

Четвертый слой — слой серовато-коричневого золистого суглинка с включениями известняковой крошки, фрагментами печин, многочисленными линзами золы, золистыми локальными прослойками и включениями продуктов горения. Центральная часть слоя залегает на глубине (- 12,95) — (- 13,05 м) от абсолютной высоты плато.

Толщина культурных напластований четвертого слоя распределяется неравномерно по поверхности раскопа: наибольшей мощности он достигает в юго-западном углу раскопа и составляет здесь около 0,90 м. В северо-западном углу слой выклинивается до мощности всего 0,21 м. Во всех остальных частях, включая цен-

тральную часть раскопа, его мощность находится в пределах 0,55 — 0,65 м. Слой потревожен ямами №№ 1—5 (параметры см. ниже). Придонная часть ямы № 5 впущена в линзу рассматриваемого слоя и находится на глубине 13,49 м.

На границе этого и перекрывающего его пятого слоя находится устье ямы № 3, расположенной на границе восточного борта раскопа. Она, очевидно, была сооружена в начальный период формирования следующего слоя, когда мусорные остатки четвертого горизонта находились на древней дневной поверхности зольника. Устье диаметром около 0,80 м зафиксировано на глубине — 12,96 м, глубина ямы составляет 1,55 — 1,62 м. Яма имеет грушевидную в разрезе форму при диаметре дна около 2,05 м. Заполнение ямы — серая золистая супесь с включениями углей, золы и обломков печин. Дно ямы покрыто серовато-белесым налетом толщиной до 0,02 м, вероятно, органического происхождения. В заполнении ямы был встречен следующий материал: фрагменты светлоглиняных амфор, производившихся в конце I — начале II в.н.э. [Шелов, 1978, тип С], так называемых фанагорийских амфор, бытовавших в конце II — в первой половине III в.н.э. [Зеест, 1960, табл. XXXVI, 86], кольцевые поддоны краснолакового и сероглиняного кувшина, два венчика и несколько стенок лепного кувшина, а также немногочисленный остеологический материал.

Фрагменты амфорной тары, встреченные в четвертом слое распадается на несколько хронологических групп, что следует объяснять нарушением целостности слоя как в период его формирования, так и в последующие периоды.

1. Наиболее ранняя хронологическая группа находок, внесенных в слой, бесспорно, в результате перекопа нижележащих слоев, представлена следующими

профильными фрагментами амфорной тары: Хиоса [Зеест, 1960, табл. III, 11] второй четверти V в. до н.э. и последней четверти V в. до н.э. [Зеест, 1960, табл. V, 13]; Гераклеи [тип II по Н.А. Лейпунской (1981); Зеест, 1960, табл. XXII, 43] IV — начала III в. до н.э.; Синопы [Зеест, 1960, табл. XIII, 28; Монахов, 1992, тип П с; Зеест, 1960, табл. XIV, 30] второй половины — конца IV — начала III в. до н.э. и Родоса [Зеест, 1960, табл. XXIII, 49] конца III — II в. до н.э. В слое были найдены несколько синопских керамических клейм астиномов: Иобакхия, сына Молпагора (ок. 222 г. до н.э.); Плейстархида, сына Апеманта (ок. 219 г. до н.э.) и одно неопределенное с символом в виде проры.

2. Другой небольшой хронологической группой являются фрагменты амфор, суммарно датированные I — серединой II в. н.э. Амфоры этого времени представлены всего восемью профильными частями и принадлежат исключительно светлоглиняным амфорам с узким корпусом [Шелов, 1978, тип В; Зеест, 1960, табл. XXIX, 66], выпускавшимся во второй трети I — середине II в. н.э. и светлоглиняным узкогорлым амфорам [Шелов, 1978, тип С] конца I — II в. н.э. Возможно, фрагменты этих амфор, привнесенные из низлежащего горизонта (слой 3), уточняют время его формирования.

3. Основная масса фрагментов амфорной тары из рассматриваемого слоя относится к изделиям II — III вв. н.э. и сосудам конца II в. — первой половины III в. н.э. Эта группа материала составляет более 56% от общего числа профильных частей амфор, встреченных в слое и, скорее всего, определяют время сложения этого горизонта. Здесь представлены амфоры конца II — первой половины III в. н.э. Амфоры типа найденной в Мирмекии, сформованные из красноватой с примесью песка и мел-

ких белых частиц глины [Зеест, 1960, табл. XXX, 72], широко распространены в Северном Причерноморье в комплексах первой половины III в. н.э. И.Б.Зеест связывала их с продукцией мастерских Пантикапея или в его ближайшей округе начиная с конца II в. до середины III в. н.э. (Зеест, 1960, с. 111—112). Верхнюю дату амфоры, найденной в Мирмекии и послужившей исходным экземпляром для выделения в особый тип, В.Ф.Гайдукевич относил к первой половине IV в. н.э. (Гайдукевич, 1952, с. 207). В числе профильных фрагментов также представлены амфоры с клювообразными венцами [Зеест, 1960, табл. XXX, 73], возможно, боспорского производства, широко распространенными как на Боспоре, так и во всем Северном Причерноморье (Крапивина, 1993, с. 97). В слое также представлены розовоглиняные остродонные амфоры с полукруглым приподнятым вверх или нависающим венчиком и массивными округлыми в сечении ручками, иногда покрытые светлой обмазкой [Зеест, 1960, табл. XXXIV, 83, 84], и так называемые красноглиняные из Танаиса [Зеест, 1960, табл. XXXV, 85]. Амфоры этих типов были распространены во II — IV вв. н.э. и, очевидно, изготавливались в одном из центров Европейского Боспора (Шелов, 1972, с. 124—125). На Козырьском городище они были встречены в комплексе I половины II в. н.э., что определяет нижнюю дату их производства (Бураков, 1976, с. 70). Также были встречены и фрагменты светлоглиняных узкогорлых амфор типа D по Д.Б.Шелову [Шелов, 1978; Зеест, 1960, табл. XXXVII, 91]. Амфоры другой группы датируется несколько более широко — II — III в. н.э. К ним относятся амфоры светлооранжевой глины пестрой окраски [Зеест, 1960, табл. XXXII, 77], широко распространенные на Боспоре в III в. н.э.; амфоры с профили-

рованными ручками [Зеест, 1960, табл. XXXIV, 82]; розовоглиняные широкогорлые или «широкогорлые амфоры Азиатского Боспора», в интерпретации И.Б.Зеест [Зеест, 1960, табл. XXXVI, 89; ныне датируется концом II — первой половиной III в.н.э. (Шелов, 1972, с. 125)]; светлоглиняные типа D [Шелов, 1978]. Так называемые фанагорийские [Зеест, 1960, табл. XXXVI, 86, 87] относятся к концу II — III в.н.э., а варианты того же производства датируются И.Б.Зеест III в.н.э. [Зеест, 1960, табл. XXXVI, 88].

Несколько особняком стоят три фрагмента амфор «коричневой глины» (Колхида, тип IV), которые датируются второй половиной III — IV в.н.э., однако хронологический разрыв в данном случае не очень значителен.

Профильные части хозяйственной и столовой керамики встречены в слое серовато-коричневого золистого суглинка в несколько большем количестве, чем в подстилающих его горизонтах. Возможно, это объясняется тем, что третий и четвертый слои зольного холма имеют более выраженный характер горизонтов, составленных из хозяйственных отходов близлежащего памятника. Всего в четвертом слое было найдено 122 экземпляра профильных частей этого вида керамических изделий, в то время как в третьем слое их количество составило всего 17 экз. Во втором слое профильные части хозяйственной и столовой керамики представлены более чем вдвое меньшим количеством фрагментов (56 экз.). В четвертом слое были обнаружены фрагменты боспорских пифосов, края и поддоны лутериев производства Синопы и других мастерских М.Азии (Гераклея и Родос?), красноглиняных лутериев местного производства и неопределенных центров, красноглиняные кувшины и миски включая боспорские,

сероглиняные кувшины с лощением местного производства, сероглиняные рыбные блюда.

Довольно широко в слое представлена и краснолаковая посуда — миски, кубки, и кувшины. В небольшом количестве в слое появляются и стеклянные изделия: так, здесь были обнаружены края кубка и закрытого сосуда типа флакона.

Заметно возрастает и количество лепной керамики. Из более 90 фрагментов лепных сосудов 48 экз. принадлежат профильным частям лепных кувшинов, горшков и мисок.

Несколько особняком стоят найденные в слое единичные фрагменты чернолаковых сосудов эллинистического времени (донце рыбного блюда и край чернолаковой тарелки), которые, скорее всего, попали в слой в результате прокопов низлежащий горизонтов.

В целом слой можно уверенно датировать II — III вв. н.э.

Пятый слой желтовато-коричневой золистой супеси, насыщенной обломками печин и многочисленными линзами и локальными микропрослойками золы перекрывает предыдущий слой по всей площади раскопа. Мощность слоя составляет от 0,23 до 0,85 м. Центральная часть слоя желтовато-коричневой супеси находится на глубине (- 12,55 м).

Из данного слоя в низлежащие горизонты впущены ямы №№1—3 и №5. Яма №1 расположена в юго-западной части раскопа в 1,90 м от южного и в 1,80 м от западного борта. Устье ямы, овальное в плане, имеет диаметр 0,95 м по линии С—Ю и 0,70 м по линии 3—В. и расположено на глубине — 12,95 м. Дно ямы, также овальное в плане, имеет размер 1,85 x 1,60 м. Глубина ямы не превышает 1,25 м. Яма в разрезе имеет грушевидную форму. Заполнение ямы — золистая серая супесь

с фрагментами печин, обломками известняка, известняковой крошкой и комками коричневого суглинки. В яме № 1 венчик и стенки боспорского пифоса, фрагменты синопских амфор [Зеест, 1960, табл. XIII, 29; XIV, 31] III — II вв. до н.э. и около 70 стенок красноглиняных амфор. Находками, близкими ко времени сооружения ямы II, являются фрагменты светлоглиняных узкогорлых амфор типа С и D (по Д.Б.Шелову [1978]), которые были распространены соответственно в конце I — начале II в.н.э. и в конце II — первой половине III в.н.э. В заполнении ямы были также встречены венчики и кольцевые поддоны краснолаковых тарелок, профильные части красноглиняных мисок и кувшина, а также фрагмент чернолакового сосуда. Фрагменты лепных сосудов в заполнении ямы немногочисленны. Всего было обнаружено 2 венчика, ручка и уплощенный поддон лепного кувшина и несколько стенок закрытых сосудов.

Остеологический материал в заполнении ямы представлен шестью фрагментами костей коровы, двумя — лошади. Два фрагмента принадлежат костям свиньи, и мелкий рогатый скот представлен пятью фрагментами костей.

Яма № 2 расположена в центральной части раскопа. Ее устье находится в 1,80 м от восточного и в 4,65 м от северного борта и имеет овальную форму размером 0,90 м (по линии С—Ю) на 0,75 м (З—В). Дно ямы зафиксировано на глубине 14,22 м, и оно располагается практически на поверхности второго слоя. Глубина ямы составляет 1,37 м. Яма грушевидной формы, дно, овальное в плане размером 1,90х1,65 м. Устье ямы расположено на глубине 12,85 м. Яма была заполнена серой золистой супесью, насыщенной обломками печин и мелким известняковым гравием. Датированным материалом заполнения ямы яв-

ляются фрагменты амфор типа Делакеу [Зеест, 1960, табл. XXXIX, 100], которые появляются в конце III в.н.э. и бытуют на протяжении всего IV в.н.э. до середины V в.

Яма № 3, как мы уже отмечали выше, введена в низлежащие горизонты с границы (подшвы — поверхности) пятого и четвертого слоев.

Яма № 5 расположена в северо-восточном углу раскопа. Ее удалось зафиксировать лишь в профиле раскопа, поскольку ни характер заполнения, ни его плотность заметно не отличимы от слоя, в котором расположено ее устье. Устье диаметром около 0,55 м зафиксировано на глубине 12,88 м, глубина ямы составляет 0,62 м.

Хронологические аспекты распределения фрагментов амфорной тары, встреченной в слое, сходны с предыдущим слоем: находки также можно разделить на три хронологические группы, лишь одна из которых датирует пятый горизонт.

1. К наиболее ранним амфорам относятся профильные части (два венчика и ножка) амфор Гераклеи [тип V по Лейпунской (1981); Зеест, 1960, табл. XII, 46], выпускавшихся в IV — начале III в. до н.э., фрагменты этих амфор составляют всего около 4,5 % от общего числа профильных частей амфор, встреченных в слое.

2. Вторая группа амфор, представленная профильными частями в слое, включает в себя амфоры, производившиеся на рубеже I в. до н.э. и I в.н.э., в I в.н.э., но не позже середины II в. Это светлоглиняные широкогорлые амфоры с двуствольными ручками [Зеест, 1960, табл. XXVI, 61] второй четверти I в. до н.э. — середины I в.н.э.; светлоглиняные узкогорлые амфоры типов А и В по Д.Б.Шелову [(1978); Зеест, 1960, XXVIII, 65; XXIX, 66] конца I в. до н.э. — середины I в.н.э. и второй трети I — середины II в.н.э., а также амфоры

с конусовидным дном [Зеест, 1960, табл. XXXIX, 70] I в.н.э.

3. Основную же массу профильных фрагментов амфорной тары в слое составляют венчики, ручки и донца амфор, производившихся в конце II — 1 половине III в.н.э. и во II — III вв.н.э. (68,7 % от общего числа фрагментов). К ним относятся:

1) красноглиняные амфоры типа мирмекийской [Зеест, 1960, табл. XXX, 72], красноглиняные амфоры с клювообразными венцами [Зеест, 1960, табл. XXX, 73], амфоры со сложнопрофилированными ручками и ручками треугольного сечения [Зеест, 1960, табл. XXXI, 75; XXXII, 76], вероятно, боспорского производства; амфоры розовой глины, произведенные на Европейском Боспоре [Зеест, 1960, табл. XXXV, 83, 84], так называемые красноглиняные амфоры из Танаиса [Зеест, 1960, табл. XXXV, 85] и небольшие узкогорлые светлоглиняные амфоры типа D по Д.Б.Шелову [(1978); Зеест, 1960, табл. XXXVII, 91];

2) розовоглиняные широкогорлые амфоры (Азиатского Боспора по И.Б.Зеесту) [Зеест, 1960, табл. XXXVI, 89] и фанаторийские амфоры [Зеест, 1960, табл. XXXVI, 86, 87].

Амфоры с высоко поднятыми ручками темно-красной глины [Зеест, 1960, табл. XXXII, 79] обычно датируют временем с конца II до первой половины III в.н.э. Амфоры этого типа имели очень широкий ареал распространения от Британии до Ирака и Нубии (Peacock, Williams, 1986, p. 193, fig. 112; Eiwagner, 1981, Taf. 62, III, 560; Robinson, 1959, p. 69; Кузманов, 1973, с. 14—31). Они также широко ввозились и в Северное Причерноморье. Исследователи полагают, что эти амфоры производились одной из мастерской Эгиды. Амфоры этого типа, по мнению зарубежных исследователей, появляются в

начале III в.н.э., однако наиболее широкое их производство было развернуто в основном в конце III — IV в.н.э. (Riley, 1983, fig. 84, 243, P. 190—193; Peacock, Williams, 1986, fig. 112, P. 193).

Именно рассмотренные выше материалы датируют время формирования напластований рассматриваемого слоя зольника.

В слое также были встречены фрагменты боспорской черепицы (солены) и толстостенных пифосов боспорского производства.

В числе находок из слоя значительное место продолжают занимать фрагменты хозяйственной и столовой посуды. В слое были встречены более 70 профильных частей красноглиняных кувшинов (рис. 45), более 50 фрагментов принадлежат красноглиняным и сероглиняным горшкам; красноглиняные миски представлены всего пятью профильными частями. Также в слое был встречен фрагмент красноглиняной пиксиды.

Среди фрагментов столовой посуды значительное место принадлежит краснолаковым изделиям, которые представлены венчиками, ручками и кольцевыми поддонами кувшинов (12 экз.), венчиками кубков (3 экз.), краями и кольцевыми поддонами краснолаковых мисок (27 экз.).

Лепная посуда также представлена в слое значительным количеством профильных частей и стенок сосудов. Профильные части принадлежат в основном лепным кувшинам и горшкам (63 экз.), а также мискам (14 экз.).

К числу индивидуальных находок следует отнести обломок бронзовой фибулы и два осколка стелянного сосуда прозрачного стекла слегка зеленоватого тона.

Шестой слой представляет собой прослойку мощностью от 0,20 до 0,65 м серого сильно золистого рыхлого суглинка.

Центральная часть слоя расположена на глубине (-12,21) — (-12,35 м) от абсолютной высоты плато. С уровня слоя серого золистого суглинка в нижележащие слои зольника впущена яма № 4. Она прослежена в северном борту раскопа, устье ямы разрушено более поздним перекопом. Вероятно, яма имела грушевидную форму. Ее дно диаметром около 1,32 м расположено на глубине (-14,35 м). Заполнение ямы составляла серая золистая супесь. В средней части заполнения зафиксирован костяк собаки. Погребения собак широко известны на Боспоре с IV в. до н.э. по VI в.н.э. (Масленников, Емец, 1990, с. 89), они, возможно, несли какие-то ритуальные черты и были связаны с определенными религиозными представлениями населения (Стоянов, 1999, с. 308). Погребение собаки на таком объекте, как зольник крепости, в которой она могла выполнять сторожевые функции, кажется вполне закономерным.

Фрагменты керамической тары, встреченные в шестом слое, распадаются на несколько хронологических групп, неравноценных по количеству образцов. Появление ряда из них в слое связано, вероятно, с нарушением целостности низлежащих горизонтов ямами и перекопами.

1. Наиболее ранними фрагментами являются венчики, ручки, донце амфор Гераклеи [I и IV типов (по Н.А. Лейтунской, 1981); Зеест, 1960, табл. XXII, 45—46], производившихся в IV — начале III в. до н.э., и амфор Синопы [Монахов, 1992, тип П с; Зеест, 1960, табл. XIV, 30] конца IV — начала III в. до н.э. Эта группа керамики составляет не более 8 % от общего числа профильных фрагментов амфор из рассматриваемого слоя.

2. Другой более крупной группой являются фрагменты амфор рубежа I в. до н.э. и I в.н.э. — начала II в.н.э. Они представ-

лены исключительно светлоглиняными узкогорлыми амфорами типов А, В и С по классификации Д.Б. Шелова [Шелов, 1978; Зеест, 1960, табл. XXVIII, 65; XXIX, 66] и составляют 25,3% профильных частей.

3. Третья группа фрагментов амфорной тары относится ко II — III вв. н.э. Она составляет более половины общего числа профильных фрагментов (56,5%), но не все они датируют рассматриваемый слой. Амфоры конца II — первой половины III в.н.э. представлены следующими видами: красноглиняными амфорами типа мирмекийской [Зеест, 1960, табл. XXX, 72], с клювообразными венцами [Зеест, 1960, табл. XXX, 73], со сложнопрофилированными ручками [Зеест, 1960, табл. XXXI, 75], амфоры с ручками треугольного сечения [Зеест, 1960, табл. XXXII, 76] и высоко поднятыми ручками [Зеест, 1960, табл. XXXII, 79], амфоры розовой глины, произведенные на Европейском Боспоре [Зеест, 1960, табл. XXXIV, 83, 84]; широкогорлые афоры производства Азиатского Боспора [Зеест, 1960, табл. XXXVI, 89] и светлоглиняные узкогорлые маломерные амфоры типа D по Д.Б. Шелову [Шелов, 1978; Зеест, 1960, табл. XXXVII, 91], красноглиняные амфоры с желобчатым венчиком, массивными округлыми ручками, снабженными несколькими продольными желобками по наружной поверхности, и коническим дном [Зеест, 1960, табл. XX-XIII, 80]. Амфоры этого типа часто встречаются на памятниках Северного Причерноморья. Одни исследователи предполагают, что они могли производиться на Боспоре (Зеест, 1960, с. 115), другие предположительно локализируют место их производства либо в центрах северной части Эгейского моря, либо в городах понтийского побережья. Производство этих амфор осуществляется с конца II до середины III в. н.э. (Riley, 1983, p. 188).

В эту же группу входят и фрагменты амфор с более широкими хронологическими рамками, охватывающими II — III вв.н.э.: амфоры светло-оранжевой глины пестрой окраски [Зеест, 1960, табл. XXXII, 77], красноглиняные маломерные амфоры типа [Зеест, 1960, табл. XXXIV, 81]. Красноглиняные так называемые фанагорийские амфоры типа [Зеест, 1960, табл. XXXVI, 86] появляются в конце II и производятся в течение всего III в.н.э., амфоры того же центра типа [Зеест, 1960, табл. XXXVI, 88] датируются III в.н.э.

4. Тем не менее датирующими шестой горизонт являются фрагменты другой, представленной гораздо меньшим количеством профилированных частей, группы амфор. Они составляют всего 10,5% от общего количества профилированных фрагментов амфор, встреченных в слое. К ним относятся амфоры «коричневой глины» [*тип IV (Колхида)*], появляющиеся во второй половине III и производившиеся в IV в.н.э. Красноглиняные амфоры с расширяющимся книзу реберчатым горлом типа Делакеу с желобчатым венчиком прямоугольной формы [Зеест, 1960, табл. XXXIX, 100], не всегда стабильной конфигурации даже на одном сосуде, были широко распространены в Северном Причерноморье (Зеест, 1960, с. 120; Кропоткин, 1970, с. 10; Самойлова, 1978, с. 263—265). Реальная дата этих изделий — конец III — I половина IV — середина V в.н.э.

Светлоглиняные амфоры представлены двумя типами: маломерными узкогорлыми амфорами с расширяющимся книзу горлом [*Шелов, 1978, тип F; Зеест, 1960, табл. XLI, 104*], бытовавшими во второй половине III — середине V в.н.э.⁴⁹ или в IV в.н.э. начиная с его I половины, и поздним типом светлоглиняных узкогорлых амфор [*Шелов, 1978, тип E; Зеест, 1960,*

табл. XLI, 105], производившихся в конце IV — первой половине V в.н.э.

Красноглиняные тонкостенные амфоры типа инкерманской [Зеест, 1960, табл. XXXVIII, 95] И.Б. Зеест датировала IV веком, однако Дж. Райли и Г. Кузманов полагают, что этот тип тары употреблялся вплоть до VI в.н.э. (Кузманов, 1985, с. 14; Riley, 1975, p. 31). Широкое распространение этих амфор в слоях V — VI вв., говорят о том, что они, появившись в IV в., производились и в V — VI вв., но вряд ли выходили за пределы начала VII в.

Круглодонные амфоры вытянутой формы [Зеест, 1960, табл. XXXIX, 99], И.Б. Зеест также относил к IV в.н.э. Однако, как полагает А.В. Сазанов, амфор этого типа «нет в слоях и комплексах IV и даже V в.н.э.» Он считает амфоры этого типа характерными для VI в.н.э. (Сазанов, 1989, с. 49 — 50).

Красноглиняные широкогорлые массивные амфоры с расширяющимся книзу горлом, уплощенным венчиком и желобчатыми ручками, иногда декорированными шишкообразным налепом в местах сочленения ручек и горла сосуда [Зеест, 1960, табл. XXXVIII, 96-97]. Их относят к боспорскому производству, и, как мы уже отмечали, они имеют очень широкие хронологические рамки: А.В. Сазанов на основании анализа поздних керамических комплексов Тиритаки и Ильичевского городища датирует их временем не ранее конца IV — последней четверти VI в.н.э. А.П. Абрамов считает, что амфоры этого типа, появившись во второй половине III в., производились вплоть до VI в.н.э. (Абрамов, 1993, с. 51). Амфоры типа тиритакской с перехватом [Зеест, 1960, табл. 103] также датируются достаточно широко — IV — V вв. н.э. и от конца IV до второй половины VII в.н.э. (Сазанов, 1989, с. 51).

Материалы этой группы находок датируют рассматриваемый слой и относятся ко времени сооружения и функционирования цитадели — первой половине IV в. — VI в.н.э.

Строительная керамика в слое представлена двумя фрагментами боспорских соленов.

Как и в предыдущем слое, в общей массе находок увеличивается число фрагментов хозяйственной и столовой кружалной керамики и лепных изделий. Это на мой взгляд, лишний раз подтверждает, что данный горизонт формировался главным образом из бытовых отходов. Хозяйственная и столовая посуда представлена 165 профильными частями сосудов, лепная керамика — 144 экз.

Кружалная керамика представлена краем красноглиняного лутерия, многочисленными венчиками, ручками и донцами красноглиняных кувшинов (80 экз.) (Рис.80).

Значительное количество фрагментов принадлежит сосудам, декорированным краснолаковым и буrolаковым покрытием. Они представлены краем буrolаковой чаши темного тона, профильными частями краснолаковых кувшинов (6 экз.) краснолаковых кубков (19 экз.) и краснолаковых мисок (58 экз.) (Рис.79).

В слое была также обнаружена стенка чернолакового с металлическим отливом килика IV в. до н.э., декорированного пальметами, выполненными белой краской. Эта находка, бесспорно, принадлежит к более ранним горизонтам, вероятно, попала в шестой слой при перекопах и рытье ям.

Профильные части лепных сосудов из слоя принадлежат горшкам и кувшинам, из встречено чуть более 100 экз. Края и уплощенные поддоны лепных мисок представлены 43 экз.

Седьмой слой представляет собой слой золистого гумуса и имеет мощность от 0,20 до 0,30 м. Слой изобилует фрагментами керамических изделий. На поверхности слоя в микрорельефе различимы линзы ям и перекопов, в т.ч. последнего времени.

Многочисленные профильные фрагменты амфорной тары, встреченные в слое, также можно разбить на несколько хронологических групп.

1. Самая ранняя группа представлена единичными фрагментами косских амфор [Зеест, 1960, табл. XXIV, 51], производившихся в III—II вв. до н.э. Этот керамический материал составляет всего 1,25% от общего числа профильных частей амфор, найденных в слое.

2. Вторая группа амфор формально относится к концу I в. до н.э. — не позднее середины II в.н.э. Они представлены в слое единичными для каждого вида профильными фрагментами и составляют 6,25% профильных частей амфор: здесь встречены фрагменты амфор Коса [Зеест, 1960, табл. XXIV, 52], выпускавшихся в течение последних трех четвертей I в. до н.э.; красноглиняных амфор с шипообразными ручками [Зеест, 1960, табл. XXIX, 67] вероятно итальянского производства, широко распространенные в Средиземноморье в I в. до н.э. — I в.н.э. (Riley, 1983, p.147) и в небольших объемах поступавшие в Северное Причерноморье. Светлоглиняные амфоры представлены единичными фрагментами узкогорлых толстостенных амфор [Шелов, 1978, тип А; Зеест, 1960, табл. XXVIII, 65] конца I в. до н.э. — середины I в.н.э., светлоглиняных конца I — начала II в. н.э. [Шелов, 1978, тип С] и амфор с узким корпусом [Шелов, 1978, тип В; Зеест, 1960, табл. XXIX, 66], производившихся во второй трети I — середине II в.н.э.

3. Следующая группа амфор относится к изделиям II — III вв. н.э. Эта группа находок более многочисленна — фрагменты амфор этих типов составляют более 50% от общего числа профильных частей. К ним принадлежат профильные фрагменты уже привычных типов амфор типа мирмекийской [Зеест, 1960, табл. XXX, 72], красноглиняных амфор с клювообразными венцами [Зеест, 1960, табл. XXX, 73], красноглиняных амфор со сложнопрофилированными ручками [Зеест, 1960, табл. XXXI, 75], красноглиняных амфор с высоко поднятыми ручками [Зеест, 1960, табл. XXXII, 79], амфор с желобчатыми венцами [Зеест, 1960, табл. XXXIII, 80], розово-глиняных амфор, производившихся на Европейском Боспоре [Зеест, 1960, табл. XXXIV, 83,84]; так называемых широкогорлых амфор Азиатского Боспора [Зеест, 1960, табл. XXXVI, 89]; так называемых фанагорийских красноглиняных амфор [Зеест, 1960, табл. XXXVI, 86,87], производство которых началось в конце II в. и продолжалось на протяжении всего III в.н.э., а также светлоглиняных узкогорлых амфор [Шелов, 1978, *тип D*; Зеест, 1960, табл. XXXVII, 91]. Эти виды амфор производились в конце II — первой половине III — III в.н.э.

4. Заключительная группа амфор относится ко времени не ранее второй половины III в.н.э. и датирует время формирования поверхности зольного холма. Она охватывает период от конца III в. до VI в. — первой половины VII в.н.э. Амфоры этой группы заполняют весь хронологический отрезок от времени сооружения цитадели не ранее начала IV в.н.э. и ее разрушения в конце первой трети VI в.н.э. К этим изделиям относятся красноглиняные амфоры с расширяющимся книзу горлом типа Делакеу [Зеест, 1960, табл. XXXIX, 100] конца III — IV — середины V в. н.э., они соста-

ляют почти 19% профильных фрагментов слоя. Светлоглиняные узкогорлые амфоры типа F [Шелов, 1978; Зеест, 1960, табл. XLI, 104] относятся ко второй половине III — IV в.н.э., их доля в слое невелика. Их сменяют позднейший тип светлоглиняных узкогорлых амфор [Шелов, 1978, *тип E*; Зеест, 1960, табл. XLI, 105], производившихся в конце IV — первой половине V вв.н.э. (3 экз.) Красноглиняные широкогорлые амфоры, также представленные в слое [Зеест, 1960, табл. XXXVIII, 96—97], имеют широкую дату: их производство начинается во второй половине III в. и, по мнению исследователей, продолжается вплоть до VI в.н.э. «Корчажки», красноглиняные амфоры с веретенообразным корпусом типа [Зеест, 1960, табл. XX-XIX, 98], два фрагмента которых найдены в слое, и амфоры типа тиритакской с перехватом [Зеест, 1960, табл. 103] также имеют широкую дату. Появившись в IV в.н.э., они бытуют в V—VI вв. и, возможно, даже в первой половине VII в.н.э. (Сазанов, 1989, с. 47—48).

Амфоры этой группы представлены в гумусном слое только 41,25% найденных профильных частей. Небольшая плотность распространения этого материала имеет свою причину, ее мы постараемся определить после обзора находок из шурфа, которым были исследованы культурные напластования на юго-восточной, ближайшей к куртине цитадели, поле зольника.

Хозяйственная и столовая керамика в гумусном слое представлена несколько более скромно, нежели в подстилающих его горизонтах. Красноглиняные кувшины представлены только 11 профильными фрагментами, красноглиняные миски — одним венцом и кольцевым поддоном. Краснолаковая посуда представлена вообще единственным венчиком кубка.

Таблица II.4.Е-1.Зольник. Сводная таблица находок амфорной тары (слои I—VII).

Тип амфор // Слой зольника (профили, экз.)	I	II	III	IV	V	VI	VII
Хиос с красной краской по краю венца [Зеест, 1960, табл. III, 10; Абрамов, 1993, с. 5, тип 2.5 и 2.6], 3-я четверть VI — 1-я четверть V в. до н.э.	2						
Красноглиняные на сложнопрофилированном кольцевом поддоне группы А [Абрамов, 1993, 2.34, 2.37]; Протофасос, [Зеест, 1960, табл. VI, 15], последняя четверть VI — начало V - 2-я четверть V в. до н.э.	3						
Круг Фасоса [Зеест, 1960, табл. VI, 17 (Менде)], 2-я половина V в. до н.э.	5						
Хиос [Абрамов, 1993, 2.21], последняя треть V в. до н.э.		1					
Хиос [Зеест, 1960, табл. III, 11], 2-я четверть V в. до н.э.	3			1			
Хиос [Зеест, 1960, табл. V, 13] последняя четверть V в. до н.э.		4		2			
Фасос [Зеест, 1960, табл. VII, VIII, 20], конец V — первые три четверти IV в. до н.э.	3						
Хиос, т.н. колпачковые [Зеест, 1960, табл. V, 14; Абрамов, 1993, с. 37, тип IЖ-1] IV — начало III в. до н.э.		2					
Пепарет I (Солоха II) [Зеест, 1960, табл. XVIII — XX, 35] 1-я половина IV в. до н.э.	1	3	3				
Гераклея, тип II [(по Н.А.Лейпунской, 1981) Зеест, 1960, табл. XXII, 43], IV — начало III в. до н.э.	5	5		1			
Гераклея, типы I, IV [(по Н.А.Лейпунской, 1981) Зеест, 1960, табл. XXII, 45—46] IV — начало III в. до н.э.						5	
Гераклея, тип V [(по Лейпунской, 1981); Зеест, 1960, табл. XXII, 46], IV — начало III в. до н.э.					3		
Типа Усть-Лабинской [Зеест, 1960, табл. XVI, 33], 2-я половина IV—III в. до н.э.		3					
Синоп [Зеест, 1960, табл. XIII, 28] 2-я половина IV—начало III вв. до н.э.	2			2			
Синоп и вариации [Монахов, 1992, тип П с; Зеест, 1960, табл. XIV, 30] конец IV—начало III вв. до н.э.	6	10	2	9		8	
Синоп [Монахов, 1992, тип III а] конец IV-начало III вв. до н.э.		2					
Херсонес [Зеест, 1960, табл. XXI, 40 (тип II по Монахову, 1992)], последняя треть IV- 1-я половина III вв. до н.э.	2	5					
Херсонес [Зеест, 1960, табл. XXI, 41 (тип IV по Монахову, 1992)], последняя треть IV—начало III вв. до н.э.		1					
Типа Маригиоль, первые три трети IV в. до н.э. [имитации гераклейских амфор конца IV — III вв. до н.э. по И.Б. Зеест, 1960, табл. XXIII 47;].		2					
Пантикапей [Зеест, 1960, табл. XVII, 34], конец IV-начало III в. до н.э.		1					
Синоп [Зеест, 1960, табл. XIV, 31], 2-я половина III—II в. до н.э.		14					
Синоп [Зеест, 1960, табл. XIII, 29], III — 1-я половина II в. до н.э.	14	15	3	4			
Кос [Зеест, 1960, табл. XXIV, 51], III—II в. до н.э.		1					1
Родос [Зеест, 1960, табл. XXIII, 49], конец III—II в. до н.э.	3	6	4				
Светлоглиняные широкогорлые с двуствольными ручками [Зеест, 1960, табл. XXVI, 61], 2-я четверть I в. до н.э. — середина I в. н.э.					5		
Светлоглиняные узкогорлые [Шелов, 1978, тип А; Зеест, 1960, табл. XXVI, 65] конец I в. до н.э. — конец I в. н.э.			1		1	7	

Тип амфор // Слой зольника/ профили, экз.	I	II	III	IV	V	VI	VII
С конусовидным дном [Зеест, 1960, табл. XXIX, 70] I в.н.э.					7		1
С шипообразными ручками [Зеест, 1960, табл. XXIX, 67], I в.до н.э.—I в.н.э.							1
Светлоглиняные с узким корпусом [Шелов, 1978, тип B; Зеест, 1960, табл. XXIX, 66] 2-я треть I — середина II в.н.э.				2	2	9	1
Светлоглиняные [Шелов, 1978, тип C], конец I—начало II в. н.э.				6	3	17	1
Типа мирмекийской [Зеест, 1960, табл. XXX, 72], конец II—1-я половина III в.н.э.				1	4	2	3
С клювообразными венцами [Зеест, 1960, табл. XXX, 73], конец II — 1-я половина III — III в.н.э.				10		11	6
Со сложнопрофилированными ручками [Зеест, 1960, табл. XXXI, 75], конец II— 1-я половина III — III вв.н.э.					1	7	2
С ручками треугольного сечения [Зеест, 1960, табл. XXXII, 76], конец II — 1-я половина III — III в.н.э.					6	4	
Светло-оранжевой глины пестрой окраски [Зеест, 1960, табл. XXXII, 77], II—III в.н.э.				1		11	
С высоко поднятыми ручками [Зеест, 1960, табл. XXXII, 79], конец II — 1-я половина III в.н.э.; начало III — IV в.н.э. и позже					2	2	1
С желобчатыми венцами [Зеест, 1960, табл. XXXIII, 80], конец II — 1-я половина III в.н.э.						6	1
Красноглиняные маломерные [Зеест, 1960, табл. XXXIV, 81], II — III в.н.э.						1	
С профилированными ручками [Зеест, 1960, табл. XXXIV, 82], II—III в.н.э.				1			
Розовой глины, Европейский Боспор [Зеест, 1960, табл. XXXIV, 83] конец II — 1-я половина III — IV в.н.э.				3	1	7	2
Розовой глины, Европейский Боспор, [Зеест, 1960, табл. XXXV, 84] конец II — 1-я половина III — IV в.н.э.				2	3	2	1
Красноглиняные из Танаиса [Зеест, 1960, табл. XXXV, 85], конец II—1-я половина III — IV вв.н.э.				1	1		
Широкогорлые Азиатского Боспора [Зеест, 1960, табл. XXXVI, 89], II—III в.н.э.				2	17	6	19
Фанагорийские [Зеест, 1960, табл. XXXVI, 86], конец II — III в.н.э.				7	3	16	1
Фанагорийские [Зеест, 1960, табл. XXXVI, 87], конец II — III в.н.э.				7	3		3
Фанагорийские [Зеест, 1960, табл. XXXVI, 88], III в.н.э.		1		2		1	
Светлоглиняные [Шелов, 1978, тип D; Зеест, 1960, табл. XXX-VII, 91], конец II — 1-я половина III в.н.э.				1	2	14	2
«Коричневой глины» [тип IV (Колхида)] 2-я половина III — IV в.н.э.		2	1	3		1	
С расширяющимся горлом, Делакеу [Зеест, 1960, табл. XXXIX, 100] конец III — IV — середина V в. н.э.						6	15
Светлоглиняные [Шелов, 1978, тип F; Зеест, 1960, табл. XLI, 104] 2-я половина III — сер. V в. н.э. (Сазанов — до 3 четв. V в.) (IV в.н.э.)						3	5
Красноглиняные широкогорлые [Зеест, 1960, табл. XXXVIII, 96—97], 2-я половина III—IV—VI вв.н.э.						1	6
Круглодонные вытянутой формы [Зеест, 1960, табл. XXXIX, 99], IV в.н.э.						3	

Тип амфор // Слой зольника (профили, экз.)	I	II	III	IV	V	VI	VII
Красноглиняные тонкостенные типа инкерманской [Зеест, 1960, табл. XXXVIII, 95], конец IV в.н.э.						1	
Светлоглиняные [Шелов, 1978, тип E; Зеест, 1960, табл. XLI, 105], конец IV— 1-я половина V в.н.э.		1				10	3
«Корчажки», красноглиняные амфоры с веретенообразным корпусом [Зеест, 1960, табл. XXXIX, 98] IV—V—VI— 1-я половина VII в.н.э.							2
Типа тиритакской с перехватом [Зеест, 1960, табл. 103], IV—V, конец IV— 2-я половина VII в.н.э.						1	2
Всего профильных частей	51	79	13	69	67	172	80
Стенки красноглиняных амфор	236	208	243	1395	2133	1389	1643
Стенки красноглиняных амфор с реберчатой поверхностью тулова				1	43	32	59
Стенки красноглиняных амфор с рифлением						6	9
Стенки синопских амфор	54	37	35	34	67	23	29
Стенки светлоглиняных амфор		27		132	341	165	363
Стенки светлоглиняных амфор с реберчатой поверхностью тулова				12	44	39	43
Стенки амфор с рифлением типа набегающая волна						2	6

Таблица II.4.Е-2.Зольник. Сводная таблица. Хозяйственная, столовая и лепная посуда из слоев I—VII. Профильные части.

Изделие // всего профильных частей / примечания	I	II	III	IV	V	VI	VII
Солены		1 (Боспор)			2 (Боспор)	2 (Боспор)	
Пифосы				3 (Боспор)	2 (Боспор)	4 (Боспор)	1 (Боспор)
Лутерии	3(круг Фасоса, Синопа, Гераклея)	6 (Синопа)	1 (Синопа)	4 (Синопа)		1	
Чернолаковые канфары	1(лак с металлическим отливом)	2(лак с металлическим отливом)					
Чернолаковые блюда		1 (лак с коричневатым оттенком)		1			
Чернолаковые солонки		3 (полный профиль)					
Чернолаковые чаши	2 (от одного сосуда)	2 (1 со штампованными)					
Чернолаковые килики		2				1 (пальметы, металлический отлив)	
Чернолаковые тарелки				1			
Краснолаковые канфары		1 (каннелированный)					
Краснолаковые кубки		2		12	3	19	
Краснолаковые кувшины			2	11	12	6	
Краснолаковые миски			1	16	27	58	
Буролаковые чаши						1 (лак темный и тусклый)	
Красноглиняные миски	2	25	6	9	5	25	2
Красноглиняные кувшины	7	14	7	62	72		11
Кувшины		3 (Синопа)					
Красноглиняные рыбные блюда	1	1					
Красноглиняные закрытые сосуды		3					
Красноглиняные амфориски		1					
Красноглиняные пиксиды					1		
Сероглиняные рыбные блюда				1			
Сероглиняные горшки					2		
Стеклянные флаконы		1					
Стеклянные кубки				2	1		
Лепные миски				14	14	43	
Лепные горшки и кувшины		3	9	34	63	101	8
Светильники						1	1 (соларный орнамент)

В гумусном слое также был обнаружен красноглиняный светильник, щиток которого декорирован солярным орнаментом. Подобные светильники были распространены в позднем III — середине IV в.н.э. (тип: Chrzanowski, Zhuravlev, 1998, p. 127—128, № 70).

Ленная посуда представлена только восемью профильными частями венчиков, плоскими поддонами и ручками кувшинов и горшков.

Шурф на юго-восточной поле зольного холма. Шурф размером 3х3 м был также заложен на краю крепостного рва на юго-восточной поле оплывшего зольного холма в 17 м от западной куртины цитадели. Склон зольника здесь имеет легкий уклон к югу, а также к юго-востоку — к крепостному эскарпу и полотну современной сезонной дороги. В ближней к шурфу части куртины предположительно располагались ворота крепости, разрушенные современной грунтовой дорогой. Пола зольника частично перекрывает крепостной ров, выполаживая его. В микрорельефе данной части поля зольника прослеживается небольшое всхолмление, которое выделяется на поверхности склона в виде бугра высотой не более 1,0 м и диаметром не более 20,0 м. Наличие этого всхолмления и хронология слоев, обнаруженных в шурфе, позволяют полагать, что оно возникло после сооружения цитадели, обитатели которой не всегда утруждали себя ссыпать бытовые отходы в зольник, иногда выбрасывая его около ворот крепости. Данное всхолмление и зольник были не единственными местами сброса отходов — мусорные напластования формировались и непосредственно под стенами куртины, постепенно заполняя ров. Вероятно, расчистка рва от мусора внесла некоторые изменения в хронологию мусорных слоев под куртиной (см. выше). Кроме того, оби-

татели крепости активно сбрасывали свои бытовые отходы также с восточного обрыва плато, являвшегося восточной границей крепости. Это способствовало образованию мощного мусорного «делювия» под обрывом плато и его рассеиванию по склонам дождевыми потоками.

Шурфом были вскрыты мусорные напластования, среди которых стратиграфически вычлениются 7 слоев, перекрывающих материковую скалу.

Первый слой представляет собой коричневый суглинок, покрывающий слоем от 1,00 м (в щелях скалы под восточным бортом) до 0,10 м (в юго-западном углу шурфа) поверхность материковой скалы. Суглинок содержит отдельные фрагменты печин, керамический материал, отдельные обломки дикарного известняка. Слой не является мусорным, концентрация золистых линз и отдельных угольков крайне незначительна, и, судя по всему, он представляет собой остатки культурных напластований эллинистического времени. Однако на площади шурфа не удалось выявить каких-либо строительных остатков или иных объектов бытового назначения. Находки из слоя немногочисленны и в основном относятся к IV — II вв. до н.э. К числу наиболее ранних фрагментов амфорной тары относятся профильные части фасосских амфор [Зеест, 1960, табл. VII — VIII, 20] 1 — 3-ей четвертей IV в. до н.э., хиосских амфор (так называемые колпачковые донья [Зеест, 1960, табл. V, 14], производившихся в IV в. до н.э.; гераклейских амфор типа III [(по Н.А. Лейтунской, 1981) Зеест, 1960, табл. XXII, 43] второй половины IV — начала III в. до н.э., а также амфор Синопы. Наиболее поздними в данном слое являются амфоры «коричневой глины» типа III [по Цецхладзе, 1992, рис. 6, 3], поступавшие на Боспор в I в. до н.э. — I в.н.э. Однако, вероятно, эти фраг-

менты были привнесены в слой из более поздних горизонтов.

Второй слой представляет собой светлокориичневый золистый суглинок с включениями печин, золы и отдельных углей. Мощность слоя не превышает 0,18—0,27 м. Наиболее ранние типы амфор представлены фрагментами светлоглиняных узкогорлых амфор с узким корпусом типа В по Д.Б. Шелову (1978). Несмотря на то, что количество профильных частей в данном слое невелико, здесь представлены фрагменты части основных типов амфор, бытовавших на Боспоре в конце II — первой половине III — III в.н.э., они составляют большинство фрагментов в слое и, бесспорно, датируют время его образования. К ним относятся фрагменты амфор типа найденной в Мирмекии [Зеест, 1960, табл. XXX, 72], амфоры с клювообразными венцами [Зеест, 1960, табл. XXX, 73]; со сложнопрофилированными ручками и ручками треугольного сечения [Зеест, 1960, табл. XXXI, 75, 76]; с желобчатыми венцами [Зеест, 1960, табл. XXXIII, 80]; так называемые амфоры розовой глины производства Европейского Боспора [Зеест, 1960, табл. XXXIV, 83] и фанагорийские амфоры типа [Зеест, 1960, табл. XX-XVI, 86]. По формальным причинам к этой группе керамики следует отнести фрагменты амфор «коричневой глины» [*тип IV (Колхида)*] и светлоглиняных узкогорлых типа F [Шелов, 1978], бытовавших несколько позже — во второй половине III — IV в.н.э. Вероятно, этот материал попал в слой в результате перекопа или в заполнении ям, не выявленных при раскопках.

Третий слой — слой коричневого золистого суглинка, насыщенного обломками печин, золистыми линзами и отдельными углями. Мощность слоя колеблется от 0,65 до 1,25 м. Набор фрагментов амфорной тары позволяет полагать, что слой был

сформирован в IV — V и, возможно, в начале VI в.н.э., однако при его накоплении происходило переотложение более ранних материалов эллинистического времени (амфор Менде [(по И.Б. Брашинскому) Зеест, 1960, табл. IX, 24] первых трех четвертей IV в. до н.э. и Родоса [Зеест, 1960, табл. XXIII, 49] конца III—II вв. до н.э.), также амфор первых веков н.э. К последним относятся фрагменты светлоглиняных узкогорлых амфор типа С по Д.Б. Шелову [Шелов, 1978] конца I — начала II вв. н.э.; амфор кипрского или киликийского производства [типа М.239] конца I — начала II в.н.э., амфор, производившихся в конце II — первой половине III в. н.э. — с клювообразными венцами [Зеест, 1960, табл. XXX, 73], сосудов с трехгранными венцами [Зеест, 1960, табл. XXX, 74], с ручками треугольного сечения [Зеест, 1960, табл. XXXII, 76], так называемые широкогорлые розовой глины, сформованные на Европейском Боспоре [Зеест, 1960, табл. XXXIV, 83], и розовой глины Европейского Боспора типа [Зеест, 1960, табл. XXXV, 84], а также амфоры светло-оранжевой глины пестрой окраски [Зеест, 1960, табл. XXXII, 77], датирующиеся чуть более широко — II—III в.н.э.

В слое наблюдается нарастание более поздних типов амфорной тары, группа этих амфор составляет почти половину профильных частей амфор из слоя. Они представлены красноглиняными амфорами с расширяющимся книзу горлом, типа Делакеу [Зеест, 1960, табл. XXXIX, 100] конца III — IV в.н.э. и позже; светлоглиняными типа F [Шелов, 1978.; Зеест, 1960, табл. XLI, 104] второй половины III — IV вв.н.э.; красноглиняными широкогорлыми амфорами [Зеест, 1960, табл. XXXVIII, 96—97], производившимися со второй половины III—IV и вплоть до VI в.н.э.; светлоглиняными типа Е [Шелов,

1978.; Зеест, 1960, табл. *XLI*, 105] конца IV — первой половины V вв. н.э. и светлоглиняными амфорами с сильно вытянутым корпусом [Якобсон, 1979, *тип I*] VI — первой половины VII в. н.э. Последняя группа керамической тары принадлежит ко всему периоду от возведения, до разрушения цитадели.

Разделить стратиграфически более ранние и поздние материалы в слое не представляется возможным — в напластованиях этого горизонта не удалось выявить ни следов ям, ни перекопов. Кроме того, количество фрагментов амфор в обеих группах практически равно. Таким образом, можно лишь либо констатировать, что одна из групп фрагментов амфор мигрировала в данный слой, либо его следует считать двумя различными горизонтами, неразделимыми по характеру грунта и другим признакам.

Четвертый слой представляет собой комковатый серо-коричневый золистый суглинок с включениями пещины и отдельных углей. В верхней части слой отделен от следующего прослойкой золы и мелких углей. Мощность слоя колеблется от 0,05 до 0,30 м. Эти культурные напластования имеют сходные с низлежащим слоем хронологические особенности — поздние материалы здесь соседствуют с переотложенными материалами первых веков н.э. — светлоглиняными амфорами с узким корпусом типа В по Д.Б. Шелову [Шелов, 1978, *тип В*; Зеест, 1960, табл. *XXIX*, 66] второй трети I — середина II в. н.э. и светлоглиняными амфорами типа С [Шелов, 1978] конца I — начала II в. н.э.

За ними следует группа фрагментов амфор конца II — первой половины III в. н.э.: типа найденной в Мирмекии [Зеест, 1960, табл. *XXX*, 72]; с высоко поднятыми ручками [Зеест, 1960, табл. *XXXII*, 79]; с желобчатыми венцами [Зеест, 1960,

табл. *XXXIII*, 80]; так называемые розовой глины, европейского Боспора [Зеест, 1960, табл. *XXXIV*, 83] и светлоглиняные типа D по Д.Б. Шелову [Шелов, 1978, *тип D*; Зеест, 1960, табл. *XXXVII*, 91]. К ним следует присоединить и амфоры с чуть более широкой датой — конец II — III в. н.э. — так называемые амфоры с профилированными ручками [Зеест, 1960, табл. *XXXIV*, 82] фанагорийские [Зеест, 1960, табл. *XXXVI*, 86].

Как и в предыдущем слое, заключительную более многочисленную группу амфор представляют фрагменты сосудов, производившихся на протяжении всего периода существования цитадели и, возможно, после ее разрушения. К ним следует отнести привычные для поздних слоев рассматриваемого памятника амфоры с расширяющимся горлом типа Делакеу [Зеест, 1960, табл. *XXXIX*, 100] конца III — IV в. н.э. и позже, красноглиняные ангобированные амфоры типа М.238 второй половины III — IV в. н.э., красноглиняные широкогорлые [Зеест, 1960, табл. *XXXVIII*, 96—97] второй половины III—IV—VI вв. н.э., а также светлоглиняные узкогорлые амфоры типа Е по Д.Б. [Шелов, 1978; Зеест, 1960, табл. *XLI*, 105] конца IV — первой половины V в. н.э. Несколько особняком стоят фрагменты сосудов, чьи верхние даты выходят за рамки времени разрушения цитадели. Это светлоглиняные с сильно вытянутым корпусом амфоры [Якобсон, 1979, *тип I*], красноглиняные типа XIII по Г. Гузманову [и Антонова и др., *АДСВ*, вып. 7, 1971, *тип 5*] и светлоглиняные с рифлением типа «набегающая волна» [Якобсон, 1979, *тип 9*] V — I половина VII в. н.э. Первый тип амфор А.Л. Якобсон датировал V — VI в. н.э. Однако на основании находок этих амфор в комплексах второй четверти VI — первой половины VII в. н.э., А.В. Са-

занов предположил, что время бытования этих сосудов распространяется на VI — первую половину VII в. (Сазанов, 1989, с. 41, 43). Указанные выше красноглиняные амфоры относят к V — VII в. (Антонова и др., 1971, с. 9) и к второй четверти VI — первой половине VII в. (Сазанов, 1989, с. 44—45).

Пятый слой — серо-коричневый золистый суглинок с обильными включениями мелкого известнякового гравия, гальки, сажи, отдельных углей, печин, камки. Мощность слоя колеблется от 0,10 м в северо-западном углу шурфа до 0,70 м в юго-восточном. Слой также отличается наличием переотложенного материала: в небольшом количестве эллинистического времени (Синопа, Кос) и уже ставшим «стандартным» набором фрагментов амфор II — III в.н.э.

Среди более поздних материалов наблюдается появление группы фрагментов амфорных типов, время бытования которых более четко конкретизирует время существования нашего крепостного сооружения. К этим относятся амфоры с расширяющимся горлом типа Делакеу [Зеест, 1960, табл. XXXIX, 100] конца III — IV в.н.э. и позже, светлоглиняные узкогорлые типа F по Д.Б.Шелову [Шелов, 1978; Зеест, 1960, табл. XLI, 104] второй половины III — IV в.н.э., амфоры типа M.238 второй половины III — IV в.н.э., красноглиняные широкогорлые амфоры с широкими хронологическими рамками [Зеест, 1960, табл. XXXVIII, 96—97], бытовавшими со второй половины III — IV в. и, возможно, до VI в.н.э. включительно; круглодонные амфоры вытянутой формы [Зеест, 1960, табл. XXXIX, 99] IV в.н.э.; светлоглиняные узкогорлые амфоры типа E по Д.Б.Шелову [Шелов, 1978; Зеест, 1960, табл. XLI, 105] конца IV—первой половины V в.н.э., верхнюю дату произ-

водства которых А.В.Сазанов доводит до начала VI в. Далее следует отметить так называемые корчажки типа [Зеест, 1960, табл. XXXIX, 98] с широкими хронологическими рамками, охватывающими IV — V — VI и первую половину VII в.н.э. и амфоры типа найденной в Тиритаке с перехватом [Зеест, 1960, табл. 103], которые исследователи относят к IV — V в. и к концу IV—второй половине VII в.н.э.

К числу наиболее поздних типов амфор относятся амфоры южнопонтйского производства светлой глины с сильно вытянутым корпусом, так называемого причерноморского типа [Якобсон, 1979, тип I] VI — первой половины VII в.н.э. и светлоглиняные амфоры с рифлением типа «набегающая волна» [Якобсон, 1979, тип 9], поступавшие в Северное Причерноморье во второй половине V — первой половине VII в.н.э. Если допустить появление наиболее поздних типов амфор в Киммерике (цитадель) не на начальном этапе их производства, то можно предположить, что и после разрушения крепости в первой трети VI в. н.э., какая-то жизнь теплилась здесь и в VI — VII в. н.э.

Шестым слоем является серая рыхлая золистая супесь с линзами комковатого серо-коричневого золистого суглинка и обильными включениями гравия, морской гальки, створок мидий и мелких углей. Мощность слоя составляет 0,50—0,76 м.

Слой, вероятно, формировался в V — первой половине VI в., о чем говорят фрагменты следующих типов амфорной тары: так называемые сирийско-палестинские круглодонные коричневоглиняные амфоры IV — VI вв.н.э. (VII в.) [Якобсон, 1979, тип 8.1], «корчажки» с веретенообразным туловом [Зеест, 1960, табл. XXXIX, 98], датировка которых у разных исследователей варьирует от IV—V—VI до первой половины VII вв.н.э. (Сазанов, 1989, с.48),

амфоры с перехватом типа найденной в Тиритаке [Зеест, 1960, табл. 103], датируемые IV—V вв. и концом IV—второй половиной VII в.н.э., амфор причерноморского типа [светлоглиняные с сильно вытянутым корпусом — Якобсон, 1979, тип 1] VI — первой половины VII в.н.э. и светлоглиняные амфоры с рифлением тулова типа «набегающая волна» [Якобсон, 1979, тип 9], бытовавшие в V — первой половине VII в.н.э.

За время формирования слоя оказались переотложенными материалы II—III в.н.э. и фрагменты амфор более раннего времени: амфоры «коричневой глины» III-го типа [Цецхладзе, 1992, рис. 6,3], датирующиеся I в.до н.э. — I в.н.э., и светлоглиняные узкогорлые амфоры с узким корпусом типа В по Д.Б.Шелову [Шелов, 1978; Зеест, 1960, табл. XXIX, 66], употреблявшиеся во второй трети I — середине II в.н.э.

Седьмой слой — гумусный темно-коричневый золистый, с включениями известнякового гравия и крошки. Мощность слоя составляет 0,15 — 0,27 м. Его верхнюю дату определяют красноглиняные широкогорлые амфоры [Зеест, 1960, табл. XXXVIII, 96—97], бытовавшие со второй половины III—IV вв. до VI в.н.э.; «корчажки», или красноглиняные амфоры с веретенообразным туловом [Зеест, 1960, табл. XXXIX, 98] IV—V—VI — первой половины VII в.н.э. и светлоглиняные амфоры с рифлением типа «набегающая волна» [Якобсон, 1979, тип 9], датирующиеся 2 половиной V — первой половиной VII в.н.э.

В слое встречается и переотложенный материал, имеющий широкие хронологические рамки от I в.до н.э. до второй половины III — IV в.н.э.

Как мы видим, в целом формирование мусорных напластований на плато г. Опук происходило практически непрерывно, но

с разной степенью хронологической интенсивности, с момента появления здесь первых поселенцев до гибели цитадели, при этом формирование мусорного всхолмления у ворот цитадели происходило в финальный этап ее бытования.

II.4.F. ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ВОДОРАЗДЕЛА ГОРЫ ОПУК И ДРУГИЕ ВЫНЕСЕННЫЕ СООРУЖЕНИЯ

Оборонительные объекты водоразделов горы Опук. Одним из монументальных сооружений, входящих в систему обороны цитадели, является т.н. **восточная оборонительная стена**, тянущаяся от северо-восточной оконечности плато по водоразделу северо-восточного и восточного склона г.Опук на 650 м (Рис.51). Ее юго-восточная оконечность разобрана при строительстве деревни Новый Опук, однако следы прослеживаются в микрорельефе еще минимум на 300—350 м. Южная, почти несохранившаяся оконечность стены завершается у скального обрывистого останца высотой до 30 м. На останце сохранились подтесы скалы, позволяющие допустить наличие здесь еще одной сторожевой башни. Не исключено, что стена далее спускалась к самому морю, однако здесь антропогенный рельеф сильно обезображен подвижками до сих пор активного оползня. Западная оконечность стены подходила непосредственно к обрыву плато под северо-восточным углом цитадели и соединялась с ее северной стеной, как бы продолжая ее линию под вертикально оттесанной стенкой обрыва плато.

«Это так называемая восточная стена сложена из огромных камней, образующих два панциря, и укреплена на всем своем протяжении (около 500 м) пятью

башнями» (Зеест, 1949, с.94.). Информация «о пяти башнях» была почерпнута И.Б.Зеест, судя по всему, из описания П.И.Дюбрюксом древностей Опука и с ее легкой руки утвердилась в современной историографии. Однако, как показали исследования автора, к этим данным следует относиться крайне критически, поскольку первый исследователь Киммерика считал остатками фортификационных сооружений как скальные останцы (некоторые со следами подтесок), так и разрозненные объекты южного склона, соединявшиеся между собой «стенами», за которые он иногда принимал обманчивые выходы скальных пород, в обилии встречающиеся на юго-восточном и западном склонах горы. На этот «грех» Дюбрюкса справедливо обратил внимание Ю.Ю.Марти, обследовавший Киммерик летом 1927 г.: «Отвесные природные каменные стены, как бы обтесанные рукой человека, создают (от горы Опук — В.Г.) впечатление громадной крепости. Неудивительно, что Дюбрюкс, описывая укрепления Опука, иногда принимал за крепостные сооружения естественные скалы» (Марти, 1928, с.1). В реальности мы можем говорить максимум о трех башнях, следы которых в виде подтесок встречены на скальных останцах и на поверхностных выходах скалы. Упомянутые Дюбрюксом круглые башни на пути с цитадели в Киммерик (Дюбрюкс, 1858, с.70—77), при обследовании оказались загонами для скота крупного раннесредневекового поселения, расположенного на южном склоне горы (Голенко, Джанов, 2002, см.далее).

Описание Дюбрюксом башен и стен южного склона Опука не поддается проверке: при обследовании этого участка по его описанию были обнаружены лишь недатируемые без раскопок обрывки стен, сильно похожие на следы древних кладок оползневые выходы скальных пород.

Хотя не исключено, что за прошедшее со времени посещения Опука время рельеф склона мог сильно измениться как в силу тектонических процессов, так и в ходе антропогенной деятельности, особенно в конце XIX — первой половине XX в., когда на Опуке интенсивно разрабатывался строительный камень. Тем не менее следы антропогенного террасирования и построек зафиксированы на юго-восточном склоне горы до дороги, ведущей к источнику. Ниже дороги склон сильно обезображен недавними (в историческое время включая последние десятилетия) оползнями.

На одной из террас под крупным скальным останцем на восточной оборонительной стене, в 950 м к востоку от триангуляционного знака на г. Опук, обнаружены следы фундаментальной постройки, размеры которой, судя по подтесам скалы, составляли не менее 20х30 м при ширине стен до 1,5 м. На этой же террасе и ныне располагается крупный обработанный блок известняка ступенчатой конфигурации (1,15х2,55х1,11 м) с двумя квадратными углублениями в верхней части, обнаруженный Дюбуа-де-Монпере и опубликованный (с искажениями размеров) Ю.Ю. Марти (1928, с.11, рис.10). Оба исследователя видели в нем пьедестал или жертвенник. В 520 м к северо-востоку от холма «А» расположена еще одна крупная постройка, окруженная загородкой из поставленных вертикально глыб известняка, которая имеет размеры около 35х40 м. Она также могла быть интерпретирована Дюбрюксом как фортификационное сооружение. Внутри нее были встречены отдельные блоки, остатки водостока (?) или какого-то лаза, перекрытого плитами. Аморфные следы кладок прослеживаются повсеместно под юго-восточным и восточным склонами скального гребня, являющегося водоразделом юго-западно-

го склона Опука, на котором расположен Киммерик.

«Восточная» стена сооружена из огромных (до 1,60 x 1,00 x 0,50 м) слегка подтесанных блоков известняка. Кладка двухпанцирная сложена насухо, она забутована достаточно крупными обломками дикарного известняка на глинистом растворе. Ширина стены колеблется от 2,9 м до 3,5 м. Стена тянется по водоразделу восточного склона Опука в восточно-северо-восточном направлении и в 585 м от ее места сочленения со скалой плато⁵⁰ поворачивает к юго-востоку, а далее читается только в обрывах и редких подтесках скал (Рис.53). Их направление указывает, что стена далее соединялась с крупным скальным останцем, нависавшим над юго-восточным приморским склоном горы. На вершине этого останца прослеживаются отдельные явные подтесы скалы под кладки стен, возможно, башни. Подобная ориентация восточной оконечности стены обусловлена не только обстоятельствами удобства фортификации⁵¹, но и геологическими причинами. Как показали оползневые процессы, произошедшие за годы моих работ на г. Опук, продолжение стены далее по водоразделу к юго-восточной приморской подошвы горы было невозможно, поскольку стена сворачивала в сторону моря именно там, где начинался крайне нестабильный оползневый участок склона, сложенный глинами и суглинками. То есть древние фортификаторы, прекрасно зная геологическое строение горы, возвели стену на коренных скальных породах⁵². Однако приморский склон горы Опук, где логически должна была завершаться стена, оказался на участке активизировавшегося прибрежного оползня, в который оказались вовлечены и скальные породы, лежащие на глинах. Таким образом, замкнуть линию «восточной» стены водораздела можно лишь

предположительно. И тем не менее, хотя приморский южный склон горы обезображен поныне активным оползнем, крайне аморфные следы стен шириной не менее 2,5 м различимы на оползневых нагромождениях прибрежных скал в 200—250 м западнее поселения холм «А» (почти напротив восточной кромки плато). Кроме того, на восточной границе бухты, получившей условное название «Восточная-3»⁵³, где располагается скалистая гряда оползня⁵⁴, по приморскому гребню гряды, перпендикулярному берегу, прослеживается развал мощной стены шириной до 6,5 м. Судя по отдельным сохранившимся участкам, она представляла собой двухпанцирную с забутовкой кладку, сложенную из крупных дикарных блоков известняка размерами до 0,50x1,60x0,90 м и, возможно, с западного фаса была усилена дополнительным поясом, развал которого достигает 3,5 м в ширину. Кладка стены, характер и калибровка строительного материала аналогичны оборонительной стене восточного водораздела горы. Развал стены здесь прослеживается на длину около 40 м. Далее, на уровне колодца (бухта Змеиня), развал под прямым углом поворачивает на запад и через 20 м — на север, а еще через 20 м — на восток, как бы образуя башню или фланкированный проход. Однако подобная интерпретация развала затруднена активным оползневым характером рельефа, выходами дробных скальных пород, также напоминающих развалы кладок, и сильной забутованностью почвы. Далее предполагаемая линия стены теряется в «каменном хаосе». Вокруг предполагаемой башни-бастиона были найдены лишь отдельные фрагменты амфорной тары III—VI вв. н.э.⁵⁵ Существование здесь границы укреплений, связанных в единую цепь с оборонительной стеной восточного водораздела гора Опук, — систему, фланкировавшую антропогенно террасирован-

ный юго-восточный склон горы, более чем вероятно, но в этом случае наиболее мощный источник горы оказывается вне этих сооружений. Но вполне возможно, что на берегу располагались сооружения, связанные с якорной стоянкой у одной из донных банок. Они могли составлять отдельный прибрежный фортификационный узел, разрушенный мощными береговыми оползневыми процессами.

Автором был раскопан 10-метровый участок «восточной» стены около наиболее крупного скального останца (Рис.53), включенного в линию стены (примерно в 100 м от восточной кромки плато). Она сохранилась на высоту 1—2 рядов кладки, впущенной в предскальный слой щебнистого грунта (характеристику см. начало предыдущего абзаца). Верхний ряд кладки выходит на дневную поверхность. В слое возле стены встречены немногочисленные дробные фрагменты амфорной тары, которые, как и подъемный материал, собранный вдоль линии этой стены, относятся исключительно к рубежу II — III и IV — VI вв.н.э.⁵⁶, однако он не является критерием при датировке самой стены, поскольку ни в самой забутовке стены, ни под телом стены датирующего материала обнаружено не было. Судя по моим наблюдениям⁵⁷, данная стена являлась цоколем для менее мощной стены, возможно, с сырцовыми элементами конструкции. «Восточная» стена и стены куртины сложены в аналогичной технике, однако первая стена имеет несколько более значительные параметры. Подтески скалы под место сочленения стены и северной куртины цитадели позволяют предполагать, что оба сооружения возведены одновременно. Кроме того, сооружение подобной внушительной вынесенной оборонительной линии крепости требовало огромных затрат, которые вряд ли были по силам небольшому боспорскому центру⁵⁸, кото-

рый давно утратил свое ранее пограничное значение. Возведение столь мощной и длинной стены, не имеющей аналогов на Боспоре, было возможно лишь при восстановлении пограничного значения Киммерика, главным образом, вновь возведенной цитадели. Итак, имеющийся скудный археологический материал, высказанные соображения и отдельные наблюдения автора, которые, однако, могут показаться читателю субъективными⁵⁹, позволяют утверждать, что «восточная» стена была сооружена одновременно с цитаделью и составляла с ней единое целое. У нас нет никаких археологических данных утверждать, что она могла быть построена в более раннее время (См.: Горлов, Лопанов, 1997).

Сооружения на западном водоразделе горы. По утверждению Ю.В. Горлова и Ю.А. Лопанова (1997), аналогичная «восточной», другая стена спускалась от западного края плато по гребню оползня на запад в сторону моря. Ссылаясь на сведения Дюбрюкса, они пишут: «Действительно, на северо-западном склоне прослежены остатки стены, сооруженной без фундамента, длиной около 800 м и шириной 3—3,5 м (? — В.Г.). У северного окончания гребня, ориентированного с севера на юг и выполняющего роль естественной западной границы урочища Опук, западная оборонительная стена заканчивается башней 8х8,5 м, сложенной в двухпанцирной технике с забутовкой. Вероятно, как и сегодня, здесь проходила дорога...» (Горлов, Лопанов, 1997, с.139). Приведенные данные требуют существенной корректировки. Под «гребнем» следует подразумевать западный водораздел горы, находящийся на стабильных отсевших в геологическое время блоках горы, проходя которые Дюбрюкс описывал лишь как «обломки скал, соединявших некогда возвышенность с огромною массой обтеканых скал» (Дюбрюкс, 1858, с.77—78.).

Упоминание здесь каких-либо оборонительных стен у Дюбрюкса отсутствует. Более того, в письме Бларамбергу от 16 марта 1828 г. он пишет: «Нет никакой связи между укреплением западной стороны горы, план коих при сем прилагается, с теми, что лежат на восточной стороне Опук. От окончания первых стен до начала вторых почти две версты» (Дюбрюкс, 1858, с.73). Во-вторых, оборонительная северная стена городища Киммерик, ошибочно упоминаемая Зеест как сохранившаяся, в настоящее время не фиксируется ни *in nature*, ни аэрофотосъемкой. Опираясь на результаты разведок, мы можем лишь предполагать, что в систему обороны могли быть включены два естественных гребня водораздела северо-западного склона. На первом гребне (северный) располагается вал из рушенных скальных пород, который Ю.Горлов, а до этого и И.Т.Крупликова, приняли за остатки «разобранной» западной стены водораздела. Вал с внутренней стороны (южной) был дополнен естественным рвом-грабеном глубиной более 10 м. Второй гребень (южный) представлял собой кромку отсевшей от плато огромной скальной платформы, образующей юго-западный высотный склон горы. Рельеф этой части горы делал практически неприступным этот участок обороны, не требующим специальных сооружений, поскольку противник, пересекавший гребень, попадал в ров-грабен и на один из отсевших блоков плато, который в тактическом плане не представлял никакой ценности: нападавшие в конечном итоге вновь оказывались под отвесными обрывами основного плато и над крутыми береговыми обрывами. И тем не менее на этом участке склона не исключено сооружения каменно-щелнистого вала, который лишь усиливал созданные природой препятствия. Тем более что на скальных выходах на линии предполагаемой упомянутыми авторами стены не встречены следы подтесок под кладку куртины. Никаких

остатков «западной» стены «без фундамента» на гребне северо-западного склона не фиксируется ни при визуальном осмотре, ни при дешифровке аэрофотосъемки. Последняя, кстати, прекрасно фиксирует линию стены, ныне разобранный, проходившей по северной кромке плато.

Аморфные следы каких-то кладок действительно прослеживаются повсеместно под юго-восточным и восточным склонами этого скального гребня⁶⁰. Однако все они относятся к раннесредневековому и более позднему времени и представляют собой остатки сезонных построек кошарного типа.

От упоминаемой авторами башни, обнаруженной автором этих строк, со стенами, «сложенными в двухпанцирной технике с забутовкой», в реальности остались лишь аморфные следы, различимые только в виде горизонтальных подтесок скалы и куч бута от полностью разобранных стен, техника возведения которых может быть реконструирована лишь предположительно. Эта ориентированная по сторонам света и полностью разобранный башня квадратной формы (8,65 x 8,20 м) действительно некогда располагалась под обрывом другой высотой (около 35 м) поперечной гряды, являющейся водоразделом юго-западного склона Опука, на котором был расположен сам Киммерик. Эта башня, бесспорно входившая в систему обороны Киммерика, тем не менее не сочленялась с линией оборонительных стен городища Киммерик, располагавшихся южнее (Рис.6). Крайне скудный подъемный материал, собранный около башни, относится исключительно к позднеантичному времени. Скорее всего эта башня выполняла сигнально-наблюдательные функции, а также фланкировала северо-западный стык господствующих на западном и северо-западном склонах горы скальных гряд. Поскольку жизнь на городище Киммерик продолжалась в значительно более скромных размерах и после сооружения

цитадели, упомянутая башня могла выполнять двоякую роль — быть также и выдвинутым форпостом припортовой части комплекса сооружений Опука.

Следы каких-то укреплений, возможно, еще одной *сторозжевой башни*, обнаружены на юго-западном мысу западного отсевшего участка бронированного плато (противоположный описанному выше гребню, образующий с последним овраг, по которому как во времена Дюбрюкса, так и ныне проходит дорога от развалин деревни Чекур-Кояш). Этот мыс доминирует над скальным останцем, на котором расположен пост ВМФ в 1250 м юго-западнее триангуляционного знака на вершине горы Опук. Непосредственно под «башней», на слоне плато, прослеживается полотно древней дороги. Не исключено, что следы дороги принадлежат к единственно удобному в этой части побережья Опука в древности и в новое время маршруту, ведущему от «фонтана» на западный склон горы к городищу Киммерик. Это подтверждается и тем, что аналогичное, сильно деформированное, полотно древней дороги прослеживается и по террасе над береговым обрывом юго-западного склона горы. Современная дорога, ведущая на пост ВМФ, была пробита в скалах в 1950 г., при этом гряда скал, замыкавшая этот скальный мыс и почти отвесно обрывавшаяся к береговому обрыву, была взорвана⁶¹.

II.4.J. АНТРОПОГЕННОЕ ТЕРРАСИРОВАНИЕ СЕВЕРНОГО СКЛОНА Г. ОПУК

К комплексам «цитадели» на вершинном плато г. Опук и более раннего убежища бесспорно относятся строительные остатки, зафиксированные автором на террасированном северном склоне горы⁶² (Рис.54), по восточной части которого в

древности пролегалла дорога к въезду на территорию крепости. Хотя оно не является фортификационным сооружением, однако, будучи элементом комплекса, должно быть рассмотрено вместе с цитаделью как единое целое. Выявление этого террасирования и определение его хронологии позволяет по-новому взглянуть на инфраструктуру Киммерика на разных этапах его существования и его планировочную структуру.

Северный склон занимает около трети площади Опука. Вся эта территория является крупным древним стабильным сложным оползнем. Базисом для оползня являлись крупные балки, ограничивающие Опук с севера, и котловина Кояшского соленого озера. Оползень, вероятно, образовался во второй половине среднечетвертичного или в начале позднечетвертичного времени и с тех пор пребывает в стабильном состоянии. Волнистая поверхность оползня значительно переработана балками и ложбинами, а в историческое время — деятельностью человека: в его северо-восточной части располагалась деревня Опук.

В ходе геоморфологического обследования и археологических разведок северного склона были отмечены следы активного антропогенного террасирования древнего стабильного оползня склона, имеющего уступчатый рельеф. Эти террасы хорошо различимы на аэрофотосъемке и спускаются практически до северной подошвы горы, переходя в плоские огороженные участки. Ограды этих участков почти полностью разобраны жителями деревни Опук на строительный камень и фиксируются лишь в обрывах. В целом здесь насчитывается более 40 террас, площадь которых колеблется от 0,2 до 5,0 и более га. Поверхность террас сильно задернована и, как все склоны горы, забутована дикарным известняком, а на месте постро-

ек — и мелким бутом. На многих террасах, особенно в той части склона, который примыкает к восточной части плато, где расположены строительные остатки цитадели, обнаружены многочисленные следы подпорных стен, являющихся границами между террасами. Многие подпорные стены сильно заплыли, другие — сохранились на большую часть своей длины. Как правило, эти стены сложены из крупных дикарных обломков местного известняка. Часть известняковых блоков установлена вертикально и прислонена к склону более высоких террас. Кладки очевидно комбинированные и сочетают кладку и отдельные встроенные блоки известняка, активно используются выходящие на поверхность обломки скал. Все они ориентированы по линии подпираемых террас, как правило, параллельно склону. На ряде террас, чаще под скальными останцами или под крутыми склонами террас, расположенных выше, обнаружены аморфные следы построек и развалы строительного бута. Поскольку террасы к северу примыкают к границе деревни Опук (Светлячки), нетрудно предположить, что значительная часть построек была разобрана на строительный камень. И тем не менее как на самих террасах, так и внутри линз построек, собран разнообразный керамический материал от фрагментов амфорной тары конца VI в. до н.э. до амфор и кувшинов VIII — X вв. н.э. (См. сводную таблицу в конце раздела). Западная часть этого склона также террасирована, однако террасы здесь более пологие и имеют большую площадь; кроме того, помимо подпорных стен, они не имеют следов иных строительных остатков. Подъемный материал на этих террасах встречается значительно реже, и он в основном представлен керамической тарой и посудой эллинистического времени и первых веков н.э. На основании многолетних обследований, выбороч-

ной шурфовки, фиксации строительных остатков, проведенной топографической съемки террасированного склона можно заключить, что культурный слой на этой части склона формировался самостоятельно, местами достигая 0,5—0,6 м и более. Он не мог быть делювиально привнесен с объектов, расположенных на плато. Кроме того, особенности микрорельефа террас, а также наличие подпорных стен позволяют полагать, что *миграция по склону подъемного материала, вымываемого из культурного слоя*, была минимальной. По указанной причине подъемный материал, насколько можно судить на основании незначительных шурфовок слоя на отдельных террасах, вполне отражает археологическую ситуацию. Это позволяет говорить о том, что северный склон г. Опук начал осваиваться не позднее рубежа VI—V вв. до н.э., а спланированные на склоне террасы использовались под жилые и хозяйственные постройки, а также, возможно, под приусадебные участки вплоть до раннего средневековья.

Строительные остатки сохранились не на всех террасах северного склона. Часть из них, особенно те, что примыкают к границе деревни Опук, значительно пострадали от выборки камня. Описание этих террас как археологических объектов мы опускаем. Все террасы, следуя ориентации склона, своими наибольшими осями ориентированы с незначительными отклонениями по линии восток — запад.

1. **Скальный останец 1**, «придорожная башня». Скальный останец, представляющий собой отколовшийся от тела плато пласт известняка длиной до 50 м (по линии юго-восток — северо-запад), вставший на ребро и послуживший северной гранью небольшой террасы, по которой проходит современная сезонная дорога на плато Опука. Этот останец расположен в 700 м северо-восточнее триангуляционно-

го знака на вершине горы ниже по склону от «бастиона» цитадели, непосредственно под ее северо-восточным углом.

Эта скала использовалась в древности в качестве одной из стен постройки, возможно, придорожной башни. На восточной оконечности этой скалы различима вертикальная подтека длиной 11,5 м по линии восток — запад, образующая северную стену помещения, пристроенного к скале. Отдельные лакуны в подтесанной части скалы доложены глыбами известняка. Восточная и западная стены прослеживаются на современной дневной поверхности в виде отдельных крупных глыб мшанкового известняка. Ширина стен постройки не менее 1 м. Западная стена помещения прослеживается на длину 6,0 м, восточная — на 5,60—5,80 м. Южная стена помещения реконструируется по двум подтесанным глыбам размерами до 0,80 x 0,70 м, отстоящим на одной линии от подтеса скалы (северной стены) на 4,50 м. Линза помещения выделяется в микрорельефе своей глубиной — она составляет до 0,60 м. Вероятно, в годы войны здесь находился окоп или блиндаж. Внутренняя поверхность помещения забутована и сильно задернована. На одной из каменных глыб у юго-западного угла постройки обнаружена вырубленная округлая площадка со сливом диаметром до 1,10 м. Н.И.Винокуров интерпретирует их как монолитные винодельни домашнего использования.

Дату возведения постройки невозможно определить без предварительных раскопок — так, на поверхности линзы, а также в зачистках нарушений культурного слоя помещения был собран разнообразный подъемный материал, свидетельствующий о том, что данный участок склона, находящийся в непосредственной близости от естественного прохода на плато, где пролегал древняя дорога, использовался

в древности на протяжении длительного времени. В самой линзе постройки были встречены профильные части амфор Менде, Хиоса с «колпачковой» ножкой, амфор круга Фасоса [Зеест, 1960, табл. VII, 19], Пепарета, Родоса (?), стенка хиосского кувшина с полосами светлой краски, венчики боспорских пифосов и лутерия, а также амфор типа найденных в Мирмекии [Зеест, 1960, табл. XXX, 72] конца II — I половины III в. н.э., розовоглиняных широкогорлых амфор конца II — I половины III в. н.э. [Зеест, 1960, табл. XXXIV, 83], синхронные им амфоры со сложнопрофилированными ручками [Зеест, 1960, табл. XXXI, 75], амфор типа Делакеу [Зеест, 1960, табл. XXXIX, 100] конца III — IV в. н.э. и позже и т.д. (Рис.55).

Терраса 1. Эта терраса расположена непосредственно под восточной оконечностью скального останца 1, описанного выше. Эта скала образует южную стену террасы высотой до 6,0 м. С востока терраса обрывается в балку, по которой в настоящее время проходит сезонная дорога, пересекающая оборонительную стену на водоразделе восточного склона г. Опук. Размер террасы составляет 35 x 25 м, ее поверхность ровная, сильно задернованная. По периметру террасы прослеживаются отдельные камни подпорных и межевых стен. На самой террасе — следы постройки, планировка и размеры которой неясны. На дневной поверхности постройки были обнаружены стенки амфор боспорского глины и венчик лутерия боспорского производства.

3. Терраса 2. Терраса расположена непосредственно под террасой 1, северный обрыв которой образует стенку 2-ой террасы. Ширина террасы колеблется от 8 до 10 метров, длина ее составляет около 25 м. Поверхность террасы ровная, задернованная, на ней различимы следы прямоугольной постройки, своей наибольшей длиной

ориентированной по линии В—З. Западная стена постройки прослеживается на длину 6,20 м. Она сложена из дикарного известняка и ее ширина составляет до 0,80 м. Судя по выходу на дневную поверхность камней стены, она представляет собой двухпанцирную с забутовкой кладку, сложенную насухо или на глинистом (почвенном) растворе. Северная стена помещения — комбинированная, поскольку сочетает кладку и использование под тело стены выхода скальных пород. Стена прослеживается на длину 10,5 м. Линза постройки глубиной не более 0,05—0,10 м задернована и наполнена мелким бутом. На поверхности линзы были встречены отдельные фрагменты амфор причерноморского типа.

Терраса 2а. Терраса расположена под западной оконечностью скального останца 1, на которой различимы следы подтески скалы. К подтесанному участку скалы под прямым углом примыкают линия крупных известняковых дикарных и слегка обработанных блоков, использовавшихся в кладке стен помещения, пристроенного к скале. Остатки кладки, являющейся западной стеной помещения, прослеживаются на длину 5,5 м, и они ориентированы по линии север — юг. На краю этой террасы, размеры которой составляют 10—15 x 25 м, прослеживается аналогичная линия камней длиной 3,5 м, условно образующая прямой угол с предыдущей стеной. В микрорельефе линза помещения не прослеживается, однако внутренняя поверхность сильно забутована мелкими обломками камней кладки и строительным бутом. Насколько можно судить по выходу на дневную поверхность отдельных камней, с запада к помещению примыкает еще одна постройка длиной (по линии восток — запад) около 6,5 м. Ни на дневной поверхности линзы постройки, ни в обнажениях края террасы около

нее датирующего материала (кроме ручки неопределенной красноглиняной амфоры и фрагмента боспорского солена) встречено не было.

Тем не менее на самих террасах, примыкающих к упомянутому скальному останцу, встречен репрезентативный подъемный материал, говорящий о том, что этот ключевой участок «посада» цитадели использовался длительное время. Это утверждение я позволю проиллюстрировать сводной таблицей находок профилированных фрагментов амфорной тары и другим подъемным материалом, собранном, как можно заметить, на незначительной площади, вокруг скального останца и на прилегающих к нему вышеописанных террасах:

Терраса 3 расположена ниже по склону к северу от скального останца 1. Перепад высот составляет 10 м и более. Терраса вытянута вдоль склона по линии юго-восток — северо-запад на длину чуть более 50 м, ее ширина колеблется от 10 до 25 м. Поверхность террасы ровная, она сильно забутована мелкими обломками известняка и задернована. В микрорельефе террасы прослеживаются валики стен постройки, прямоугольной в плане, своей наиболее длинной осью, ориентированной по линии юго-восток — северо-запад. Примерные размеры постройки составляют 15,5—16,0 x 16—20 м. Линза постройки слегка различима в микрорельефе — она составляет -0,05—0,10 м относительно дневной поверхности террасы. На террасе встречены две современные ямы, различимые на аэрофотосъемке. Внутри постройки встречены профильные фрагменты амфор круга Фасоса [Зеест, 1960, табл. VII—VIII, 19—20], фрагменты боспорского солена и стенка пифоса местной глины.

Терраса 4. Терраса расположена под террасой 3, непосредственно на траверсе скального останца 1 (в 50—60 м севернее

Таблица II.4.J — 1. Подъемный материал с северного террасированного склона горы Опук, скальный останец 1 и прилегающие террасы (профильные фрагменты) (Рис.55).

Амфоры круга Фасоса [Зеест, 1960, табл. VII, 19] конца 3 — начала 4 четв. V в. до н.э.	2
Амфоры Менде [Зеест, 1960, табл. VII, 18] 2 четверти V в. до н.э.	4
Амфоры Хиоса с «колпачковой ножкой» [Зеест, 1960, табл. V, 14] IV — начала III в. до н.э.	7
Пепарет [Зеест, 1960, табл. XV, 32, 35] 1 — 3 четверти IV в. до н.э.	4
Гераклея [Зеест, 1960, табл. XXII, 43] IV — начала III в. до н.э.	9
Синопа [Абрамов, 1993, 3, 46] 2 половины IV — начала III в. до н.э.	6
Синопа [Зеест, 1960, табл. XIII — XIV, 28 — 31] IV — II в. до н.э.	14
Родос [Зеест, 1960, табл. XXIII — XXIV, 49 — 50], 2 половина III — II в. до н.э.	3
Красноглиняные амфоры типа найденной в Мирмекии [Зеест, 1960, табл. XXX, 72] конца II — 1 половины III в. н.э.	2
Розовоглиняные широкогорлые [Зеест, 1960, табл. XXXIV, 83], конца II — 1 половины III в. н.э.	3
Амфоры со сложнопрофилированными ручками [Зеест, 1960, табл. XXXI, 75] конца II — 1 половины III в. н.э.	4
Светлоглиняные узкогорлые типа F по Д.Б.Шелову [1965, 1978] 2 половины III — IV в. н.э.	2
Амфоры типа Делакеу [Зеест, 1960, табл. XXXIX, 100], конец III — IV — середина V вв. н.э.	3
Красноглиняные широкогорлые [Зеест, 1960, табл. XXXVIII, 96—97], 2 половина III—IV—VI вв.н.э.	3
«Корчажки», красноглиняные амфоры с веретенообразным туловом [Зеест, 1960, табл. XXXIX, 98], IV—V—VI — 1 половина VII в.н.э.	1
Светлоглиняные с рифлением типа «набегающая волна» [Якобсон, 1979, тун 5], V — 1 половина VII в.н.э.	2

него). Террасу пересекает полотно старой сезонной дороги. Площадь террасы ровная, задернованная; ее площадь составляет 24—26 м по линии север — юг, 40—50 м по линии восток — запад. На террасе в микрорельефе фиксируются выходы крупных известняковых камней крупной постройки многокамерной планировки, наибольшей длиной ориентированной по линии восток — запад. Следы южной стены этого комплекса прослеживаются на длину 30,5 м. К ней под прямым углом примыкает линия глыб западной стены постройки длиной около 19,3 м. Линия остатков восточной

стены сохранилась на длину лишь 3,5 м. Здесь, в юго-восточном углу комплекса, поверхность террасы более плотно забутована строительным бутом, а в 14,5 м от юго-восточного угла к линии южной стены под прямым углом примыкают остатки еще одной стены, прослеженные на длину более 6,0 м, это позволяет предполагать наличие здесь какой-то постройки, возможно, жилого типа. Внутри постройки собран разновременный подъемный материал — профильные части хиосских и гераклейских амфор, амфор первых веков и амфорной тары причерноморского типа.

Бытовая посуда представлена ручками кувшинов хорошо отмученной оранжевой глины и плоским поддоном кувшина бо-спорского производства.

Терраса 5. Терраса расположена под террасой 4 ниже (севернее) по склону горы. По линии север — юг язык террасы в ширину составляет 22—25 м, в своей западной части терраса, постепенно понижаясь на 1,0—1,5 м, переходит в террасу 6. Общая длина террасы составляет не менее 30 м. Поверхность относительно ровная, сильно забутована и задернована. Развалы бутового камня позволяют предполагать наличие здесь небольшой постройки примерной площадью не более 35 кв.м. Среди подъемного материала преобладают профильные фрагменты и стенки амфорной тары Хиоса IV в. до н.э. [Зеест, 1960, табл. V, 14], Синопы [Зеест, 1960, табл. XIII — XIV, 28 — 30], и Гераклеи [Зеест, 1960, табл. XXII, 42, 43, 46]. (IV — III в. до н.э.). Также встречены отдельные фрагменты амфор I в. н.э. и ручка амфоры причерноморского типа.

Терраса 6 примыкает к террасе 5 с запада. С юга она ограничена подпорной стеной террасы 7, расположенной чуть выше по склону. Эта стена в виде отдельных блоков, часть из которых поставлена на ребро, прослеживается на длину до 35,0 м. Поверхность террасы относительно ровная, забутована мелким строительным камнем и бутом, задернована. Длина террасы составляет более 40 м, ширина — 16—24 м. На поверхности террасы прослеживаются следы постройки в виде отдельных дикарных и слегка подтесанных блоков известняка. Одна линия камней, составляющая, вероятно, восточную стену комплекса, прослеживается на длину около 16,5 м. Линия камней северной стены различима на длину до 25 м. В условном юго-восточном углу комплекса располагается участок площадью до 30 кв.м,

отличающийся более плотной забутовкой, что позволяет допустить наличие здесь остатков помещения. Линза постройки практически неразличима в микрорельефе и выделяется только большей концентрацией бутового камня. Выходы внутренних стен на дневную поверхность отсутствуют. Судя по расположению пятна бута, постройка была ориентирована своей наибольшей длиной по оси В—З. На развале бута от помещения собраны профильные части и стенки амфор Хиоса IV в. до н.э. [Зеест, 1960, табл. V, 14] и амфор Синопы.

Терраса скального останца 2. Скальный останец 2 представляет собой блок, отколовшийся от тела плато и перемещенный вниз по склону горы. Массив останца невелик — он не превышает 20 м по линии восток — запад, а ширина его составляет не более 8 м. В ходе перемещения по склону горы блок оказался поставленным на ребро. Массив останца оказался препятствием для перемещения вниз по склону делювия. В результате этого вокруг останца сформировалось всхолмление, позже переработанное в большую искусственную террасу. Ширина террасы (по линии север — юг) составляет чуть более 40 м, длина ее — более 80 м, при этом на западной и восточной оконечности ширина террасы сужается до 3—5 м. Поверхность террасы ровная и сильно задернована. В центральной части террасы на дневную поверхность выходят отдельные крупные и средние дикарные блоки известняка от стен большой постройки усадебного типа. Ее южная стена по линии выходящих на дневную поверхность камней прослеживается на длину 70,5 м. Западная оконечность линии стены отстоит от края террасы на 24,0 м, восточная — на 36,0 м. К центральной части этой стены с севера примыкают остатки постройки, ориентированной по сторонам света пло-

щадью 11,5 x 16 м. Сохранились линии западной, северной и восточной стен в виде отдельных дикарных камней, выходящих на дневную поверхность. Эти камни (не более 0,60 x 0,40 x 0,50 м), отличаются от блоков внешней (южной) стены более скромными размерами. Поверхность внутри постройки сильно забутована мелким камнем, хотя линза помещений в микрорельефе ничем иным не выделяется. На юго-восточной оконечности террасы, непосредственно под скальным останцем, разбит современный окоп, в обнажениях которого фиксируется культурный слой мощностью не менее 0,30—0,40 м. На поверхности террасы и на развале постройки собран многочисленный и разнообразный подъемный материал. Амфорная тара представлена фрагментами амфор Менды, круга Фасоса, Хиоса включая пухлогорлые и экземпляры с колпачковыми доньями, фрагменты амфор Пепарет I (Солоха II), Гераклеи [Зеест, 1960, табл. XXII, 42, 43, 46], амфор с ножкой в виде высокого поддона [Зеест, 1960, табл. XIII, 26], Синопы [Зеест, 1960, табл. XIII, 29], амфор группы «Птолемеев» (Книд?) [Абрамов, 1993, 4, 23], 1-ой половины III в. до н.э. и др. Гончарная посуда представлена стенкой хиосского кувшина, декорированного тремя полосками красной краски. В целом, формирование культурного слоя данной террасы происходило с начала V, в IV в. до н.э. и, вероятно, до первой половины III в. до н.э.

Терраса 12. Северной границей террасы 12 является «язык», образованный шлейфом делювия, задержанного на склоне скальным блоком, условно названным «скальный останец 3». Площадь террасы выровнена, но имеет легкий уклон к северу. Около скального останца, у его северо-западной части, в микрорельефе прослеживаются следы постройки в виде линий отдельных выходящих на сильно задер-

нованную дневную поверхность камней. Своей наибольшей длиной постройка ориентирована восток — запад, при этом ее южной стеной является северной подпорной стеной террасы 11. Эта стена прослеживается на длину до 40 м — на дневную поверхность выходят крупные блоки размером до 0,60 x 0,80 x 0,50 м. Стена, примыкающая к подпорной стене террасы под прямым углом и, возможно, являющаяся западной стеной комплекса, прослеживается на длину до 30 м. В юго-восточном углу комплекса на площади 15x20 м прослеживается развал дикарного известняка и плотная россыпь бутового камня. На развале постройки были собраны профилированные фрагменты и стенки амфорной тары, представленной венчиками и ручками хиосских пухлогорлых амфор, амфор Менды [Зеест, 1960, табл. VII, 18], хиосских амфор с «колпачковыми» доньями [Зеест, 1960, табл. V, 14], синопских [Зеест, 1960, табл. XIII — XIV, 28 — 31], и гераклейских изделий (IV — II в. до н.э.).

Терраса 13. Эта терраса расположена непосредственно под скальным останцем 3. Ее поверхность относительно ровная, сильно задернована и практически на всей ее площади встречаются россыпи бутового материала. Ширина террасы составляет 25 — 30 м (западная и восточная части террасы соответственно), длина — 60 м. Непосредственно от скального останца перпендикулярно склону по отдельным выходящим на дневную поверхность камням прослеживается линия стены длиной 14,6 м. К центральной части восточной стороны этой стены примыкает аморфный развал камней постройки. Его площадь составляет около 30 кв.м и наибольшей плотности линза строительного бута достигает по линии восток — запад. Аналогичная линия другой параллельной стены располагается в 21 м к западу. Обе стены образуют прямой угол с северной

подпорной стеной предыдущей террасы, которая прослеживается на длину 21—22 м. Эта стена своей восточной оконечностью упирается в западную часть скального останца. Среди профильных частей амфорной тары, собранной на развале постройки, встречены фрагменты амфор Хиоса [Зеест, 1960, табл. V, 14], Синопы [Зеест, 1960, табл. XIII — XIV, 28 — 31], Гераклен [Зеест, 1960, табл. XXII, 43, 46], и Родоса [Зеест, 1960, табл. XXIV, 49], (IV — III — II вв. до н.э.) фрагменты амфор I-х в. н.э.

Терраса 14. Терраса расположена выше по склону к юго-западу от террасы 13. Терраса относительно ровная — имеет легкий уклон к северу и подъем к западу, который, начинаясь в ее центральной части, как бы делает ее двухступенчатой. Резкий перепад высот не превышает 1,0 м, в то время как относительный перепад между восточной и западной оконечностями террасы составляет 4 и более метра. Западная часть террасы выходит на скалистый условный водораздел северного склона горы Опук, который делит склон на два участка: восточный, на котором располагаются описанные выше террасы, и западный. Западный участок склона примыкает лишь к небольшому участку западной части плато. Скалистый водораздел северного склона располагается почти непосредственно под триангуляционным знаком на вершине горы.

Терраса 14 достаточно широкая — ее ширина достигает 40—43 м, длина — около 80 м, она задернована, на дневную поверхность выходят отдельные камни. В западной части террасы к выходу материковой скалы «водораздела», возможно, примыкает развал подпорной стены, следы которой крайне аморфны. В юго-восточной части той же террасы по всей ее ширине прослеживаются развалы строительного камня и бута, которые вытянуты

по линии восток — запад на длину до 26—32 м. На развале постройки были собраны многочисленные фрагменты античных амфор, профильные части представлены венчиками, ручками и доньями хиосских амфор с колпачковыми доньями [Зеест, 1960, табл. V, 14], амфор Менде [Зеест, 1960, табл. VII, 18], гераклеиских и синопских амфор.

Еще одна антропогенная терраса расположена восточнее скального останца I и тяготеет уже к восточному склону, тем не менее приведем ее описание. **Терраса северо-восточная I** расположена на восточном краю балки, поднимающейся перпендикулярно склону к оборонительной стене восточного водораздела. По ней проходит современная сезонная грунтовая дорога (тропа), и здесь, вероятно, пролежала и древняя дорога, пересекающая оборонительную стену примерно в 80 м ниже первого от плато скального останца в линии оборонительной стены. Максимальная ширина террасы по линии северо—северо-восток — юго—юго-запад достигает 76 м. Терраса расположена между двумя выходами скал (скальные останцы) и вытянута вдоль склона по линии восток—юго-восток. В восточной части прослеживаются следы межевой стены (ориентирована по линии север — юг с небольшим отклонением, прослеживается на длину до 62 м), таким образом, ширина террасы составляет 65 м. У подножия небольшого всхолмления (до 1,5 м), расположенного в юго-западном углу террасы, прослеживаются следы постройки в виде остатков двух стен, сложенных в два панциря с забутовкой из дикарного известняка. Восточная стена постройки составляла около 11,2 м, северная — 17,6 м. Внутри постройки встречены невыразительные фрагменты стенок амфор первых веков н.э., а на террасе около постройки — фрагмент венчика боспорского пифоса.

Таблица II.4.J — 2 (Сводная). Подъемный материал с северного террасированного склона горы Опук (профильные фрагменты) (Рис.55—57).

Типы амфор	Количество фрагментов
Амфоры с усеченноконусовидным дном [Зеест, 1960, табл. III, 9] 2 половины VI — начала V в. до н.э.	1
Амфоры круга Фасоса [Зеест, 1960, табл. VII, 19] конца 3 — начала 4 четв. V в. до н.э.	5
Амфоры Менде [Зеест, 1960, табл. VII, 18] 2 четверти V в. до н.э.	8
Амфоры Хиоса с «колпачковой ножкой» [Зеест, 1960, табл. V, 14], IV — начала III в. до н.э.	16
Пепарет [Зеест, 1960, табл. XV, 32] 1 — 3 четверти IV в. до н.э.	6
Пепарет [Зеест, 1960, табл. XVII, 35] 1 — 3 четверти IV в. до н.э.	3
Пантикапей [Зеест, 1960, табл. XVII, 34] конца IV — начала III в. до н.э.	2
Гераклея [Абрамов, 1993, 3. 31], 2 половины IV — начала III в. до н.э.	11
Гераклея [Зеест, 1960, табл. XXII, 43] IV — начала III в. до н.э.	16
Синопа [Абрамов, 1993, 3. 46] 2 половины IV — начала III в. до н.э.	11
Синопа [Зеест, 1960, табл. XIII — XIV, 28 — 31] IV — II в. до н.э.	41
Группы «Птолемея» (Книд?) [Абрамов, 1993, 4.23] 1 половины III в. до н.э.	4
Родос [Зеест, 1960, табл. XXIII — XXIV, 49 — 50], 2 половины III — II в. до н.э.	10
Коричневой глины (Колхида) [Зеест, 1960, табл. XXVI, 59 — 60], 2 половины III — середины I вв. до н.э.	2
С конусовидными доньями [Зеест, 1960, табл. XXIX, 70 — 71] I в. до н.э. — I в. н.э.	6
Красноглиняные амфоры типа найденной в Мирмекии [Зеест, 1960, табл. XXX, 72], конца II — I половины III в. н.э.	5
Амфоры со сложнопрофилированными ручками [Зеест, 1960, табл. XXXI, 75], конца II — I половины III в. н.э.	7
Амфоры с желобком под венчиком [Зеест, 1960, табл. XXXIII, 80], конца II — I половины III в. н.э.	2
Розовоглиняные широкогорлые [Зеест, 1960, табл. XXXIV, 83], конца II — I половины III в. н.э.	6
«Фанагорийские» [Зеест, 1960, табл. XXXVI, 86 — 87] конца II — I половины III в. н.э.	2
Красноглиняные широкогорлые [Зеест, 1960, табл. XXXVIII, 96 — 97] 2 половины III — IV — VI в. н.э.	8
Амфоры типа Делакеу [Зеест, 1960, табл. XXXIX, 100], конец III — IV — середина V в. н.э.	6
Светлоглиняные узкогорлые типа F по Д.Б.Шелову [1965, 1978] 2 половины III — IV в. н.э.	5
«Корчажки», красноглиняные амфоры с веретенообразным туловом [Зеест, 1960, табл. XXXIX, 98] IV—V—VI — I половина VII в.н.э.	4
Светлоглиняные с рифлением типа набегающая волна [Якобсон, 1979, тип 5] V — I половина VII в.н.э.	6
Амфоры северопричерноморского типа VII — X в.	5

Вторая постройка располагалась в северо-восточном углу террасы, ее следы более аморфны. Площадь ее не превышает 8 x 7 м. Внутри постройки также встречены невыразительные фрагменты стенок амфор первых веков н.э., венчик красноглинянного кувшина и кольцевой поддон кувшина красно-коричневой глины.

Третье помещение, вероятно, хозяйственная загородка, располагалась в восточной части террасы, непосредственно под скальным останцем, ограничивающим участок с востока. Размеры ее невелики — примерно 4 x 3,5 м. Внутри нее были встречены только фрагменты стенок амфоры боспорской глины. Примерная дата бытования комплекса — II — IV вв. н.э. и, возможно, позже.

Описание остальных террас я опускаю, поскольку визуальный осмотр их не выявил каких-либо достойных описания объектов. Подъемный материал на них был дробен и нерепрезентативен. Репрезентативные фрагменты учтены в общей статистике. Также я опускаю описание террас северо-западного участка склона, которые, вероятно, как я уже отмечал, имели хозяйственное назначение (возможно, огороды, загоны и тд.). И тем не менее огромная площадь, освоенная при благоустройстве террас, и значительные трудовые затраты на их освоение говорят о значительной степени заселения этой части массива горы Опук.

II.5. ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ОКРЕСТНОСТЕЙ ГОРЫ ОПУК

II.5.A. КОЯШСКИЙ ВАЛ

Фортификационная система Киммерика не ограничивалась оборонительными сооружениями на самой горе Опук — в

нее на отдельных этапах существования этого центра, удаленного от столицы государства, его малых городов и Феодосии, входила и оборона сельской территории, или, вернее будет сказать, боспорской хоры, прилегающей к этому центру и к общепоспорской пограничной системе, объединенной Узунларским валом.

Эти фортификационные сооружения вынесены за пределы урочища Опук — они расположены на перешейке Кояшского и Узунларского озер, а также на горе Кончек, расположенной на восточном берегу Узунларского озера. Вместе с оборонительными сооружениями горы Опук, на разных этапах существования Киммерика, они составляли с ним единое фортификационное целое.

Кояшский вал. Кояшское, Элькенское соленое озеро находится западнее г. Опук и имеет площадь около 10 кв. км. Оно вытянуто с северо-запада на юго-восток на 4 км. В настоящее время его глубина составляет от 0,1 до 0,6 м. Оно отделено от моря песчано-ракушечной пересыпью высотой до 2—3 м, шириной около 100 м и длиной до 3,5 км. Кояшское озеро — типичный водоем морского происхождения. Море здесь неоднократно затопливало древнюю балку, о чем свидетельствуют четвертичные морские террасы на берегах озера. Озерный режим в восточной части Кояшского озера существует не менее 2 тыс. лет. Абразия его берегов связана в первую очередь с нагонными явлениями. Наиболее интенсивно разрушаются северные берега Кояшского озера, сложенные лессовидными суглинками. От этих нагонных размывов здесь сильно пострадали два античных поселения⁶³ — Кояшское северное и северо-восточное в IV—II вв. до н.э. На северо-западном берегу озера оказалась сильно размытой стоянка поздней бронзы. Низкий озерный клиф у первого поселения отступил не менее, чем на 50 м, а у второго — не менее чем на 95 м — именно на таком расстоянии от берега из

рапы и озерного ила выступают глыбы известняка, которые, как правило, отсутствуют в суглинках клифов — из них были сооружены постройки обоих поселений. Одно из ранних кратких описаний озера сохранилось в труде П.С.Палласа: «В двух верстах от него (Узунларского озера — В.Г.), ближе к Опуку, находится маленькое соленое озеро, отделенное от моря низкой полосой земли, близ него находится деревня Тузла-Кояк. Оно лежит между возвышенностями (горы Приозерная и Острая — В.Г.) и горой Опук с западной стороны и имеет к стороне моря несколько заливов (Паллас, 1999, С. 203). За испарительный сезон в Кояшском озере осаждается значительное количество соли, которая раньше вывозилась в Турцию. Следы соледобычи в виде свай отстойников и поныне сохранились в озере у южного побережья горы Приозерная, именно их, по досадному недоразумению, при анализе аэрофотосъемки Ю.Горлов и Ю.Лопанов приняли за остатки каменного ядра Кояшского вала, размытого, по их мнению, абразионными процессами. На основании этой ложной дешифровки указанные авторы предположили, что в древности Кояшский вал примыкал к «западной» береговой оборонительной стене Киммерика (Горлов, Лопанов, 1997, с. 142). На самом деле в конструктивном отношении «западная» стена Киммерика и Кояшский вал являются двумя совершенно разными памятниками и не могли быть единым оборонительным сооружением. По крайней мере мне неизвестны среди античных памятников европейского Боспора (да и в античной археологии в целом) оборонительные валы, переходящие в крепостные стены.

Земляной вал с трапецивидным рвом на перешейке Кояшского и Узунларского озер пересекают перешеек в его наиболее узкой части по линии юго-восток — северо-запад и является логическим завершением линии Узунларского вала. С северо-запада и юго-востока вал и ров обрыва-

ются в береговых обрывах Узунларского и Кояшского озер. Вал был известен еще в первой половине XIX в. (Масленников, 2003, с. 113), однако специально до последнего времени не обследовался. Юго-восточная оконечность расположена в 1425 м севернее триангуляционного знака на г. Приозерная, в 1850 м западнее вершины горы Острая, северо-западная — в 2750 м северо-северо-западнее г. Приозерной и в 2900 м юго-восточнее триангуляционного знака на основной вершине г. Кончек. Вал и ров, сильно оплывшие, были подвержены активной распашке в 1988—1997 г. Вал прослеживается на местности и на аэрофотосъемке на всю длину (около 1925—1950 м). Юго-восточная оконечность расположена в 1425 м севернее триангуляционного знака на г. Приозерная.

Сохранившаяся высота вала в северо-западной оконечности составляет 0,92 м относительно его подошвы. В юго-восточной части, непосредственно примыкающей к площади поселения Кояшское северное, высота вала составляет до 1,22 м. Ширина вала колеблется в пределах 25—36 м. (результатом расправки вала). Исходная ширина вала, насколько можно судить по зачистке его профиля в обрыве Узунларского озера, не превышала 15 м.

Вал земляной. Как и Узунларский вал, он сооружен из комковатого коричневого суглинка, сохранившаяся мощность которого составляет до 0,90 м в обрыве берега Кояшского озера и 0,75 м — Узунларского озера. Подстилающим материком пересыпи является светло-коричневый суглинок с частыми белыми известняковыми включениями, лишенный примесей камня. Ров находится с западной, внешней, части вала, что говорит о том, что это фортификационное сооружение было ориентировано на пересыпь Узунларского озера и Черного моря — наиболее удобный прибрежный проход к г. Опук с запада. Сохранившаяся глубина рва колеблется от 0,30 до 0,90 м при ширине до 12 и более

метров. Трапецевидный ров сохранился не по всей длине — он фиксируется *en patte* только на отдельных участках, хотя на аэрофотоснимках различим по всей длине. Вал находится в поле видимости многослойного поселения, расположенного на южной подошве горы Кончек (поселение «Кончекское южное», см. раздел III. 3 J), в сторону которого ориентирована его северо-западная оконечность, а также городища Киммерик и его цитадели. При зачистке профиля вала и рва в береговом обрыве Узунларского озера датирующих находок встречено не было, однако датировку вала можно обосновать фактом расположения с его тыльной стороны трех селищ IV — III вв. до н.э. и поселения рубежа V и IV — II вв. до н.э. на его южной оконечности (Кояшское северное, о них см. ниже), в инфраструктуру которых это сооружение было вписано. Последнее поселение, сильно разрушенное абразией берега, хорошо прослеживается в микрорельефе в виде подпрямоугольного всхолмления площадью около 1,25 га, на котором расположены два невысоких более мелких всхолмления высотой до 1,7 м. Юго-западная часть уничтожена абразией берега минимум на 30 — 50 м. Северо-западная часть поселения разрушена капонирами.

Самыми ранними находками из культурного слоя являются фрагменты амфор Хиоса, Фасоса, прото-Фасоса и Менде. Остальной же материал в основном принадлежит к IV—III вв. до н.э.

Вал и ров были сооружены, вероятно, не раньше рубежа V и IV вв. до н.э. и не позже второй четверти — 30-х IV в. до н.э. Насколько можно судить по материалам разведок и небольших раскопок, ни вал, ни ров не были разрушены или перекрыты культурными напластованиями расположенных рядом перечисленных объектов, что позволяет судить об их синхронности или о более ранней датировке вала. Кроме того, лишь единичные фрагменты керамического материала оказались перемещен-

ными вспашкой за внешние (западные) пределы вала и рва.

В этой связи вал и ров также представляют особенный интерес в рамках изучения палеогеографии исследуемого региона, которая снимает недоуменный вопрос о целесообразности данного фортификационного сооружения (Масленников, 2003). Будучи сооруженными, вероятно, в начале IV в. н.э. для защиты земель Керченского полуострова, Киммерика и его хоры, вал и ров были предназначены для отражения вторжений из степных прибрежных районов юго-западной части Керченского полуострова через пересыпь Узунларского озера, что говорит о том, что в период начальной стадии нимфейской трансгрессии, сменившей фанагорийскую регрессию, пересыпь Узунларского озера была еще сушей, а на месте Узунларского озера, скорее всего располагалась проходима заболоченная балка или существовал озерный режим подобный современному. Однако в I в. до н.э., когда, вероятно, Асандром были проведены какие-то фортификационные работы на рубежах государства, и особенно в IV в.н.э., когда был модернизирован Узунларский вал и на вершине г. Опук возникает мощная цитадель, необходимости в вале и рве на перешейке обоих озер не было, что позволяет предполагать, что в то время, соответствующее второй половине нимфейской трансгрессии, пересыпь перестала существовать и Узунларское озеро превратилось в мелкий морской залив, разделив прилегающую к Киммерiku линию морского побережья. Именно этим можно объяснить постепенное разрушение вала и рва и то, что ни вал, ни ров не подверглись реконструкции, а возле них с тыльной стороны вала не появились новые поселения ни в I в. до н.э., ни в IV — VI вв. н.э., в то время как поселение с вершинной цитаделью у подножия горы Кончек продолжает существовать до раннесредневекового времени как единственный на этом участке Узун-

ларской линии сигнальный укрепленный пункт. Кроме того, уже за пределами вала, к западу от него, в первые века н.э. возникло небольшое неукрепленное селище (См. раздел III. 3. F).

II.5.B. УКРЕПЛЕНИЯ НА ГОРЕ КОНЧЕК

Фортификационные объекты на г. Кончек. Теперь обратимся к фортификационным памятникам горы Кончек (117,1 м), расположенной в 9500 м северо-западнее г. Опук (расстояние между триангуляционными знаками обеих возвышенностей) на юго-восточном берегу Узунларского озера, на 10350 м вдающегося в сушу. Узунларское озеро (от крымскотатарского «узун» — длинный, долгий, «лак» — озеро) является самым крупным озером морского происхождения в Крыму. Котловина Узунларского озера приурочена к западной части Узунларского купола, сложенного мощными майкопскими глинами. Озеро вытянуто субмеридианально и состоит из узкой северной и широкой южной частей, связанных проливом у г. Кончек. Гора резко выступает среди волнистой равнины восточного берега озера. Наиболее высокую часть этой возвышенности образует подковообразный гребень из круто наклоненных слоев среднемиоценовых известняков. Ширина озера 0,5 — 5,5 км, максимальная глубина озера в летнее время не превышает 1,0 м, в засушливые годы уровень кромки рапы находится на 0,35 м ниже уровня моря. Площадь водосбора озера составляет 259 кв.км при зеркале озера 21,2 км. Озеро отделено от моря песчано-ракушечной пересыпью шириной от 70 до 200 м и высотой 2 — 3 м. В северную часть озера, увенчанную горой Атаманской, открываются крупные балки и долины временных водотоков: Таш-Алчинская, Узунларская,

Шаклар и др. На южном склоне этой горы заканчивается линия Узунларского вала (Темир-Аксак-Индек). Во время своего путешествия по Крыму П.С.Палас посетил эти места и оставил краткое описание озера, которое в то время носило название Элькен или Итар-Алчик. Он, в частности, отмечает, что в Узунларском озере «ежегодно осаждается много соли, вывозимой в Анатолию» (Паллас, 1999, с. 203).

Узунларское озеро огибает к востоку г. Кончек, образуя крупный залив, в восточной части которого находится устье крупной водосбросной балки длиной не менее 3,5 км, в отдельных местах запруженной земляными дамбами деревни Кончек, развалины которой перекрывают многослойное поселение и сохранились на подошве юго-восточного склона горы.

Гора Кончек представляет собой возвышенность с центральным массивом и двумя отрогами — западным (99,8 м) и южным (97,3 м). Южный и юго-западный склоны горы очень круты, здесь перепад высот составляет до 5 м на 1 погонный метр склона (Рис. 61). Их прибрежные террасы узки и не превышают в ширину 10 м. Западный склон горы изрезан балками, в тальвеге которых произрастают редкие кустарники. Северо- и юго-восточный склоны более пологи. На подошве юго-восточного и южного склонов расположена широкая прибрежная терраса. Наиболее крупная балка расчленяет южный и центральный массивы горы. Источников воды нет, единственным методом водозабора является поверхностный водосбор по склоновым балкам и балке восточного берега озера. Не исключена, однако, и возможность сбора конденсата (в небольших объемах) на подошвах скальных массивов горы, а также выработка пресноводных линз на берегу озера. Безводность и сложные географические условия обусловили

слабую обжитость окрестностей г. Кончек в древности.

Поселение Кончекское южное площадью около 3 га является единственным крупным памятником (см. раздел III. 3. J), расположенном на прибрежной террасе юго-восточного склона южного отрога г. Кончек (Рис.61). Поселение имело несколько этапов существования: к наиболее ранней группе находок относятся немногочисленные дробные фрагменты лепных сосудов эпохи бронзы; к находкам следующего исторического периода относятся многочисленные профильные части амфор и столовой посуды античного времени. Раннесредневековый материал представлен многочисленными профилированными фрагментами корчаг причерноморского типа, кувшинов с плоскими ручками и фрагментами рифленых горшков салтово-маяцкого облика. Заселение этой части горы, вероятно, связано с наличием в береговых обрывах выходов керченских железных руд.

Это поселение интересно для нас тем, что на вершине крутого южного отрога г. Кончек, господствующего над поселением, находятся остатки его небольшой цитадели. Стена этой крепости обнаружена автором в современных обнажениях на северном склоне отрога и фиксируется визуально на дневной поверхности в виде выхода отдельных камней. Они прослеживаются не менее чем на 25 м вдоль кромки северного склона узкой (25—30 м) уплощенной вершины сопки. Разведочным шурфом был зачищен участок стены шириной 1,0 — 1,1 м, сложенной из крупных подтесанных прямоугольных блоков известняка. Эта двухпанцирная с забутовкой мелким рваным камнем стена сохранилась на высоту двух рядов кладки (Рис.62). На поверхности вершины и в слое шурфа собраны немногочисленные маловыразительные дробные фрагменты амфорной

тары эллинистического времени и первых вв.н.э. Круто наклоненные склоны сопки позволяли даже небольшому гарнизону выдержать непродолжительную осаду. Однако скорее всего она выполняла контрольно-сигнальные функции. С этой вершины открывается прекрасная перспектива всех восточных, южных, западных и северо-западных окрестностей Узунларского озера, в том числе Кояшского вала и поселений на перешейке Кояшского и Узунларского озер, горы Атаманской с оконечностью Узунларского вала, гор Приозерная и Острая, городища Киммерик, цитадели на плато г. Опук, а также панорама морской акватории и побережья.

Не подлежит сомнению, что эта крепость неукрепленного поселения входила в оборонительную систему Узунларского вала и Киммерика.

II.6. ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ФОРТИФИКАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ КИММЕРИКА

Как мы видим, сохранившиеся остатки фортификационных сооружений на г. Опук и в ее окрестностях разновременны, и среди них наиболее репрезентативными являются памятники первых веков н.э. Ранние оборонительные сооружения пока не выявлены, хотя оборонительная система раннего Киммерика могла просто не сохраниться в условиях интенсивного строительства на городище и вершинном плато в первые века н.э. При этом фортификационная система раннеантичного (независимого) Киммерика вряд ли была внушительной — в начале V в. до н.э. боспорские города были небольшими (Шелов-Коведяев, 1985, с.75), и сам Пантикапей, хотя и был наиболее крупным среди них городом, располагал незначительным

населением и был неукрепленным городом (Толстиков, 1984, с.37—38). Тем не менее, некоторые факты указывают на то, что на г. Опук на рубеже VI—V в в V в. до н.э. располагалось некоторое убежище, о чем говорит наличие раннего культурного слоя под мусорными напластованиями зольника цитадели, находки фрагментов ранней амфорной тары на обжитом террасированном северном склоне горы, постройки которого могли тяготеть к раннему убежищу на горе, а также наличие на склонах горы, у ее подошвы и в ее ближних и дальних окрестностях неукрепленных сельских поселений (см. раздел III.3.). Наиболее удобным местом для убежища, не требующим больших затрат при его строительстве, оставалось плато горы, прекрасно укрепленное самой природой. С него открывалась панорама всех окрестностей и прилегающей акватории.

Скорее всего система обороны города в это время не отличалась от обычных схем (Winter, 1971, p.32) — укрепление на вершинном плато (маркировано ранним материалом из зольника и с северного склона горы) и сельские поселения на склонах горы, равно опирающиеся на фортификационные качества рельефа, и само убежище на плато и входящие в инфраструктуру «полиса» Киммерика (см. раздел I.6.). Благодаря наличию источников воды, хлеба, удобных якорных стоянок, равному удалению от Пантикапея и Феодосии, Киммерик мог представлять определенный интерес для Афинского морского союза после посещения Понта Периклом. Однако вряд ли Афины проводили здесь какое-либо активное фортификационное строительство.

После вхождения Киммерика в состав Боспорского государства стратегическое значение города значительно усилилось. Особенно это должно было проявиться в годы длительной войны с Феодосией и Ге-

раклеей. Эта война была начата ранними Спартокидами, вероятно, в конце 90-х гг. IV в. до н.э. (Петрова, 2000, с. 74). Хронология этих событий до сих пор спорна. Завершение начатой Сатиром I (433—390 гг. до н.э.) войны с Феодосией, посылку Гераклеей 40 кораблей на помощь Феодосии и десант гераклеотов на боспорской территории одни исследователи относят к правлению Левкона I (около 390—355 гг. до н.э.), другие — Левкона II (около 240—220 гг. до н.э.) (Шелов, 1950, с.173; Шелов-Коведяев, 1985, с.115—124.). Война, судя по всему⁶⁴, была завершена уже во второй четверти IV в. до н.э. (спорная дата 366—364 гг. — см. Завойкин, 2000 а, с. 265—266). Участие в ней Гераклеи, неформленность по праву завоевания западных границ Боспора, близость к Феодосии владений крымских скифов, отношения с которыми диаметрально менялись (так, из речи Демосфена против Формиона мы узнаем о последующей войне Боспора со скифами при Перисаде I 347—342—309 гг. до н.э.) и другие факторы могли послужить причиной сооружения (или усиления) Узунларской линии обороны включая Кояшский вал.

Определение времени покорения Феодосии имеет принципиальное значение и для изучения фортификации Киммерика. Так, если «феодосийская» проблема не была разрешена на протяжении длительного времени, на протяжении которого постоянно сохранялась военная угроза со стороны сторонников отделения Феодосии, это наверняка должно было бы отразиться на масштабах фортификационного строительства в Киммерике. Однако следы активного строительства этого времени здесь пока не зафиксированы, но в это время, как мы отмечали, наблюдается значительный рост сельских поселений в окрестностях Опука что, говорит, в частности, об определенном изменении

локальной демографической ситуации, которая должна была стимулироваться военно-политической стабильностью рассматриваемой территории.

Мы не знаем, какая именно роль отводилась Киммерику в войне с Феодосией, хотя не исключено, что, будучи бесспорно стратегическим узлом на черноморском побережье европейского Боспора он мог использоваться и как морская база или промежуточный плацдарм. При этом следует подчеркнуть, что территориальные владения ранних Спартокидов в момент начала войны и в ходе ее были на стадии становления, а Киммерик оставался единственным наиболее отдаленным к западу и, соответственно, Феодосии, городом, присоединенным к Боспору в конце V в. до н.э. Иных пунктов, приближенных к Феодосии, у Боспора не было. Кроме того, до окончательного присоединения Феодосии *de facto et de jure* официальной границей Боспора могла быть линия Узунларского вала, а на побережье — древний Киммерик, в то время как остальная западная часть полуострова до границ владений Феодосии могла оставаться своеобразной буферной зоной с варварским полуселением.

Город стал прикрывать линию Узунларского вала со стороны моря и с юго-запада и, вероятно, с этой его функцией связано сооружение вала и рва на перешейке Кояшского и Узунларского озер, усиленных отдельными поселениями сторожевого типа (Кончекское, Кояшское северное). Возможно, на городище и цитадели (убежище) было проведено какое-то дополнительное фортификационное строительство, однако пока строительными остатками оно не зафиксировано, что составляет одну из важнейших перспектив дальнейших раскопок цитадели и ранних напластований на самом городище Киммерик. (Предлагаемая Ю.В.Горловым

хронологическая и пространственно-архитектурная реконструкция оборонительных сооружений г. Опук крайне спорна и лишена археологической достоверности — См.: Горлов, Лопанов, 1997; и тем более, — Горлов и др., 2005, с. 76, рис.1). Как мы увидим далее, на период IV — I половины III в. до н.э. на хоре Киммерика наблюдается значительное демографическое оживление — большинство античных памятников округа Опука датируются этим временем. Наиболее удаленные от Киммерика поселения берега Кояшского озера и поселение Кончекское в равной степени находились под защитой Кояшского рва и вала на перешейке, а также должны были опираться и на стены Киммерика и его цитадели, ибо большинство сельских поселений округа Киммерика, как мы увидим ниже, не имеет следов каких-либо укреплений.

Сельские поселения округа Опука функционируют на протяжении IV—III вв. до н.э., но позже этой даты их число резко сокращается, зато жизнь города значительно рустифицируется. Каких-либо новых данных об эволюции фортификационной системы в это время мы пока не имеем. Также неизвестно, какие изменения произошли в Киммерике при Митридате VI Евпаторе, Фарнаке и Асандре — конкретных оборонительных сооружений этого времени не обнаружено, хотя вал, оборонительные сооружения Киммерика и убежище на плато продолжали существовать, о чем говорят скупые находки амфорной тары конца II в. до н.э. — I в.н.э. на городище, мусорные напластования с материалами этого времени на зольнике цитадели. Кроме того, не исключено, что Киммерик, как многие боспорские города, мог сильно пострадать от землетрясения 63 г. до н.э. Павел Оросий (род. около 380 г. — V в.н.э.) в своей всеобщей истории сообщает, что землетрясение разрушило

Пантикапей, ряд городов и хору Боспорского царства: «В то время как Митридат справлял в Боспоре (Пантикапее — В.Г.) праздник Цереры, внезапно произошло такое сильное землетрясение, что, говорят, за ним последовали большие бедствия для городов и полей...» [P.Oros., VI, 5, 1]. Страбон, описывая путь из Боспора Киммерийского в Танаис, отмечал, что европейское побережье Меотиды до Танаиса, включая, вероятно, и Азовское побережье Керченского полуострова, пустынно [Strabo, VII, 4, 5]. Плиний приводит сведения о том, что «Понт поглотил города Пирру и Антиссу, лежавшие у Меотиды» [Plin., NH., II, 206] в Керченском проливе А.А. (Никонов, 2001, с. 241—246 — на мысах Хрони и Фонарь).

Точная датировка частично сохранившихся укреплений городища Киммерик, воспроизведенных на плане Бларамберга, пока невозможна, скорее всего они воздвигнуты в I — II в.н.э., когда эта часть городища оказалась наиболее освоенной. Среди подъемного материала фрагменты поздних типов амфор Родоса, Коса и светлоглиняных амфор с двустольными ручками, говорящих об активности городской жизни при Митридате VI и Асandre, встречены не были. Упоминаемые в отчетах И.Б. Зеест и И.Т.Кругликовой фрагменты амфор Коса по приведенным описаниям точной датировке не поддаются — неясно представлены здесь ранние или поздние типы этих сосудов, поступавших в Северное Причерноморье в III — II и до третьей четверти I в. до н.э. (Абрамов, 1993, с. 44). Единственно достоверной является находка 4-х фрагментов светлоглиняных амфор с двустольными ручками второй четверти I в. до н.э. — середины I в.н.э., приходящихся на время правления Асандра, зафиксированы в культурном слое «Берегового» раскопа (Кругликова, 1952 а, отчет). Отсутствие значительных

остатков времени Асандра, возможно, говорит о том, что Кояшское озеро к этому времени представляло собой естественную преграду и значительной реконструкции оборонительных сооружений города проведено не было, — возможно, фортификационные работы в окрестностях Киммерика были ограничены реставрацией Кояшского вала и, возможно, выразились в одном из пока невыявленных строительных этапов цитадели Киммерика на плато горы. Следует заметить, что в слоях зольника встречены находки, датирующиеся I в. до н.э. — I в.н.э., хотя напластования этого времени достаточно незначительны. Возможно, это говорит о том, что каких-либо крупных реконструкций крепости ни во времена Митридата VI, ни при Асandre не проводилось.

«Рустификация» жизни городища в I-е вв. н.э., которую отмечали И.Б.Зеест и И.Т.Кругликова, не относится к сокращению сельскохозяйственного производства, а скорее всего является следствием изменения социально-экономических условий в землепользовании, одним из проявлений которых явилось исчезновение «пригородных» сельских поселений и селищ. Сельские поселения, вероятно, стали сезонными обиталищами скромных размеров и могли почти не сохраниться.

В I в. н.э. Боспорское государство, войдя в сферу активного влияния Рима, переживает некоторый подъем. В государстве осуществляется обширная фортификационная программа по совершенствованию обороны западных границ и ряда городских укреплений (Илурат, дополнительная стена в Китее и т.д.). Возрождение торговли в I — II вв. н.э., возможно, стимулировало товарность сельского производства Киммерика, с чем, вероятно, связано расположение производственных объектов непосредственно в самом городе (аналогичная мукомольня III—IV вв.н.э. зафик-

сирована также в Китее). Однако натиск кочевников, пришедший на конец I — II в. н.э. — время правления Рескупорида II и Савромата I, также мог стимулировать активное фортификационное строительство на обоих берегах Боспора и русификацию Киммерика. Особенно интенсивные и успешные военные действия против скифов, а также понтийских пиратов вел Савромат II, в конце II в.н.э. сломивший скифов и присоединивший к Боспору Таврику (КБН, 1237, надпись датирована 193 г.н.э.). Отныне Савромат II (174/5 — 210/11 гг.) становится не только царем всего Боспора, но и тавроскифов. В другой надписи (КБН, 1008) сын Савромата Рескупорид III также выступает как царь Боспора и тавроскифов. С событиями времени правления Савромата I (93/4 — 123/4 гг.), Котиса II (123/4 — 132/3 гг.) и, главным образом, Савромата II, выразившихся в постоянной угрозе со стороны варваров, в войнах Боспора с тавроскифами, сарматскими племенами на обеих сторонах пролива и понтийскими пиратами, вероятно, и связано усиленное фортификационное строительство на городище Киммерик и, возможно, на вершинном плато. Однако поскольку в ходе последней реконструкции цитадели предшествующие постройки были полностью сnivelированы до материка, поиски остатков строительных конструкций возможны только при широкомасштабных раскопках внутренней части крепости. Факт наличия строительного периода этого времени в жизни крепости и, возможно, проведения здесь дополнительных фортификационных работ косвенно подтверждается обилием находок амфорной тары конца II — III в. н.э., и напластованиями мусорного слоя этого времени в зольнике цитадели, наличием того же материала на северном и восточном террасированных склонах горы, развитием крупных усадеб под крепостью

(см. раздел III.4) и расцветом городища Киммерик. Возможно, фортификационные работы совпадают с аналогичными работами, проводившимися в Танаисе в 163 г.н.э. и до 20 — 30-х гг. III в. (Гайдукевич, 1949, с. 337 — 338, там же ссылки на надписи Трифона и Аврелия Антонина) и составлявшими единую программу усиления границ для отпора натиска варваров.

В 40-х годах III в.н.э. на всей северной границе Римской империи началось новое наступление варварских племен, образовавших союз и получивших в источниках общее название «скифов» и «готов». Рим был вынужден вывести свои войска из Северного Причерноморья, однако, стремясь обеспечить себе плацдармы в Северном Причерноморье, оставляет их в Ольвии и в Херсонесе. Именно с готскими походами 50—60 гг. III в.н.э. (Zos., I, 39; Ременников, 1954, с. 114 — 120; Буданова, 1990, с. 97 — 99) традиционно связывают гибель городища Киммерик на приморском склоне горы. Жизнь на городище после пожара постепенно затихает, и ядро города перемещается на плато и северный склон горы, скрытый от моря и защищенный плато, с расположенным на нем убежищем-крепостью.

Разрушение (скорее, запустение — В.Г.) прибрежного городища было не единственной причиной переноса города на гору Опук. Постепенно, с формированием пересыпи Кояшского озера, мелеет гавань Киммерика; город продолжает испытывать трудности с водоснабжением, поскольку основные источники расположены в его окрестностях, а не на территории города. Кроме того, городище, в отличие от цитадели, располагает значительно более скромным обзором прилегающей территории и акватории, что в условиях набегов варваров, в том числе и с моря, делает город более уязвимым.

Заключительная кардинальная реконструкция цитадели и оборонительных стен на восточном и юго-восточном склонах горы, как мы уже отмечали выше, связано с изменением боспорских границ после поражения Боспора в третьей херсонесско-боспорской войне, когда Киммерик вновь становится пограничным городом. Именно с этим обстоятельством связана монументальность новых оборонительных сооружений на вершинном плато и восточном склоне горы, вряд ли доступная рядовому боспорскому городу этого времени. Поскольку одновременно производится реконструкция Узунларского вала, в то время как Кояшский вал не обновляется, мы можем говорить, что у Узунларского озера в этот момент существовал лиманный режим.

Долгое время считалось, что с проникновением в Крым гуннов при императоре Валенте (364—378 гг.) во время их продвижения в Дунайский регион новая волна варваров захватила Боспор (Пантикапей) и razорила и уничтожила города и сельские поселения европейского Боспора. Лишь в Пантикапее и в ряде прилегающих малых городов жизнь позже постепенно возродилась (Гайдукевич, 1949, с. 479—484; Gajdikevic, 1971, s. 497 ff и последующие исследователи). А.И.Айбабин в своем исследовании «Этническая история ранневизантийского Крыма» на подробном анализе археологического и историографического материала убедительно доказал, что «города и поселения восточной части европейского Боспора и сама столица не пострадали ни во время гуннского вторжения на полуостров, ни после захвата ими крымской степи и примыкавшего к Феодосии региона» и «захват гуннами небольшой части европейского Боспора не оказал заметного отрицательного воздействия на экономику царства» (Айбабин, 1999, с. 79). Оставив в стороне

обзор этой страницы Боспорской истории, отметим, что, по наблюдению Айбабина, кочевнические погребения интересующего нас времени в Восточном Крыму немногочисленны: они встречены около Феодосии и у пос. Марфовка (Айбабин, 1999, с. 71), расположенной с запада около Узунларского вала — восточнее — за линией вала подобные погребения не встречены. Правильность выводов А.И.Айбабина подтверждают материалы раскопок цитадели Киммерика (Киверника), поскольку в ее строительных остатках вплоть до ее гибели в I половине VI в. пока не зафиксировано каких-либо разрушений ни конца IV в., ни V в., когда часть гуннов решила вернуться в Приазовье. Судя по всему, она продолжала функционировать как пограничная боспорская крепость.

Примечание

¹ Справедливости ради следует отметить, что греческое фортификационное искусство развивалась также используя достижения полиоркетики государств Древнего мира — Египта и Переднего Востока, Лидии и Ахеменидского государства.

² Сооружение рва у крепостной стены IV в. до н.э. вокруг Китея скорее всего следует связывать с неблагоприятными геологическими условиями, крайне низкое залегание материковой скалы позволяло осуществлять подкоп под оборонительные стены

³ Мирмекий имел в IV в. до н.э. оборонительную стену толщиной 2,20—2,50 м, Китей в IV в. до н.э. — 2,5 м., Пантикапей и Тиратака в III—II вв. до н.э. — около 3,00 м, Порфмий в III—II вв. до н.э. — около 2,00 м.

⁴ Проблема хронологии знаменитых боспорских валов и идентификации некоторых из них остается и поныне актуальной, хотя в последние годы вопрос о датировке ряда валов, похоже, сдвинулся с мертвой точки.

⁵ О. Шуази отмечает, что укреплений, окруженных рвами, мы не знаем (История архитектуры. Т. I. М., 1935, с. 383), однако этот тезис в настоящее время крайне спорен.

⁶ Автор крайне признателен А.В. Гаврилову за ознакомление на местности с выявленными остатками этих оборонительных сооружений.

⁷ Как мы увидим ниже, проведенные в IV в. н.э.

работы по реконструкции Узунларского вала, способствовавшие его лучшей сохранности в настоящее время, не позволяют сопоставить метрические данные обоих сооружений.

⁸ Например: Сокольский Н.И. Валу в системе обороны Европейского Боспора // СА. 1957, вып. XXVII, с.95 (вал «отражает сокращение киммерийской территории в Крыму под натиском скифов с запада»).

⁹ К.Э.Гриневиц относит строительство вала к периоду от 405 г. до н.э. до завоевания Спартокидами Феодосии (Оборона Боспора Киммерийского // ВДИ, 1946. № 2, с.160—164; Он же. Оборона Боспора Киммерийского на основании археологических материалов // Ученые Записки Государственного Томского университета, 1947, № 7, с.58—60).

¹⁰ Н.И.Сокольский не разделял это мнение — как он полагал, поскольку при Асандре весь Крым входил в состав Боспорского царства, не было смысла в сооружении вала на Керченском полуострове. По его мнению, он должен был быть возведен на Перекопе (Валу в системе обороны Европейского Боспора // СА, 1957, вып. XXVII, с.104). В работе, посвященной исследованию вала, И.И.Бабков предлагает компромиссный вариант — либо искать вал Асандра на Перекопе, либо признать им Узунларский вал, «проходящий через середину Керченского полуострова» (Бабков И.И. К вопросу о местонахождении Асандрова вала // История и археология Древнего Крыма, Киев, 1957, с.291. Впрочем, в числе недавних работ следует упомянуть и гипотезу А.А.Масленникова, который предлагает считать стеной Асандра сумму длин всех валов Керченского полуострова (Масленников А.А. Еще раз о боспорских валах // СА, 1983, № 3, с. 17—18), что сомнительно.

¹¹ Аналогичный прием насыпи вала крупными комками грунта автор наблюдал на Перекопском валу.

¹² Пользуясь возможностью поблагодарить С.Г.Колтухова за предоставление оперативной информации об этих исследованиях и их результатах.

¹³ А.А.Масленников отмечает, что ров был прорыт механизмами и лишь зачищен нами вручную, что, по его мнению, сказалась на обмерах (Масленников, 2003, с. 107). Кроме того, А.А.Масленников при знакомстве с краткой публикацией результатов работ не обратил внимание, что при раскопках вала, выполненных вручную рядом с траншеей газопровода, была «поймана» одна из границ рва (Ланцов, Голенико, 1999). Указанная авторами ширина рва, равная на этом участке 17 м, почему-то вызвала сомнение у А.А.Масленникова, в то время как ширина рва у него варьирует до 20 (Масленников, 2003, с.50) и реже чуть более.

¹⁴ Проводилось трижды и снимались показания спидометра, результаты были усреднены.

¹⁵ Определение реальной длины вала при всей кажущейся простоте является достаточно сложной задачей: определение по спидометру автомобиля, инструментально, картографически формализовано или мерным шагом при сложности рельефа и протяженности объекта так или иначе вносит определенную ошибку в измерения. Кроме того, при замерах длины вала в его северной оконечности, на мой взгляд, следует учитывать и расстояние от сохранившегося вала до уреза воды Казантипского залива.

¹⁵ Эти изменения были обусловлены использованием больших армий, угрозой подкопов (усиливавших значение мощного заглубленного фундамента и рвов), неэффективностью обороны обширных территорий, совершенством осадной техники и т.д.

¹⁶ Этот план воспроизведен в упомянутой статье Ю.Ю. Марти.

¹⁷ Здесь уместно отметить, что для строительных древностей Опука античного времени круглые постройки не характерны.

¹⁸ Sic.

¹⁹ Здесь следует заметить, что северо-западный склон горы на границе городища выстлан рыхлыми суглинками, крайне нестабильными в дождливый период.

²⁰ В отчете о раскопках (Архив ИА РАН, дело Р—422—24, с.2) упоминаются следующие синонимические клейма (прочтение, вероятно, Д.Б.Шелова):

1. — — ΕΝΟΥ/ Γ(?)Α(Δ?,Α?)ΙΟΥ/ колесница с возничим вправо;

2. ΑΣΤΥΝΟΜΟΥΝΤΟΣ/ — — ΤΡΙΟΥ/ — — ΙΟΥ/ голова влево;

3. — — ΙΣ(?)ΙΥΝ/ΕΥΧΑΡΙΣΤΟ.../ΚΑΛΛΙΣ.../ ΔΙΟΝΥΣ...

²¹ΑΡΧΟΥ (Архив ИА РАН, дело Р—422—24, с.2).

²² Сравни ссылку на И.Б.Зеест в конце этого абзаца.

²³ В «Археологии СССР. Античные государства Северного Причерноморья» И.Т.Кругликова приводится более уточненную дату гибели города — 2 половина — конец III в. н.э. (с.72).

²⁴ Раздел подготовлен совместно с А.А.Клюкиным.

²⁵ В настоящее время этот участок стены не сохранился.

²⁶ Данный анализ построен на результатах совместных полевых исследований А.А.Клюкина и автора.

²⁷ Завешкована А.А.Клюкиным.

²⁸ Описания П. Дюбрюксом древностей г.Опук свидетельствуют о том, что к первой половине XX столетия памятнику был нанесен значительный

ущерб выборкой строительного камня, кроме того, в 1990 г. на плато были сооружены капониры войск ПВО, в ходе строительства которых прокладкой дороги была разрушена центральная часть стены цитадели и примыкающий к ней культурный слой.

²⁹ В 1990 году военными строителями при прокладке дороги на вершину горы был уничтожен участок восточной границы цитадели над обрывом плато минимум на ширину 10—18 м и на протяжении 60 м.

³⁰ О подобной возможности говорит, на мой взгляд, несколько отличная манера кладки в нижних рядах стены.

³¹ С.Д.Крыжицкий полагает, что следует исходить из пропорции ширины куртины к ее высоте как 1:2 (Крыжицкий С.Д. Ольвия. Историографическое исследование архитектурно-строительных комплексов. Киев, 1985, с.142.), а не 1:3. В отчете о работах в 1994 г. один из фрагментов этих амфор, происходящий из рассматриваемого слоя, ошибочно определен как принадлежащий амфоре «светло-оранжевой глины с обмазкой» (Зеест, 1960, тип 77). Здесь следует заметить, что для этого необходимо знать, являлась ли стена цельнокерамической или имела сырцовую верхнюю часть суперструкции.

³² Участие в работах также принимал А.В.Джанов.

³³ Грабительскими раскопками 2003 г. на линии помещений было частично вскрыто аналогичное описываемым помещению, датирующееся, судя по оставленным грабителям фрагментам амфорной тары (Зеест, 96; амфоры типа Делакеу, краснолаковой посуды и др.) тем же временем. Примечательно, что в помещении была найдена известняковая ступа (верхний диаметр — 0,55 м, нижний — 0,65, верхний диаметр отверстия — 0,35 м, глубина — 0,30 м), а в кладке стены — отесанная прямоугольная известняковая плита, скорее всего от более ранней постройки.

³⁴ Уничтоженного как прокладкой старой дороги на само плато, так и военно-строительными работами.

³⁵ В отчете о работах в 1994 г. два венчика этих амфор, происходящие из рассматриваемого слоя, ошибочно определены как принадлежащие амфорам «с клювообразными венчиками и желобчатым венчиком» (Зеест, 1960, типы 73 и 80).

³⁶ В отчете о работах в 1994 г. один из фрагментов этих амфор, происходящий из рассматриваемого слоя, ошибочно определен как принадлежащий амфоре «светло-оранжевой глины с обмазкой» (Зеест, 1960, тип 77).

³⁷ При этом он опирался на факт находок фрагментов «мегарских» чаш — В.Г.

³⁸ В.Ф.Гайдукевич датировал их несколько более ранним временем: «Найденные в помещении VII об-

ломки краснолаковых блюдец с оттиснутым на дне с помощью штампа крестами относятся к последней четверти IV — V вв. н.э., т.е. к периоду, когда на месте Тиритакки возникла усадьба и вновь обосновались жители, использовавшие это строение лишь частично. Обломки блюдец вышеуказанного типа обнаруживались в завалах над слоем пожара и в других помещениях усадьбы» (Гайдукевич, 1952, с.126—127, рис. 160,161).

³⁹ За последние годы был обнаружен ряд новых кладов интересующего нас времени: Шумреченский, Анапского района (1972) и Батарейский клад (1975) из Темрюкского района Краснодарского края (Исанчурина Р., Исанчурина Е., 1989, с. 92—93), но их состав не меняет общей картины.

⁴⁰ К сожалению, автор вынужден опираться лишь на устаревшую сводку, приведенную в работе Кругликовой И.Т. Боспор в позднеантичное время. М., 1966, с. 192—193, и незначительное количество статей, вышедших в последнее время и оказавшихся доступными автору.

⁴¹ В начале 1980-х годов автору посчастливилось принять участие в археологических разведках с применением аэрофотометодов под руководством К.К.Шихина, в ходе которых были обнаружены многочисленные участки культурного слоя позднеантичного времени в окрестностях Коктебеля и в долине под южным склоном Таракташа. К сожалению, результаты этих разведок не были обработаны должным образом.

⁴² Проблему датировки рассматриваемых событий см.: Зубарь В.М. Северный Понт... с.159.

⁴³ Городище Киммерик расположено на другом, приморском склоне горы на расстоянии более километра от плато и цитадели, расположенной на нем.

⁴⁴ Находка столь уникального для Северного Причерноморья эпиграфического документа вызвала неадекватную реакцию, порой граничащую со скепсисом (См., напр.: Голенко, Юрочкин, Синько, Джанов, 1999, с.77, ссылка 1; Шалыга, 2000), однако у специалистов подлинность этого памятника сомнений уже не вызывает (Хлезов, 2001).

⁴⁵ В рамках этого исследования у нас нет возможности анализировать археологическую обстановку на всем Керченском полуострове.

⁴⁶ Пользуясь возможностью выразить свою признательность А.Л.Ермолину за ознакомление с памятником и возможность сделать краткую ссылку на результаты этих работ, которые продолжаются и поныне.

⁴⁷ Однако, справедливости ради отметим, что описание глин до настоящего времени остается достаточно субъективным: к условно «красноглиняным» амфорам мы продолжаем, иногда традиционно, относить и изделия, формованные из глин различных оттенков светло-коричневого тона, а к коричневым

— иногда интенсивно красные до бурого цвета глины. В английском языке разница в цветах «red» (красный) и «brown» (коричневый), включая определение «bright» (яркий, светлый), более определенная.

⁴⁸ Наблюдения были любезно предоставлены А.А. Клюкиным.

⁴⁹ А.В.Сазанов в одной из своих недавних публикаций доводит верхнюю дату этого амфорного типа до третьей четверти V в. (Сазанов, 2002, с. 32)

⁵⁰ Я имею в виду подтесы скалы плато под тело стены в месте соединения с оборонительной стеной цитадели, которые являются упомянутыми выше «ступенями, ведущими в гробницу» П.И.Дюбрюкса. Промер дан по линии самой стены.

⁵¹ Непрístupный с мористой стороны скальный останец и относительная его близость к береговой линии.

⁵² На мой взгляд, то обстоятельство, что рассматриваемый участок стены сохранился лишь в отдельных обрывках кладки, обусловлено тем, что здесь проходит дорога, ведущая от источника («фонтана») к деревне Опук. Вероятно, близость к дороге и окраине деревни могла послужить причиной, что именно этот участок стены был в первую очередь разобран жителями деревни.

⁵³ Обозначения бухт даны относительно мыса Опук. Так, первая «Восточная» бухта расположена непосредственно под ныне действующим каптированным источником. В ней расположены следы постройки раннесредневекового времени (см. ниже) с береговым колодезем и размещался лагерь Южно-Боспорской экспедиции.

⁵⁴ Выше которой располагается каптированный колодезь с пристроенными в новое время корытами-поилками для скота.

⁵⁵ В их числе — И.Б.Зеест, 1960, типы 76, 79, 90, 96—97, 100; светлоглиняные типов F и E по Д.Б.Шелову, типа M.238 — по Робинсон.

⁵⁶ В их числе — И.Б.Зеест, 1960, типы 73, 79, 84, 96—97, 100; светлоглиняные типов F и E по Д.Б.Шелову, «коричневой глины» (Колхида, тип IV).

⁵⁷ К сожалению, крайне скудным — отдельные подтесы скальных останцев и невыразительные под-

рубки отдельных блоков стены.

⁵⁸ Предполагать, что она была возведена независимым полисом, членом Афинского союза, просто абсурдно.

⁵⁹ Так, например, склеповый могильник цитадели (см. далее) компактно расположен на одной замкнутой террасе, образованной скальным останцем и стеной, в то время как ограбленные «каменные» ящики, вероятно более раннего времени, расположенные ниже по склону, оказались разделенными этой стеной.

⁶⁰ По склонам и сторонам «дороги и глубокого оврага» — Дюбрюкс, 1858, с.78 и перпендикулярно линии гребней, по восточному склону ущелья, ведущего на пост ВМФ — В.Г.

⁶¹ Следы древней дороги, переваливавшей через скальный останец и далее ведущей по склону западного гребня и юго-западному береговому обрыву горы, принадлежат к единственно удобному в этой части побережья Опука маршруту с вершины и цитадели на западный склон горы к городищу Киммерик.

⁶² Следы террасирования имеются и на восточном склоне горы, однако часть комплексов на них (северо-восточная) перекрыта постройками деревни Новый Опук.

⁶³ Археологические памятники будут описаны ниже в соответствующем разделе.

⁶⁴ Левкон I — «архонт Боспора и Феодосии» (КБН, № 1111), строительство порта Левконом по свидетельству Демосфена [adv. Lept., XX, 33, речь 355 г. до н.э.].

** Наиболее полной сводной работой, посвященной позднеримской краснолаковой керамике, является работа Дж.Хейса (Hayes, 1972), часто используемая отечественными исследователями (Сазанов, 1989), однако механический перенос типологии Хейса на находки краснолаковой посуды из Северного Причерноморья не всегда вполне корректен (ср.: Юрочкин, Зубарев, 2001). Тем не менее, мы сохраним ссылку на эту типологию, в первую очередь, на группу «позднеримский С».

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ГОРЫ ОПУК И ЕЕ ОКРЕСТНОСТЕЙ

В окрестностях Опука расположены многочисленные археологические памятники от эпохи бронзы до раннего средневековья¹, которые так или иначе тяготели к этому горному массиву как в силу его природных условий, так и его административно-территориального главенства в регионе. Лишь единичные античные сельские памятники региона подвергались небольшим разведочным раскопкам, поэтому в целом для нас остается неизвестной сама организация хоры Киммерика, неизвестно, были ли сельские поселения (за исключением крупнейших из них) стационарными или сезонными хозяйствами. Большая часть памятников последние десятилетия была подвержена активной распашке, поэтому вряд ли удастся исследовать какие-либо значительные строительные остатки, хотя изучение заполнения хозяйственных ям и других объектов, заглубленных в почву, позволит получить материалы по хронологии поселений и экологии региона в тот или иной хронологический период. Определенную информацию, бесспорно, даст изучение могильников, однако описание некрополей по определенным причинам мы опускаем. Также не будут включены в обзор незначительные археологические объекты, не заслуживающие особого внимания (отдельные распушки культурного слоя, скопления керамики без привязки к памятнику, полностью распаханные мелкие селища или хутора, кошары, которые удалось зафиксировать в ходе разведок, и т.д.), их описания приведены в полевых отчетах Южно-Боспорской экспедиции.

Археологические памятники региона подвержены не только распашке и грабительским раскопкам, они разрушаются также под воздействием природных условий.

III.1. ВЛИЯНИЕ ПРИРОДНЫХ ФАКТОРОВ НА СОСТОЯНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ РЕГИОНА

*(раздел написан совместно
с А.А.Клюкиным)*

Тектонические движения исторического времени вряд ли могли оказать заметное влияние на вертикальное и горизонтальное перемещение береговой линии черноморского побережья Керченского полуострова. Средняя скорость движений была на один-два порядка меньше средней скорости эвстатических колебаний уровня моря, в связи с чем ими можно пренебречь.

Абразия разрушает берега с расположенными на них археологическими памятниками и также изменяет конфигурацию береговой линии. Интенсивность абразии зависит от многих факторов: направления и скорости перемещения уровня моря, высоты волн, уклона морского дна, ширины пляжей, высоты и строения береговых уступов-клифов. По отношению к абразии породы черноморского побережья Керченского полуострова делятся на стойкие (неогеновые известняки), среднестойкие (неогеновые глины с прослоями известняка и песчаника), податливые (палеогеновые и неогеновые глины и мергели) и очень податливые (четвертичные лессовидные суглинки, щебнистые суглинки, супеси и песчано-детритусовые отложения). Около 90% протяженности берега подвержено абразии и отступает. Абразия проявляется неравномерно в пространстве и во времени. Она возрастает в тех местах, где море глубже, волны выше, пляжи уже, клиф ниже и сложен песками, супесями и суглинками. Абразия увеличивалась при высоком положении уровня

моря и большой скорости его поднятия во время новочерноморской, нимфейской и современной фаз трансгрессии, то есть в энеолитическое время, в эпоху античности и раннего средневековья, а также в последние 300—200 лет. Наиболее интенсивно берега разрушались во время новочерноморской фазы трансгрессии, когда уровень моря превысил современный на 1—2 м.

Античные поселения на черноморском побережье Керченского полуострова появились в самом начале нимфейской трансгрессии, когда уровень моря находился минимум на 5—6 м (Федоров, 1978, с.157; Агбунов, 1992, с.23), а по мнению некоторых исследователей, на 10—12 м ниже современного (Шилик, 1976, с.50; Бруяко, Карпов, 1992, с.89). В то время под отмершими новочерноморскими береговыми уступами располагалась плоская низкая равнина, недавно освобожденная от моря; береговая линия имела другие очертания и отстояла от современного уреза на 100—500 м, а местами и более. Приморские соляные озера уменьшились или пересохли. Ряд поселений и приморские части некоторых городов строились как на равнине, примыкающей к временному урезу, так и на несколько удаленных от моря более возвышенных местах, расположенных над новочерноморскими береговыми уступами. Во время дальнейшего развития нимфейской трансгрессии первые были затоплены морем, а часть вторых подверглась размыву и абразии. Так под водой, порой на глубине до 5—6 м, оказались молы и другие портовые сооружения, оборонительные стены, дома и колодцы, а также отдельные усадьбы низкой части Фанагории, Нимфея, Акры, Феодосии, Херсонеса и других античных городов и поселений.

Абразия проявилась сильнее на открытом морском берегу и слабее в замкнутых небольших акваториях мелководных соля-

ных озер. О минимальной величине абразии за последние 2,5—2 тыс. лет можно судить по сохранности приморских памятников античного времени.

Рассматриваемый участок побережья Керченского полуострова до г. Опук подвержен сильной береговой абразии. Морем затоплена и срезана основная часть площади античного города Акры, расположенного севернее м. Такиль. Под водой оказались городские постройки, оборонительные сооружения, колодцы (Шилик, 1984, с.109; Шамрай, 1989, с.225). По мере затопления и размыва низкой приморской части города ее жители переселялись на более возвышенные места, в связи с чем над современным уровнем моря сохранились в основном культурные напластования первых вв.н.э. С IV в. до н.э. здесь уничтожено не менее 150—200 м берега, в том числе не менее 100 м берегового уступа. Средняя минимальная скорость абразии последнего составила 0,042 м/год (0,3 куб. м/пог. м в год).

Так как клиф размывался и отступал только при высоком уровне моря во второй половине трансгрессивных фаз, то приведенные минимальные расчетные скорости абразии следует увеличить примерно вдвое. Нам представляется, что закономерности, установленные при исследовании Акры (Шилик, 1984; Шамрай, 1990), характерны и для других античных приморских городов региона. Их низкие припортовые части были затоплены и уничтожены абразией.

Абразия уничтожила всю приморскую часть античного города Китей, расположенного, по словам Анонимного автора Перипла, на высоком берегу у небольшой бухты [*Анон. РРЕ*, 75]. Еще И.П. Бларамберг (Бларамберг, 1848, с.8) заметил, что городище, было сильно разрушено морем. Городище Китей расположено на плато, сложенном из неогеновых глин с просло-

ями мергелей, известняков и песчаников. Береговой обрыв высотой около 40 м, не защищенный от абразии пляжем, срезал постройки, улицы и половину зольного холма высотой 9,5 м. Трещины бортового отпора отсекают от плато блоки шириной 1-10 м, которые периодически обрушиваются в море вместе с культурными напластованиями городища. Весной 1990 г., например, рухнул блок шириной 5 м, длиной 70 м и объемом около 3 тыс. куб. м. Обвалы и осыпи быстро перерабатываются прибойным потоком и устойчивых накоплений у подножия клифа не образуют. С V в. до н.э. гравитационные процессы и абразия уничтожили не менее 30—50 м культурных напластований городища. Средняя минимальная скорость абразии высокого клифа, сложенного здесь породами средней стойкости, достаточно велика — 0,016 м/год (0,6 куб. м/пог. м в год). Во время нимфейской трансгрессии берег в этом месте разрушался, вероятно, и оползневыми процессами. Один из оползней сохранился от размыва у восточной (возможно портовой — В.Г.) окраины Китея, там, где располагался лагерь Китейской экспедиции.

У села Яковенково активный клиф высотой до 15 м срезал часть Кызаульского некрополя II в. до н.э. — I—III вв. н.э. и обнаруженную А.А.Клюкиным и автором стоянку скифского времени. Поселение, к которому мог относиться некрополь, пока не обнаружено, и не исключено, что оно также могло быть уничтожено морем. На этом участке волны выбрасывают на пляж отдельные окатанные фрагменты амфорной тары античного времени. Море срезало здесь не менее 50—100 м берега. Средняя минимальная скорость абразии клифа, сложенного неогеновыми глинами, мергелями и трепелами, составила около 0,034 м/год (0,4 куб. м/пог. м в год). Вблизи могильника в начале XX в. был построен

причал для отгрузки морем руды, добытой в расположенном неподалеку Яныш-Такильском железорудном месторождении. Судя по сохранности этих сооружений, за 80 лет берег отступал в среднем на 0,035 м/год (0,4 куб. м/пог. м в год), что близко к минимальной расчетной скорости абразии.

* *
*

При описании памятников мы условно разделим окрестности Опука на ближние, относительно ближние и дальние территории (этот принцип не будет использован при описании памятников доантичного периода). Подобное деление не является искусственным — памятники дальних и ближних окрестностей горы Опок, как правило, тяготели конкретным жизненно важным для поселенцев элементом окружающего рельефа. К этим элементам, в первую очередь, следует отнести возможность поверхностного водосбора, наличие относительно значительных возвышенностей, которые можно использовать в качестве кратковременных убежищ или для визуальной связи, по возможности — быстрый доступ к горе Опок и ее объектам, а также к морскому побережью. По своим локальным особенностям рельефа в окрестностях Опука выделяются долина Кыз-Аульского маяка, окрестности обширной приморской Чебакской балки, долина Кыр-Кояшского соляного озера (коля), перешеек Кояшского и Узунларского озер с горой Приозерная и окрестности горы Кончек. К числу самых ближних окрестностей относятся земли, прилегающие к подошве склона горы. К числу относительно ближних — прибрежные территории к востоку от г. Опок до Чебацкой балки (5400 м восточнее триангуляционного знака на вершине г. Опок), к западу — г. Приозерная (4350 м к западу от того же ориентира), северный берег Кояшского

озера и перешеек Кояшского и Узунларского озер (5000 м и 5750 м к северо-западу), к северу — котловина Киркояшского соленого озера (2850 — 3900 м к северу). К числу дальних — окрестности г. Кончек и пересыпь Узунларского озера (9100 м — 9500 м северо-западнее и западнее упомянутого репера), верховья Чебацкой балки (6750 — 7150 м северо-восточнее) и окрестности Кызаульского маяка (11100 — 12150 м восточнее-северо-восточнее). Таким образом, ближние и дальние окрестности составляют более 150 кв. км.

III.2. ПАМЯТНИКИ ДОАНТИЧНОГО ПЕРИОДА ГОРЫ ОПУК И ЕЕ ОКРЕСТНОСТЕЙ

Среди исследователей гора Опук в первую очередь ассоциируется с расположенными на ней базовыми археологическими объектами античного времени — поселением на холме «А», городищем Киммерик и цитаделью (крепостью) на вершинном плато — с памятниками, получившими достаточно широкое описание в археологической литературе. Один из первых исследователей древностей Опука — П. Дюбрюкс, описывая сохранившиеся строительные остатки, разбросанные по склонам горы, относил их непосредственно к инфраструктуре городища Киммерика или цитадели, датируя их в целом античным и позднеантичным временем. Однако сама гора Опук и ее ближние окрестности были заселены и в более раннее время, чему, в первую очередь, благоприятствовали ряд существенных природных причин. Гора Опук представляет собой прекрасное природное убежище, она располагает, как мы уже отмечали выше, обильными источниками питьевой воды, строительным материалом и некоторыми видами полезных

ископаемых. В древности в окрестностях Опука произрастали небольшие леса, уничтоженные в античное и раннесредневековое время. Кроме того, в периоды лиманного и озерного режима Узунларского и Кояшского озер, здесь была возможность добычи соли.

Первые свидетельства о памятниках доантичного периода принадлежат Ю.Ю. Марти, который в 1927 г. обследовал небольшой холм с «кольцеобразным ограждением из камней неравной формы» (Марти, 1928, с. 11); он относил погребение, найденное в засыпи этого холма, к «скифской культуре». И.Т. Кругликова в обзорной статье, посвященной исследованиям Киммерика, отвергла датировку Марти и отнесла погребение к эпохе бронзы, ссылаясь на краткость информации в отчете Ю.Ю. Марти (Кругликова, 1958, с. 225, ссылка 3). Однако Марти пишет, что в расчищенном каменном ящике на дне могилы на глубине 1,60 м были обнаружены «острие железного ножа и бронзовое острие стрелы» (Марти, 1928, с. 11), что не позволяет признать столь раннюю датировку И.Т. Кругликовой, тем более, что погребение оказалось почти полностью разрушенным. В своей работе, посвященной памятникам эпохи бронзы на горе Опук, И.Т. Кругликова сообщает о случайной находке в 1937 году при земляных работах на западном склоне Опука глиняной статуэтки, позже переданной в Керченский музей и затем утерянной, «по типу аналогичная памятникам эпохи бронзы» (Кругликова, 1952, с. 114, рис. 39).

Первые объекты эпохи поздней бронзы были обнаружены исследованиями И.Б. Зеест и И.Т. Кругликовой.

Стоянка у поселения холм «А» была обнаружена при исследовании напластований античного времени на холме «А», в 1325 м юго-восточнее триангуляционного знака на вершине г. Опук и в 100 м

от уреза моря (Рис.6). Здесь были найдены остатки землянок, очагов, хозяйственных ям и каменных загоронок, которые на основании керамического материала и каменных орудий И.Т.Кругликова датировала концом II — началом I тысячелетия до н.э. и предположительно связывала с киммерийцами (Кругликова, 1952, с.114; 1958, с. 226). Культурные напластования поселения позже были перекрыты строительными остатками раннеантичного памятника, которые частично разрушили строительные остатки стоянки.

Часть фрагментов сосудов, найденных в перемешанном слое, была декорирована гребенчатым заглаживанием обеих поверхностей и украшена веревочным орнаментом. «Одни имеют отогнутый край, выпуклые плечи и валик на шейке, украшенный косыми насечками или рядом углублений, вдавленных пальцем. Другие принадлежат сосудам с суживающимся краем; они украшены рядами двойной крученой веревочки, а иногда штампом из плотно скрученного шнура» (Кругликова, 1952, с. 115). Эту группу керамики И.Т.Кругликова связывала с традициями поздней катакомбной культуры. Ко второй группе керамики И.Т.Кругликова относит «серию фрагментов, орнаментированных одиночной тоненькой веревочкой, наложенной в виде параллельных рядов», схожих с орнаментацией керамики Кобяковского городища (Кругликова, 1952, с. 116). В следующую группу входят сосуды с сужающимся горлом и комбинацией врезных линий и вдавления на плечиках сосудов, аналогичных орнаментации сосудов из Щебетовки и х.Веселого на р. Маныч (там же). Другая группа керамики декорирована разнообразными наклепными валиками, имеющими аналоги в Щебетовке, поселениях на Обиточной, у х. Веселого и памятниках Белозерского лимана (там же). Заключительная группа

керамики украшена наклепными валиками с пальцевыми вдавлениями, аналогии которым И.Т.Кругликова находит среди материалов из балки Широкой в Ольвии. На основании приведенного материала она датирует культурные напластования стоянки концом II тыс. до н.э. — VI в. до н.э. Данная датировка встретила в последнее время определенную критику, и предложенная Кругликовой верхняя дата была удревлена минимум до VIII—VII вв. до н.э. (Отрошенко, 1986, с. 148 сл.). А.Е.Кислый относит доантичные древности Киммерика и его окружи, к локальной «каменской культуре» Восточного Крыма, вошедшей в себя черты и традиции культур Северного Причерноморья и Северного Кавказа (См. подробнее, включая предлагаемую датировку — Кислый, 2005).

По нашим наблюдениям поселение могло прекратить свое существование из-за активизации оползневых процессов, о чем свидетельствует стерильная прослойка желтовато-серого суглинка, вскрытая в разведочном шурфе и перекрывавшая культурные напластования на северо-западной периферии поселения.

Стоянка «береговая» — была выявлена И.Б.Зеест при исследовании Берегового раскопа на городище Киммерик (Рис.6). Ее следы «находятся в ложбине, защищенной от ветров с востока склонами горы Опук, с севера и запада холмами и скалами и только с юга открытой к берегу моря, над которым она возвышается не менее чем на 15—20 м. Культурный слой эпохи бронзы лежал на материке под толстым слоем отложений последующих эпох, на различной глубине, что объясняется неровным рельефом местности. Толщина отложений эпохи бронзы неравномерна: она колеблется от 30 до 60 см (Кругликова, 1958, с. 231; см. также Кругликова, 1952, с.111-114). Найденная в культурных отложениях керамика была сходна с керамикой с холма

«А»: «внешняя и внутренняя поверхность многих сосудов заглажена гребенкой, некоторые сосуды украшены различного рода оттисками или крученой веревочки, или нескольких рядов шнура, т.е. орнамент их повторяет типы орнаментации, характерные для эпохи катакомбной культуры» (Кругликова, 1959, с. 231).

Третья стоянка — «у источника» — была выявлена автором на прибрежной террасе южного склона г. Опук восточнее каптированного источника, в 1200 м юго-юго-восточнее триангуляционного знака на вершине г. Опук, в 680 м северо-восточнее мыса Опук (Рис.6). Стоянка почти полностью разрушена при строительстве дороги к источнику и предположительно имела площадь около 0,5 га. Ее культурные напластования оказались либо полностью разрушенными, либо местами перекрыты осыпью скальных пород. На дневной поверхности следы стоянки практически неразличимы, почти весь разрушенный культурный слой оказался перемешанным атмосферными осадками вниз по склону террасы. Стоянка несомненно тяготела к наиболее крупному источнику южного склона горы, расположенному в балке в 100—150 м западнее места сбора подъемного материала — дробных фрагментов лепных сосудов, фрагментов кремневых орудий и кремневых сколов.

Стоянка «Приозерная» (Рис.63) также была обнаружена автором на южном прибрежном склоне г. Приозерная, в размыве берегового обрыва, в 380 м юго-западнее триангуляционного знака на вершине г. Приозерной.

Гора Приозерная высотой 44,9 м, сложенная из известняков, расположена на северо-западном побережье Кояшского озера. Ее образование также связано с процессами проседания кальдер грязевых вулканов. Ее поверхность сильно задернована, есть отдельные выходы скал.

Поверхность ее юго-восточного склона сильно разрушена воронками от тренировочных боевых стрельб Черноморского флота.

Размываемая береговая терраса имеет высоту от современного уровня озера от 0,9 до 1,5 м. Абразией берега уничтожено предположительно до 75 % площади стоянки. Здесь были зафиксированы культурные напластования мощностью до 0,6 м. (Рис.64). В слоях зачистки берегового обрыва террасы были встречены фрагменты лепных сосудов, кремневых орудий, сколов кремня и печин (Рис.65). Сохранившаяся площадь стоянки не превышает 350—400 кв. м. На вершине г. Приозерной в 70 м северо-западнее триангуляционного знака были обнаружены не менее 5 каменных ящиков, преимущественно ограбленных, часть из которых имела следы каменных кромлехов. Возможно, стоянка и некрополь составляют единый комплекс.

На подошве северного склона г. Опук автором был доследован курган, расположенный на вершине сопкообразного отрога (76,1 м от уровня моря). Курган располагался в 840 м северо-западнее триангуляционного знака на вершине г. Опук (Рис.66). Курганная насыпь сохранилась на высоту до 0,9 м, диаметр кургана составляет 18—20 м. В центральной насыпи кургана под впущенным каменным ящиком (Рис.69) со следами раскопанного скифского погребения (отрядом О.Д.Чевелева в конце 1970-х гг.²) были вскрыты два скорченных погребения эпохи бронзы с северо-восточной ориентацией погребенных (Рис.67,68). Оба погребенных лежали скорченными на левом боку непосредственно на выровненном материке, состоящем из слоистого плитняка, на глубине 1,28 и 1,29 м. (Рис.68,70,71). Погребения были перекрыты положенными непосредственно на погребенных плоских обломков скальных пород. Погребальным

инвентарем служили раздробленные лепные кувшинчики, установленные в головах погребенных. Орнаментация на сосудах отсутствовала. Размеры погребения в восточной части раскопа составляют 1,51х1,09 м, нижняя часть второго уничтожена воронкой военного времени. Осмотр микрорельефа позволяет допустить существование на этом участке склона грунтового могильника площадью не менее 2 га.

Кроме того, ряд сильно оплывших курганов предположительно эпохи бронзы-раннего железа были зафиксированы разведками на гряде, тянущейся от северного склона г. Опук к поселку Марьевка. Большая этих часть курганов разрушена капонирами бывшего стрелкового полигона и современными грабителями. Другая курганная группа – «аллея» тянется от юго-западной окраины пос. Марьевка по гряде до северо-восточного берега Кояшского озера. В 2005 г. в грабительском шурфе одного из курганов автором был собран раннеантичный материал — фрагменты хиосских, менейских амфор и амфор Солоха I. В целом материал можно датировать временем не позднее рубежа IV — III вв. до н.э., однако ряд курганов мог относиться и к доантичному периоду.

На южном берегу Киркояшского озера, на пахотном слое, на западном склоне устья небольшой балки, был обнаружен фрагмент полированного топора и несколько мелких фрагментов лепной керамики без орнаментации. К сожалению, эти находки не удалось привязать к какому-либо объекту этого времени, поскольку они были найдены на распушке культурного слоя античного поселения (см. ниже), координаты находки: 3200 м к северу от триангуляционного знака на г. Опук, 1950 м северо-восточнее вершины г. Острая. Разведками В.В.Веселова 1949—1964 гг. были выявлены объекты эпохи бронзы также к северу и севе-

ро-востоку от Киркояшского озера — в окрестностях деревень Борисовка (совр. хутор на южной окраине пос. Марьевка) и Вязниково, а также в окрестностях пос. Яковенково (Веселов, 2005, с.47,46,52).

В сезоне 1994 г. автором и А.А.Клюкиным на западном склоне устья (в 10 м от тальвега и в 25 м от песчаного пляжа) балки Камыш-джилга (южная окраина поселка Яковенково-Кыз-Аул), в береговом обрыве на глубине 0,8—0,9 м был обнаружен слой культурных напластований мощностью 0,2—0,3 м, содержащий, кроме золистых прослоек, фрагменты лепных сосудов, орнаментированных пальцевыми защипами под основанием венчика, относящиеся к скифскому времени (Рис.65).

При разведочных работах на поселении Кончекское южное (см. ниже) среди подъемного материала были встречены фрагменты лепных сосудов эпохи поздней бронзы и скифского облика, допускающие наличие здесь доантичных культурных напластований на площади около 3 га.

Эта скудная информация все же позволяет судить, что накануне греческой колонизации этого региона он был в определенной степени освоен более древним населением. Исследования последних лет в области археологии северопричерноморского региона догреческого периода говорят о том, что ко времени колонизации Европейского Боспора здесь уже не было стабильного оседлого местного населения. Самые хронологически близкие к этому периоду памятники белозерской культуры эпохи поздней бронзы прекращают свое существование минимум в VIII-VII вв. до н.э. (Отрошенко, 1986, с. 148 слл.). Существует мнение, что поселение поздней бронзы, перекрытое напластованиями раннегреческого поселения у холма «А», прекратило свое существование «за 500—600 лет до основания греческой колонии» (Алексеев, Качалова,

Тахтасьев, 1993, с. 35; см. также: Кислый, 2005).

III.3. ПАМЯТНИКИ АНТИЧНОГО ВРЕМЕНИ ГОРЫ ОПУК И ЕЕ ОКРЕСТНОСТЕЙ

III.3.A. РАННЕАНТИЧНОЕ ПОСЕЛЕНИЕ НА ХОЛМЕ «А»

Остатки разрушенного оползнями раннеантичного поселения «холм А», обнаруженные разведками И.Т.Кругликовой в 1950 г., располагаются на небольшой террасе, с юга примыкающей к небольшому скальному останцу на юго-восточном, приморском склоне г. Опук. Наличие на границе рассматриваемого участка склона скального останца спасло прилегающую к нему территорию от оползня, благодаря чему и сохранился комплекс поселения и подстилающие его слои и конструкции эпохи поздней бронзы. Скальный останец расположен в 1210 м юго-восточнее триангуляционного знака на вершине горы Опук и в 90 м от современного уреза моря. Терраса с культурными напластованиями стоянки и поселения с юга обрывается к приморской береговой молодой террасе.

Строительные остатки и культурные напластования раннеантичного поселения перекрыли культурный слой поселения эпохи бронзы (см. раздел III. 2), причем некоторые остатки землянок были сnivelированы засыпкой при строительстве комплекса (Кругликова, 1952, с. 61).

Жилой комплекс, раскопанный И.Т.Кругликовой, представлял собой прямоугольную постройку, ориентированную юго-восток — северо-запад, состоящую из трех изолированных прямоугольных в плане помещений, имевших общую внешнюю северо-восточную стену. Ее длина составляет чуть более 17 м. Помещения,

расположенные к северу (помещения Б и В), имели общую юго-западную стену длиной около 12,75 м, в то время как помещение А, вероятно (В.Г.), было пристроено позже. Кладки стен помещений сложены в единой манере — это двухпанцирные кладки дикарного известняка с забутовкой мелким камнем. Площадь помещений Б и В довольно значительна — соответственно, 4,20х5,10 м и 4,25—4,40х5,92 м, в то время как размеры помещения А составляют 3,20—3,30х3,7 м (Кругликова, 1952, с. 62—65). Все помещения имеют дверные проемы со следами крепления деревянных косяков, ведущие в индивидуальные внутренние дворики, вымощенные известняковыми плитами. Помещения А и В имели очаги, сложенные из поставленных на ребро известняковых плит и обмазанные глиной. Очаги располагались в южных углах помещений. В помещении Б «огонь разводился прямо на полу, о чем свидетельствует пятно обожженной глины в южной части помещения» (Кругликова, 1958, с. 237). Северная часть помещения В была вымощена каменными плитами. Зерновые ямы были встречены в двух помещениях. В помещении А она располагалась в его северном углу. Глубина ямы составляла до 1,50, при этом ее придонная часть на 0,68 м была заглублена в материковую скалу. Яма грушевидной формы — диаметр устья — 1,0 м, придонной части 1,70 м. В слое засыпи ямы встречены «фрагменты пухлогорлой хиосской амфоры, фрагменты лепных сосудов, кости барана, рога козы, фрагмент полихромной терракотовой статуэтки, створки мидий, клешни крабов, куски глиняной обмазки очага, обгорелые камни, фрагменты железного ножа» (Кругликова, 1952, с. 64).

Яма в помещении Б была расположена в центральной его части. Яма грушевидной формы глубиной чуть более 1,40 м имела устье диаметром 0,90 м и придон-

ную часть диаметром до 1,42 м. Внутренние стенки были обмазаны глиной, которая периодически подвергалась обжигу. В засыпи ямы «найденно много фрагментов керамики, в том числе горло хиосской амфоры V в. до н.э., фрагменты чернолаковых сосудов VI — V вв. до н.э., лепных горшков, кости мелкого рогатого скота, обломки глиняной жаровни, створки мидий и устриц. Во двореке комплекса находились объекты хозяйственного назначения — небольшая пристройка, мусорная яма, прикрытая известняковой плитой, каменный ларь из поставленных на ребро известняковых плит и т.д.

И.Т.Кругликова датировала строительство комплекса самым концом VI в. до н.э. Однако в последнее время проявилась не вполне аргументированная тенденция омоложения даты основания поселения до 2 четверти V в. до н.э. (Абрамов, Масленников, 1991, с. 243 — 247; см. также раздел I.6). В V в. до н.э. на поселении была проведена некоторая реконструкция помещений: повышение уровня пола, сооружение упомянутых выше очагов, зерновых ям и вымостки в помещении В.

Кругликова отмечает необычность планировки комплекса (Кругликова, 1952, с. 64) и замечает, что «дому, открытому на восточном склоне горы Опук, никаких аналогий найти в Греции не удастся. Изолированные помещения, вытянутые в один ряд и пристроенные к одной стене, известны только во Врулии на о. Родос и относятся к VII в. до н.э.», однако имеют иную планировку (Кругликова, 1958, с. 243). Она относит этот комплекс к местной строительной традиции, связывая его с переходным периодом на Боспоре от построения землянок, полуземлянок к возведению наземных строений. С.Д.Крыжицкий, характеризуя эту постройку как комплекс блокирующихся домов мегаронного типа, пишет, что эти типы домов «вряд ли

можно отнести к категории наиболее типичных греческих схем. Тем не менее тип «коллективных» усадеб (Торик) возрождается в Северном Причерноморье в эллинистическое время, а мегаронный тип, но в развитых вариантах (в случаях ордерного решения — простадный тип), был характерным для Малой Азии на протяжении античной эпохи» (Крыжицкий, 1993, с. 45 — 46). Гибель поселения Кругликова относит к началу IV в. до н.э. (Кругликова, 1952, с. 67).

На северном склоне бухты «Восточная 5», на берегу которой расположено поселение «холм А», непосредственно под холмом, на первой приморской террасе, автором встречены аморфные следы постройки, ориентированной по сторонам света, размером около 4,0х3,5 м или более. На развале постройки подъемный материал отсутствовал, однако юго-восточнее нее собраны в береговом обрыве фрагменты амфор с усеченноконусным (стаканобразным) дном [Зеест, 1960, табл. III, 9] второй половины VI — 1-й половины V в. до н.э. (монахов, 2003, с. 43, 47—49 — Лесбос или «Круг Лесбоса»), хиосских пухлогорлых амфор [Зеест, 1960, табл. IV, 11] конца VI — второй четверти V в. до н.э., амфор Менде [Зеест, 1960, табл. VII, 18] конца VI — 1-й половины V вв. до н.э., и фрагменты чернолаковых лекифов (?). Не исключено, что эта постройка, еле различимая в рельефе, относится к остаткам другого комплекса, к которому И.Т. Кругликова приписывала две ямы и остатки стен, обнаруженные ею на берегу и в настоящее время не сохранившиеся. И.Т.Кругликова отмечает, что участки распространения культурного слоя и обрывки стен построек, которые располагались ниже, под склоном «холма А», «отделяются друг от друга пространством, где никаких признаков культурного слоя нет», она справедливо связывает этот факт с ге-

ологическими процессами: «Данное поселение, вероятно, очень сильно пострадало в результате колебаний и сдвигов поверхности земной коры» (Кругликова, 1952, с. 67).

Таким образом, есть основания полагать, что площадь поселения «холм А» была гораздо больше, а часть его объектов была уничтожена оползневыми процессами. В этой связи важно отметить, что там же, в береговом обрыве, прекрасно читается нимфейская терраса, поднятая оползнем выдавливания.

III.3. В. АНТИЧНЫЕ ПАМЯТНИКИ ГОРЫ ОПУК

Поселение «под источником». Еще одно поселение раннеантичного времени обнаружено автором у ныне действующего источника у мыса Опук (Рис.6). Оно расположено на береговой террасе и частично в балке, в которой расположен каптированный источник и два колодца, построенные или реконструированные в раннесредневековое время, в 1350 м к юго-юго-восточнее триангуляционного знака на г. Опук (отклонение к востоку не более 5°, на современных топографических картах местонахождение источника зафиксировано). Большая часть площади поселения потревожена строительными остатками раннесредневекового и нового времени, которые, в свою очередь, частично разрушены строительством насосной станции воинской части и современной земляной дамбой. Непосредственно под ресивером источника сохранились остатки постройки XIX в. и некоторые элементы и строительные остатки раннесредневековой постройки включая подпорно-межевую стену, которая прослеживается на длину до 50 м к востоку от источника, пролегая по поверхности террасы. Северо-

западная оконечность ограды упирается в остатки постройки размером до 35 кв. м, ориентированной по сторонам света. Подъемный материал свидетельствует о том, что этот комплекс бытовал в VIII—X вв. н.э. и синхронен поселению над источником (Рис.103), о котором речь пойдет ниже.

Более ранние материалы собраны в нарушениях культурного слоя, который здесь составляет около 0,3—0,55 м и представлен светло-коричневым и серо-коричневым золистым суглинками. Строительных остатков не обнаружено, они как и микрорельеф сильно потревожены строительными работами. Площадь разновременных поселений на этой террасе восстанавливается для поздних объектов — по строительным остаткам, для античного времени — по распространению подъемного материала. Она составляет в первом случае 0,45—0,5 га, во втором — около 0,3 га.

К числу наиболее ранних находок античной керамики следует отнести фрагменты пухлогорлых амфор Хиоса со следами лакообразной краски конца VI — начала V и профасосских амфор конца VI — второй четверти V в. до н.э. [Зеест, 1960, табл. V, 15]. Остальной материал представляет собой достаточно стандартный для этого региона набор фрагментов античных амфор — хиосских с колпачковыми ножками, фасосских биконических, синопских, амфор типа Солоха I и II (Пепарет), фрагменты гераклеиских и других амфор, суммарно датированные IV—III в. до н.э. (Рис.73).

Второй хронологически однородной группой материала являются фрагменты позднеантичной амфорной тары — светлоглиняных узкогорлых амфор [минов А, В, С и F по Д.Б.Шелову, 1978] от конца I в. до н.э. до 2 половины III — IV в. н.э., амфор типа М.239 (Кипр или Киликия)

конца I — начала II в.н.э.[Robinson, 1959, pl. VIII, G199], амфор типа найденной в Мирмекии [Зеест, 1960, табл. XXX, 72] конца II — I половины III в. н.э., амфор с ручками треугольного сечения [Зеест, 1960, табл. XXXI, 75] той же даты, фанагорийских и розовоглиняных широкогорлых амфор [Зеест, 1960, табл. XXXVI, 86, 89] того же времени, красноглиняных широкогорлых амфор [Зеест, 1960, табл. XXX, 72] второй половины III — IV в.н.э. и позже; светлоглиняных с воронкообразным горлом второй половины III — начала V в. н.э. и др.(Рис.73).

Заключительной группой керамики раннесредневекового времени являются фрагменты причерноморских амфор VIII—IX вв.

К числу наиболее ранних памятников, возникших на рубеже VI—V вв. до н. э., в окрестностях горы Опук можно с некоторой долей уверенности отнести только два объекта: поселение Кызаульский маяк I и Чебакское южное (См. раздел III, 3. С, D). — на ряде других памятников, приведенных ниже, также присутствует материал этого времени, однако в гораздо меньшем количестве и разнообразии.

Ближайшим поселением к поселению Чебакской балки со стороны г. Опук является поселение *Опукское восточное*, расположенное в 3300 м западнее устья Чебакской балки. Поселение расположено над восточным склоном балки урочища Светлячки, отделяющей восточную и северо-восточную подошву горы Опук от приморской степи. Балка берет начало на северной подошве горы и, огибая дугой северо-восточную подошву Опука, спускается к морю. Общая длина балки составляет около 1400 м, начинаясь на высоте более 50,0 м от уровня моря, она спадает в своем устье до 2 м, упираясь в песчаную дюну берега моря. Балка проходит через деревню Опук и запружена в

средней и нижней части. Глубина тальвега балки в районе нижней плотины составляет около 5 м. Не исключено, что подобный прием был использован для водоснабжения поселения Опукское восточное.

Поселение расположено в 1950 м северо-восточнее триангуляционного знака на вершине г. Опук, в 100—70 метрах от берега моря (Рис.74). Оно обнаружено разведками автора. Южная граница поселения вероятно выходила на береговой обрыв клифа, однако культурный слой здесь уничтожен постройкой 19 в. Площадь поселения составляет около 1,0—0,7 га. Слой подвергался распашке в XIX—XX вв. Пятно культурного слоя растянуто вспашкой по линии север — юг минимум на 100—120 м, по линии 3-В — на 60—150 м. Культурный слой также частично нарушен и бытованием деревни Опук на чьей юго-восточной окраине оно расположено. Микрорельеф поселения не выражен. Поверхность поселения имеет легкий уклон к югу и юго-западу. В северной части поселения, в 120 м от берегового обрыва, военными саперами в 1985 г. прорыта траншея, позволяющая судить о мощности культурного слоя, которая составляет около 0,5 — 0,7 м. Траншея не затронула каких-либо строительных остатков, хотя отдельные камни торчат в ее бортах. Поверхность поселения в настоящее время задернована, однако есть выходы на дневную поверхность отдельных дикарных камней, однако все они находятся не *in situ* и были в свое время выпажаны из культурного слоя. Собранный подъемный материал относится к первой — третьей четверти V — III в. до н.э.

«Каменные ящики» восточного склона. В рукописи М.М.Кобылиной «Материалы к археологической карте окрестностей Пантикапея. Погодная летопись раскопок в окрестностях Пантикапея» (Архив ИА РАН, дело Р-2 № 570, лист

84) отмечается, что в 1928 г. Ю.Ю.Марти, кроме прочих исследований Опука, были проведены пробные раскопки могил недалеко от татарской деревни Опук. «Могилы имели вид каменных ящиков из хорошо обтесанных плит» (Idem). В данной рукописи имеется неточность: работы были проведены в 1927 г., а статья о них вышла в 1928 г. Это подтверждается одинаковыми сведениями, приведенными в конспекте М.М.Кобылиной и в статье Ю.Ю.Марти: «В целях выяснения типов погребений данной местности недалеко от татарской деревни Опук в районе древнего кладбища нами произведены пробные разведки могил. Был обследован небольшой холм с кольцеобразным ограждением из камней неправильной формы. На глубине 0,35 м обнаружена южная стенка каменного могильного ящика толщиной 0,30 м, идущая в направлении с запада на восток. Могила оказалась разоренной.... Другие могилы в той же местности, сильно разоренные, имели вид каменных ящиков, построенных из хорошо обтесанных плит».

Иных сведений об исследовании каменных ящиков Опука не сохранилось, более того, неизвестно, к какому периоду относятся эти погребальные сооружения, поскольку Ю.Ю.Марти ни датировку ящиков, ни встреченный в их заполнении материал в своей публикации не приводит. Если раскопанный им холм с погребением и каменные ящики являются синхронными погребальными сооружениями этого могильника, то единственными определяющими находками являются маловыразительный обломок острия железного ножа и «бронзовое острие стрелки», (Марти, 1928, с. 11) неопределимого в настоящее время типа. Это вынуждает нас отнести эти памятники в целом к античному времени.

Каменные ящики, вскрытые Ю.Ю.Марти, до настоящего времени не сохрани-

лись, однако в ходе разведочных работ на южной периферии этого могильника на восточном склоне горы, на небольшом удалении от «Восточной» оборонительной стены водораздела³, были обнаружены два каменных ящика, раскопанные в конце 1970-х гг. кызаульским отрядом О.Д.Чевелева.

Ящик № 1 ориентирован по линии юго-запад северо-восток (Рис.75,77). Плиты его стенок местами выходят на дневную поверхность, сильно забутованную, с отдельными плоскими выходами материковой скалы. От каменного ящика сохранились только три плиты в юго-западной половине погребения, другая половина погребения разрушена. Боковые стенки сохранившейся части погребения сложены из двух плоских плит толщиной 0,12 — 0,16 м и длиной 1,12 и 1,22 м, поставленных в могильной яме на ребро. Размеры погребения составляют: северная стенка — 2,48 м, южная — 2,42 м, западная), 0,69 м и восточная 1,18 м (данный размер учитывает саму могильную яму, в которую были впущены плиты разрушенной части помещения). Дно погребения находится на глубине 0,91 м от верхней кромки плит ящика.

Ящик № 2. Имеет более точную ориентацию — он ориентирован по линии запад — восток с очень незначительным (не более 5°) отклонением к северу и югу. Северная и южная стенки ящика (длиной соответственно 1,73 м и 1,76 м) сложены из двух пар известняковых плит толщиной 0,22 — 0,32 м, поставленных в могильной яме на ребро. Головная и нижняя стенки ящика (длиной соответственно, 0,76 и 0,49 м) сложены из плоских известняковых камней, также поставленных на ребро. Некоторые пустоты и неровности кладки заполнены и сnivelированы мелкими плоскими камнями. Глубина ящика составляет 0,63 м (Рис.76,77). Ящики, ве-

роятно, были перекрыты известняковыми плитами.

Предшествующими раскопками было вскрыто заполнение ящиков до их дна, их прокоп дна погребений не дал каких-либо находок, дно погребений на 0,05—0,07 м заглублено в материковый светло-коричневый суглинок с известковой крошкой. В натечном слое обнаружены мельчайшие осколки керамики. Гумусный слой выражен слабо — его мощность не превышает 0,03 — 0,05 м. По любезному сообщению О.Д.Чевелева, они были ограблены до его раскопок и содержали дробный материал «античного времени».

Каменные ящики или погребения с каменной обкладкой стен широко распространены в некрополях сельских поселений и городов европейского Боспора начиная с VI — V вв. до н.э. и до римского времени, когда они составляют четвертую часть известных погребальных конструкций (Корпусова, 1983, с. 20). «Предположение о генетической связи этих могил с таврскими каменными ящиками проблематично /Шульц, 1941, с. 275/» (Корпусова, 1983, с. 21). Каменные ящики эпохи поздней бронзы известны в окрестностях Опука на горе Приозерной, однако они сложены в несколько отличной манере — из уплощенных камней, поставленных на ребро, они часто имеют каменный кром-лех. В Кыз-Аульском некрополе могилы с каменной обкладкой стен составляют большинство погребальных конструкций, однако они более монументальны, крупнее и сложены из огромных обработанных известняковых блоков. Таким образом, рассматриваемые каменные ящики могут в равной степени относиться как к эпохе бронзы (поселение эпохи бронзы холм «А»), так и к Киммерiku и его цитадели с посадом. И пока не будет обнаружено погребение с инвентарем, датировка этих сооружений останется проблематичной. Тем не

менее и манера сооружения, и размеры обоих ящиков находят аналоги в погребальных сооружениях античного времени некрополя Золотое (Корпусова, 1983, с. 19).

III.3. С. АНТИЧНЫЕ ПАМЯТНИКИ ДОЛИНЫ КЫЗ-АУЛЬСКОГО МАЯКА

Группа античных поселений была обнаружена автором в прибрежной долине у Кыз-Аульского маяка⁴, легким амфитеатром спускающейся к морю. Эта долина является наиболее удаленной к востоку от горы Опук, и расположенные в ней памятники находятся на примерно равном удалении как от Киммерика, так и от городища Китей, и могли в равной степени тяготеть к обоим центрам.

С севера долина Кыз-Аульского маяка ограничена невысокой грядой, которая на западе поворачивает к морю и оканчивается Кызаульским мысом, а к северо-востоку почти вдоль берега тянется до м. Такиль⁶. Примерно в 2 км к востоку от мыса Кыз-Аул на морском берегу располагается еще одно скальное схождение высотой до 50 м, на котором располагался Кыз-Аульский маяк и его подсобное хозяйство. Это всхождение является приморской оконечностью невысокой гряды высотой от 2 до 20—25 м, тянущейся к морю меридианально от упомянутой гряды, ограничивающей долину с севера, являясь одним из ее отрогов. Таким образом, мыс Кыз-Аул и Кыз-Аульский маяк являются естественными береговыми границами долины, которая получила название «урочище Тюльпан».

Древняя линия побережья долины бесспорно отличалась от современной — этот участок черноморского побережья, сложенный сарматским глинами, перекрыва-

ющими известняковые ярусы, в периоды трансгрессий Черного моря подвергались активной береговой абразии. Этими процессами оказалось разрушенным поселение в устье Камыш-Джилга (пос. Яковенково), к которому, возможно, принадлежал Кыз-Аульский некрополь, ныне также разрушенный береговой абразией. За годы работ Южно-Боспорской экспедиции береговой абразией были уничтожены отдельные участки побережья у мыса Кыз-Аул шириной до 50—70 м. На этом участке, как мы уже отмечали, волны выбрасывают на пляж отдельные окатанные фрагменты амфорной тары античного времени (Синопа, Хиос с колпачковыми доньями, амфор типа Пепарет I, светлоглиняных с двуствольными ручками, светлоглиняных амфор с воронкообразным горлом, фрагменты амфорной тары конца II — I половины III в.н.э.)⁷. Море здесь уничтожило не менее 50—100 м берега. Береговой обрыв рассматриваемой долины также подвержен абразии, которая в настоящее время составляет чуть более 0,2 куб. м/пог. м в год. Наиболее высокими точками гряды, прикрывающей долину с севера, являются горы Сюрю-Оба, Чатр-Тав и Джурга-Оба, высота которых не превышает 80 м⁸. Использование древнегреческими поселенцами долины, относящейся к засушливому участку побережья, для жизни и сельскохозяйственного производства поставило вопрос о водоснабжении этих поселений. На водоразделе долины автором обнаружена небольшая балка, сочная растительность в которой может допустить наличие здесь грунтовых вод, однако дебитная мощность этого источника вряд ли велика. Геоморфологическое обследование этой части побережья, проведенное А.А.Клюкиным и автором, позволяет считать, что рассматриваемая долина является заплывшей отложениями древней бал-

кой, обрывающейся к морю. Ее подстилает слой известняков и сарматских глин, которые могли служить водупором для подземных водотоков, питавшихся за счет просачивания поверхностного водотока со всего амфитеатра долины. Не исключено, что колодцы, которые могли располагаться на водоносных пластах в устье балки, в настоящее время уничтожены активной абразией берега этого участка побережья. О наличии пресных грунтовых вод, просачивающихся из пластов берегового обрыва в отложения дюны, говорят участки, поросшие тростником — верным индикатором наличия поверхностных пресных вод. Почвенный покров долины сформирован из верхнесарматских глин.

Поселение, условно названное *поселение Кызаульский маяк I*, является наиболее крупным в урочище Тюльпан. Оно расположено в 850 — 900 м к северо-северо-западу от маячного хозяйства и в 700 м к северу от берегового обрыва (Рис.78, 79). Южная часть поселения распаханна, а северная граница расположена под давно не возобновлявшейся пашней и сильно задернована сорняковыми травами. Восточная граница поселения, вероятно, примыкала к невысокой скальной гряде, являющейся отрогом водораздела. Этот отрог, вытянутый своей осью по линии север—юг, подступает с севера к каменистому береговому холму, на котором располагается маячное хозяйство. С севера граница, вероятно, примыкала к крупному скальному останцу на северном склоне и к линии отдельных небольших скалистых гряд и россыпей скальных пород на подошве водораздела, удаленных на 860—910 м от берегового обрыва. В линию этих гряд включен и один земляной «вал» высотой до 0,5 м и шириной до 3,0 м. Он прослеживается на длину до 100 м, своими оконечностями упираясь в крупные, высотой до 3,0 м, скальные останцы. Остатки этого

вала различимы на аэрофотосъемке. Этот вал, вероятно, представлял собой межу или ограду поселения.

Поверхность рассматриваемого поселения Кыз-Аульский маяк относительно ровная, однако в микрорельефе прослеживаются невысокие поднятия высотой до 0,5 м и диаметром до 20—30 м, представляющие собой либо остатки построек, либо образованы нечастой вспашкой отдельных каменистых участков долины. Однако этот факт не исключает, что каменистые участки могут включать в себе остатки построек: на поверхности встречаются отдельные дикарные известняковые блоки размером до 1,0—0,8х0,6х0,4—0,2 м, не характерные для почв этой части долины. Помимо этих всхолмлений, в микрорельефе прослеживаются отдельные валообразные поднятия высотой до 0,3 м и шириной 2,0—3,0 м, вытянутые широтно. Один из «валов» прослеживается на длину 75—80 м южнее шурфа (см. ниже), следы другого параллельного вала различимы 200—230 м южнее. Его высота достигает 0,3—0,4 м и отдельными участками он различим на длину около 450 м (Рис.78). Восточная оконечность этого вала упирается в гряды отрога, тянувшегося к холму маячного хозяйства от гряды водораздела. Некоторые детали микрорельефа допускают наличие в долине и перпендикулярных береговой линии (меридианальных) «валов», однако из-за современной влагозадержательной манеры вспашки они подверглись наибольшему разрушению. Распашка долины на месте поселения изобилует подъемным материалом и каменным бутлом разрушенных построек.

Здесь был собран многочисленный подъемный материал, датировка которого несколько отличается от материалов, приведенных В.Ф.Гайдукевичем (см. ниже) (Рис.80,81). К числу наиболее ранних экземпляров амфорной тары, собранных

на распашке поселения, следует отнести следующие фрагменты. Фрагменты красноглиняных амфор с т.н. усеченно-конусными или стаканообразными доньями [Зеест, 1960, табл. III,9], которые, как отмечает С.Ю.Монахов, «морфологически повторяют известные сероглиняные амфоры Лесбоса» (Монахов, 1999, с. 41, о локализации центра их производства см.: *op.cit.*, с. 42 и он тоже, 2003, с. 43, 47—49) и относятся к периоду от третьей четверти VI — до начала V в. до н.э. Одна ручка принадлежала к лесбосской (или одного из эолийских центров) сероглиняной амфоре [Абрамов, 1993, 2.56], производство которых приходится на время от второй половины VI до середины V в. до н.э.

К другой группе находок относятся фрагменты ранних вариантов хиосских пухлогорлых амфор, декорированных полосой красного лака, нанесенного по краю венца и на внешнюю поверхность ручки [Зеест, 1960, табл. III,10; Абрамов, 1993, с.5, *тип 2.5* и 2.6]. Амфоры этого типа датируются третьей четвертью, концом VI [Монахов, 1999, с. 45; Рубан, 1982, с.103; Брашинский, 1984, с. 170; Абрамов, 1993, с.27—28 ; 2.5; 2.6] и ко второй четверти V в. до н.э. их сменяют более поздние варианты пухлогорлых хиосских амфор, раскраска на которых уже отсутствует. На распашке культурного слоя также найдены венчики и ручка амфор на так называемом сложнопрофилированном кольцевом доне группы А [Абрамов, 1993, 2.34, 2.37], или протофасосские, по классификации И.Б.Зеест [Зеест, 1960, табл. VI, 15]. Эта амфорная тара предположительно производилась одним из западных малоазийских центров (Самос, Милет) и другими ионийскими центрами, близких к Милету и Самосу» (Монахов, 1999, с.47—48; 2003, с. 38) в последней четверти VI — начале V в. и до второй четверти V вв. до н.э. Многочисленную группу находок составляют

фрагменты хиосских амфор конца VI — V в. до н.э., при этом среди них 18 профильных экземпляров принадлежит пухлогорлым амфорам этого центра. Появление ранних вариантов хиосских амфор с прямым горлом в третьей четверти V в. до н.э. отчетливо маркируют верхнюю дату распространения поздних вариантов хиосских пухлогорлых амфор третьей четвертью V в. до н.э. (Абрамов, 1993, с. 28). Исчезновение лакового декора относится к рубежу 80 — 70-х годов VI в. до н.э. (Монахов, 1999, с.69) и ко второй четверти V в. до н.э. (Абрамов, 1993, с. 28).

Амфорная тара второй половины V в. до н.э. — последней четверти V в. до н.э. в числе находок представлены фрагментами амфор Хиоса [Зеест, 1960, табл. III, II, 13] и круга Фасоса или Менде [Зеест, 1960, табл. VI, 17].

Основная же масса находок на распашке поселения принадлежит к амфорной таре IV—III вв. до н.э. и предстала профильными фрагментами хиосских амфор с так называемыми колпачковыми доньями, [Зеест, 1960, табл. V, 14] IV — начала III в. до н.э.; мендейских амфор с так называемыми рюмкообразными [Зеест, 1960, табл. XI, 23, 24], поступавших в Северное Причерноморье в конце V и в первых трех четвертях IV в. до н.э., красноглиняных амфор типа найденных в кургане Солоха — Солоха I [Зеест, 1960, табл. XV, 32] и Пепарета I (Солоха II) [Зеест, 1960, табл. XVIII — XX, 35] первых трех четвертей IV в. до н.э.; так называемых амфор «круга Фасоса» [Зеест, 1960, табл. VII, 19] IV — начала III в. до н.э. и амфор синопского производства первых двух четвертей, конца IV и начала III в. до н.э. [Монахов, 1992, II а, П с, IIIа]. В числе находок и фрагменты местной амфорной тары, производившейся в Пантикапее в конце IV — начале III в. до н.э. [Зеест, 1960, табл. XVII, 34б]. На поселении была собрана не-

большая коллекция керамических клейм, главным образом, синопских. Наиболее ранним является клеймо астинома Попоса (?) I группы. Кроме того, встречены клейма астиномов Микрия (ок. 303 г. до н.э.)⁹, Каллисфена (ок. 291 г. до н.э.), Посия (ок. 261 г. до н.э.) и ряд неопределимых плохой сохранности, предположительно I-й половины III в. до н.э. Помимо синопских клейм, были встречены: анэпиграфное родосское клеймо с изображением 8-лучевой звезды, неопределенное родосское клеймо предположительно конца IV в. до н.э., книдское клеймо плохой сохранности и клеймо неопределенного центра (возможно, Книд) с изображением плющевого листа, внутри которого расположена аббревиатура EP.

Для определения мощности культурного слоя и перспективы исследования данного поселения автором на произвольно выбранном в центре пятна распашки культурного слоя месте (в 860 м северо-западнее маяка) с наибольшей концентрацией подъемного материала был разбит ориентированный по сторонам света шурф размером 2,0х2,0 м. В этой части поселения в микрорельефе прослеживается подквадратное в плане всхолмление, ориентированное по сторонам света, размером 60х70 м. По его периметру различимы следы валообразной насыпи, сохранившейся на высоту до 0,3 м. Особенно отчетливо виден «вал» у южной подошвы этого всхолмления, прослеженный на длину до 80 м. В целом особенности микрорельефа позволяют предполагать наличие здесь строительных остатков неукрепленной усадьбы с внутренним огороженным хозяйственным пространством.

Шурфом были вскрыты культурные напластования мощностью от 0,9 до 1,45 м и представленные тремя слоями (Рис.83, находки), перекрывающие плотный материковый коричневатый суглинок с ред-

кими белыми известковыми включениями (так называемая глина-белоглазка). Первый слой, перекрывающий материк, представляет собой коричневатый золистый суглинок с включениями печин и керамического боя. К этому слою принадлежит яма грушевидной формы с устьем диаметром 1,15 м и диаметром придонной части около 1,30 м, впущенная в материк на глубину 0,50 м (или 1,45 м от дневной поверхности). Яма была заполнена серо-коричневым золистым суглинком, в ее заполнении были встречены: профильные фрагменты хиосских амфор [Зеест, 1960, табл. IV, 12 — 13] последней трети V в. до н.э., ручки амфор Менде (с так называемыми «рюмкообразными ножками»)/(по И.Б.Брашинскому) [Зеест, 1960, табл. XI, 23, 24] первых трех четвертей IV в. до н.э. (Мокахов, 2003, с. 91 сл.), а также стенки амфор и лепных сосудов, створки мидий и несколько фрагментов костей коровы. Мощность первого слоя составляет около 0,32 м. Керамический материал в слое представлен донцем амфоры круга Фасоса (Менде) [Зеест, 1960, табл. VI, 17] второй половины V в. до н.э., ручками амфор Менде [Зеест, 1960, табл. XI, 23, 24] первых трех четвертей IV в. до н.э., венчиком хиосской амфоры [Зеест, 1960, табл. V, 14] IV — начала III в. до н.э., а также донцем чернолакового килика со штампованным орнаментом и венчиком лепного кувшина с насечками по краю венца. К слою принадлежат остатки стены и пристроенный к ним очаг, которые удалось обнаружить вдоль восточного борта шурфа. Стена была ориентирована по линии север-юг и прослежена на всей длине борта шурфа (Рис. 147). Сохранилось 1—2 ряда постелистой кладки, сложенной насухо из дикарных камней известняка. Она сохранилась на высоту до 0,42 м. Ширину стены можно определить лишь предположительно, поскольку восточный фас стены рас-

полагается в борту шурфа. Она, вероятно, составляла 0,70 — 0,80 м. В северо-восточном углу шурфа к стене был пристроен очаг, сложенный из поставленных на ребро плоских известняковых плиток. Очаг был заполнен слоем мелких углей и золы мощностью 0,03—0,05 м.

Второй слой представляет собой прослойку коричневатого суглинка, относящегося к периоду разрушения стены. Он изобилует включениями створок мидий и устриц, также керамического материала, среди которого встречены профильные фрагменты амфор Хиоса [Зеест, 1960, табл. V, 14] IV — начала III в. до н.э. Менде [Зеест, 1960, табл. XI, 23, 24] первых трех четвертей IV в. до н.э., Солоха I [Зеест, 1960, табл. XV, 32] первых трех четвертей IV в. до н.э. и Гераклеи [Зеест, 1960, табл. XXII, 43 — 45] второй половины IV — начала III в. до н.э., а также ручки сероглиняных и красноглиняных кувшинов, венчики лепных горшков с насечками по краю и край боспорского калиптера окрашенного красным лакообразным покрытием.

Сверху этот слой перекрыт коричневым суглинком, выходящим без гумусной шапки на дневную поверхность, представляющий собой рушенный пахотой предыдущий слой. Мощность этого слоя достигает 0,25 м. Среди находок в данном слое встречены профильные фрагменты амфор типа Солоха I [Зеест, 1960, табл. XV, 32] первых трех четвертей IV в. до н.э., хиосских, включая сосуды с так называемыми колпачковыми доньями) [Зеест, 1960, табл. V, 14] IV — начала III в. до н.э. и гераклейских амфор [Зеест, 1960, табл. XXI, 43 — 46] IV — начала III в. до н.э. IV — начала III в. до н.э., амфор Синопы [Зеест, 1960, табл. XIII, 28 — 30] второй половины IV — III в. до н.э., кольцевой поддон сероглиняного кувшина. В целом

материал датирует слои временем от второй четверти V до III в. до н.э.

Представленный подъемный материал позволяет полагать, что поселение Кыз-Аульский маяк I возникло на рубеже VI—V вв. до н.э. и его жизнь наиболее активно протекала в период до второй половины III в. до н.э. Немногочисленный подъемный материал более позднего времени допускает бытование поселения, возможно, с некоторым перерывом, и вплоть до рубежа I в. до н.э. — I в. н. э. К числу этих находок относятся профильные фрагменты амфор Синопы, производившихся во второй половине III—II в. до н.э. [Зеест, 1960, табл. XIII, 29.; XIV, 31]; Родоса [Зеест, 1960, табл. XXIII, 49], производства конца III—II в. до н.э. К рубежу тысячелетий относятся фрагменты светлоглиняных широкогорлых амфор с двустольными ручками [Внуков, 1988; Зеест, 1960, табл. XXVI, 61], довольно редкие для памятников в окрестностях горы Опук, располагающих слоями этого времени. Амфоры этого типа относятся ко второй четверти I в. до н.э. — середине I в. н.э.

Поселение Кыз-Аульский маяк I было выявлено Южно-Боспорской экспедицией, но, вероятно, было известно и ранее. Несовпадение его координат с более ранними описаниями не позволяют утверждать это с полной уверенностью. Судя по единственно сохранившейся после войны аннотированной карте разведочного отряда Боспорской экспедиции 1936 г., опубликованной позже В.Ф. Гайдукевичем (1959, с. 211—214), впервые это поселение могло быть обнаружено этим отрядом. Описывая поселение, В.Ф. Гайдукевич отмечает: «Далее на юго-запад, близ кыз-аульского маяка, на прибрежной равнине, приблизительно в 300 м от моря, сохранились признаки неукрепленного поселения. На площади не менее 3 га прослеживается распространение подъемного материала и

культурного слоя, насыщенного золотом и мелким камнем, очевидно, от разрушенных жилищ. С поверхности селища собраны обломки античных амфор (есть ручки синопских амфор с клеймами), обломки красноглиняной посуды, в том числе рыбных блюд. По всем данным, селище существовало уже в эллинистическое время» (Гайдукевич, 1959, с. 214). Приведенные сведения требуют серьезных уточнений. Поселение расположено не в 300 м от берега, а значительно дальше. Центр пятна распушки культурного слоя, вытянутого на длину до 800 м по линии восток — запад и около 600 м по линии север — юг, расположен в 850 м северо-западнее маяка и в 650 м к северу от береговой линии, что достаточно отличается от приведенных В.Ф. Гайдукевичем координат. Кроме того, трудно согласиться с В.Ф. Гайдукевичем в том, что это поселение, если речь действительно идет об одном и том же объекте, было неукрепленным. В микрорельефе на северной и южной границе нами прослежены остатки валов: южный, тянущийся параллельно линии берега, прослеживается в виде валика высотой до 0,5 м на длину до 350 м, от северного остались мало-выразительные участки, которые, однако, включены в линию невысоких скальных останцев, ограничивающих поселение с севера.

Не исключено, что исследованиями В.Ф. Гайдукевича была зафиксирована южная граница распространения материала с рассматриваемого поселения или остатки одного из комплексов, располагавшегося на южной границе поселения Кыз-Аульский маяк I, составляя с ним единое целое (Кыз-Аульский маяк, объект 12). Следы этого комплекса, действительно расположенного к северу от береговой линии и в 670 м к северо-западу от маяка, отчетливо прослеживаются в микрорельефе в виде всхолмления подквадратной формы

площадью 40х50 м и высотой 0,5 — 0,6 м. Постройка была ориентирована почти по сторонам света. С севера и запада к линзе комплекса примыкают валообразные поднятия высотой до 0,5 м и шириной 2,5 — 3,0 м. Оконечности этих валообразных поднятий оказались разрушенными вспашкой, однако сохранившиеся участки валов можно проследить на длину до 45—50 м. Валы, вероятно, земляные и они могли являться границей надела или оградой комплекса. На всхолмлении комплекса, вокруг выхода на дневную поверхность отдельных камней, был собран разнообразный керамический материал, представленный профильными частями: хиосских амфор IV в. до н.э., амфор Синопы, Гераклеи, Коса и Херсонеса. Приведенные материалы позволяют датировать рассматриваемую постройку IV — II в. до н.э. Аналогичный комплекс со сходным набором подъемного материала был зафиксирован и возле берегового обрыва в 150—180 м юго-западнее комплекса «объект № 8¹⁰», в 650 м к западу от маяка и в 30 — 35 м от берегового обрыва. Остатки этой постройки также прослеживаются в микрорельефе в виде подквадратного всхолмления, ориентированного по сторонам света и размером 30—32х48—50 м. Поверхность всхолмления сильно задернована, однако на дневной поверхности есть выходы отдельно стоящих камней дикарного известняка, площадь вокруг комплекса подвержена распашке. В 30 — 35 м к западу от комплекса прослеживается аналогичное складкообразное земляное поднятие высотой до 0,3—0,4 м и шириной 2,5 — 3,0 м. Этот вал, частью распаханый, тянется по направлению с севера на юг более чем на 80 — 100 м, однако в береговом обрыве его профиль не читается. Есть основания полагать, что в этой долине располагалась группа усадеб, с запада прикрытая грядой Кызаульского

мыса, с севера — скальными останцами, а внутри земляными валами. Однако не исключено, что обваловка связана и с внутренней размежкой территории, однако на аэрофотосъемке ее следы не фиксируются, в то время как они заметны на расположенной неподалеку ближней хоре Китея (к востоку от городища).

III.3. D. АНТИЧНЫЕ ПАМЯТНИКИ ОКРЕСТНОСТЕЙ ЧЕБАКСКОЙ БАЛКИ

Чебакская балка расположена между г. Опук и пос. Яковенково (бывш. Кыз-Аул), начинаясь в равнинной части чуть севернее развалин деревни Чебак, балка постепенно спускается к побережью, образуя на береговом участке крупный овраг (Рис. 84). Устье балки расположено в 5370 м к востоку от триангуляционного знака на г. Опук (с отклонением 15° к северу) и в 6750 м к западу от Кызаульского маячного хозяйства. Балка располагает несколькими десятками кв. км поверхностного водосбора. Ливневые потоки переносят по ней огромные массы дождевой воды. После двух дней ливней летом 2003 г. поток размыл полностью дорогу, пересекавшую балку в ее устье, образовав расщелину глубиной до 5—8 м.

Поселение Чебакское юго-западное. Расположено в устье Чебакской балки на ее плоском юго-западном краю, в 2750 м юго-западнее центра пос. Яковенково, в 5300 м к востоку от триангуляционного знака на вершине г. Опук. (Рис. 84, 85). Ранее поселение не исследовалось и было обнаружено автором. Поверхность поселения ровная, в последние годы (с 1991 г. до 1997 г. — года включения территории в состав заповедника «Опукский») была подвержена распашке. Микрорельеф почти не прослеживается, лишь на небольшом

уступе края балки в северо-восточной части поселения прослеживается небольшое поднятие высотой до 0,3 м и размерами примерно 30х40 м. Площадь распахки составляет примерно 11 га, хотя само поселение, вероятно, судя по концентрации подъемного материала, занимало полосу шириной до 75 м вдоль склона балки. Самая высокая точка пятна распахки культурного слоя расположена на высоте не более 10 м над уровнем моря, в то время как край склона с предполагаемой территорией поселения расположена на высоте 5,5—6,0 м. Тальвег балки под поселением расположен на высоте 2,5—2,0 м от уровня моря. Балка имеет покатые склоны без следов линейной эрозии. Южная граница распахки культурного слоя расположена в 70 м севернее линии берегового обрыва высотой около 5,0 м. В береговом обрыве следы культурного слоя не обнаружены, что позволяет достаточно точно, на основании расчетов скорости перемещения подъемного материала в результате распахки, оценить первоначальную площадь поселения 2,1—2,5 га. Береговой обрыв абразионный, однако, вероятно, с увеличением ширины пляжа, постепенно стабилизирующийся. Микрорельеф не предполагает иных оборонительных сооружений, нежели склон балки на восточном краю поселения. Мощность культурного слоя поселения на месте шурфовки 0,5х0,5 м (высотная отметка 5,40 м) не превышает 0,6 м (однако шурфом пробит культурный слой за пределами предполагаемых построек).

Выявлено два слоя светло-коричневого суглинка, покрывающих слой материкового суглинка, верхний из которых мощностью 0,25—0,30 м представляет собой пахотный слой. На поверхности распахки культурного слоя собран многочисленный подъемный материал (Рис.150,151) и встречены отдельные камни дикарного

известняка (вероятно, опукского) и песчаника (кызаульского) от разрушенных построек.

Самым ранним материалом, обнаруженным разведками¹¹, являются фрагменты хиосских пухлогорлых амфор с полосой краски бурого цвета по краю венца, относящиеся к раннему типу амфор этого центра конца VI — начала V в. до н.э. [Зеест, 1960, табл. V, 11, Монахов, 2003, с. 16—17], красноглиняных амфор с усеченно-конусными или стаканообразными доньями второй четверти VI — 1-й половины V вв. до н.э. [Зеест, 1960, табл. III, 9, Монахов, 2003, с. 43 сл.], и протофасосских (на сложнопрофилированном кольцевом поддоне) третьей четверти VI — середины V в. до н.э. [Зеест, 1960, табл. VI, 15], лесбосских амфор [Абрамов, 1993, 3.55—3.56] второй половины VI — конца V вв. до н.э. Остальной материал компактно вписывается в рамки в основном IV—III в. до н.э. Одним из предполагаемых источников воды является линза воды на границе водоупорных глин тальвега балки и песков дюны, не исключено, что древние колодцы этого поселения находятся под водой, поскольку линия берега отстояла здесь на несколько десятков метров. В 2 км западнее устья под выположенным древним клифом берега, где ширина пляжа достигает нескольких десятков метров, были обнаружены остатки двух колодцев, предположительно раннесредневекового времени, использующие подобный прием сбора воды из подпираемой соленой водой линзы пресных вод. Другим источником является сама Чебакская балка, в XIX — XX вв. перекрытая у поселения Чебакское южное земляной дамбой. На основании подсчета объема поверхностного водосбора, перерабатываемого балкой, а также примерного расхода воды на одно хозяйство (за основу был взята скотоводческая семья со среднестатисти-

ческим поголовьем индивидуального стада), было предположено, что балка могла снабжать водой в случае запруживания русла еще несколько десятков хозяйств. В ходе разведок, предпринятых для проверки этого предположения, в средней части балки и в ее верховьях были обнаружены еще два поселения — Чебакское западное и восточное.

Поселение Чебакское западное представляет собой обнаруженное автором пятно распахиваемого культурного слоя, расположенное на западном склоне балки, в 580—600 м севернее устья Чебацкой балки и в 500 м севернее поселения Чебакское южное, в 2650 м западнее западной окраины поселка Яковенково, в 5600 м северо-восточнее триангуляционного знака на г. Опук (Рис.84). Пятно распахки культурного слоя вытянуто по линии север — юг на 350 м вдоль края балки при максимальной ширине распахки около 210 м. В 250—300 м от пятна слоя на противоположной стороне балки расположено окончание приморской полосы лесопосадок.

Поверхность поселения относительно ровная с легким уклоном к краю балки, наивысшая точка — 16,9 м от уровня моря. На распахке пока фиксируются не менее пяти пятен рушенного камня от разрушающихся построек, вытянутых по ломанной линии север — юг вдоль склона балки. Интервал между пятнами составляет до 70 м. В микрорельефе признаки, свидетельствующие об укреплении поселения, не фиксируются. В оплывшем и задернованном обрыве балки культурный слой практически не фиксируется, однако по характеру вспашки мощность культурного слоя составляет не менее 0,5 м и, возможно, более, поскольку распахка этого участка степи начата лишь в последние два десятилетия.

На территории поселения был собран многочисленный подъемный материал, в основном фрагменты амфорной тары. К

числу наиболее ранних находок относятся фрагменты амфор с усеченно-конусными или стаканообразными доньями [Зеест, 1960, табл. III, 9] и амфор Менды конца VI — второй-третьей четверти V в. до н.э. [Зеест, 1960, табл. VII, 18; а также Абрамов 1993, с. 33 — 34]. Остальной материал, составляющий большую часть подъемного материала, вписывается в хронологические рамки IV—III в. до н.э. (Синопа, Гераклея, Хиос, Пепарет I и т.д.)

Другое поселение, более скромных размеров (площадь распахки культурного слоя около 3,6 га), получившее название **Чебакское восточное** (Рис.84), обнаружено экспедицией на северо-восточном участке балки, ближе к ее верховью. Оно расположено в 1380 м севернее поселения Чебакское западное, в 2200 м западнее-северо-западнее северной окраины поселка Яковенково и в 1890 м западнее полотна дороги Яковенково — Марьевка — Заветное, в 6650 м северо-восточнее триангуляционного знака на г. Опук и в 7000 м западнее-северо-западнее Кызаульского маяка. Южная граница распахки культурного слоя расположена в 100—150 м севернее западной оконечности второй приморской линии лесопосадок. Поверхность поселения ровная с легким уклоном к западу, в обрывах склона балки культурный слой не прослеживается. В микрорельефе прослеживаются небольшие всхолмления высотой до 0,30 м, которые, очевидно, представляют собой оплывшие следы поворота плуга при распахке. На распахке фиксируются отдельные камни песчаника, как и на поселении Чебакское западное, кызаульского происхождения. Наивысшая точка поселения — 22,7 м над уровнем моря. Мощность культурного слоя, вероятно, не превышает 0,5 м.

На распахке поселения собрано чуть более 40 датирующих фрагментов амфорной тары: Фасоса [Зеест, 1960, табл. VII — VIII, 20], Хиоса [Зеест, 1960, табл. V,

14], Гераклеи и Синопы [Зеест, 1960, табл. XIII, 28 — 29], что позволяет в целом датировать памятник несколько более поздним временем — IV—III в. до н.э.

Верховья балки начинаются на солончаковых почвах, и этим, вероятно, объясняется отсутствие здесь каких-либо археологических объектов.

III.3.Е. ПАЛЕОГЕОГРАФИЯ КИРКОЯШСКОГО СОЛЕННОГО ОЗЕРА И ПАМЯТНИКИ КИРКОЯШСКОЙ КОТЛОВИНЫ

Крупными колями — озерами континентального происхождения — на рассматриваемом участке южного побережья Керченского полуострова являются Марфовское (Даутель-коль) и Киркояшское соленые озера (Копты-коль). Все они образованы в кальдерах древних грязевых вулканов (Губанов, Клюкин, 1979).

Котловина Киркояшского озера глубиной 20—50 м располагается между г. Опук и с. Марьевка. Она имеет форму эллипса с длиной осей 4 и 3 км. Дно этой бессточной котловины находится на абсолютной высоте около 40 м над уровнем моря и занято эллиптическим в плане пересыхающим соленым озером длиной 1,3 и шириной 0,8 км (Рис.86,88). С юга, запада и севера котловину окаймляет моноклиальный гребень из среднемиоценовых известняков абсолютной высотой от 61 до 99 м, с холмами и седловинами в осевой части. Этот гребень, увенчанный горой Острой высотой 88,9 м, является составной частью Параболического гребня, ограничивающего с восточной стороны Узунларский купол. Склоны котловины, сложенные глинами и суглинками, расчленены балками длиной 1—2 км и глубиной от 5 м до 30 м, в некоторых местах перегороженными земляными дамбами. По балкам и склонам

в озеро поступают поверхностные воды, с которыми в рапу озера попадают вымытые из грунта минеральные вещества. В течение испарительного сезона на дне озера откладывается мирабилит, тенардит, и оно постепенно превращается в солончак. При сильных летних ветрах из солончака удаляются соль и пыль, благодаря чему котловина озера очень медленно заполняется минеральными осадками. Корочки соли, перемещенные ветром образуют у берега небольшие гряды типа золотой ряби относительной высотой 1—5 см.

Котловина Киркояшского озера сложена верхними сланцевыми и верхнесарматскими глинами. Северный склон котловины достаточно крут и расчленен короткими балками, в то время как остальные склоны значительно более пологие (перепад высот до 5 м на 100—300 погонных м склона). Помимо водосбросных балок, питающих Киркояшское озеро атмосферными осадками, иных источников водоснабжения в котловине нет. Несмотря на минерализацию почв на отдельных участках склонов, котловина плодородна и в настоящее время.

В ходе разведок, проведенных автором, на склонах Киркояшской котловины были обнаружены остатки древних поселений и селищ (Рис.86).

Первое поселение котловины Киркояшского озера — *Киркояшское восточное* — было обнаружено автором на восточном склоне балки, прорезающей юго-восточный склон котловины в 2150 м к востоку от горы Острая и в 900—940 м к югу от южной оконечности озера. Его остатки представляют собой пятно распахки культурного слоя в форме эллипса площадью 1,5 га, вытянутого наибольшей осью по линии север — юг вдоль края балки. Наименьшая ширина пятна культурного слоя по линии восток — запад составляет до 80 м.

Поверхность распахки, имеет значительный уклон к западу и легкий — северном направлении. Микрорельеф памятника не прослеживается ни на аэрофото-съемке, ни при визуальном обследовании. Особенности строения склона не допускают смыва подъемного материала с другого участка склона котловины. Следов строительных остатков не прослежено, кроме отдельных камней, извлеченных на современную дневную поверхность вспашкой. Мощность культурного слоя, насколько можно судить по результатам шурфовки не превышает 0,3—0,5 м. Среди подъемного материала были встречены профилированные фрагменты амфор Менды (с рюмкообразными доньями) [Зеест, 1960, табл. X, XI, 23, 24; Монахов, 2003, с. 91 сл.], Фасоса [Зеест, 1960, табл. VIII, 20], Гераклеи, Синопы [Зеест, 1960, табл. XIII, 28, 29], профилированные части сероглиняного кувшина, а также фрагменты амфор причерноморского типа. Это позволяет заключить, что формирование культурных напластований памятника происходило неоднократно — в V—IV—III,— возможно на рубеже III—II в. до н.э. а также в VII—IX в.н.э.

Распахка культурного слоя **второго селища** Киркояшской котловины была обнаружена автором на западном склоне устья той же балки в котловине озера. Сбор подъемного материала произведен на площади 1,5 га в 150—200 м от уреза воды озера и в 1000 м северо-северо-западнее от поселения Киркояшское восточное, а также в 1970 м северо-восточнее вершины горы Острая. Поверхность сбора подъемного материала представляет собой слегка наклоненную к востоку прибрежную террасу, подвергавшихся активной распахке. Терраса обрывается в устье балки, однако культурный слой в ее береговых обрывах не прослеживается. Микрорельеф не выражен, и не фиксируется на аэрофотосъем-

ке. Поверхность распахки культурного слоя насыщена строительным гравийным бутом и отдельными потревоженными вспашкой дикарными камнями известняка и песчаника. Здесь были обнаружены многочисленные профилированные и непрофилированные фрагменты амфор «круга Фасоса» (Менде) [Зеест, 1960, табл. VI, 17], Фасоса [с рюмкообразными доньями: Зеест, 1960, табл. X, XI, 23, 24], Синопы [Зеест, 1960, табл. VII — VIII, 20] и Гераклеи; отдельные фрагменты стенок красноглиняных амфор, обнаруженные здесь, имеют следы легкой реберчатости, характерной для амфорной тары первых веков н.э. Среди находок более раннего времени необходимо отметить дробные фрагменты лепной посуды и обломок полированного каменного топора. Представленный материал позволяет судить, что формирование культурного слоя происходило в эпоху бронзы, а также в конце V—IV—III вв. до н.э. и, возможно, в позднеантичное время.

Третий объект Киркояшской котловины представляет собой остатки более крупного сельского поселения, условно названного **Киркояшское юго-западное**. Поселение обнаружено автором, оно расположено на террасообразном восточном склоне средней части наиболее крупной балки, расчленяющей юго-западный склон котловины (Рис.86). Балка в этой части перекрыта современной земляной дамбой, и не исключено, что она была перекрыта аналогичным образом и в древности. Это поселение (его центральная часть) расположено в 1300 м северо-восточнее вершины горы Острая и в 800—890 м юго-западнее юго-западной части берега озера. Здесь на площади около 3,5 га были обнаружены распаханные строительные остатки минимум шести отдельно стоящих построек (Рис.87). Они представляют собой локальные пятна распахки культурного слоя, насыщенные отдельными камнями,

строительным бутом и керамическим материалом. Поверхность поселения имеет легкий уклон к северо-востоку с перепадом высоты до 4 м на 100 погонных метра. В микрорельефе прослеживаются легкие всхолмления высотой 0,25—0,45 м и диаметром 40—60 м, которым и соответствуют развалы построек. Строительные остатки на дневную поверхность не выходят. Мощность культурного слоя не менее 0,5 м. На аэрофотосъемке микрорельеф поселения фиксируется в виде едва заметных светлых пятен. На местности удалось расчленить минимум шесть построек, разбросанных по линии восток — запад на удалении 50—100 м друг от друга. Одна отдельно стоящая постройка была расположена на противоположном — северо-западном склоне балки в 100—150 м от остальных. Линзы построек составляют в диаметре 30—50 м, и лишь одна из них, вытянутая по линии северо-восток — юго-запад на 100 при ширине около 30 м, вероятно, представляет собой многокамерную постройку. Постройки предположительно имели подпрямоугольную форму и были ориентированны по сторонам света. Следов размежевания между комплексами не обнаружено.

На развалах построек был собран разнообразный керамический материал (Рис.160). Подъемный материал удалось собрать из каждого отдельного комплекса, однако он оказался синхронным для всех объектов. К числу наиболее ранних находок относятся немногочисленные фрагменты амфор, подражающих лесбосской таре, амфор Фасоса [Зеест, 1960, табл. VIII, 20] второй половины — конца V в. до н.э. и Менде [с рюмкообразными доньями: Зеест, 1960, табл. X, 23], однако основная масса материала относится к IV—III в. до н.э. Среди керамического материала были обнаружены синопские амфорные клейма астиномов Финтия (347 г. до н.э.), Манти-

фея (346 г. до н.э.), Фобра II (315 г. до н.э.) и др.

Четвертым объектом Киркояшской котловины являются, возможно, тяготеющие к предыдущему поселению, остатки еще одной постройки, обнаруженные автором в 510 м юго-юго-восточнее поселения Киркояшское юго-западное и в 1500 м восточнее вершины г. Острая, в 2600 м северо-северо-восточнее триангуляционного знака на вершине г. Опук и непосредственно у сезонной дороги на г. Острую. На пашне, на площади около 4 га, собран подъемный материал и зафиксированы следы распаханного культурного слоя. Наибольшая концентрация керамики и дикарных камней известняка — на площади 35х50 м (наибольшая длина по линии восток — запад), однако микрорельеф не выражен и на аэрофотосъемке не фиксируется. Мощность культурного слоя, судя по результатам шурфовки, достигает не более 0,5 м. Из профилированных фрагментов амфорной тары были встречены лишь несколько ручек и донцев синопских и гераклейских амфор, основную же массу материала составляют стенки амфор Синопы, Гераклеи, Хиоса [Зеест, 1960, табл. V, 14], Пантикапея [Зеест, 1960, табл. XVII, 34] конца IV — начала III в. до н.э. и др. В целом этот объект или, возможно, отдельное хозяйство хуторного типа (или небольшая сельская усадьба), синхронна поселению, описанному выше.

Пятым объектом Киркояшской котловины является поселение *Киркояшское северо-западное*. Оно было обнаружено автором в 1850—2050 м северо-восточнее вершины горы Острая, в 3800 — 4050 м севернее триангуляционного знака на вершине г. Опук, в 275—50 м от юго-западной береговой кромки Киркояшского озера (Рис.86). Микрорельеф поселения не выражен, есть отдельные аморфные всхолмления высотой не более 0,3 м, на

аэрофотосъемке они не фиксируются. Распашка культурного слоя расположена на естественной террасе на подошве склона гребня. На распашке культурного слоя, занимающего площадь около 4,0—4,5 га, прослеживаются два пятна рушенного дикарного известняка и фрагментов керамических изделий. Пятна вытянуты по линии В—З, наибольшей концентрации подъемный материал и рушенный строительный камень достигает на двух площадях размерами 40х50 м. В 50—70 м севернее этих двух очагов обнаружены более аморфные следы разрушенного вспашкой культурного слоя. Однако можно лишь предположительно локализовать здесь остатки еще трех-четырех построек. В отличие от поселения Киркояшского юго-западного подъемный материал здесь трудно расчленить по отдельным строительным комплексам, поскольку он оказался перемещенным распашкой по большой площади.

Среди подъемного материала встречены профилированные фрагменты амфорной тары Менды [с рюмкообразными доньями: *Зеест, 1960, табл. X, XI, 23, 24*], Хиоса, в т. ч. с колпачковыми доньями [*Зеест, 1960, табл. V, 14*], Синопы [*Зеест, 1960, табл. XIII, 28—30*], (включая клеймо 340—330 гг. до н.э.), амфор Гераклеи [*Зеест, 1960, табл. XXII, 42, 43*], Родоса [*Зеест, 1960, табл. XXIII — XXIV, 49, 50*], Пантикапея [*Зеест, 1960, табл. XVII, 34*], Фанагории [*Зеест, 1960, табл. XX, 36*], и Херсонеса [*Зеест, 1960, табл. XXI, 39, 40*]. Материал в основном датируется IV—началом III в. до н.э., однако отдельные экземпляры, возможно, заходят и во II в. до н.э. (Рис.91).

В целом подъемный материал говорит о синхронности поселений Киркояшское юго-западное и северо-восточное.

На восточной границе распашки культурного слоя обнаружен и средневековый материал: фрагменты плоскодонных кув-

шинов, кольцевой поддон чаши с плотной зеленой поливой и фрагменты средневековых керамид. Следов постройки, очевидно, хуторного типа, вероятно, сложенной из саманного кирпича, не сохранилось.

Шестым объектом является распашка культурного слоя античного поселения на северо-восточном берегу Киркояшского озера, получившее название *Киркояшское северо-восточное*. Оно расположено на восточном склоне устья балки, расчленяющей северо-восточный склон котловины. Устье балки в 40 и 100 м от берега перекрыто двумя земляными дамбами высотой до 1,8 м, самая крупная из них — северная — в ширину достигает 3,0—4,2 м. Дамбы, вероятно, относятся к татарской деревне Кырк-Кояш, расположенной над ними на гребне, однако не исключено, что аналогичный прием водосбора использовался и в античное время. Центр наибольшей концентрации подъемного материала расположен в 2870 м северо-восточнее вершины горы Острая и в 4200 м севернее триангуляционного знака на г. Опук. Распашка культурного слоя вытянута по линии восток — запад по мысообразной прибрежной террасе северо-восточного берега Киркояшского озера. Терраса с запада ограничена балкой, которая на мысу террасы перегороджена земляными дамбами. Площадь сбора подъемного материала и распространения рушенного дикарного камня построек составляет чуть более 1 га (150х70—90 м, наибольшей длиной по линии восток — запад). Центр наибольшей концентрации подъемного материала расположен в 70—100 м севернее береговой линии озера и в 150—200 м восточнее тальвега балки. Микрорельеф почти не выражен и на аэрофотосъемке не фиксируется. В обрывах берега и балки срез культурного слоя не обнаружен. Судя по распашке, мощность культурного слоя не превышает 0,5 м. Поселение или отдельное хозяйство несомненно занимало

территорию мыса, который представляет собой удобную площадку с легким уклоном к югу и западу, ограниченную балкой и берегом озера, не исключено, что материал построек выбран жителями деревни Кырк-Кояш для строительных нужд. Подъемный материал, собранный на поселении, представлен в основном фрагментами амфорной тары, среди которых наиболее ранние принадлежат хиосским пухлогорлым амфорам. Основная масса материала относится к IV— I половине III в. до н.э. — это профилированные фрагменты амфор Хиоса, включая амфоры с т.н. колпачковыми доньями [Зеест, 1960, табл. V, 14], Синопы [Зеест, 1960, табл. XIII — XIV, 28 — 30] и Гераклеи. Обнаружено автором.

Последним объектом Киркояшской котловины, обнаруженным автором, является расписка культурного слоя в 50 м к востоку от юго-восточной оконечности озера, в 2550 м северо-восточнее вершины г. Острая и в 3400 м севернее триангуляционного знака на вершине г. Опук. Поверхность сбора имеет небольшой уклон к западу и занимает площадь 100х150 м вдоль берега озера. Площадь расписки культурного слоя своей наибольшей длиной вытянута по линии север — юг. Микрорельеф не фиксируется ни визуально, ни на аэрофотосъемке. В целом формирование культурного слоя также происходит в IV—III вв. до н.э., о чем свидетельствует подъемный материал — фрагменты амфор Хиоса, Гераклеи, Синопы.

III.3.F. ПАМЯТНИКИ ОКРЕСТНОСТЕЙ КОЯШСКОГО (ЭЛЬКЕНСКОГО, ОПУКСКОГО) СОЛЕННОГО ОЗЕРА

В окрестностях Кояшского озера Южно-Боспорской экспедицией обнару-

жено несколько объектов античного и раннесредневекового времени.

Озерный режим в восточной части Кояшского озера существует не менее 2 тыс. лет. В мелководном озере не образуются высокие волны и не происходит активная абразия. Разрушение берегов здесь связано с нагонными явлениями. При сильном продолжительном ветре уровень воды у наветренного берега повышается, вода затопливает осушки (засухи) и достигает основания клифов. Лессовидные суглинки, нередко слагающие озерные клифы, размокают, теряют прочность, обрушиваются и размываются. Наиболее интенсивно разрушаются северные берега Кояшского озера, подверженные нагонам при штормовых ветрах, дующих с моря на сушу.

От размыва здесь сильно пострадали два античных поселения — Кояшское северное и северо-восточное IV—II в. до н.э. На западном берегу озера оказалась сильно размытой стоянка поздней бронзы (См. раздел III. 2).

Низкий озерный клиф из лессовидных суглинков у первого поселения отступил не менее чем на 50 м, а у второго — не менее чем на 95 м. На таком расстоянии от берега из рапы и озерного ила выступают глыбы известняка поперечником до 0,5 м. Известняков нет в суглинках клифов — из них были сооружены постройки обоих поселений. За два с лишним тысячелетия площадь первого поселения уменьшилась вдвое, а второе оказалось почти полностью уничтоженным. Средняя минимальная линейная скорость размыва составила 0,02—0,04 м в год, а объемная — 0,03—0,04 куб. м на один погонный метр в год. Следует заметить, что берега иной ориентировки, на которые приходится 75 % протяженности береговой линии Кояшского озера, не размываются или размываются со значительно меньшей скоростью.

За счет размыва берегов в акваторию озера с начала античной эпохи поступило не менее 150—200 тыс. куб. м отложений, но, даже если размыв превышал найденное значение в 2—3 раза, эти наносы не оказали заметного влияния на обмеление озера, за исключением, может быть, его северной части. Озерная котловина заполнялась в основном органогенными, хемогенными, эоловыми отложениями и выносами временных водотоков. При средней скорости накопления илов в 1,4 мм в год, установленной для других соляных озер Крыма (Дзенс-Литовский, 1968, с.105), в Кояшском озере за 2,5 тыс. лет их должно было накопиться около 3 миллионов куб. м.

Поселение Кояшское северное. Как мы уже отмечали, к юго-восточной оконечности Кояшского вала, с его тыльной стороны, примыкает поселение, названное Кояшским северным, его западной границей являются вал и остатки рва (Рис.162, 163). Остатки поселения, разрушаемого абразией берега, хорошо прослеживается в микрорельефе в виде трапецевидного всхолмления, ориентированного по линии юго-восток — северо-запад (стороны трапеции: южная — около 120 м, западная — 150 м, восточная — 150 м и северная — 75 м), площадью около 1,45 га. На нем расположены три, невысоких насыпи: первая, валообразная, расположена в южной части площади и в основании составляет до 15 м при высоте около 1,5 м, она прослеживается на всей площади поселения. Севернее нее, на центральной части территории поселения заметны два невысоких всхолмления площадью около 20х15 м и высотой до 1,0 м. Поверхность поселения слабо задернована, в отдельных местах почвенный слой смыт дождевыми потоками. Через поселение проходят две грунтовые сезонные дороги, одна из которых, вероятно — через проезд Кояшского

вала, являющегося западной границей поселения.

Памятник одно- или двухслойный, культурный слой мощностью от 0,5 до 1,1 м прослеживается в береговом обрыве на протяжении около 100 м к востоку от вала. Юго-западная часть уничтожена абразией берега, северо-западная — капонирами. Ввиду засоленности почв и слабого растительного покрова на отдельных участках поверхность поселения подвержена эрозии. До работ Южно-Боспорской экспедиции это поселение было известно И.Т. Кругликовой, которая пишет: «Экспедицией в 1950—1951 гг. были обнаружены остатки какой-то постройки эллинистического времени на западном берегу озера, как раз напротив Киммерика. Культурный слой в этом месте сильно разрушен современными земляными работами и частично размыт. На поверхности осталась масса черепков керамики, а среди камней сохранившейся кладки найдены фрагменты остродонных амфор. Культурный слой занимает 10х15 м (?—В.Г.), примыкая к самому берегу озера, в прошлом — морского залива (Кругликова, 1958, с. 245). Однако в разделе, посвященном сельской территории Боспора, в «Археологии СССР. АГСП. в районе Кояшского озера» указано лишь поселение Кояш, расположенное севернее Киммерика на восточном берегу одноименного озера.

Поселение расположено в 1800 м западнее вершины г. Острая, в 1450 м севернее триангуляционного знака на г. Приозерная. Подъемный материал, собранный на площади поселения, представлен фрагментами амфор Хиоса, Фасоса, Синопы и Гераклеи.

Небольшие раскопки, проведенные экспедицией на памятнике, зафиксировали культурный слой мощностью до 0,85 м, а также следы сильно разрушенной постройки, от которой сохранились лишь

аморфные фрагменты двух стен, сложенных из дикарных камней известняка. Одна из них (стена № 1) представляет собой двухпанцирную с забутовкой мелким бутом кладку из мелкого дикарного известняка, сохранившуюся только на один ряд камней. Длина остатков стены составляет 2,14 м при ширине 0,54 — 0,60 м. С небольшим отклонением она ориентирована по линии север — юг. Кладка покоится на материковой светло-коричневой глине с мелкими известняковыми включениями. К западу от нее располагаются остатки глинобитного пола с белесой золистой поверхностью из комкастого суглинка, сохранившейся площадью 1,70х2,15 м. Над полом не было встречено каменного завала, но он был покрыт золистым грунтом.

В западной части раскопанной площади встречен каменный аморфный развал еще одной стены, не поддающейся реконструкции. Самыми ранними находками из культурного слоя, представленного коричневым суглинком, являются фрагменты амфор Фасоса [Зеест, 1960, табл. VII — VIII, 20] конца V — середины IV в. до н.э., Хиоса [Зеест, 1960, табл. V, 14] IV — начала III в. до н.э., Менде [Зеест, 1960, табл. X, XI, 23, 24] первых трех четвертей IV в. до н.э. Остальной материал принадлежит к IV — I половине III в. до н.э. Ранние материалы маркируют время сооружения Кояшского вала временем не позднее первых четвертей IV в. до н.э.

Гумусный слой мощностью от 0,16 до 0,46 м содержал фрагменты амфор тех же типов (а также амфор Пеларета и Синопы), в нем также найден фрагмент фибулы типа лучковых конца I — III в. н.э. (АГСП, табл. IX, 22 или 30) и две копейки 1816 г. Поселение, вероятно, сильно пострадало от выборки камня для строительства солеварни, расположенной неподалеку (юго-восточный мыс г. Приозерная), и деревни Чекур-Кояш.

В своей недавней монографии, посвященной земляным пограничным оборонительным сооружениям, А.А.Масленников отмечает, что раскопками Южно-Боспорской экспедиции «не было выяснено стратиграфическое и хронологическое соотношение этих двух объектов (поселения и вала — В.Г.)» (Масленников, 2003, с. 113). Тем не менее в отчете экспедиции отмечается, что культурный слой поселения не выходит за внешние пределы Кояшского вала, который является западной границей поселения и обрывается здесь у берега Кояшского озера. То есть поселение возникло либо одновременно с валом и рвом, либо несколько позже. Как мы уже отмечали выше, время сооружения вала маркируется несколькими селищами, примыкающими к тыльной стороне Кояшского вала (см. далее), памятники этого времени не встречены за линией вала, что, бесспорно, является еще одним аргументом в пользу предлагаемой датировки. Однако точная датировка вала невозможна без конкретных археологических, датирующих находок на погребенной валом древней дневной поверхности или в заполнении вала etc.

В 430 м северо-восточнее поселения Кояшское северное (от линии Кояшского вала на западной границе поселения) в береговом обрыве озера, в устье небольшой прибрежной балочки обнаружены следы культурного слоя еще одного поселения, почти полностью уничтоженного береговой абразией, активной эрозией и выборкой камня. Сохранившуюся площадь определить не представляется возможным. Прибрежная поверхность сильно нарушена эрозионными процессами. Немногочисленный невыразительный материал позволяет отнести этот объект к периоду эллинизма.

Античные поселения к востоку от Кояшского вала. В 350 (540)¹² м северо-

северо-восточнее поселения Кояшское северное, с тыльной стороны вала, в 1750—1800 м севернее триангуляционного знака на г. Приозерная, в 150 м от грунтовой дороги, ведущей на пересыпь Узунларского озера, обнаружены следы распахки культурного слоя второго поселения. На пашне встречены рушенные камни местного известняка, печины и разнообразный керамический материал, представленный в основном фрагментами амфорной тары; площадь распахки культурного слоя не превышает 4,6 га. Центр распахки расположен в 100 м к востоку от линии вала. Микрорельеф поселения не выражен и не фиксируется на аэрофотосъемке. Поверхность поселения ровная и имеет незначительный уклон к югу и юго-востоку. Мощность культурного слоя, вероятно, не превышает 0,5 м. Незначительная часть материала оказалась перемещенной вспашкой за линию вала, однако сами культурные напластования поселения ни перекрывают, ни подстилают вал — поселение располагалось подле него. Среди амфорного материала преобладают фрагменты хиосских амфор с т.н. колпачковыми доньями, синопских и гераклейских амфор, кроме того, были обнаружены фрагменты гераклейского кувшина и клеймо на горле гераклейской амфоры. Подъемный материал позволяет отнести поселение к IV—III вв. до н.э.

Третье поселение около вала расположено в 550 м восточнее-северо-восточнее центральной части вала, с его тыльной стороны, в 500—550 м северо-восточнее предыдущего объекта (Рис.92). Поселение почти полностью распахано, его культурный слой вряд ли превышает 0,30—0,20 м. Поверхность объекта относительно ровная, здесь были также встречены отдельно лежащие камни построек, потревоженные вспашкой. Микрорельеф поселения не фиксируется.

На площади около 1,5 га был собран многочисленный подъемный материал — в основном фрагменты амфор Хиоса, Синопы, Гераклеи и Пантикапея, позволяющий датировать объект IV—III в. до н.э.

Четвертое поселение около вала расположено в 450 м южнее северо-западной оконечности вала (береговой обрыв Узунларского озера), в 2450 м севернее триангуляционного знака на г. Приозерная. Западная граница распахки культурного слоя поселения почти примыкает к линии вала на указанном расстоянии от его оконечности (Рис.92), незначительная часть подъемного материала распахкой слоя оказалась перемещенной за его линию. Поверхность поселения относительно ровная, на ней встречены отдельные камни от разрушенных вспашкой построек. Наибольшей концентрации подъемный материал достигает на площади 1,2 га, в то время как распространение материала по вспашке прослеживается на площади до 4,5 га. Мощность культурного слоя не превышает 0,3—0,5 м. Подъемный материал представляет собой фрагменты печин и амфорной тары — Менды, Фасоса, Хиоса, Синопы и Гераклеи, что позволяет судить, что поселение возникло не ранее рубежа V—IV в. до н.э., и бытовало в IV—III в. до н.э.

Последнее поселение и поселение Кояшское северное могут в какой-то степени датировать время сооружения вала и рва. В этой связи важно отметить, что ни вал, ни ров, насколько можно судить по материалам разведок, не разрушили или перекрыли какие-либо из перечисленных объектов, что позволяет судить об их синхронности. Кроме того, лишь единичные фрагменты керамического материала оказались перемещенными вспашкой за внешние пределы вала и рва. Однако это не говорит о том, что за пределами рва прекращается сельская округа Киммерика того времени.

Так в 800—870 м юго-западнее линии рва, в 1775 м к северо-востоку от триангуляционного знака на вершине г. Приозерная, на вершине водораздела пересыпи обеих озер (30,3 м от уровня моря), главенствующей над линией Кояшского вала и закрывающей обзор с него пересыпи Узунларского озера, в 70 м к северо-западу от гравийной дороги на пересыпь Узунларского озера, около большого танкового капонира обнаружены следы распахки культурного слоя многослойного поселения **Кояшское западное** (Рис.92). Пятно распахки вытянуто по линии юго-запад — северо-восток, его площадь — около 0,95 га.

Подъемный материал был сконцентрирован на трех пятнах размерами до 600 кв. м. Поверхность распахки довольно ровная. В бортах танкового капонира культурный слой, заполненный золистыми включениями, фрагментами керамических изделий и мелкими обломками костей, прослеживается на глубину до 0,3 м от дневной поверхности. Слой представлен светло-коричневым суглинком. На поверхности встречены отдельные камни скальных пород приозерненского происхождения, растащенные распахкой. Микрорельеф не выражен, однако в северо-восточной части имеются невысокие (до 1,0 м) курганообразные современные насыпи диаметром до 20—30 м.

Подъемный материал с распахки культурного слоя распадается на две хронологические группы. К наиболее ранним находкам относятся профилированные фрагменты амфор Менде [с рюмкообразными донышками: *Зеест, 1960, табл. X, XI, 23, 24*], Хиоса [*Зеест, 1960, табл. V, 14*], в том числе две ручки с кольцевыми вдавлениями, Синопы [*Зеест, 1960, табл. XIII, 28, 29*], и Гераклеи, относящиеся к рубежу V—IV — III в. до н.э. Ко второй группе находок относятся фрагменты фанагорийских и херсонесских амфор, корчажек

боспорского глины и т.д., относящиеся к периоду II; III — IV вв. н.э. Скорее всего здесь первоначально располагалось небольшое селище, возможно, сезонного характера, или выносной наблюдательный пункт-селище.

Усадьба Приозерная. На юго-западном побережье Кояшского озера, на юго-западном склоне г. Приозерная, при дешифровке аэрофотосъемки были обнаружены следы квадратной в плане постройки (Рис.94). Она расположена в 3300 м северо-западнее городища Киммерик на противоположном берегу озера, в 1650 м юго-западнее поселения Кояшское северное, северо-западный угол постройки находится в 69 м юго-западнее триангуляционного знака на вершине г. Приозерная (44,9 м). Раскопками вскрыта квадратная в плане постройка размерами 32,3х32,4х32,1х31,0 м (соответственно, северная, восточная, южная и западная стены комплекса). Кладка стен сложена из крупных дикарных камней известняка с забутовкой между двумя панцирями, ширина кладки колеблется от 1,25 до 1,55 м., она сохранилась на высоту 1—2-х рядов. Кладки стен лежат на материковом светло-коричневом слегка забутованном известняковым гравием суглинке (Рис.95,96).

В юго-западной стене зафиксирован проход шириной 4,25 м, а в северной — шириной 2,7 м. Постройка ориентирована по сторонам света с отклонением на восток 26°41'. Максимальная мощность вскрытого культурного слоя, представляющего собой светло-коричневый суглинок с включениями известняковой крошки, составляет до 0,4 м. Сверху он перекрыт почвенным гумусным слоем мощностью до 0,20 м. Строительных остатков внутри постройки зафиксировано не было, кроме того необходимо отметить небольшое количество керамического материала, обнаруженного в раскопанных слоях, отсут-

ствие мощных завалов, сопровождающих разрушенные эллинистические усадьбы и тот факт, что внешние стены постройки выходили на дневную поверхность. На поверхности памятника и в слое встречен фактически однородный материал — амфор Менде, Фасоса, Хиоса, Синопы, Гераклеи, Родоса и Пантикапея. Основная масса материала относится к IV — I половине III в. до н.э. Несколько особняком стоят единичные фрагменты амфор с усеченно-конусными или стаканообразными доньями (Монахов, 2003, с. 43—49—Лесбос) [Зеест, 1960, табл. III, 9], датированные 2-ой половиной VI — 1-й половиной V в. до н.э. Необычную стратиграфию памятника и его облик можно предположительно объяснить двояко: либо это сельская усадьба, в XIX — начале XX в. разобранный на строительный камень для соляных разработок, расположенных в непосредственной близости, либо строительство этой усадьбы было приостановлено еще в древности.

Более или менее близкие аналоги сельских усадеб подобной планировки известны в Северном Причерноморье (25 клер Херсонеса, здание № 6 на поселении Панское и усадьба № 1 у Дидовой Хаты в округе Ольвии).

III.3.3. ПАМЯТНИКИ ОКРЕСТНОСТЕЙ УЗУНЛАРСКОГО ОЗЕРА

Гора Кончек высотой 117,1 м является одной из наиболее крупных возвышенностей в округе Опука, она расположена в 9500 м северо-западнее г. Опук (расстояние между триангуляционными знаками обеих возвышенностей) на юго-восточном берегу Узунларского озера, на 10350 м вдающегося в сушу. В северной оконечности озера в визуальной близости (5750 м

от триангуляционного знака на г. Кончек), на юго-восточном склоне г. Атаманская (143,9 м), расположено южное окончание Узунларского (Асандрова) вала. Узунларское озеро огибает к востоку г. Кончек, образуя крупный залив, в восточной части которого находится устье крупной водосбросной балки длиной не менее 3,5 км, в отдельных местах запруженной земляными дамбами аула Кончек. Его развалины сохранились на подошве юго-восточного склона горы.

Южный берег озера представляет собой пересыпь шириной до 80—100 м и высотой 2—3 м, отделяющую озеро от Черного моря. Максимальная глубина озера в летнее время не превышает 1,0 м. В засушливые годы уровень рапы озера находится на 0,3 м ниже уровня моря.

Гора Кончек представляет собой возвышенность с центральным скалистым массивом и двумя отрогами — западным (99,8 м) и южным (97,3 м). Южный и юго-западный склоны горы очень круты, здесь перепад высот составляет до 5 м на 1 погонный метр склона. Их прибрежные террасы узки и не превышают в ширину 10 м. Западный склон горы изрезан балками, в тальвеге которых произрастают редкие кустарники, в то время как на других участках склонов, кроме травяного покрова, растительность отсутствует.

Северо- и юго-восточный склоны более пологи, на подошве юго-восточного и южного склонов расположена широкая прибрежная терраса.

Наиболее крупная балка расчленяет южный и центральный массивы горы. Источников воды нет, единственными методами водозабора является поверхностный — по склоновым балкам и балке восточного берега озера. Однако не исключена возможность сбора конденсата (в небольших объемах) на подошвах скальных массивов

горы, а также выработка пресноводных линз на берегу озера.

Северный склон и его подошва сложены из сильно засоленных глин. Окрестности г. Кончек представляют собой равнину слегка наклонную к Узунларскому и Кояшскому озерам (перепад высот около 4 м на 500 погонных м), расчлененную небольшими и крупными балками в основном юго-западной и западной ориентации.

Безводность и сложные географические условия обусловили слабую обжитость окрестностей г. Кончек в древности.

Поселение Кончекское южное. Является единственным крупным объектом, расположенном на прибрежной террасе юго-восточного склона южного отрога г. Кончек, обнаруженным автором.

Поселение расположено в 1500 м юго-юго-восточнее триангуляционного знака на вершине горы, в 4350 м от аналогичного знака на г. Приозерная и в 1550 м северо-западнее северо-западной оконечности Кояшского вала и рва на перешейке Узунларского и Кояшского озер, в 10550 — 10570 м юго-западнее центра села Марьевка (Рис.61).

Площадь распространения подъемного материала составляет около 3 га, она вытянута по линии юго-запад — северо-восток на длину до 330 м вдоль берега озера, северная граница площади расположена непосредственно на подошве склона, достигая максимальной ширины 180 м.

Поверхность поселения достаточно ровная с небольшим уклоном к берегу озера (перепад высот 5 м на 150 погонных м), сильно задернована, со следами давней кратковременной распахки, на отдельных участках потревожена коммуникациями стрелкового полигона. Микрорельеф поселения слабо выражен (на аэрофотосъемке различим лишь при очень большом увеличении). Планировка поселения по микро-

рельефу практически не реконструируется, однако ближе к береговому обрыву плотность распространения подъемного материала уменьшаются. К северо-восточной границе поселения примыкают развалины деревни Кончек. На площади поселения имеются отдельные всхолмления высотой до 0,25 м и диаметром до 30 м. Отдельные нарушения поверхностного слоя позволяют оценить мощность культурного слоя до 1,0 м. Терраса поселения обрывается к озеру береговым обрывом высотой до 2,5—3,0 м, в котором фиксируется лишь периферия основного культурного слоя мощностью не более 0,05—0,20 м, который представлен светло-коричневым суглинком. В обнажениях берегового обрыва встречены также выходы железорудных пластов (агломераций) керченских руд мощностью не более 0,5—1,0 м.

В обрыве берега и на поселении собран многочисленный подъемный материал, распадающийся на три хронологические группы.

К наиболее ранней группе относятся немногочисленные дробные фрагменты лепных сосудов грубым темно-коричневым тестом с включением толченой ракушки с грубым рифлением по внешней и иногда по внешней и внутренней сторонам сосуда. Аналогичная керамика встречена нами на остатках стоянки эпохи бронзы у источника на южном склоне г. Опук (см. выше). Помимо фрагментов лепных сосудов, здесь также были встречены многочисленные сколы и орудие из кремня (Рис.97).

К находкам следующего исторического периода относятся более 250 профилированных фрагментов амфор и столовой посуды античного времени. Среди амфорного материала встречены фрагменты амфор Менде и Фасоса [Зеест, 1960, табл. X, XI, 23, 24; VII — VIII, 20] первых трех четвертей IV в. до н.э., Хиоса [Зеест, 1960, табл.

IV, 14] IV — начала III в. н.э., Гераклеи и Синопы [Зеест, 1960, табл. XXII, 42 — 45; XIII, 28 — 30] второй половины IV — III в. до н.э., Пантикапея [Зеест, 1960, табл. XVII, 34] конца IV — начала III в. до н.э., Книда [Зеест, 1960, табл. X, XI, 23, 24] конца III в. до н.э. и т.д. (Рис.97). В целом материал охватывает хронологический период от начала IV до II в. до н.э.

Позднеантичный материал представлен фрагментами фанагорийских и бо-спорских амфор с широким горлом [Зеест, 1960, табл. XXXVIII, 96 — 97], светлоглиняных амфор [типов C, D, F по Д.Б. Шелову, 1978] и т.д. (Рис.172).

Группа раннесредневекового материала представлена многочисленными профилированными фрагментами амфор причерноморского типа, кувшинов с плоскими ручками и фрагментами рифленых горшков салтово-маяцкого облика (Рис. 98).

На основании подъемного материала можно судить, что поселение возникло на месте стоянки поздней бронзы и раннего железа, возможно, в начале IV в. до н.э. и существовало с перерывами до IX — X в. н.э. Позже здесь, по соседству с поселением, возникает татарская деревня Кончек, наличие на территории которой находок фрагментов поливной керамики допускает ее возникновение в позднесредневековое время.

К поселению примыкает другой интересный объект, обнаруженный автором на вершине южного отрога г. Кончек, господствующего над поселением. Это остатки стены небольшого укрепления или наблюдательного поста. Вершина отрога расположена в 870 м к югу от триангуляционного знака на вершине г. Кончек. Отрог представляет собой сопку высотой 93 м с крутыми склонами, на которых перепад высот местами достигает 4 м на 5 погонных метров склона (Рис.61).

Стена обнаружена в обнажениях современного окова на северном склоне отрога и прослеживается визуально на дневной поверхности в виде выхода отдельных камней на узкой (25 м) уплощенной вершине сопки. С вершины хорошо просматривается все южные, юго-восточные, юго-восточные, восточные и северо-восточные окрестности Узунларского озера. В визуальной близости находятся Кояшский вал и поселения перешейка Кояшского и Узунларского озер, г. Приозерная, г. Острая, городище Киммерик, цитадель на плато г. Опук. Вид на Узунларский вал закрыт основным массивом горы, что допускает наличие наблюдательного пункта на его вершине. Однако следов такового в ходе разведок обнаружено не было.

Небольшим шурфом был зачищен северный фас стены, основание которой лежит на предскальной материковой крошке на глубине 1,0 м от дневной поверхности (Рис.62). Судя по выходам камней на дневную поверхность, стена двухпанцирная с забутовкой, шириной не менее 1,5—2,0 м. Шурфом вскрыто 2 постелистых ряда кладки из крупных подтесанных подпрямоугольных блоков известняка.

Стратиграфический срез представляет три слоя — предскальный стерильный слой мощностью до 0,25 м, в который введена кладка, слой светло-коричневого суглинка с включениями крупных обломков известняка мощностью до 0,60 м, содержащий немногочисленные дробные фрагменты амфорной тары рубежа I в. до н.э.; I в. н.э. — конца II — IV в. н.э.; и стерильный гумусный слой мощностью до 0,15 м.

На вершине отрога также зафиксированы остатки еще одной стены в виде выходящих на дневную поверхность камней. Эта стена такой же ориентации и, возможно, составляет с описанным объектом единый комплекс. Камни стены прослежива-

ются не менее чем на 25 м вдоль склона отрога. На поверхности вершины собраны немногочисленные дробные фрагменты амфорной тары эллинистического времени и первых вв. н.э.

Не исключено, что этот объект являлся небольшой крепостицей в системе Узунларского вала, а также цитаделью (убежищем) неукрепленного поселения Кончекское южное. Возникновение античного поселения Кончекское южное, судя по собранному амфорному материалу, следует относить к началу IV в. до н.э., что хорошо согласовывается с датами возведения Узунларского и Кояшского валов, в системе которых оно, безусловно, и входило.

На остальной территории не встречено каких-либо иных объектов, правда, отдельные дробные фрагменты керамики античного времени были найдены на западном береговом склоне горы, однако привязать их к каким-либо объектам не удалось.

III.4. ПОЗДНЕАНТИЧНЫЕ ПАМЯТНИКИ ГОРЫ ОПУК И ЕЕ ОКРЕСТНОСТЕЙ

Некоторые памятники позднеантичного времени, перекрывающие объекты раннеантичного и эллинистического времени, включая наиболее крупные памятники региона — городище Киммерик, цитадель на г. Опук и антропогенное террасирование северного склона горы — уже описаны нами в предшествующих разделах, но мы еще раз напомним их. Слои рубежа I в. до н.э. — I в.н.э. и первых веков н.э. встречены на поселениях «под источником», Кызаульский маяк, Кончекское южное и на террасированном северном склоне г. Опук.

Количество объектов, относящихся к периоду рубежа и первых веков н.э., в рассматриваемом регионе невелико. На наш

взгляд, а priori можно связать это явление с сокращением в этот период сельских неукрепленных поселений и последующей рустификацией жизни Киммерика, оттоком части населения на сам Опук. Тем не менее очевидно, что бывшего размаха освоения сельской округи Киммерика и окрестностей г. Опук в первые века н.э. не наблюдается. Более того, из числа описанных поселений лишь на поселении Кончекское южное позднеантичный материал представлен достаточно репрезентативно, на других же — он немногочислен и теряется в массе материала эллинистического времени. Однако не исключено, что данное явление могло быть вызвано какими-то неизвестными нам изменениями в системе землепользования, поскольку хозяйство Киммерика носит ярко выраженный товарный характер.

Кызаульский некрополь. О существовании могильника возле дер. Кыз-Аул (Яковенково) Керченскому музею в 1929 г. сообщил житель дер. Топ-Такиль Т.А. Савченко. Первые грабительские раскопки были произведены в 1918 г. (был вскрыт склеп с дромосом и коллективным захоронением). В 1930 г. экспедицией Керченского музея под руководством Ю.Ю. Марти был частично исследован склеповый и грунтовый некрополь у деревни Кыз-Аул. В работах экспедиции принимал участие В.Ф. Гайдукевич, благодаря которому и были частично опубликованы материалы этих исследований (1959, с. 187—215), утерянные в годы войны. Экспедицией был обнаружен могильник I в. до н.э. — II в.н.э. В 1979 — 1985 гг. на могильнике проводились охранные раскопки под руководством сотрудника Керченского историко-археологического музея О.Д. Чевелева, однако материалы исследований пока не изданы. По любезному сообщению О.Д. Чевелева, в ходе охранных работ на могильнике были также выявлены погребения

бения II в. до н.э. и III в. н.э., что позволяет расширить хронологические рамки памятника.

По следам грабителей в 1994 г. сотрудниками Южно-Боспорской экспедиции были собраны прекрасно сохранившиеся фрагменты деревянного резного саркофага (Рис.99), переданные в Керченский музей, и фрагменты амфорной тары и столовой посуды I—III вв. н.э., а в 1995 г. отряд экспедиции (нач-к отряда Федосеев Н.Ф., научный сотрудник и производитель работ — Сударев Н.И.¹³) провел на некрополе охранные раскопки. В последние годы на некрополе эпизодически проводились небольшие охранные работы Керченским историко-археологическим музеем-заповедником (Федосеев Н.Ф.), однако разграбление могильника продолжается целенаправленно и поныне.

Как мы уже отмечали выше, не исключено, что поселение, которому принадлежал некрополь, могло быть уничтожено абразией береговой линии, которая за рассматриваемое историческое время уничтожила не менее 100 м прибрежной части и в настоящее время разрушает и сам некрополь. Однако не исключено, что поселение могло находиться на территории современного поселка, жители которого часто обнаруживают фрагменты античной амфорной тары при копке огородов. Однако в этом случае это поселение несколько мало для столь монументального могильника. Другим возможным местом расположения поселения является западная оконечность гряды Яныш-Такильско-го месторождения, главенствующего над долиной пос. Яковенково с севера. Здесь, около современного кладбища в 2005 г., на грядах, в современных траншеях и на дневной поверхности автором был собран многочисленный подъемный материал IV в. до н.э. — первых веков н.э.

Некрополь занимает площадь около 2,0—2,5 га. Никаких остатков иных поселений, к которым бы мог относиться этот объект, разведками на прилегающей территории не обнаружено. Охранными раскопками сотрудников Южно-Боспорской экспедиции на памятнике было вскрыто около 150 кв.м. К приезду отряда на памятнике уже поработали грабители, которыми было оставлено более 50 ям, шурфов, траншей и котлованов различных размеров, выполненных с применением бульдозера и экскаватора. Было исследовано 14 погребальных комплексов, из которых: 2 — являлись каменными склепами, 4 — каменными плитовыми могилами, 3 — могилами с плитовым перекрытием, 4 — грунтовыми погребениями. В один из каменных склепов оказалось впущенным погребение кочевника XII—XIII вв. Среди погребений 3 можно отнести к погребениям взрослых людей, 2 — подростков, 5 — детские, 3 — младенческие.

Склепы. «Склеп № 1». По рассказам местных рыбаков, грабители вскрыли этом месте погребение женщины с ребенком, но бросили его из-за бедности, однако эта информация оказалась не вполне верной. К моменту раскопок грабительский шурф представлял из себя заплывшую яму из которой торчали куски каменных плит. Яма имела четырехугольную форму с размерами сторон — 3,80—2,00—2,50—2,00 м. Максимальная глубина склепа составила 1,39 м. Конструкция своей наибольшей длиной была ориентирована по линии северо-запад — юго-восток. Вход в склеп расположен с северо-западной стороны. Юго-восточная стенка дромоса состоит из одной хорошо обработанной плиты размерами 1,90х1,00х0,23 м. Северо-западная стенка дромоса со входом состоит из 4 известняковых блоков. Снизу расположены две плиты высотой 0,40 м. Одна — длиной 0,35 м, другая — длиной

1,6 м. Над ними находится плита высотой 0,94 м, длиной — 0,6 м, толщиной 0,27 м. Далее располагался вход в склеп шириной 0,83 м. Вход в склеп был заложен известняковой закладной плитой размерами 0,95х1,42х0,13 м, которая была подперта несколькими массивными необработанными камнями.

Северо-восточная стена склепа состояла из 5 известняковых блоков, поставленных на ребро в 2 ряда. Нижний ряд сооружен из 3 блоков (1,35х0,50; 0,20х0,50); 1,10х0,50, при общей толщине — 0,30 м), а верхний — из 2 плит (1,20х0,50х0,30 м; 1,50х0,50х0,40 м). Юго-западная стена сооружена из 5 плит, все они хорошо подогнаны друг к другу. Левая нижняя плита размерами 1,60х0,85х0,25 м сверху увенчана плитой размерами 1,50х0,50х0,25 м; правая нижняя (1,05х0,53х0,37 м) — треснувшей посередине плитой размерами 1,55х0,85х0,37 м. Для того, чтобы плотно подогнать плиты, древним строителям пришлось их подтесать друг под друга. Пол склепа представляет из себя подтесанный выход сарматского аллювия. Склеп был ограблен еще в древности. Вероятно, он имел уступчатое перекрытие, возвышавшееся над уровнем дневной поверхности и засыпанное курганной насыпью. Внутри в перемешанном слое найдены кости, в том числе человеческие, фрагмент черепа со следами деформации, масса фрагментов керамических сосудов, фрагменты железного меча и т.д. Рядом со склепом находились выброшенные при ограблении отдельные человеческие кости, бронзовые фибулы и ключ-кольцо, железные пряжки. Однако точная принадлежность этих вещей данному комплексу спорна, ибо позднее на территории могильника располагалось позднеантичное-раннесредневековое поселение. Впрочем, фибула, датирующаяся временем существования могильника (причерноморская серия сильно профили-

рованных фибул — II — начала. III в.н.э.) возможно, определяет то время, в которое использовался склеп, или по крайней мере его верхнюю дату¹⁴.

В средневековье (XII—XIII вв.) склеп еще раз был использован для погребения кочевника

Видимо, к этому времени склеп уже был разрушен. Используя в качестве одной из стен могилы юго-западную стену склепа, и частично северо-западную и юго-восточную в качестве торцевых сторон, кочевники построили новую северо-восточную стену из дикарного известняка с использованием отдельных блоков, вывороченных из склепа. Глубина могилы составила около 1 м, до дна склепа дно могилы не доходит на 0,30—0,40 м. Могила была ограблена недавно, о чем говорят остатки следов пребывания в ней грабителей. В заполнении могилы встречаются человеческие кости, железные гвозди, пряжки и т.д. Видимо, грабители прокопали погребение в 3 местах: голова—грудь—ступни. *In situ* остались берцовые кости, частично кости правой и левой рук. Погребенный, судя по всему, был крупным мужчиной, лежащим вытянуто на спине, ноги параллельно, руки вдоль туловища. В ногах был зафиксирован тлен от кожаной одежды, на костях ног и возле левой берцовой кости — остатки стремени, возле правой плечевой кости и в ногах — остатки гроба. В ногах и в районе головы — кости животных. Возле правого плеча и в районе кисти левой руки — костяные пуговицы, в районе правого плеча — фрагменты железных предметов — пряжки, наконечника стрелы и неизвестного предмета.

«Склеп № 2». В грабительском шурфе виднелись плиты перекрытия погребального сооружения, пробитые на стыке. В грабительском отвале встречены фрагменты керамики, в т.ч. краснолаковой,

венчики и ручки кувшинов, фрагменты светлоглиняных узкогорлых амфор, тонкостенной столовой посуды, стеклянных сосудов, куски кости, куски великолепно сохранившегося дерева от саркофага. По словам рыбаков, которые видели ограбление этого склепа, в нем находился деревянный саркофаг с гипсовыми налепами, оббитый «бляшками желтого металла». В нем находился скелет женщины «с черной косой», на пальцах рук — «перстни, в районе ушей — серьги, ожерелье из бус, кувшины и т.д.». Саркофаг был разломан и вытащен по кускам из склепа.

Склеп был перекрыт 3 крупными известняковыми тесаными плитами (0,95x0,90x0,25; 1,25x1,19x0,26; 0,50x1,25x0,20) и имел размеры 2,37x1,57x1,50 м (внутренние размеры — 2,1x0,7). Перед сооружением склепа был вырыт котлован размерами 3,07x2,00 м. Вход в погребальное сооружение был расположен с западной стороны с небольшим отклонением к северу. Дромос и склеп ориентированы по линии ЗСЗ — ВЮВ. Длина дромоса составляла 1,35 м, ширина — 1,6 м. Глубина дромоса от верхней зафиксированной отметки — 2,6 м, он имеет резкое понижение по скальному выступу и на глубине 1,9 м была устроена небольшая ступенька. Закладная плита была снаружи подперта крупными камнями, среди которых встречались и обработанные фрагменты. Сверху дромос был перекрыт каменной плитой (размерами 1,36x0,30x0,07 м), которая образовывала над ним как бы козырек. Плита была плотно подогнана к стенкам входной части склепа и краями длинной стороны и опиралась на боковые стенки склепа.

Все стены склепа сооружены из двух рядов плит. Юго-восточная стена представляет из себя две плиты, поставленные ребром друг на друга. Размеры верхней плиты — 1,02x0,31x0,13 м., нижней —

1,0x0,95x0,15 м. Северо-восточная стена сооружена из пяти обработанных плит. Нижний ряд состоит из двух плит размерами 0,95x0,92x0,22 м (ближняя к дромосу) и 1,36x0,92x0,22 м. Верхний ряд состоит из трех плит размерами (от дромоса): 0,71x0,30x0,56 м; 1,0x0,30x0,22 м; и 0,45x0,30x0,22 м. Ближняя к дромосу лицевая, на стороне, закрытой перекрытием склепа, имела пустое углубление прямоугольной формы (0,50x0,20x0,20 м), заполненное затекшей землей. Плита с нишей, скорее всего, была использована вторично, а первоначально служила эсхарой. Юго-западная стена состояла также из пяти обработанных блоков, поставленных на ребро в два ряда. Плиты нижнего ряда имели следующие размеры: 1,56x0,90x0,30 м (ближняя к дромосу) и 0,67x0,9x0,25 м; блоки верхнего ряда — 1,00x0,30x0,30 м; 0,25x0,30x0,35 м и 0,84x0,30x0,25 м. Северо-западная стена (вход в склеп) имела следующие размеры: нижняя плита 0,80x0,95x0,2 м (закладная плита); над ней располагалась плита, своими краями опирающаяся на плиты нижнего ряда боковых стенок и являющаяся одновременно частью «козырька»-заклада входа в дромос.

При расчистке склепа были обнаружены фрагменты гипсовых налепов с остатками синей краски, в том числе в виде женского торса. Помимо этого, были найдены разрозненные человеческие кости, фрагмент ткани и т.д. Рядом с дромосом располагались остатки тризны. По разрозненному собранному материалу склеп датируется I—II вв. н.э.

Другие погребения. К югу от склепа № 2 группировались могилы детей. Они имеют ту же ориентировку. Костяки лежали черепом на восток с отклонением к югу. Они заглублены приблизительно на один уровень. Были обнаружены три младенческие безынвентарные погребения, рас-

положенные рядом с перекрытыми плитами погребений более взрослых детей. Все погребения совершены в «каменных ящиках» (плитовые могилы) и грунтовых могилах с плитовым перекрытием и имеют на дне подсыпку из морского песка.

Могила 3. Обнаружена на глубине 0,9 м от уровня дневной поверхности. Представляет из себя грунтовую яму, перекрытую известняковыми плитами. Лежавшие над могилой три плиты были провалены внутрь. При их снятии были прослежены заплечики, на которых и лежали плиты. Заплечики представляли из себя земляную ступеньку шириной 0,35 — 0,45 м и глубиной 0,15—0,2 м. Глубина могильной ямы — 0,45 м. Она имела овальную форму размерами 1,38х0,78 (без заплечиков) и была ориентирована по линии В—З с минимальным отклонением к юго-западу и северо-востоку. По аналогии с остальными погребениями данного участка можно предположить, что погребенный лежал головой на восток. В засыпи могилы встречены мелкие фрагменты керамики, угольки, видимо, попавшие туда из слоя вышерасположенного поселения. Могила была ограблена еще в древности. Кости погребенного ребенка практически не сохранились, отдельные их куски лежали не в анатомическом порядке. В восточной части могильной ямы находилась краснолаковая мисочка, рядом, у северо-восточной стенки, — стеклянный кувшинчик. В центре могилы, рядом с обломком черепной кости, — лигнитовая бусина цилиндрической формы, в засыпи — еще одна цилиндрическая бусина из красной пасты. Местами, по дну могилы (под мисочкой, стеклянным сосудом и т.д.), прослеживалась подсыпка из морского песка толщиной 0,01 — 0,025 м.

Могила 6 обнаружена на глубине 1,05 м от дневной поверхности. Сверху она была перекрыта небольшой известня-

ковой плитой. Форма могилы практически не читается. Скелет ребенка до 1 года сохранился крайне плохо, положение костяка осталось не до конца ясным — видимо, младенец находился в положении близком к скорченному. Погребенный был ориентирован головой на северо-запад. Сохранившаяся длина погребения составила 0,33 м.

Могила 7 обнаружена на глубине 0,9 м от дневной поверхности и была аналогична предыдущему захоронению. Это погребение располагалось рядом с плитами перекрытия могил №8 и №9, находилось на том же уровне и, видимо, было связано с ними. Костяк крайне плохой сохранности, длиной 0,45 м, был ориентирован головой на восток.

Могила 8 зафиксирована на глубине 0,9 м от дневной поверхности. Под тремя подтесанными плитами ракушечника была выявлена простая грунтовая яма овальной формы длиной 1,27 м, шириной — 0,74 м, глубиной всего 0,15 м. Плиты перекрытия неровные, по форме приближены к трапеции. В могиле были найдены костяки двух детей. Точное положение костяков выяснить оказалось невозможным из-за плохой сохранности, однако, видимо, они были похоронены в положении вытянуто на спине, головой на восток. Возможно, мы имеем дело с погребением близнецов. У одного погребенного в районе шеи был найден набор бус в количестве 11 шт. из пасты, стекла и лигнита, а также бронзовая фибула. У второго погребенного также в районе шеи был найден аналогичный набор бус в количестве 9 штук. В ногах погребенных лежала краснолаковая миска, дно могилы покрыто подсыпкой из морского песка.

Могила 9 обнаружена на глубине 0,9 м от дневной поверхности и представляет собой небольшой каменный ящик с плитовым перекрытием из двух плит раку-

щечника, ориентированный по линии восток—запад. Длина ящика — 1,33 м, ширина — 0,44 м, глубина до пола — 0,5 м. Ящик сооружен из тесанных плит ракушечника. В ногах и головах — по одной плите длиной около 0,5 м и шириной около 0,1 м. Боковая северная плита длиной около 1 м, южная стенка была сооружена из двух плит той же толщины и длиной 0,85 м и 0,40 м. Северо-западный угол погребения выложен мелкими камнями. Ящик был заполнен рыхлым темно-коричневым грунтом. В могиле был захоронен ребенок 3—5 лет, сохранность костяка плохая — кисти рук и стопы ног почти не сохранились. Погребенный был ориентирован головой на восток. Череп завален лицевой частью на юг. Положение костяка — вытянутое на спине, левая рука лежит вдоль туловища, правая — кистью на костях таза, ноги вытянуты. Длина костяка составила 0,68 м. Пол погребения покрыт слоем морского песка толщиной около 0,02 м. К югу от костяка, между костями руки и стенкой ящика, была небольшая раздавленная ойнохоя оранжевой глины и краснолаковая мисочка. На запястье правой руки — бронзовый браслет с надетым на него большой бусиной или пряслице из меловой породы. В области груди располагался набор из шести лигнитовых, одной пастовой и трех крупных стеклянных бус. От плечевых костей до таза прослежен тлен серого цвета.

Могилы 11 обнаружена на глубине 1,2 м от дневной поверхности. Она представляет собой небольшой каменный саркофаг с плитовым перекрытием. Яма от этой могилы была замечена выше, примерно на глубине 0,9 м, однако четкие контуры проследить не удалось. В яме, над плитами перекрытия саркофага, были зафиксированы кости молодой лошади, лежащей не в анатомическом порядке. Сохранившиеся кости представлены большим числом

фрагментов (в т.ч. 3-мя копытами), однако большая часть костей включая череп отсутствуют. Вероятно, это представляет собой остатки поминальной тризны, о чем говорит тот факт, что часть костей была расколота. Никаких предметов, связанных с упряжью, в яме найдено было. Были также обнаружены несколько костей мелкого скота, фрагменты краснолаковой посуды, простой столовой посуды, лепных сосудов, узкогорлых светлоглиняных амфор и т.д.

Перекрытие саркофага состояло из двух плит ракушечника размером 0,65х0,40 м. Саркофаг был выдолблен в цельном куске известняка, внешняя поверхность которого была обработана достаточно грубо. Возможно, в качестве саркофага была использована поилка для домашних животных. Размеры саркофага составили: длина — 1,00 м, ширина — 0,45 м, толщина стенок — около 0,09 м, внутренние размеры — 0,81х0,29 м., глубина саркофага — 0,18 м. Саркофаг был ориентирован по линии СЗЗ—ЮВВ. В заполнении была очень рыхлая темно-коричневая земля, попавшая в погребение через щели в перекрытии. В саркофаге находилось два детских костяка, расположенные один на другом. Скелеты сохранились плохо, черепа рассыпались, некоторые кости растащены грызунами по всей площади саркофага. Длина верхнего и нижнего костяка составила 0,60 м. Ориентированы погребенные головами на восток—юго-восток. Погребенные были положены на спине с руками, вытянутыми вдоль туловища, ноги слегка разведены в коленях и соединены в щиколотках (поза «всадника»). Вероятно, что данное положение костей ног связано не с особенностями обряда, по которому погребали данных покойников, а с размерами саркофага, в который они были положены. Пол саркофага подсыпан морским песком толщиной 0,03 м.

Погребенных сопровождали: стеклянный лакримарий — у правой ноги верхнего костяка; бронзовый проволочный браслет с колокольчиком с железным язычком — на правой руке нижнего костяка. Около черепа нижнего погребенного были обнаружены 3 серебряные серьги в виде колечка с петельчатым приемником. В области шейных позвонков нижнего костяка обнаружено скопление бус, среди которых выделяются две бусины из египетского фаянса в виде гениталий и в виде фаллоса. Также там были найдены 3 бронзовые пронизи в виде двух цилиндров и бронзовая подвеска из проволоки фаллической формы. В наборе бус было 87 лигнитовых, 13 стеклянных полосатых сине-бело-желтых бус, 2 бусины коричневой пасты с белыми включениями, одна — крупная голубой пасты и одна распавшаяся белой пасты. В основном бусы лежали компактно, представляя из себя остатки ожерелья.

Могила 12 обнаружена на глубине 1,2 м от дневной поверхности и представляет собой погребение, аналогичное погребениям 6 и 7. Яма практически не прослеживается. Кости сохранились плохо, частично перемешаны грызунами, их точное положение установить не удалось, однако ясно, что погребенный был ориентирован головой на восток. Длина сохранившихся остатков — 0,3 м.

Могила 13 была расположена на глубине 0,7 м от дневной поверхности. Она представляет собой каменный ящик, ограбленный в наши дни. Практически весь он находился в грабительском шурфе, засыпанный перекопанным грунтом. Рядом с ящиком в перемешанном грунте была обнаружена свежерасколотая краснолаковая мисочка, практически аналогичная мисочкам из погребений 3 и 8. Ящик сохранился не полностью, не обнаружено также и плит от перекрытия, и одной из боковых плит. Длина ящика состави-

ла 1,88 м, ширина — 0,68 м. Погребение было ограблено не полностью, вероятно, в спешке. Ящик ориентирован по линии северо-запад — юго-восток со смещением к западу и востоку. На уровне 0,55 м от верхнего края плит сохранились остатки подсыпки из песка. Костяк почти не сохранился, за исключением отдельных его фрагментов. В восточном углу ящика были обнаружены остатки черепа, а в северо-западном — остатки костей ног *in situ*. Судя по обломкам костей, погребенным был подросток. В ногах погребенного *in situ* было обнаружено 5 краснолаковых мисок. В одной из них лежал бараний астрагал, рядом — фрагмент кости животного. На других мисочках лежала терракотовая статуэтка Эроta с петухом. Одна из мисок была разбита в древности. На внутренней донной поверхности трех мисок были отпечатаемы клейма — два в виде отпечатка ступни (разные), одно — в виде розетки. На одной из мисок с клеймом-ступней прочерчено граффитом в виде буквы N. Судя по остаткам костей ног, погребенный был похоронен вытянуто на спине головой на восток с небольшим отклонением к югу, ноги были соединены в щиколотках. Одна из мисочек располагалась на костях ног. Кроме того, в перемешанном грунте были обнаружены три бусины — две лигнитовые (разные), одна из египетского фаянса голубого цвета с насечками, а также бронзовый колокольчик, аналогичный найденному в могиле 11, но без язычка и кусочек бронзовой проволоки — возможно, остатки такого же браслета с колокольчиком, как и в могиле 11.

По инвентарю данные погребения датируются второй половиной I — началом II в.н.э. Характерно, что в трех погребениях встречены идентичные краснолаковые миски, перекликаются наборы бус, дважды встречены аналогичные браслеты с колокольчиками, что говорит в пользу одно-

временности погребений в рамках небольшого хронологического периода.

Около склепа № 1 исследовано три погребальных комплекса. *Могила 4* обнаружена на глубине 0,7 м от дневной поверхности, ее могильная яма практически не прослеживалась за исключением небольших участков в районе плеч, где её ширина составила 0,69 м. Костяк был положен прямо на выходящую в этом месте скалу. Костяк принадлежал погребению женщины. Череп не сохранился, он был разрушен при строительстве могилы 5. Никаких остатков подсыпок, как и подтесок скалы, под погребением не прослежено. Засыпь могилы практически не отличалась от грунта, в котором была вырыта могильная яма. Погребенная лежала вытянуто на спине, головой на северо-восток. В щиколотках ноги приближены друг к другу, что заставляет предположить, что при погребении они были стянуты веревкой. Правая рука вытянута вдоль туловища. Левая рука слегка согнута в локте, её кисть расположена под тазом. Ступни ног вытянуты, сохранились плохо. Сохранившаяся длина костяка составила 1,62 м. Инвентаря при погребенной почти не сохранилось, возможно, могила была разграблена при строительстве могилы 5. На запястье правой руки был найден бронзовый браслет с обломанными концами.

Могила 5 была зафиксирована на глубине 0,8 м от дневной поверхности и представляла собой погребение ребенка приблизительно 4—5 лет. Могильная яма овальной формы длиной 1,05 м и шириной — 0,50 м. Могила 5 прорезала могилу 4, левая ключица погребенной в могиле 4 сползла в могилу 5. Череп погребенного не сохранился, костяк сохранился плохо, погребенный был положен головой на восток—юго-восток. Кости кистей рук и стопы ног не сохранились. Руки вытянуты вдоль туловища, ноги вытянуты. Сохра-

нившаяся длина костяка составила 0,76 м. В области шейных позвонков были найдены стеклянные бусы и пронизи (6 шт.), а также две фрагментированные бусины из перламутра и два обломка янтарных бусин. На запястье левой руки был надет проволочный бронзовый браслет. Погребение, видимо, датируется второй половиной I — началом II в. н.э.

Могила 10 обнаружена на глубине всего 0,3 м от дневной поверхности и представляет собой небольшой каменный ящик с плитовым перекрытием, разграбленный в наше время. Размеры ящика составляют 1,84х0,72 м, глубина — до 0,47 м. Из плит перекрытия ящика *in situ* сохранилась одна с восточной стороны (0,64х0,56 м) и одна — с западной (0,3х0,3). Восточная торцевая стенка состоит из одной плиты размерами 0,40х0,35 м и толщиной 0,1 м. Западная стенка была сложена из небольших необработанных плит. Северная стенка состоит из двух плит размерами 1,0х0,40х0,15 м и 0,55х0,70х0,35 м, между которыми были подложены небольшие камни. Южная стенка состоит из двух плит размерами 0,90х0,22х0,35 м и 0,60х0,12х0,36 м. Рядом с ящиком в грабительском шурфе обнаружены перемешанные кости собаки — остатки от погребения животного. Внутри ящика, в перемешанном грунте встречены фрагменты костей человека и крупного животного (вероятно, коровы), фрагменты керамики, в т.ч. кувшина и плоскодонного сосуда, а также крышка для сосуда. В западной части погребения сохранились остатки костей ног и, судя по их положению, погребенный был похоронен головой на восток (с небольшим отклонением к югу). Ноги погребенного были соединены в щиколотках. Погребение синхронно вышеописанным.

На исследованной площади некрополя выше уровня залегания погребений был зафиксирован культурный слой толщиной

около 0,3 — 0,5 м, видимо, неоднократно подвергавшийся распашке. Вероятно, он относится к более позднему поселению, от которого на рассматриваемой площади сохранились яма, заполненная золой, и остатки какого-то комплекса типа полуземлянки диаметром около 3 м и остатками каменной подпорной кладки, заполненной по дну золистым грунтом. В заполнении встречены фрагменты амфор, столовой и кухонной посуды, развал сероглиняной миски, кости животных. Наличие на памятнике следов более позднего поселения отмечал также Чевелев О.Д., проводивший там раскопки в 1979 — 1985 гг. Время существования поселения датируется ориентировочно IV — VI вв.н.э.

Позднеантичная усадьба под плато г.Опук. На южном склоне г. Опук, непосредственно под скальным блоком юго-восточной подошвы плато, в котором находится нижний ярус опукских каменоломен, нами обнаружены остатки неукрепленной позднеантичной усадьбы со следами размежевания приусадебного участка, получившей название *«усадьба под каменоломнями»*. (Рис.6,100). Террасообразная долина, на которой располагается усадьба, вытянута широтно вдоль южного края плато и его отсевшей в результате оползня южной части. Длина долины составляет не менее 600 м при максимальной ширине до 150—180 м. Западный и северный края долины ограничены стенками обрывов плато и его отсевшей части, южный — обрывистой скальной грядой, обрывающейся к нижним террасам склона, южный — крутым склоном. Абсолютная высота долины составляет 120 м над уровнем моря. Долина имеет легкий уклон к югу (перепад высот — 10 м на 100 м склона), а ее западная часть, ограниченная более высокой обрывистой скальной грядой, имеет U-образную форму.

Остатки усадьбы обнаружены в северо-западной части долины-террасы. Они расположены в 660 м юго-восточнее триангуляционного знака на вершине г. Опук и представляют собой развалины постройки, выходящие на дневную поверхность, следы каменной ограды участка в виде насыпи выбранных с участка обломков горных пород и кольцевой загон, принадлежность которого к усадьбе предположительна. Следы постройки расположены на небольшом скальном уступе и в длину вытянуты по линии восток — запад. Поверхность сильно задернована и забутована. Остатки постройки располагаются на высоте 131—132 м над уровнем моря.

Усадьба представляла собой многокамерную постройку прямоугольной формы, в ее развале прослеживается два-три внутренних помещения (Рис.101), имеющих общую южную стену, развал которой прослеживается на 65,0—65,25 м. Стена сохранилась на высоту одного ряда камней и, судя по остаткам, была двухпанцирной с забутовкой, сложена насухо или на земляном растворе из дикарных камней известняка. Ориентировочно ширина кладки составляла не менее 0,80 и не более 1,0 м. Однослойные кладки шириной до 0,6 м, соединяясь переплет (? — В.Г.) с южной стеной, образуют два помещения: одно площадью около 6,50х10,25 м, другое, вероятно, такой же площади. Следов внутренних перегородок внутри помещений не сохранилось. Западную часть комплекса составляет однослойная погребная стена, прослеживаемая по линии север — юг на 14,75—15,00 м, шириной до 0,60 м. Соединяясь под прямым углом с южной стеной, она образует закрытый дворик, проход в который, судя по остаткам северной стены комплекса, находился в западной оконечности последней стены. К юго-восточному углу постройки примыкает стена ограды участка и межа, ха-

раक्टर сочленения их со стеной неясен. Ограда участка, пролегая по линии В—З, на отметке 22,5 м, дугой поворачивает к югу до ориентации С—Ю и обрывается на южном склоне долины. Общая длина ограды составляет 135,5—136,5 м. Ширина навала камней ограды колеблется от 1,0 до 1,75 м. Межа является как бы продолжением восточной стены усадьбы, начинаясь от ее юго-восточного угла. Она пересекает террасовидную долину по линии С—Ю и в 80 м теряется среди обломков скальных пород склона (ширина не более 0,60—0,80 м).

Расстояние между стеной, оградой и межей в северной части — 56,0—60,0 м, в южной — 48,0 м, общая площадь участка — около 0,63 га, однако не исключено, что межей, сложенной из мелких обломков скальных пород внасыпь, огорожена лишь часть приусадебного участка: еще одна стена-межа, более мощная, расположена 212 м юго-западнее предыдущей.

На расстоянии около 124,5—126,0 м к юго-западу от южной оконечности восточной стены-ограды участка расположена кольцевая постройка, которая, находясь на территории участка, может лишь предположительно быть связана с комплексом усадьбы. Она имеет почти правильную круглую форму диаметром по внешней стороне кладки 23,25—23,50 м. Ограда этой кольцевой постройки, шириной 0,60—0,90 м, двухпанцирная с забутовкой, сохранилась на высоту одного ряда камней, кладка постелистая, однако ряд камней поставлен на ребро, что не позволяет относить ее с полной уверенностью к комплексу усадьбы. С северной стороны к постройке примыкает еще одна округлая постройка размером 7,25х7,50 м.

Автор предположительно относит эту кольцевую постройку, как и другие, обнаруженные на г. Опук, к зимним заго-

нам. Вероятно, за остатки круглых башен П. Дюбрюкс и принял эти загоны.

Дата основания усадьбы и время ее бытования хорошо устанавливается на основании довольно обильного подъемного материала, собранного как внутри развалин усадьбы, так и на самом участке. Здесь представлены фрагменты красноглиняных амфор с двуствольными ручками [Зеест, 1960, табл. XXVI, 62] I в. до н.э. — середины I в.н.э., светлоглиняных амфор [тип А по Д.Б.Шелову, 1978; Зеест, 1960, табл. XXVIII, 64] конца I в. до н.э. — середины I в.н.э. красноглиняных типа мирмекийских [Зеест, 1960, табл. XXXI, 72] конца II — I половины III вв.н.э., с желобчатыми венцами [Зеест, 1960, табл. XXXIII, 80], розовоглиняных широкогорлых [Зеест, 1960, табл. XXXIV, 83], амфор Фанагории [Зеест, 1960, табл. XXXVI, 86 — 87], широкогорлых амфор азиатского Боспора [Зеест, 1960, табл. XXXVI, 89]. Все эти амфоры начиная с типа Зеест 72 датируются концом II — I половиной III в. н.э. Наиболее поздними материалами являются фрагменты красноглиняных широкогорлых амфор [Зеест, 1960, табл. XXXVI, 89; XXXVIII, 96 — 97]. На дневной поверхности поселения были также встречены фрагменты столовой и кухонной посуды. Наиболее ранними материалами являются фрагменты амфор с ложнодвуствольными и красноглиняных с двуствольными ручками, которые И.Б. Зеест датировала I в. до н.э. — I в. н.э. Наиболее поздними — красноглиняные широкогорлые, датированные ею IV в.н.э. Выпуск этих амфор был начат, вероятно, во второй половине III в.н.э. (Абрамов, 1993, с. 51) А.В.Сазанов датирует последние концом IV — третьей четвертью VI в.н.э. (Сазанов, 1989, с. 47).

Как мы видим, основная масса материала принадлежит рубежу I-х веков и II — III векам н.э. Рассматриваемое посе-

ление имеет важное значение для исторической топографии г. Опук, поскольку подтверждает, что жизнь на Опук (читай — Киммерике) продолжалась и перед кардинальной реконструкцией цитадели в I трети IV в. н.э.

Площадка со сливом. Она расположена на восточном склоне г. Опук в 1350 м северо-восточнее триангуляционного знака и в 30 м восточнее линии «восточной» оборонительной стены водораздела горы (Рис.51,59,60). В процессе раскопок была выявлена овальная площадка, вырубленная в скальном блоке. Диаметр площадки составляет 1,90 м, по оси слива — 2,05 м (Рис.60). Она имеет легкий уклон к югу, в конце которого вырублен слив. Дно площадки имеет неровную поверхность. Южная оконечность площадки завершается сливом длиной до 0,81 м при минимальной ширине на краю площадки — 0,06 м и с бортиками высотой 0,07—0,09 м. Непосредственно под сливом, скала подтесана вертикально и в слое серо-коричневого суглинка сооружена яма глубиной до 0,43 м от ложа слива.

В заполнении вскрытого слоя обнаружены дробные и малочисленные фрагменты амфорной тары I—III вв.н.э. Назначение площадки не вполне ясно, с одной стороны, она могла быть давяльной площадкой, однако ни следов тарапана или иного пресса, ни также следов емкостей для слива сусла не обнаружено. Рядом с площадкой не обнаружено следов каких-либо хозяйственных строений. Кроме того, настораживает и неровное дно площадки.

Не исключено, что она могла использоваться как водоконденсационное или водосборное устройство. Аналогичные площадки со сливом, внешне напоминающие давяльные, расположены по краям восточной части плато у цитадели: около 8 площадок было обнаружено на север-

ной и южной кромках плато. Их площадь колеблется от 1,75 до 4,5 кв. м, часть из них расположена в непосредственной близости (до 1,0—2,0 м) друг от друга. Похожая площадка встречена также на вершине скального останца, у которого завершается линия «восточной» оборонительной стены водораздела горы. В условиях отсутствия у цитадели на плато источника воды, подобный прием для сбора атмосферных осадков и конденсата нам кажется вполне возможным, хотя не исключено, что они использовались как винодельческие давяльные площадки, однако неясно, почему они располагались на территории цитадели в непосредственной близости друг от друга. Одна аналогичная площадка, не полностью вырубленная на отделившемся блоке скалы обнаружена на одной из террас юго-восточного склона горы. Каменщиком была околнута поверхность площадки, вырублен слив и начата вырубка ложа площадки, однако работы не были завершены.

В ходе разведок на склонах г. Опук автором был обнаружен *склеповый могильник*, относящийся, очевидно, к цитадели на вершине г.Опук. По указанной выше причине привязку могильника к местности мы опускаем. Экспедицией были выявлены следы более 30 склепов на площади 0,9 га. На территории вокруг предполагаемого могильника был собран очень разнообразный подъемный материал. В числе находок встречены фрагменты амфор Синопы [Зеест, 1960, табл. XIII — XIV, 28 — 30], Гераклеи, Фанагории, амфор пестрой глины [Зеест, 1960, табл. XXXII, 72], со сложно профилированными ручками [Зеест, 1960, табл. XXXI, 75], с ручками треугольного сечения [Зеест, 1960, табл. XXXI, 76], с желобком под венчиком [Зеест, 1960, табл. XXXIII, 80], розовоглиняных амфор с широким горлом [Зеест, 1960, табл. XXXIV, 83], розовогли-

няных амфор [Зеест, 1960, табл. XXXV, 84], Фанагории [Зеест, 1960, табл. XXXVI, 86 — 88] — все конца II — I половины III в. н.э., амфор типа Делакеу [Зеест, 1960, табл. XXXIX, 100] второй половины III — IV в. н.э., типа инкерманской [Зеест, 1960, табл. XXXVIII, 95] IV — VI в. н.э. и др. Кроме того, были встречены фрагменты стенок амфор с реберчатой поверхностью и фрагменты красноглиняных, в том числе боспорских, кувшинов II — IV в. н.э.

Экспедицией были произведены охранные раскопки ограбленного и разрушенного современной выборкой камня склепа (Рис.102). Вскрытые грабительскими раскопками погребальная камера и дромос были заполнены наносным грунтом (светло-коричневый суглинок мощностью от 0,20 до 0,60 м), в котором были обнаружены дробные и единичные фрагменты светлоглиняных амфор [типы D и F по Д.Б.Шелову, 1978], «фанагорийских» розовоглиняных амфор [Зеест, 1960, табл. XXXVI, 86], амфор с клювообразным венцом [Зеест, 1960, табл. XXX, 72], амфор типа Делакеу [Зеест, 1960, табл. XXXIX, 100], красноглиняных широкогорлых амфор [Зеест, 1960, табл. XXXVIII, 96 — 97], фрагменты красноглиняных тарелок, кувшинов красной и коричневой глины. Слой не является остатками заполнения склепа и намыт вместе с материалом дождевыми водами.

Расчищенный склеп является однокамерным с дромосом погребальным сооружением длиной до 3,60 м, ориентированным по линии северо-запад — юго-восток и дромосом, обращенным входом на юго-восток (Рис.102).

Погребальная камера склепа, вырубленная в скальном массиве, имеет прямоугольную форму 2,28х1,50 м и ориентирована по линии северо-запад — юго-восток. Северо-западная стена камеры сохранилась на высоту 0,95 м, северо-вос-

точная — на 0,75 м, юго-западная — до 0,93 м, юго-восточная в районе притолок прохода — на 0,85 — 0,75 м. Дромос, как и погребальная камера, вырублена в едином скальном массиве. Наибольшая длина вырубленной в скале юго-западной стенки дромоса составляет 1,37 м, северо-восточной 0,90 м. Обе стенки сохранились соответственно на высоту 0,55 и 0,50. Дромос отделен от погребальной камеры проходом шириной 0,65 м со ступенью высотой 0,16 м при ширине 0,20 м. Пол погребальной камеры и дромоса (последний лишь частично вырублен в скале, а его юго-восточная оконечность, выходящая за пределы монолита скального останца, уничтожена грабительским раскопом) являются подтесанной скалой, расположенной на глубине 1,07 м от репера. Северо-восточная стенка камеры имеет несколько уступов, предназначенных, возможно, для крепления кладок стены и свода. В восточном углу камеры и в притоках дромоса у входа в камеру зафиксированы пазы для крепления закладных плит или балок (Рис.102).

Грабительским раскопом была разрушена тризна, часть которой удалось зафиксировать. Слой тризны мощностью до 0,20 м подстилает переотложенный при строительстве склепа слой светло-коричневого суглинка и перекрывается слоями отвала грабительского раскопа. А priori, стратиграфия шурфа на месте тризны допускает, что склеп был ограблен дважды, при этом последний раз — в 1930—1940-х гг., когда остатки конструкции склепа подверглись распиловке на строительный камень. В остатках тризны был обнаружен крайне дробный, но достаточно репрезентативный материал: фрагменты краснолаковых и красноглиняных тарелок и чаш III — IV — V вв. н.э., красноглиняных и сероглиняных кубков, лепных мисок, чаш, кувшинов и горшков. Аварийное состоя-

ние склепа позволяет лишь предположительно отнести этот некрополь к начальному этапу финального периода цитадели на г. Опук.

Объекты южного берегового склона. В средней части бухты, расположенной юго-западнее второго, недействующего, каптированного источника на южном склоне горы и получившей название Змеиной, благодаря обилию в тростниковых зарослях пресмыкающихся, покрывающих центральную часть склона, обнаружены следы внушительной постройки площадью не менее 350 кв. м на оконтуренной обрывками стен и выходами скалы площади (террасы) чуть более 1400 м². Помещение своей наибольшей длиной ориентировано вдоль склона по линии запад — восток. Стены сложены из крупных блоков рваного известняка. Ширина развалов стен достигает 1,5—2,2 м. Имеются следы внутренних перегородок. Подъемный материал, крайне немногочисленный и дробный, позволяет отнести ее в целом к позднеантичному времени. Назначение столь монументальной постройки неясно без предварительных раскопок. Шурфовать помещение из-за обилия пресмыкающихся сотрудники экспедиции не решились.

В восточной части склона этой бухты, представляющей собой окончание поперечной депрессии южного склона, в 35 — 40 м восточнее данной постройки обнаружен колодец грушевидной в разрезе формы, сложенный из дикарного известняка. Диаметр горловины 0,60 м, глубина до уровня воды — 3,7 м. Рядом с колодцем (в 1,5 м к югу) сохранилась ладьевидная поилка для скота, вырубленная в блоке известняка размером 1,30х0,70 м, полезный объем ее составляет 0,98х0,45х0,30 м.

Иных объектов позднеантичного времени на Опуке зафиксировано не было, однако необходимо отметить, что на тер-

расированных восточной и юго-восточной подошве плато и восточном и юго-восточном склонах горы прослеживаются следы древних построек и подпорных стен, различимые почти до уровня дороги, ведущей к источнику. Вся эта площадь, вероятно, являлась своеобразным посадом крепости, однако без предварительных раскопок трудно судить о характере и дате этих остатков, а давать описание обрывков стен — нецелесообразно.

Тем не менее на этих склонах горы был собран разнообразный материал от фрагментов амфор эллинистического до позднеантичного времени, есть и отдельные находки раннесредневекового времени, однако все-таки преобладает материал конца II—IV—VI вв. н.э. Следы отдельных построек, сильно обезображенные оползевыми процессами, были встречены и на приморских склонах горы. Однако их определение, даже приблизительная реконструкция и датировка на основе скудного подъемного материала оказались либо невозможными, либо крайне проблематичными. На современном уровне изученности этих объектов, опирающемся лишь на разведочные работы, мы лишь ограничимся их констатацией.

III.5. РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ГОРЫ ОПУК И ЕЕ ОКРЕСТНОСТЕЙ

Материалы разведок и небольших охранных раскопок, произведенных автором на горе Опук и в ее окрестностях, позволяют заключить, что именно в I половине VI в. полностью прекращает свое существование цитадель на плато горы, чем завершается процесс разрушения инфраструктуры античного Киммерика. До прихода на территорию Керченского полуострова носителей салтово-маяцкой куль-

туры жизнь на горе Опук и в ее окрестностях временно замирает.

Раннесредневековые памятники южной части Керченского полуострова пока остаются малоизученными — число известных объектов невелико: поселения у сел Костырино на берегу Чурубашского озера, Заветное, Марьевка, Пташкино, и на городищах Китей и Киммерик (остальные относятся к центральной, северной и восточной частям полуострова), а также на мысу Чауда (Казека).

Ряд многослойных памятников, располагающих культурными напластованиями раннесредневекового времени, уже был описан нами в предыдущих разделах. К ним относятся: антропогенные террасы северного и восточного склона г. Опук, следы раннесредневековых хозяйственных загоронок на городище Киммерик, строительные остатки на поселении «под источником», распахка культурного слоя на поселениях Киркояшское северо-западное, водораздела Кояшского и Узунларского озер и напластования поселения Кончекское южное.

В 100 м западнее западной оборонительной стены цитадели зафиксирована группа из шести и следы еще двух разрушенных двух-трех камерных построек, сложенных из крупных необработанных блоков известняка в один-два панциря с забутовкой (поселение **Плато**) (Рис.20). Площадь этих построек колеблется от 65 до 245 кв. м. Сохранившиеся входы в постройки, как правило, располагаются в южных стенах построек. Поверхность здесь ровная, сильно забутована и задернована. Подъемный материал внутри построек крайне скудный и дробный, как правило, это фрагменты амфорной тары позднеантичного и, в основном, раннесредневекового времени (конца II—IV в.; IV—VI; VIII—X вв.н.э.). Здесь представлены амфоры причерноморского типа,

дробные фрагменты горшков салтовского типа и т.д., что позволяет говорить о том, что эти постройки использовались и в раннесредневековое время, когда комплексы внутри стен цитадели уже перестают существовать. Интересно отметить, что никто из предшествующих исследователей цитадели не описывал эти выходящие на современную дневную поверхность строительные остатки, как и хорошо различимый зольный холм.

Поселение «над источником». Раннесредневековые объекты на склонах г. Опук представляют собой наиболее многочисленную группу памятников, хотя все они, вероятно относятся к крупному поселению над источником, являясь отдельными хозяйствами в его инфраструктуре, его хуторами. Часть из них, имеющие скромные размеры и плохую сохранность, будут описаны в разделе, посвященном «прочим объектам».

В 1989—1990 г. было обнаружено большое раннесредневековое поселение (Рис. 6,103), расположенное в небольшой котловинообразной долине на южном (приморском) склоне г. Опук, произведена топографическая съемка памятника (Рис.104) и небольшие разведочные раскопки одной из построек. Постройки поселения рассосредоточены на площади более 14 га по дну котловины, ее склонам и на отдельных террасах прилегающих к долине гряд. Поскольку фундаменты большинства построек поселения выходили непосредственно на дневную поверхность, оно, возможно, было известно и предшествующим исследователям Опука, однако какой-либо определенной информации о нем нет ни в исследованиях П.И. Бларамберга, ни в описании разведок, произведенных последующими исследователями — Ю.Ю. Марти (1928, с. 1—12) и И.Б. Зеест (1949, с.52—55). Однако при визуальном сопоставлении местности с

описанием древностей горы Опук, выполненным П. Дюбрюксом (1858, с. 69—75), выяснилось, что Дюбрюкс ошибочно принял остатки построек поселения и кольцевые загоны за руины фортификационных сооружений. Ряд фундаментов построек поселения оказались нанесенными и на карту горы Опук, составленную в 1852 г. подполковником Рябовым для издания «Древностей Боспора Киммерийского» (ИИМК, фонд Р-1, дело 1118, лист 7). Краткая информация о разведках Государственного. Керченского историко-археологического музея, проведенных И.Т. Кругликовой (1952, с.55—73), говорит о том, что это поселение привлекло внимание исследователя. «Разведками, — пишет И.Т. Кругликова, — было обнаружено наличие культурного слоя I—III вв. н.э. на небольшом холме, возвышающемся к северо-востоку от источника питьевой воды. Среди подъемного материала, собранного на холме и его северо-западном склоне, оказались фрагменты стенок и профилированные ручки массивных амфор III в.н.э.» К сожалению, «более детального исследования культурных напластований этого холма не производилось, так как основное внимание экспедиции было обращено на район, расположенный к юго-востоку от источника... (где — В.Г.) было обнаружено большое количество обломков греческой керамики VI—V вв. до н.э.» (Кругликова, 1952, с.58). Однако проведенные нами разведки показали ошибочность предложенной датировки памятника — здесь были собраны в основном фрагменты причерноморских амфор и лишь единичные находки могут быть отнесены к позднеантичному периоду. Кроме того, как выяснилось, выявленный И.Т. Кругликовой культурный слой относится лишь небольшой части юго-восточной окраины поселения, центральная часть которого располагалась в котловине

непосредственно за упомянутым холмом и по ее склонам (Рис.104).

В обобщающей монографии И.А. Баранова (1990, с.8—9,21) гора Опук включена в реестр объектов салтово-маяцкой культуры, однако источником этой информации является краткое сообщение Ю.Ю. Марти о строительных остатках и находках (включая монеты) средневекового времени на окраине античного городища Киммерик (1928, с.110), расположенного в 1125—1300 м западнее-юго-западнее рассматриваемого памятника.

Выгодное расположение памятника отвечает наиболее важным критериям выбора места для поселения (П. Доорн, 1993, с. 109—118). Здесь располагается крупный и сложный оползень сдвига и платообразно-ступенчатый рельеф южного склона горы сменяется грядово-ступенчатым опозненным рельефом. Наличие крупных депрессий продольной и поперечной ориентации, сильно развитая трещиноватость слагающих склоны горы известняков и другие факторы создали благоприятные гидрогеологические условия: здесь располагается один из наиболее высокодебитных источников пресной воды, действующий и поныне, а также несколько древних колодцев. Котловина долины закрыта практически со всех сторон, лишь ее юго-восточная оконечность открыта к береговому обрыву. Высокие гряды, высотой до 60—80 м, закрывают долину от северных, северо-восточных и юго-западных штормовых ветров, создавая благоприятные микроклиматические условия.

Удобный для возведения построек рельеф сочетается здесь с наличием каменных осыпей и выходов известняковых скал, дававших в необходимом количестве строительный материал. Поселение хорошо укрыто грядами и практически неразличимо в сложном рельефе, хотя наилучшая обзорность достигается лишь

в юго-восточном и южном направлениях. Однако этот недостаток, вероятно, компенсировался наличием других синхронных небольших поселений и отдельных объектов хуторного типа, обнаруженных нами на других участках склонов горы: они обеспечивали полную обзорность окрестностей. Не исключено, что система коммуникаций поселения опиралась на предшествующие аналоги античной инфраструктуры Опука: через поселение проходит полотно древней дороги, ведущей от цитадели к западному склону горы, на котором расположено городище Киммерик.

Основная часть поселения располагалась на дне большой котловины оползневого происхождения (68 — 45 м над уровнем моря, в 850 м южнее триангуляционного знака на вершине г. Опук). Пространственное решение средневекового поселения опиралось, вероятно, на более древние транспортные линии. Одна из них пересекала южную часть котловины с востока на запад, а вторая соединяла западный участок первой дороги с вершиной г. Опук и античной цитаделью Киммерика. Дороги в настоящий момент хорошо читаются в микрорельефе котловины и видны на современных аэрофотоснимках. Рост поселка, видимо, происходил в радиальном направлении от естественного центра в месте их пересечения.

По данным аэрофотосъемки, а также при визуальном наблюдении в котловине выявляются остатки не менее 25 усадеб. Каждая из них состояла из примыкавших одна к другой нескольких построек жилого и хозяйственного назначения. (Рис. 104). Небольшой приусадебный прямоугольный участок ограждался каменной оградой, одна из стен которой часто выходила к краю полотна дороги. Некоторые усадьбы расположены немного в стороне от транспортных линий — на склонах,

террасах и под скалами окаймляющих котловину гряд. Насколько можно судить по микрорельефу, в юго-восточной части долины поселение было укреплено земляным валом, сохранившимся на высоту до 1,5 м и опиравшегося на естественное валообразное поднятие.

К северу и к югу от котловины на склонах террас оползневого сдвига зафиксированы многочисленные сооружения не жилого назначения. Большинство из них круглые в плане постройки. Они представляют собой ограды, сложенные из крупных дикарных блоков известняка с использованием элементов естественного рельефа. Примерно к половине из них пристроены небольшие прямоугольные помещения, площадь которых варьирует от 6х16 м до 9х11 м. Мы склонны интерпретировать эти сооружения как загон для скота (вероятно, овец), а помещения, примыкающие к ним, как стойла. Почвенный покров внутри оград чрезвычайно слабый, а часто и совсем отсутствует. На дневной поверхности встречаются фрагменты тарной керамики (амфоры, флаги) IX — X вв. Разведками выявлены остатки не менее 20 таких загонков. Таким образом, почти каждой усадьбе поселка соответствовал один загон для скота в относительной близости от него. Данный факт, очевидно, говорит о семейном характере скотоводства у жителей поселения. Столь явные следы хозяйственной деятельности жителей поселка позволяют сделать некоторые предварительные подсчеты. Зная среднюю площадь стойла, можно легко рассчитать максимальное число голов скота, одновременно содержавшегося в загонках. При норме 0,5 м² на одну голову мелкого рогатого скота и средней площади стойла в 100 м² общее поголовье аила могло составлять до 4000 голов. Цифра получается достаточно высокая и, вероятно, говорит о товарном производстве мяса

как об основном направлении хозяйственной деятельности жителей поселка.

Кроме этих объектов, к югу от поселения на берегу небольших бухт разведками зафиксировано несколько других сооружений хозяйственного и жилого назначения (см. далее). Вблизи них в настоящее время расчищено два колодца грушевидной формы и каменные корыта — поилки для скота. Жители этих отдельно стоящих приморских усадеб, вероятно, кроме скотоводства занимались также и морским промыслом в прибрежной акватории.

В 1990 и 1995 гг. Южно-Боспорская экспедиция произвела раскопки одной из усадеб в восточной части котловины. Для раскопок были выбраны остатки наиболее крупного многокамерного сооружения, выраженного в микрорельефе подпрямоугольным всхолмлением высотой до 1,0 м. Его конфигурация (прямоугольная постройка, вытянутая по линии юго-запад — северо-восток) прослеживалась в виде валиков стен, отдельные камни которых выходили на современную дневную поверхность, и ярко выраженных линз помещений (перепад относительных высот до 0,40 м). Немаловажными факторами выбора объекта явились находки среди подъемного материала с площади усадьбы фрагментов черепиц и античной амфорной тары (Хиос, Гераклея).

В ходе раскопок¹⁵ на площади 220 м² была полностью раскрыта жилая усадьба, состоящая из двух помещений, и частично — стены хозяйственной постройки, примыкавшей к ней с юго-запада (Рис. 105, 106). Памятник однослойный, хотя в его остатках прослеживаются три строительных периода.

В стратиграфии заполнения помещений А и В выделяются пять слоев: I — слой дерна толщиной от 0,05 до 0,30 м накопленный после полного разрушения постройки и дал совсем мало находок; II — слой

серо-коричневого суглинка, мощностью 0,2 — 0,4 м, отложился в период активного разрушения постройки под воздействием естественных факторов, он насыщен археологическими находками в основном середины IX — первой половины X в. и сильно забутован камнями из разрушенных стен постройки; III — слой зелено-коричневой глины, мощностью от 0,2 до 1,0 м, представляет собой развал сырцовых стен постройки, установленных на каменном фундаменте; шапка этого слоя также сильно забутована камнями, а нижний горизонт содержал многочисленные развалы сосудов, относящихся к моменту гибели усадьбы; IV — сильно утрамбованный глинобитный пол постройки толщиной 0,05 — 0,10 м, в который впечатались отдельные фрагменты керамики; V — слой материковой глины.

В стратиграфическом разрезе хозяйственной пристройки отсутствовал слой III. Внутри нее пол был земляной и отсутствовала прослойка IV.

К первому строительному периоду относится помещение В. Его размеры по внешнему периметру составляют 10,5х6,5 м при толщине стен фундамента 0,9 — 0,7 м. Перед возведением стен был вырыт котлован, заглубленный в материк на 0,20 — 0,30 м. Кладка основания стен была построена по краям котлована непосредственно на верхний горизонт материка. В углу постройки были установлены довольно крупные блоки известняка со следами инструментальной обработки. Кладка фундамента двухпанцирная, с забутовкой из мелких камней. Панцири сложены в диагональной, так называемой технике «в елку» и сохранились на высоту трех рядов. Выше основания стены, очевидно, были сложены из сырцового кирпича, на что указывает мощный завал глины внутри помещения.

В помещении В не были зафиксированы какие-либо особенные отопительные приспособления, кроме двух открытых очагов с очень тонкой прослойкой пепла. Один из них находился в западном углу помещения, другой — в восточной его части.

На полу помещения зафиксировано несколько развалов керамических сосудов: в северо-восточном углу — оранжевоглиняной амфоры и салтовского пифоса, у южной стены — значительное число фрагментов причерноморской амфоры, а у западного очага — салтовский кухонный горшок.

Ко второму строительному периоду относится помещение А (Рис.105). Оно было пристроено к предыдущему с запада и было несколько более скромных размеров: 6,33 x 6,12 м при толщине стен от 1,05 до 0,70 м. Характер кладок стен аналогичен предыдущему строительному периоду. Внешние угловые камни имеют следы инструментальной обработки. Среди развала стен встречены отдельные фрагменты архитектурного декора из пиленого известняка. Пол постройки был также углублен в материк на 0,10 — 0,20 м. В полу в юго-западном секторе помещения зафиксирована ямка от опорного столба перекрытия.

Внутри помещения, в его северо-западном углу, обнаружена небольшая глинобитная печь, обложенная камнями, а в северо-восточном углу — остатки выложенной камнем банкетки. Вход в помещение располагался с южной стороны и сохранился в виде небрежно оформленного прохода шириной до 1,40 м. К входу со стороны двора примыкала каменная вымостка — крыльцо площадью 2,30 x 2,10 м, сложенная из дикарных известняковых плит. В кладке вымостки был использован круглый жернов, изготовленный из плотного ракушечника¹⁶ (диаметр 0,56 м). К

западу от порога помещения обнаружена хозяйственная яма диаметром 1,10 м, на 0,50 м заглубленная в материковую глину.

С западной стороны к помещению А примыкала хозяйственная постройка, исследованная лишь частично (Рис.107). Ее сооружение относится к третьему строительному периоду, поскольку кладки ее фундаментов пристроены впритык к юго-западной стене помещения А. Северная стена пристройки, сохранившаяся на высоту двух рядов кладки, прослежена на протяжении 6,50 м, а южная — на 1,90 м. Ширина пристройки составляла 5,40 м. В северо-восточной части ее, у стены, располагалась небольшая хозяйственная загородка, предназначенная, вероятно, для круглодонных сосудов и сложенная из узких плит пиленого ракушечника. В восточном углу помещения обнаружена хозяйственная яма, служившая для установки пифоса. На дне ее найдена известняковая пробка и многочисленные фрагменты стенок реберчатого раннесредневекового пифоса (Якобсон, 1970, с. 11, рис. 11).

В культурном слое усадьбы встречен небогатый, но репрезентативный материал. Амфорная тара представлена четырьмя разновременными группами (Рис. 108—111).

В небольшом количестве и в основном в виде мелких фрагментов представлены так называемые северопричерноморские амфоры с зональным рифлением. Все они найдены во втором слое и, таким образом, не относятся ко времени гибели усадьбы. Они изготовлены из тонкодисперсной глины, приобретшей после обжига цвет от светло-оранжевого до серо-зеленого, с мельчайшими блестками слюды и иногда карбонатными включениями. Изготовление этих амфор началось в начале VIII в. в гончарных мастерских юго-западного Крыма (Паршина, 1974, с.60, рис. 3; Баранов, 1979, с. 112—119). Как показывают

комплексы из портовой части Судака (Баранов, Майко, Джанов, 1994), эти амфоры производились до середины IX в. Минимальное число находок их на рассматриваемом памятнике, очевидно, свидетельствует о том, что его возникновение также относится ко времени около середины IX в.

Для следующей группы севепричерноморских амфор, найденных в культурном слое усадьбы, характерно почти цилиндрическое тулово, усеченно-коническое горло с валикообразным или треугольным в сечении венчиком. Изготовлены они из крупнодисперсной глины ярко-оранжевого, красного и лилового цвета. В тесте часто в качестве наполнителя использована толченая керамика (до 30%). Объем амфор варьирует очень широко: от 6 — 7 до 28 — 30 л. В слоях городищ Таврики и Подонья они всегда встречаются вместе с высокогорлыми кувшинами и, таким образом, появляются не ранее середины IX в. Изготавливались они в гончарных мастерских, обнаруженных на побережье Крыма от Судака до Алушты (Якобсон, 1979, с. 39—60).

Еще одна группа амфор, изготавливавшихся в мастерских Таврики, характеризуется теми же морфологическими признаками, что и предыдущая, но существенно отличается своими размерами — объем амфор редко превышает 8 л. Глина же их тонкодисперсная оранжево-красная с редкими включениями. Стенки весьма тонкие — 0,4 — 0,8 см. Бытовали они одновременно с амфорами предыдущей группы.

Третья группа амфор с нелокализованным местом производства представлена несколькими фрагментами и одной целой формой из слоя разрушения в помещении В. Эти фрагменты принадлежат к так называемым амфорам с манжетовидным венчиком X — XI вв. (Barnea, 1989, s. 133). Глина сосудов оранжевая, в качестве отощителя использовалась органика. По цвету

и составу глины тому же центру принадлежит и целая амфора (Рис.111). Тулово грушевидное с легким перехватом в нижней части. Ребристое горло имеет усеченно-коническую форму, венчик треугольный в сечении. На внешней и внутренней сторонах уплощенных ручек хорошо выражены ребра. На плечиках — граффити в виде монограммы или лигатуры из букв греческого алфавита. На одной из ручек амфоры также имеются неглубокие насечки. Наиболее полный аналог этой амфоре найден на синхронном поселении Керченского полуострова у с. Пташкино (Гадло, 1964, с. 164, рис. 4 б). Наиболее ранние амфоры этого центра производства найдены в портовой части Сугдеи в слое с четырьмя монетами Константина VII и Романа II (Баранов, Майко, Джанов, 1994). В период не ранее 965 г. такие амфоры впервые появляются в Саркеле (Плетнева, 1959, с. 255, рис. 50). находка сосуда этой группы в слое разрушения усадьбы позволяет нам датировать гибель постройки 30 — 40-ми годами X в.

Не противоречат данной хронологии и другие находки, обнаруженные в культурном слое усадьбы. Кроме амфор, тарная керамика представлена фрагментами так называемых высокогорлых кувшинов с ленточными ручками. Венчики этих сосудов профилированы двумя валиками.

Ойнохойи крымского производства представлены незначительным количеством фрагментов. Хронология их бытования также не противоречит предлагаемой датировке памятника.

Среди фрагментов керамической посуды обильно представлена кухонная сероглиняная керамика салтово-маяцкой культуры (Рис.108). Горшки декорированы по тулову линейным и волнистым гребенчатым орнаментом, а также косыми насечками и наколами по венчику. Все они находят массу аналогий в древностях Кры-

ма, Нижнего Дона и Северного Кавказа VIII — X вв. Обращает на себя внимание форма небольшого кружального пифоса высотой 0,63 м. Такие сосуды редко встречаются на памятниках Таврики, зато очень широко распространены в Подонье (Плетнева, 1959, с. 251—253). Предназначались они для хранения воды и сыпучих продуктов. В нашем случае во время зачистки развала сосуда зафиксированы остатки органического вещества белого цвета.

Из других находок следует отметить многочисленные фрагменты плоскодонного оранжевоглиняного пифоса с горизонтальными ручками. Его поверхность была покрыта разнонаправленными полосами гребенчатого заглаживания. Такие сосуды были распространены в раннем средневековье на памятниках Таврики. Два целых экземпляра находятся сейчас в экспозиции Бахчисарайского историко-археологического музея-заповедника (Паршина, 1974, с. 63, рис. 7).

Особо следует отметить полностью реконструируемый коричневоглиняный сосуд, украшенный лощеным декором. Сосуд высотой 17 см имеет усеченно-сферическое тулово. Диаметр дна составляет 13 см. Венчик слегка отогнут наружу, диаметр горловины — 12,5 см. Под венчиком и на плечиках сосуда проведены врезные лощеные горизонтальные линии. Нижняя часть сосуда украшена вертикальными лощеными полосами. Сосуды такой формы характерны для памятников волынцевской культуры Среднего Поднепровья (Щеглова, 1987, с. 44, рис. 1, 32, 33).

Немногочисленные образцы строительной керамики — керамид и калиптеров — имеют некоторые характерные признаки — низкие скошенные бортики, незначительно сужающаяся нижняя часть и т.д. (Якобсон, 1979, с. 25—28, 64—70). Все найденные фрагменты анэпиграфны и сформованы из грубой, плохо отмученной

боспорской глины с дутиками, известковыми включениями и редким шамотом, отдельные экземпляры несут следы красноватого ангоба.

В заполнении культурного слоя усадьбы были также встречены отдельные фрагменты керамических изделий, не имеющих непосредственного отношения к памятнику, но позволяющие судить об освоении этой части склона горы в более раннее время. Среди этих материалов следует упомянуть ножки фасосской, хиосской [Зеест, 1960, табл. V, 14], ручки синопской и хиосской амфор, а также венчик круглодонной амфоры вытянутой формы [Зеест, 1960, табл. XXXIX, 99], встреченные преимущественно в верхнем горизонте культурного слоя. Следует отметить, что в аннотации к последнему амфорному типу И.Б.Зеест, которая датировала его IV в.н.э., отмечает, что «в раскопках Киммерика и сельских поселений Керченского полуострова, погибших в середине III в.н.э., круглодонные амфоры вытянутой формы не встречались». А.В.Сазанов придерживается иной датировки этого амфорного типа, полагая, что его выпуск начался в VI в. и продолжался до первой половины VII в. и считая его «характерным типом VI в. н.э.» (Сазанов, 1989, с. 50).

В целом керамический комплекс находок обычен для памятников хазарской эпохи Керченского полуострова. Поселение на южном склоне горы Опук относится, как и некоторые другие памятники этого региона, к последнему этапу развития салтово-маяцкой культуры в Крыму. Начало его относится ко второй четверти IX в. В это время в Таврики происходят изменения этнической и культурной ситуации. Прежде всего, фиксируется значительный приток населения. В восточной и центральной части Горного Крыма возникает масса новых поселений — носителей салтово-маяцкой культуры. Начинает

работу значительно большее количество гончарных мастерских, обеспечивающих производителей сельскохозяйственной продукции тарной керамикой. Разворачивается и строительство крепостей (Баранов, 1990, с. 55).

Как мы уже отмечали, часть салтово-маяцких усадеб Опук находится вне пределов рассмотренного поселения «над источником» — в прибрежной зоне. Здесь мы упомянем лишь наиболее хорошо сохранившиеся из них и достаточно надежно датированные собранным на них подъемным материалом.

Усадьба «под источником» (терраса над бухтой 0¹⁷). Небольшая усадьба расположена на береговой террасе (10—14 м) над нулевой бухтой (Рис.113), в которой располагается лагерь экспедиции. Терраса расположена в 1390 м юго-юго-восточнее триангуляционного знака на вершине горы Опук и в 25—30 м к юго-востоку от ресивера насосной станции у источника. Площадь террасы ровная с незаметным понижением к югу. Терраса обрывается каменистым береговым обрывом к берегу бухты. В микрорельефе хорошо сохранились остатки стены-ограды участка усадьбы (Рис.114), отдельные фрагменты построек и подпорная стена дороги. Поверхность террасы сильно забутована и задернована. Западная часть террасы примыкает к периферии рушенного земляными работами XX в. культурного слоя многослойного поселения «под источником» (См. раздел III.3.В). На поверхности террасы расположены два блиндажа времен Великой Отечественной войны.

Стена-ограда участка сложена из крупных дикарных камней в два панциря, часть крупных камней поставлена на ребро, пространство между которыми было забутовано мелким камнем. По линии северо-запад — юго-восток она прослеживается на дневной поверхности на длину 43,5 м

(«северная ограда»). «Восточная ограда», образуемая с предыдущей прямой угол и обрывающаяся у обрыва, сохранилась несколько хуже и прослеживается на длину 14,5 м.

В юго-западном углу террасы прослеживаются строительные остатки постройки, вероятно, двухкамерной. Сохранились отдельные камни северной (длиной 12,0 м), восточной (6,5 м) и частично южной стен (2,2 м), однако характер кладки определить невозможно. Сложена она также из дикарного материала. Наибольшей длиной постройка ориентирована по линии северо-запад — юго-восток. В 15 м к северу от постройки фиксируются обрывки двух стен (южная — 11,8 м и восточная — 6,5 м) еще одной постройки, вероятно, однокамерной хозяйственного назначения. Остатки стен представлены находящимися на дневной поверхности отдельными крупными известняковыми блоками. На поверхности террасы и в линзах построек встречены немногочисленные фрагменты причерноморских амфор, ленточная ручка кувшина и мелкие фрагменты салтово-маяцкой кухонной посуды. Набор подъемного материала позволяет говорить о том, что усадьба синхронна расположенному рядом салтово-маяцкому поселению «над источником», в инфраструктуру которого она и входила.

В центральной части северной ограды расположен проход, к которому подходит полотно древней дороги с подпорными стенками, ведущей к усадьбе, расположенной в соседней бухте (см. далее). Ширина дороги не превышает 1,5—1,6 м. Частично полотно дороги прорублено в выходах скалы склона. К стене-ограде примыкают остатки подпорной стены этой дороги, сохранившиеся здесь на длину 20,5 м. Она сложена из одного ряда дикарных камней, часть из которых поставлена на ребро.

Усадьба в бухте восточнее источника (бухта Восточная 1, Рис.115). С береговой террасы поселения «под источником» (см. выше) к востоку в описываемую бухту спускается древняя дорога, полотно и подпорная стена из дикарного известняка которой сохранились в микрорельефе. Котловина бухты представляет собой поперечную депрессию склона. Следы древней дороги спускаются к остаткам постройки в котловине, которая расположена в 1380 м юго-юго-восточнее триангуляционного знака на г. Опук и в 100 м восточнее-юго-восточнее источника.

Различимы следы легкого антропогенного террасирования восточного склона котловины, на котором находятся остатки постройки. Она, вероятно, представляла собой двух-трехкамерную постройку, ориентированную по сторонам света с отклонением 12° к востоку (Рис.115). Обрывки стен говорят о том, что они были одно-двухпанцирные с забутовкой, сложенные насухо постелисто из дикарных камней¹⁸. Одна из стен, ориентированная по линии восток—запад, прослеживается на длину до 5 м, другая (по линии север—юг) — до 7 м. Кладки сохранились на высоту 1—2-х рядов. Около 10 м южнее последней прослеживаются аморфные остатки еще одной стены. Поверхность сильно задернована и забутована, немногочисленный дробный подъемный материал позволяет ориентировочно отнести время бытования постройки к VIII — X вв.н.э. В 20 м южнее постройки, на границе клифа и галечного пляжа бухты обнаружен колодец грушевидной формы, сложенный из крупных окатанных галек с диаметром горла около 0,80 м. Глубина колодца до завала камней — 2,2 м. В 2 м северо-восточнее колодца располагается каменная поилка, вырубленная в крупном обломке скалы с полезным объемом $0,97 \times 0,53 \times 0,87 \times 0,57$ на $0,40$ м (Рис.116).

В соседней с бухтой Восточная 1 бухте **Восточная 2**, на приморском склоне, на высоте около 10 м над уровнем моря, на небольшой склоновой терраске обнаружены аморфные следы постройки площадью до 35 м^2 . Постройка, вероятно, прямоугольная в плане ориентирована почти по сторонам света и наибольшей длиной вытянута по линии восток — запад. В центральной части бухты, в глубокой расщелине, отмечены следы искусственного террасирования и аморфные следы подпорных стен. Одна из стен, ориентированная по линии восток — запад вдоль склона расщелины, сложенная насухо из рваного известняка (одно-двухпанцирная без забутовки), прослеживается на длину около 10 м. Эта стена, вероятно, служила подпорной стеной расположенного ниже помещения, аморфные следы которого прослеживаются в обрыве и осыпях расщелины. Среди немногочисленного дробного подъемного материала фрагменты раннесредневековых амфор преобладают над эллинистической и позднеантичной керамикой. В восточной части этой бухты, непосредственно над береговым обрывом, прослежено полотно древней дороги со следами подпорной кладки шириной до 0,6 м, сохранившейся на высоту трех рядов камней. Далее (восточнее) полотно поднимается по склону почти до уровня современной дороги к источнику. Ширина полотна — до 3,5 м. Западная оконечность дороги теряется в отложениях западной части бухты. На юго-восточном краю бухты сохранились следы таможни или карантина XIX в.

Следующая к востоку бухта, **Восточная 3**, имеет неровный рельеф — с востока она ограничена каменистой осыпью, с севера — оползневым бугристым склоном, завершающимся береговым обрывом. На западном краю бухты обнаружены аморфные следы стены-ограды, ори-

ентированной перпендикулярно берегу. Она прослеживается в виде каменистой насыпи на длину около 45 м. Вокруг нее собран немногочисленный подъемный материал фрагменты эллинистических амфор (включая Фасос, Менде) и раннесредневековых амфор причерноморского типа. В обрыве берега зафиксирован культурный слой мощностью около 0,8 м, который прослеживается на длину около 30—40 м. Здесь найдены фрагменты хиосских амфор, амфор конца II — I половины III вв.н.э. и северопричерноморских амфор. Преобладание среди подъемного материала фрагментов раннесредневековой амфорной тары говорит о том, что сохранившиеся дневной поверхности строительные остатки относятся к салтовской прибрежной усадьбе, возможно, выстроенной на месте постройки античного времени.

В следующей к востоку от холма «А» бухте, получившей наименование *Восточная 6*, на северо-западном склоне балки, спускающейся в бухту, в 60 м от береговой линии, прослежена стена длиной около 80 м, которая примыкает своей северной частью к скалистому обрыву северного склона бухты и ориентирована по линии север-юг. Эта стена является внешней стеной комплекса усадьбы, который примыкает к ней с запада и представляет собой остатки 3—4 камерной постройки примерной площадью около 100 м². К южной оконечности внешней стены примыкает развал еще одной стены, образующей с нею прямой угол и имеющей длину около 20—25 м. Стены, вероятно, двухпанцирные, сохранились лишь отдельные камни, тем не менее маркирующие направление и размеры стен. Поверхность, ограниченная стенами, сильно забутована и задернована. Находки представлены фрагментами амфорной тары VIII — X вв.н.э.

Остальные объекты раннесредневекового времени крайне аморфны, и мы ограничимся лишь их констатацией. Тем не менее, как мы видим, в раннем средневековье гора Опук была активно освоена салтово-маяцким населением.

III.6. ПРИРОДНОЕ И АНТРОПОГЕННОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ЭКОСИСТЕМЫ РЕГИОНА В ИСТОРИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ И НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЕГО ХОЗЯЙСТВЕННОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ²⁰

Основные черты современных ландшафтов южной части Керченского полуострова, как и всей остальной территории Равнинного Крыма, сложились к середине голоцена. Несколько позже — в эпоху энеолита — человек переходит от присваивающего к производящему хозяйству и начинает выступать как динамический разрушительный фактор по отношению к природе (Подгородецкий, 1988, 1994).

Ландшафты — сложные пространственно-временные образования, в их эволюции участвуют природные и антропогенные факторы, которые могут относиться к уровню критического воздействия, когда происходит гибель или необратимое изменение экосистемы, и к уровню допустимого воздействия, который меньше критического. Под влиянием хозяйственной деятельности человека природные экосистемы изменяются особенно быстро.

Ландшафтную основу рассматриваемой территории образуют низменные аккумулятивные и денудационные равнины, холмы и гряды, покрытые степной растительностью, котловины соленых озер с

галофитными лугами, а также экосистемы береговых уступов, оползней, пляжей и пересыпей. Они обладают разной устойчивостью к природным и антропогенным воздействиям.

Особенно неустойчивы экосистемы побережий, испытывающие воздействия большого количества природных и антропогенных факторов. В систему природных воздействий на экосистему, в которую входят медленные (эпейрогенические) и быстрые (сейсмические) тектонические движения, изменения климата, уровня моря, почв, растительности и животного мира и антропогенных фактор.

С проявлением тектонических движений связано изменение абсолютной высоты, наклона, расчленения рельефа, положения и конфигурации береговой линии, расположения областей денудации и аккумуляции. Имеющиеся сведения позволяют утверждать, что эпейрогенические (медленные) движения в античное и последующее время не могли оказать заметного, а тем более критического воздействия на рельеф и ландшафт.

На Опуке, расположенном между двумя основными морфоструктурами с разными знаками тектонических движений, в зоне живого разлома, имеются следы разрушительных землетрясений, случившихся в плейстоцене и, вероятно, в античное время. Образованию здесь сейсмогравитационных дислокаций способствовали, несомненно, значительная абсолютная и относительная высота горы, большая крутизна ее склонов, тектоническая раздробленность горных пород, благоприятные геологические и гидрогеологические условия. Разрушительные землетрясения, вызвавшие оползни, обвалы, образование трещин, рвов, отседание и наклон блоков, могли служить фактором гибели экосистем на локальных участках, одним из

факторов угасания жизни на археологических объектах Опука.

Климат является функцией времени и подвержен колебаниям. Через гидротермические условия климат влияет на экосистемы, особенно на растительность и животный мир, на структуру сельского хозяйства, урожайность сельскохозяйственных культур, а следовательно, на воспроизводство людей, плотность их расселения и природную окружающую среду.

В истории климата голоцена чередовались периоды с теплым и влажным, более прохладным и сухим, нежели в настоящее время, климатом.

В течение голоцена в Северном полушарии выделяют 4 климатических периода (Гриббин, Лэм, 1980): 1) послеледниковый «климатический оптимум» с кульминацией между V и III тысячелетиями до н.э.; 2) похолодание железного века с кульминацией между IX—III вв. до н.э.; 3) второй климатический «оптимум» в раннем средневековье; 4) похолодание, начавшееся в середине XIV в. и закончившееся в конце XIX в. Первый период называют атлантической эпохой, второй — суббореальной, третий и четвертый — субатлантической эпохой; во время последней произошло увеличение океаничности климата.

В Крыму более прохладными и влажными, чем сейчас, был период VI—II вв. до н.э., холодным зимним и сухим летним сезонами отличался период II в. до н.э. — III в.н.э. Период IV—VIII вв. характеризовался повышенным увлажнением, а IX—XII вв. — более теплым и сухим во всей Восточной Европе и на Кавказе (Турманина, 1985, 1987; Подгородецкий, 1988, 1994). О сильных морозах VI — V вв. до н.э. в Северном Причерноморье свидетельствует Геродот [Herod., IV, 28]. Но позже условия изменились и стали более благоприятными для земледелия. Боспорское царство было, как известно, одним из

крупнейших экспортеров зерна. Около рубежа эр климат стал сухим и прохладным (менее благоприятным для земледелия, что послужило одной из причин сокращения экспорта зерна), о чем свидетельствует накопление в верхней части илов некоторых соленых озер корневой соли. В первые века н.э. происходило постепенное падение температуры воздуха и возростала увлажненность, что способствовало повышению урожайности сельскохозяйственных культур. В IV—VIII вв., как свидетельствуют письменные источники, причерноморская степь была покрыта злаковым высокотравьем. Климат в это время был теплым и сухим.

Климат, бесспорно, существенно влиял на уклад жизни населения Керченского полуострова в античное и в раннесредневековое время, однако не оказывал критического воздействия на природные экосистемы. Он в определенной степени определял структуру земледелия, влиял на урожайность сельскохозяйственных культур, здоровье населения, развитие торговли, особенно у границ периодов с неодинаковыми гидротермическими условиями (VI—V и II—I вв. до н.э., IX—X вв. н.э.).

На динамику и эволюцию ландшафтов оказывало влияние изменение уровня моря (оценку изменений см. Гл. I), тесно связанное с изменениями климатических условий. Особенно сильно эти изменения проявлялись в пределах узкой полосы морского побережья.

В целом можно констатировать, что в ранний этап греческой колонизации Северного Причерноморья уровень Черного моря был очень низким, в самом конце античной эпохи — очень высоким.

При низком уровне моря (фанагорийская регрессия) обнажилось дно прибрежного мелководья, сократились или даже исчезли, превратились в солончаки или солоноватоводные водоемы бывшие

соленые озера морского происхождения. Во время греческой колонизации низкая и плоская морская песчаная равнина (терраса), недавно освобожденная из-под моря, активно осваивалась растительностью и человеком.

В античное время, в процессе развития нимфейской трансгрессии, море быстро затопливало и размывало низкую и плоскую приморскую равнину с псаммофитной растительностью и прибрежными постройками античных городов и поселений, вынуждая жителей переселяться на более возвышенные места. Постоянное изменение конфигурации берега, положение мелей и фарватеров усложняли условия мореплавания, требуя корректировки периплов. В первые века н.э. море окончательно затопило бывшую приморскую песчаную равнину, уничтожило расположенные на ней археологические объекты, растительность и достигло отмерших береговых уступов. Как следствие, активизировались абразия, обвалы, оползневые процессы. В опасной зоне оказались высокие приморские части Казеки, Киммерика, Китея и Акры. На городище Казека наиболее ранние культурные напластования оказались на краю берегового обрыва в зоне оползней и обвалов. Как мы уже отмечали выше, на городище Киммерик также не обнаружены постройки позднеклассического и эллинистического времени, а береговом обрыве зафиксированы отсевшие блоки со следами вырубленных в скале строительных конструкций. В прибрежном обрыве нами также зафиксированы трещины бокового отпора, вынудившие жителей при возведении построек засыпать их.

Проявлению склоновых процессов в прибрежной полосе благоприятствовали землетрясения. Трансгрессия восстановила соленые приморские озера, способствовала развитию абразии и оползневых

процессов на озерных берегах. Воды озер подтопили, а абразия срезала часть берегов со степными и галофитными сообществами растений, стоянками эпохи бронзы и античными поселениями.

Таким образом, колебания уровня моря, особенно сильно проявившиеся в эпоху бронзы, античное и раннесредневековое время, явилось важным фактором развития прибрежных экосистем.

Изменения климата и уровня моря должны были отразиться на поверхностных и подземных водах, на почвенно-растительном покрове, особенно в узкой приморской полосе. В более влажные эпохи по балкам и долинам протекали ручьи, пересыхавшие в сухие эпохи. При низком уровне моря в низовьях долин могла развиваться донная эрозия, а при высоком — аккумуляция пролювиальных и делювиальных суглинков. Аккумуляции отложений и пересыханию водотоков способствовали также распашка водосборных площадей и смыв почв с сельскохозяйственных угодий.

Во время нимфейской трансгрессии море уничтожило песчаные дюны с запасами пресной верховодки и всю систему водоснабжения, существовавшую на низкой песчаной приморской равнине. Один из таких колодцев, притопленный морем, был обнаружен в прибрежной части городища Акра аквалангистами на дне моря (Шамрай, 1989). В связи с этим жители вынуждены были вынуждены искать подземные воды на более возвышенных участках суши. Система водоснабжения на г. Опук, например, созданная в античное и в раннесредневековое время, базировалась на конденсационных водах из оползневых отложений, функционирует до настоящего времени.

При повышении уровня моря в низовьях балок и долин повышался уровень грунтовых, обычно солонцеватых, вод,

что сопровождалось постепенным засолением почв. При интенсивной эксплуатации этих вод происходило подсосывание морской воды и осолонение воды в колодцах.

Почвенный покров Керченского полуострова сложился в середине голоцена. Почвы, образованные на засоленных майкопских глинах, занимающие огромные площади Юго-Западной равнины, уже в доантичное время были засоленными. Почвы, сформированные на незасоленных породах, могли осолоняться в античное и более позднее время, особенно в прибрежной полосе в засушливые эпохи и при высоком уровне моря. Однако процесс засоления почв от воздействия природных факторов вряд ли носил региональный характер и сильно ухудшал качество почв на значительной площади полуострова. Скорее всего воздействие засоления в большей степени проявилось в приморской полосе шириной 1—2 км, особенно в засушливую эпоху II—I вв. до н.э.

Растительность является индикатором экологических условий и наиболее динамичным компонентом ландшафта, быстро реагирующим на изменение других компонентов природной среды. Споропыльцевые комплексы и состав фауны из стоянок мезолита и неолита свидетельствуют, что в первой половине голоцена на Керченском полуострове господствовали степные ландшафты (Мацкевой, 1977). В мезолите были характерны разнотравно-злаковые степи с небольшими участками пойменных лесов вдоль балок и долин, а в неолите — сухие степи, близкие к современным, с большими участками ксерофитов и галофитов. В степях обитали дикая лошадь, осел, зубр, тур, джейран, сайгак, лисица, заяц. О наличии лесов свидетельствуют олень и лесная улитка.

Изменение климата и осолонцевание почв во второй половине голоцена безусловно приводило к изменению площадей и видового состава сообществ, но вряд ли сопровождалось коренным изменением флоры и фауны территории, которая подверглась более мощному антропогенному воздействию.

Флора южной части Керченского полуострова, как было отмечено выше, обладает значительным видовым разнообразием и сравнительно устойчива к внешним воздействиям.

Таким образом, изменение климата, уровня моря и другие природные факторы могли оказать значительное воздействие на экосистемы узкой прибрежной полосы у Казеки, Киммерика, Китея и Акры, но вряд ли существенно отразились на ландшафтах более глубинных частей Керченского полуострова.

В энеолите и в эпоху бронзы плотность населения Керченского полуострова была сравнительно небольшой, и хозяйственная деятельность не сопровождалась значительным негативным влиянием на ландшафты. Все поселения тяготеют к крупным возвышенностям, которые могли служить укрытием от господствующих зимой ветров, от «лишних глаз», давать питьевую воду, сырье. Кончекское и Приозерное поселения могли быть ориентированы на добычу соли. Окружавшие их равнины были благоприятны для скотоводства и земледелия.

Антропогенное воздействие резко возросло в раннем железном веке в связи с ростом населения, развитием пашенного земледелия и возникновением городов. «Малые» города Керченского полуострова имели достаточно выгодное географическое положение, ибо они располагались:

— на берегу незамерзающего Черного моря; — на трассе важных морских тор-

говых путей; — на выступающих в акваторию мысах и господствующих высотах, которые легче укреплять и оборонять; — в визуальной близости друг от друга, обеспечивавшей раннее предупреждение об опасности; — у расчлененных берегов с бухтами, обеспечивающими якорную стоянку; — в местах обилия строительных материалов и других ресурсов; — у источников и неглубоко залегающих подземных вод, запасы которых могли обеспечить питьевой водой значительное количество людей и скота; — в местах, где есть земли, удобные для распашки и выпаса скота.

Территория южной части Керченского полуострова обладала минеральными, земельными, растительными, климатическими и лечебными ресурсами. Здесь находились доступные для разработок материалы (известняк, глина, суглинки, песок, галечник, гипс), самосадная соль, керченские железные руды (Кончек, Яныш-Такыл), самородная сера (совр. урочище Тарасовка), располагались обширные равнинные пространства, удобные для распашки, покрытые черноземами и темно-каштановыми незасоленными или слабозасоленными почвами, разнотравно-злаковыми и полынно-типчаковыми степями, залегали лечебные грязи, рапа и минеральные воды. Однако территория была бедна энергетическими и водными ресурсами. Человек сравнительно быстро вырубил деревья и кустарники, произраставшие вдоль днищ балок и долин. Однако регулярное сезонное поступление плавника²¹ могла в определенной степени сглаживать эту проблему.

Жители «малых» городов южного побережья Керченского полуострова добывали известняк в каменоломнях и, возможно, в штольнях. Древние разработки строительного камня можно локализовать на г. Опук лишь предположительно. На основании

обследования каменоломен, расположенных в теле плато, в его восточном и юго-восточном обрывах, можно заключить, что современные каменоломни возникли на месте древней выработки строительного камня, вероятно, использовавшейся в ходе возведения оборонительных сооружений цитадели. Это предположение основывается на факте обнаружения небольших участков стен каменоломни со следами не распиловки, а подтески. Иные аргументы в защиту этого предположения в настоящее время привести проблематично. Хорошо сохранившиеся открытые разработки строительного камня обнаружены автором и А.А.Клюкиным на м. Чауда²², где расположено городище Казека — наиболее отдаленная точка этой части боспорского побережья перед Феодосией.

Пока у нас нет археологических свидетельств добычи соли из Кояшского и Узунларского озер, железной руды у г.Кончекской и близ м. Кыз-Аул, самородной серы у Чокур-Кояша, однако известно, например, что в раннем средневековье керченские руды использовались на городище Тепсень у Коктебеля.

Наибольший вред природе нанесли распашка земель и выпас скота, особенно овец и коз. В результате распашки и перевыпаса уже в античное время ландшафты начали терять наиболее плодородную часть почв из-за ветровой и водной эрозии. Длительная эксплуатация земель и эрозия привели в ряде мест, особенно на Опуке, к их истощению и снижению плодородия, что вместе с неблагоприятными климатическими условиями и засолением могло привести к снижению урожаев в конце первого тысячелетия до н.э.

Сельское хозяйство античной эпохи и раннего средневековья развивалось в условиях рискованного земледелия, бичом которого были засуха, маловодье и

эрозия почв. С развитием сельского хозяйства в это время связано появление новых видов растений. Селекция сельскохозяйственных культур нередко проводилась на основе местных сортов, более устойчивых к природным условиям.

Основные материалы по сельскохозяйственным культурам, культивировавшимся античным населением Опука, собраны в ходе исследования «мукодельной» мастерской И.Б. Зеест (Зеест, 1950), пробы, взятые нами при раскопках отдельных объектов региона, были проанализированы лишь частично. При упомянутых раскопках Киммерика были найдены зерна карликовой пшеницы (*Triticum compactum*), мягкой пшеницы (*Triticum vulgare*), многорядного ячменя (*Hordeum pollidum*), ржи (*Secale cereale*), чечевицы (*Ervum ervilia*) и зернобобовых (*Hypnea*) (Зеест, 1949, с.97; она же, 1950, с.99; она же, 1951, с.1-92; Блаватский, 1953, с.77). При взятии проб с зольника цитадели и мусорного слоя у оборонительной стены цитадели были обнаружены зерна мягкой и карликовой пшеницы, пленчатого ячменя, вики эрвили, проса (*Panicum miliaceum*) и винограда. В.Д. Блаватский упоминает о находке среди зерен зерновых из Киммерика семян сорных видов: вьюнка, чертополоха и бодяка, свидетельствующих о яровых посевах (Блаватский, 1953, с.91). Исследования последних лет, проведенные В.А.Кутайсовым, показывают, что в античных государствах Таврики могла использоваться трехпольная система севооборота (Кутайсов, 2000; 2004). Но при обилии пахотных земель в окрестностях Киммерика проблема оставления земли под паром, на мой взгляд, не была столь актуальной, как в других городах Таврики: похоже, хозяйство Киммерика никогда не страдало от стенохории.

В местных неблагоприятных условиях влагонакопления в почвах, обеспечение относительно высокой урожайности требовало мероприятий по влагозадержанию, одними из таких приемов являются предпосевное использование озимых культур и использование кулис, обычно применяемых на паровых полях, подготовляемых под озимый посев. Для этого используются кулисные растения, в их числе и бобовые, которые весной высаживаются на определенные расстояния в посевы зерновых хлебов и оставляются на зиму следующего года. Осенняя вспашка производится полосами между кулисами, последующей весной стебли кулисных растений убираются, и незапаханные полосы распахиваются дополнительно и культивируются. Кулисные культуры, как мы видим, присутствуют в пробах с Киммерика.

По нашим расчетам, при *неиспользовании* (выделение мое — В.Г.) методов искусственного влагозадержания в местных суглинках в осенне-зимний период урожайность *triticum vulgare* — одного из наиболее распространенных на европейском Боспоре злаков — урожайность составит не выше (в лучшем случае) 600 кг с гектара, тогда как применение искусственных методов превысит последнее значение почти вдвое. Крайне приблизительные расчеты посевной площади Керченского полуострова и урожайности местных сортов злаковых (Блаватский, 1953, с.158—160) показывают, что в период расцвета Боспорского государства Европейская часть Боспора могла обеспечить за один урожай лишь 25% от известных по источникам поставок зерна с Боспора. Это несомненно говорит о том, что основным поставщиком зерна для государства были оседлые варвары-земледельцы степных регионов Таврики и азиатская часть Бо-

спора с иными аграрными условиями. Бесспорно, определенное воздействие на урожайность зерновых на Боспоре оказывали изменения климатических условий в историческое время.

В раннем средневековье, с изменением уклада хозяйства нового населения, происходит частичное восстановление степных ландшафтов — их растительного и животного мира. Смена состава поголовья, главным образом в сторону увеличения стада мелкого рогатого скота, могла сопровождаться уничтожением растительности (в т.ч. кустарниковых сообществ) на склонах г. Опук, особенно около салтово-маяцкого поселения «над источником» и отдельных усадеб этого времени.

На северном склоне г. Опук сохранились следы древнего террасирования. Здесь оползневый склон был переработан искусственными террасами, часть из которых имела подпорные стенки из рваного известняка. На этих террасах создавались более благоприятные условия для выращивания сельскохозяйственных и огородных культур, благодаря иным условиям увлажнения почв: террасы задерживали сток ливневых и талых вод со склонов и ложбин, задерживали снег.

На аэрофотосъемке региона следы размежевки территории практически не фиксируются. К числу фиксируемых следов можно отнести западную часть террасированного северный склон г. Опук, где, вероятно, располагались подсобные участки «посады» цитадели и размежевку долины под каменоломнями. Вычисление модуля наделов на северном склоне затруднительно, что обусловлено значительными колебаниями площадей террас, варьирующих от 0,2 га до 2,5 га, а также невозможностью определения, без предварительных раскопок террас, их хозяйственного назначения. Однако не исключено, что часть террас

использовалась под небольшие садовые, огородные или виноградарские наделы приусадебного типа. Информацию о них могут дать лишь образцы древней флоры из культурных напластований.

Один из наделов описан нами выше при знакомстве с усадьбой «под каменоломнями». Здесь сохранились, как мы отмечали, три линии стен оград, оконтуривающие площади около 0,7; 6,3 и 5,8 га. Ограды, сложенные внасыпь из дикарных камней без четкого оформления кладки, несут мало хронологической информации, однако по немногочисленному подъемному материалу их вряд ли можно датировать периодом позже позднеантичного периода — вокруг раннесредневековой деревни «над источником» следов фиксированной размежевки земель, помимо огороженных приусадебных участков, не обнаружено.

Отсутствуют следы размежевания земель и на античных сельских памятниках региона. Однако на поселении у Кызаульского маяка роль межей территории могли играть земляные валы, заметные в микрорельефе, хотя, скорее всего, они маркировали границы поселения, поскольку не охватывали всю долину и их следы терялись на границах распространения подъемного материала. На поселении Киркояшское юго-западное, как мы отмечали, развалы построек располагались на расстоянии друг от друга от 50 до 100 м, но следов размежевания также не зафиксировано.

Тем не менее это не означает, что размежевания хоры не было. В условиях степного рельефа и отсутствия камня в качестве межей могли использоваться иные маркеры — посадки, легкие ограды, межевые камни и т.д., не сохранившиеся в деталях микрорельефа. Кроме того, обилие земельных угодий, возможно, и не требовало специального межевания участков и

площадей выпаса. Следы классической размежевки хоры прослежены нами на аэрофотосъемке лишь в округе Китея.

С постепенной рустификацией жизни Киммерика и с сокращением сельских поселений в окрестностях Киммерика в I-е вв. н.э. наделы населения, могли располагаться ближе к склонам горы, а дальние земли использоваться от случая к случаю, для выпаса или для обработки сезонным хуторным методом.

Остеологический материал из культурных напластований, особенно из зольников, античных и раннесредневековых поселений и городов свидетельствуют о том, что местное население помимо скотоводства, также кормилось охотой и морским промыслом. Наиболее полными можно назвать остеологические материалы, полученные нами при исследовании зольника цитадели на г. Опук. Некоторое количество остеологического материала было обнаружено и при небольших раскопках других объектов округа, но они малочисленны и вряд ли воссоздают полную картину животноводства в регионе. Единственным сопоставимым материалом являются материалы из раскопок раннесредневекового поселения «над источником».

Мы не будем делать далеко идущие выводы, однако нетрудно заметить, что на сельском поселении Кояшское северное состав стада значительно отличается от материалов цитадели — здесь преобладает крупный рогатый скот, превышая показатели наблюдений В.И.Цалкина и И.Т.Кругликовой (Цалкин, 1960, с. 93; Кругликова, 1975, с. 200—201) (мясо-молочное стадо и тягловые животные), однако большая доля костного материала мелкого рогатого скота в городских мусорных напластованиях говорит, скорее, не о составе стада жителей цитадели, а о широком потреблении мяса этих животных. В материалах с

Таблица III.6 — 1. Сравнительная таблица остеологических материалов из зольника цитадели, поселений Кояшское северное и «над источником»

Объект/вид	Слой рубежа VI—III вв. до н.э.	Слой III—I вв. до н.э.	Поселение «Кояшское северное» (IV—II вв. до н.э.)	Слой I в. до н.э.—I в. н.э.	Слой II—III вв. н.э.	Слой IV—VI вв. н.э.	Поселение «над ис- точником» (IX—вторая четверть X в. н.э.)
Крупный рогатый скот (<i>Bos taurus</i>)	47,2%	44,9%	72,2%	41,5%	32,4%	38,4%	9,6%
Лошадь (<i>Equus caballus</i>)	14,0 %	16,3 %	16,7%	14,6%	29,6%	39,7%	25,3%
Мелкий рогатый скот (<i>Ovis aries</i> , <i>Capra hircus</i>)	21,9 %	28,6 %	11,1%	26,8 %	29,6%	12,9%	59,6%
Свинья (<i>Sus domestica</i>)	9,1%	10,2%			4,2%	3,0%	
Собака (<i>Canis familiaris</i>)	2,6 %				2,1%	1,1%	3,3%
Заяц				7,3 %	1,4%		
дичь/птица (...../ <i>Galus dome- stica</i>)	5,2%			9,8 %	0,7%	4,9%	2,2%
Осетровые		3,2%			1,2%	5,6%	
Крабы	1,6%	9,7%				11,1%	
Мидии (<i>Mytilus galloprovi- ncialis</i>)	87,3	67,7%	68,9%	61,8%	91,6%	53,7%	
Устричные	7,9%	19,4%	31,1%	26,4%	7,2%	29,6%	
Виноградные улитки	3,2%			11,8%			

Киммерика не прослеживается отмеченная В.И.Цалкиным тенденция к сокращению поголовья стада мелкого рогатого скота (иные выводы см. Кругликова, 1975, с. 203) в период от V — IV вв. до н.э. до первых веков н.э. (с 56% до 32%) и роста поголовья крупного рогатого скота (соответственно от 28% до 39%) (Цалкин, 1960, с. 93—97). В мусорных напластованиях зольника цитадели доля костей крупного рогатого скота практически не меняется с

V по I вв. до н.э., незначительно снижаясь в последующие периоды. Процентное соотношение поголовья мелкого рогатого скота также остается практически неизменным, резко сокращаясь в IV — VI вв. н.э. Сходно с общепоспорским и поголовье свиней в домашнем стаде, максимум которого падает на V—I вв. до н.э.

Заметно вырастает в период с конца II — III вв. н.э. поголовье лошадей, достигнув максимума к IV — VI вв. Это,

вероятно, связано с этно-социальными изменениями в составе населения как Киммерика, так и всего европейского Боспора, которые стали, вероятно, более ощутимы, когда Киммерик (Киверник Константина Багрянородного) стал пограничной крепостью, а его окрестности — местом поселения федератов.

В слоях I в. до н.э. — I в.н.э. заметно возрастает доля дичи (зайцы и птица), а также резко возрастает потребление виноградных улиток, использовавшихся в качестве источника пищевого белка, но редко встречавшихся в других слоях. Это, возможно, говорит о каких-то экономических трудностях населения в годы правления Асандра, Полемона и их преемников. Возможно, политическая ситуация на Боспоре в это время в какой-то мере повлияла на благосостояние населения Киммерика.

В раннесредневековое время в хозяйстве населения Опука (поселение «над источником») происходит изменение состава стада. Уменьшается преобладавшее в античное и позднеантичное время поголовье крупного рогатого скота и увеличивается поголовье мелкого рогатого скота, лошадей и собак. Эти изменения бесспорно связаны с хозяйственной ориентацией нового населения представителей салтово-маяцкого културы.

Многочисленные находки створок мидий и устричных, костей рыб и хитиновых покрытий крабообразных в культурных напластованиях цитадели, городища Киммерик, поселений Кояшское северное, Кызаульский маяк говорят об активном использовании фауны моря, столь характерного для античных городов Северного Причерноморья, и о развитии морского промысла. Запасы биомассы побережья не отличаются от остальной акватории южного побережья полуострова. Однако своими запасами и размерами отличаются колонии створчатых моллюсков — мидий

и устричных. Однако морская фауна практически отсутствует в мусорных слоях и культурных напластованиях салтово-маяцкого поселения «над источником».

Если употребление створчатых моллюсков сохраняется достаточно стабильным во все условные хронологические периоды, то в III — I вв. до н.э. и IV — VI вв. н.э. заметно некоторое увеличение промысловых видов, в первую очередь, осетровых, требовавших определенной специализации при их добычи.

Древние инженерные сооружения.

С античного времени в ландшафтах рассматриваемого региона появляются каменоломни, искусственные террасы, выемки и насыпи дорог, подтески и площадки под фундаменты жилых построек и укреплений, валы и рвы, дамбы, колодцы, склепы и курганы.

Остатки древних дорог обнаружены автором на южном и юго-западном склонах г. Опук, они прослеживаются на длину от нескольких десятков до нескольких сотен метров (Рис.112). Для прокладки дорог, как правило, использовали благоприятные участки рельефа склонов, террас и обрывов. Приморское полотно дороги на южном склоне восточнее источника сооружено путем террасирования склона, сложенного глинами и коллювиально-делювиальными отложениями. Полотно дороги на западном склоне долины с поселением «над источником», судя по всему, представляет собой расширенную склоновую тропу, в то время как полотно дороги на северо-восточном склоне той же долины прорублено на глубину 0,20—0,65 м в выходе скалы. Остатки дорог на юго-западном склоне были сооружены путем выборки пластов известняка на кромках скальных обрывов. Ширина дорог на г. Опук варьируется от 1,5 до 3,5 м (юго-западный склон). Время сооружения не поддается точному определению,

однако оно не ранее и не позже времени бытования античных и раннесредневековых объектов, ибо более поздние дороги, соединявшие деревни Опук, Чекур-Кояш с источником, сохранились поныне или перестроены в современное время (дорога на пост ВМФ с северо-западного склона г. Опук). В настоящее время используется и большая части дороги на плато г. Опук со стороны северной подошвы горы. Лишь ее вершинная часть, в древности пролежавшая в другом месте, проложена в современности при сооружении заставы, маяка и капониров на вершине плато.

Разработки строительного камня.

Пока у нас нет достоверных данных для определения времени возникновения каменоломен в теле вершинного плато г. Опук — в основном они активно разрабатывались в Новое время и в XX в. Однако не исключено, что современные каменоломни возникли на месте древних разработок строительного камня. Единственно достоверными древними каменоломнями открытого типа (не позднее раннесредневекового времени) являются разработки камня на мысе Чауда (др. Казека). Они были обнаружены А.А.Клюкиным и В.К.Голенко на берегу бухты Маячной над западным обрывом плато мыса. Каменоломни открытого типа вытянуты в северо-восточном направлении на 300 м и имеют ширину от 30 до 70 м. Выработка камня располагается на высоте 20—23 м от уровня моря.

Каменоломни имеют плоское дно и ограничены с восточной стороны уступом-забоем высотой 1,5—2,2 м. На субвертикальной стенке забоя сохранились углубления от клиньев, с помощью которых от скального массива отделялись глыбы известняка. Диаметр углублений составляет 0,04—0,05 м.

В каменоломнях добывался нижнечетвертичный известняк-ракушечник чаудин-

ской морской террасы. При выборке глыб использовались горизонтальные межпластовые трещины. Размеры выламываемых глыб вероятно составляли около 0,60 x 1,0/1,5 x 0,50/0,60 м и более. За время эксплуатации каменоломни было выбрано не менее 20000—25000 куб. м камня. Время функционирования каменоломен, определить можно лишь предположительно — позднеантичное и раннесредневековое время, поскольку здесь не применялся метод распиловки камня и подъемный материал, собранный на дне каменоломен относится к этим периодам. Отработка месторождения привела к уменьшению нагрузки на приморский оползневый склон бухты Маячной, сложенный глинами, что способствовало снижению активности и временной стабилизации фронтального оползня выдавливания, спускавшегося к морю. Открытые разработки строительного камня могли быть использованы и на г. Опук, однако они пока не зафиксированы из-за сложности рельефа и современной поверхностной распиловки.

Водозаборники. На территории массива г. Опук разведками автора и А.А.Клюкина были обнаружены 11 колодцев. Часть из них располагалась в балках и депрессиях склона горы, на разломах, где стекала и аккумулировалась сконденсированная в пустотах вода. Часть из них располагалась на береговых пляжах в местах подпора тех же вод солеными водами Черного моря. Одни колодцы полностью засыпаны и еле различимы на современной дневной поверхности, другие действуют поныне. Глубина колодцев варьирует от 1,50 м (в береговой полосе не более 3,0 м) до 12 м.

Часть колодцев, несомненно сооруженная на водоносных участках склонов и побережья античными мастерами, подверглась реконструкции в раннесредневековое время, а позже крымскими татарами. Суть реконструкции заключалась в расшире-

нии шахты и увеличении площади зеркала воды колодцев. Соответственно увеличивались и размеры горловин, достигая порой 1,30 м. Подобная реконструкция позволяла выбирать одновременно большее количество воды, что было необходимо для обеспечения водопоем стада мелкого рогатого скота. Об этом, в частности, свидетельствуют каменные поилки, встреченные около некоторых колодцев.

Колодцы сложены из рваного необработанного известняка насухо. В береговой части при кладке колодцев использовались окатанные морем крупные известняковые гальки.

Гидрогеологическое обследование большинства античных городов Керченского полуострова позволило Б.А.Вахрушеву определить, что основными водозаборными сооружениями, использовавшими конденсационные воды, являлись колодцы и каптажные галереи (Вахрушев, 1999, с.8—9). По его определению, (Вахрушев, 2002) древние водозаборники по их инженерно-гидрогеологическим характеристикам можно разделить на три типа (Рис.116). Первый тип колодцев сооружался в теле оползня или на крутых суглинистых и делювиальных склонах. Для забора воды сооружалась галерея, которая от дна колодца шла с небольшим уклоном в сторону падения склона, где строилась подпорная стенка. Ко второму типу относятся «приморские» колодцы на линзах пресных вод пляжных отложений. Интенсивное использование этих колодцев ведет к быстрому их истощению. Так, после экспериментальной откачки 200 литров воды из приморского колодца под усадьбой «под источником» у мыса Опук, в него стали поступать солоноватые и соленые воды. Линза конденсационных вод восстановилась лишь через 12 часов (Вахрушев, 1999, с.9). К третьему типу относятся сложные водозаборные сооружения,

когда сразу несколько колодцев (до пяти) связаны между собой галереями, последняя из которых выходит на поверхность в основании склона. Этот тип водозаборников отличается повышенным дебитом вод за счет большой площади подземного водозабора.

Часть колодцев сохранилась с античного времени — их отличает узкая горловина и шахта с почти вертикальными стенками. К таковым относится колодец у постройки первых веков на «Змеиной» террасе. Ширина его горловины составляет всего 0,60 м.

Наиболее ранние следы каптажа обнаружены в расщелине одного из оврагов, расположенных западнее поселения «холм А». Каптаж сильно разрушен оползнями и еле различим в каменной осыпи. Он представляет собой горизонтальную галерею, сооруженную из поставленных на ребро известняковых плит, вероятно, ведущую к цистерне-накопителю. Подобные колодцы-накопители достоверно известны в двух аналогичных действующих в настоящее время²³ источниках. Первый из них, ныне основной источник г. Опук (так называемый фонтан), как я уже отмечал ранее, расположен на южном склоне горы, в 1170 м юго-юго-восточнее триангуляционного знака на вершине горы и в 590 м к северо-востоку от мыса Опук. Он находится в тальвеге скалистой балки на высоте около 45 м от уровня моря. Галерея шириной до 0,55 м сооружена из поставленных на ребро известняковых плит (Рис. 117). По словам одного из военнослужащих, в нескольких метрах от окончания галереи располагается цистерна-накопитель глубиной около 1,0 м. Рядом с галереей расположены два колодца, частично забутованные, но содержащие воду. В новое время у источника был оформлен фронтон, сделан слив и установлены высеченные из известняка поилки для скота.

Второй источник располагается выше по склону от развала приморской оборонительной стены и северо-восточнее «змеиной террасы» (см. разделы II.4.F II-1,4), в 1050 м юго-восточнее трангуляционного знака на вершине горы и в 180 м от берега. Источник находится на высоте 40 — 45 м над уровнем моря. Он также был реконструирован в новое время — к галерее был пристроен внушительный фронтон, вдоль которого были установлены поилки для скота. Водоводная галерея была оформлена как впущенная в склон двусторонняя постелистая кладка из слегка отесанного известняка, оформленная в виде стрельчатой арки высотой около 1,0 м. Галерея, шириной 0,30 — 0,40 м ведет к колодцу-накопителю, расположенному в чуть более 3-х метрах от устья галереи. Колодец имеет слегка грушевидную форму, глубиной до уровня воды около 1,95 м, диаметр горловины колодца составляет 0,95 м. Из донного грунта колодца местными «краеоведами» были подняты фрагменты амфорной тары эллинистического и позднеантичного времени²⁴.

Примечание

¹ Подробное описание крымскотатарских деревень и принадлежащих им мусульманских кладбищ, которые, судя по всему, возникли здесь в XVIII в., мы опускаем.

² О чем любезно сообщил мне Олег Дмитриевич летом 2005 г.

³ Точную привязку я сознательно опускаю.

⁴ Сооружен в 1875 г. В 1949—1964 гг. в районе Кызаульского маяка В.В.Веселовым были проведены разведки и выявлены отдельные объекты античного времени (См.: Веселов, 2005, с. 50—51).

⁵ Исследования последних лет выявили на территории городища напластования и более раннего времени — конца VI — начала V в. до н.э.

⁶ На прибрежных участках долин, тянущихся к востоку от Кыз-Аульского маяка, расположены и другие античные поселения, но поскольку они близки к границам округа Китея, мы опускаем их описание.

⁷ Сборы автора.

⁸ «Горами» их называют из-за крутизны склонов.

⁹ По Н.Ф.Федосееву.

¹⁰ Под таким шифром памятник фигурирует в полевом отчете.

¹¹ При сборах материала в 2003 г. автором были обнаружены единичные фрагменты лелных сосудов эпохи поздней бронзы (определение С.Г.Колтухова).

¹² Первое расстояние представляет собой расстояние между ближними границами распространения материала обоих поселений, второе — от центральной части поселения Кояшское северное и центра пятна распахки культурного слоя второго, безымянного поселения. Далее будут приводиться только расстояния между «центрами» объектов.

¹³ По материалам отчета.

¹⁴ В последнее время датировка данного типа фибул смещена в сторону их удравнения — I—II вв. н.э., (вторая пол.I — первая пол.II века н.э.).

¹⁵ Раздел подготовлен совместно с А.В.Джановым.

¹⁶ Возможно, из расположенной где-то поблизости античной постройки, разрушенной при строительстве поселка.

¹⁷ В качестве нулевой точки отсчета взята первая к востоку от мыса Опук бухта, расположенная непосредственно под современным источником, в ней располагается лагерь экспедиции. От нее идет отсчет всех бухт к востоку до песчанной дюны юго-восточной приморской подошвы горы. Берег к западу от мыса до городища Киммерик крут и обрывист и, хотя располагает небольшими бухтами, не обладает археологическими памятниками.

¹⁸ Элементы кладки в диагональной, так называемой технике в елку ввиду плохой сохранности стен не прослеживаются.

¹⁹ Вероятно, для увеличения объема единовременно выбираемой воды при поении крупного стада мелкого рогатого скота.

²⁰ Раздел написан совместно с А.А.Клюкиным.

²¹ На пляжах черноморского побережья Керченского полуострова встречаются выброшенные накатом стволы, пни и целые деревья длиной до 10 м и диаметром до 0,7 м, с обломанными ветвями, уничтоженной или сильно обтертой корой, обросшие баянусами. Внешний облик таких экземпляров плавника свидетельствует о длительном пребывании их в море.

В одной трети экземпляров плавника обнаружены окатанные и угловатые обломки горных пород поперечником 1—25 см. Они опутаны корнями и нередко настолько сильно обросли древесиной, что их с трудом удавалось выбивать молотком.

Каменный материал отобран для определения

из 23 экземпляров плавника, обнаруженного у мысов Кыз-Аул, Опук и Чауда. В собранной коллекции преобладают гальки диаметром до 10 см. В корневых системах отдельных деревьев содержалось до 10 — 15 обломков, а в некоторых сохранились четкие овальные углубления поперечником до 30 см, оставшиеся от каменных включений, выпавших и утерянных на трассе переноса. Гальки и валуны, извлеченные из плавника, представлены, как правило, разными породами, а щебень и глыбы — петрографически однотипными. Очевидно, деревья с грузом окатанных обломков произрастали на поймах, в дельтах, на речных и морских террасах, а с угловатыми обломками — на прибрежных склонах, осыпях, обвалах, оползнях. Видовой состав деревьев, размеры и форма каменных включений свидетельствуют о том, что плавник поступил в море из горных речных долин с абрадируемых береговых склонов. Около 65% обломков, извлеченных из плавника, представлены осадочными, а 35% — изверженными и метаморфическими породами, сходными с найденными в отложениях пляжей и морских террас Керченского полуострова. Среди осадочных и метаморфических пород обнаружены мраморовидные и мергелистые известняки, шиферные и кремнистые сланцы, алевролиты и песчаники. Подобные им породы слагают юго-западный склон Большого Кавказа. Среди магматических пород чаще всего встречаются палеотипные и реже — кайнотипные породы. К палеотипным относятся миндалекаменные андезиты-базальты, спилиты, диабазы, участвующие в строении Кавказа и Крымских гор. Кайнотипный облик имеет долерит, близкий по химическому составу к оливиновому габбро. Гальки долерита вместе с гальками шлаковидных базальтов и андезито-базальтов порфировой структуры найдены на пляжах в нескольких пунктах черноморского побережья Керченского полуострова. Ближайшие выходы таких пород находятся на Малом Кавказе и в северной Анатолии.

В центральной части Черного моря известны два устойчивых циклонических круговорота («ючки Книповича») и несколько вихрей меньшего размера. Плавник с обломками экзотических пород, обнаруженный на берегах Керченского полуострова, скорее всего был вынесен в море с Кавказа и из северо-восточной части Малой Азии. Здесь есть мощные горные реки, а вдоль берега проходит основное течение восточно-черноморского циклонического круговорота. Мысы Опук, Чауда и другие, выдвинутые в море, являются своеобразными ловушками для плавника.

В морских отложениях пляжей побережья г. Опук, особенно в южной половине побережья, нами были обнаружены сотни галек и валунов диаметром до 0,4 м, состоящие из необычайно разнообразных по составу магматических, отчасти метаморфических,

и осадочных пород. Среди светло-серой или белой гальки из местных известняков, отчасти песчаников и кремней они резко выделяются своей разнообразной окраской. На обломки этих экзотических пород Опука порода впервые обратил внимание Н.И. Андрусов (1893). Первоначально он полагал, что это продукты размыва даек, выступающих из моря скалы Кораблей (Элькен-Кая) в 3,5 км от берега. Однако позже он убедился, что скалы сложены не из вулканических пород, а из мезотических известняков, но более к происхождению галек из неместных пород в своих исследованиях не возвращался.

Во взятой пробе из морских отложений пляжа южного побережья г. Опук (483 фрагмента) оказалось около 2 % обломков неместных, в основном нескрипных, пород и минералов. Среди них были встречены: андезит, базальт, порфирит, гранит, халцедон и др. Подобный набор минералов можно встретить лишь на всей площади суши, обрамляющей Черное и Азовское моря.

В историческое время другим источником поступления обломков экзотических пород на побережье Опука мог быть балласт кораблей античного времени. Скалистые берега г. Опук, выступающие из моря скалы Корабли, наличие каменистых банок и сильное морское течение между скалами Кораблями и г. Опук, несомненно создавали дополнительные сложности для мореходства в этом районе. Поэтому поступление на берег неместных горных пород из балласта и каменных изделий, также игравших роль балласта (жернова, ступы, зернотерки, заготовки для якорей, сами якоря и т.д.) представляется вполне правдоподобным.

Обломки магматических пород встречаются не только на Опуке. Их присутствие в качестве строительного камня отмечено В.А. Кутайсовым в строительных комплексах Керкиптитиды (Кутайсов, 1990, с. 135).

Однако возникает вопрос, почему обломки этих пород, попавшие на побережье в античное и, возможно, в раннесредневековое время, до настоящего времени не были истерты прибоем и сохранились на пляжах Опука, ибо для истирания обломков магматических пород весом 100–200 кг при ежегодной потере в среднем 1% массы потребуется около 200 лет. Наиболее приемлемым объяснением этого явления на современном уровне изучения этой проблемы, нам представляется, что основной причиной сохранения этих пород является то, что пляжи Опука в позднеантичное время оказались приподнятыми и на длительное время были выведены из сферы влияния абразии. Это могло произойти в результате быстрой регрессии моря, интенсивного тектонического поднятия берега или образования вала выдавливания

при катастрофической подвижке оползня сдвига. Однако пока нет данных о том, продолжались ли эти поднятия в современную эпоху, когда крымские берега под влиянием расширяющейся Черноморской впадины испытывали в основном незначительные тектонические опускания (Благоволин, Победоносцев, 1973), хотя на берегах Опука найдены приподнятые молодые морские террасы. Кроме того, в некоторых бухтах побережья Опука обнаружены штормовые террасы высотой 2,0 — 2,5 м над уровнем моря, сохраняющиеся от абразии, судя по их внешнему виду, по крайней мере в течение нескольких десятилетий, а может быть и столетий. Терраса на южном побережье Опука образовалась сравнительно давно и в античный период уже находилась выше зоны действия волн.

Если бы пляжи Опука в позднеэллинистический период не были подняты и выведены за пределы береговой зоны моря на значительном протяжении, то обломки экзотических пород также бы не сохрани-

лись в отложениях террасы и, тем более, в отложениях пляжей. Вероятно, в указанный период произошла катастрофическая подвижка оползня на многих участках приморского склона, с которой связано образование вала выдавливания, приподнявшего пляжи, прилегающие участки дна, ранее образовавшиеся и сохранившиеся от размыва морские террасы.

По мере абразионного среза вала выдавливания и языка оползня валуны и гальки экзотических пород перекладывались из приподнятых пляжей античного времени на современный пляж, однако сейчас этот источник питания уже практически иссяк (А.А. Клюкин).

²² Второй из упомянутых источников в начале 1990-х гг. попытались расчистить местные «археологи-любители» из одного из клубов г. Керчи. В результате этих «работ» вода из источника ушла.

²³ Автору удалось лишь очень бегло ознакомиться с этим материалом.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ОСВОЕНИЯ ГОРЫ ОПУК И ОКРЕСТНОСТЕЙ

Подводя итог, представляется возможным в общих чертах реконструировать ход освоения этого региона Европейского Боспора, однако более подробный исторический анализ этого явления и всего хода исторического развития региона в рассматриваемое время я считаю преждевременным без проведения тщательного археологического исследования разных видов эталонных для рассматриваемого региона археологических памятников.

У нас нет данных о присутствии первобытного человека на г. Опук в эпоху камня, хотя природные условия горы позволяют допустить, что ее скалистые склоны могли использоваться для кратковременных стоянок¹ в случаях перекочевок первобытных людей за мигрирующими стадами диких животных.

Единственно достоверным является археологическое свидетельство освоения горы Опук в эпоху бронзы (около XIV — X вв. до н.э.). Стоянки этого времени обнаружены сразу в 4-х пунктах на г. Опук и в ее окрестностях. Самая дальняя стоянка расположена на южном берегу склона г. Кончек, она оказалась перекрыта культурными напластованиями многослойного поселения античного и раннесредневекового времен. Другая удаленная от горы Опук стоянка располагалась на подошве южного прибрежного склона г. Приозерной (Кояшское озеро), она оказалась почти полностью разрушенной береговой абразией. Помимо стоянки, на вершине горы сохранились погребения ее обитателей. Они представляют собой заглубленные в землю т.н. каменные ящики, некоторые из них окружены каменной оградой (кромлехом). Обе конструкции сооружались из дикарного известняка.

Остальные стоянки располагались на Опуке — слой эпохи бронзы подстилает культурные напластования городища Киммерик, раннеантичного поселения «холм А» на южном приморском склоне горы, одна стоянка около источника оказалась частично разрушенной при прокладке дороги к роднику.

На поселениях собран достаточно разнообразный материал — фрагменты лепной посуды, изделия из кремня, культовые предметы, кости домашних и диких животных. Обитатели этих поселений занимались скотоводством, рыбной ловлей и примитивным земледелием. В связи с перекочевками ранних скифов в Восточном Крыму перед греческой колонизацией Северного Причерноморья эти поселения были оставлены.

К числу памятников исторического времени следует отнести следующие объекты — это раннеантичные поселения Чебакское южное, Кызаульский маяк, Киркояшское юго-западное, Узунларское южное, поселение у «холма А» (многие из которых располагают также и слоями эллинистического времени), позднеантичное поселение (усадьба) под каменоломнями, отдельные комплексы террас северного склона горы, цитадель и ее могильник, городище Киммерик, раннесредневековое поселение «над источником» и могильники античного (эллинистического) времени.

Причины и динамика возникновения малых городов европейского Боспора продолжает оставаться проблемой, вечно открытой для дискуссий. До сих пор неясно, был ли Опук впервые освоен греческими колонистами в ходе колонизации Керченского полуострова выходцами из Ионии и других малоазийских регионов в начале VI в. до н.э. или гора и прилегающие к ней земли были освоены в ходе внутренней

колонизации земель полуострова потомками первых колонистов.

Сильнейшими стимулами миграции, побудившими колонистов покинуть метрополию и переселяться на северные берега Понта стали военно-политические события, прямо или косвенно коснувшиеся малоазийских эллинов, — завоевание Ионии лидийцами, последовавший в 547 — 546 гг. до н.э. разгром Лидии Киром II, когда большинство городов Малой Азии «потерпели поражение и были покорены» [Herod., I, 169], покорение Дарием I островов Самос и Хиос (около 517 г. до н.э.); поход Дария против северо-причерноморских скифов, коснувшийся и малоазийских полисов; временный союз Афин и Персии 507 г. до н.э., повлиявший на ход внутривосточной борьбы в М.Азии накануне Ионийского восстания и, наконец, само восстание 499 — 494 г. В соответствии с этими событиями исследователи выделяют периоды в колонизационном процессе (Виноградов, 1983, с. 370; Яйленко, 1983, с. 138 сл.; Кошеленко, Кузнецов, 1992, с. 19 сл.).

Однако возникновение малых городов Боспора происходило не только в ходе самой миграции малоазийских эллинов, но и в ходе постепенного освоения регионов Таврики, затронутых колонизованными процессами, — в процессе «внутренней» колонизации. Она могла быть вызвана целым рядом причин от демографических, внутривосточных и экономических до внешнеполитических. При этом отсутствие государственного объединения боспорских городов, сложившегося несколько позже, и относительно равные отношения с варварским окружением способствовали процессу освоения глубинных территорий Керченского полуострова. Вероятно, роль своеобразных «апоийки» здесь сыграли ранние «сельские» поселения. В этой связи остается актуальной датировка ранних слоев и формирования

городской инфраструктуры соседнего Китея. Традиционной датой возникновения Китея считают вторую четверть V в. до н.э. (Молев, 1986, с. 43; Абрамов, Масленников, 1991, с. 247; Абрамов, Паромов, 1993, с. 78), однако Е.А. Молев, ссылаясь на немногочисленные находки из «святых мест» и некрополя, предложил более раннюю датировку — конец VI — начало V в. до н. э. (Молев, 2000, с. 42). Это поднимает несколько важных вопросов: возник ли Китей сразу как город или ему предшествовало обычное раннее поселение, к которому и относятся ранние материалы? Если предложенная Молевым датировка верна, то возникли ли оба города — Китей и Киммерик — одновременно и было ли их основание результатом единовременной акции? Если оба города появились одновременно, то откуда началось освоение Кызаульской долины и округа Чебакской балки — от Акры и Китея или от Киммерика?

На мой взгляд, городища Акра и Китея, вероятнее всего, возникли не без участия Нимфея, к границам хоры которого они тяготеют. Однако ландшафт той части побережья, где располагаются городища Акра и Китея, несколько проигрывают в сравнении с г. Опук. Помимо несколько удаленного от городища мыса Такыл (Акра) и высокого берегового клифа (Китея), иных естественных укреплений здесь нет. Именно по этой причине основная часть городища Китея была позже лимитирована крепостными стенами, опоясывавшими городище. Здесь также практически отсутствуют высокодебитные источники воды — так, насколько можно судить по исследованиям колодца в затопленной части Акры, основными источниками воды были линзы подпора вод в береговой линии.

На горе Опук первопоселенцы могли найти удобную гавань и якорные стоян-

ки, естественные убежища, строительный материал и другие ресурсы, а главное, значительный земельный фонд и в относительном обилии — питьевую воду. В сравнении с Акрой и Китеем гора Опук и основанные на ней поселения были более приспособлены для дальнейшего освоения окружающих земель. Наиболее ранними античными поселениями в окрестностях Опука являются поселения долины Кызаульского маяка и Чебакской балки. Среди подъемного материала здесь встречены фрагменты амфорной тары второй четверти / рубежа VI—V вв. до н.э. Это позволяет предполагать, что освоение всего этого региона происходило одновременно.

Ряд наиболее ранних поселений, возникших в окрестностях Опука, имел, вероятно, некоторые элементы фортификации — искусственной и природной. Так, поселения долины Кызаульского маяка могли быть обвалованы, поселение Чебакское западное и южное опиралось на крутые склоны балки. Если обваловка поселения Кызаульский маяк относится ко времени его возникновения (рубеж VI — V вв. до н.э.), то она может обозначать, что жители поселения не рассчитывали на защиту оборонительных сооружений Китея, расположенного в 5 км к востоку. Скорее всего, в это время Китей был таким же небольшим поселением. Помимо обваловки, жители поселения могли укрыться на мысе Кыз-Аул, скалообразная сопка которого с 1875 года занята маячным хозяйством, а также на безымянной береговой возвышенности к западу от мыса. Поселения Чебацкой балки могли в равной степени опираться на защитные сооружения поселений Кызаульской долины и г. Опук. Поселения округи более позднего времени, когда Киммерик и Китей уже существовали как городища-убежища, уже не имеют следов укреплений.

С постепенным освоением Опука, где появляются поселения холм «А», формируются раннеантичные слои на многослойном поселении «под источником», на террасах северного склона г. Опук, на вершинном плато (убежище), возможно, на городище Киммерик и прибрежной части от г. Опук до Кызаульского маяка, с начала V в. до н.э. происходит освоение более дальних окрестностей, выдвинутых в прилегающие степи. Постепенно осваиваются долины Киркояшского и Кояшского озер у гор Острая и Приозерная, а в конце V в. до н.э. и, в основном, начале IV в. до н.э., появляются все остальные выявленные в окрестностях Опука сельские поселения. Пока мы не располагаем данными о характере и структуре этих поселений (селища-усадыбы, укрепленные-неукрепленные, стационарные-сезонные и т.д.), для получения которых требуется проведение целенаправленных археологических раскопок.

Определенный толчок к освоению региона бесспорно дало вхождение этой территории в состав государства Спартокидов в конце V в. до н.э. (около 406 г.). Важно заметить, что между 410 и 406 гг. до н.э. во внешней политике ранних Спартокидов происходит резкое изменение — Пантикапей заключает союз с Афинами (Блаватская, 1959, с. 71—72) и с этого времени Боспор начинает активную торговлю зерном, что отражено многими письменными источниками.

В свете экспансии Боспора против Феодосии, начатой Сатиром I ([Ulp. Schol. ad Dem., XX, 33; *Harpor. Lex. s.v. Θεοδοσία*] Ростовцев, 1925, с. 130—132; Гайдукевич, 1949, с. 215; Шелов, 1950, с. 173; Блаватский, 1981, с. 21—22; Шелов-Коведяев, 1985, с. 118—119 и др.), помимо сельскохозяйственного значения, Киммерик и его округа приобрели и стратегическую ценность. Левкон I продолжает войну за Фе-

одосию, на стороне которой выступила и Гераклея Понтийская [Polyaen, Stat., V, 23; VI, 9, 3-4; Ps.-Arist. Оес., II, 2,8), которая, в частности, предприняла высадку десанта в различных местах побережья Боспора [Polyaen, Strat., VI, 9, 4]. Можно предполагать, что земляной вал и ров на перешейке полуострова Узунларского и Кояшского озер мог быть построен в разгар этих событий, о чем свидетельствуют фрагменты фасосских амфор из слоя поселения Кояшское северное. Однако не исключено, что он мог быть сооружен и позже — в период обострения отношений Перисада I со скифами в 40—30-е гг. IV в. до н.э.³, упомянутой Демосфеном [Demosth., adv. Phogn., 8]. В любом случае стратегическая ценность для Боспора этой фортификационной линии и роль в ней Киммерика вряд ли может быть принижена. Возможно, в этот период оборонительные сооружения Киммерика были укреплены, однако мы пока не располагаем археологическими фактами этих перестроек.

На период IV — I-й четверти III в. до н. э. приходится интенсивный рост числа сельских поселений Боспора. По подсчетам И.Т.Кругликовой к 1975 г. на территории Восточного Крыма было известно более 230 сельских поселений этого времени (Кругликова, 1975, с. 53 сл., 256 — 277), а к настоящему времени, по данным А.В. Гаврилова, на хоре Феодосии выявлено еще более 50 поселений (Гаврилов, 1999, с. 6). В целом, А.А. Масленников насчитывает на территории Европейского Боспора около 300 неукрепленных поселений и селищ (Масленников, 2001, с. 91). Аналогичный рост сельскохозяйственной территории наблюдается и на Азиатском Боспоре, где число сельских поселений в это время удваивается (Паромов, 1994, с. 7—9). Большая часть поселений округа Киммерика, которые составляют достаточно внушительное число, также появля-

ется в указанное время, являясь следствием единого процесса.

Вплоть до первой четверти III в. до н.э. на хоре Европейского Боспора развитие сельских поселений происходит без каких-либо изменений, однако в начале второй четверти того же столетия жизнь на ряде неукрепленных поселений прекращается, а часть из них гибнет в результате военных действий (Масленников, 1998, с. 88; 2001 а, с. 91). Хлебная торговля еще сохраняет важное значение в экономике Боспора, однако объемы ее сокращаются. В определении причин этого явления у исследователей нет единства. Кроме военно-политических причин (в том числе результата натиска сармат на скифов и проникновение сармат в Северное Причерноморье,⁴ изменившего расстановку сил и демографическую ситуацию на Крымском полуострове, финансовое ослабление Боспорского царства из-за войн со скифами и междоусобицы сыновей Перисада⁵) исследователи называют и изменения общеполитической и экономической ситуации в эллинском и «варварском» мире Средиземноморья, последовавшие после походов Александра III Македонского и сложения его державы, а затем эллинистических монархий. В это же время наблюдается и упадок самих Афин, бывших одним из основных потребителей боспорского зернового экспорта. Немаловажную роль в сокращении хлебной торговли Боспора ранее объясняли конкуренцией более дешевой пшеницей Птолемеевского Египта (Гайдукевич, 1949, с. 77—78; Жебелев, 1953, с. 84 сл.). Однако эта концепция была подвергнута аргументированной критике М.К.Трофимовой (Трофимова, 1961). Одной из причин сокращения производства зерновых также считают экологические изменения в Северном Причерноморье — истощение почв и климатиче-

ские изменения (температурный режим и увлажненность) (Крыжицкий, 1989, с. 96; Масленников, 1993, с. 62—63).

Основная масса сельских поселений округа Опука бытует до середины — второй половины III в. до н.э., лишь немногие переживают рубеж III—II вв. до н.э. В этом отношении процесс развития и упадка сельских поселений округа Киммерика не отличается от эволюции остальных памятников хоры Европейского Боспора. Слоями этого времени располагают поселения у Кызаульского маяка, Кояшское северное, Киркояшское северо-западное и Кончекское южное. Топография этих поселений позволяет сделать ряд предварительных заключений. Поселения, Кояшское северное и Кончекское южное вероятно, продолжают существовать, поскольку являются узловыми пунктами на оборонительной линии Киммерик — Кояшский вал — г. Кончек — Узунларский вал. Поселение Киркояшское, вероятно, остается одним из поселений на наиболее обширной и плодородной территории округа Киммерика — долины Киркояшского озера. А продолжительность бытования поселения у Кызаульского маяка обусловлена, возможно, его приморским положением на линии Киммерик — Китей — Акра и далее.

В митридатовский период роста числа сельских поселений в округе Опука не наблюдается, хотя как Митридат VI [App., Mithr., 69; Meimn., LIII, LIV], так и Фарнак рассматривали Боспор и Таврику как основную продовольственную и сырьевую базу в подготовке войн с Римом. Тяжесть поставок зерна и податей, разорявших Боспор (Гайдукевич, 1949, с. 319; Шелов, 1983, с. 56; Масленников, 1981, с. 72), вызывала недовольство боспорского населения, погашавшегося карательными мерами Митридата (Блаватский,

1964, с. 128; Масленников, 1981, с. 71; Шелов, 1983, с. 53; Сапрыкин, 1996, с. 269—271), что не способствовало восстановлению бывшего потенциала хоры. К I в. до н.э. большая часть поселений в округе г. Опука перестает существовать, и население сосредотачивается на самом урочище, продолжая осваивать его склоны. Особой хозяйственной активностью этот период жизни Киммерика не отличается — слои и находки конца II — I вв. до н.э. мало мощны и немногочисленны. Мы практически не имеем достоверных данных о структуре землепользования и заселения сельской территории Боспора в этот период. Неизвестно, входила ли округа Киммерика в состав *ὑπὸ βασιλικῇ* или оставалась независимым земельным фондом⁶, но, возможно, процесс рустификации жизни Киммерика и других боспорских городов был связан и с неизвестными нам изменениями в земельных отношениях. Не способствовали восстановлению боспорской хоры, в том числе и сельских поселений округа Киммерика, смутные годы династических распрей, последовавших после смерти Асандра.

До последнего времени исследователи были склонны относить возведение цитадели на вершинном плато горы к правлению Асандра, укрепившего границы государства и предпринявшего строительство множества оборонительных сооружений в обеих частях Боспора. Однако преобладание в мусорных напластованиях цитадели материала конца II—III вв. н.э. над находками I в. до н.э. и расцвет самого городища Киммерик заставляет нас связывать *один из этапов* существования этого фортификационного сооружения (до финальной реконструкции цитадели) с деятельностью Тиберия Юлия Савромата II (174/175 — 210/211 гг.). Годы его правления были отмечены многими знаменательными со-

бытиями — подчинением сираков и скифов, установлением боспорского контроля над Таврикой и борьбой с понтийским пиратством (КБН, № 1237), монетной реформой и т.д. При Савромате II велось и активное оборонительное строительство. Так, в частности, были укреплены стены Танаиса (КБН, № 1242). Однако, несмотря на некоторый подъем Боспора при Савромате II, расширения сельской территории Киммерика не происходит. Поселения на территории округа не восстанавливаются, однако активно осваиваются склоны г. Опук и само городище. Хозяйство Киммерика начинает ориентироваться на производство товарного хлеба. Не исключено, что отсутствие мелких сельских поселений этого времени в окрестностях Киммерика говорит также и о смене системы землепользования и расселения сельского населения, о чем косвенно свидетельствует товарность хлебного производства города и рустификация его жизни.

С этим временем, возможно, связан ключевой этап возведения оборонительных сооружений на самом городище Киммерик. В дальних окрестностях горы Опук жизнь продолжается лишь на поселении «Кончекское южное», в то время как на стратегически важном поселении «Кояшское северное» она замирает еще во II в. до н.э. Вероятно, это связано с тем, что в ходе трансгрессии Черного моря оба озера стали заливами, и надобность в Кояшском валу отпала. В первые века н.э. жизнь возрождается и на небольшом селище на водоразделе перешейки озер, расположенном уже за пределами Кояшского вала («Кояшское западное»). Таким образом, поселение «Кончекское южное» остается единственной важной точкой на линии обороны Киммерик — Узунларский вал, и, судя по находкам, жизнь на этом поселении продолжается практически непрерывно.

В середине III в.н.э. на побережье Меотиды оседают «варварские» племена (сарматы, аланы, древние германцы etc) [Jordanis, *Getica*, 28, 117]. Новейшие исследования на побережье Азовского моря выявили неукрепленные селища со слабо-выраженным культурным слоем, содержащим амфоры III — IV вв. и фрагменты керамики черняховского типа (Безуглов, Гудименко, 1993, с. 169 — 174; Гудименко, 1993, с. 104; 1994, с. 13 — 15). С этими племенами связаны так называемые скифские войны (Ременников, 1954, с. 89 — 120), коснувшиеся Боспора. Зосим отмечает, что на Боспоре прервалась законная династия и воцарились «недостойные люди» (соправление Фарсанза с Рескупоридом V, см. Голенко К.В., 1970, с. 93, ссылка 38). Боспор, видимо, находившийся в союзнических отношениях с варварами, вынужден был предоставлять суда для варварских походов в римские владения [Zosimus, I, 31, 32].

Если после кратковременных вторжений варварских племен в 260 — 270-е гг. н.э. городище Киммерик практически перестает существовать как город, то жизнь на цитадели и северном террасированном склоне горы продолжается. Позже, после поражения Фофорса в борьбе с Херсонесом (см. раздел II.4.С.), Киммерик (цитадель, террасированные склоны — «посад») вновь становится пограничным городом на западном рубеже Боспорского государства (Кругликова, 1966, с.18—19). В это время происходит ее полная реконструкция, которая совпадает с аналогичными работами на Узунларском валу (Ланцов, Голенко, 1999, с.177—181). Оставшаяся часть боспорского «скифского» войска [Const. Porphy. *De adm. Imp.*, LIII, 195] была посажена в качестве федератов (Юрочкин, 2001 с.131—132) на приграничные земли, куда (на юго-западе полуострова) помимо Киммерика (включая окрестности г. Кончек, читай южной части Узунларского вала) входила и округа Китея, о чем

свидетельствуют находки с могильника Джург-Оба (Ермолин, Юрочкин, 2002).

Жизнь на цитадели продолжалась и в период появления с рубежа IV — V вв. в Крыму (Айбабин, 1999, с. 73) гуннов, которые, согласно Прокопию Кессарийскому заселили земли между Херсоном и Боспором. Судя по распространению погребений «варваров» (Айбабин, 1999, с. 71), граница Боспора пролегла по линии Узунларского вала, который, как и цитадель Киммерика, продолжал функционировать как боспорские пограничные фортификационные сооружения. Цитадель также не пострадала и в ходе разгрома гуннов готами.

После гибели цитадели около первой трети VI в. жизнь на горе Опук и в ее окрестностях временно замирает. Возможно, здесь еще существуют отдельные селища или хутора, укрытые в скалах, однако с точки зрения демографии последствия гибели цитадели для Опука и его окружи носили катастрофический характер. После присоединения бывших боспорских земель к византийской империи при Юстиниане крепость не восстанавливается, в том числе и потому, что теряет свое пограничное значение.

С приходом на Опук носителей салтово-маяцкой культуры инфраструктура Опука полностью меняется, что обусловлено иными традициями и хозяйственной ориентацией нового населения. Столь значительную активность Хазарского государства в Таврике можно объяснить следующими причинами. В первой половине IX в. Хазарский каганат переживал острейший кризис. Ослабленное в длительной и кровопролитной борьбе с арабами государство к середине этого века столкнулось, помимо внутренних неурядиц, с новыми внешними врагами. На это время падает начало активности в степях Восточной Европы печенегов. Следы вражеских набегов фиксируются на памятниках Подонья (Плетнева, 1993,

с. 65). Несомненно, с активностью печенегов связано и начало возведения фортификационных сооружений повсеместно на территории ареала салтово-маяцкой культуры. Помощь в их строительстве хазарам оказал византийский император Феофил. По сообщению Продолжателя Феофана и Константина Багрянородного, в ответ на просьбу хазарского посольства в 836 г. на строительство Саркела были направлены византийские строители-фортификаторы. Таким образом, ко второй половине IX в. на хазарском пограничье в бассейнах Дона и Северного Донца была создана мощная цепь обороны, направленная против кочевников (Афанасьев, 1993, с. 149—150).

Общее потепление хазаро-византийских отношений, наступившее после напряженности во второй половине VIII в., не могло не способствовать устранению противоречий на пограничных землях Таврики. К середине IX в. пустующие земли восточной части полуострова осваиваются представителями салтовской культуры. В число мест их расселения входят исследованные поселения Керченского полуострова — Пташкино, Опук, Героевка-1, Героевка-2, Тиритака. Первые жители этих поселков, вероятно, были выходцами из земель Подонья, о чем говорят волынцевские черты в их керамическом комплексе.

На склонах горы Опук, помимо описываемого аила, появляются и другие синхронные ему объекты: раннесредневековые строительные остатки обнаружены и на самом городище (Мартин Ю.Ю., 1928, с. 110); на плато горы, возле зольника цитадели постройки с загородками, вероятно, этого же времени, которые могли нести здесь также и дозорные функции. На южном, северном и отчасти на западном склоне появляются отдельные постройки хуторного типа (часть из них мы рассмотрели выше) и многочисленные кольцевые загоны, занимающие преимущественно южный склон горы. Некоторые сохранив-

шиеся колодцы, сооруженные, вероятно, еще в античное время, после последующей реконструкции приобретают более выраженную грушеобразную форму¹⁹, редко встречающуюся в античное время.

Новое население активно включилось в экономическую жизнь региона. Вырос объем сельскохозяйственной продукции, стимулировавший развитие гончарного ремесла. Осваивались и другие области производства. Как мы уже говорили выше, хозяйству исследованного памятника была, возможно, присуща специализация по производству товарного мяса. Другое поселение на южной подошве горы Кончек (См. раздел III.3.J.), возможно, специализировалось на добыче железной руды, поскольку располагалось у небольшого месторождения керченских руд.

Экономические и культурные контакты с византийскими областями в Таврике и Малой Азии, естественно, привели к усилению влияния христианской церкви в среде салтовского населения полуострова. С IX в. на местных поселениях возводятся церкви и фиксируются изменения погребального обряда (Баранов, 1990, с. 135—139). К началу X в. это население в религиозном и культурном отношении более тяготело к Византийской империи, нежели к Хазарскому каганату. В этой связи следует заметить, что в ходе обследования строительных остатков рассматриваемого поселения, в скалистой ложине, ведущей к источнику были обнаружены остатки постройки, выходящие на дневную поверхность. Эта постройка, вытянутая по линии северо-восток — юго-запад, по конфигурации напоминает одностолбчатую базилику (Рис. 115а).

Поселения салтово-маяцкой культуры прекращают свое существование во второй четверти X в. Эта дата, основанная на анализе керамического комплекса времени разрушения, представляется нам наиболее вероятной для ряда исследованных памятников Керченского полуострова (Пташкино, Опук, Героевка-1). Близкую к ней дату (пер-

вая половина X в.) дает и слой разрушения у крепости Фуна, сопровождавшегося мощным пожаром (Кирилко, Мыц, 1993, с.42). Гибель поселений салтово-маяцкой культуры, сопровождавшаяся разрушениями и пожарами, видимо, следует связать с последствиями византийско-хазарской конфронтации, последовавшей за репрессиями Романа I Ликапена против константинопольских евреев. Разработка последовательности событий 942 — 943 гг. в Таврике была проведена М.И.Артамоновым (Артамонов, 1962, с. 373 — 384) и представляется нам вполне убедительной. Археологические реалии Восточного Крыма представляют еще один аргумент в подтверждение предложенной трактовки событий. Прекращение жизни на поселениях Восточного и части Горного Крыма было вызвано репрессиями хазарского правительства против христианских подданных каганата.

В последующее время, вплоть до времени возникновения на подножии г. Опук татарских деревень, жизнь на урочище практически прекращается. Однако не исключено наличие каких-то мелких хозяйств IX—XII вв. на его западном склоне.

Примечание

¹ Единственно достоверным свидетельством подобной возможности является случайная находка (к сожалению, утерянная) листовидного наконечника позднепалеолитического облика, найденного на береговом уступе под постом ВМФ А.А.Клюкиным и А.А.Щепинским. Глубокая патина этого кремневого изделия свидетельствует, как любезно сообщил А.А.Клюкин, об аутентичности происхождения находки из местных напластований.

² Речь произнесена около 328 г.до н.э.

³ Блаватский, 1964, с. 98 сл.

⁴ Шелов, 1956, с. 149 сл.

⁵ Единственный эпиграфический документ, способный хоть косвенно пролить свет на этот вопрос — надпись киммерикских фиасов, датируется более поздним временем — не ранее III в.н.э. (КБН, с. 528, № 946).

ANCIENT KIMMERIKON AND ITS CHORA

Ancient Kimmerion is one of the insufficiently explored «minor» towns of Bosphorus. Owing to recording of reliable geographic reference-point — sea rocks called «Ships» («Elken-Kaya» in Crimean-Tatarian) — in rather late Periples of Pontus by Anonymous Author (Pseudo-Arrian) the European site Kimmerikon, situated on the slopes of Opuk Mountain (Black Sea coast of Kerch Peninsula) is well localized. Anonymous Author informs us: «The distance between town Kuta (Kuteon site — V.G.) and Kimmerikon is 60 stadii, 8 miles; there is mooring protected from western winds. In front of it in the sea, not far from the shore there are situated two small rocky islands. The complete distance between the mouth of Meotian Lake (Azov Sea — V.G.) and Kimmerikon is 300 stadii or 40 miles and the distance between Pantikapaion and Kimmerikon is 240 stadii, or 32 miles» [Anon., PPE. 76-77]. An other town with the similar ethnikon — Kimmerion, unlocalized yet, — according to the literary sources, was situated on the opposite, Asiatic coast of Kimmerian Bosphorus.

Existence on both coasts of Kimmerian Bosphorus of two towns bearing common ethnikon — European Kimmerikon (Κιμμερικον) and Asiatic Kimmerion (Κιμμεριον) — can be easily explained from the point of view ancient Greek literary tradition. But this fact and closed consonance of the names has led to situation when localization of both towns, determination of authenticity of evidences of ancient authors about each center and determination of their role in the history of Bosphorus became one of the most debatable problems of historiography and study of original sources, and the discussion of it does not stop till present days.

The complication of evaluation of the role of both towns in the history of Ancient Greek colonies in the Bosphorus and later in the history of Bosporian Kingdom is first of all connected with the evidence of the other

author — Strabo — dedicated to the Asian Kimmerion [Strabo, XI.II.4-5]. In spite of accuracy of Strabo's study and trustworthiness of his sources, in Strabo's description of Kimmerion can be find some diffidence of the ancient author: having described the settlement (village) Kimmerikon (Kimmerion, Kimmeris) on the Asiatic bank of Bosphorus, in the following paragraph he has made a reservation that «in former times Kimmerikon was a town on the isthmus and locked the isthmus with ditch and rampart» [Strabo, XI. 2.5]. Though this evidence is discrepant and still debatable, it remains very important for the history of Bosphorus, especially in the light of discovery of the Tribute List of 425/424 BC of the I Athenian Naval Alliance found on the Athenian Acropolis. In this *psephisma* among the other towns of Euxine Tribute Region Kimmerikon was probably mentioned. Some scholars aspire to recognize in the Tribute List the Asian, not European, Kimmerikon which as it was mentioned above is not still localized in nature. But it is not possible to ignore important evidence of Pliny who marked out that at previous times the Asian Kimmerion (Κιμμεριον) has got another name — it has been called Cerberion [Plin., NH, VI. 18]. Another author — Pseudo-Scymn — calls the neighboring to Asian town the town of Kepoi as a colony of Miletus underling its polis origin and contrasting it to neighboring Kimmeris «founded (and renamed — V.G.) by Bosporian tyrants» [Ps. Scymn., 896-899]. As far as the Asian town was re-founded already during the Bosporian «state colonization» of lands adjoining to Kimmerian Bosphorus which has taken place not earlier then the beginning of the V century BC, the renamed town already had no political independence and correspondingly could not be the member of Athenian Alliance. On the Northern Black Sea Littoral there are no other centers which names started with letters Κιμ-

The critical analysis of literary sources and archaeological situation on the Opuk Mountain and its environs shows that Strabo really mixed the evidences about both towns and his information about former localization of Kimmerion is to the point of European Kimmerikon whose strategically role in fortification system of Bosphorus is doubtless — in the visual distance of it, on the northern coast of Uzunlar Salt Lake the famous Uzunlar (Asander's) rampart with deep ditch finishes. Moreover, on the isthmus of Uzunlar and Koyash Salt Lake, on whose south-eastern bank Kimmerikon is situated, are still visible the remains of the other rampart and ditch. On the bank of Koyash salt Lake this pampart was strengthened by settlement. The excavations of it have shown that it was founded not earlier the first half of the IV century BC. It represents a dwelling of two-three rooms completely demolished and a paved with milestone tiles little yard. Some other dwellings were situated near. The small dimensions of settlement make possible to suppose that it was a guard point on the rampart. Behind the Koyash rampart there were situated the settlements of Kimmerikon chora meanwhile three of them dated by the IV-III centuries AB practically attach the rampart from its eastern inner side.

Simultaneity of erection and functional similarity of both ramparts is doubtless: they are common fortification system locking at Kimmerikon the general defensive line which crossing Kerch Peninsula from Azov to the Black Sea defended the Eastern part of peninsula which was the native Bosphorian lands in the Crimea. Both from point of view of Ancient Greeks and modern opinion this system was an impressive military and engineer installations. If we'll keep in mind the stages of transgression of the level of the Black Sea when the level of the sea in the first centuries AD reached the modern one and even exceeded it, the Uzunlar Lake at the

present times running deep into land about 10 km at the times of Strabo was probably a sea gulf and intensified impression about Kimmerikon as about the town situated on the isthmus between Pontus and Meotian Lake (a large Kazantip Bay). It is important to note that, according to the evidence of Constantine Porphyrogenitus (which was confirmed by archaeological data³), by the same defensive line and through the town Kimmerikon («Kibernik» of Constantine) the final border of the Late Bosphorian State ran [Const. Porph., *De adm. Imp.*, 53] (See below).

Opuk Mountain is one of the highest heights of Kerch Peninsula (184 m), it is based of limestone of Meotian Layer of not more than 50 m of thickness which is laid under by Sarmatian clays. From the ancient relief of the mountain not great structural-denudative top plateau of triangular form armored by stratum of limestone there only remained. It is situated on the altitude 160—184 m. The slopes of mountain are undergone with ancient and new landslides which have complicated the building of the town and have stipulated the poor safety of the site in general. Artifacts show the activation of processes of landslide in the maritime part of Opuk in Historical Period — after IV—II centuries BC and before VIII—IX centuries AD. In the first half of the IV century AD on the stable surface of the top plateau there a citadel was erected (See below) which was well joined into surroundings and did not get seismic deformations. The sites of Early Medieval Period on Opuk were also well joined into modern landslide relief and on them there were not found traces of catastrophic motions. These facts make possible to specify the date of the latest catastrophic seismic-gravitate dislocations and to limit them by the IV century BC and III century AD — just the time when ancient Kimmerikon actively existed. At that time in the Black Sea the so named «Nymphaion» transgression was taking place. As a result of

transgression the processes of abrasion and caused by it processes of landslides on the maritime slope of the mountain. But all these complications of geological situation compensated by abundance of fresh water of condensate origin, building materials and fertility of lands in adjoining coastal steppe.

First, who supposed that the remains of ancient urban fortifications situated on the slopes and top plateau of Opuk Mountain belong to Bosporian town of Kimmerikon was the famous Russian explorer and traveler Peter Simon Pallas (1741 — 1811), who was traveling in Taurika in the end of XVIII century. While detailed investigation and small excavations of antiquities of Opuk belong to the famous Russian explorer and collector, one of the founder of Kerch Museum of Antiquities — Paul Augustine Dubrux (1773-1835). In collaboration with Dubrux investigations on Opuk mountain was undertaking the first director of Kerch Museum Jean Mare de Blaramberg (1772 — 1831). Very soon the passion of Russian archaeologists for antiquities of Pantikapaion and neighboring Bosporian towns together with increasing of investigations on the Asian side of Bosphorus excluded Kimmerikon from attention of investigators nearly for a century. Only in 1927 expedition of Kerch Museum guided by director of museum — Yu. Yu. Marti during only one field season has investigated the coast from Akra to Kimmerikon (the last is situated in the distance of 50 km westward of Kerch in the poor inhabited region of peninsula).

The location of European Kimmerikon is traditionally localized on three maritime hills of the south-western slope of Opuk («western site») — between the shore of the sea and Koyash salt Lake. As far as the date of foundation of Kimmerikon is not proved archaeologically, several archaeological objects situated on the slopes pretender to right to be called the earliest Kimmerikon. They are — the mentioned above «western» site, early

Greek settlement («Hill A») on the south-eastern maritime slope and some other sites which will be described below. Dubrux for example, supposed that on Opuk Mountain there have existed just two different towns — Kimmerikon and Kutaion —, and the border between them has been a road running from Koyash Lake to the main ancient «fountain» of the mountain functioning in present time. Not great excavations undertaken on the «western» site by different investigators — Dubrux (first half of XIX century), Yu. Yu. Marti (1928), I.B.Zeest and I.T.Kruglikova (1948-1951) and by the author of present paper (1989-1997) have revealed mainly the building remains of the first centuries AD while some finds of early artifacts in the cultural layers made possible to suppose that the settlement on the Western slope «already existed in the V century BC» (Kruglikova, 1952, P. 57; 1958, P. 222). The absence of Late Classical building remains I.B.Zeest explained by the fact that «in conditions of mountain rocky country the cultural deposits belonging to the previous period of urban life could not to remain: probably they has been cleared away to the surface of the rock in the process of subsequent urban life» (Zeest, 1949, P. 98), like, for example, in Pantikapaiton, Chersonesus and some other towns of Taurika.

As it is possible to judge on the basis of historical topography of site, observations of previous investigators and results of recent explorations and small excavations, the fortification system of the site consisted of few elements. First of all, the special role played the relief, particularly the rocky ridges surrounding territory in the East and North-East and precipice shore on the South. The fortifications of Kimmerikon themselves were rated at repulse of attacks from land and sea: the territory of site was surrounded by walls with towers¹ which were able to stand the siege of short duration even with the use of

battering-rams. It is proved by constructive peculiarities of «wall-fences» which have 1,5 m width and filling by clay and small stones inner space. By special wall adjoining the south-western part of the site the port part of town between the sea and Koyash Salt Lake was also flanked. On one of maritime rocks the fire-place of light-house was hewed on the rocky surface. The separate walls were on the foot of the maritime hills of the site. In this case, the separate fortification of Acropolis hill and last ones played an additional defensive role, because the burst into the urban territory enemy found himself in depression between two fortified hills and rested on the steep slope of the mountain. Any traces of ramparts and ditches on the borders of the site were not found.

In 1947—1951 archaeological investigations of antiquities of Opuk, especially of Kimmerikon site were undertaken by Kerch State Historical-Archaeological Museum (I.B.Zeest) and Department of Classical archaeology of Institute of archaeology⁴ (I.T.Kruglikova, D.B.Shelov) which on the first stage made possible to define more exactly the chronology of different archaeological objects situate on Opuk. By excavations of 1948—1950 by I.B.Zeest and I.T.Kruglikova were discovered the remains of dwelling and producing assemblage of II-III centuries AD situated on the terrace of one of the Maritime hills of the site. The assemblage was skillfully entered in natural relief of the hill. In the central part of assemblage a paved by limestone tiles yard was situated. Minimum three rooms covered by clay roofs adjoin the yard. From the East the assemblage was limited by breast-wall. One of the rooms communicated with the yard by means of stairs built of hewed limestone blocks. In an other room there were found stone mortars, grinding-stone, working table and handle grain grater (Zeest, 1950, P. 97). It was a manufacturing room which communicated with the yard by

means of door and window and with the other — by door. By excavations there was uncovered granary situated in the room which was practically whole hewed in the rock. The big dimensions of grain-pits show the trade character of manufacturing. The assemblage has perished in the fire which I.B.Zeest dated by the III century AD (not earlier the middle of the century — V.G.) and I.T.Kruglikova — by the end of the III or beginning of the IV centuries AD.

In 1950 — 1951 by the same expedition near the maritime precipice an other similar assemblage partly destroyed by the coastal abrasion was excavated. It represented an assemblage of the I-II centuries AD consisted of several rooms with grain-pits which was limited by powerful external wall. According to the peculiarities of relief, the uncovered part of assemblage ruined down to the sea. The excavations of an area adjoining the assemblage gave an exclusively important materials: in the sandy soil stretching under the cultural depositions of «Hellenistic» layers there were found numerous fragments of hand-made pottery of Late Bronze Epoch.

In 1952—1991 the Opuk Mountain and its environs have passed into jurisdiction of Ministry of Defense of the USSR and investigations were stopped. They were re-newed by author only in 1989. In 1991 near «flour-grinding workshop» there was excavated an other assemblage adjoining the workshop above by the slope. It represents an yard paved with limestone tile also strengthened by breast-walls which limited an assemblage from North and East and semi cellar room with dug in pythoses of Bosporian production. The living room of which only rocky floor and eastern wall remained, was also partly hewed in the rock. The assemblage was also hardly ruined by the processes of abrasion and landslip. The fissure crawling away origin practically completely ruined the semi-cellar room with pythoses, a part of a yard, other constructions

of assemblage ruined down the sea. Inhabitants of assemblage have made some attempts to stop this process by the means of pouring soil, but soon have had to leave the assemblage. Among the finds found during excavations of this assemblage there predominated fragment of storage amphorae of Bosporian and Southern Pontic production, fragments of red-lacquered and red-clay table pottery, fragments of typically bosporian hand-made kitchen pottery. In the whole, the assemblage can be dated by II — first half of the IV centuries AD while the process of forming of fissure has started just very soon after the foundation of assemblage.

The inhabitants of Kimmerikon of that times were fairly well off and the general economical level of live of population of Kimmerikon in II-III centuries AD probably did not differ from the level of the other ordinary Bosporian town like Ilurat and Tiritaka, together with neighboring Kutaion it represented one of the centers of Bosporian grain trade. The grain-pits of large dimension for grain keeping had a pear-shaped form with stony facing of the mouth which was covered by limestone tile. They were of 6.5 m depth with diameter of bottom 2,2 m and contained up to 76 cubic meters of grain while all pits of one assemblage contained 228 cubic meters. For example, in Pantikapaiton the maximum capaciousness of pits was only about 12-22 cubic meters. That is why it is possible to underline the trade character of grain producing in Kimmerikon in the I – beginning of the IV centuries AD. The find of pithos containing the remains of salted fish in one of the rooms, pyramidal plummets, fragments limewater-like coating found in cultural deposits show that grain production was not only one sphere of economic activity of inhabitants.

The problem of localization of «Early Greek» Kimmerikon from which the mastering of environs of Opuk had started, has got an actuality in the light of debated problem

of Kimmerikon membership in I Athenian Naval Alliance.

Some scholars tried to connect the remains of polis infrastructure of Kimmerikon of the VI-V centuries BC with remains of early Greek settlement at the «Hill A» (which I am going to describe a few lines below) supposing that later on it was moved to the place of «Western» site but this supposition contradicts with real archaeological and geological situation on Opuk Mountain.

In 1950 on the south-eastern maritime slope of mountain, on the distance of more than 1,5 km eastward of «Western» site Kimmerikon, there were found building remains and cultural deposits of early Greek settlement. During excavations there were uncovered the remains of large dwelling assemblage situated on the narrow maritime terrace. The hill called by investigators as hill «A» on which foot the settlement is situated, represents the stable rock of degraded mountain which lies on the landslide south-eastern maritime slope of the mountain. The assemblage has an unusual planning consisting of four separate isolated rooms with personal outlet to the door-lying paved yard. The rooms are attached to the common blank wall and one of the rooms was of household purpose. Three other rooms of small dimension had floors slightly deepened into the ground. All rooms had door-ways with the traces of fastening wooden doors. In two rooms fire-places were built of lime stone tiles erected on verges. In the third room the fire was kindling just on the floor and this fact is testified by a spot of fired clay in the center of the room. The grain pits with covered with clay walls and deepened into the virgin rock were met in two rooms. In the yard of assemblage there were situated objects of household — small annex, dust-hole covered with limestone tile and stone box built of limestone blocks erected on verges etc.

The assemblage has taken two building periods and few stages of pouring of floors. The found artifacts are common for the ordinary Bosporian towns of that period — numerous fragments of storage or transport amphorae, mainly of Chian production, fragments of black-lacquered kylikes, lekythoi and other kind of vessels, terracota figurines, hand-made pottery, bones of small cattle, leaves of mollusks etc. The artifacts permitted to date the settlement by the end of the VI — beginning of the IV centuries BC. The cultural deposits of the settlement cover the remains of the settlement of the Epoch of Late Bronze with mud-huts deepened into the virgin loamy soil. The settlements are separated with chronological period about 500 years.

The dwelling assemblage was erected in the end of the VI century BC⁵ and in the V century BC here were undertaken some reconstruction works: the floors were heightened, new fire-places and grain-pits were built and the pavement was repaired.

Investigator underlined singularities of planning of the assemblage (Kruglikova, 1952, P. 64). S.D.Kryzhitskiy characterizing this building as an assemblage of blocking houses of megaron type, writes that this type of houses «can be hardly relate to category of the most typical Greek schemes. But neither-the-less, the type of <collective> farm-houses (ancient Torik) revives in the Northern Black Sea Littoral at Hellenistic Period, while megaron type but in developed variations was characteristic for Asia Minor during the whole Period of Antiquity» (Kryzhitskiy, 1993, P. 45 — 46). The settlement perished in the beginning of the IV century BC. either as result of earthquake or some changes of political situation caused by war between ancient Feodosia and Bosporus (Kruglikova, 1958, P. 243). The first explanation, on my point of view, is more acceptable: I.T.Kruglikova was the first who noticed that the slope surface of mountain was more plane in an-

cient times but its relief has changed «in the result of earthquake and influence» of water; there have formed new ravines, the part of slope including «the biggest part of settlement of the VI-IV centuries BC» moved apart and crashed down the sea, and as a result «the rest territory between sea and hill at present time presents the virgin soil turned out as a result of splitting off and falling of soil» (Kruglikova, 1958, P. 234).

Similar movements of soil are not sole on that section of the slope — they take place even at present time⁶. On the basis of our excavations on the Northern periphery of the site we can state that the deposits of the Late Bronze Epoch stretch under the cultural layer of early Greek settlement before its foundation were covered with sterile alluvium loamy soil of 0,3-0,5 m thickness. Moreover, the look micro relief of terrace is still changing under influence of new landslides and process of abrasion.

The small dimensions of the settlement did not allow investigator to recognize in it the early Kimmerikon. But observations of surroundings of it by I.T.Kruglikova and later by the author provided important result — the inexpressive remains of buildings, areas of ruined cultural layers, separate pits of the VI — V centuries BC were met on the scaled territory of the maritime Southern slope of the mountain. Modern surface of some terraces and depressions shows that landslide processes took place there recently and the slope is in temporary stable condition. In the «chaos of stones» of the Southern slope at some sections of it near settlement there are visible fragments of masonry and buildings including fragment of powerful wall of 2,5 m width built of limestone blocks about 1,0 and more — all disfigured by landslips. Some of these remains could belong either to fortifications of Early Kimmerikon, or to fortifications of the maritime part of fortress of the IV-VI centuries AD (See below). Never-the-less,

fragments of amphorae and other pottery of both period were found on the modern surface of «stone chaos», in alluvium soil of coastal recipices and stony beaches. Moreover, the fragments of amphorae of the second quarter of the VI — V centuries BC and of the first centuries AD were met in numerous quantity on surface on different sections of this slope.

The observations carried out by the author revealed the anthropogene terraces on the northern more stable slope of the mountain (under citadel — see below) with the remains of breast-wall and dwellings also inhabited from the edge of the VI century BC, there were also found artifacts dated from the edge of VI-V centuries BC to the Early Medieval Period. Moreover, on the rest sections of maritime there were also found remains of small archaeological objects which gave artifacts of the VI-V centuries BC, of Hellenistic Period and first centuries AD. All these facts show that as initially and later on apart from territories of the «Western» site and settlement at «Hill A» there were mastered all slopes of mountain.

So, the problem of precise localization of early «polis» although remains opened for debates and further single-minded excavations but at present time it has got some clearness: as we can see, the concrete pra-Kimmerikon has not existed as an urban unity which later was moved to the other slope of mountain, while the polis Kimmerikon paradoxically existed. It is known that in Antiquity, the existence of urban center was not the determining factor of polis: «such definition of polis put first and foremost one but not most important peculiarity of this social organism: rather small territory and urban center united around it. The first peculiarity is not determining one and it is derivative from more important characteristics of polis, the other is incorrect. This proves the example of two most famous poleis of Greece. In Attica, for example, there were not only one but two

urban centers (Athens), Sparta has no urban center at all it represented the society of five villages. The same system of settling we see in Tarentum. On the whole in Greece there were widely spread political institutions which have no own urban centers but taken as polies as by their own citizens and other Hellen too. Probably, same political institutions were more typical in the Archaic Epoch, to this testifies Phukididus [1,5,1] but more wide they were spread and later — up to the first centuries AD. At any case Pausanius knows political formations devoid of urban centers but having polis status as we can understand from his description of Panoneum [X, 4]» which represented itself a village situated along mountain stream (Greece in Antiquity, I, 1983, P. 10-11).

At present time we can surely note that Kimmerikon also has not formed the regular urban structure. This fact can be explained by different reasons, and first of all, by complicated geological structure of mountain: in its landslide relief there are fixed up minimum (V.G.) three catastrophic events. First was great and took part in geological time, probably in Late Pleistocene. Other events took part not long ago — in Historical Time. With them the activation of great Late Pleistocene maritime landslide and formation of a new ditch in its head part are connected (Klugin, 1995, P. 112 — 117). The date of this activation testify deformation of the shore and archaeological sites, including settlement «Hill A», situated there. These deformations could cause the moving of cultural deposits to the sea or burying of these layers by landslide soil. During the time of existence of Bosporian State it, as far as Opuk mountain, underwent earthquakes for several times (Vinokurov, Nikonov, 1999, Tolstikov, 1999, Nikonov, 2001). Some of them, like earthquake of 63 BC were disastrous, demolishing complete Bosporian towns («Pontus has absorbed near Meotis towns Pyrrha and Antissa» — Plin.,

NH, II, 206, situated in the distance of few dozen km off Opuk) and devastating environments. To antiquities of Opuk having not ordinary geological structure the consequences of earthquakes were not less destructive. Probably, in the time of Strabo the European Kimmerikon either could be still lying in ruins or it only started to rehabilitate itself after earthquake of 63 BC. Probably it was a reason of contamination of two different towns with the similar names and poor knowledge of geographers of that time. The presence on top plateau on Opuk Mountain with precipice edges which make it inaccessible, of a shelter (and later citadel) probably permitted on some stages of its development to avoid the erection of fortifications round official center of town. And, at last, the probably insignificant division of labor among first citizen of Kimmerikon mainly dealing with agriculture and trade transporting do not contradict with possible unity of group of farm-houses and some public objects under the name «polis Kimmerikon».

So, we should realise polis Kimmerikon and later Bosporian town Kimmerikon as the whole assemblage of sites situated on the slopes of mountain. The fact that Kimmerikon was really a town and at period of independence from dynasty of Spartokids was really polis is proved by numerous of unfortified rural settlements situated round the mountain, on the whole existed in the V-III centuries BC. For these settlement Opuk Mountain and Kimmerikon were the best and the only one *refugium* in the case of danger — the presence of early cultural deposits covered by late dust deposits in the ash hill near citadel insure the presence of an early shelter of the top of mountain. Here it is necessary to note that singular rural settlements in the maritime environs of Opuk have appeared practically simultaneously with settlement at «Hill A» and they leaned upon this shelter.

So, we can suppose that the process of urban building on Opuk Mountain in a large measure depended on concrete geological conditions which did not permit to create there habitual regular urban planning. These conditions probably promoted the creation of specific for Bosporus form of urban institution which, never-the-less was not unique in Antiquity.

The observation of this territory have shown that there had been several areas of active agricultural use. Besides adjoining to Koyash salt Lake land there was actively mastered the hollow of Kyrkkoyash (continental) Salt Lake with fertile lands. There by observations of the author were found the remains of several rural unfortified settlements of the IV – II centuries BC. The biggest of them consisted of minimum 5 separate buildings divided by space about 50 m. The ruins stony basements of dwellings are still visible on the modern surface. The farm-houses were, probably, not large, about two-three rooms. On the surface there were found numerous fragments of amphorae (including stamped samples) of the majority leading Hellenistic centers of Pontus and Asia Minor – the material common to all bosporian sites of that period. Also there were well represented an ordinary wheel-thrown and hand-made pottery. The lands of environs of Koyash and Kyrkkoyash Lakes limited on the North by hill edge was probably the nearest chora of Kimmerikon of the IV-II centuries BC. At that period there were also mastered distant lands adjoining the eastern bank of Uzunlar Lake which probably was the border of Kimmerikon chora in the West and the lands deeper in steppes.

There is no doubt that join of Kimmerikon to the State of Spartokids in the end of the V century BC (about 406 BC) stimulated the mastering of distant environs of Opuk Mountain — the process of wide mastering of rural territory of Bosporus is characteristic to the IV century BC — between 410-

406 BC the sharp change of foreign policy of Early Spartokids took place — after a period of some confrontation Pantikapaion and its «tyrants» conclude the alliance with Athens (Blavatskaya, 1959, P. 71—72) and since that time Bosphorus starts the wide and active grain trade which is well illustrated by literary sources. In the light of Bosphorus expansion against still independent Feodosia which was started by Satyros I and participation of Heracleia in conflict (Rostovzev, 1925, P. 130—132; Gaydukevich, 1949, P. 215; Shelov, 1950, P. 173; Blavatskiy, 1981, P. 21—22; Shelov-Kovedyaev, 1985, P. 118-119 etc.), Kimmerikon with its mooring and water springs besides agricultural importance gained a strategic value.

The majority of rural settlements of Kimmerikon chora occur till the middle — second half of the III centuries BC, only few of them outlast the edge of the III and II centuries. The process of development and decline of rural settlements of Kimmerikon chora does not differ from the evolution of the same sites of Bosporian chora. Up to I century BC the majority of rural settlements near Opuk mountain stopped their existence and population concentrated on the territory of mountain mastering its slopes. At this period Kimmerikon do not distinguish with its economic activity — the layers and artifacts of the end of the II — I centuries BC are weak and not numerous. Probably the town has hardly suffered from earthquake of 63 BC while at Mithradates and Post-Mithradates Period when geopolitical influence spread on the whole Taurika Kimmerikon lost its strategic importance and was for a long time restoring and developing as an ordinary agricultural center and its highest flourishing in this role falls at the I-III centuries AD — the quantity of rural settlements of its chora do not increase while it is noticeable a significant rustication of town's life — probably at that time some changes of land-tenure take place.

In the middle of the III century AD the «barbarian» tribes (Sarmatians, Alans, Ancient Germans etc. — Jordanis, *Getica*, 28, 117) settled on the Azov Littoral. So named «Scythian wars» (Remennikov, 1954, P.89-120) concerned Bosphorus are usually connected with these tribes. Zosimus notes that the legal dynasty stopped on Bosphorus and «unworthy people» came to power (co-reign of Pharsanzes and Reskouporis V, see: Golenko, 1978, P. 93, note 38). Bosphorus which was probably in alliance relations with barbarians had to place its fleet in their disposal for undertaking robber campaigns of the territory of Roman possession in Asia Minor (Zosimus, I, 31, 32).

If after momentary invasions of barbarian tribes in 260—270-ies AD the Kimmerikon site on the western slope («western site») practically stopped its existence as a town, meanwhile the life on the terraced northern slope and on top plateau does on. After the defeat of Phophorsus in the battle with Chersonesus, Kimmerikon (now top plateau and northern slope) again becomes a frontier town on the Western borders of Bosphorus (Kruglikova, 1966, P.18—19; Golenko, 1999). At that time also was undertaken a complete reconstruction of top citadel of Kimmerikon (Golenko, 1999) which completely coincide with similar works on Uzunlar (Asander's) rampart which again becomes the western border of the State (Lantzov, Golenko, 1999, P.177—181). The rest part of Bosporian «barbarian» army having been released from captivity by Chersonesians themselves (Const. Porph. *De adm. Imp.*, LIII, 195) was settled as federates on the frontier lands (Yurochkin, 2001, P.131—132) to which on the South-Western border of Bosphorus besides Kimmerikon and its chora were reckoned the lands of neighbor Kutaion. This fact is testified by the finds from necropolis of Djurga-Oba near Kutaion (Ermolin, Yurochkin, 2002).

The top citadel of Kimmerikon is one of the best preserved site of Opuk Mountain. The safety of fortress and elements of its defensive system was much better at the time when it was visited by P.Dubruх (Dubruх, 1858, P. 69—77) and I.Blaramberg and it is well testified by descriptions and graphical materials carried out by them. We do not exactly know in what condition has been citadel at the time of the visit of expedition of Yu.Yu. Marti in 1927 (Marti, 1928, P. 103—115) and what were losses which the site suffered in the Second World War, but since the time of excavation of I.B.Zeest and I.T.Kruglikova the safety of the site practically did not changed⁷. Citadel is situated on the distance about a little bit more then 2 km North-Eastward of site of Kimmerikon and it is erected on the North-Eastern brink of top plateau on the altitude 170-165 m above the level of the sea. The triangular plateau armoured by limestone is impregnable from all sides — the height of its precipices is 15-40 m. This fortress has minimum five lines of defense: first of all, precipices of plateau, preserved ditch-scarp, προτειχισμα, outer curtains and a large bastion-tower in the North-Western part of fortress which, probably, represents the fortress «citadel» or donjon. Into fortification system of top citadel are also included the remains of fortifications pushed of the territory of citadel and adjoining the precipices of plateau. They are erected on the watershed of the Eastern slope of Opuk but represent the impact assemblage. The most monumental is the defensive wall running by watershed of the Eastern slope from the North-Eastern precipice of plateau to the sea coast to the distance of 650 m, the traces of its destroyed part used for stone extraction by inhabitant of Opuk village is visible in micro relief on the distance of 300m more. The Southern maritime extremity of the wall runs to the large rock with vertical walls of 5—15 m height while its maritime extremity is ruined

by landslides. The wall were erected of large stones (about 1,6x1,0x0,5 m) which formed two «armours» filled in with stones and loam. The width of it oscillates from 2,9 to 3,5 m. On all its length the wall was strengthened by towers (ruined) which were attached (or hewed in) to the rocks included into the body of the wall. The section of this wall situated near the biggest rock («tower» by Dubruх) was excavated by author. In deposit near the wall there were found not numerous fragments of amphorae of the III-VI centuries AD. Probably the remains of that wall were the basement of less powerful wall with adobe elements of construction.

The citadel itself represents a rectangular fortress stretched along the Eastern precipice of plateau. The Western outer curtain preserved practically on all its length — about 176 m. The wall of curtain surpasses the modern surface on 0.5 — 1.4 m and more. On it the traces of two small towers remained (5,0—7,0 x 5,0—7,0 m). They were built of large blocks of limestone and situated on the distance 40 m from each other. The section of inner curtain divides the territory of citadel into two parts, in the place of its junction with the outer curtain there visible the remains of an other tower, the eastern extremity of the inner wall was also strengthened by tower 6,0—7,0 x 6,0—7,0 m. At present time the complete square of citadel is 1,45 hectares. One of the sections of the western outer curtain was excavated by author. The curtain of 2,60—2,80 m width is built of big slightly worked up blocks of limestone which were skilfull adjusted one to an other, the space between the outer armours of the wall was filled in with stones and loam soil. The curtain was erected in traditional for the ordinary Bosporian towns mode. The wall remained on the height of 2,6 m. It was built of the leveled surface of virgin rock and artificial pouring of limestone crumb, and, probably, the remains of the previous curtain (distinguishes by the slightly

different manner of masonry). On the distance of 4,2 m near the curtain the remains of *προτειχισμα* were excavated. It was built of limestone on the loamy substruction. It remained on the height of about 1,0 m and width of 0,8 m. Behind *proteichisma* the ditch-scarp is situated. On the North the curtain completes with a large «bastion» of dimensions 20,3 x 23,5 m, with the traces of inner building construction. Probably the Southern, opposite, extremity of curtain has been strengthened by tower of more modest dimensions but it was either ruined by Tatars. The traces of eastern and southern curtains were not found, probably the absence of them were compensated with the height of precipices.

To the inner face of curtain the assemblage of «barracks» sides with. It is stretch along the fortress wall and is separated from it by the free space of 1,1—1,2 m width where probably the stairs to the wall were situated. The assemblage represents the building of casemate type with numerous separate rooms. Three rooms of barracks were excavated by author. The barracks have two common walls: one wall faced to curtain and the opposite one — to the street running along barracks and curtain. The walls forming the rooms by their extremities attach perpendicularly to these common walls dividing assemblage into several isolated sections. Two excavated rooms have a common entrance which just at threshold transforms into two entrances to each room. The same constructive mode was used in the towers of Kutlak fortress in the distant Bosporian border near Sudak. The walls of 0,8 m width remained on the height up to 1,65 m. On the floor of one room a kiln was built and round it the fragments of amphora (red-clay, with wide mouth, IV—VI c.AD), probably fallen from the probable second floor, was dispersed. Near the mouth of kiln the diorite grain grater was found.

Before excavation of curtain, inner buildings of citadel and its ash-hill (see below)

the dating of citadel (to say correct, its last constructive period) was approximate and often subjective: the first investigators of Opuk — P.Dubrux and I.Blaramberg dated it by the time of Antiquity in general; Yu.Yu.Marti — by Late Hellenistic Period; I.B.Zeest — by the beginning of present era; I.T.Kruglikova — by the first centuries AD. The last point of view confirmed in Russian and Ukrainian science (among the latest publications, See: Gorlov, Lopanov, 1997, P.141). While dating the remains of citadel the scholars usually lean upon casual finds from its territory and on analysis of historical situation in suppositional period of foundation of that fortification. For all these, according to active fortification activity of Asander to the time of his reign the preference was usually given.

The citadel was undoubtedly built on the remains of previous fortress or shelter in period not earlier then the first half of the IV century AD. Just on that period falls the final stage of wars between Bosporus and Chersonesus which started in the end of the III century AD. In these wars Kimmerikon has played his concrete role connected with the gradual, but quick changes of Bosporian borders. This period of history of both States is poorly illustrated by literary sources. The main source in this question remains Chapter 53 of Constantine Porphyrogenitus' study «*De administrando imperio*». The historical reality of events described in this literary source is still debatable among some scholars. Constantine informs us about three war between Chersonesus and Bosporus. First one take place at the reign of Emperor Diocletianus about 291-292 AD (Charmatta, 1967, P. 204 f); the second one burst out after joint military actions of Romans and Chersonesians at Ister in the second decade of the IV century AD. In locality «Kafa» (modern and ancient Feodosia) the Bosporian army was defeated and there the border landmarks were erected marking a new border of Bosporian State.

The third war took place not earlier than 336 BC. In the result of the next defeat of Bosporians the border of Bosporian possession on Kerch peninsula again was moved from Kafa and established at Kibernik (Kimmerikon) where the border landmarks were erected. With the events of this final Bosporus-Chersonesus' war the cardinal reconstruction of citadel on the top plateau and erection of monumental wall on the watershed of the Eastern slope of Opuk were connected (Golenko, 1999). In period of not early then the first half of the IV century AD and not in the reign of Bosporian king Asander as it was supposed before, to the final reconstruction was subjected not only citadel of Kimmerikon and its defensive wall, but Uzunlar rampart and ditch. These two fortifications together for many centuries formed an entity frontier system defending the native lands of Bosporus (Lantzov, Golenko, 1999). The ditch was deepened and the rampart poured some more. Here it is necessary to note that the choice of Uzunlar rampart flanked by Kimmerikon on the sea coast was not casual — after the defeat to Bosporus were specially left the territory subjected to Bosporus on the eve of its territorial expansion.

The find of runar inscription under the walls of Kimmerikon' citadel⁸ allow to suppose that the guard of the border was carried by «barbarians-federates» from the number of ancient German tribes settled on the coast of Meotis and Bosporus and involved into conflicts between Bosporus and Chersonesus (Golenko, Yurochkin and others, 1999, P. 77—97).

Important artifacts dating the main stages of development of shelter-fortress-citadel on the top plateau of Opuk Mountain were found during excavations of ash-hill of citadel which have been undertaken by the author twice⁹ on different areas of this object, and excavations of dust deposits formed under the outer face of western curtain of citadel.

According to the excavated artifacts, the life on the territory of plateau and forming of dust deposits lasted continuously with different degree of activity since the edge of the VI and V centuries BC till the first half of the VI century AD. The dust deposits under the western outer curtain of citadel were formed during the final stage of its existence — from the first half of the IV to the first half of the VI centuries AD.

The life on citadel continued even after the appearance in the Crimea of Huns who in the edge of IV and V centuries inhabited the territories between Chersonesus and Bosporus.

After the demolition of citadel in the first third of the VI century AD (conflict between Huns and Byzantine) the life in Kimmerikon and in its environs was gradually coming to standstill, probably there still existed some separate villages or single dwellings hidden in the rocks but from the point of view of historical demography the demolition of citadel have caused the serious catastrophic consequences. After annexation of Bosporian lands by Byzantine Empire and the reign of Justinianus, the citadel was not restored because it probably has lost its previous importance as frontier town.

After appearance in the Crimea and on Opuk Mountain of «carriers» of Saltovo-Mayatskaya Culture (of Khazar Kaganat) the infrastructure of Opuk cardinally changed what was caused by different traditions and economical development of new population. The life in citadel stops. In 1989—1990 on the southern slope of Opuk Mountain there was found by the author large early Medieval settlement — one of the biggest settlement of Saltovo-Mayatskaya Culture on the Kerch Peninsula. To the settlement separate farm-houses scattered in the nearest small bays and depressions of the maritime slope were neighboring. The similar small separate dwellings appeared and on the site of Kimmerik-

on. The open territories of the northern slope of mountain (terraced) were less inhabited by new population. Moreover, in the steppe space of environs of Kimmerikon there was found only one settlement of this culture – settlement near Uzunlar Lake, and it also leant upon natural fortification of Mountain Konchek situated there.

The settlement mentioned above is situated in the hollow-like valley of the southern maritime slope of Opuk. The dwellings of settlement are dispersed on the square of 14 hectares on the bottom of the hollow, its slopes and separate terraces of adjoining edges. The settlement is well sheltered by rocky edges and is practically indiscernible in complicated relief. In the hollow there are visible in micro relief the remains of minimum 25 separate farmhouses of practically similar planning. Each farmhouse consisted of adjoining to each other dwellings (two or three) and attached buildings of household needs. Not large rectangular personal plots of houses were protected by stone fences one wall of which was usually facing at the road crossing the hollow (probably existed from the time of Antiquity) and running to fountain.

On the slopes of terraces there were found remains of numerous building of household purposes. Most of them are the circular buildings erected from stones of limestone with the usage of elements of natural relief. To some buildings small rectangular rooms are attached. These constructions probably represent sheep-fold and adjoining stalls.

By author and A.Djanov (Sudak Museum-Preserve) there was excavated a farmhouse situated in the central part of the hollow (Golenko, Djanov, 2002). It represented a rectangular building consisted of two large rooms (of 56 and 31 sq.m) deepened into ground. To the building was attached annex for domestic needs. The walls of the building (of 0.70-1.0 m width) remained on the height up to 0.8 m.

In the cultural deposits of the farmhouse were met not numerous but representative artifacts: fragments of early medieval pythoses and amphorae, oinochoai, typical kitchen pottery, clay tile etc. On the whole, the assemblage of pottery is typical for site of Khazar Epoch situated on the Kerch Peninsula which can be dated by the second quarter of the IX century. In the IX century in settlements of Saltovo-Mayatskaya Culture in the Crimea starts the building of Christian churches and the changes of burial rites are fixed up (Baranov, 1990, P. 135-139). Up to the beginning of the X century in cultural and religious aspects the population have been more drawn towards Byzantine Empire then to Khazar Kaganat. Here, it is important to note that during exploration of the territory of settlement there were found the remains of building by its configuration resembling single nave basilica. The stones of the building lie on the modern surface. The settlement of Saltovo-Mayatskaya culture discontinued in the second quarter of the X century. In subsequent time up to time of arrival of Tatar villages on the foot of Opuk mountain the live stops there.

Footnotes

¹ Till present time this *Periples* remains very debatable: some scholars date it by V-VI centuries AD, others — to more early period — probably the evidences of it originate from *Periples* of Menippes (I AD) or from Arrian himself.

² See Lantzov, Golenko, 1999; Golenko, 1999.

³ The biggest part of them was pull down in the end of XIX and beginning of the XX centuries, part of them remained visible on the modern surface. The complete plan of the city walls before their destruction was made by Dubrux and Blaramberg.

⁴ At that time — Institute of History of Material Culture of Academy of Sciences of the USSR, Moscow.

⁵ Recently there was made an attempt to rise the date of foundation of Kimmerion to more late time — beginning of the V century BC, but the supposed date is very debatable.

⁶ The whole body of mountain lies on virgin clay and undergoes landslips. In 1991, 1997 and 2003 the au-

thor of present paper was an eye-witness of small landslides on the same slope covering territory of several hundreds of sq.m.

⁷ The description of antiquities of Opuk carried out by P.Dubruх show that up to the first half of XIX century the site has been used by Tatars for stone extraction, moreover, in 1990 some destruction were made by mili-

tary builders there. Since 1997 on Opuk Mountain the National Preserve is functioning.

⁸ The find of so unique for Noth Black sea littoral epigraphic document has risen to non-adequate reaction verging on (compair for example: Shalyga, 2000).

⁹ First in collaboration with Yu.V.Gorlov.

1. Аммиан Марцеллин. Римская история / Перевод и комментарии Ю.А.Кулаковского. СПб. 1994.
2. Аноним Византийский. Инструкция по полиоркетике // ВДИ. 1940. № 3 — 4.
3. Аппиан. Митридатовы войны; Сирийские дела / Перевод С.П. Кондратьева // ВДИ. 1946. № 4.
4. Апполодор. Полиоркетика // ВДИ. 1940. № 1.
5. Аристотель. Экономика / Перевод Г.А. Тароняна. ВДИ. 1969. № 3.
6. Аристотель. Афинская полития / Перевод С.И.Радцига // Античная демократия в свидетельствах современников. М. 1996.
7. Арриана Перипл Понта Эвксинского / Перевод А. Фабра. Одесса. 1836.
8. Арриан. Поход Александра / Перевод М.Е.Сергеенко. М.-Л. 1962.7. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М. 1994.
9. Константин Багрянородный. Об управлении империей / Перевод и комментарии Г.Г.Литаврина и А.П.Новосельцева. М. 1991.
10. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М. 1994.
11. Геродот. История: в 9 книгах / Перевод и примечания Г.А. Стратоновского. Л. 1972.
12. Демосфен. Речи / Перевод и примечания С.И. Радцига. М. 1954.
13. Иордан. О происхождении и деяниях гетов / Перевод и вступ. статья М.Ч.Скржинской. СПб. 1997.
14. Ливий Тит. Римская история от основания города / Перевод под ред. П. Адрианова. М. 1892 - 1899.
15. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. I-III. М. 1966.
16. Флавий Вегеций Ренат. Краткое изложение военного дела (пер. Кондратьева С.П.)// Греческие полиоркетики. СПб., 1996
17. Полибий. Всеобщая история в со- рока книгах / Перевод Ф.Г. Мищенко. Т. I-III. М. 1890-1899.
18. Полиен. Стратегемы / Перевод Д.Пападопуло. СПб. 1842.
19. Прокопий Кесарийский. Война с готами (В 2-х томах) / Перевод С.П.Кондратьева. М. 1996.
20. Секст Юлий Фронтин. Военные хитрости (Стратегемы) / Вступ. статья и комментарии А.А.Новикова. СПб. 1996.
21. Скилак Кариандский. Перипл обитаемого моря. / Перевод Ф.В.Шелова-Коведяева. ВДИ. 1988. № 1.
22. Страбон. География в 17 книгах / Перевод, статья и комментарии Г.А. Стра- тоновского. Л. 1964. Репринт: М. 1994.
23. Эней Тактик. О перенесении оса- ды / Перевод и вступ. статья В.Ф.Беляева // ВДИ. 1965. № 1.
24. Эсхин. Речи / Перевод Э.Д.Фро- лова, Н.И.Новосадского и Г.Л.Глузкиной. // ВДИ. 1962. № 3—4.
25. 22. Юстин. Эпитома сочине- ний Помпея Трога / Перевод А.А. Декон- ского и М.И. Рижского // ВДИ. 1954. №№ 2-4; ВДИ. 1955. № 1.
26. Zosimus. New History / Translation and commentaries by R.T.Ridley. Canberra. 1984.
27. Латышев В.В. Известия греческих и латинских авторов о Скифии и Кавказе. Т 1: Scriptores graeci). СПб. 1893; Т.2: Scrip- tores latini. СПб. 1904.
28. АБРАМОВА, 1969 — АБРАМО- ВА М.П. О керамике с зооморфными руч- ками // СА. №2.
29. АБРАМОВА, 1990 — АБРАМО- ВА М.П. Западные районы Центрально- го Предкавказья во II-III вв.н.э. // КСИА. Вып. 197.
30. АБРАМОВА, 1993 — АБРАМО- ВА М.П. Центральное Предкавказье в сар- матское время (III в. до н.э. — IV в.н.э.). М.

31. АБРАМОВ, 1989 — АБРАМОВ А.П. К вопросу локализации центра производства амфор со стаканообразным дном // Проблемы исследований античных городов. ТД. М.
32. АБРАМОВ, 1990 — АБРАМОВ А.П. Общие тенденции эволюции керамической тары Восточного Средиземноморья VII-I вв. до н.э. // Традиции и инновации в материальной культуре древних обществ. М.
33. АБРАМОВ, 1993 — АБРАМОВ А.П. Античные амфоры. Периодизация и хронология // Бс. Вып. 3.
34. АБРАМОВ, 1998 — АБРАМОВ А.П. Типология амфор Фасоса // ДБ. Вып. 1.
22. АБРАМОВ, МАСЛЕННИКОВ, 1991 — АБРАМОВ А.П., МАСЛЕННИКОВ А.А. Амфоры V в. до н.э. из раскопок поселения на мысе Зюк // СА. 1991. № 3.
35. АБРАМОВ, ПАРОМОВ, 1992 — АБРАМОВ А.П., ПАРОМОВ Я.М., Раннеантичные поселения Таманского полуострова // Бс. Вып. 2.
36. АБРАМОВ, САЗОНОВ, 1992 — АБРАМОВ А.П., САЗОНОВ Ю.С. Керамика трех подводных комплексов Патрея // Бс. Вып. 1.
37. АБРАМОВ, ВАСИЛЬЕВ И ДР., 2003 — АБРАМОВ А.П., ВАСИЛЬЕВ А.Г., МОРОЗОВ П.А., Модификация георадаров для морских подводных работ // ДБ. Вып. 6.
38. АБРАМОВ, ВАСИЛЬЕВ и др., 2004 — АБРАМОВ А.П., ВАСИЛЬЕВ А.Г., КОПЕЙКИН В.В., МОРОЗОВ П.А. «Киммерийский вал». Новые данные // ДБ. Вып. 7.
39. АВЕРИН, 1951 — АВЕРИН Ю.В. Птицы горы Опук как источник заселения защитных насаждений Керченского полуострова // Труды Крымского филиала АН СССР. Т. II.
40. АГБУНОВ, 1987 — АГБУНОВ М.В. Античная логия Черного моря. М.
41. АГБУНОВ, 1992 — АГБУНОВ М.В. Античная география Северного Причерноморья. М.
42. АГЕЕНКО, 1890 — АГЕЕНКО В. Флора Крыма. Т. I. СПб.
43. АЙБАБИН, 1990 — АЙБАБИН А.И. Хронология могильников позднеримского Крыма и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Вып. 1.
44. АЙБАБИН, 1999 — АЙБАБИН А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь.
45. АЛЕКСЕЕВ, КАЧАЛОВА, ТОХТАСЬЕВ, 1993 — АЛЕКСЕЕВ А.Ю., КАЧАЛОВА И.К., ТОХТАСЬЕВ С.Р. Киммерийцы: этнокультурная принадлежность. СПб.
46. АЛЕКСЕЕВ, 1975 — АЛЕКСЕЕВ В.П., Антропогеоценозы — сущность, типология, динамика // Природа. № 7.
47. АЛЕКСЕЕВ, 1992 — АЛЕКСЕЕВ А.Ю. Скифская хроника (Скифы VII — IV вв. до н.э. Историко-археологический очерк. СПб.
48. АЛЬБОВ, 1991 — АЛЬБОВ С.В. Целебные источники Крыма. Симферополь.
49. АНДРУСОВ, 1893 — АНДРУСОВ И.И. Геотектоника Керченского полуострова // Материалы для геологии России. Т. XIV, СПб.
50. АНДРУСОВ, 1900 — АНДРУСОВ И.И. Отчет об экскурсии на Керченский и Таманский полуострова // Записки Санкт-Петербургского минералогического общества. Серия II. Часть 39.
51. АНДРУСОВ, 1903 — АНДРУСОВ И.И. Геологические исследования на Таманском полуострове // Материалы для геологии России. Т. XXI. СПб.
52. АНДРУСОВ, 1965 — АНДРУСОВ И.И. Геологическое строение дна Керченского пролива // Избранные труды. Т. 4. М.
53. АНОХИН, 1986 — АНОХИН В.А. Монетное дело Боспора. К.

54. АНТИЧНАЯ ГРЕЦИЯ, 1983 — Античная Греция. Т. I. Становление и развитие полиса. М.
55. АРСЕНЬЕВА, ШЕЛОВ, 1974 — АРСЕНЬЕВА Т.М., ШЕЛОВ Д.Б. Раскопки юго-западного участка Танаиса (1964 — 1972) // Археологические памятники Нижнего Подонья. М.
56. АРСЕНЬЕВА, НАУМЕНКО, 1992 — АРСЕНЬЕВА Т.М., НАУМЕНКО С.А. Усадьбы Танаиса. М.
57. АРТАМОНОВ, 1962 — АРТАМОНОВ М.И. История хазар. М.
58. АРТАМОНОВ, 1974 — АРТАМОНОВ М.И. Киммерийцы и скифы. Л.
59. АРХЕОЛОГИЯ СССР, 1984 — Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья. М.
60. АФАНАСЬЕВА и др., 1979 — АФАНАСЬЕВА Т.В., ВАСИЛЕНКО В.И., ТЕРЕШИНА Т.В., ШЕРЕМЕТ Б.В. Почвы СССР. М.
61. АФАНАСЬЕВ, 1993 — АФАНАСЬЕВ Е.Н. Донские аланы. М.
62. АШИК, 1848 — АШИК А.Б. Боспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами. Т. 1-3. Одесса, 1848 — 1849.
63. БАБКОВ, 1957 — БАБКОВ Н.И. К вопросу о местонахождении Асандрова вала // История и археология древнего Крыма. К.
64. БАРАНОВ, 1979 — БАРАНОВ И.А. Раннесредневековая гончарная печь в урочище Суат близ Ялты // АДСВ. Вып. 16.
65. БАРАНОВ, 1990 — БАРАНОВ И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). К.
66. БАРАНОВ, МАЙКО, ДЖАНОВ, 1994 — БАРАНОВ И.А., МАЙКО В.В., ДЖАНОВ А.В. Исследования Судакской экспедиции // АИК. 1994 год. Симферополь, 1995.
67. БАШКИРОВ, 1927 — БАШКИРОВ А.С. Археологическое обследование Таманского полуострова летом 1927 г. // Труды Этнографического-археологического музея I МГУ. № 3.
68. БАШКИРОВ, 1928 — БАШКИРОВ А.С. Археологическое обследование летом 1927 г. // ТСА РАНИОН. III.
69. БАШКИРОВ, 1957 — БАШКИРОВ А.С. Историко-археологические изыскания на Таманском полуострове в 1949 — 1951 гг. // Ученые записки Ярославского педагогического института. Вып. XXII (XXXII).
70. БЕЗУГЛОВ, ГУДИМЕНКО, 1993 — БЕЗУГЛОВ с.и., ГУДИМЕНКО И.В. Подвеска с выемчатой эмалью из дельты Дона // РА. № 1.
71. БЕРЕНБЕЙМ, 1959 — БЕРЕНБЕЙМ Д.Я. Керченский пролив во времена Страбона в свете новейших данных об изменении уровня Черного моря // СА. N 4.
72. БЕРЗИН, 1958 — БЕРЗИН Э.О. Синдика, Боспор и Афины в последней четверти V в. до н. э. // ВДИ. № 1.
73. БИБИКОВА, 1970 — БИБИКОВА В.И. Фауна из поселения у с. Кирово // Древности Восточного Крыма. К.
74. БЛАВАТСКАЯ, 1959 — БЛАВАТСКАЯ Т.В. Очерки политической истории Боспора в V — IV вв. до н.э. М.
75. БЛАВАТСКАЯ, 1993 — БЛАВАТСКАЯ Т.В. Посвящение Левкона I // РА. № 2.
76. БЛАВАТСКИЙ, 1940 — БЛАВАТСКИЙ В.Д. Раскопки Фанагории в 1938-1939 гг. // ВДИ. N 3 — 4.
77. БЛАВАТСКИЙ, 1941 — БЛАВАТСКИЙ В.Д. Раскопки Фанагории в 1940 г. // ВДИ. N1.
78. БЛАВАТСКИЙ, 1947 — БЛАВАТСКИЙ В.Д. Осада и оборона в античном Причерноморье // КСИМК. Вып. XVI.

79. БЛАВАТСКИЙ, 1946 - БЛАВАТСКИЙ В.Д. Битва при Фате и греческая тактика IV в. до н.э. // ВДИ. № 1.
80. БЛАВАТСКИЙ, 1950 — БЛАВАТСКИЙ В.Д. Материалы по античной фортификации в Северном Причерноморье // Ученые записки МГУ. Вып. 143. М.
81. БЛАВАТСКИЙ, 1950 а — БЛАВАТСКИЙ В.Д. О стратегии и тактике скифов // КСИИМК. Вып. XXXIV.
82. БЛАВАТСКИЙ, 1953 — БЛАВАТСКИЙ В.Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья
83. БЛАВАТСКИЙ, 1953 а — БЛАВАТСКИЙ В.Д. Второй год работы Синдской экспедиции // КСИИМК. Вып. 51. М.
84. БЛАВАТСКИЙ, 1954 — БЛАВАТСКИЙ В.Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М.
85. БЛАВАТСКИЙ, 1954 а — БЛАВАТСКИЙ В.Д. Архаический Боспор // МИА. Т.33.
86. БЛАВАТСКИЙ, 1961 — БЛАВАТСКИЙ В.Д. Античная археология Северного Причерноморья. М.
87. БЛАВАТСКИЙ, 1961 а — БЛАВАТСКИЙ В.Д. Подводные раскопки Фанагории в 1959 г. // СА. № 1.
88. БЛАВАТСКИЙ, 1963 — БЛАВАТСКИЙ В.Д. Военное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М.
89. БЛАВАТСКИЙ, 1964 — БЛАВАТСКИЙ В.Д. Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М.
90. БЛАВАТСКИЙ, 1977 — БЛАВАТСКИЙ В.Д. Землетрясение 63 г. до н. э. на Керченском полуострове // Природа. № 8.
91. БЛАВАТСКИЙ, 1981 — БЛАВАТСКИЙ В.Д. Феодосия VI-IV вв. до н. э. и ее название // СА. № 4.
92. БЛАВАТСКИЙ, 1985 — БЛАВАТСКИЙ В.Д. Античная археология и история. М.
93. БЛАВАТСКИЙ, КУЗИЩИН, 1959 — БЛАВАТСКИЙ В.Д., КУЗИЩИН В.И. 1959. Подводные разведки древней Фанагории // Вестник Академии Наук СССР. № 1.
94. БЛАВАТСКИЙ, КОШЕЛЕНКО, КРУГЛИКОВА, 1979 — БЛАВАТСКИЙ В.Д. КОШЕЛЕНКО Г.А., КРУГЛИКОВА И.Т. Полис и миграции греков // ПКСиВП. Тбилиси.
95. БЛАГОВОЛИН, 1962 — БЛАГОВОЛИН Н.с. Геоморфология Керченско-Таманской области. М.
96. БЛАГОВОЛИН, ЩЕГЛОВ, 1968 — БЛАГОВОЛИН Н.с., ЩЕГЛОВ А.Н. Колебания уровня Черного моря по данным археолого-геоморфологических исследований в Юго-Западном Крыму // Известия Академии Наук СССР. Сер. географ. № 2.
97. БЛАГОВОЛИН, ЩЕГЛОВ, 1969 — БЛАГОВОЛИН Н.с., ЩЕГЛОВ А.Н., Применение археолого-геоморфологического метода для анализа современных деформаций земной поверхности и колебаний уровня моря // Проблемы современных движений земной коры. Третий Международный симпозиум / ТД. М.
98. БЛАГОВОЛИН, ПОБЕДОНОСЦЕВ, 1973 — БЛАГОВОЛИН Н.с., ПОБЕДОНОСЦЕВ С.В. Современные вертикальные движения берегов Черного и Азовского морей // Геоморфология. № 3.
99. БЛАРАМБЕРГ, 1848 — БЛАРАМБЕРГ И.П. Замечания на некоторые места древней географии Тавриды // ЗООИД. Т.II.
100. БОЛДЫРЕВ, БОРОВСКИЙ, 1948 — БОЛДЫРЕВ А.В., БОРОВСКИЙ Я.М. Техника военного дела // Эллинистическая техника. М.-Л.
101. БОЛДЫРЕВ, 1961 — БОЛДЫРЕВ В.Л. Основные закономерности от-

мирования береговых аккумулятивных форм (на примере Керченского пролива) // Дисс. канд. наук. М.

102. БОЛГОВ, 1998 — БОЛГОВ Н.Н. Поздеантичное государство на Боспоре: угасание или расцвет? (к распространению концепции визуального этатизма на Боспор V в.) // БФ / ТД. СПб.

103. БОЛГОВ, 2002 — БОЛГОВ Н.Н. Боспор, Херсонес и Рим в конце III — первой половине IV вв. н.э. // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы III Боспорских чтений. Керчь.

104. БОРИСОВ, 1956 — БОРИСОВ А.А. О колебаниях климата Крыма за историческое время // Известия Всесоюзного Географического общества. Вып. 88. № 6.

105. БОРИСОВ, 1967 — БОРИСОВ А.А. Климаты СССР. М.

106. БОЯРСКИЙ, 1990 — БОЯРСКИЙ П.В. Введение в памятниковедение. М.

107. БРАШИНСКИЙ, 1955 — БРАШИНСКИЙ И.В. К вопросу о положении Нимфея во второй половине V в. до н.э. // ВДИ. № 2.

108. БРАШИНСКИЙ, 1963 — БРАШИНСКИЙ И.Б. Афины и Северное Причерноморье в VI — II вв. до н.э. М.

109. БРУЯКО, КАРПОВ, 1992 — БРУЯКО И.В., КАРПОВ В.А. Древняя география и колебания уровня моря (на примере северо-западной части Черноморского бассейна в античную эпоху) // ВДИ. № 2.

110. БУДАНОВА, 1990 — БУДАНОВА В.П. Готы в Эпоху великого переселения народов. М.

111. БУРАКОВ, 1976 — БУРАКОВ А.В. Козырьское городище рубежа и первых столетий нашей эры. К.

112. БУТЯГИН, 2000 — БУТЯГИН А.М. Мирмекий в период архаики // Тс. СПб. № 3.

113. БУТЯГИН, 2000 а — БУТЯГИН А.М. Ранний Мирмекий // Пантикапей — Боспор — Керчь — 26 веков древней столице. Керчь.

114. БУЙСКИХ, 1991 — БУЙСКИХ С.Б. Фортификация Ольвийского государства (первые века нашей эры). К.

115. ВАЖОВ, 1983 — ВАЖОВ В.И. Целебный климат. Симферополь.

116. ВАСИЛЬЕВ, 1921 — ВАСИЛЬЕВ А.А. Готы в Крыму // ИРАЙМК. Т.1.Ч.1.

117. ВАСИЛЬЕВ, 1927 — ВАСИЛЬЕВ А.А. Готы в Крыму // ИРАЙМК. Т.2.Ч.2.

118. ВАСИЛЬЕВ, 1985 — ВАСИЛЬЕВ А.Н. Проблемы политической истории Боспора V-IV вв. до н. э. в отечественной историографии. Автореф. дисс...канд. ист. наук. Л-д.

119. ВАСИЛЬЕВ, 1985 а — ВАСИЛЬЕВ А.Н. Боспорские надписи как исторический источник. (О понятии «Боспор» на Боспоре в IV в. до н. э.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Л-д. Вып. XVII.

120. ВАСИЛЬЕВ, 1986 — ВАСИЛЬЕВ А.Н. К вопросу о соправительстве на Боспоре // Проблемы античного источниковедения. М. — Л-д.

121. ВАСИЛЬЕВ, 1992 — ВАСИЛЬЕВ А.Н. К вопросу о времени образования Боспорского государства // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб.

122. ВАХРУШЕВ, 1993 — ВАХРУШЕВ Б.А. Использование подземных вод Крыма в античное и средневековое время // Движение к ноосфере: теоретические и региональные проблемы / Сб. научных трудов к 130-летию со дня рождения В.И.Вернадского. Симферополь.

123. ВАХРУШЕВ, 1999 — ВАХРУШЕВ Б.А., ВАХРУШЕВ И.Б. Роль карстовых конденсационных вод в водном хозяйстве античных и средневековых по-

селений Керченского полуострова // Культура народов Причерноморья. № 10.

124. ВАХРУШЕВ, 2002 – ВАХРУШЕВ Б.А. Пещеры Олукского спелеорайона на Керченском полуострове (Крым) // СВЕТ, международный спелеологический журнал СНГ. № 1—2 (22—23). Черновцы.

125. ВАХТИНА, 1991 — ВАХТИНА М.Ю. «Скифский путь» в Прикубанье и некоторые древности Крыма в эпоху архайки // Вопросы истории и археологии Боспора. Межвуз. сб. Белгород-Воронеж.

126. ВАХТИНА, 1991 а — ВАХТИНА М.Ю. Некоторые итоги исследования древнейших слоев городища Порфмий в Восточном Крыму 1986-1990 г. // Древние культуры и археологические изыскания. Материалы к пленуму ИИМК (26-28 ноября 1991 г.). СПб.

127. ВАХТИНА, 1995 — ВАХТИНА М.Ю. О древнейших оборонительных сооружениях античного Порфмий // Фортификация в древности и средневековье (Материалы методологического семинара ИИМК). СПб.

128. ВАХТИНА, ВИНОГРАДОВ, 2001 — ВАХТИНА М.Ю., ВИНОГРАДОВ Ю.А. Еще раз о ранней фортификации Боспора Киммерийского // БФ / ТД. Т.1. СПб.

129. ВЕДЕНИН, 1988 — ВЕДЕНИН Ю.А. Искусство как один из факторов формирования культурного ландшафта // Известия АН СССР. Серия геогр. № 1.

130. ВЕДЕНИН, 1990 — ВЕДЕНИН Ю.А. Проблемы формирования культурного ландшафта и его изучения // Известия АН СССР. Серия геогр. № 1.

131. ВЕСЕЛОВ, 1957 — ВЕСЕЛОВ В.В. О «Киммерийском вале» на Таманском полуострове // СА. № 3.

132. ВЕСЕЛОВ, 2005 - ВЕСЕЛОВ В.В. Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и

Таманском полуостровах в 1949 - 1964 гг. // ДБ. Supplementum II.

133. ВИЗЕ, 1927 — ВИЗЕ В.Ю. Историческое прошлое наносных образований в Керченском проливе // Известия Центрального гидро-метеорологического бюро. № 7.

134. ВИНОГРАДОВ, 1995 — ВИНОГРАДОВ Ю.А. Укрепления акрополя Мирмекия // Фортификация в древности и средневековье (материалы методологического семинара ИИМК). СПб.

135. ВИНОГРАДОВ, 1995 а — ВИНОГРАДОВ Ю.А. Некоторые дискуссионные вопросы греческой колонизации Боспора Киммерийского // ВДИ. 1995. № 3.

136. ВИНОГРАДОВ, ТОХТАСЬЕВ, 1994 — ВИНОГРАДОВ Ю.А., ТОХТАСЬЕВ С.Р. Ранняя оборонительная стена Мирмекия // ВДИ. 1994. № 1.

137. ВИНОГРАДОВ, 1983 — ВИНОГРАДОВ Ю.Г. Полис в Северном Причерноморье // АГ. Т. I. М.

138. ВИНОГРАДОВ, 1998 — ВИНОГРАДОВ Ю.Г. Позднеантичный Боспор и ранняя Византия (в свете датированных боспорских надписей V в. н.э.) // ВДИ. № 1.

139. ВИНОГРАДОВ, 2004 - ВИНОГРАДОВ Ю.А. «Там закололся Митридат...»: Военная история Боспора Киммерийского в доримскую эпоху (серия Militaria Antiqua, IV). М.

140. ВИНОКУРОВ, МАСЛЕННИКОВ, 1993 — ВИНОКУРОВ Н.И., МАСЛЕННИКОВ А.А. Виноделие на хоре Европейского Боспора // РА. № 1.

141. ВИНОКУРОВ, 1999 — ВИНОКУРОВ Н.И. Виноделие античного Боспора. М.

142. ВИНОКУРОВ, 2002 — ВИНОКУРОВ Н.И. Антропогенные и природные факторы системного кризиса боспорской государственности во второй половине III в.н.э. // Боспор Киммерийский / Понт

и варварский мир в античность и средние века. Керчь.

143. ВИНОКУРОВ, НИКОНОВ, 1999 — ВИНОКУРОВ Н.И., НИКОНОВ А.А. К обоснованию сейсмической причины тотальных разрушений на Боспоре в середине-второй половине III в.н.э. // VI чтения памяти профессора В.Д.Блаватского (к 100-летию со дня рождения). М.

144. ВИНОКУРОВ, НИКОНОВ, 2004 — ВИНОКУРОВ Н.И., НИКОНОВ А.А. Тотальные разрушения второй половины III в.н.э. на Боспоре как хронологический репер // БФ: Проблемы хронологии и датировки памятников / Материалы международной научной конференции. Ч.1.

145. ВЛАСОВ, 1997 — ВЛАСОВ В.П. Лепная керамика позднескифского Булганакского городища // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 1. Симферополь.

146. ВНУКОВ, 2003 — ВНУКОВ С.Ю. Причерноморские амфоры I в. до н.э. — II в.н.э. М.

147. ВОЙЦЕХОВСКИЙ, 1929 — 1930 — ВОЙЦЕХОВСКИЙ С.Ф. Опыт восстановления рельефа Таманского полуострова применительно к эпохе Страбона и позднему времени // Записки Северо-Кавказского краевого общества археологии, истории и этнографии. Кн. 1. Т. III. Вып. 5-6. Ростов-на-Дону.

148. ГАВРИЛОВ, 1998 — ГАВРИЛОВ А.В. Новые данные о сельской округе античной Феодосии // Археология. № 1.

149. ГАВРИЛОВ, 1999 — ГАВРИЛОВ О.В. Сільська округа Феодосії V – II ст. до н. е. Автореф. дисс...канд. іст. наук. К.

150. ГАВРИЛОВ, 2001 — ГАВРИЛОВ А.В. О валах на Акмонаймком перешейке // МАИЭТ. Вып. VIII.

151. ГАВРИЛОВ, 2004 — ГАВРИЛОВ А.В. Округа античной Феодосии. Симферополь.

152. ГАДЛО, 1969 — ГАДЛО А.В. Раскопки раннесредневекового селища у дер. Героевка в 1964 г. // СА. № 1.

153. ГАЙДУКЕВИЧ, 1947 — ГАЙДУКЕВИЧ В.Ф. Некоторые итоги раскопок Тиритаки и Мирмекия // ВДИ. №3.

154. ГАЙДУКЕВИЧ, 1949 — ГАЙДУКЕВИЧ В.Ф. Боспорское царство. М. — Л-д.

155. ГАЙДУКЕВИЧ, 1952 — ГАЙДУКЕВИЧ В.Ф. Раскопки Тиритаки в 1935-1940 гг. // МИА. № 25.

156. ГАЙДУКЕВИЧ, 1952 а — ГАЙДУКЕВИЧ В.Ф. Раскопки Мирмекия в 1935-1938 гг. // МИА. № 25.

157. ГАЙДУКЕВИЧ, 1958 — ГАЙДУКЕВИЧ В.Ф. Илурат. Итоги археологических исследований в 1948- 53 гг. // МИА. № 85.

158. ГАЙДУКЕВИЧ, 1958 а — ГАЙДУКЕВИЧ В.Ф. Виноделие на Боспоре // Боспорские города II. МИА. № 85.

159. ГАЙДУКЕВИЧ, 1959 — ГАЙДУКЕВИЧ В.Ф. Некрополи некоторых боспорских городов (по материалам раскопок 1930-х годов // Некрополи боспорских городов. МИА, № 69. М.-Л-д.

160. ГЕЙ, БАЖАН, 1997 — ГЕЙ О.А. БАЖАН И.А. Хронология эпохи «готских походов» на территории Восточной Европы и Кавказа. М.

161. ГЕРЦ, 1870 — ГЕРЦ К.К., 1870. Археологическая топография Таманского полуострова. М.

162. ГИЛЕВИЧ, 1968 — ГИЛЕВИЧ А.М. Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса // НиС, 1968.

163. ГОЛЕНКО, 1994 — ГОЛЕНКО В.К. Работы Южно-Боспорской археологической экспедиции // АИК. Симферополь.

164. ГОЛЕНКО, 1999 — ГОЛЕНКО В.К. О времени основания цитадели на г. Опук // Херсонесский сборник. Вып.Х. Севастополь.

165. ГОЛЕНКО, 2000 — ГОЛЕНКО В.К. «Ошибка» Страбона и один спорный вопрос исторической географии Керченского полуострова // «Пилигримы Крыма. Осень 1999». Т.2. Симферополь.
166. ГОЛЕНКО, 2004 — ГОЛЕНКО В.К. Еще раз о локализации вала Асандра // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. I. Киев-Судак.
167. ГОЛЕНКО, 2005 — Киммерийские Диоскуры // Сб. трудов в честь 70-летия проф. С.Б.Даниленко (В печ.).
168. ГОЛЕНКО (печ.) — ГОЛЕНКО В.К. Основные этапы освоения горы Опук и ее окрестностей // Природный заповедник «Опукский» / Труды Никитского Ботанического Сада НАН Украины. (В печ.).
169. ГОЛЕНКО, МАСЛЕННИКОВ, 1987 — ГОЛЕНКО В.К., МАСЛЕННИКОВ А.А. Два клада монет с поселения «Полянка» // Новое в советской нумизматике и нумизматическом музееведении. ТД. Л.
170. ГОЛЕНКО, ФЕДОСЕЕВ, 1995 — ГОЛЕНКО В.К., ФЕДОСЕЕВ Н.Ф. Персидские артефакты в историко-культурном контексте Боспорского государства // Чужая вещь в культуре / Материалы научной конференции. Санкт-Петербург.
171. ГОЛЕНКО, ЮРОЧКИН, СИНЬКО, ДЖАНОВ, 1999 — ГОЛЕНКО В.К., ЮРОЧКИН В.Ю., СИНЬКО О.А., ДЖАНОВ А.В. Рунический камень с горы Опук в Крыму и некоторые вопросы истории северопричерноморских германцев // Бс. Вып. 2.
172. ГОЛЕНКО, КЛЮКИН, 2005 — ГОЛЕНКО В.К., КЛЮКИН А.А. Актуальные проблемы исторической географии черноморского побережья Керченского полуострова // ДБ. Вып.8.
173. ГОЛЕНКО К.В., 1978 — ГОЛЕНКО К.В. Третий Патрейский клад (1970 г.) и некоторые замечания о боспорской монетной чеканке III в.н.э. // НЭ. Т. XII.
174. ГОЛЕНКО К.В., 1982 — ГОЛЕНКО К.В. Новая монета царя Спартока // Нумизматика античного Причерноморья. К.
175. ГОРБУНОВА, 1971 — ГОРБУНОВА К.С. Серебряные килики с гравированными изображениями из Семибратних курганов // Культура и искусство античного мира. Л-д.
176. ГОРЛОВ, 1996 — ГОРЛОВ Ю.В. Палеогеография Азиатского Боспора // Сб. 20 лет музею Ю.М.Лермонтова в Тамани. Тамань археологическая. II. Тамань.
177. ГОРЛОВ и др., 2005 — ГОРЛОВ Ю.В., ПОРОТОВ А.В., СТОЛЯРОВА Е.В. Формирование системы обороны Европейского Киммерика в контексте палеогеографического развития побережья Керченского полуострова в позднем голоцене // VI Боспорские чтения: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизации и катастроф. Керчь.
178. ГОРЛОВ, 1999 — ГОРЛОВ Ю.В. Азиатский Боспор Страбона // VI чтения памяти профессора В.Д.Блаватского (к 100-летию со дня рождения). М.
179. ГОРЛОВ, ЛОПАНОВ, 1997 — ГОРЛОВ Ю.В., ЛОПАНОВ Ю.А. Оборонительные сооружения Европейского Киммерика // ПИФК. Вып. IV. I.
180. ГОРЛОВ, ПОРОТОВ И ДР., 2004 — ГОРЛОВ Ю.В., ПОРОТОВ А.В., СТОЛЯРОВА Е.В. К оценке изменений уровня Черного моря в античный период по археолого-палеогеографическим данным // ДБ. Вып. 7.
181. ГОРОДЦОВ, 1925 — ГОРОДЦОВ В.А. К вопросу о киммерийской культуре. М.
182. ГОРОНЧАРОВСКИЙ, 2003 — ГОРОНЧАРОВСКИЙ В.А. Между империей и варварами: военное дело Боспора римского времени (серия Militaria Antiqua, II). М.

183. ГОРОНЧАРОВСКИЙ, 1989 — ГОРОНЧАРОВСКИЙ, В.А. Оборонительные сооружения Илурата // Проблемы исследований античных городов / ТД. М.
184. ГРАКОВ, 1939 — ГРАКОВ Б.Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. № 3.
185. ГРАЦИАНСКАЯ, 1976 — ГРАЦИАНСКАЯ Л.И. Место политической истории в «Географии Страбона» // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1975 год. М.
186. ГРАЦИАНСКАЯ, 1988 — ГРАЦИАНСКАЯ Л.И. «География» Страбона. Проблемы источниковедения // Древнейшего государства на территории СССР. 1986 год. М.
187. ГРАЧ, 1979 — ГРАЧ Н.Л. Древнейшие винодельческие сооружения на Боспоре // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Л-д.
188. ГРИГОРЬЕВ, 1998 — ГРИГОРЬЕВ Д.В. К вопросу о военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI — первой половине V в. до н. э. // ПИФК. Вып. V.
189. ГРИНЕВИЧ, 1946 — ГРИНЕВИЧ К.Э. Оборона Боспора Киммерийского // ВДИ. № 2.
190. ГРИНЕВИЧ, 1947 — ГРИНЕВИЧ К.Э. Херсонес и Рим // ВДИ. № 2.
191. ГУБАНОВ, КЛЮКИН, 1979 — ГУБАНОВ И.Г., КЛЮКИН А.А. Роль грязевого вулканизма в формировании озерных котловин Керченского полуострова // Литолого-геохимические условия формирования донных отложений. К.
192. ГУБАНОВ, КЛЮКИН, 1984 — ГУБАНОВ И.Г., КЛЮКИН А.А. Эволюция берегов восточного Крыма в карангатское время // Изучение геологической истории и процессов современного осадкообразования Черного и Балтийского морей. Ч.2. К.
193. ГУДИМЕНКО, 1993 — ГУДИМЕНКО И.В. Некрополь позднеантичного поселения Рогожкино XIII // ИАИАИАНД в 1991 г. Вып. II.
194. ГУДНОВА, 1999 — ГУДНОВА А.В. Носители черняховской культуры в Буджакской степи // Кр. сообщ. Одесского арх.об-ва. Одесса.
195. ГУЛЕНКОВ, 2002 — ГУЛЕНКОВ К.Л. Налоги на Боспор при Митридате VI // Боспор Киммерийский / Понт и варварский мир в античность и средние века. Керчь.
196. ДАШЕВСКАЯ, 1958 — ДАШЕВСКАЯ О.Д. Лепная керамика Неаполя и других скифских городищ Крыма // МИА. Вып. 64.
197. ДЖАНОВ, ЮРОЧКИН, 2001 — ДЖАНОВ А.В., ЮРОЧКИН В.Ю. Новый Таракташский клад (предварительное сообщение) // Керчь.
198. ДУДАРЕВ, 1998 — ДУДАРЕВ С.Л. К вопросу о месте «киммерийских» комплексов из западной Азии в системе хронологических и культурных связей Причерноморья, Кавказа и восточных районов Евразии // ВДИ. №4.
199. ДЕСЯТЧИКОВ, 1985 — ДЕСЯТЧИКОВ Ю.М. Азиатский Киммерий // Всесоюзная археологическая конференция «Достижения советской археологии в XXI пятилетке» / ТД. Баку.
200. ДЕСЯТЧИКОВ, 1993 — ДЕСЯТЧИКОВ Ю.М. Некоторые аспекты внутрибоспорской колонизации // Вторая Кубанская археологическая конференция. ТД. Краснодар.
201. ДОЛГОРУКОВ, 1976 — ДОЛГОРУКОВ В.С. Фанагорийская винодельня I-II вв. н.э. // КСИА. Вып. 145.
202. ДОЛГОРУКОВ, 1982 — ДОЛГОРУКОВ В.С. Укрепления раннегреческого города // Археология Старого и Нового Света. М.

203. ДОЛГОРУКОВ, 1989 — ДОЛГОРУКОВ В.С. Некоторые вопросы истории и топографии ранней Фанагории // Проблемы исследований античных городов / ТД. М.
204. ДОЛГОРУКОВ, 1990 — ДОЛГОРУКОВ В.С. Некоторые вопросы истории и топографии ранней Фанагории // КСИА. Вып. 197.
205. ДЗЕНС-ЛИТОВСКИЙ, 1968 — ДЗЕНС-ЛИТОВСКИЙ А.И. Соляные озера СССР и их минеральные богатства. Л.
206. ДООРН, 1993 — ДООРН П. Географическое положение, модели взаимодействия и реконструкции исторических поселений и коммуникаций // История и компьютер: Новые информационные технологии в исторических исследованиях и образовании. — Saint Catharines.
207. ДБК — ДРЕВНОСТИ БОСФОРА КИММЕРИЙСКОГО. Спб. 1854. Т. I
208. ДЮБРЮКС, 1858 — ДЮБРЮКС П. Описание развалин и следов древних городов и укреплений, некогда существовавших на европейском берегу Босфора Киммерийского, от входа в пролив близ Еникальского маяка до горы Опук включительно, при Черном море // ЗООИД. Т.IV.
209. ЕЛЬНИЦКИЙ, 1949 — ЕЛЬНИЦКИЙ Л.А. Киммерийцы и киммерийская культура // ВДИ. №3.
210. ЕРМОЛИН, ЮРОЧКИН, 2002 — ЕРМОЛИН А.Л., ЮРОЧКИН В.Ю. Повторные исследования склепа могильника Джург-Оба на Боспоре // Церковная археология Южной Руси / Сборник материалов международной конференции. Симферополь.
211. ЕРМОЛИН, 2005 — ЕРМОЛИН А.Л. Гунны-утигуры и готы-тетракситы в сочинении Прокопия Кесарийского // БФ. Т. VI.
212. ЕРМОЛИН, 2005 - ЕРМОЛИН О.Л. Археологічні дослідження античного некрополя Джург-Оба (Керч) в 2004 році // Дрогобицький Краєзнавчий Збірник. Вип. IX.
213. ЖЕБЕЛЕВ, 1935 — ЖЕБЕЛЕВ С.А. Боспорские этюды: Афины, Нимфей и измена Гелона // ИГАИМК 1935. Вып. 104.
214. ЖЕБЕЛЕВ, 1953 — ЖЕБЕЛЕВ С.А. Народы Северного Причерноморья в античную эпоху // Северное Причерноморье. Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья. М.-Л.
215. ЖЕБЕЛЕВ, 1953 а — ЖЕБЕЛЕВ С.А. Возникновение Боспорского государства // Северное Причерноморье. Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья. М.-Л.
216. ЖИЛЬ, 1854 — ЖИЛЬ Ф. Древности Боспора Киммерийского, хранящиеся в императорском музее Эрмитажа. СПб. Т. I.
217. ЗАВОЙКИН, 1997 — ЗАВОЙКИН А.А. Киммериды — полис на Боспоре Киммерийском // ПИФК. Вып. I.
218. ЗАВОЙКИН, 1999 — ЗАВОЙКИН А.А. Проблема локализации Киммериды // Древнейшие государства Восточной Европы. М.
219. ЗАВОЙКИН, 1999 А — ЗАВОЙКИН А.А. Периодизация Киммериды // ДБ. Вып.2.
220. ЗАВОЙКИН, 1999 Б — ЗАВОЙКИН А.А. Афины-Боспор-Гераклея Понтийская (от Перикла до Клеарха) // VI чтения памяти профессора В.Д.Блаватского (к 100-летию со дня рождения). М.
221. ЗАВОЙКИН, 2001 — ЗАВОЙКИН А.А. Боспор: территориальное государство и полис // БФ. Т.I.
222. ЗЕЕСТ, 1948 — ЗЕЕСТ И.Б. Разведки работы на Киммерике в 1947 г. Архив ИА РАН, дело Р-101.

223. ЗЕЕСТ, 1948 а — ЗЕЕСТ И.Б. Отчет о работах в Киммерике в 1948 г. Архив ИА РАН, дело Р-221.
224. ЗЕЕСТ, 1949 — ЗЕЕСТ И.Б. Раскопки Киммерика в 1947-1948 гг. // ВДИ. № 3.
225. ЗЕЕСТ, 1949 а — ЗЕЕСТ И.Б. Разведочные работы в Киммерике в 1949 г. // КСИИМК. Вып. XXVII.
226. ЗЕЕСТ, 1957 — ЗЕЕСТ И.Б. Пантикапейская керамика сарматского времени // Пантикапей / МИА. № 56.
227. ЗЕЕСТ, 1960 — ЗЕЕСТ И.Б. Керамическая тара Боспора // МИА. Вып. 83.
228. ЗЕНКОВИЧ, 1958 — ЗЕНКОВИЧ В.П. Берега Черного и Азовского морей. М.
229. ЗЕНКОВИЧ, 1960 — ЗЕНКОВИЧ В.П. Морфология и динамика советских берегов Черного моря. Т. 2. М.
230. ЗЕНКОВИЧ, 1962 — ЗЕНКОВИЧ В.П. Основы учения о развитии морских берегов. М.
231. ЗИБОЛЬД, 2000 — ЗИБОЛЬД А.Ф. Ученый-лесовод Ф.И.Зибольд // Пилигримы Крыма. Осень 1999 г. (путешествия по Крыму, путешественники о Крыме / IV Крымская Международная научно-практическая конференция. Т.1. Симферополь.
232. ЗОГРАФ, 1951 — ЗОГРАФ А.Н. Античные монеты (МИА. Вып. 16). М.
233. ЗОЛОТАРЕВ, 2001 — ЗОЛОТАРЕВ М.И. Еще раз о событиях вокруг Феодосии в начале IV в. до н.э. // БФ/ ТД. Спб.
234. ЗУБАРЕВ, 1998 — ЗУБАРЕВ В.Г. Северное Причерноморье в историко-географической концепции Клавдия Птолемея. Тула.
235. ЗУБАРЕВ, 1999 — ЗУБАРЕВ В.Г. Азиатский Боспор (Таманский полуостров по данным письменной традиции // Бс. № 2.
236. ЗУБАРЕВ, 2005 — ЗУБАРЕВ В.Г. Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. М.
237. ЗУБАРЕВ, МАСЛЕННИКОВ, 1987 — ЗУБАРЕВ В.Г, МАСЛЕННИКОВ А.А. Историческая география европейского Боспора по Клавдию Птолемею // СА. N3.
238. ЗУБАРЬ, 1998 — ЗУБАРЬ В.М. Северный Понт и Римская Империя. К.
239. ИВАНЧИК, 1996 — ИВАНЧИК А.И. Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники VIII — VII вв. до н.э. М.
240. ИЕССЕН, 1954 — ИЕССЕН А.А. Некоторые памятники VIII — VII вв. до н.э. на Северном Кавказе // Вопросы скифо-сарматской археологии. М.
241. ИСАНЧУРИН Р.А., ИСАНЧУРИН Е.Р., 1989 — ИСАНЧУРИН Р.А., ИСАНЧУРИН Е.Р. Монетное дело царя Радамсада // НЭ. Т.XV.
242. ИСМАГИЛОВ, 1993 — ИСМАГИЛОВ Р.Б. Саи, скифы и Боспор // ПАВ. Вып. 6.
243. КАЗАМАНОВА, 1963 — КАЗАМАНОВА Л.Н. Клад монет IV — II вв. до н.э. из Судака // ВДИ. № 4.
244. КАПЛИН, 1982 — КАПЛИН П.А. Основные этапы развития береговой зоны моря в голоцене // Географические исследования четвертичного периода. М.
245. КАСТАНЯН, 1952 — КАСТАНЯН Е.Г. Лепная керамика Мирмекия и Тиритакис // Боспорские города I / МИА. № 25.
246. КАСТАНЯН, 1959 — КАСТАНЯН Е.Г. Грунтовые некрополи боспорских городов VI — IV вв. до н.э. и местные их особенности // МИА. № 69.
247. КАТЮШИН, 1998 — КАТЮШИН Е.А. Феодосия. Каффа. Кефе. Феодосия.

248. КЕППЕН, 1837 — КЕППЕН П. О древностях Южного Берега Крыма и гор Таврических. СПб.
249. КЕРАСИДИ, 1999 — КЕРАСИДИ Н.Х. Древнегреческие авторы о земле киммерийцев // БФ. ТД. СПб.
250. КИРИЛКО, МЫЦ, 1993 — КИРИЛКО В.П., МЫЦ В.Л. Средневековая Фуна: замок, поселение, некрополь // АДУ. 1991-1993. Луцк.
251. КИРЬЯНОВ, 1962 — КИРЬЯНОВ А.В. Материалы по земледелию из раскопок античных поселений Боспора // КСИА. Вып. 91.
252. КИСЛЫЙ, 1999 — КИСЛЫЙ А.Е. Феномен античной письменной традиции: Боспор Киммерийский и киммерийская культура на Боспоре // БФ. СПб.
253. КИСЛЫЙ, 2005 — КИСЛЫЙ А.Е. Население и памятники каменной культуры Восточного Крыма // *Stratum* +. 2005. № 2, 2003-2004.
254. КЛАРК, 1999 — КЛАРК М.Э.-Д. Путешествие по России, Татарии и Турции. Глава VIII. От Боспора Киммерийского до Каффы // АИБ. Вып. III. Керчь.
255. КЛЕЙН, 1978 — КЛЕЙН Л.с. Археологические источники. Л.-д.
256. КЛЮКИН, 1995 — КЛЮКИН А.А. Сейсмологический бюллетень Украины за 1992 год. Симферополь.
257. КЛЮКИН, ГОЛЕНКО, 1993 — КЛЮКИН А.А., ГОЛЕНКО В.К. О новом типе заповедных объектов и территорий в Крыму // Культура Крыма на рубеже столетий. Симферополь.
258. КЛЮКИН, ГОЛЕНКО, 2000 — КЛЮКИН А.А., ГОЛЕНКО В.К. Некоторые вопросы исторического географии черноморского побережья Керченского полуострова // Известия Тавриды. Internet выпуск ТНУ.
259. КНИПОВИЧ, 1952 — КНИПОВИЧ Т.Н. Краснолаковая керамика первых веков н.э. из раскопок Боспорской экспедиции 1935 — 1940 гг. // МИА. № 25.
260. КОБЫЛИНА, 1959 — КОБЫЛИНА М.М. Новые данные о фанагорийских винодельнях // КСИИМК. Вып. 74.
261. КОЛЕСНИКОВ, 2003 — КОЛЕСНИКОВ М.А. Греческая колонизация Средиземноморья (опыт анализа миграционного механизма). К.
262. КОЛЛИ, 1909 — КОЛЛИ Л.П. Следы древней культуры на дне морском // ИТУАК. Вып. 43.
263. КОЛОБОВА, 1951 — КОЛОБОВА К.М. Из истории раннегреческого общества. Л.-д.
264. КОЛОТУХИН, 1996 — КОЛОТУХИН В.А. Горный Крым в эпоху поздней бронзы — раннего железного века. К.
265. КОЛОТУХИН, 2000 — КОЛОТУХИН В.А. Киммерийцы и скифы Степного Крыма. Симферополь.
266. КОЛТУХОВ, 1999 — КОЛТУХОВ С.Г. Укрепления Крымской Скифии. Симферополь.
267. КОЛТУХОВ, 2003 — КОЛТУХОВ С.Г. К вопросу о хранищах хоры Европейского Боспора и скифских владений в Крыму / Доклад на конференции «Великий шелковый путь» (Судак, 2003 г.)
268. КОЛТУХОВ, ТРУФАНОВ, УЖЕНЦЕВ, 2003 — КОЛТУХОВ С.Г., ТРУФАНОВ А.А., УЖЕНЦЕВ В.Б. Новые материалы к строительной истории Узунларского вала // ДБ. Вып. 6.
269. КОНСТАНТИН БАГРЯНОРОДНЫЙ, 1989 — КОНСТАНТИН БАГРЯНОРОДНЫЙ. Об управлении Империей / Текст, перевод, комментарии под ред. Г.Г.Литаврина и А.П.Новосельцева. М.
270. КОРОВИНА, 1987 — КОРОВИНА А.К. Винодельни Гермонассы // КСИА. Вып. 191.
271. КБН — Корпус Боспорских надписей. М., 1965.

272. КОРПУСОВА, 1983 — КОРПУСОВА В.Н. Некрополь Золотое (к этнокультурной истории Европейского Боспора). К.
273. КОТОВА, 1961 — КОТОВА И.Н. Флора и растительность Керченского полуострова // Труды Государственного Никитского ботанического сада. Т. XXXV.
274. КОЧКИН, ВАЖОВ, ИВАНОВ, МОЛЧАНОВ, ДОНЮШКИН, 1972 — КОЧКИН М.А., ВАЖОВ В.И., ИВАНОВ В.Ф., МОЛЧАНОВ Е.Ф., ДОНЮШКИН В.И. Основы рационального использования кочвенно-климатических условий в земледелии. М.
275. КОШЕЛЕНКО, 1999 — КОШЕЛЕНКО Г.А. Об одном свидетельстве Диодора о ранней истории Боспора // Древние государства Восточной Европы. М.
276. КОШЕЛЕНКО, УСАЧЕВА, 1994 — КОШЕЛЕНКО Г.А., УСАЧЕВА О.Н. Об одной загадке боспорской историографии // РА. № 3.
277. КРАВЧЕНКО, КОРПУСОВА, 1975 — КРАВЧЕНКО Н.Н., КОРПУСОВА В.М. Деякі риси матеріальної культури пізньоримської Тіри // Археологія. Вып. 18.
278. КРОПОТКИН, 1970 — КРОПОТКИН В.В. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э. — V в. н.э.). САИ. Вып. Д1-27.
279. КРУГЛИКОВА, 1952 — КРУГЛИКОВА И.Т. Киммерик в свете археологических исследований 1947-1951 гг. // Боспорские города. Т. II. Симферополь.
280. КРУГЛИКОВА, 1952 а — КРУГЛИКОВА И.Т. Отчет о работах в Киммерике в 1951 г. Архив ИА РАН, дело Р-741.
281. КРУГЛИКОВА, 1952 б — КРУГЛИКОВА И.Т. Памятники эпохи бронзы из Киммерика // КСИИМК. Вып. XLIII.
282. КРУГЛИКОВА, 1957 — КРУГЛИКОВА И.Т. Ремесленное производство простой керамики в Пантикапее в VI-III вв. до н.э. // Пантикапей. / МИА. № 56.
283. КРУГЛИКОВА, 1958 — КРУГЛИКОВА И.Т. Киммерик в свете археологических исследований 1947-1951 гг. // МИА. Вып. 85.
284. КРУГЛИКОВА, 1965 — КРУГЛИКОВА И.Т. Боспор III — IV вв. н.э. в свете новых археологических исследований // КСИА. Вып. 103.
285. КРУГЛИКОВА, 1966 — КРУГЛИКОВА И.Т. Боспор в позднеантичное время. М.
286. КРУГЛИКОВА, 1967 — КРУГЛИКОВА И.Т. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья // Возникновение и развитие земледелия. М.
287. КРУГЛИКОВА, 1967 а — КРУГЛИКОВА И.Т. Роль земледелия в античных государствах Северного Причерноморья в ранний период их существования // КСИА. Вып. 109.
288. КРУГЛИКОВА, 1975 — КРУГЛИКОВА И.Т. Сельское хозяйство Боспора. М.
289. КРУПНОВ, 1960 — КРУПНОВ Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М.
290. КРЫЖИЦКИЙ, ЩЕГЛОВА, 1991 — КРЫЖИЦКИЙ С.Д., ЩЕГЛОВА О.М. Про зерновий потенціал античних держав Північного Причорномор'я // Археологія. № 1.
291. КРЫЖИЦКИЙ, БУРАКОВ, БУЙСКИХ и др., 1989 — КРЫЖИЦКИЙ С.Д., БУРАКОВ А.В., Буйских С.Б., ОТРЕШКО В.М. Сельская округа Ольвии. Киев, 1989.
292. КРЫЖИЦКИЙ, 1993 — КРЫЖИЦКИЙ С.Д. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. К.
293. КУБЛАНОВ, 1959 — КУБЛАНОВ М.М. К истории Азиатского Боспора // СА. Вып. XXIX-XXX.

294. КУЗМАНОВ, 1973 — КУЗМАНОВ Г. Кузманов Г. Типология и хронология на ранневизантийские амфоры (IV-VI вв.) // Археология. Кн. 2.
295. КУЗМАНОВ, 1985 — КУЗМАНОВ Г. Ранневизантийската керамика от Тракия и Дакия (IV-VI вв.). София.
296. КУЗНЕЦОВ, 2000 — КУЗНЕЦОВ В.Д. Афины и Боспор: хлебная торговля // РА. № 1.
297. КУЗНЕЦОВ, 2001 — КУЗНЕЦОВ В.Д. Кузнецов В.Д. Полис на Боспоре (эпоха архаики) /ДБ. Вып. 4.
298. КУЛИКОВ, 2001 — КУЛИКОВ А.В. К вопросу о локализации античного городища Акра (по данным нумизматических источников // Материалы II Боспорских чтений. Керчь.
299. КУТАЙСОВ, 1991 — КУТАЙСОВ В.А. Античный город Керкинитида. К.
300. ЛАЗАРЕВСКИЙ, 1861 — ЛАЗАРЕВСКИЙ Я.М. Курганы Таманского полуострова // ИАО. Т.II.
301. ЛАНЦОВ, 1999 — ЛАНЦОВ С.Б. Краткие сведения о боспорской крепости Кутлак — Афинеоне (?) Псевдо-Арриана // ВДИ. № 1.
302. ЛАНЦОВ, ГОЛЕНКО, 1999 — ЛАНЦОВ С.Б., ГОЛЕНКО В.К. О западной границе Боспора в IV в.н.э. // БФ. СПб.
303. ЛАПИНА, 1987 — ЛАПИНА Т.А. Источники географических книг Плиния Старшего — Август и Агриппа // Из истории древнего мира и средневековья. М. ЛАТИШЕВА, 1971 — ЛАТИШЕВА В.О. «География» Страбона як джерело з історії Боспору // Вестник Харьковского Университета. № 62: Історія. Вып.5.
304. ЛАТЫШЕВ, 1909 — ЛАТЫШЕВ В.В. — ПОНТИКА. Изборник научных и критических статей по истории, археологии, географии и эпиграфике Скифии, Кавказа и греческих колоний на побережье Черного моря. СПб.
305. ЛАТЫШЕВ, 1948 — ЛАТЫШЕВ В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. № 2.
306. ЛЕЙПУНСКАЯ, 1984 — ЛЕЙПУНСКАЯ Н.А. Керамика из затопленной части Ольвии// Античная культура северного Причерноморья. К.
307. ЛЕСКОВ, 1971 — ЛЕСКОВ А.М. Предскифский период в степях Северного Причерноморья // МИА. № 177.
308. МАКАРОВА, 1965 — МАКАРОВА Т.И. Средневековый Корчев (по раскопкам 1963 г.в Керчи) // КСИА. Вып.104.
309. МАКАРОВА, 1991 — МАКАРОВА Т.И. Боспор-Корчев по археологическим данным // Византийская Таврика. К.
310. МАРИНОВИЧ, КОШЕЛЕНКО, 2000 — МАРИНОВИЧ Л.П., КОШЕЛЕНКО Г.А. О боспорских валах // ДБ. Вып. 3.
311. МАРТИ, 1928 — МАРТИ Ю.Ю. Городища Боспорского царства к югу от Керчи (Киммерик, Китей, Акра) // ИТОИАЭ. Вып. 2(59).
312. МАРТИ, 1937 — МАРТИ Ю.Ю. Путеводитель по Керченскому историко-археологическому музею. Керчь.
313. МАРТИ, 1941 — МАРТИ Ю.Ю. Городские крепостные стены Тиритаки // МИА. № 4.
314. МАСЛЕННИКОВ, 1981 — МАСЛЕННИКОВ А.А. Население Боспорского государства в VI — II вв. до н.э. М.
315. МАСЛЕННИКОВ, 1983 — МАСЛЕННИКОВ А.А. Еще раз о боспорских валах // СА. № 3.
316. МАСЛЕННИКОВ, 1990 — МАСЛЕННИКОВ А.А. Население Боспорского царства в первых веках н.э. М.
316. МАСЛЕННИКОВ, 1994 — МАСЛЕННИКОВ А.А. Раскопки на Узунларском валу // РА. № 4.

317. МАСЛЕННИКОВ, 1995 — МАСЛЕННИКОВ А.А. Каменные ящики Восточного Крыма. (К истории сельского населения европейского Боспора в VI-I вв. до н. э.) // Бс. Вып. 8.
318. МАСЛЕННИКОВ, 1996 — МАСЛЕННИКОВ А.А. Некоторые проблемы ранней истории Боспорского государства в свете новейших археологических исследований в Восточном Крыму // ПИФК. Вып. 3.
319. МАСЛЕННИКОВ, 1998 — МАСЛЕННИКОВ А.А. Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. М.
320. МАСЛЕННИКОВ, 1999 — МАСЛЕННИКОВ А.А. Греки и варвары на границах Боспора. (Взгляд на проблему к концу тысячелетия) // ДГВЕ за 1996-97 гг. М.
321. МАСЛЕННИКОВ, 1999 а — МАСЛЕННИКОВ А.А. Новое в исследовании боспорских валов // VI чтения памяти В.Д. Блаватского / ТД. М.
322. МАСЛЕННИКОВ, 2000 — МАСЛЕННИКОВ А.А. Комплексные исследования боспорских валов // Антиковедение на рубеже тысячелетий: междисциплинарные исследования и новые методики. М.
323. МАСЛЕННИКОВ, 2001 — МАСЛЕННИКОВ А.А. Варвары, греки и Боспор Киммерийский до Геродота и при нем // ДБ. Вып. 4.
324. МАСЛЕННИКОВ, 2001 А — МАСЛЕННИКОВ А.А. Сельские поселения Европейского Боспора. (Некоторые проблемы и итоги исследований) // Боспорские исследования. Т. I. Симферополь.
325. МАСЛЕННИКОВ, 2003 — МАСЛЕННИКОВ А.А. Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. М.
326. МЕЗОЛИТ СССР. М. 1988.
327. МЕЛЕНТЬЕВА, 1969 — МЕЛЕНТЬЕВА Г.М. Ольвийский керамический комплекс первых веков н.э. // КСИА. Вып. 116.
328. МЕЛЮКОВА, 1950 — МЕЛЮКОВА А.И. Войско и военное искусство скифов // КСИИМК. Вып. XXXIV.
329. МЕЛЮКОВА, 1964 — МЕЛЮКОВА А.И. Вооружение скифов // САИ. Д1-4.
330. МИЛЛЕР, 1931 — МИЛЛЕР А.А. Таманская экспедиция ГАИМК // СГАИМК. № 1.
331. МИЛЛЕР, 1931 а — МИЛЛЕР А.А. К вопросу об охране памятников старины // СГАИМК. №№ 4-5.
332. МИЛЬКОВ, 1977 — МИЛЬКОВ Ф.Н. Природные зоны СССР. М.
333. МИЛЬКОВ, 1977 а — МИЛЬКОВ Ф.Н. Антропогенное ландшафтоведение, предмет изучения и современное состояние // Влияние человека на ландшафт. М.
334. МИШУЛИН, 1940 — МИШУЛИН А.В. Греческие полиоркеттики об искусстве осады городов // ВДИ. № 3-4.
335. МОЛЕВ, 1986 — МОЛЕВ Е.А. Боспорске місто Кітей V-III ст. до н.э. (За матеріалами розкопок 1970-1981 рр.) // Археологія. № 54.
336. МОЛЕВ, 1997 — МОЛЕВ Е.А. Политическая история Боспора VI — IV вв. до н. э. Нижний Новгород.
337. МОЛЕВ, 1999 — МОЛЕВ Е.А. Спарток и первые Спартокиды на Боспоре // АМА. Вып. 10.
338. МОЛЕВ, 2000 — МОЛЕВ Е.А. Основыне этапы истории Китея // Тс. Вып.3.
339. МОЛЕВ, 2001 — МОЛЕВ Е.А. О возможности персидского протектората над Боспором (по поводу статьи: Федосеев, 1997) // БФ / ТД. Спб.
340. МОЛЕВ, 2001 а — МОЛЕВ Е.А. Диодор как источник о подчинении Бо-

спора Ахеменидам // Власть и общество в античности. СПб.

341. МОЛЕВ, 2004 — МОЛЕВ Е.А. О времени основания Китея // БФ. ТД. СПб. Ч.1.

342. МОНАХОВ, 1990 — МОНАХОВ С.Ю. Амфоры типа Муригиоль // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. / ТД. Ростов-на-Дону.

343. МОНАХОВ, 1992 — МОНАХОВ С.Ю. Динамика форм и стандартов синопских амфор // Греческие амфоры. Саратов.

344. МОНАХОВ, 2003 - МОНАХОВ С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре (каталог-определитель). М.- Саратов.

345. МОНАХОВ, 1999 — МОНАХОВ С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII — II вв. до н.э. Саратов.

346. МОРСКАЯ ГЕОМОРФОЛОГИЯ, 1980 — МОРСКАЯ ГЕОМОРФОЛОГИЯ. Терминологический справочник. Береговая зона: процессы, понятия, определения. М.

347. МОСЕЙЧУК, 1983 — МОСЕЙЧУК С.Б. Аккосов вал // КСИА. Вып. 154.

348. МУШКЕТОВ, 1895 — МУШКЕТОВ И.В. Заметка о происхождении крымских соляных озер // Горный журнал. Т.2.

349. НАДЕЛЬ, 1961 — НАДЕЛЬ Б.И. Из политической истории Боспорского царства в Крыму в начале IV в. // ЛА. Т.9.

350. НАУМЕНКО, 1982 — НАУМЕНКО П.И. К вопросу о происхождении островов Скалы-Корабли в Черном море // Материалы по изучению четвертичного периода на территории Украины. К.

351. НЕВЕССКАЯ, 1963 — НЕВЕССКАЯ Л.А. Определитель двустворчатых моллюсков морских четвертичных отло-

жений Черноморского бассейна // Труды Палеонтологического института. Т. ХСVI.

352. НЕВЕССКИЙ, 1957 — НЕВЕССКИЙ Е.Н. Исследование толщ прибрежных отложений с помощью вибропоршневой трубки // Докл. АН СССР. Т.112. Вып.3.

353. НЕВЕССКИЙ, 1967 — НЕВЕССКИЙ Е.Н. Процессы осадкообразования в прибрежной зоне моря. М.

354. НЕГРУЛЬ, 1960 — НЕГРУЛЬ А.М. Археологические находки семян винограда // СА. № 1.

355. НЕФЕДКИН, 2004 - НЕФЕДКИН А.К. Под знаменем дракона: Военное дело сарматов во II в.до н.э. - V в.н.э. (серия Militaria Antiqua, V). М.

356. НИКИФОРОВ, 1975 — НИКИФОРОВ Л.Г. Последлениковское эвстатическое повышение уровня океана и его значение для развития морских побережий // Колебания уровня Мирового океана и вопросы морской геоморфологии. М.

357. НИКОЛАЕВ, 1988 — НИКОЛАЕВ Н.И. Новейшая тектоника и гидродинамика литосферы. М.

358. НИКОНОВ, 1998 — НИКОНОВ А.А. Затопленные остатки античных сооружений по берегам Боспора Киммерийского (в связи с проблемой изменения уровня моря) // Изучение памятников морской археологии. СПб.

359. НИКОНОВ и др., 1987 — НИКОНОВ А.А., ФЕДОРОВ П.В., АРСЛАНОВ Х.А., ГЕРАСИМОВА С.В., ПАХОМОВ М.М., КОЗЫРЕВА М.Г. Новые данные о позднечетвертичных отложениях восточного Крыма // Докл. АН СССР. Т. 324. № 6.

360. НОВОСАД, 1992 — НОВОСАД В.В. Флора Керченско-Таманского региона. К.

361. ОВЧАРОВ, 1982 — ОВЧАРОВ Д. Византийски и български крепости V — X век. София.

362. ОСТРОВСКИЙ, 1967 — ОСТРОВСКИЙ А.Б. Регрессивные уровни Черного моря и их связи с переуглублением речных долин кавказского побережья // Известия Академии Наук СССР. Сер. геогр. № 1.
363. ОСТРОВСКИЙ, 1968 — ОСТРОВСКИЙ А.Б. Стратиграфия, неотектоника и геологическая история плейстоцена Черноморского побережья Северо-Западного Кавказа. Автореф. канд. дисс. Ростов-на-Дону.
364. ОСТРОВСКИЙ, ПАЛЬШИН, ЯНУШЕВИЧ, 1977 — ОСТРОВСКИЙ А.Б., ПАЛЬШИН Г.Б., ЯНУШЕВИЧ Ю.Д. Палеосейсмодислокации на южном склоне северо-западного Кавказа, их геологическое положение и геоморфологические особенности // Современные сейсмодислокации и их значение для сейсмического микрорайонирования. М.
365. ПАЛЛАС, 1999 — ПАЛЛАС П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793 — 1794 гг. М.
366. ПАРКЕР, 1998 — ПАРКЕР В. О чем умалчивает Геродот. Заметки о передаче сведений о киммерийцах у греческих авторов помимо Геродота // ВДИ. № 4.
367. ПАРОМОВ, 1989 — ПАРОМОВ Я.М. Обследование археологических памятников Таманского полуострова в 1984-1985 гг. // КСИА. Вып. 196.
368. ПАРОМОВ, 1989 а — ПАРОМОВ Я.М. Отчет о работе Пересыпской экспедиции Института археологии АН СССР в 1989 г. // Архив ИА РАН.
369. ПАРОМОВ, 1992 — ПАРОМОВ Я.М. Очерк истории археолого-топографического исследования Таманского полуострова // БСб. Вып. 1.
370. ПАРОМОВ, 1992 а — ПАРОМОВ Я.М. Археологическая карта Таманского полуострова. М. (Депон. рукопись ИНИОН РАН, № 47103 от 01.10.1992 г.).
371. ПАРОМОВ, 1994 — ПАРОМОВ Я.М. Основные этапы освоения Таманского полуострова / Автореф.канд.дисс... Спб.
372. ПАРОМОВ, 1997 — ПАРОМОВ Я.М. Культурно-исторические ландшафты Тамани // Археологический фактор в планировочной организации территории. М.
373. ПАРОМОВ, 1999 — ПАРОМОВ Я.М. К вопросу об уровне моря у берегов Таманского полуострова в античное время // VI чтения памяти профессора В.Д.Блаватского (к 100-летию со дня рождения). М.
374. ПАРШИНА, 1974 — ПАРШИНА О.А. Средневековая керамика южной Таврики // Феодальная Таврика. К.
375. ПЕТРОВА, 2000 — ПЕТРОВА Э.Б. Античная Феодосия. Симферополь.
376. ПИОРО, 1990 — ПИОРО И.с. Крымская Готия. Очерки этнической истории населения Крыма в позднеантичный период и раннее средневековье. К.
377. ПЛЕТНЕВА, 1959 — ПЛЕТНЕВА С.А. Керамика Саркела — Белой Вежи // МИА. № 75.
378. ПЛЕТНЕВА, 1993 — ПЛЕТНЕВА С.А. История одного хазарского поселения // РА. № 2.
379. ПОДГОРОДЕЦКИЙ, 1988 — ПОДГОРОДЕЦКИЙ П.Д. Крым: Природа. Справочное издание. Симферополь.
380. ПОЛОВИЦКИЙ, ГУСЕВ, 1987 — ПОЛОВИЦКИЙ И.Я., ГУСЕВ П.Г. Почвы Крыма и повышение их плодородия. Симферополь.
381. ПОЛУНИН, 1989 — ПОЛУНИН Г.В. Динамика и прогноз экзогенных процессов. М.
382. ПОНИЗОВСКИЙ, 1965 — ПОНИЗОВСКИЙ А.М. Соляные ресурсы Крыма. Симферополь.
383. ПОНОЧЕВНЫЙ, 1891 — ПОНОЧЕВНЫЙ М.О. Географический очерк

Босфорского царства // Кубанский сборник. Т. II. Екатеринодар.

384. ПОРОТОВ, ГОРЛОВ, МЮЛЛЕР и др., 1999 — ПОРОТОВ А.В., ГОРЛОВ Ю.В., ГАИБОВ В.А., МЮЛЛЕР К., ФУАШ Э. Археолого-палеогеографическое изучение Таманского полуострова. VI чтения памяти профессора В.Д.Блаватского (к 100-летию со дня рождения). М.

385. ПРАВОТОРОВ, 1967 — ПРАВОТОРОВ И.А. К вопросу о трансгрессивном ходе уровня за последние тысячелетия на северном лагунном побережье северо-западной части Черного моря // Геология побережья и дна Черного и Азовского морей в пределах СССР. Вып. 1. К.

386. ПУЗАНОВ, 1960 — ПУЗАНОВ И.И. По нехоженому Крыму. М.

387. ПУЗДРОВСКИЙ, 1992 - ПУЗДРОВСКИЙ О.Е. Кримська Скіфія в кінці ст. до н.е. -перш. пол. III ст.н.е. // Археологія. 1992. № 2.

388. ПУЗДРОВСКИЙ, 1995 - ПУЗДРОВСКИЙ А.Е. О сарматах в Крыму // МАИЭТ. 1995. Вып. IV.

389. ПУЗДРОВСКИЙ, 2001 - ПУЗДРОВСКИЙ А.Е. Римско-боспорская война и этнополитическая ситуация в Крымской Скифии в середине I в.н.э. // БФ. Ч.2.

390. ПУЗДРОВСКИЙ, 2001 а - ПУЗДРОВСКИЙ А.Е. Очерки политической истории Крымской Скифии во II в. до н.э. - III в.н.э. // ВДИ. 2001. № 3.

391. ПУСТОВИТЕНКО, ТРОСТНИКОВ, 1977 — ПУСТОВИТЕНКО Б.Г., ТРОСТНИКОВ В.Н. К вопросу о связи сейсмических процессов в Крыму с тектоникой // Геофизический сборник АН СССР. Вып. 77. К.

392. РАЗМУСТОВА, 1995 — РАЗМУСТОВА Т.О. Город как историко-культурный феномен // Проблемы сохранения культурного и природного наследия. М.

393. РАЗУМОВ, ХАСИН, 1991 — РАЗУМОВ Г.А., ХАСИН М.Ф. Тонушие города. 2-е изд. М.

394. РЕДКИЕ растения и животные Крыма. Справочник. Симферополь. 1988.

395. РЕМЕННИКОВ, 1954 — РЕМЕННИКОВ А.М. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в. М.

396. РЕМЕННИКОВ, 1964 — РЕМЕННИКОВ А.М. Борьба племен Подунавья и Северного Причерноморья с Римом в 275-279 гг. // ВДИ. №4.

397. РОММ, 1941 — РОММ Ж. Путешествие в Крым в 1786 г. М.

398. РОСТОВЦЕВ, 1914 — РОСТОВЦЕВ М.И. Страбон как источник для истории Боспора // Сб. Харьковского историко-филологического общества в честь проф. В.П.Бузескула. Харьков.

399. РОСТОВЦЕВ, 1915 — РОСТОВЦЕВ М.И. Амага и Тиргатао // ЗООИД. Т. XXXII.

400. РОСТОВЦЕВ, 1918 — РОСТОВЦЕВ М.И. Эллинистическое и иранское на юге России. Пг..

401. РОСТОВЦЕВ, 1925 — РОСТОВЦЕВ М.И. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л.

402. РОСТОВЦЕВ, 1993 — РОСТОВЦЕВ М.И. ΣΚΥΘΙΚΑ: Избранные труды академика М.И. Ростовцева // ПАВ. Вып. 5.

403. РУБАН, 1982 — РУБАН В.В. О хронологии раннеантичных поселений Бугского лимана (по материалам хиосских амфор) // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. К.

404. РЫБАКОВ, 1976 — РЫБАКОВ Б.А. Геродотова Скифия. М.

405. САЗАНОВ, 1989 — САЗАНОВ А.В. О хронологии Боспора ранневизантийского времени // СА. № 4.

406. САЗАНОВ, 1991 — САЗАНОВ А.В. Боспор в ранневизантийский час // Археологія. №2.

407. САЗАНОВ, 1994 — САЗАНОВ А.В. Тонкостенные красноглиняные амфоры типа 95 по И.Б. Зеест : типология и хронология // ПАВ. Вып. 2.
408. САЗАНОВ, ИВАЩЕНКО, 1989 — САЗАНОВ А.В., ИВАЩЕНКО Ю.Ф. К вопросу о датировках позднеантичных слоев городов Боспора // СА. № 1.
409. САМОЙЛОВА, 1978 — САМОЙЛОВА Т.Л. Основные типы амфор из Тиры // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. К.
410. САПРЫКИН, 1996 — САПРЫКИН С.Ю. Понтийское царство. М.
411. САПРЫКИН, 2002 — САПРЫКИН С.Ю. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М.
412. СЕМЕНЕНКО, ВИШНЕВЕЦКИЙ и др., 1991 — СЕМЕНЕНКО В.Н., ВИШНЕВЕЦКИЙ А.В., ПЕТРУК В.А., ЛУПАРЕНКО А.В., КОВАЛЮХ Н.Н. О морских верхнечетвертичных отложениях северо-западной части Керченского полуострова // Геологический журнал. № 3.
413. СКРЖИНЬСКА, 1980 — СКРЖИНЬСКА М.В. Опис Північного Причорномор'я в «Периплі ойкумени» псевдо-Скілака і Перієгесі псевдо-Скімна // Археологія. № 35.
414. СКРЖИНСКАЯ, 1980а — СКРЖИНСКАЯ М.В. Перипл Понта Евксинского анонимного автора // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. К.
415. СКРЖИНСКАЯ, 1988 — СКРЖИНСКАЯ М.В. Происхождение киммерийской топонимики в Северном Причерноморье // Античные древности Северного Причерноморья. К.
416. СКРЖИНСКАЯ, 1991 — СКРЖИНСКАЯ М.В. Древнегреческий фольклор и литература о Северном Причерноморье. К.
417. СКРЖИНСКАЯ, 1998 — СКРЖИНСКАЯ М.В. Скифия глазами эллинов. СПб.
418. СМОЛИН, 1929 — СМОЛИН В.Ф. К вопросу об источниках Страбона к Боспорскому царству // ИТОИАЭ. Т. III (60).
419. СНИСАРЕНКО, 1986 — СНИСАРЕНКО А.Б. Властелины античных морей. М.
420. СОКОЛЬСКИЙ, 1957 — СОКОЛЬСКИЙ Н.И. Валы в системе обороны Европейского Боспора // СА. Вып. XXVII.
421. СОКОЛЬСКИЙ, 1970 — СОКОЛЬСКИЙ Н.И. Виноделие в Азиатской части Боспора // СА. № 2.
422. СОКОЛЬСКИЙ, 1971 — СОКОЛЬСКИЙ Н.И. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М.
423. СОКОЛЬСКИЙ, 1976 — СОКОЛЬСКИЙ Н.И. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М.
424. СОЛОНЕНКО, 1973 — СОЛОНЕНКО В.П. Землетрясения и рельеф // Геоморфология, № 4.
425. СОРОКИНА, 1971 — СОРОКИНА Н.П. О сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья // СА. № 4.
426. СПРАВОЧНИК по климату Черного моря. Москва, 1974.
427. СТЕВЕН, 1909 — СТЕВЕН А. Таракташский клад // ИТУАК. Т. 19.
428. СУМАРОКОВ, 1803, 1805 — СУМАРОКОВ П. Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. Ч. 1., Одесса; Ч. 2. СПб.
429. ТАСКАЕВ, 1991 — ТАСКАЕВ В.Н. Отчет о работе Таманского подводного археологического отряда в 1991 г. // ОПИ ИА РАН.
430. ТАСКАЕВ, 1993 — ТАСКАЕВ В.Н. Торговый и военный флот античных

государств Северного Причерноморья. Автореф. канд. дисс. М.

431. ТАСКАЕВ, 1994 — ТАСКАЕВ В.Н. Торговые связи и морской флот Боспора // БСб. Вып. 4.

432. ТЕРЕНОЖКИН, 1976 — ТЕРЕНОЖКИН А.И. Киммерийцы. К.

433. ТОЛСТИКОВ, 1981 — ТОЛСТИКОВ В.П. Фортификация античного Боспора // Автореф. дисс... канд. ист. наук. М.

434. ТОЛСТИКОВ, 1984 — ТОЛСТИКОВ В.П. К проблеме образования Боспорского государства // СА. № 3.

435. ТОЛСТИКОВ, — ТОЛСТИКОВ В.П. Археологические открытия на акрополе Пантикапея и проблема боспорско-скифских отношений в VI — V вв. до н.э. // БФ. ТД. СПб.

436. ТОЛСТИКОВ, 1999 — ТОЛСТИКОВ В.П. К проблеме землетрясения III в. до н.э. на Боспоре (по материалам раскопок Пантикапея и Нимфея) // Боспорский город Нимфей: новые исследования и материалы и вопросы изучения античных городов Северного Причерноморья. Международная конференция, посвященная 60-летию Нимфейской экспедиции и 70-летию со дня рождения Н.Л.Грач / ТД. СПб.

437. ТОЛСТИКОВ, 2001 — ТОЛСТИКОВ В.П. Ранний Пантикапей в свете археологических исследований // ДБ. Вып. 4.

438. ТОЛСТИКОВ, 2001 а — ТОЛСТИКОВ В.П. Археологические открытия на акрополе Пантикапея и проблема боспоро-скифских отношений в VI-V вв. до н. э. // БФ. СПб. Т. 1.

439. ТРОФИМОВА, 1961 — ТРОФИМОВА М.К. Из истории эллинистической экономики (к вопросу о торговой конкуренции Боспора и Египта в III в. до н.э. // ВДИ. № 2.

440. ТРУФАНОВ, 1997 — ТРУФАНОВ А.А. Типология краснолаковых тарелок с вертикальным бортиком (по материалам могильников Юго-Западного и Центрального Крыма) // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 1. Симферополь.

441. ТУНКИНА, 2002 — ТУНКИНА И.В. Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII — середина XIX вв). СПб.

442. УСАЧЕВА, КОШЕЛЕНКО, 1994 — УСАЧЕВА О.Н., КОШЕЛЕНКО Г.А. Об одной загадке боспорской историографии // РА. № 3.

443. ФЕДОРЕНКО, 1988 — ФЕДОРЕНКО В.С. Горные оползни и обвалы, их прогноз. М.

444. ФЕДОРОВ, 1959 — ФЕДОРОВ П.В. О колебаниях уровня Черного моря в послеледниковое время // Докл. АН СССР. Т.124. Вып. 5.

445. ФЕДОРОВ, 1963 — ФЕДОРОВ П.В. Стратиграфия четвертичных отложений Крымско-Кавказского побережья и некоторые основные вопросы геологической истории Черного моря. М.

446. ФЕДОРОВ, 1978 — ФЕДОРОВ П.В. Плейстоцен Понто-Каспия. Труды ГИН АН СССР. Вып. 310. М.

447. ФЕДОСЕЕВ, ГОЛЕНКО, 1995 — ФЕДОСЕЕВ Н.Ф., ГОЛЕНКО В.К., Персидские артефакты в историко-культурном контексте Боспорского государства // Чужая вещь в культуре / Материалы научной конференции. СПб.

448. ФИЛЕНКО, 1955 — ФИЛЕНКО Р.А. Гидрологические районы Крымской области // Ученые записки МГУ. № 199. Серия: географические науки. Вып. 10.

449. ФИРСОВ, 1972 — ФИРСОВ Л.В. Об эратосфеновом исчислении окружности Земли и длине эллинистической стадии // ВДИ. № 3.

450. ФЛЯКСБЕРГЕР, 1940 — ФЛЯКСБЕРГЕР К.А. Археологические находки хлебных растений в областях, прилегающих к Черному морю // КСИИМК. Вып. VIII.
451. ХАЗАНОВ, 1971 — ХАЗАНОВ А.М. Очерки военного дела сарматов. М.
452. ХАРМАТТА, 1967 — ХАРМАТТА Я. К истории Херсонеса Таврического и Боспора // Античное общество. М.
453. ХАЙРЕДИНОВА, 1995 — ХАЙРЕДИНОВА Э.А. Боспор и морские походы варваров второй половины III в.н.э. // МАИЭТ. Вып. IV (1994/1995).
454. ХЛЕВОВ, 2002 — ХЛЕВОВ А.А. Руны с горы Опук: возможные интерпретации // БФ / ТД. СПб.
455. ХОЛМОГОРОВ, 1939 - ХОЛМОГОРОВ В.И. Римская стратегия в IV в.н.э. у Аммиана Марцеллина // ВДИ. 1939. № 3.
456. ХРАПУНОВ, 2004 — ХРАПУНОВ И.Н. Этническая история Крыма в раннем железном веке // Боспорские исследования. Вып. 6. Симферополь-Керчь.
457. ХРОМОВСКИХ, СОЛОНЕНКО, ЖИЛКИН, 1977 — ХРОМОВСКИХ В.С., СОЛОНЕНКО В.П., ЖИЛКИН В.М. Сейсмогенные структуры и некоторые закономерности сеймотектонического развития Западного Кавказа // Современные сейсмодислокации и их значение для сейсмического микрорайонирования. М.
458. ЦАЛКИН, 1960 — ЦАЛКИН В.И. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа // МИА. № 53.
459. ЦЕЦХЛАДЗЕ, 1999 — ЦЕЦХЛАДЗЕ Г.Р. О полисном статусе городов античного Боспора // ДГВЕ за 1996-97. М.
460. ЦУКЕРМАН, 1995 — ЦУКЕРМАН К. Епископы и гарнизон Херсонеса в IV в. н.э. // МАИЭТ. Вып. IV (1994/1995).
461. ЧХАИДЗЕ, 2005 — ЧХАИДЗЕ В.Н. Раннесредневековые амфоры из раскопок Фанагории (по материалам раскопок 1939-1980 гг) // ДБ. Вып. 8.
462. ШАЛЫГА, 2000 — ШАЛЫГА Д.А. Об атрибуции «рунической» надписи на стеле с горы Опук // МИАЭТ. Т. VII.
463. ШАЛЫЙ, КОЗЛОВ, 1939 — ШАЛЫЙ, М.С., КОЗЛОВ П.К. Геоботаническое районирование Крыма // Известия Географического общества. № 3.
464. ШАМРАЙ, 1989 — ШАМРАЙ А.Н. На дне Боспора Киммерийского // Человек и стихия. Л-д.
465. ШАНГИН, 1938 — ШАНГИН М. Новый географический текст // ВДИ. №4.
466. ШЕБАЛИН, 1972 — ШЕБАЛИН Н.В. Коценке максимальной сейсмической опасности Крымско-Таманского региона // Сейсмичность, сейсмическая опасность Крыма и сейсмостойкость строительства. Материалы Всесоюзной конференции. К.
467. ШЕЛОВ, 1950 — ШЕЛОВ Д.Б. Феодосия, Гераклея и Спартокиды // ВДИ. №3.
468. ШЕЛОВ, 1972 — ШЕЛОВ Д.Б. Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века н.э.. М..
469. ШЕЛОВ, 1978 — ШЕЛОВ Д.Б. Шелов Д.Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков н.э. Классификация и хронология // КСИА. Вып. 156.
470. ШЕЛОВ, 1983 — ШЕЛОВ Д.Б. Города Северного Причерноморья и Митридат Евпатор // ВДИ. № 2.
471. ШЕЛОВ-КОВЕДЯЕВ Ф.В., 1985. История Боспора в VI-IV вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1984 г. М.
472. ШЕЛОВ-КОВЕДЯЕВ, 1988 — ШЕЛОВ-КОВЕДЯЕВ Ф.В. Скилак Кариандрский. «Перипл обитаемого моря»(перевод и комментарии) // ВДИ. № 1.

473. ШИЛИК, 1975 — ШИЛИК К.К. Изменение уровня Черного моря в позднем голоцене // Автореф.дисс. на соиск. уч. ст. к.и.наук. Л.
474. ШИЛИК, 1976 — ШИЛИК К.К. Подводная археология помогает восстанавливать прошлое океана // Природа. № 12.
475. ШИЛИК, 1983 — ШИЛИК К.К. Отчет о работе у села Заветное Ленинского района Крымской области в 1983 г. // Архив ИА РАН.
476. ШИЛИК, 1984 — ШИЛИК К.К. Отчет о работе у села Заветное Ленинского района Крымской области и у мыса Тузла Темрюкского района Краснодарского края в 1984 г. // Архив ИА РАН.
477. ШИЛИК, 1984 а — ШИЛИК К.К.. Локализация античной Акры как пример комплексного анализа в историко-географических исследованиях // Тезисы докладов совещания «Комплексные методы в изучении истории с древнейших времен до наших дней». М.
478. ШИЛИК, 1985 — ШИЛИК К.К. Работа Боспорского подводного археологического отряда // АО за 1983 г.
479. ШИЛИК, 1985 а — ШИЛИК К.К. Отчет о работе на Таманском полуострове у мысов Тузла и Панагия (Темрюкский район Краснодарского края) в 1985 г. // Архив ИА РАН.
480. ШИЛИК, 1986 — ШИЛИК К.К. Работы Боспорского отряда // АО за 1984 г.
481. ШИЛИК, 1987 — ШИЛИК К.К. Исследования античной Акры // АО за 1985 г.
482. ШМИДТ, 1941 — ШМИДТ Р.В. К исследованию боспорских оборонительных валов // СА. № VII.
483. ШНЮКОВ и др., 1981 — ШНЮКОВ Е.Ф., АЛЕНКИН В.М., ПУТЬ А.Л. НАУМЕНКО П.И., ИНОЗЕМЦЕВ Ю.И., СКИБА с.И. Геология шельфа УССР. Керченский пролив. К.
484. ШНЮКОВ, СОБОЛЕВСКИЙ, ГНАТЕНКО и др., 1986 — ШНЮКОВ Е.Ф., СОБОЛЕВСКИЙ Ю.В., ГНАТЕНКО Г.И., НАУМЕНКО П.И., КУТНИЙ В.А. Грязевые вулканы Керченско-Таманской области. К.
485. ШУАЗИ, 1935 — ШУАЗИ О. История архитектуры. Т.1. М.
486. ЩЕГЛОВА, 1987 — ЩЕГЛОВА О.А. Волынцевский горизонт поселения Вовки // КСИА. № 190.
487. ЩЕГЛОВ, 1978 — ЩЕГЛОВ А.Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л-д.
488. ЭПОХА бронзы лесной полосы СССР. М., 1986.
489. ЮРОЧКИН, 1999 — ЮРОЧКИН В.Ю. Этно-политическая ситуация в поздеантичной Таврике в сочинении Константина Багрянородного и археологические реалии // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (К 100-летию Б.Н.Гракова). Запорожье.
490. ЮРОЧКИН, 2000 — ЮРОЧКИН В.Ю. Готы-трапезиты на пограничье Боспора // Пантикапей-Боспор-Керчь — 26 веков древней столице / Материалы международной конференции. Керчь.
491. ЮРОЧКИН, ЗУБАРЕВ, 2001 — ЮРОЧКИН В.Ю., ЗУБАРЕВ В.Г. Комплекс с монетами из раскопок городища Белинское // ДБ.Вып.4.
492. ЯЙЛЕНКО, 1979 — ЯЙЛЕНКО В.П. Древнегреческая колонизационная практика // ПГКСВП. Тбилиси.
493. ЯЙЛЕНКО, 1982 — ЯЙЛЕНКО В.П. Греческая колонизация VII – III вв. до н. э. М.
494. ЯЙЛЕНКО, 1983 — ЯЙЛЕНКО В.П. Архаическая Греция // АГ. Т. 1. М.

495. ЯЙЛЕНКО, 2004 — ЯЙЛЕНКО В.П. Военная акция Дария I на Киммерийском Боспоре // БФ. ТД. СПб.
496. ЯКОБСОН, 1970 — ЯКОБСОН А.Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западного Крыма // МИА, № 168.
497. ЯКОБСОН, 1979 — ЯКОБСОН А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.-д.
498. ЯКОВЕНКО, 1984 — ЯКОВЕНКО Э.В. Раннескифские погребения Восточного Крыма // Древности степной Скифии. К.
499. ЯКОВЕНКО, 1991 — ЯКОВЕНКО Э.В. Об этнокультурной принадлежности населения хоры Боспора Европейского // ДСППВГК, Тбилиси.
500. ЯЦЕНКО, 1997 — ЯЦЕНКО С.А. Германцы и аланы: о разрушениях в Приазовье в 236 — 276 гг. // Stratum+. СПб. Кишинев.
501. ALY, 1957 — ALY W. Strabon von Amaseia. Bonn.
502. ALY, 1968 — ALY W. Strabonis Geographica in 17 Buchern. Vol. I. Bonn.
503. ALY, 1972 — ALY W. Strabonis Geographica in 17 Buchern. Vol. II. Bonn.
504. BARNEA, 1989 — BARNEA I. La ceramique byzantine de Dobroudja a X — XII siecle // BCH. Supl. XVIII.
505. BOARDMAN, 1964 — BOARDMAN J. The Greeks Overseas. Harmondsworth.
506. BOARDMAN, 1980 — BOARDMAN J. Greeks Overseas: Their Early Colonies and Trade. London.
507. BOTTGER, 1984 — BOTTGER B. Die Geta keramik aus dem Kastell Jatrus im Jatrus-Krinina // Spatantike Befestigung und Fruhmittelalterliche Siedlung am der unter Donau. Bd. 2. B.
508. BUNKER, 1981 — BRUNKER O. Rimska keramika u Jugoslavenskom delu provincije Donije Panonije. Beograd.
509. BURSTEIN, 1974 — BURSTEIN S.M. The War between Herakleia Pontica and Leucon I of Bosphorus // Historia. Vol. 23. N 4.
510. CHZANOVSKI, ZHURAVLEV, 1998 — CHZANOVSKI L., ZHURAVLEV D. Lamps from Chersonesos in the State Historical Museum, Moscow, // (Studia Archaeologica, 94) Roma.
511. COOK, 1961 — COOK R.M. The Greeks till Alexander. London.
512. COOK, 1962 — COOK J.M. Greeks in Ionia and the East. London.
513. DOULGERI, GARLAN, 1990 — DOULGERI-INTZEISSIOGLOU A., GARLAN Y. Vin et amphores de Peparethos et d'Ikos // BCH. 1990. Vol. 64.
514. DREWS, 1962 — DREWS R. Diodorus and His Sources // AJPh. Vol. LXXXI-II. № 4.
515. DUBOIS de MONPEREUX, 1834 — DUBOIS de MONPEREUX F. Voyage autour Caucase ches les Tcherkesses et les Abkhases en Colchidie en Georgie et en Crimée. Paris.
516. EIWAGNER, 1981 — EIWAGNER J. Keramik und kleifunde aus der damokratia — Basilica in Demetrias. T. 2. Bonn.
517. EHRHARDT, 1983 — EHRHARDT N. Milet und seine Kolonien. Vergleichende Untersuchung der kultischen und politischen Einrichtungen. Fr.- am.- M. — B. — N.-Y.
518. FOSS, WINFIELD, 1986 — FOSS C.I., WINFIELD D.. Byzantine Fortifications. Pretoria.
519. GAJDUKEVICH, 1971 — GAJDUKEVICH V.F. Das Bosporanische Reich. Berlin — Amsterdam.
520. GARLAN, 1973 — GARLAN J. La defense du territoire a l'epoque classique // Problemes de la terre en Grece ancienne/ Paris/
521. HAYES, 1972 — HAYES J.W. Late Roman Pottery. L.

522. LATYSHEV, 1890 — LATYSHEV V. *Inscriptiones Antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini*. Vol. II. Petropoli.
523. LAWRENCE, 1968 — LAWRENCE A.W. *Greek Architecture*. Harmondsworth.
524. MERITT, 1939 — MERITT B.D., WADE-GERY H.T., MCGREGOR M.F. *The Athenian Tribute List*. T.1. Cambridge.
525. MINNS, 1913 — MINNS E. *Scythians and Greeks*. Cambridge.
526. MULLER, 1855 — MULLER K. *Geographi graeci minores*. Vol. I-II. F. — 1855-1861. NOONAN, 1973 T.S. *The Grain Trade of Northern Black Sea in Antiquity* // *AJPh*. 94. 3
527. PEACOCK, WILLIAMS, 1986 — PEACOCK D.P.S., WILLIAMS D.F. *Amphorae and Roman Economy*. N-Y.
528. PERROT, 1877 — PERROT G. *Le commerce des cereales en Attique au quatrieme siecle avant notre ere. Athenes et royaume du Bosphore Cimmerien*. RH. T.IV. 1.
529. RADULESCU, 1976 — RADULESCU A. *Amfore romane si romano-buzantine din Scythia Minor* // *Pontica*. 1976. № 9.
530. RILEY, 1975 — RILEY J. *The Pottery from the First Session of Excavation in the Caesarea Hippodrom* // *BASOR*. №218.
531. RILEY, 1983 — RILEY J.A. *Typology of Hellenistic and Roman Coarse Pottery of Berenice* // *Supplements to Lybia Antiqua*. V. Vol. 2.
532. ROBINSON, 1959 — ROBINSON H.S. *Pottery of the Roman Period* // *The Athenian Agora*. Vol. 5. Princeton — New-Jersey.
533. ROEBUCK, 1959 — ROEBUCK C. *Ionian Trade and Colonisation*. New-York.
534. ROSTOVITZ, 1930 — ROSTOVITZ M. *The Bosporian Kingdom* // *Cambridge Ancient History*. Vol. VIII. Cambridge.
535. SILBERMAN, 1988 — SILBERMAN A. *Pomponius Mela, Chorographie*. Texte, evtabli, traduit et anntev par A. Silberman. Paris.
536. TARN, 1930 — TARN W.W. *Hellenistic Military and Naval Developments*. Cambridge.
537. WINTER, 1971 — WINTER F.E. *Greek Fortifications*. London, 1971.

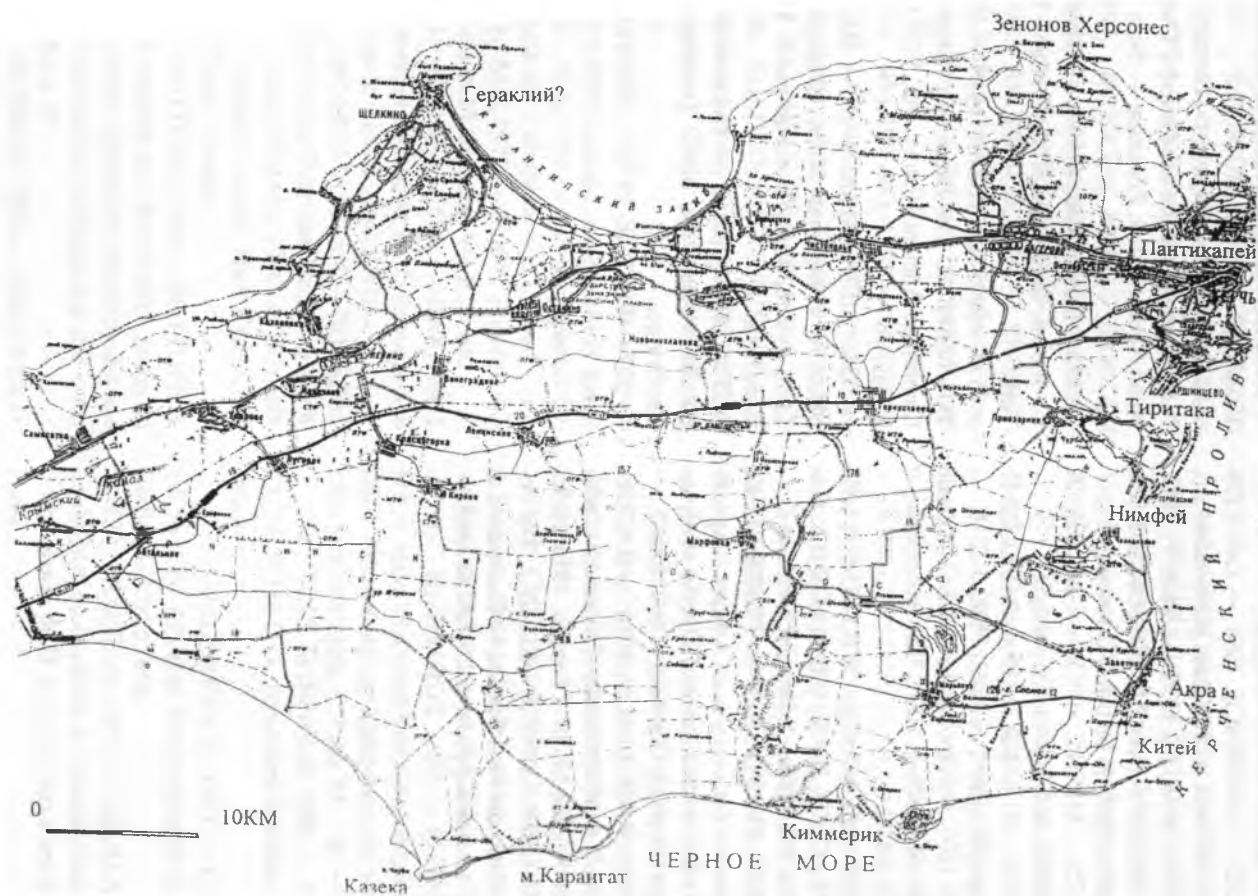

Рис. 1. Современная карта Керченского полуострова.

Рис. 2. Карта г. Опух и ее окрестностей.

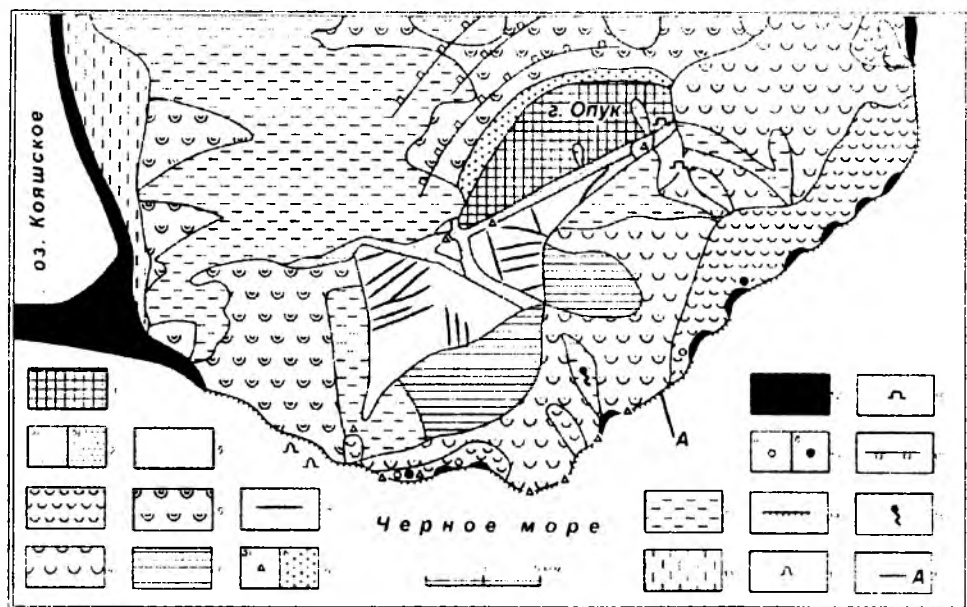

Рис. 3. Геоморфология г. Опук (схема составлена А.А.Клюкиным).

Условные обозначения: 1 — структурно-денудационное плиоценовое бронированное плато, 2 — сейсмогравитационные рвы: а — современный, б — позднечетвертичный; 3 — бугристо-холмистый и мелкоступенчатый рельеф современных оползней; 4 — грядово-ступенчатый рельеф современных-позднечетвертичных оползней; 5 — платообразно-ступенчатый рельеф современных оползней; 6 — холмисто-волнистый рельеф средне-позднечетвертичных оползней; 7 — депрессии оползневые и эрозионно-оползневые современные — позднечетвертичные; 8 — оползневые и сейсмогравитационные трещины; 9 — обвалы и коллювиальные шлейфы: а — современные, б — позднечетвертичные; 10 — балки и ложбины современные и позднечетвертичные; 11 — делювиально-пролювиальные шлейфы современные и позднечетвертичные; 12 — пересыпи, пляжи и озерные осушки современные; 13 — морская терраса нимфейская или новочерноморская: а — недеформированная, б — деформированная оползнями; 14 — клифы активные современные; 15 — гроты абразионные современные; 16 — штольни; 17 — террасы искусственные; 18 — источник; 19 — линия геолого-геоморфологического профиля.

Рис. 5. Активный оползень на юго-восточном склоне г. Опук. Вид с запада.

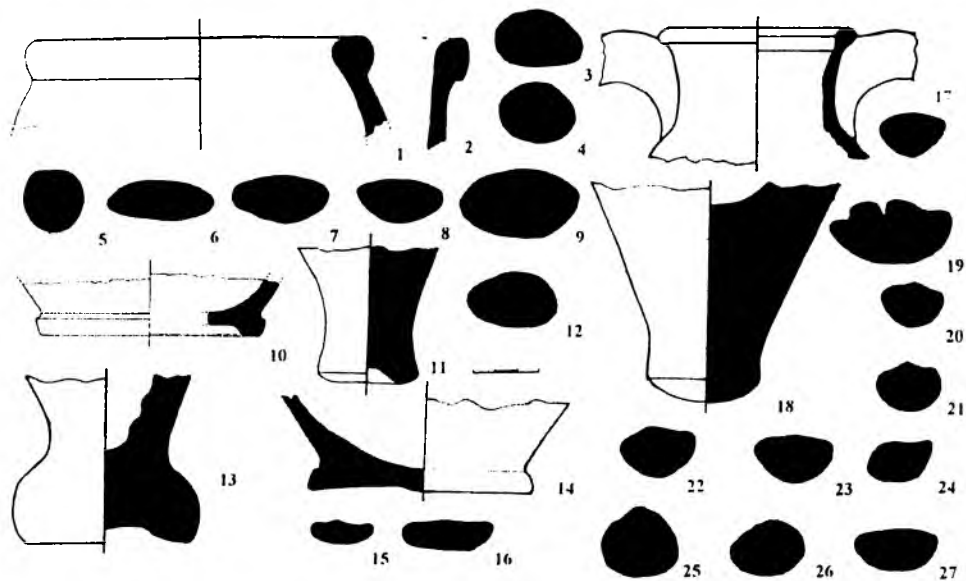

Рис. 5 а. Образцы подъемного материала с юго-восточного оползневого склона г. Опук. Фрагменты амфор: 1,3—4 — Хиос; 2,8 — Фасос; 5 — т.н. «с усеченноконусовидным дном»; 6—7 — т.н. «на сложнопрофилированном поддоне»; 9 — Менде; 11—12 — Гераклея; 13 — Херсонес; 17, 20—27 — причерноморского типа; 18 — Синопа; 19 — светлоглиняной. Гончарная посуда — №№ 10,14,15—16 (10 — Боспор; 14 — Херсонес).

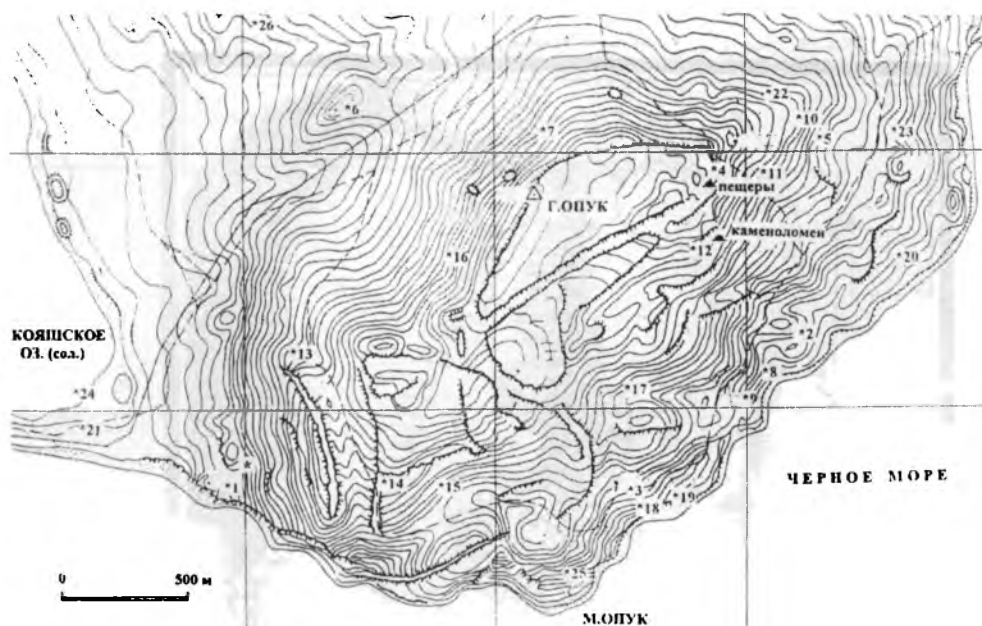

Рис. 6. Карта археологических памятников, расположенных на г. Опук (составлена автором).

1 — городище Киммерик; 2 — раннеантичное поселение «холм А»; 3 — многослойное поселение «Под источником»; 4 — цитадель на вершинном плато; 5 — давяльная площадка; 6 — курган № 1 на сопкообразной возвышенности подошвы северного склона; 7, 16 — антропогенное террасирование северного склона со следами построек; 8 — остатки приморских оборонительных сооружений, разрушенных оползнями; 9 — античный (раннесредневековый) позднесредневековый каптированный источник; 10 — поворот к морю оборонительной стены на водоразделе восточного склона и «каменные ящики»; 11 — антропогенное террасирование со следами позднеантичных построек под цитаделью; 12 — позднеантичная «усадьба» под каменоломнями со следами межевания; 13—14 — фундаменты башни (14 — со следами древней дороги); 15 — позднеантичная постройка; 17 — раннесредневековое поселение «над источником»; 18 — раннесредневековая усадьба «под источником»; 19 — раннесредневековая усадьба в бухте «Восточная 1»; 20 — раннесредневековая усадьба; 21 — выход на дневную поверхность остатков «западной, портовой» стены Киммерика; 22 — антропогенное террасирование восточного склона со следами построек; 23 — фиксируемые следы южной оконечности «восточной» оборонительной стены, подтески скалы под фундамент башни, головная часть современного активного оползня; 1А — остатки постройки эллинистического времени, подтопленной рапой Кояшского озера; 25 — надел с аморфными следами постройки раннесредневекового времени на террасе мыса Опук; 26 — группа курганов над серными разработками.

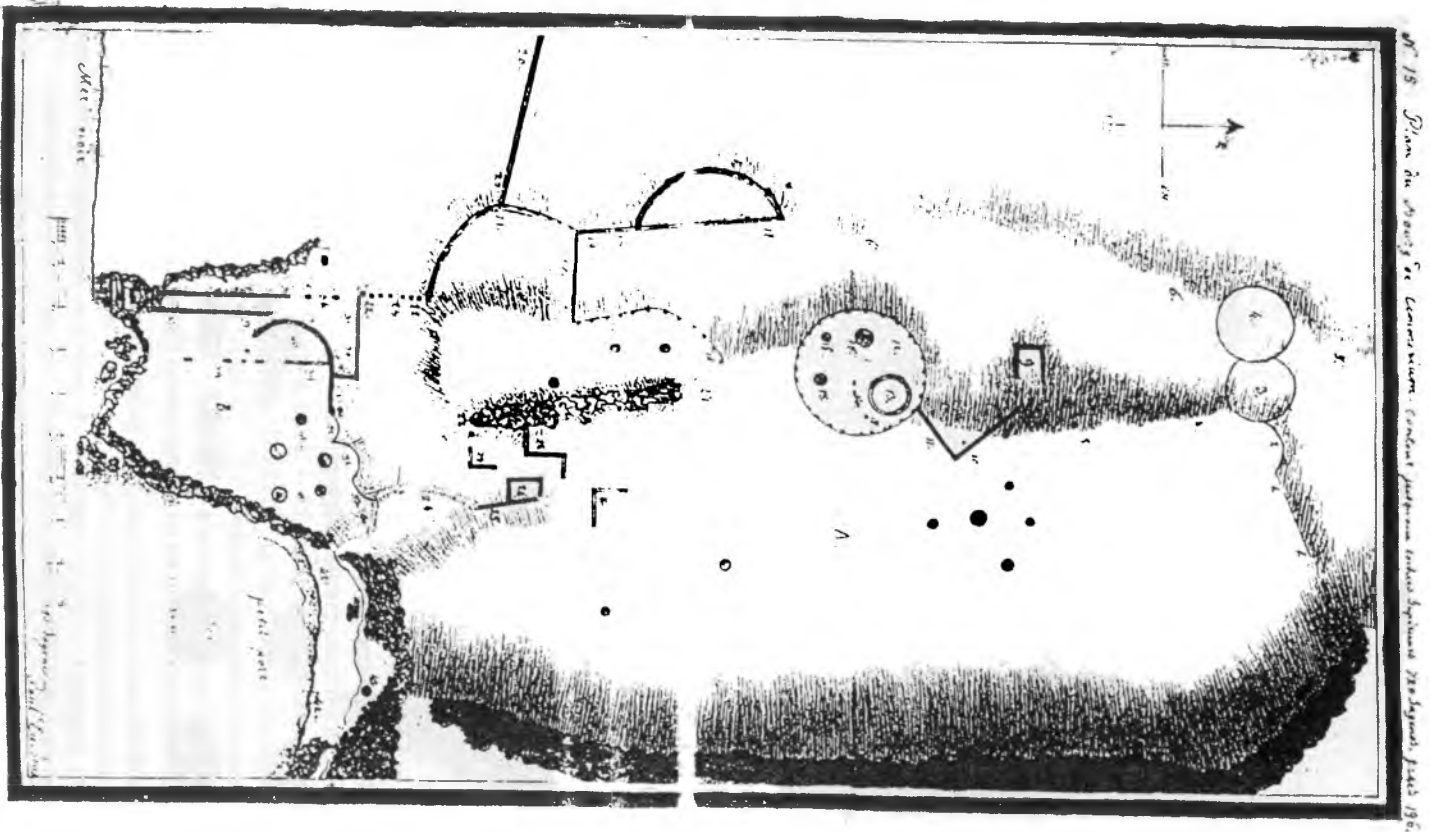
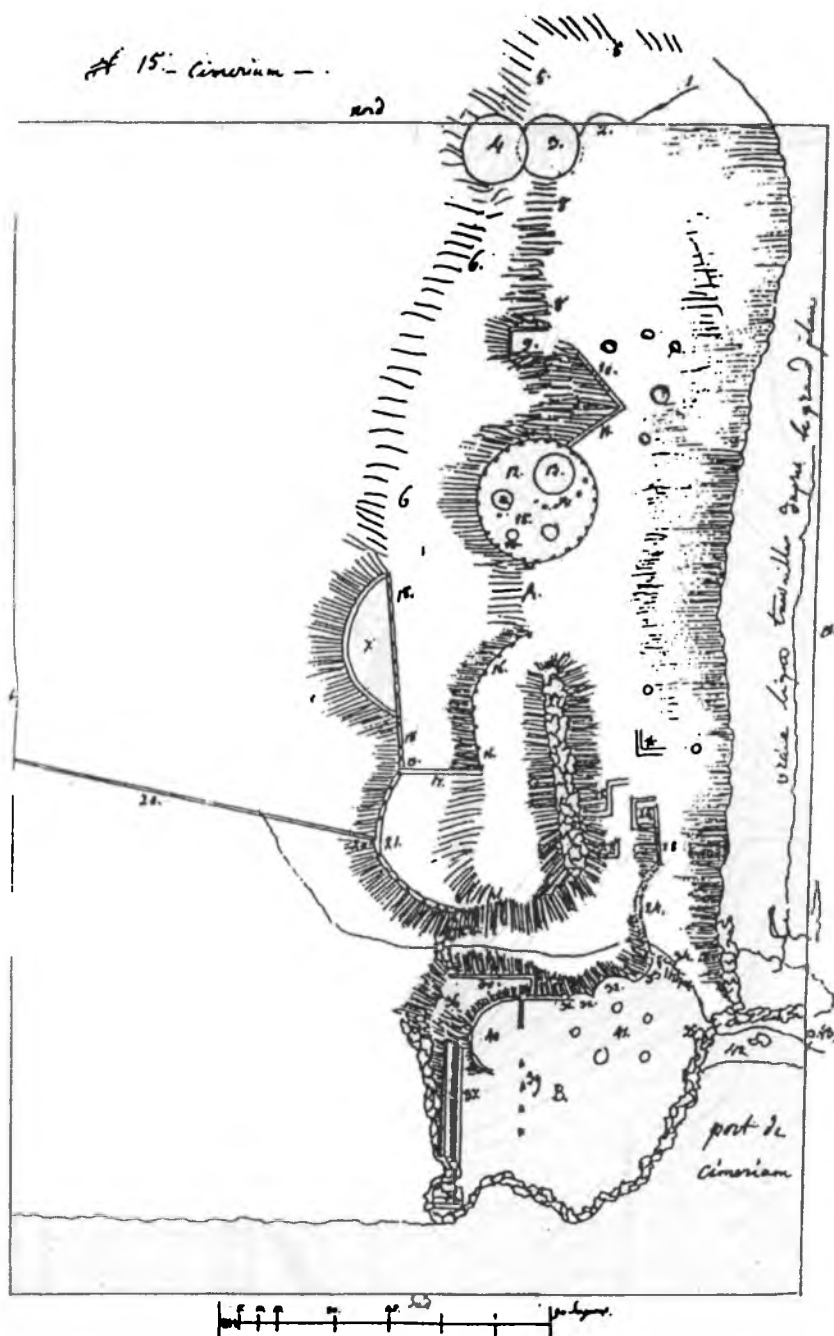

Рис. 7. План городища Киммерик по П.И.Дюбрюксу (Тункина, 2002).

П. Дюбрюкс. Черновой план руин Киммерика на горе Опук. № 15. Тушь. Перо.
Не позднее 1835 г. (ИР ШНБ, V, 1034, л. 92 об.—92а).

Рис. 8. План городища Киммерик по И. Бларамбергу (Тункина, 2002).

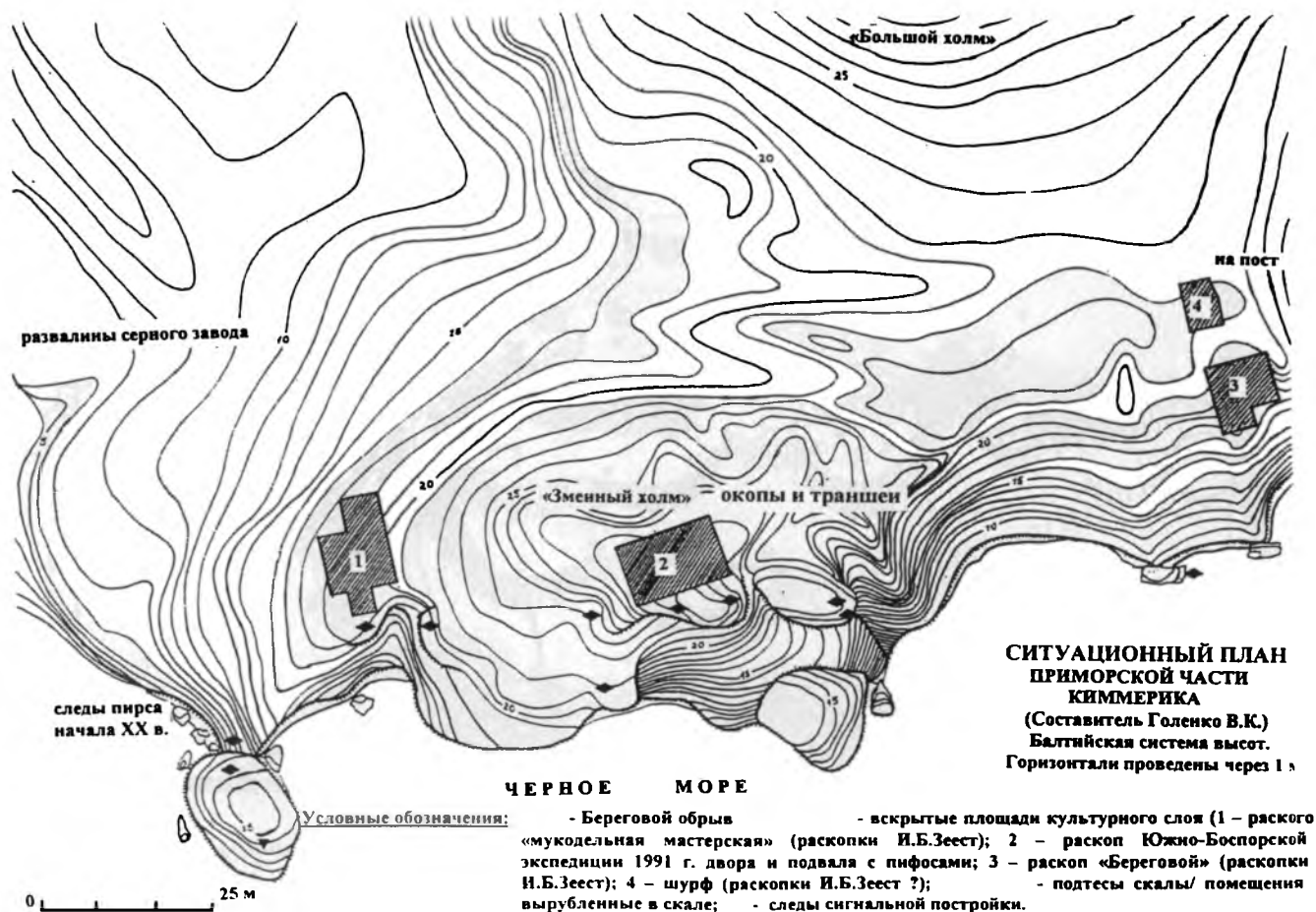

Рис. 9. Ситуационный топографический план (часть 1) приморской части Киммерика (составлен автором).

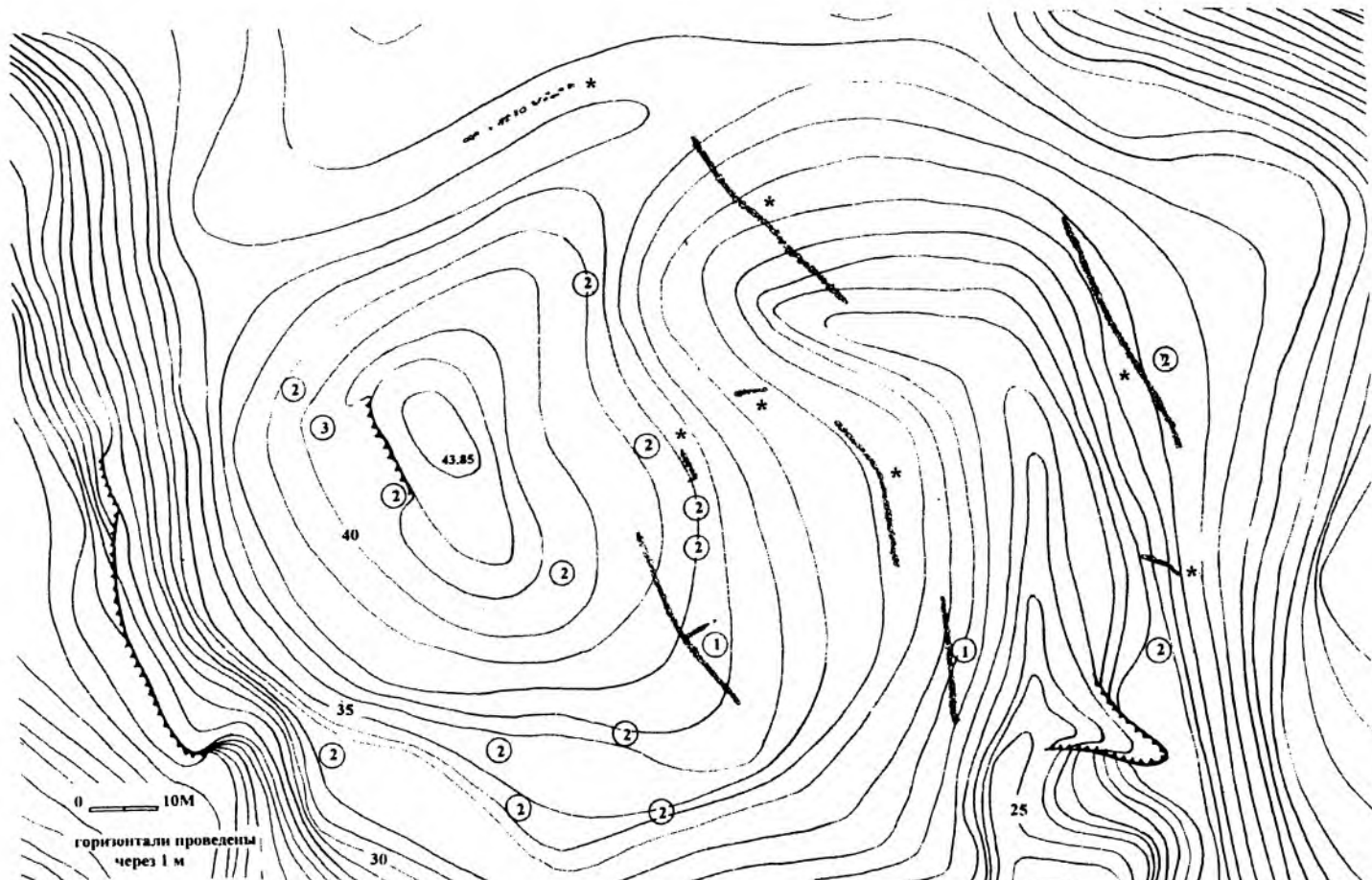

Рис. 10. Юго-западный склон горы Олук. Городище Киммерик. Топографическая схема «Большого холма» (акрополя). (Составлена автором). (часть 2, стыкуется с рис. 9 — север)

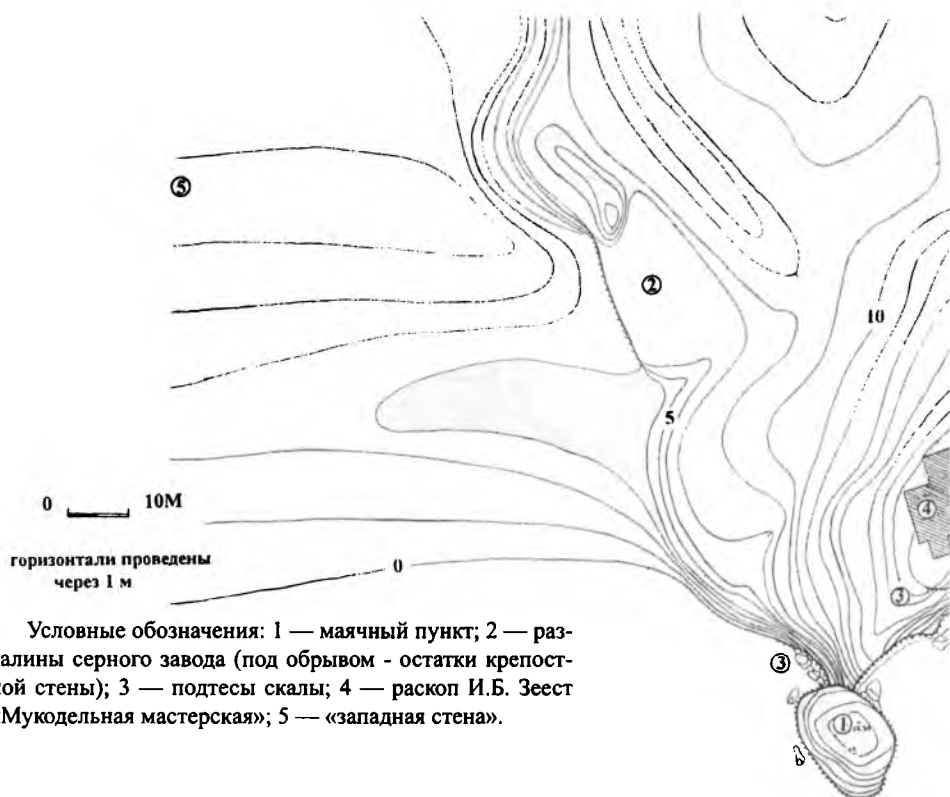

Рис. 11. Юго-западный склон горы Опук. Городище Киммерик. Топографическая схема (часть 3, стыкуется с частью 1) западного мыса с маячным пунктом и «западная стена» городища (составлена автором).

Рис. 12. Вид с запада на городище Киммерик (две нижние террасы склона) (фото автора).

Рис. 13. Городище Киммерик. «Большой холм». Стена, раскопанная Ю.Ю. Марти. Вид с юго-востока (фото автора).

Рис. 14—15. Городище Киммерик. Остатки вырубленного в скале под маячным пунктом помещения и его рухнувший свод (фото автора).

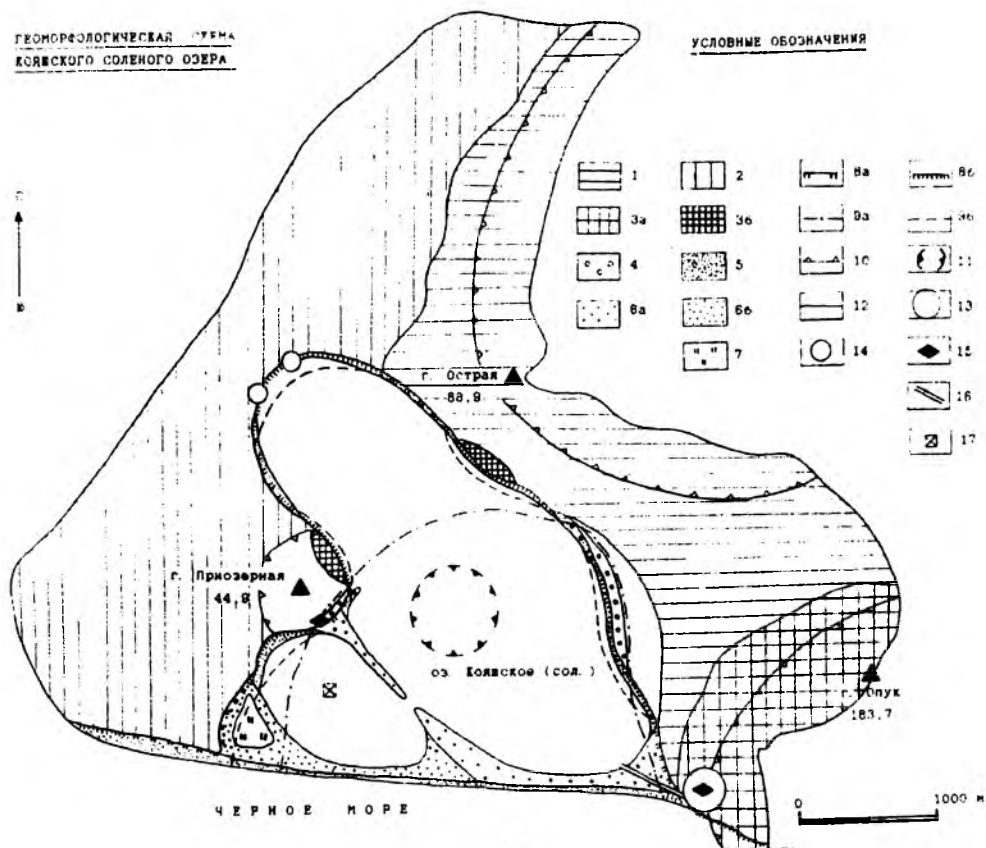

Рис. 16. То же. Участок стены, уходящий в рапу Кояцского озера. Вид с востока (фото автора).

Рис. 16 а. Хронологический спектр подъемного материала с городища Киммерик. Фрагменты амфор: 1-2 – Хиос; 3 – Менде; 4-5, 7 – Гераклея; 6, 8 – Синопа; 9 – светлоглиняной; 10 – «розовой глины» (Зеест, 1960, №86); 11 – «фанагорийской» (Зеест, 1960, №89); 13 – т.н. «с трехгранными венцами»; 15 – т.н. «с треугольными в сечении ручками»; 16-21 – причерноморского типа; 12 – бронзовая проколка.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

1 - склоны гряд, холмов, останцевых гор, расчлененных балками; 2 - поверхность депрессионно-пролювиальной равнины, расчлененной балками; 3 - оползни: а) молодые (голоценовые), б) древние (плейстоценовые); 4 - поверхности плейстоценовых морских террас; 5 - илжи и озерные осушки; 6 - пересыпи: а) образованная в конце новочерноморской трансгрессии - начале фанаторийской регрессии, б) образованная в конце нимфейской трансгрессии - начале корсунской регрессии; 7 - солончаки; 8 - клифы: а) отмершие, б) активные; 9 - морские береговые линии: а) древнесапсиско-узунларская и карангатская, б) новочерноморская; 10 - граница мдавленных синклиналей, образованных у миоценовых грязевых вулканов; 11 - местоположение предполагаемого плиоцен-четвертичного грязевого вулкана; 12 - водораздел бассейна озерной котловины; 13 - городище Киммерик; 14 - селища античного времени - Кояшское северное и Кояшское северо-восточное; 15 - стоянки эпохи поздней бронзы; 16 - стена первых вв. на пересыпи ("западня стена"); 17 - предполагаемое место корабельной стоянки позднесантичного времени.

Рис. 17. Геоморфологическая схема Кояшского соленого озера (составлена А.А.Клюкиным).

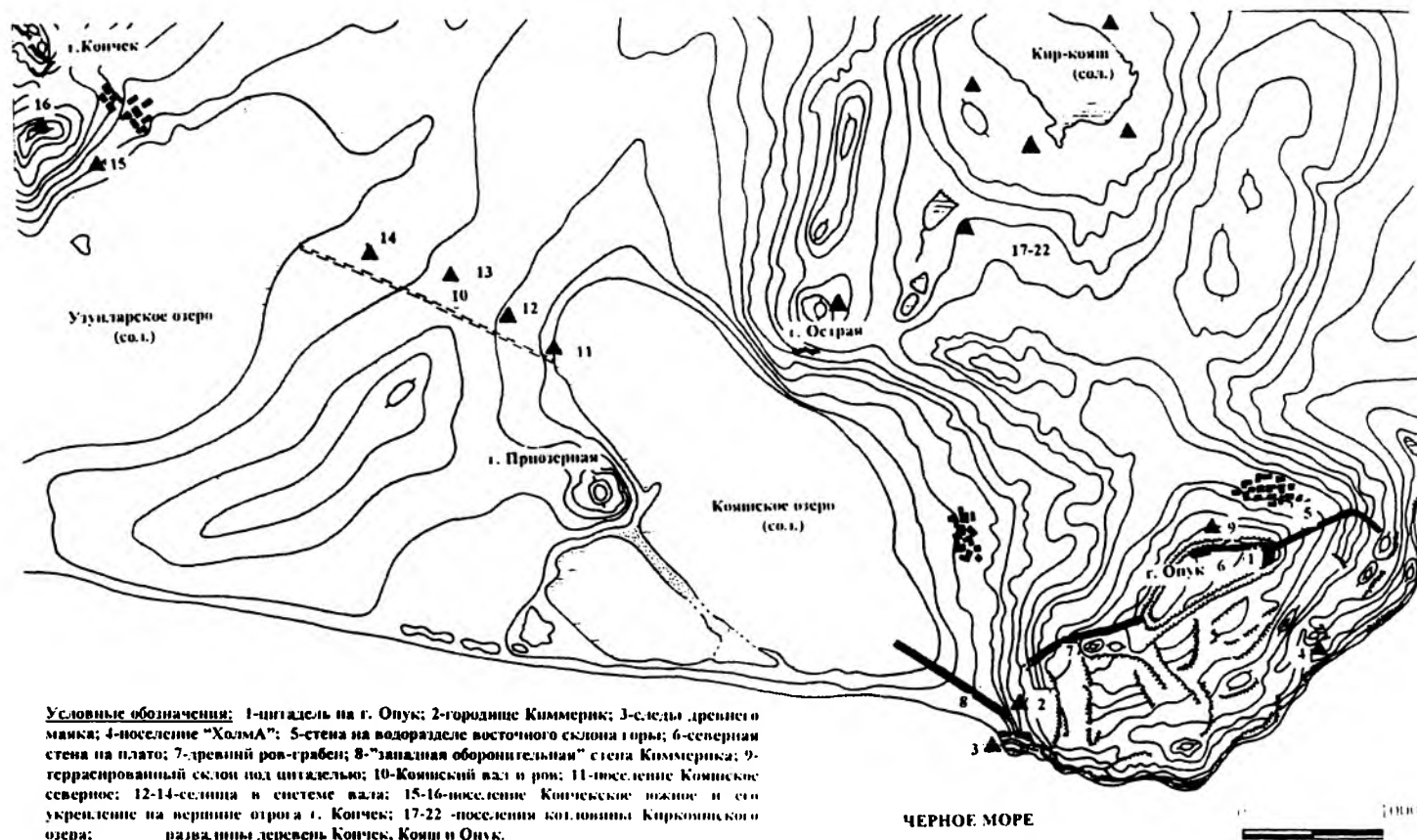
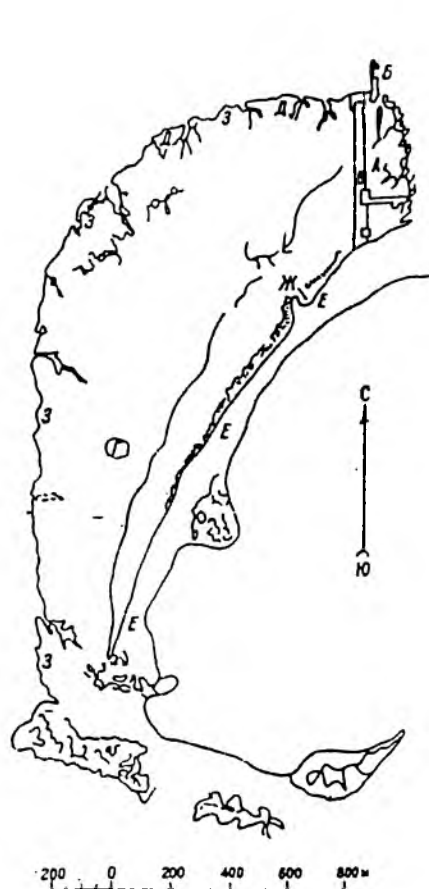
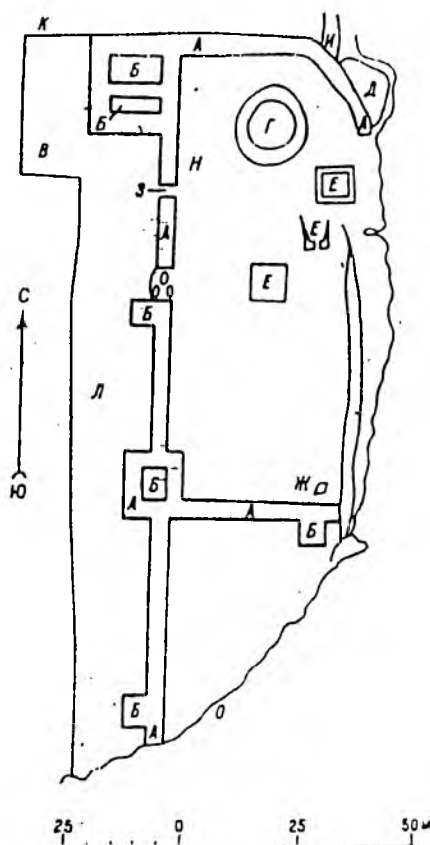

Рис. 18. Схема фортификационных объектов г. Опуке и окрестностей (составлена В.К.Голенко).

План плато горы Онука.

«А — крепость; Б — начало городских стен; В — остатки стен; Г — основание башни; Д — скалы, отсеченные отвесом, от 4 до 8 саженей высоты; Е — подобие рва; Ж — куча разбитых камней; З — цепь скал почти отвесных».

План цитадели на плато Онука.

«А — стена, от которой остались в основании от одного до трех рядов камней; Б — башни; В — контр-эскарп, состоящий ныне из двух рядов камней; Г — строение или башня, совершенно круглая; Д — подобие башни, высеченной из скалы; Е — пещеры в скале (могут быть, были гробницы); Ж — выдолбленная в скале яма, похорона на малодке, но совсем завалившаяся; З — выск; И — городская стена внизу крепости, продолжавшаяся до подошвы горы; К — развалины контрэскарпа, покрытые землей; Л — ров; М — подобие военной площадки, на которой нет никаких следов строения; Н — развалины строения, основания которых еще целы; О — окрестные скалы вышние от 2 до 4 саженей».

Рис. 19. План плато г. Онука и план «цитадели» по П. Дюбрюку (Кругликова, 1958).

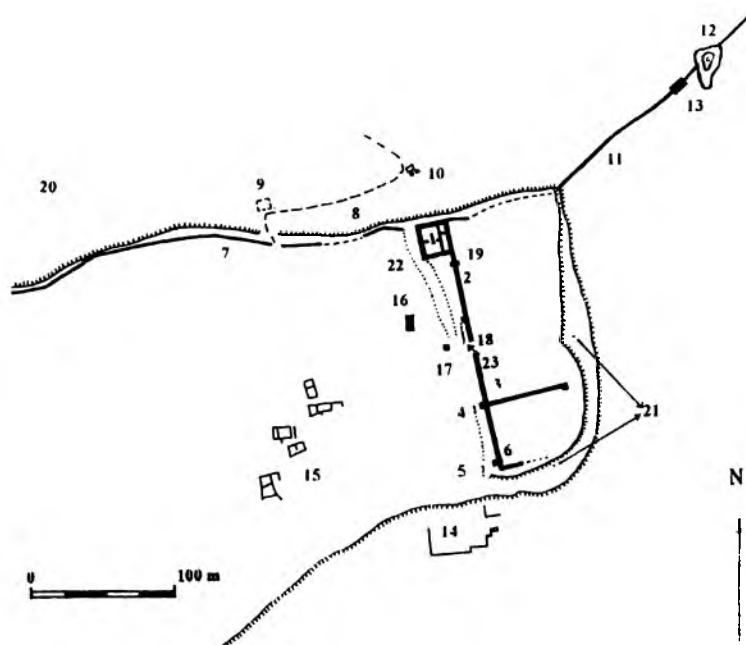

Рис. 20, 20а. Цитадель на вершинном плато г. Опук и «восточная» оборонительная стена водораздела (инструментальная схема составлена автором).

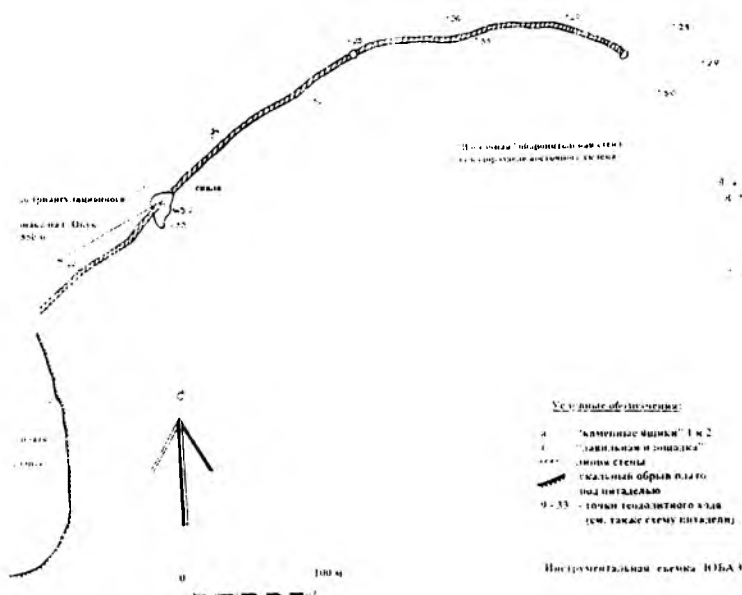

Рис. 21. Цитадель. Южная оконечность западной куртины крепости. Вид с северо-запада (фото автора).

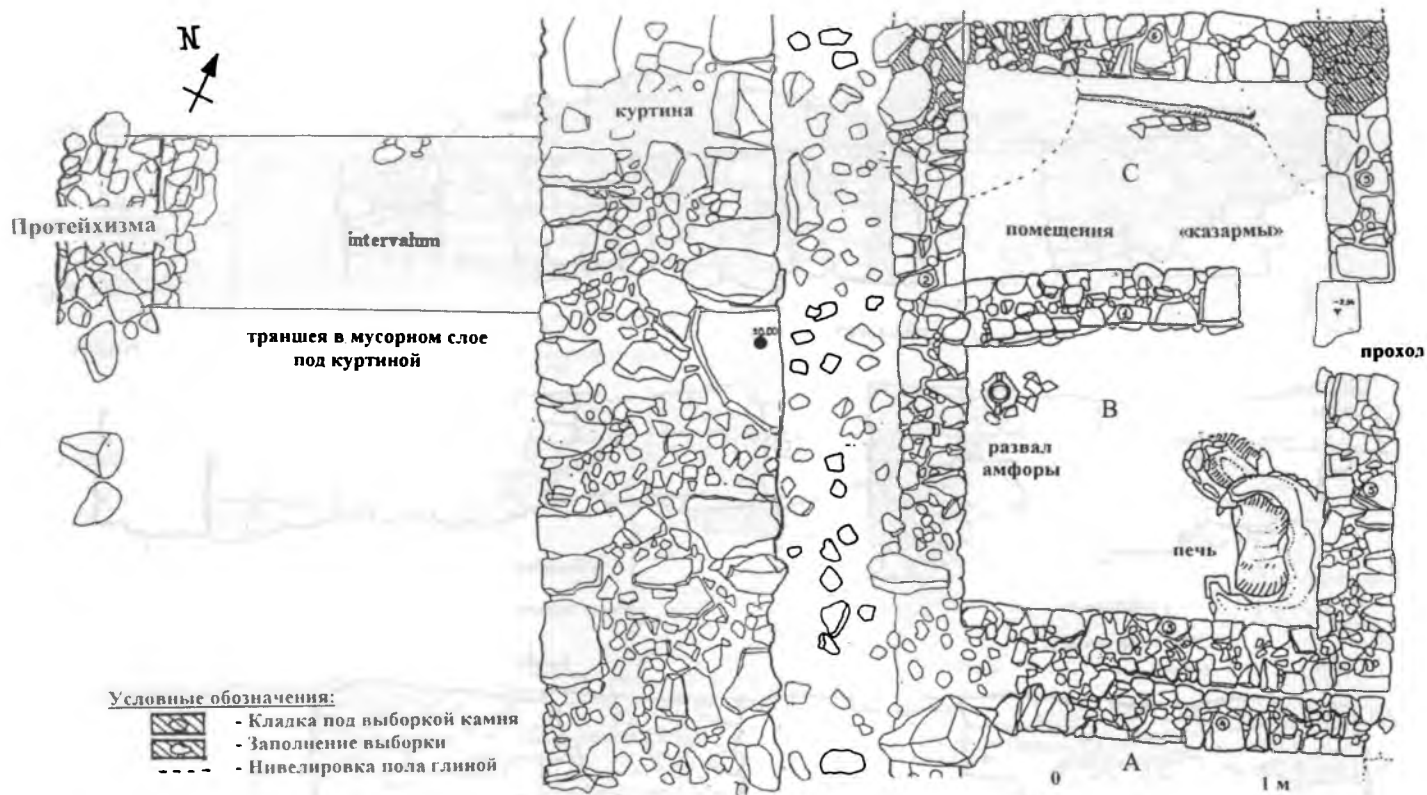

Рис. 23. План раскопанной части западной куртины, казарменных помещений, intervalum'a и протейхизмы.

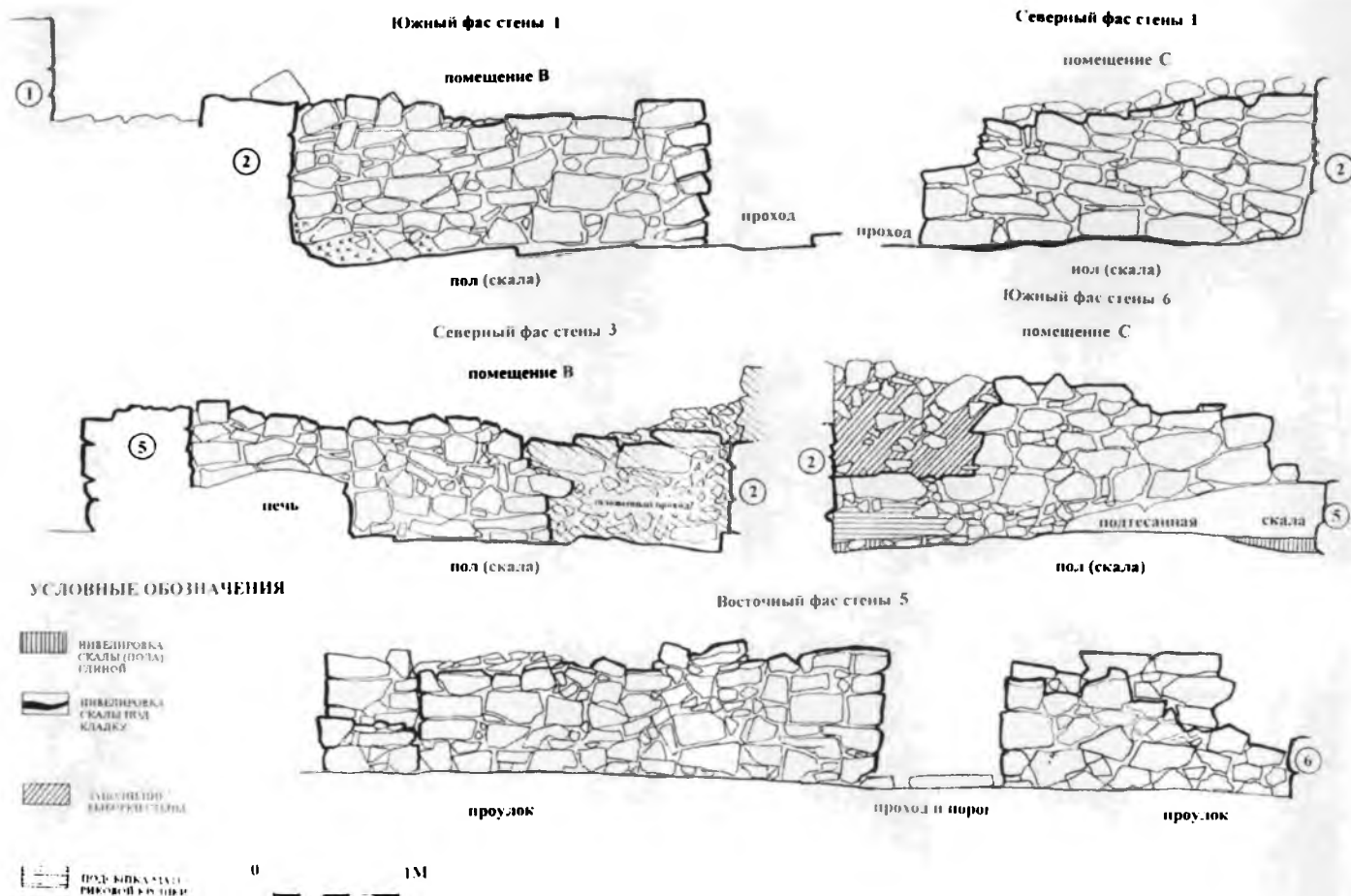
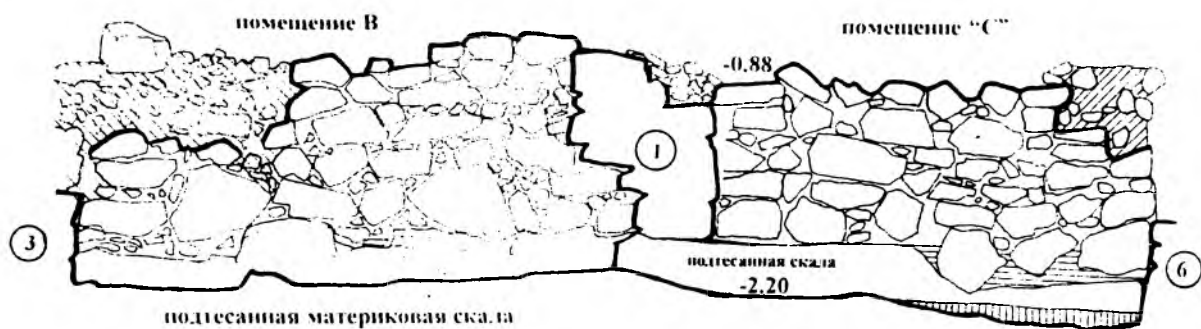
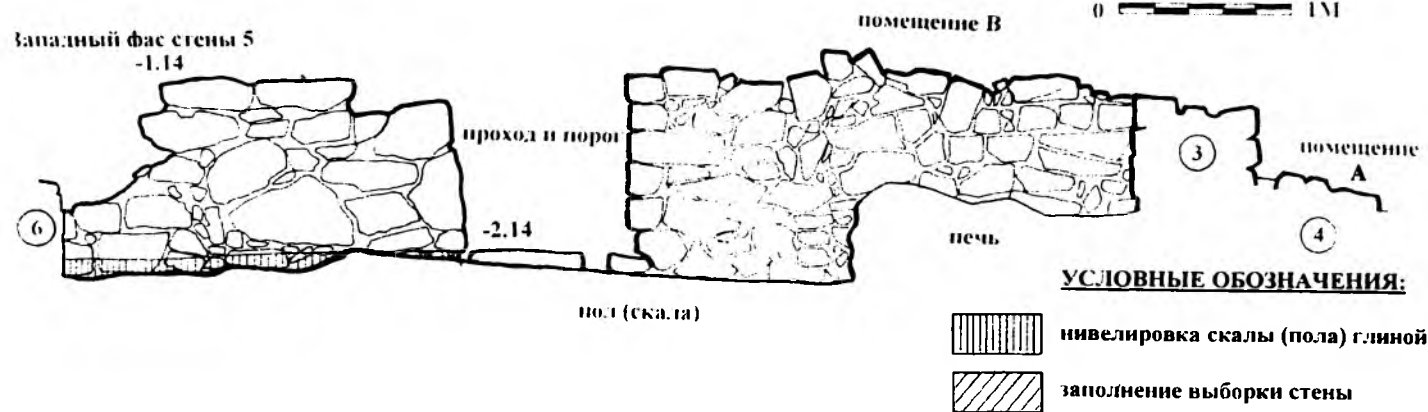

Рис. 24. Цитадель. Фасировки стен «казарм».

Восточный фас стены 2

Западный фас стены 5
-1.14

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:

нивелировка скалы (пола) глиной

заполнение выборки стены

Рис.25. Цитадель. Фасировки стен помещений «В» и «С» «казарм».

Рис. 26. Цитадель. Вид с юга на западную куртину крепости (фото автора).

Рис. 27. Цитадель. Раскопанный участок западной куртины (фото автора).

Рис. 28. Цитадель «Казармы». Печь в помещении «В», вид с запада (фото автора).

Рис. 29. Цитадель. То же. Вид с севера (фото автора).

Рис. 30. Цитадель. «Казармы». Помещение «С», вид с запада (фото автора).

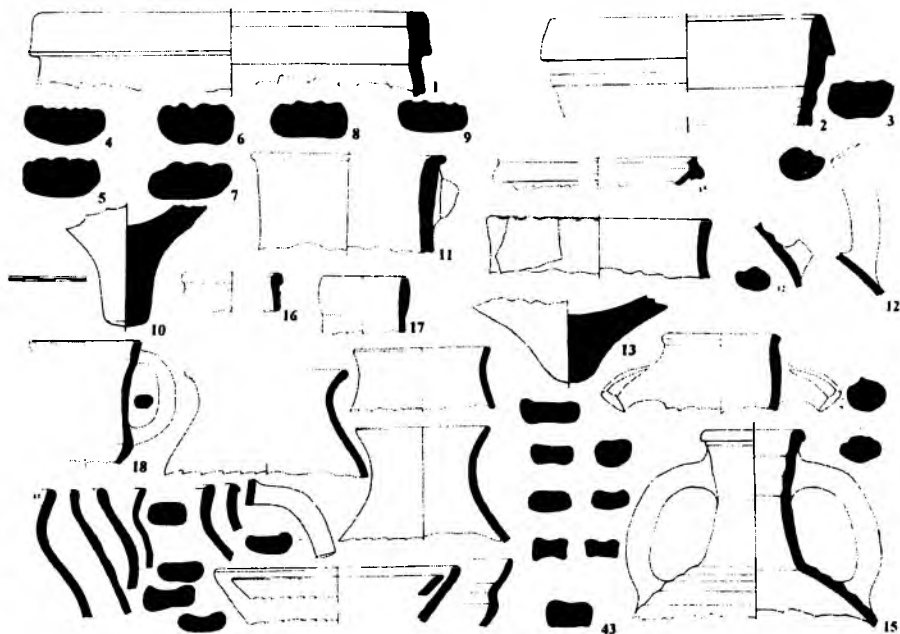

Рис. 30 а. Материал из слоя заполнения помещения «С». Фрагменты амфор: 1—10, 13 — типа Зеест, 1960, №№96—97; 11 — тип М.273 (по С.Робинсон); 12, 14 — светлоглиняных, тип Е; 15 — причерноморского типа (ранний вариант). Прочая посуда: 16—17 — красноглиняные кувшины; 18—43 — лепные сосуды.

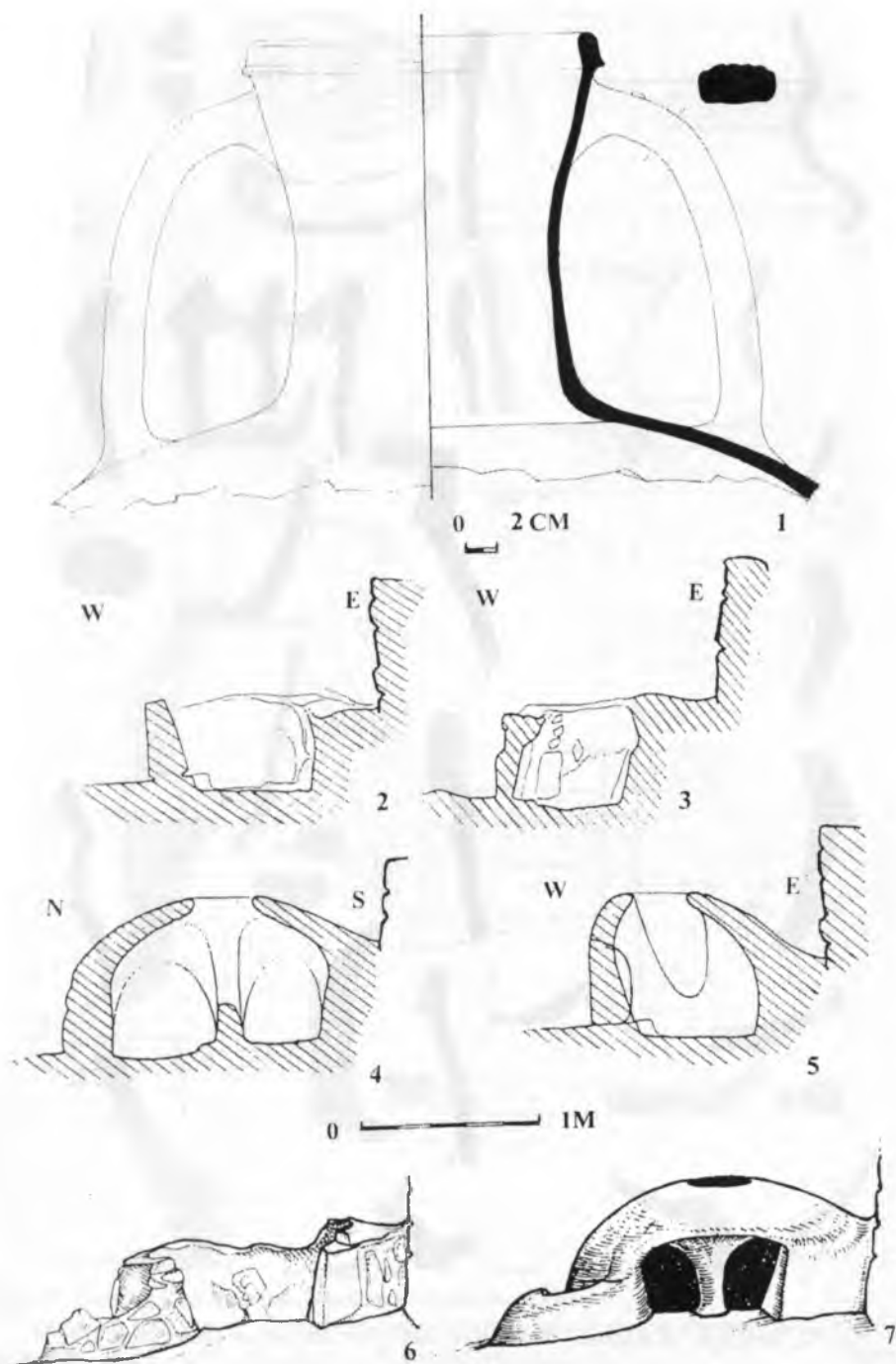

Рис. 31. Цитадель. «Казармы». Помещение «В». Горло амфоры типа Зеест, 1960, №№ 96—97, разрезы печи и ее реконструкция (автора и Н.В.Мольс).

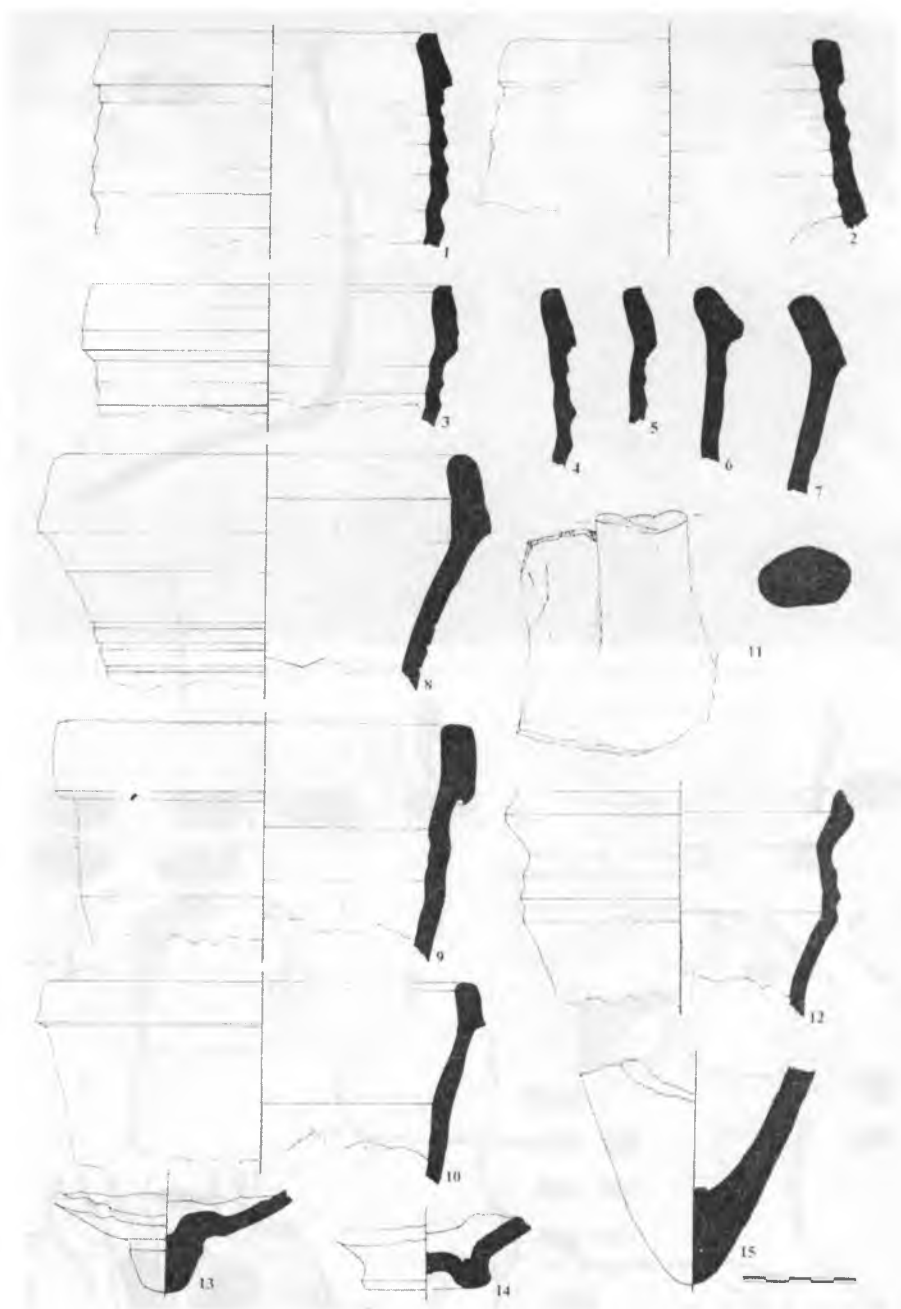

Рис. 32. Цитадель. «Казармы». Фрагменты амфор из заполнения помещения «В».

1 — 12 — фрагменты широкогорлых амфор (№ 11 — с граффити "К"; Зест, 1960, №№ 96—97); 13 — 13 красноглиняных амфор неопределенного центра.

Рис. 33. Цитадель. «Казармы». Находки из помещения «В».

1 — глиняное пряслице; 2 — красноглиняный светильник со следами красного лака; 3 — бронзовая пряжка; 4, 7, 10 — венчики лепных декорированных сосудов; 6, 12, 16, 20, 24 — 27 — фрагменты лепных сосудов; 5, 8, 8а, 21 — поддоны красноглиняных сосудов; 11, 13, 14, 17 — донья и венчики широкогорлых амфор типа Зеест, 1960, №№ 96—97; 18 — горло красноглиняного кувшина; 19 — лепная курильница; 22 — красноглиняная солонка.

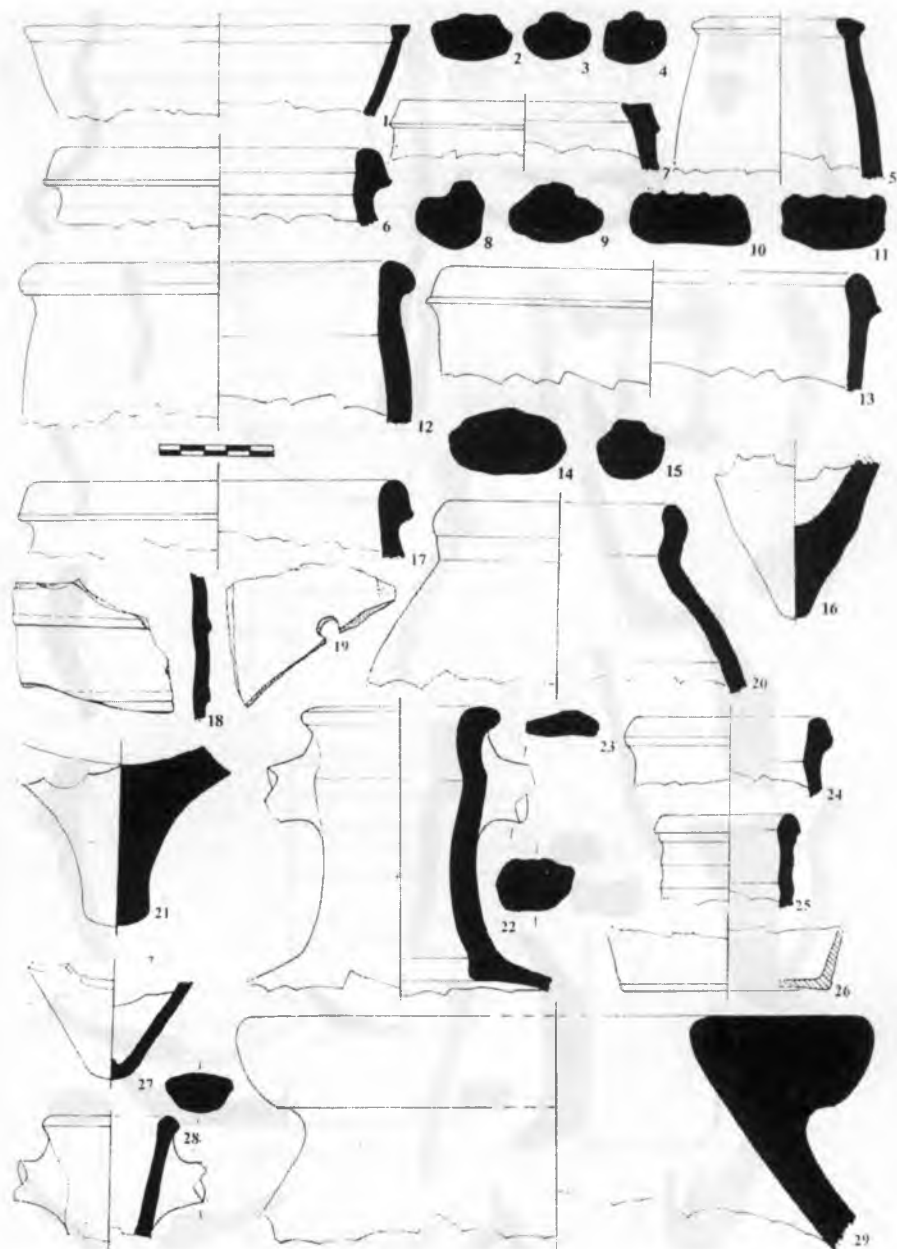

Рис. 34. Цитадель. «Казармы». Находки из поверхностного слоя заполнения помещений «В» и «С».

1 — край миски с поливой; 2 — ручка амфоры (Зеест, 1960, №77; 3—5, 8—9 — фрагменты светлоглиняных амфор; 6, 10—14, 17, 19, 21 — фрагменты широкогорлых амфор (Зеест, 1960, 33 96—97); 15 — ручка амфоры типа Зеест, 1960, №100; 16, 27 — донца амфор из Харакса (Зеест, 1960, №102); 18 — стенка амфоры с рифлением типа «набегающая волна»; 20 — венчик красноглиняного кувшина; 22 — горло красноглиняной амфоры; 23—26 фрагменты красноглиняных кувшинов; 28 — горло амфоры причерноморского типа; 29 — венчик боспорского пифоса.

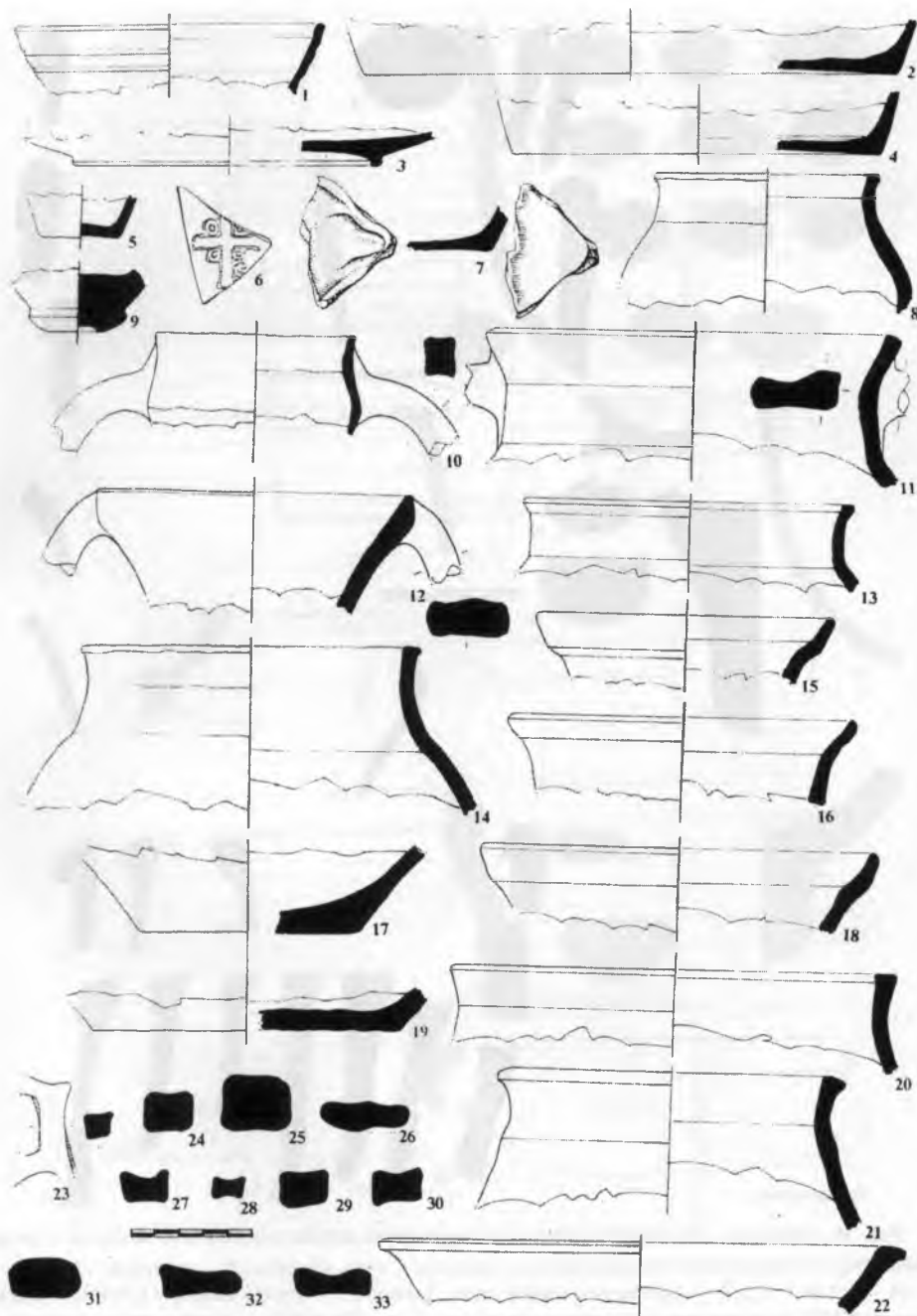

Рис. 35 Цитадель. «Казармы». Находки из поверхностного слоя заполнения помещений «В» и «С».

1,3,6 — фрагменты краснолаковых сосудов; 2,4,9 — фрагменты красноглиняной посуды; 7 — носик лепного ладьевидного светильника; 8,10—33 — фрагменты лепных сосудов.

Рис. 36. Цитадель. Находки из слоев 1 и 2 мусорных напластований под западной куртиной крепости.

А — слой 1: 1,2,7 — фрагменты амфор типа Делакеу; 3 — ручка амфоры южнэлпонтийского центра; 4,5,10 — фрагменты светлоглиняных амфор (тип Е); 6,9,11 — фрагменты широкогорлых амфор (Зеест, 1960, №№96—97); 12 — венчик красноглиняной кастрюли; 13—14 — фрагменты лепных сосудов. В — слой 2: 15—19 — фрагменты светлоглиняных амфор (тип Е); 20—26 — венчики амфор типа Делакеу.

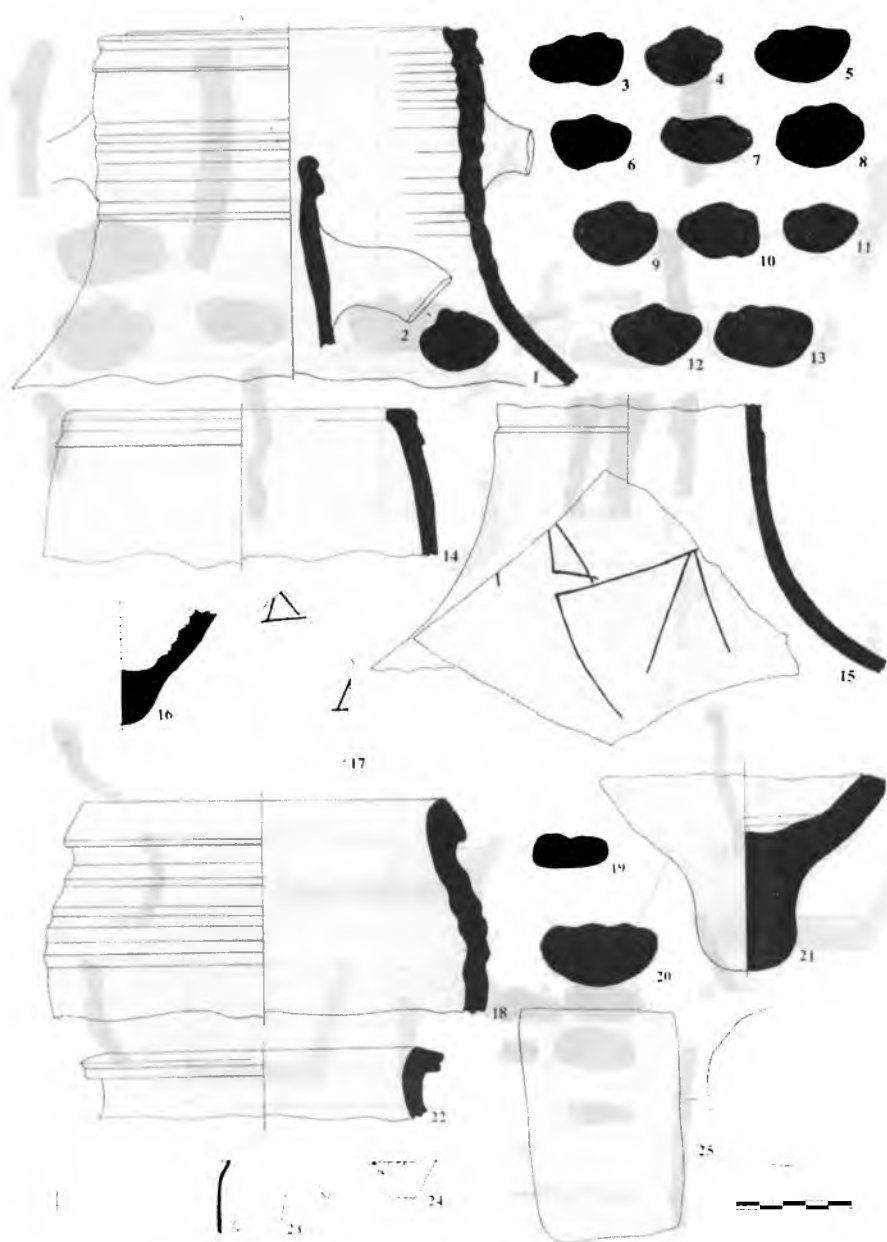

Рис. 37. Цитадель. Находки из слоя 2 мусорных напластований под западной куртиной крепости.

1—4, 6—7, 10—18 — фрагменты амфор типа Делакеу (15, 17 — с граффити); 5, 20, 21 — фрагменты широкогорлых амфор (Зесст, 1960, №№96-97); 19, 22 — фрагменты красноглиняных сосудов; 23—24 — фрагменты стеклянных изделий (24 — с каплями синего стекла); 25 — известняковая пробка.

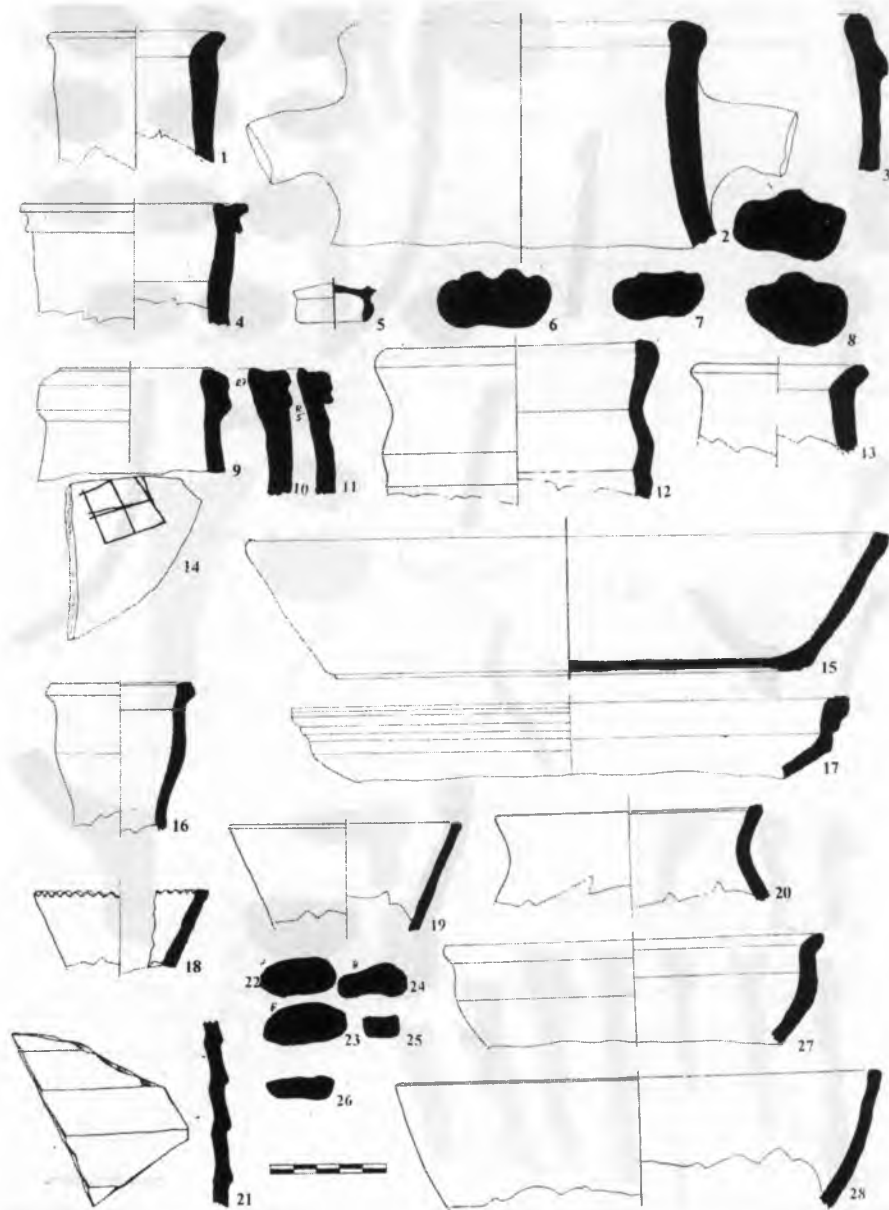

Рис. 38. Цитадель. Находки из слоя 3 мусорных напластований под западной куртиной крепости.

Фрагменты амфор: 1, 13 - типа харакских; 2—3, 5—7 — типа инкерманских; 4, 10—11 — типа Делакеу; 8—9 — светлоглиняных типа Е; 14 — граффити на стенке широкогорлой амфоры (Зеест, 1960, №№96—97); 21 — с рифлением типа «набегающая волна»; Фрагменты посуды: 15—17 — краснолаковых мисок; 16, 18—20, 22—26 — красноглиняных сосудов; 27—28 — лепных сосудов.

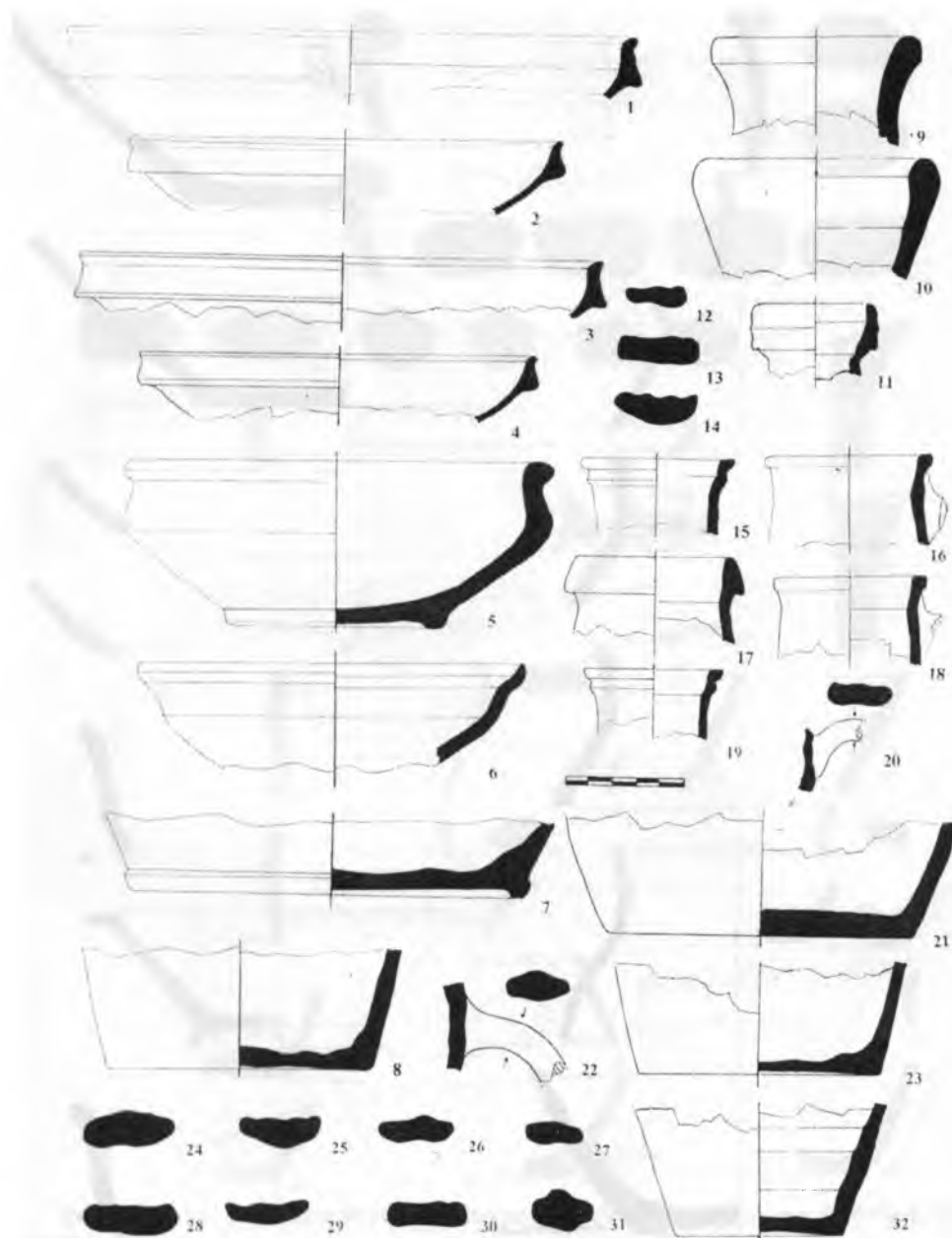

Рис. 39. Цитадель. Находки фрагментов гончарной посуды из слоя 4 мусорных напластований под западной куртеной крепости.

1—2 — краснолаковых мисок; 3,6,18,32 — изделий из светлокорицево-й глины (остальные — красноглиняные).

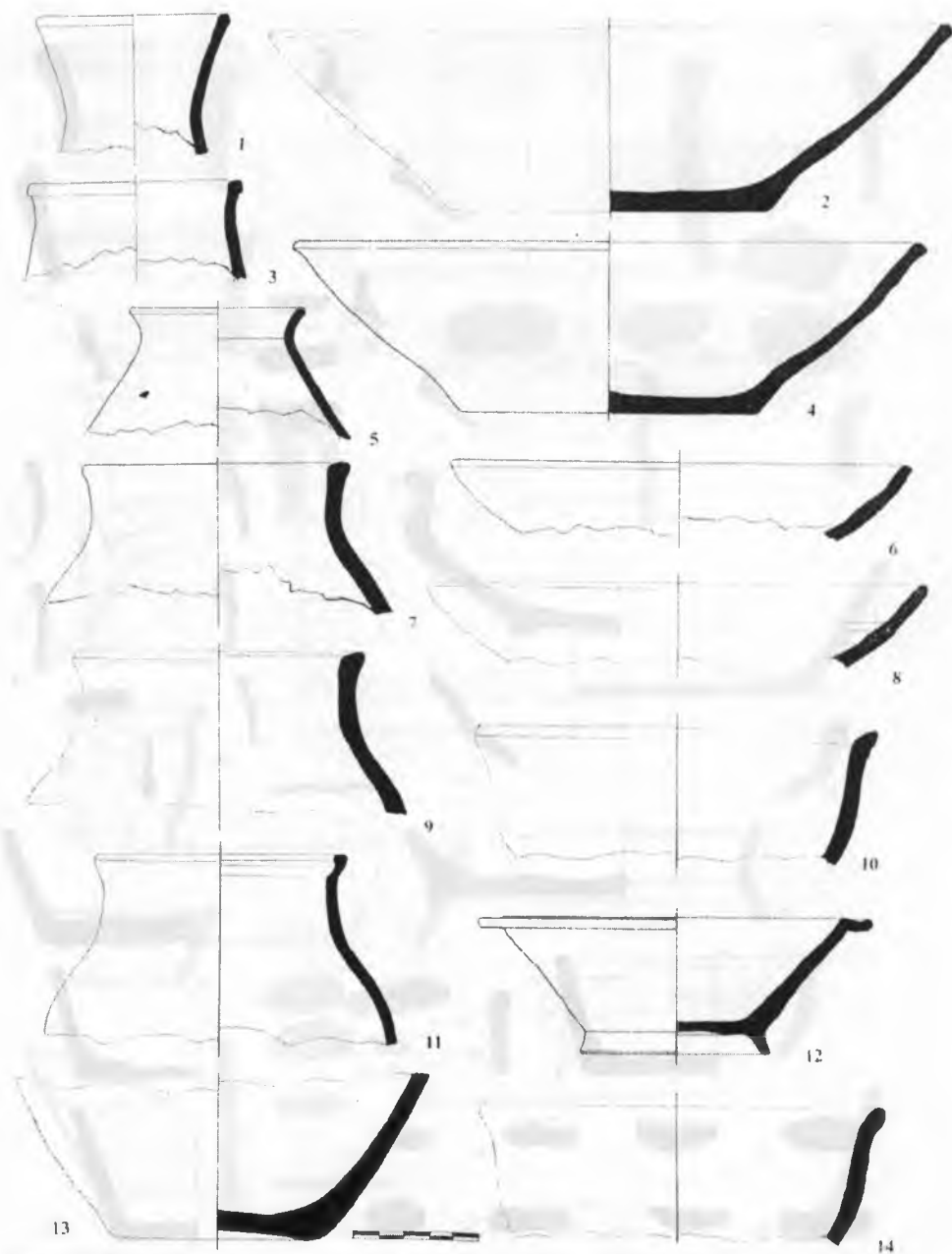

Рис. 40. Цитадель. Находки фрагментов лепной посуды из слоя 4 мусорных напластований под западной куртиной крепости.

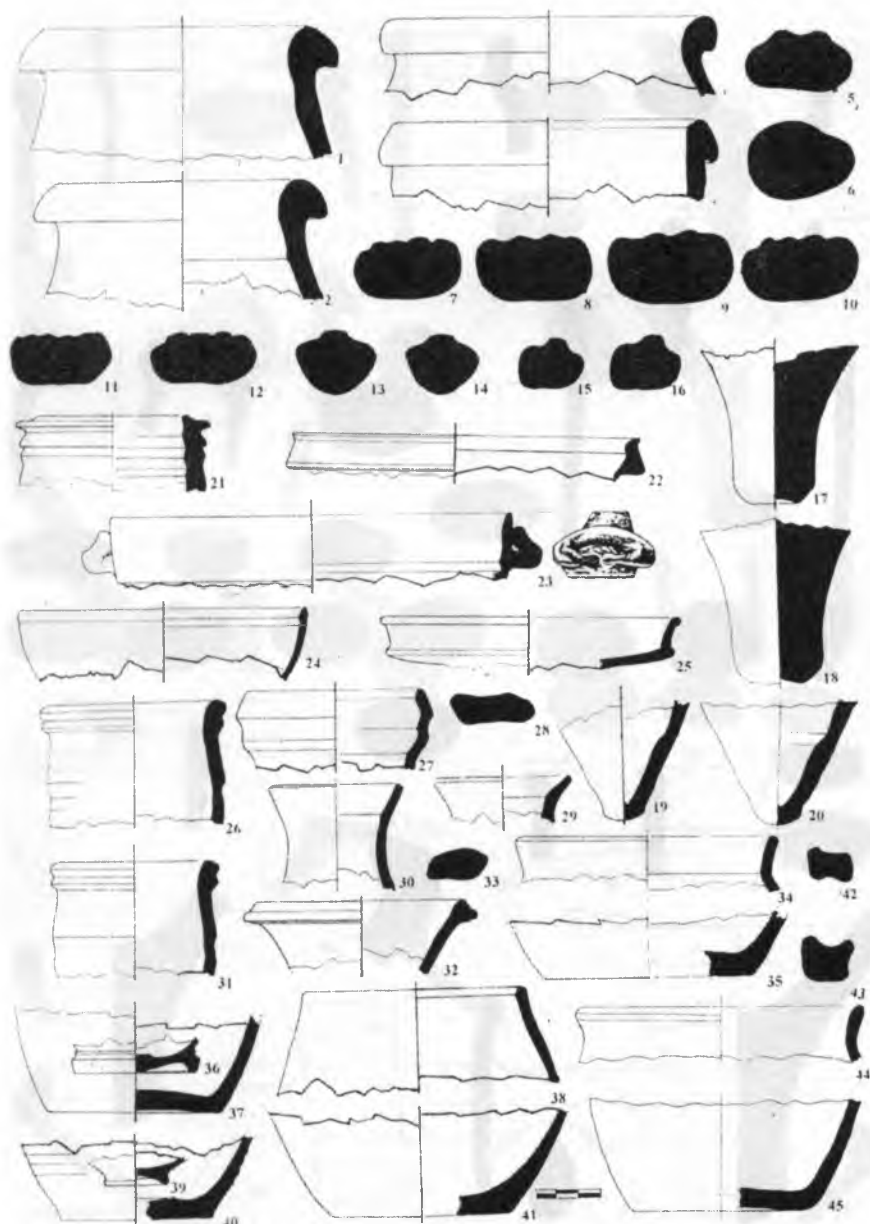

Рис. 41. Цитадель. Находки из поверхностного слоя (слой 5) мусорных напластований под западной куртиной крепости.

Фрагменты амфор: 1 — типа Абрамов, 1993, №9.2; 2—3,7—12,17—18 — широкогорлых (Зеест, 1960, №№96—97); 4 — «коричневой глины»; 5 — типа Зеест, 1960, №84; 13 — светлоглиняной; 15,21 — типа Делакеу; 16 — причерноморской амфоры; 19—20 — типа Зеест, 1960, №102; Фрагменты посуды: 22—25 — краснолаковых сосудов; 26—37,40—41 — красноглиняных сосудов; 38—39 — серой глины; 42—45 — лепных сосудов.

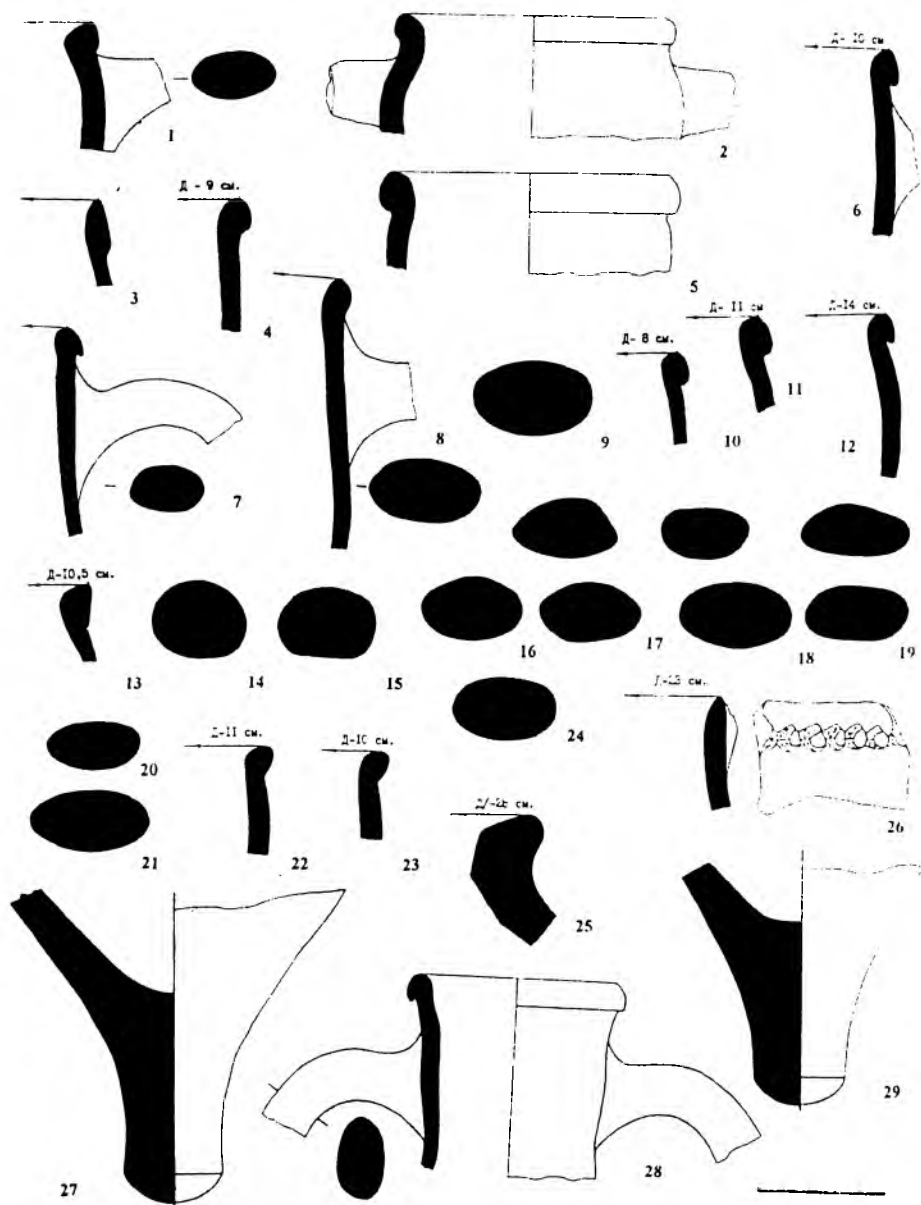

Рис. 42. Цитадель. Зольник. Находки из слоя 1.

Фрагменты амфор: 1 — Хиос, с декорированным красным лаком краем венца; 2,4,5,9,б.н. — Хиос; 3 — т.н. «профасосские» (Милет); 6,8,10—12,15—21,27,29 — Синопа; 7 — т.н. «круга Фасоса»; 13 — Менде; 22—24 — Гераклея; 28 — красноглиняной, неопределенного центра; Фрагменты посуды: 25 — фасосского лутерия; 26 — край лепного сосуда, декорированного пальцевыми вдавлениями.

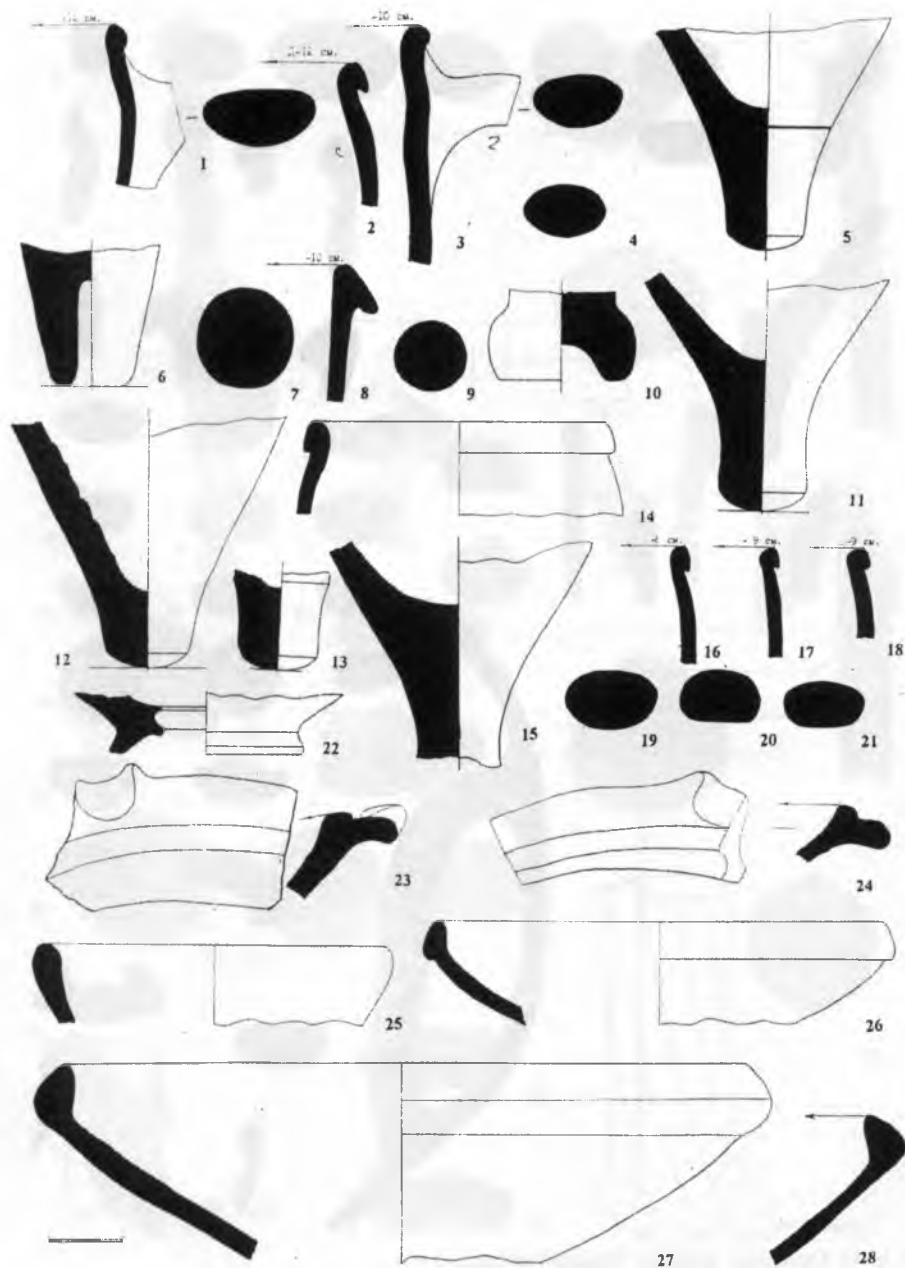

Рис. 43. Цитадель. Зольник. Находки из слоя 2.

Фрагменты амфор: 1—2,5,11,12,14—21 — Синопа; 3 — Гераклея; 4 — Пепарет; 6 — Хиос; 7,9,13 — Родос; 8 — типа Усть-Лабинской; 10 — Херсонес; Фрагменты посуды: 22 — кольцевой поддон аттического чернолакового рыбного блюда; 23—24 — края синопских лутериев; 25—28 — красноглиняных мисок.

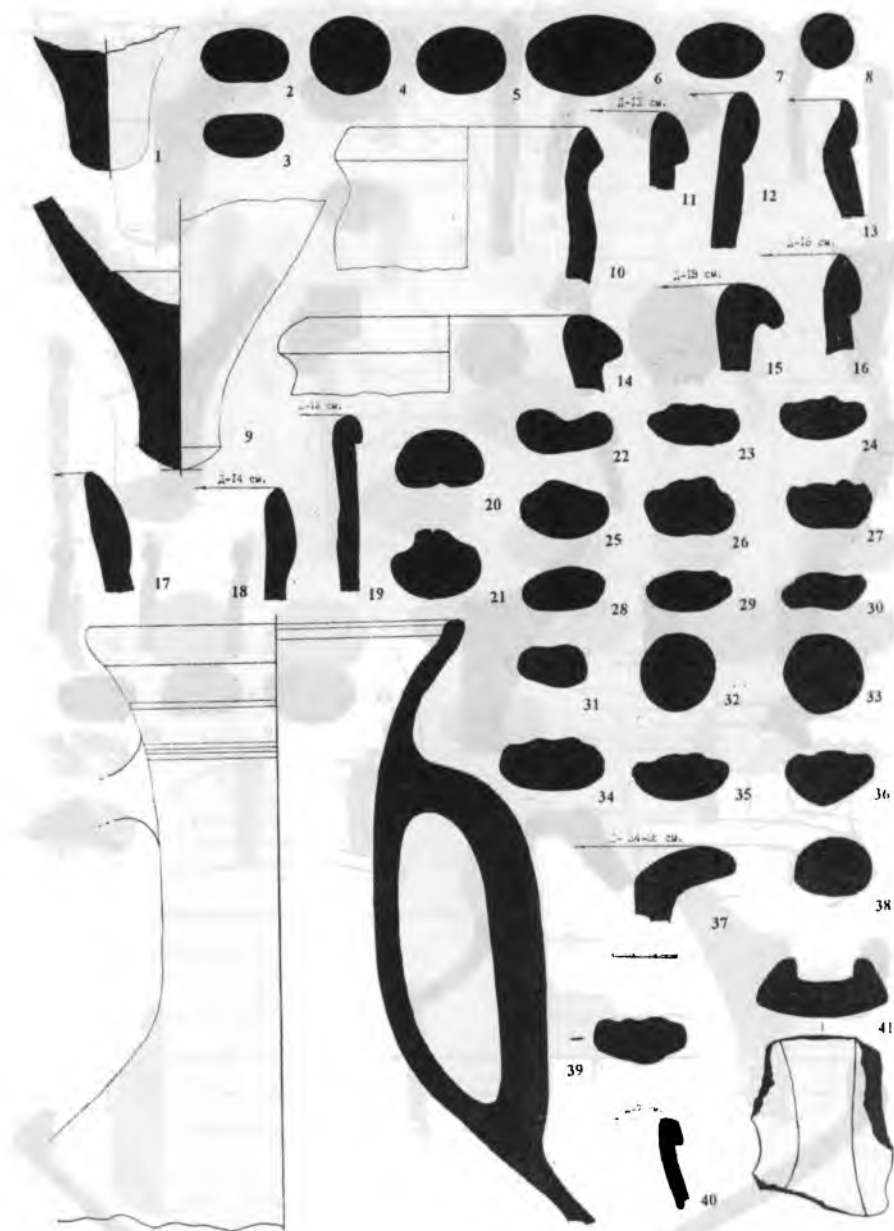

Рис. 44. Цитадель. Зольник. Находки из слоев 3 и 4.

1—6 — Слой 3, фрагменты амфор: 1—3 — Синопа; 4—5 — Хиос; 6 — Менде; 7—41 — Слой 4, фрагменты амфор и посуды: 7, 21, 25, 28, 31 — светлоглиняных; 8, 12—13, 32—33 — типа Зеест, 1960, № 83; 9 — Синопа; 10, 29, 30, 35—36 — типа Зеест, 1960, № 87; 11 — типа Зеест, 1960, № 77; 14, 20 — типа Зеест, 1960, № 76; 15—16 — типа Зеест, 1960, № 84—85; 17—18 — типа Зеест, 1960, № 89; 19 — Родос; 23—24, 26—27, 34 — типа Зеест, 1960, № 86; 38, 40 — «коричневой глины»; 39 — т.н. «с воронкообразным горлом»; 37, 41 — край и слив лутерисв.

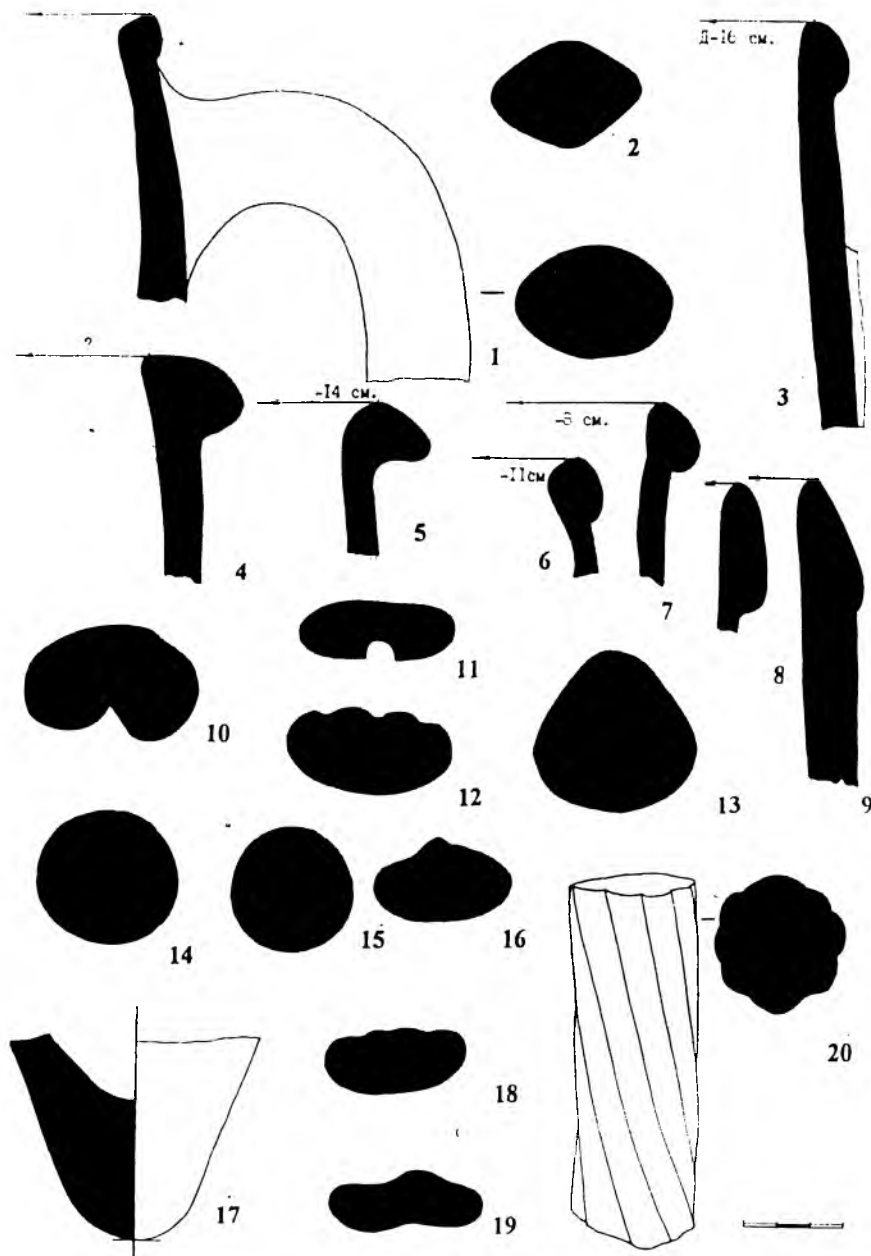

Рис. 45. Цитадель. Зольник. Находки из слоя 5.

1—19 — фрагменты амфор: 1 — Гераклея; 2 — Синопа; 3 — типа Зеест, 1960, № 85; 4 — типа Зеест, 1960, № 76; 5 — типа Зеест, 1960, № 73; 6—7, 16 — светлоглиняных амфор; 8—9, 14 — типа Зеест, 1960, № 89; 10 — типа Зеест, 1960, № 72; 11 — типа Зеест, 1960, № 82; 12, 15 — типа Зеест, 1960, № 86; 13 — с ручками треугольного сечения; 17 — типа Зеест, 1960, № 71; Фрагменты посуды: 18—20 — красноглиняных кувшинов (20 — с ангобом светлого тона)

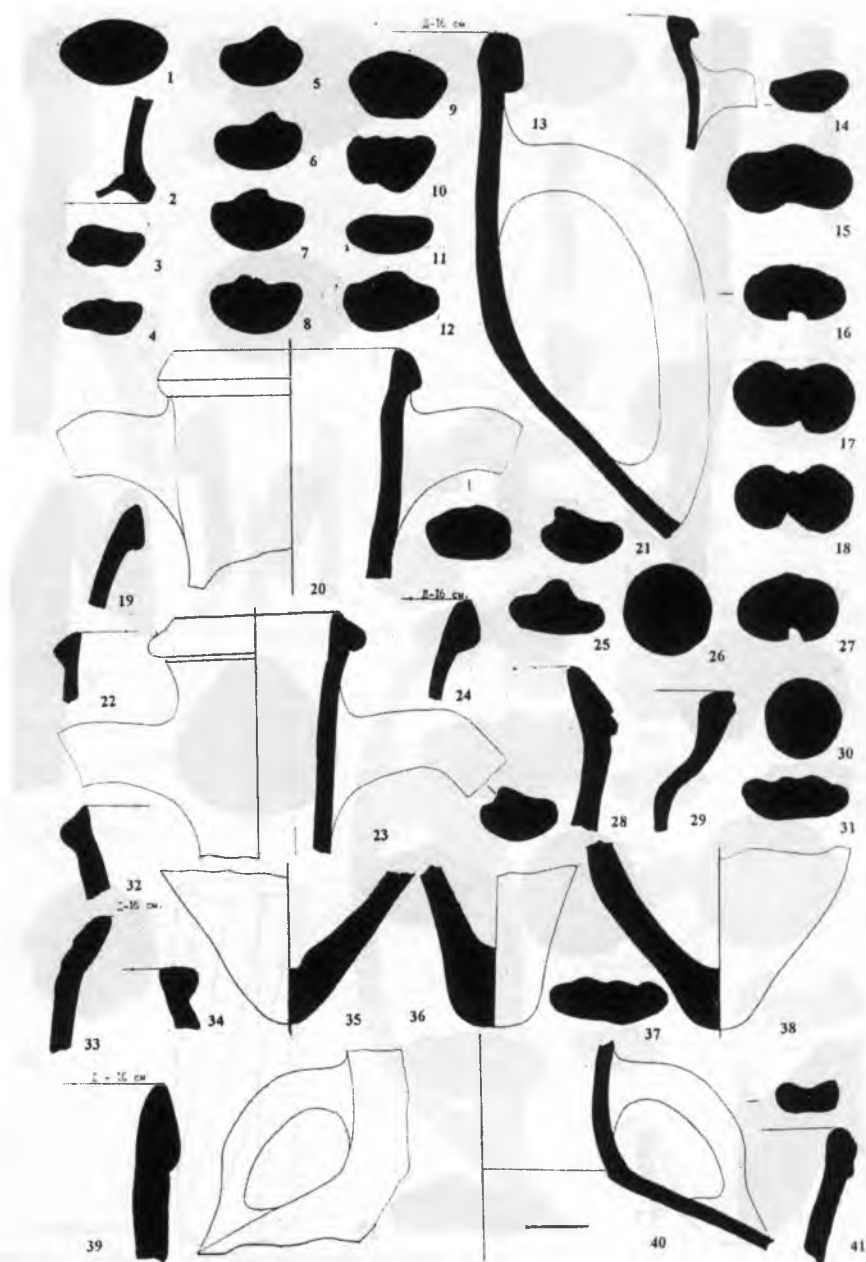

Рис. 46. Цитадель. Зольник. Находки из слоя 6.

Фрагменты амфор: 1 — Гераклея; 2—12, 19—23, 32, 34, 36, 41 — светлоглиняных амфор; 13, 16 — типа Зеест, 1960, №72; 14—15 — типа Зеест, 1960, №77; 17—18 — типа Зеест, 1960, №75; 24, 27 — типа Зеест, 1960, №76; 25 — типа Зеест, 1960, №78; 26, 30, 39 — типа Зеест, 1960, №89; 28, 33 — типа Зеест, 1960, №80; 29 — типа Зеест, 1960, №83; 31, 37 — типа Зеест, 1960, №86; 35—38 — типа Зеест, 1960, №102; 40 — типа Зеест, 1960, №99.

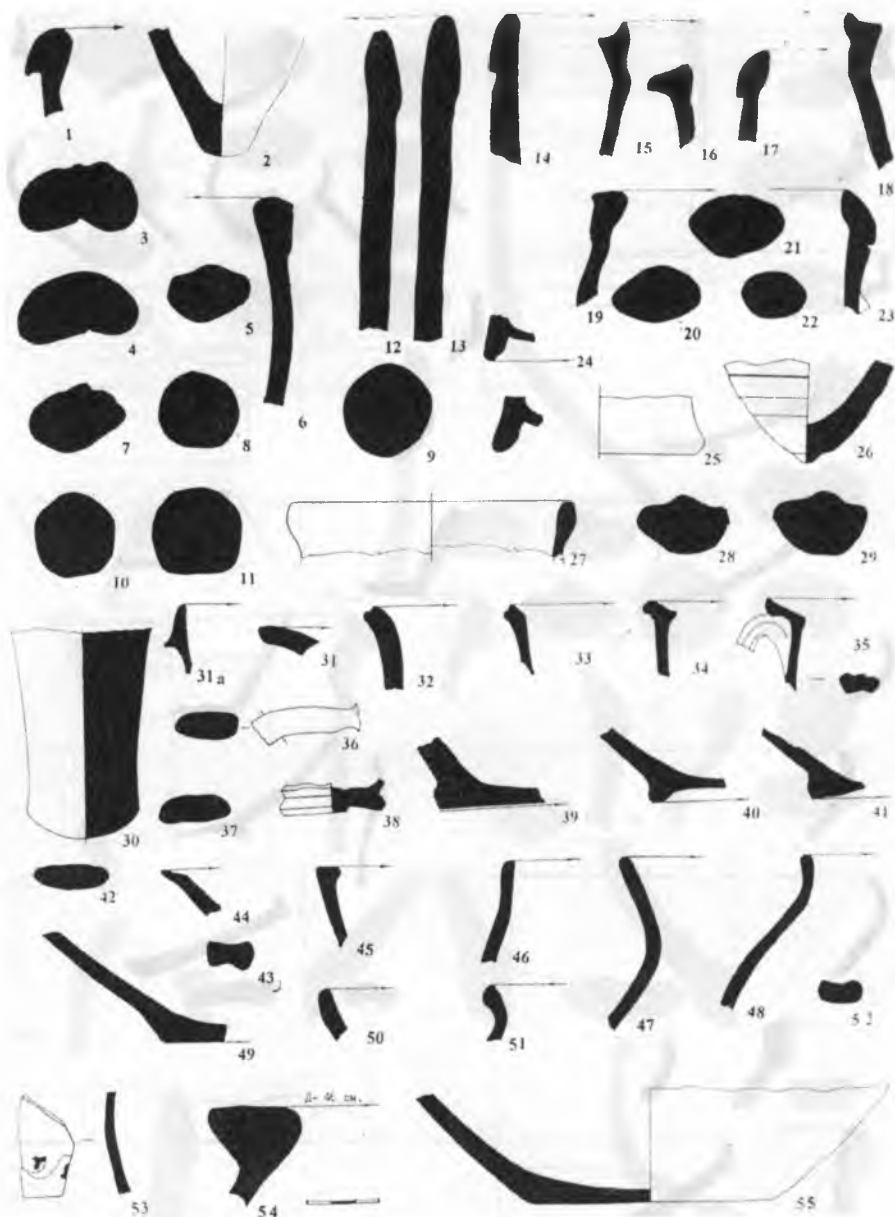

Рис. 48. Цитадель. Зольник. Находки из слоя 7.

Фрагменты амфор: 1 — Зеест, 1960, №73; 2 — Зеест, 1960, №71; 3—4 — Зеест, 1960, №72; 5 — Зеест, 1960, №86; 6 — Зеест, 1960, №100; 7 — Зеест, 1960, №87; 8—14 — Зеест, 1960, №89; 15, 18 — неопределенного центра; 16—26 — светлоглиняных амфор; 28—29 — амфор причерноморского типа; 30 — Зеест, 1960, №96—97; Фрагменты посуды и др.: 31—43 — красноглиняных сосудов; 44—52, 55 — лепных сосудов; 53 — краснолаковый декорированный сосуд; 54 — боспорского пифоса.

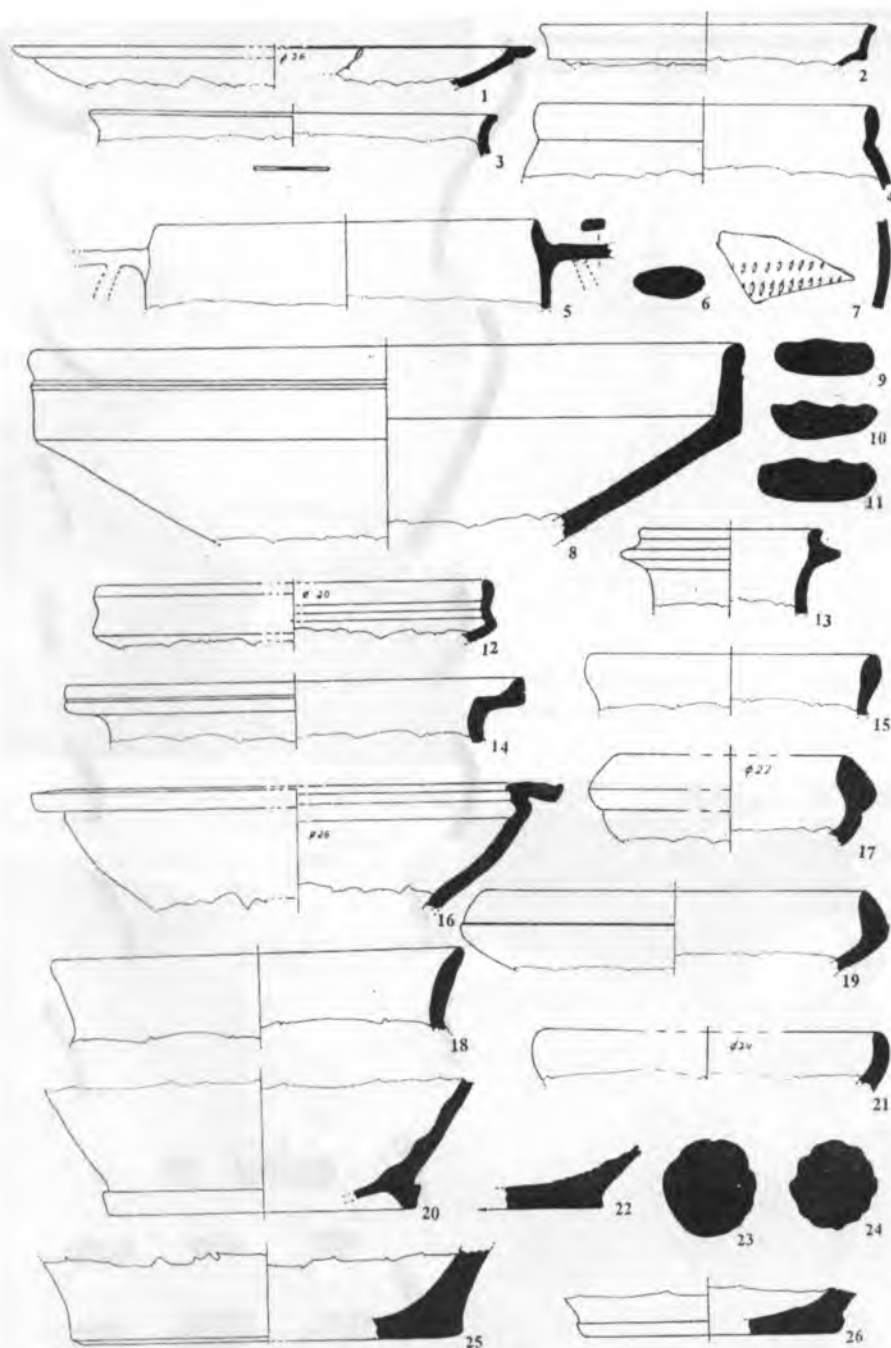

Рис. 49. Цитадель. Зольник. Находки из слоя 7. Фрагменты гончарной посуды.
(1—3,5,7 — краснолаковых; 4,8 — бурого лака; 17,19,20,22,25,26 — боспорского производства).

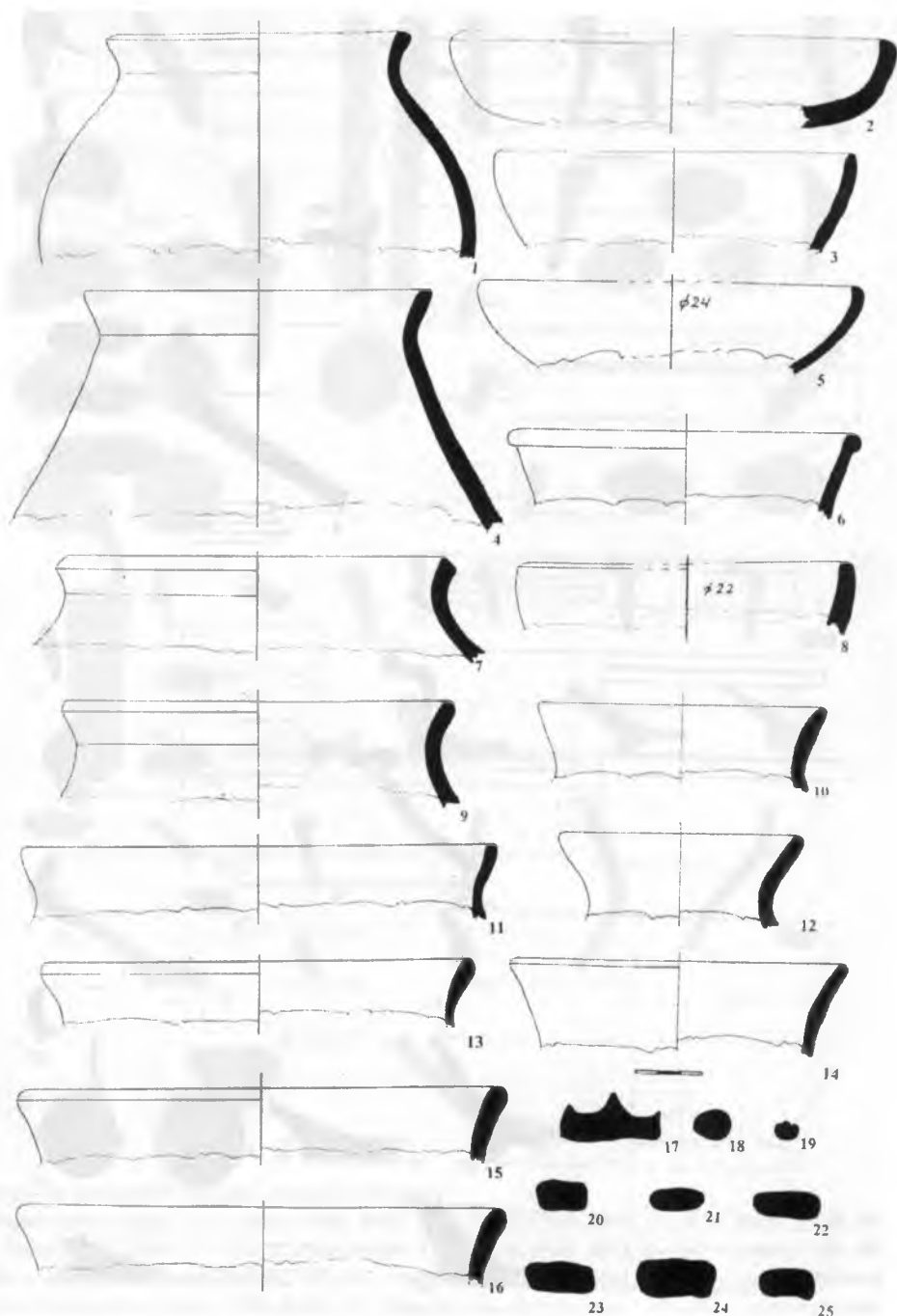

Рис. 50. Цитадель. Зольник. Находки из слоя 7. Фрагменты лепной посуды.

Рис. 51. Цитадель. Оборонительная стена на водоразделе восточного склона г. Опук. Вид с запада (фото автора).

Рис. 51а. Цитадель. Раскопанный участок протейхизмы (фото автора).

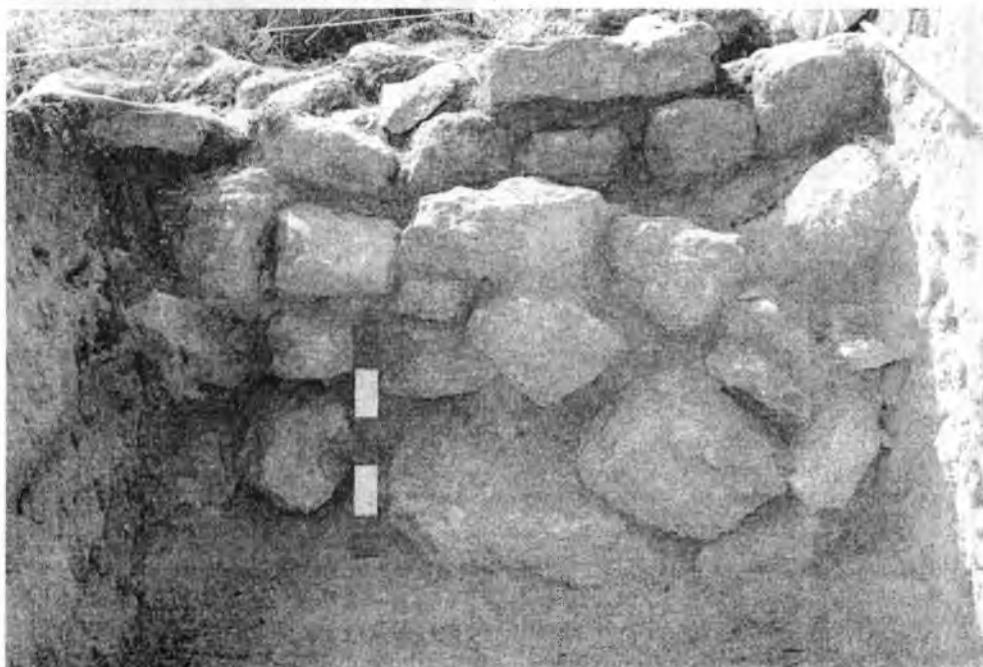

Рис. 52. Цитадель. Стела с рунической надписью и ее открыватели А.В.Джанов и В.К.Голенко.

Условные обозначения: 1 - гумусный слой; 2 - серо-коричневый суглинок; 3 - светло-коричневый предматериковый суглинок.

Рис. 53. Цитадель. Оборонительная стена на водоразделе восточного склона г. Опук. Раскопанный участок стены.

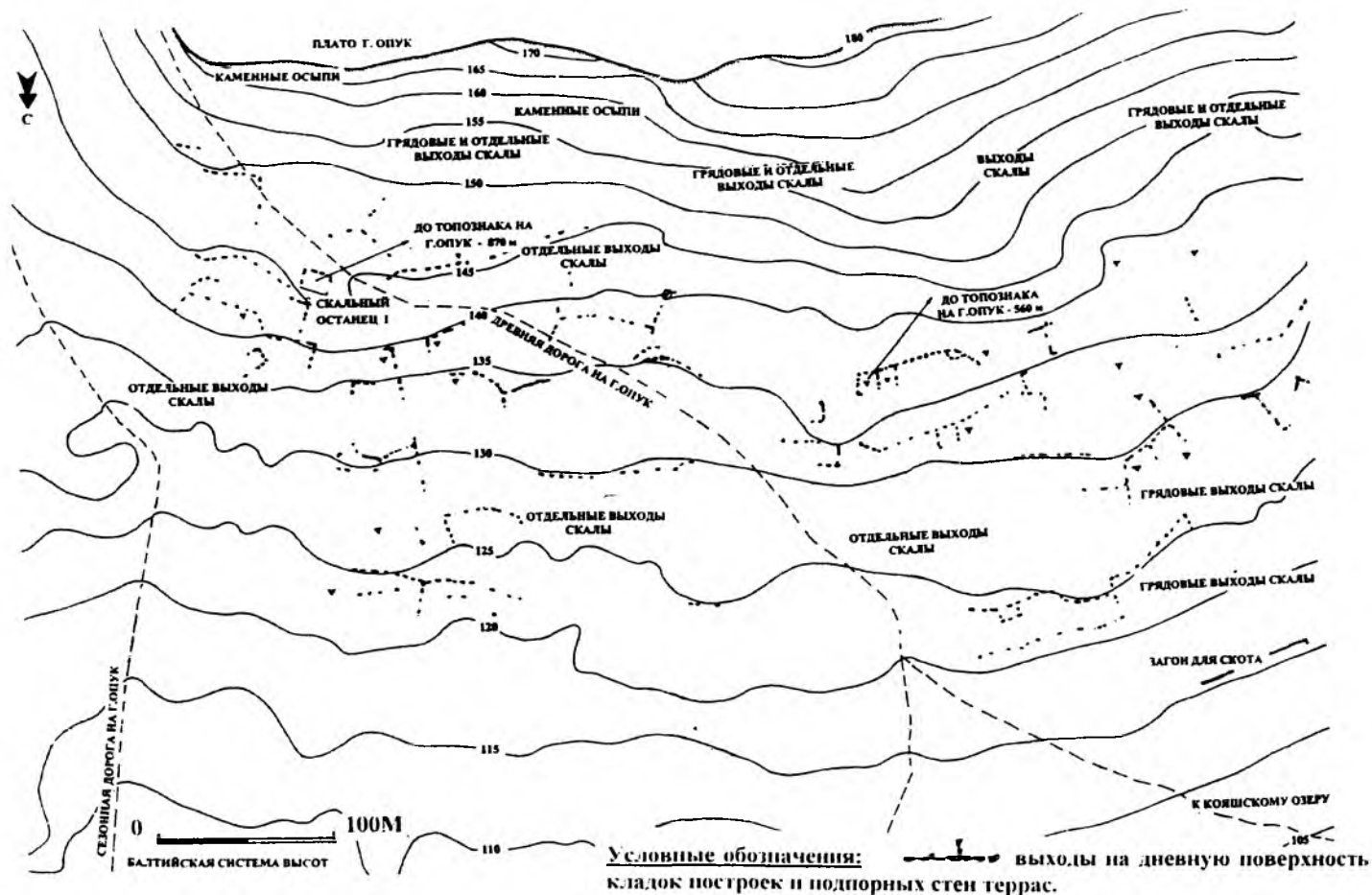

Рис. 54. Топографическая схема антропогенного террасирования северного склона г. Опук (съемка автора).

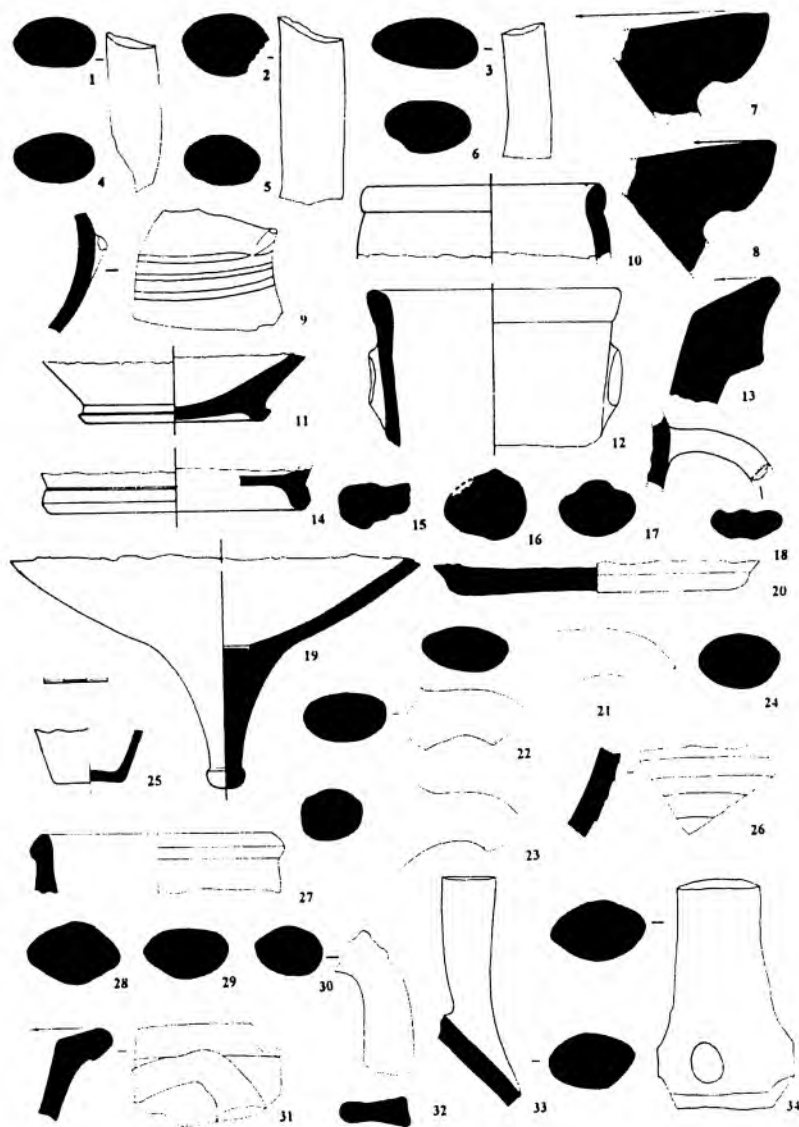

Рис. 55. Подъемный материал с террас северного склона г. Опук.

Материал, собранный вокруг скального останца 1 и террас под ним; фрагменты амфор: 1 — Хиос; 2—3 — Менде; 4 — «круга Фасоса»; 5, 10 — Пантикапей; 6 — Гераклея; 12 — Пепарет; 15 — широкогорлой Азиатского Боспора; 16 — свелоглиняной, тип F; 17 — Херсонес; 18 — типа найденной в Мирмекии; 19 — неопределенного типа; прочие фрагменты: 7—8 — боспорского пифоса; 11 — боспорского кувшина; 13 — синопского лутерия; 14 — красноглиняного кувшина. Материал с террасы 4: 20 — поддон боспорского кувшина; 21 — Гераклея; 22 — Синопа; 23 — Хиос; Терраса 5: 25 — Хиос. Терраса 7: 25 — лепной кувшин; 26 — стенка амфоры с рифлением типа «набегающая волна». Терраса 13: 28 — Менде; 29 — Синопа; 30 — Гераклея; 31 — край синопского лутерия; 32 — ручка лепного кувшина. Терраса 14: 33 — Менде; 34 — Гераклея.

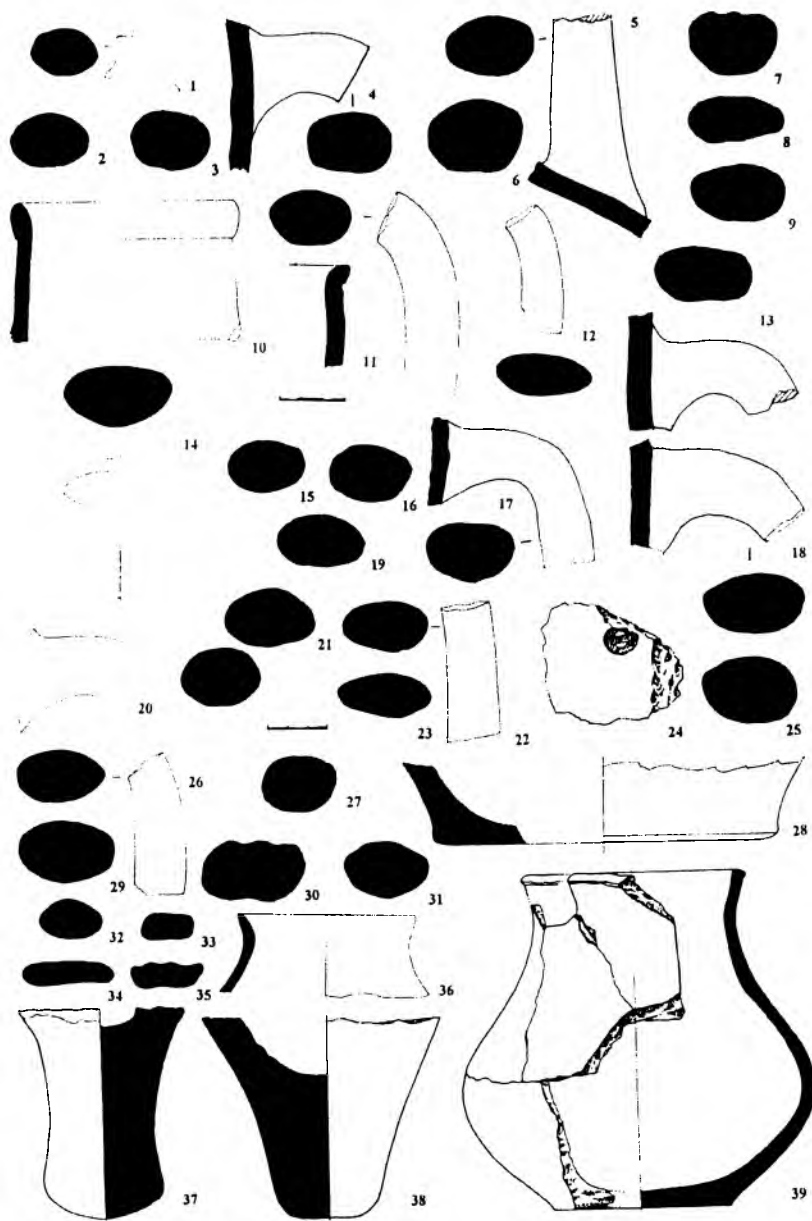

Рис. 56. Подъемный материал с террас северного склона г. Опук.

Фрагменты амфор: 1—5 — Хиос «пухлогорлый»; 11—12 — Хиос с «колпачковыми доньями»; 8—9, 12 — Фасос; 14 — Менде; 13, 15—25 — Гераклея; 16 — Азиатский Боспор (Зеест, 1960, №36); 26—27, 29, 37—38 — Синопа (24 — с дипинти); 30 — амфоры типа найденной в Мирмекии; 31 — «коричневой глины». Гончарная и лепная посуда: 28 — дно боспорского лутерия; 32—35 — ручки кувшинов; 36, 39 — фрагменты лепных горшков.

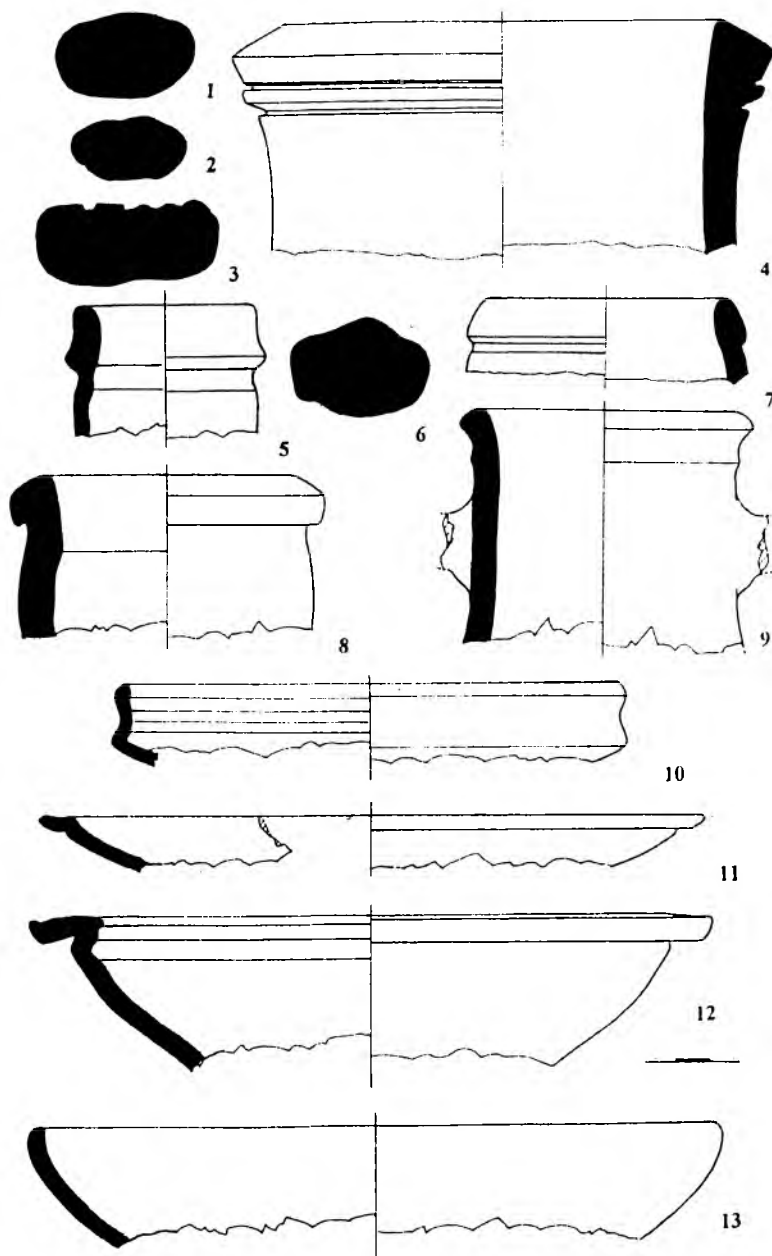

Рис. 57. Подъемный материал с террас северного склона г. Опук.

Фрагменты амфор: 1 — с конусовидным дном; 2, 8 — Азиатского Боспора (Зеест, 1960, №86); 3 — широкогорлой (Зеест, 1960, №96—97); 4 — с желобчатым венцом (Зеест, 1960, №80); 6 — с вытянутым корпусом (Зеест, 1960, №99); 7 — светлоглиняной, тип F; 9 — причерноморской амфоры. Фрагменты посуды: 5 — венчик красноглиняного кувшина; 10 — тарелки тонкой оранжевой глины; 11, 12 — краснолаковой тарелки; 13 — лепной миски.

Рис. 58. Северный террасированный склон г. Опук. Вид с севера (фото автора).

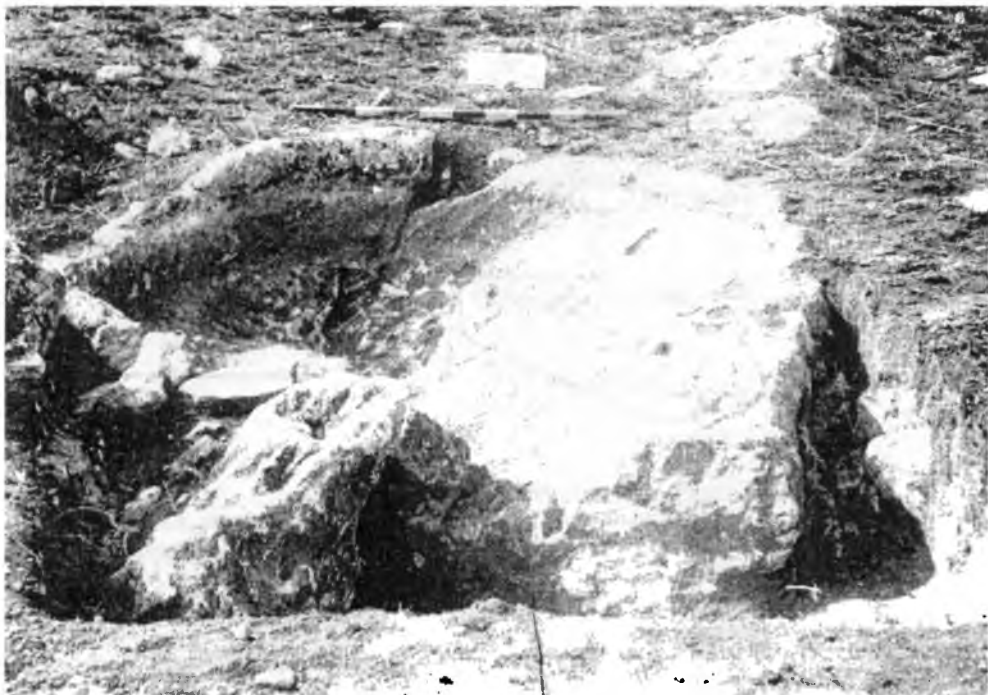
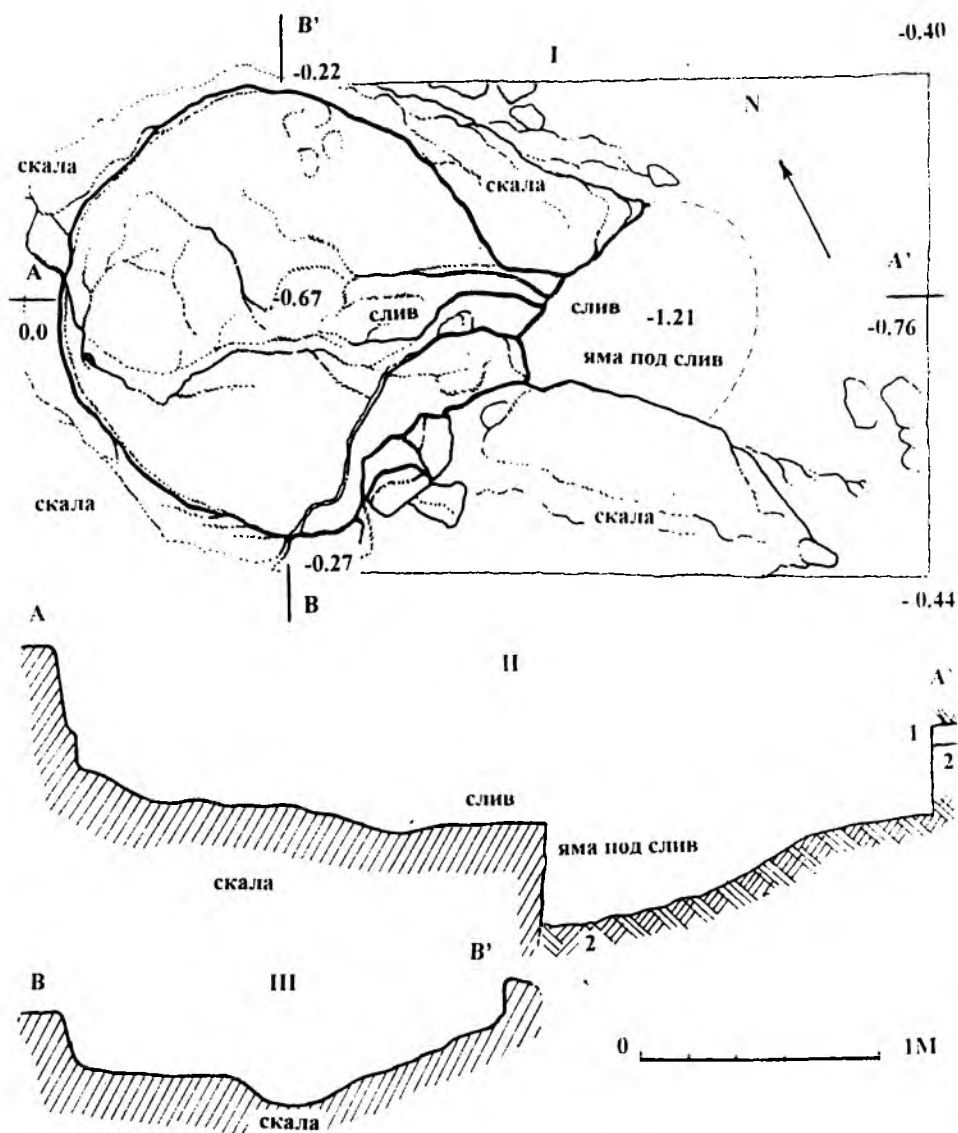

Рис. 59. Вид с юго-востока на давяльную площадку на восточном склоне г. Опук (фото автора)

Условные обозначения:

1 - гумусный слой; 2 - серо-коричневый суглинок; 3 - материковый светло-коричневый суглинок с известняковой крошкой; I - план площадки и раскопа (шурфа); II - разрез по линии A-A' (по ложу слива); III - разрез по линии B-B'

Рис. 60. Давильная площадка на восточном склоне г. Опух. План и разрезы.

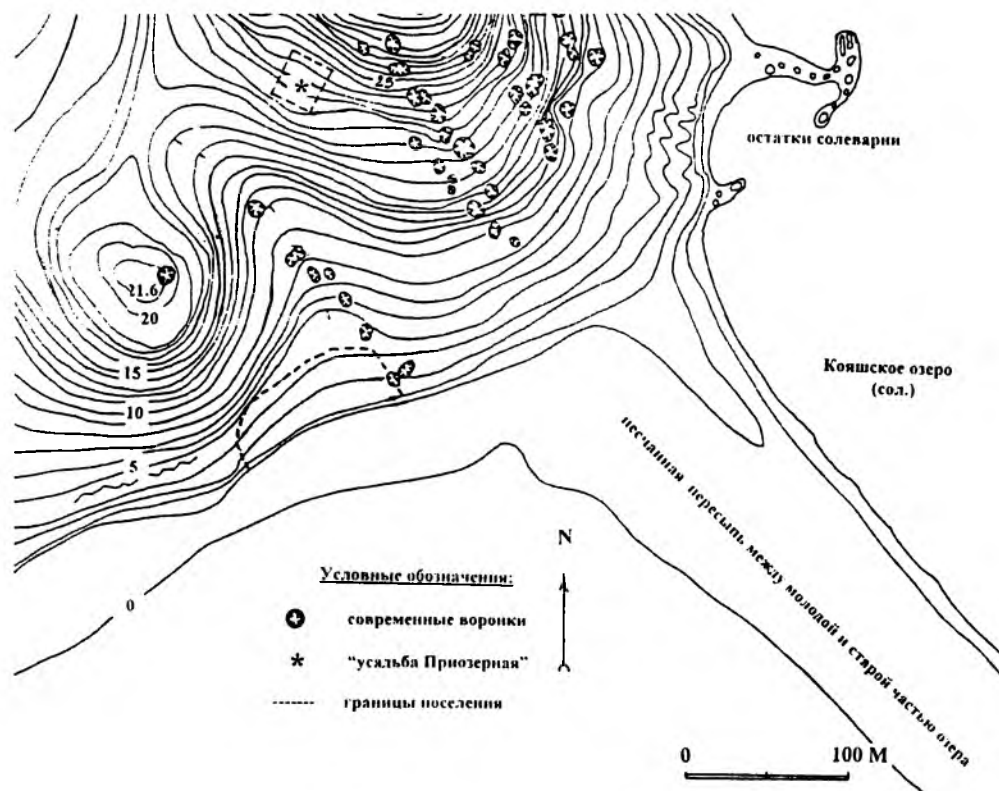

Рис. 63. Кояшское озеро. Гора Приозерная. Топографический ситуационный план стоянки «Приозерная».

Рис. 64. Кояшское озеро. Гора Приозерная. Абрадирующая терраса южного склона со стоянкой «Приозерная». Вид с запада (фото автора).

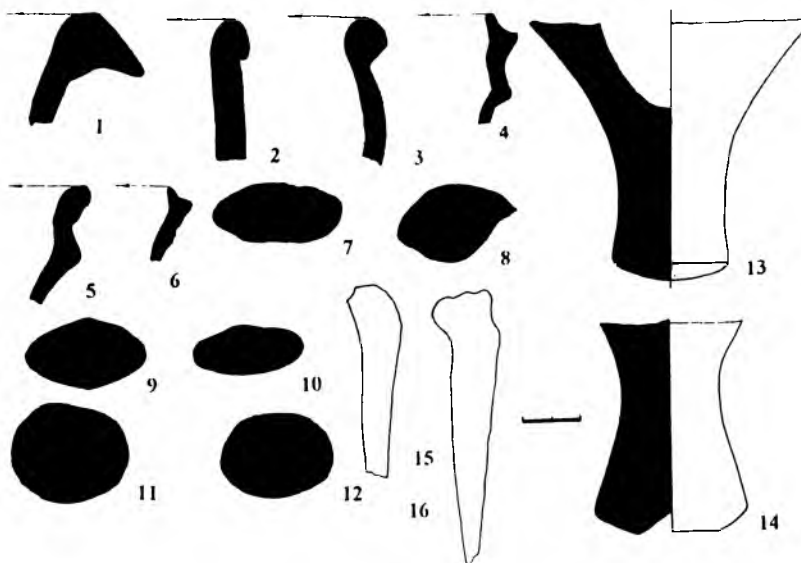

Рис. 64 а. Образцы находок из раскопок поселения «Кояшское северное». Фрагменты амфор: 1 – Солоха I; 2, 13 – Синопа; 3 – Хиос; 7-8 – Менде; 9, 14 – Гераклея; 10 – Фасос; 11-12 – Хиос с т.н. «колпачковыми доньями»; прочие: 4-6 – фрагменты кувшинов; 15-16 – костяные проколки.

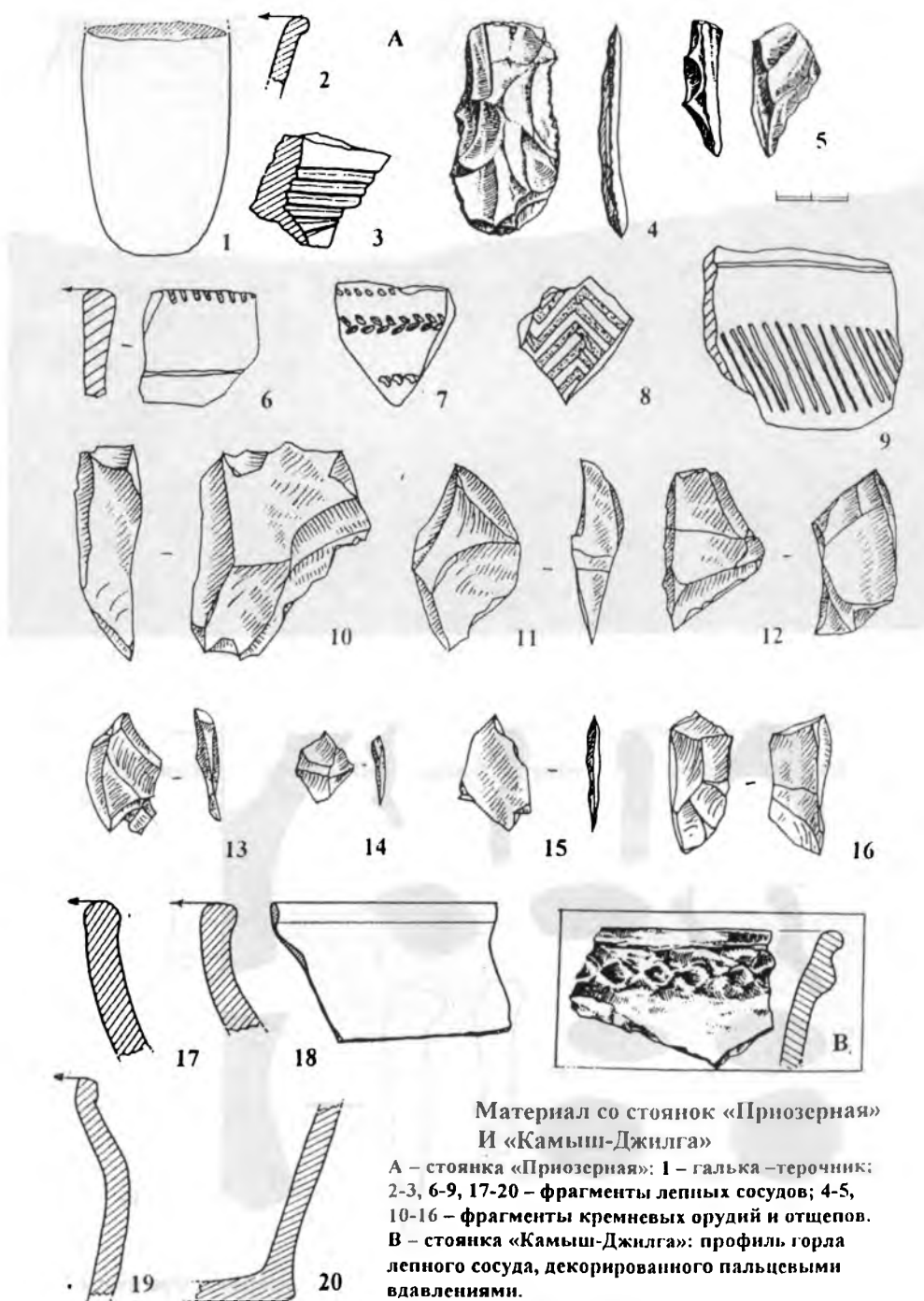

Рис. 65. Находки со стоянок «Приозерная» и «Камыш-Джилга».

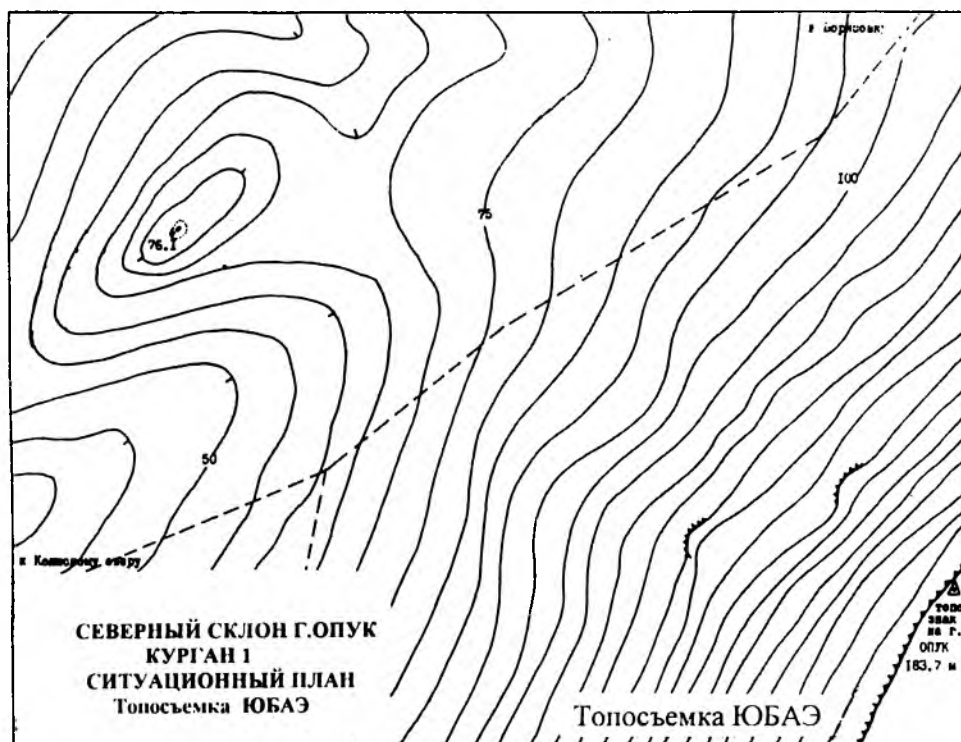

Рис. 66. Ситуационный топографический план кургана №1 на северном склоне г. Опук (топографическая съемка Южно-Боспорской археологической экспедиции).

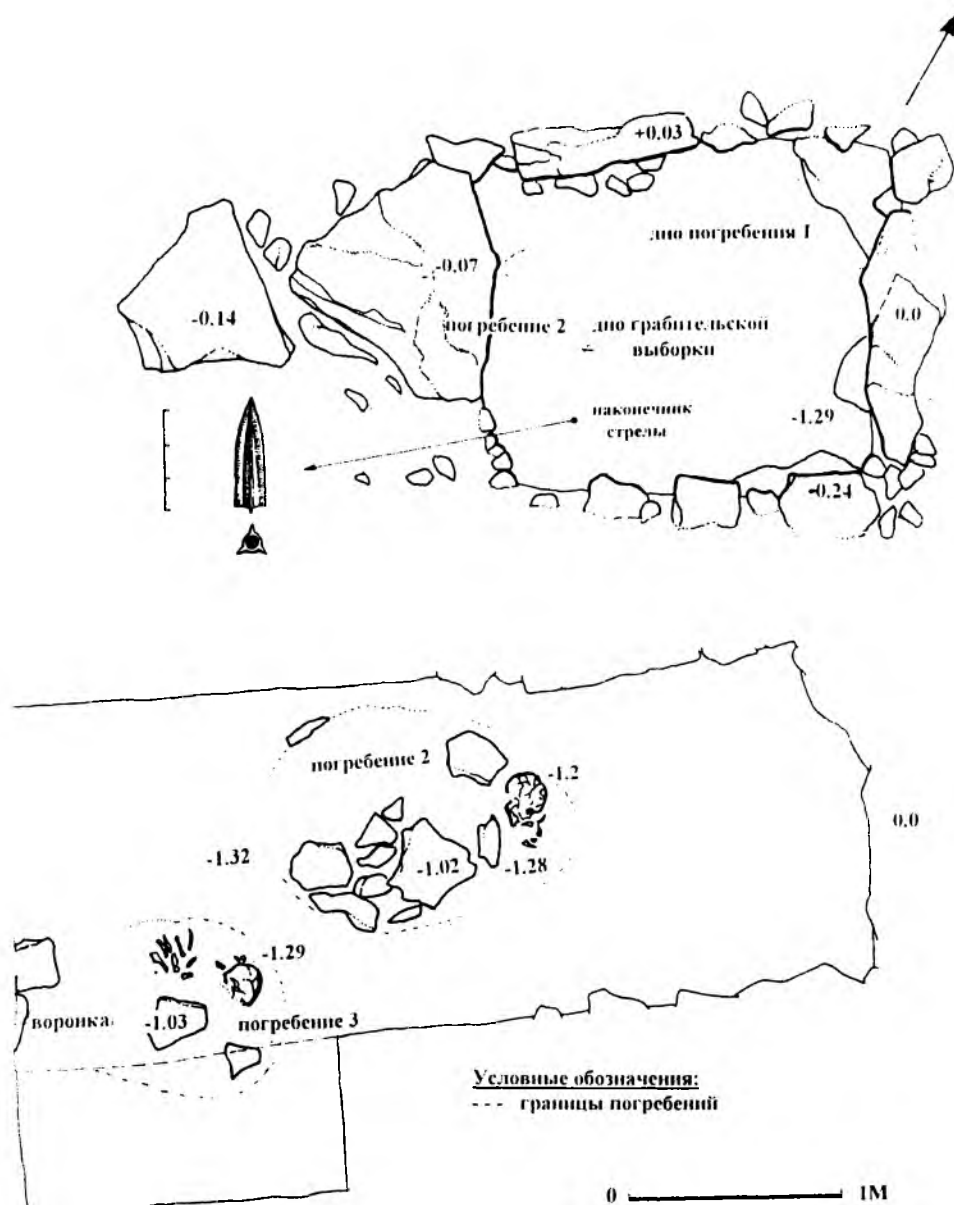
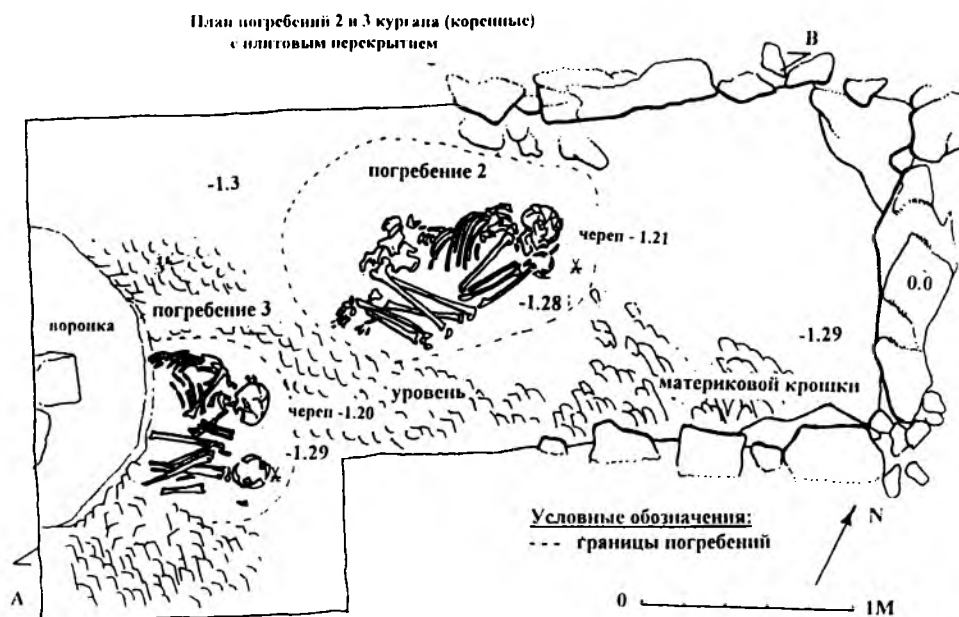

Рис. 67. Северный склон г. Опук. Курган №1. План «каменного ящика» и погребений эпохи поздней бронзы.

Разрез кургана по линии 1-1'

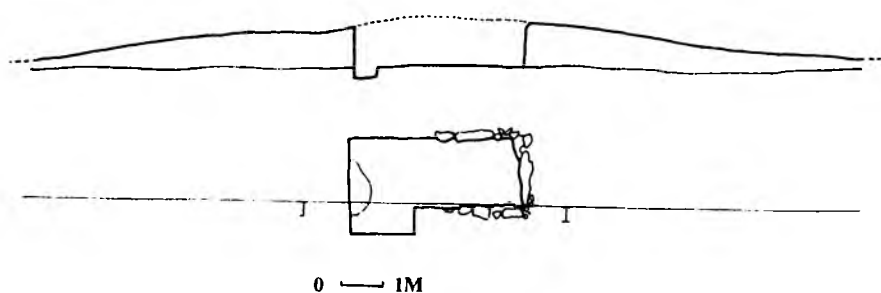

Рис. 68. Северный склон г. Опук. Курган №1. План коренных погребений эпохи поздней бронзы и разрез кургана.

Рис. 69. Северный склон г. Опук. Курган №1. Вид с востока на впускной «каменный ящик» (фото автора).

Рис. 70. Северный склон г. Опук. Курган №1. Коренное погребение 3 эпохи поздней бронзы, разрушенное воронкой военного времени (фото автора).

Рис. 71. Северный склон г. Опук. Курган №1. Коренное погребение 2 эпохи поздней бронзы (фото автора).

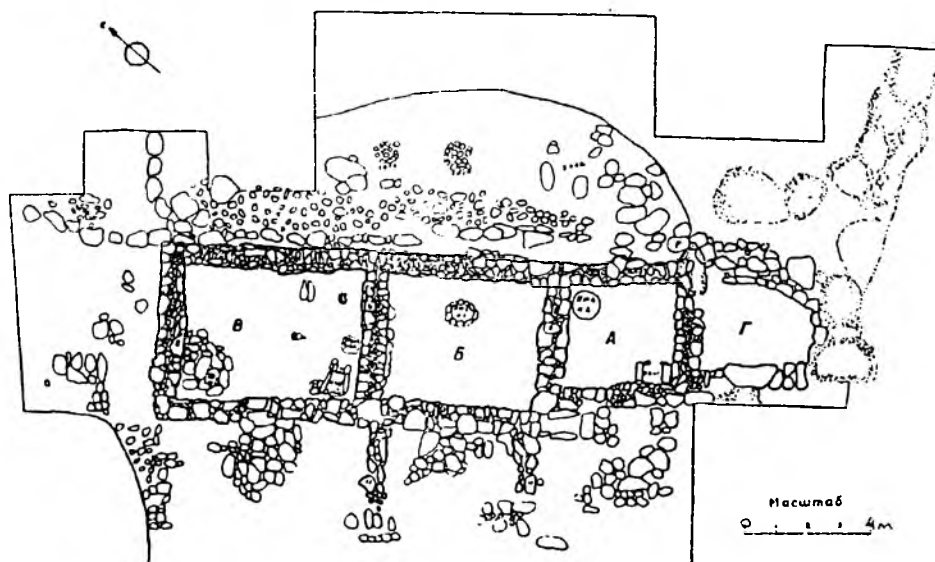

Рис. 72. План раскопа «Холм А» (раскопки И.Т.Кругликовой).

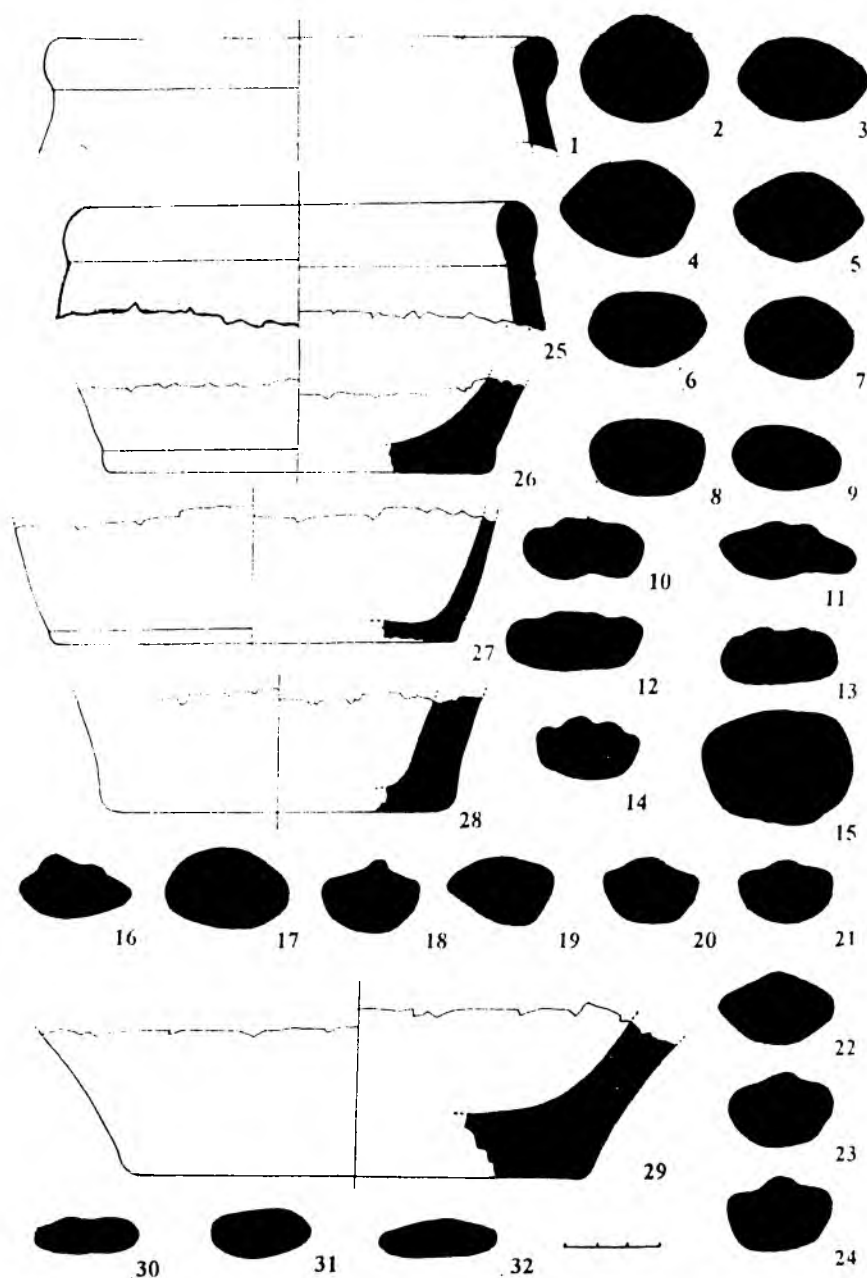

Рис. 73. Южный склон г. Опук. Поселение «Под источником». Подъемный материал.

Фрагменты амфор: 1—2, 8—9 — Синопа; 3—7 — Гераклея; 10 — типа Зеест, 1960, №72; 11 — 77; 12—14 — 86; 15 — 83; 16 — светлоглиняной; 17 — светлоглиняной с воронкообразным горлом; 18—24 — причерноморского типа; 25 — красноглиняной неопределенного центра. Фрагменты красноглиняных кувшинов: 26 — 32 (26, 29 — Боспор; 28 — Синопа).

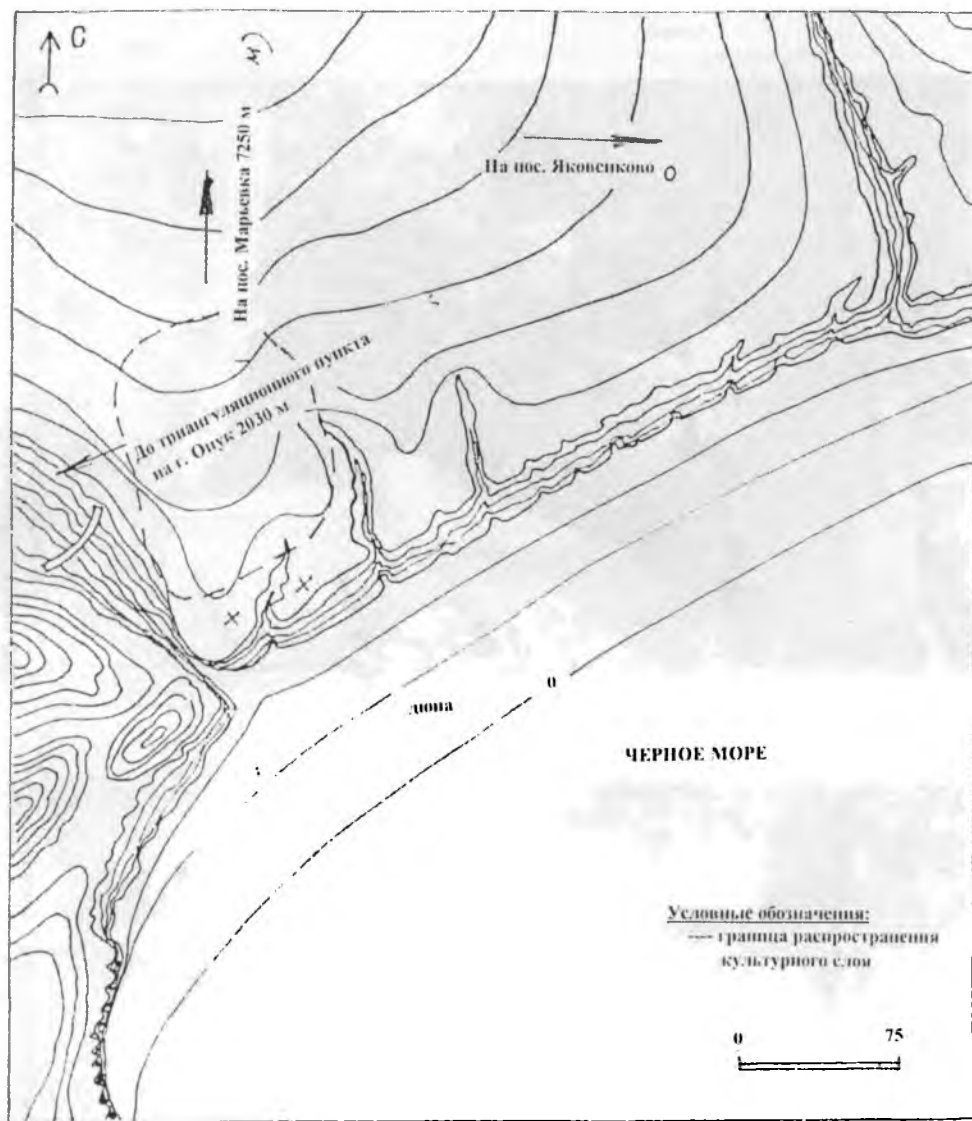

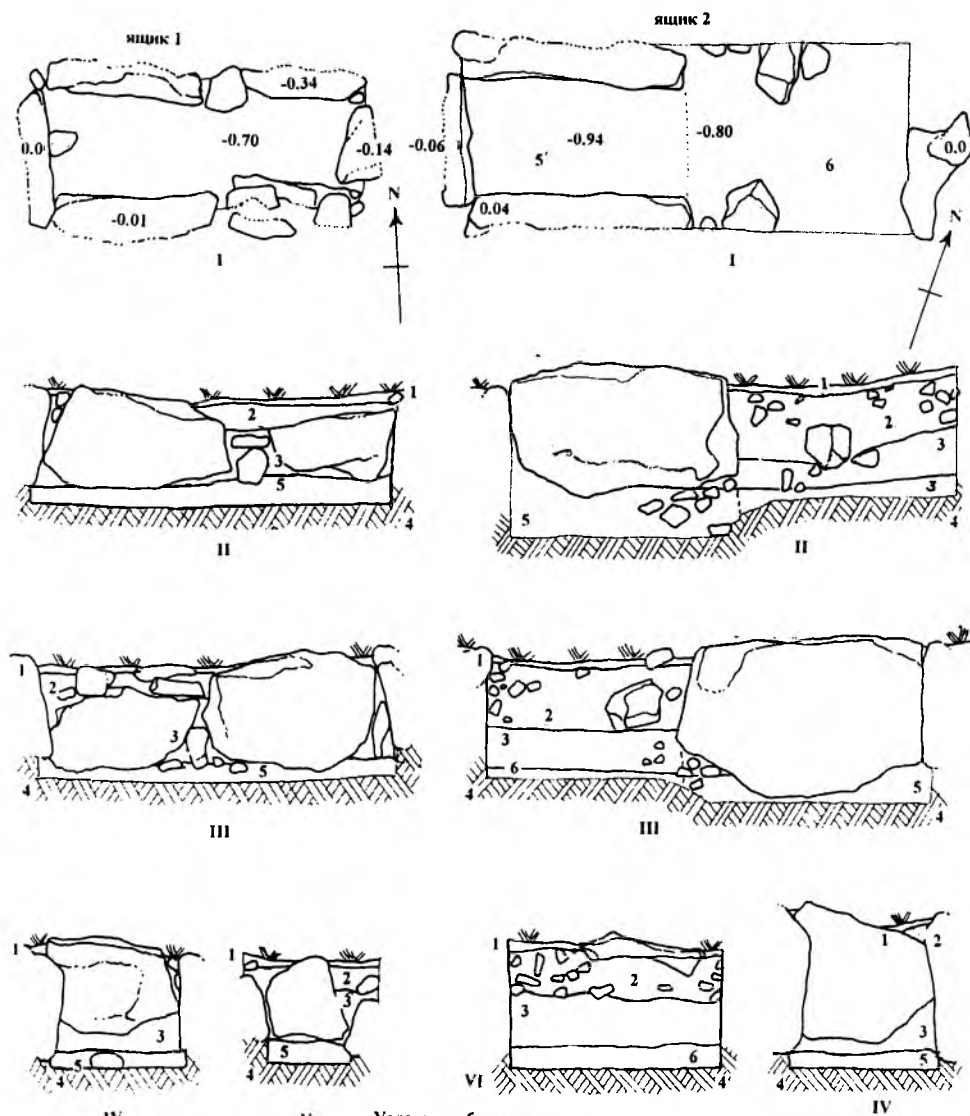
Рис. 74. Юго-восточный склон г. Опуок. Топографическая ситуационная схема поселения «Опуокское восточное» (составлена автором).

Рис. 75. Восточный склон г.Опук. Вид с востока на «каменный ящик» 1 (фото автора).

Рис. 76. Восточный склон г. Опук. Вид с запада на «каменный ящик» 2 (фото автора).

Условные обозначения:

1 - гумусный слой; 2 - серо-коричневый суглинок; 3 - светло-коричневый (предматериковый) суглинок; 4 - материковый светло-коричневый суглинок с известковой крошкой; 5 - прокоп дна погребения; 6 - уровень дна грабительского шурфа; I - планы «каменных ящиков»; II - северные стенки (и сев. борт шурфа) ящиков; III - южные стенки (и южн. борт шурфа) ящиков; IV - западные стенки ящиков; V - восточная стенка ящика; VI - восточный борт шурфа

Рис. 77. Восточный склон г. Опок. «Каменные ящики» 1 и 2. Планы, фасировки и профили.

Рис. 139. Урочище Тюльпан. Долина Кызаульского маяка. Вид с запада на поселение «Кызаульский маяк» (фото автора).

Рис. 78. Распашка культурного слоя поселения «Кызаульский маяк» и валообразное поднятие. Вид с запада (фото автора).

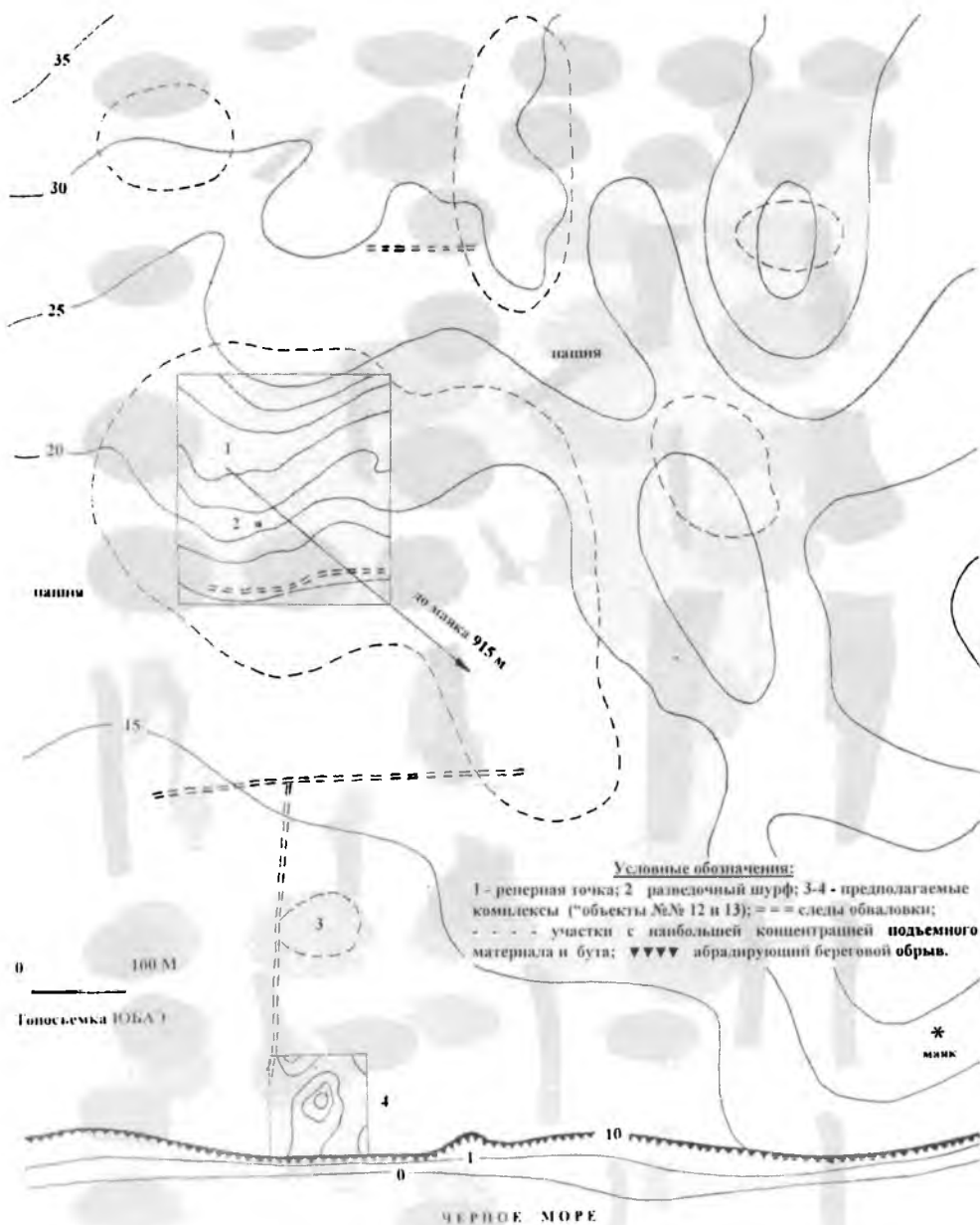

Рис. 79. Долина Кызаульского маяка. Топографическая схема центральной и прибрежной частей поселения «Кызаульский маяк» (топографическая съемка Южно-Боспорской археологической экспедиции).

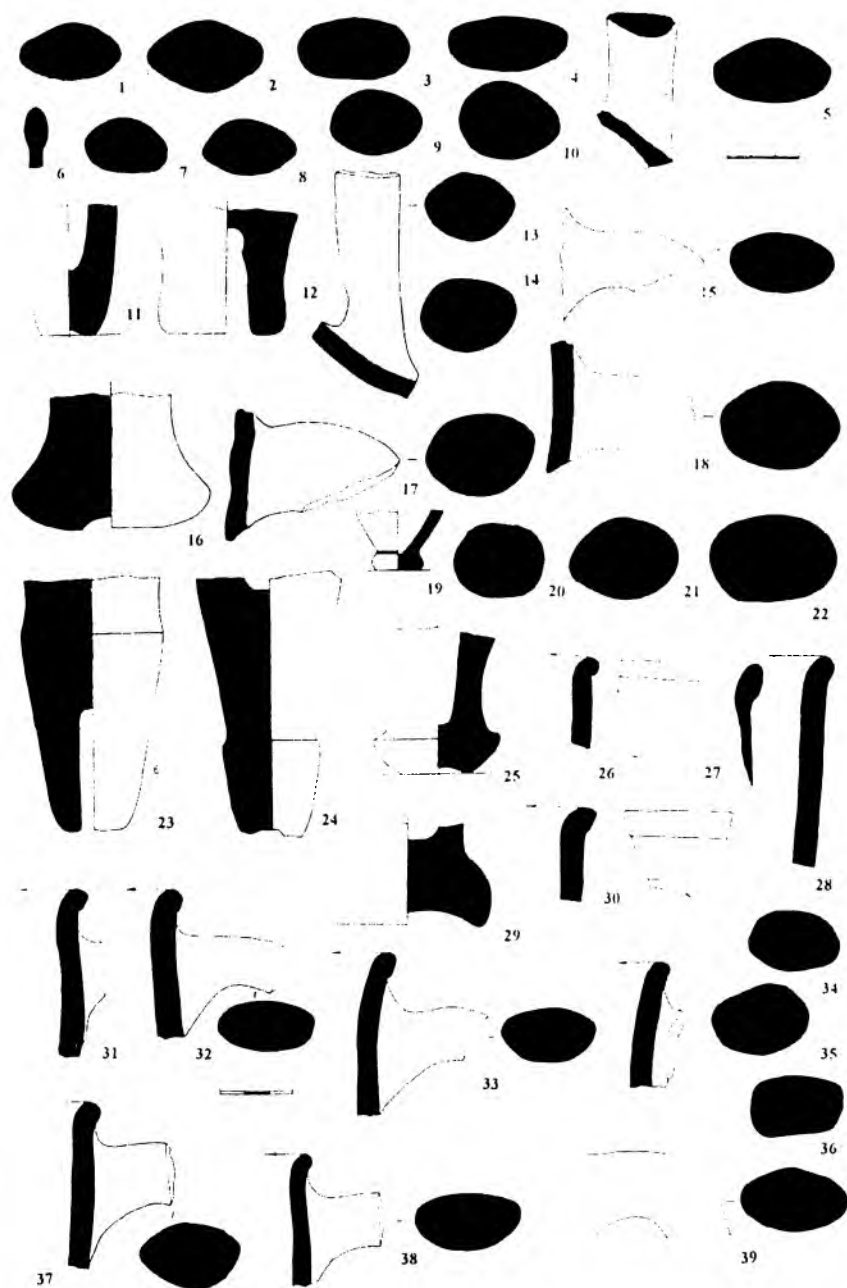

Рис. 80. Подъемный материал с поселения «Кызаульский маяк». Восточная и центральная часть долины.

Фрагменты амфор: 1—4, 16 — Менде; 5—15, 17—18, 20—24 — Хиос (12 — пухлогорлый); 25 — типа Солоха I; 27—28, 30—39 — Гераклея. 19 — донце кувшина, Хиос.

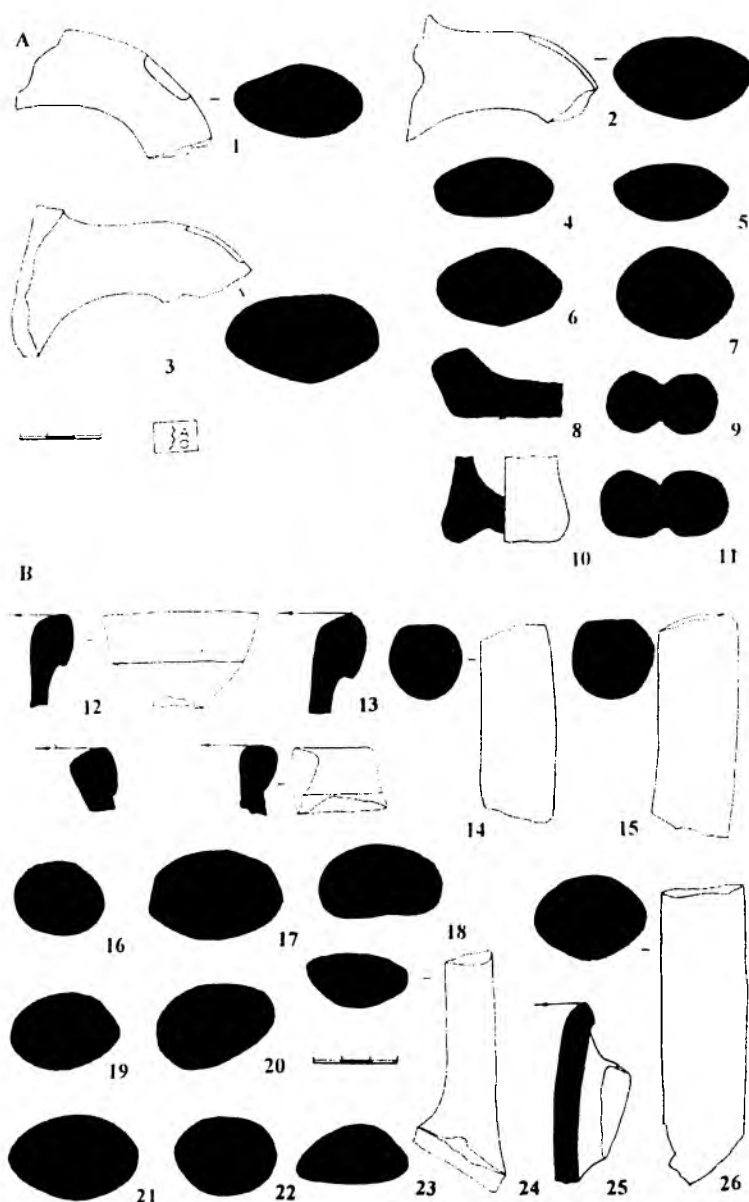

Рис. 81. Подъемный материал с поселений долины Кызаульского маяка.

А. Центральная и восточная часть долины («объект № 8»), фрагменты амфор: 1—3 — клеймены ручки амфор Родоса, Синопы и Книда (?) (см. текст); 4 — Менде; 5—6 — Хиос; 7 — Синопа; 9—11 — Кос; 12 — светлоглиняной; 8 — фрагмент боспорской архитектурной терракоты. В. Западная часть долины («объект № 9»), фрагменты амфор: 12—13 — т.н. «протофасосские»; 14—15 — Лесбос (к); 16—17 — Хиос, «пухлогорлые»; 18, 23—24 — Фасос; 19—22, 26 — Хиос, с «колпачковыми доньями»; 25 — Синопа.

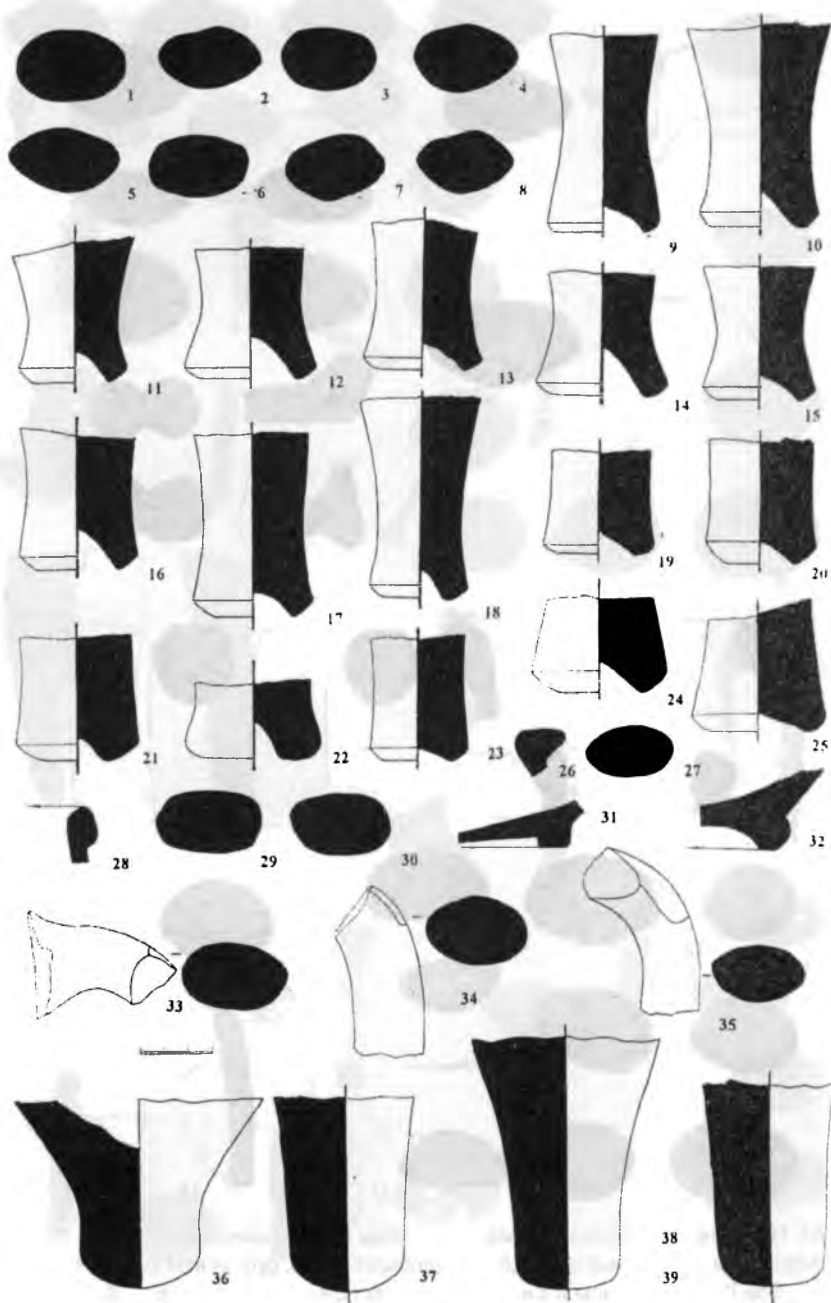

Рис. 82. Подъемный материал с поселения «Кызаульский маяк». Центральная часть долины.
 Фрагменты амфор: 1—8, 9—25 — Гераклея; 26 — типа Солоха I; 27 — Пантикапей; 28—30, 33—39 — Синопа. Фрагменты синопских лутериев — 31—32.

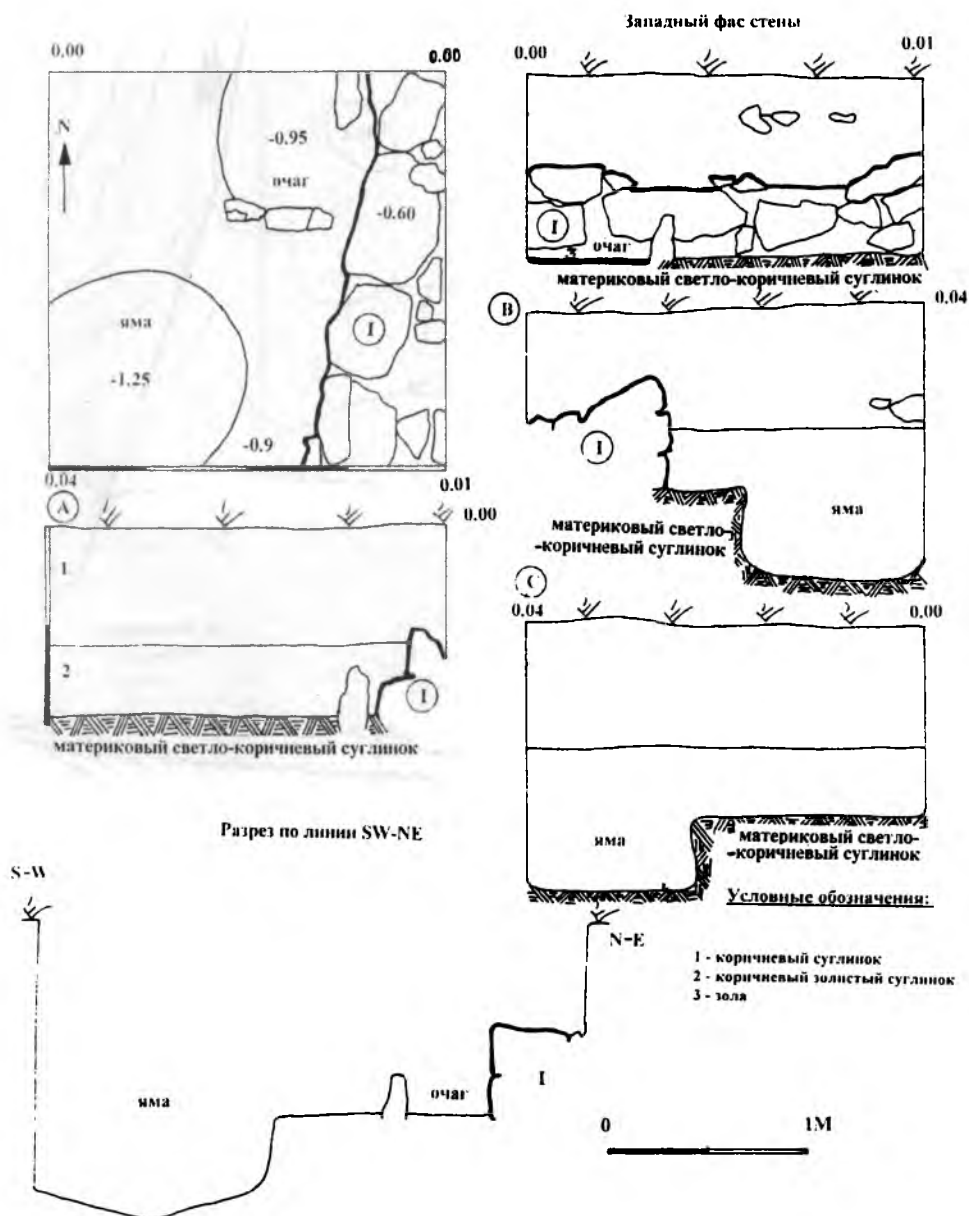

Рис. 83. Долина Кызаульского маяка. Разведочный шурф на центральной части поселения «Кызаульский маяк».

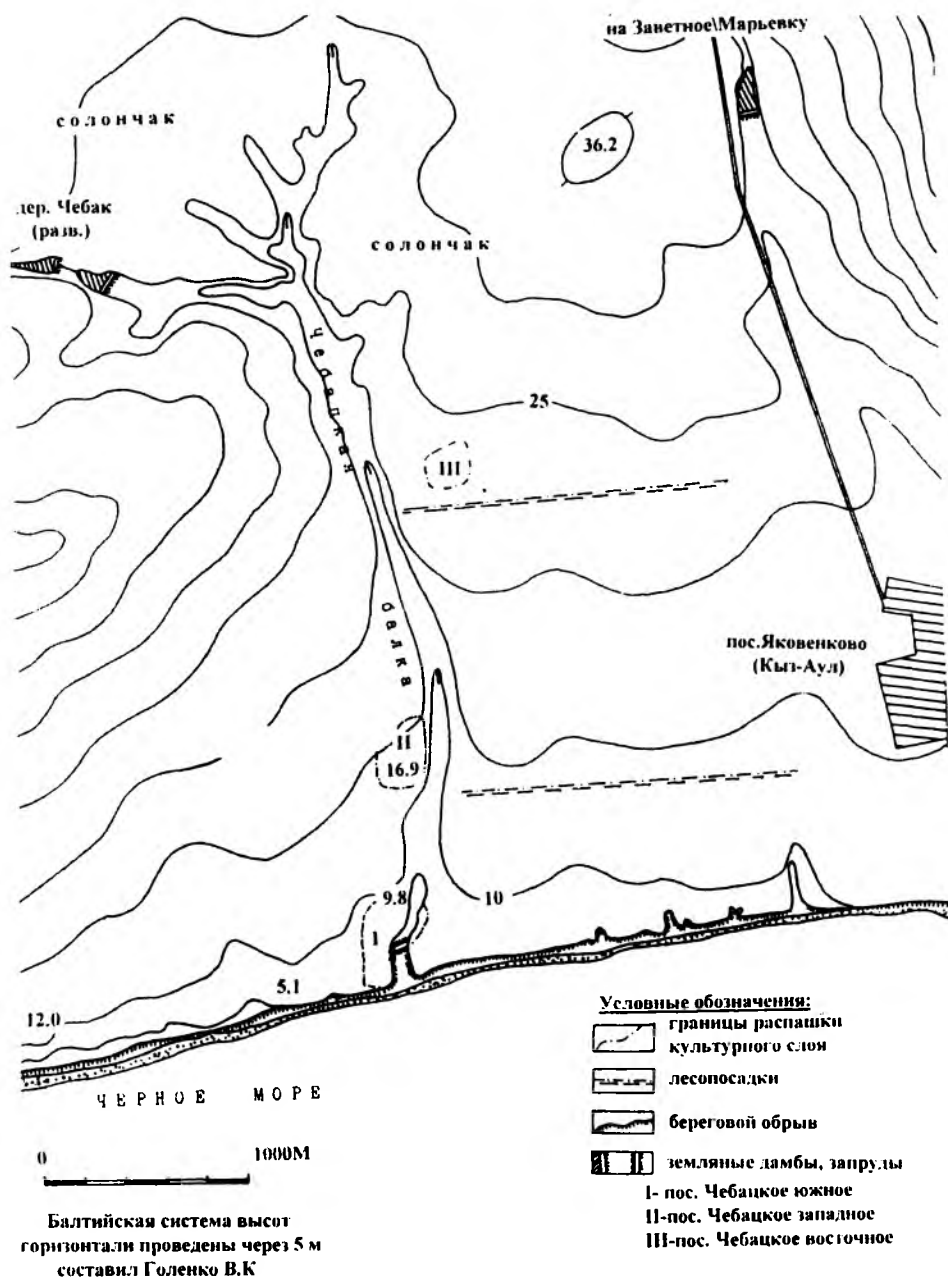

Рис. 84. Побережье между г. Опух и Кызаульским маяком. Ситуационная топографическая схема античных поселений Чебацкой балки (составлена автором).

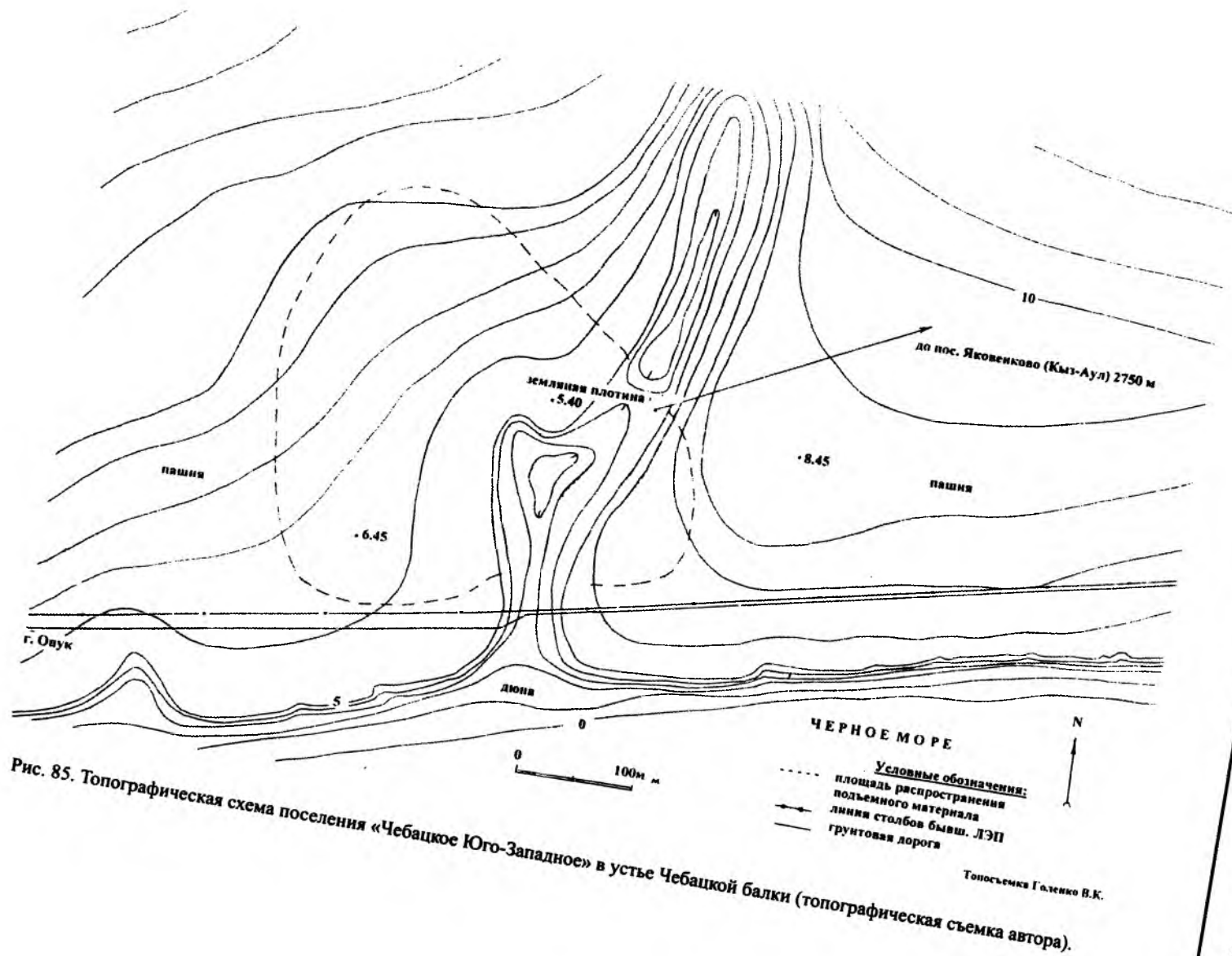

Рис. 85. Топографическая схема поселения «Чебацкое Юго-Западное» в устье Чебацкой балки (топографическая съемка автора).

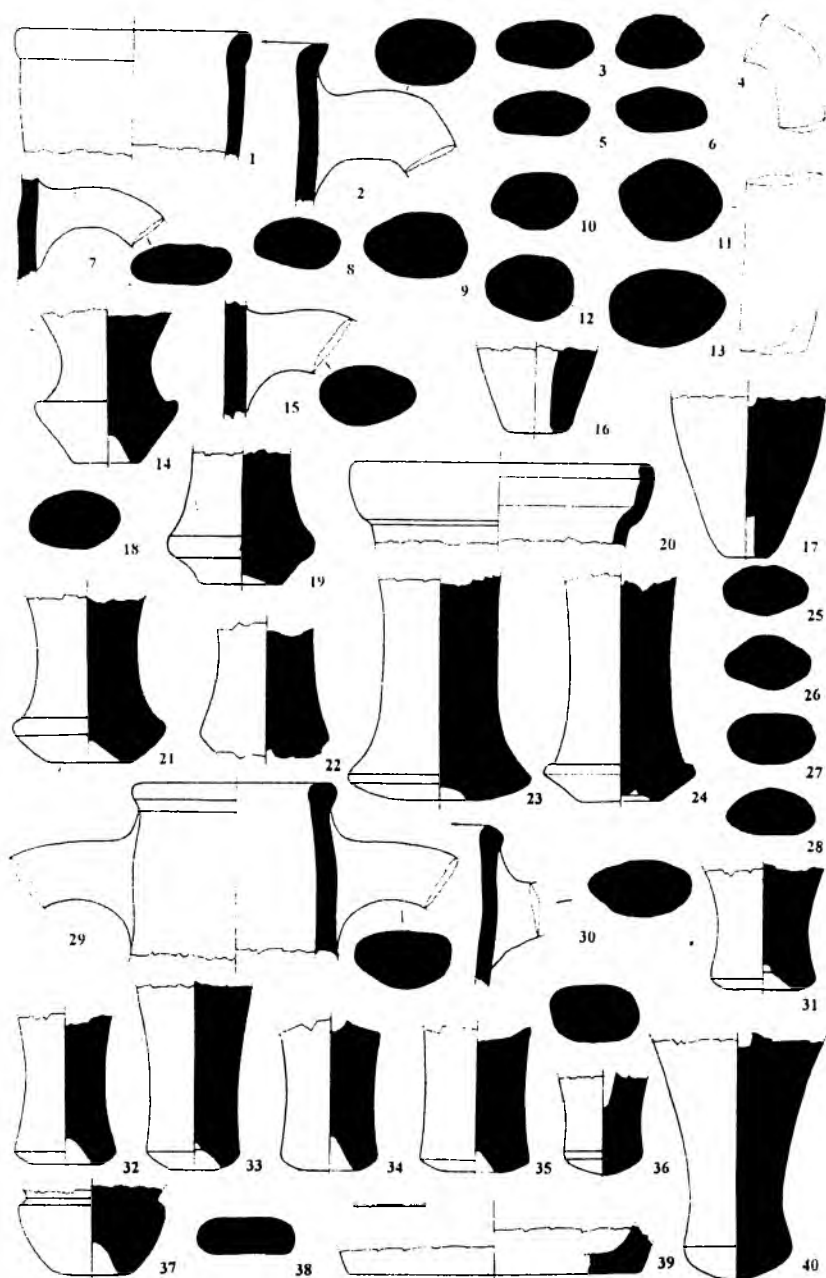

Рис. 86. Подъемный материал с поселения «Чебацкое Юго-Западное».

Фрагменты амфор: 1—2 — Хиос, с венцом декорированным полосой лака; 3—17, 19—20 — Хиос; 18 — Лесбос (к); 21—22 — Фасос; 23—24 — Менде; 25—35 — Гераклея; 36, 40 — Синопа; 37 — типа Солоха I. Фрагменты посуды: 38 — ручка херсонесского кувшина; 39 — донце лепного кувшина.

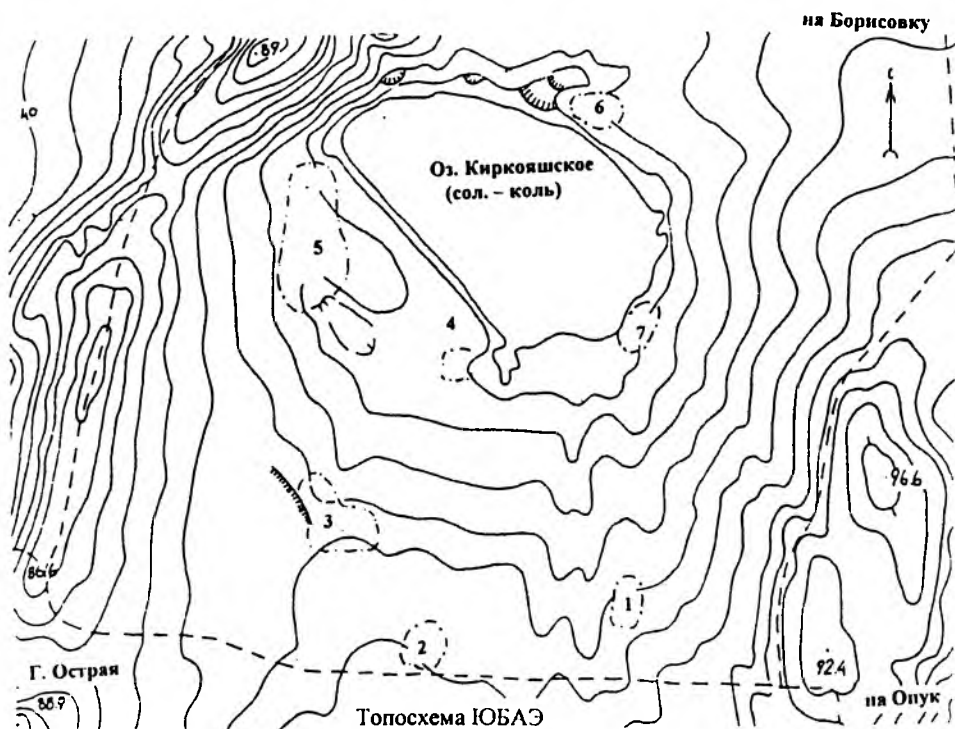

Рис. 87. Топографическая ситуационная схема эллинистических и раннесредневековых селищ котловины Киркояшского соленого озера.

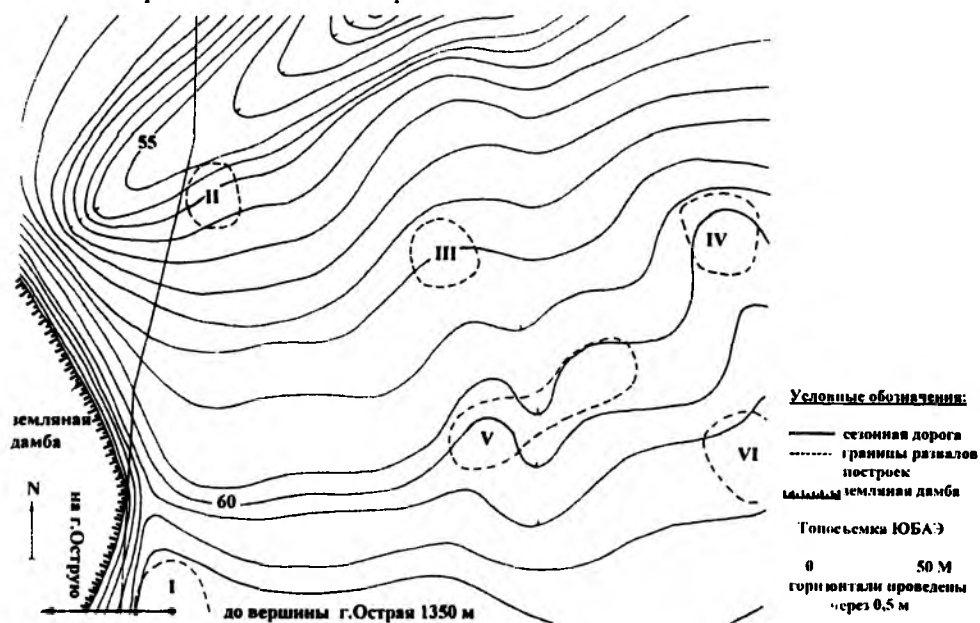

Рис. 87а. Центральная часть поселения Киркояшское юго-западное.

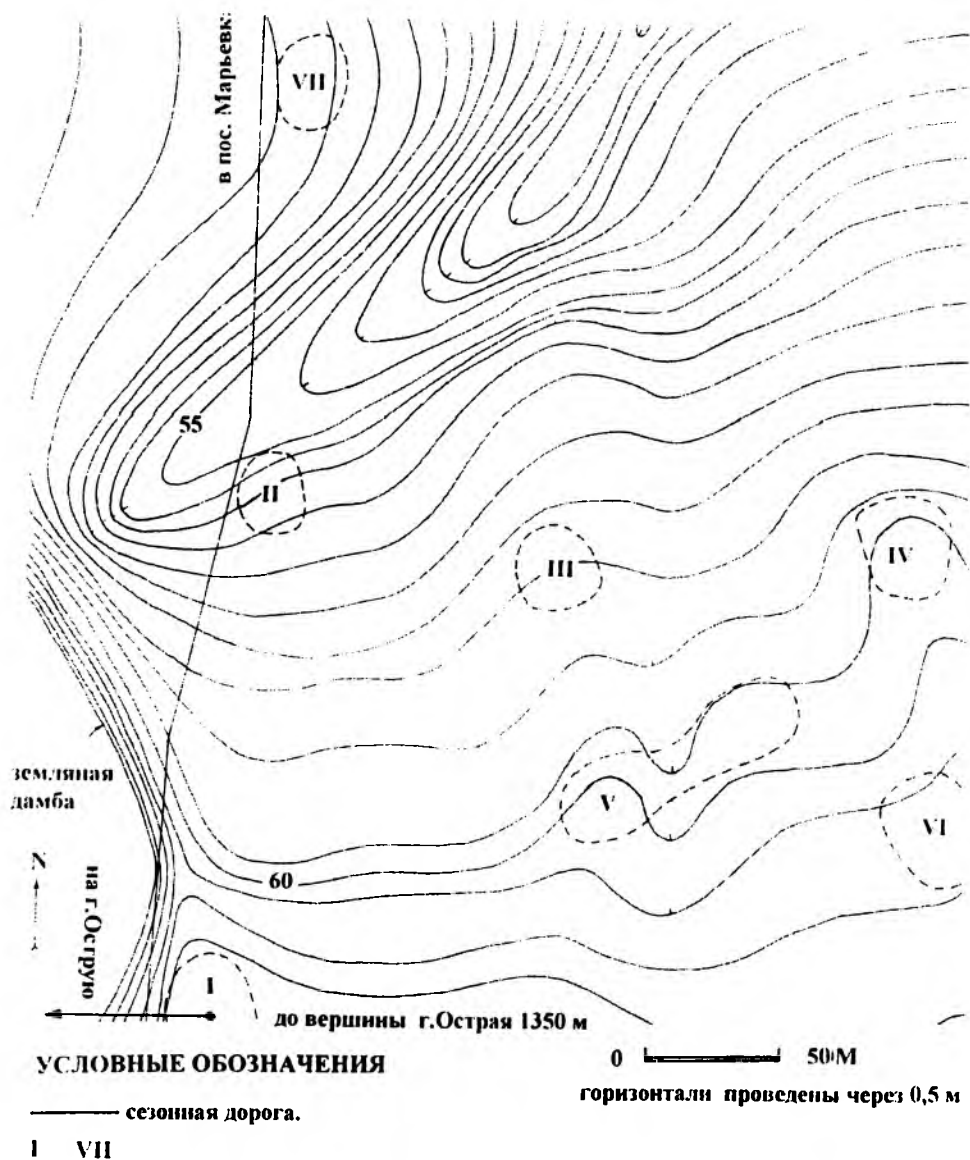

Рис. 88. Топографический план поселения «Кыркояшское юго-западное» (топографическая съемка Южно-Боспорской археологической экспедиции).

Рис. 89. Панорама котловины Кыркойашского соленого озера. Вид с юго-востока (фото автора).

Рис. 89а. Вид с востока на городище Киммерик.

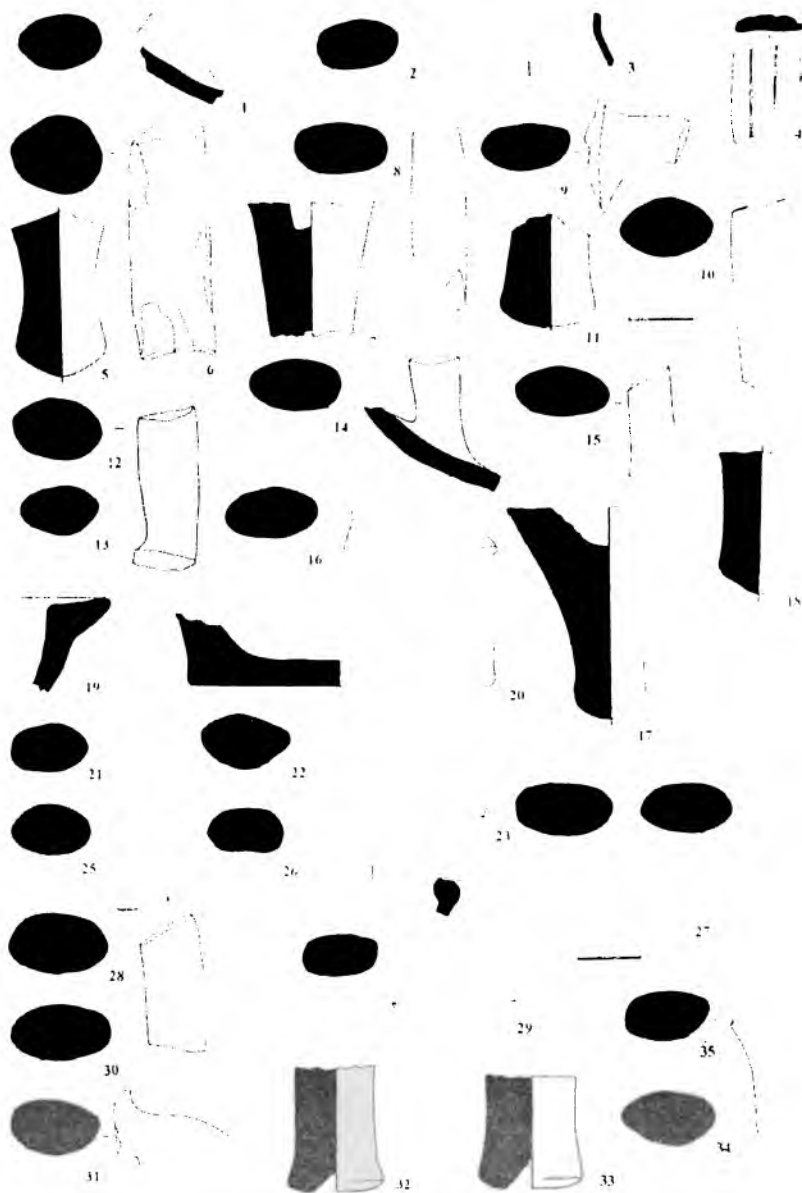

Рис. 90. Подъемный материал с поселения «Кыркояшское юго-западное».

Постройка 1: 1—2 — ручки амфор (Хиос, Синопа); 3 — стенка кувшина желтоватой глины с светло-красным ангобом; 4 — ручка кувшина красной глины. Постройка 2, фрагменты амфор: 5 — Синапа; 6 — Хиос, с «колпачковыми доньями»; 7—8 — Гераклея. Постройка 3: 9—10 — фрагменты гераклейских амфор. Постройка 4: 11—14 — фрагменты синопских амфор. Постройка 5: 15—18 — фрагменты синопских амфор; 20 — поддон боспорского кувшина. Постройка 6, фрагменты амфор: 21 — Фасос; 22 — «круга Фасоса»; 23—24 — Менде; 25, 27, 29, 32—33 — Гераклея; 26, 28 — Пепарет; 30—31, 34 — Синопа.

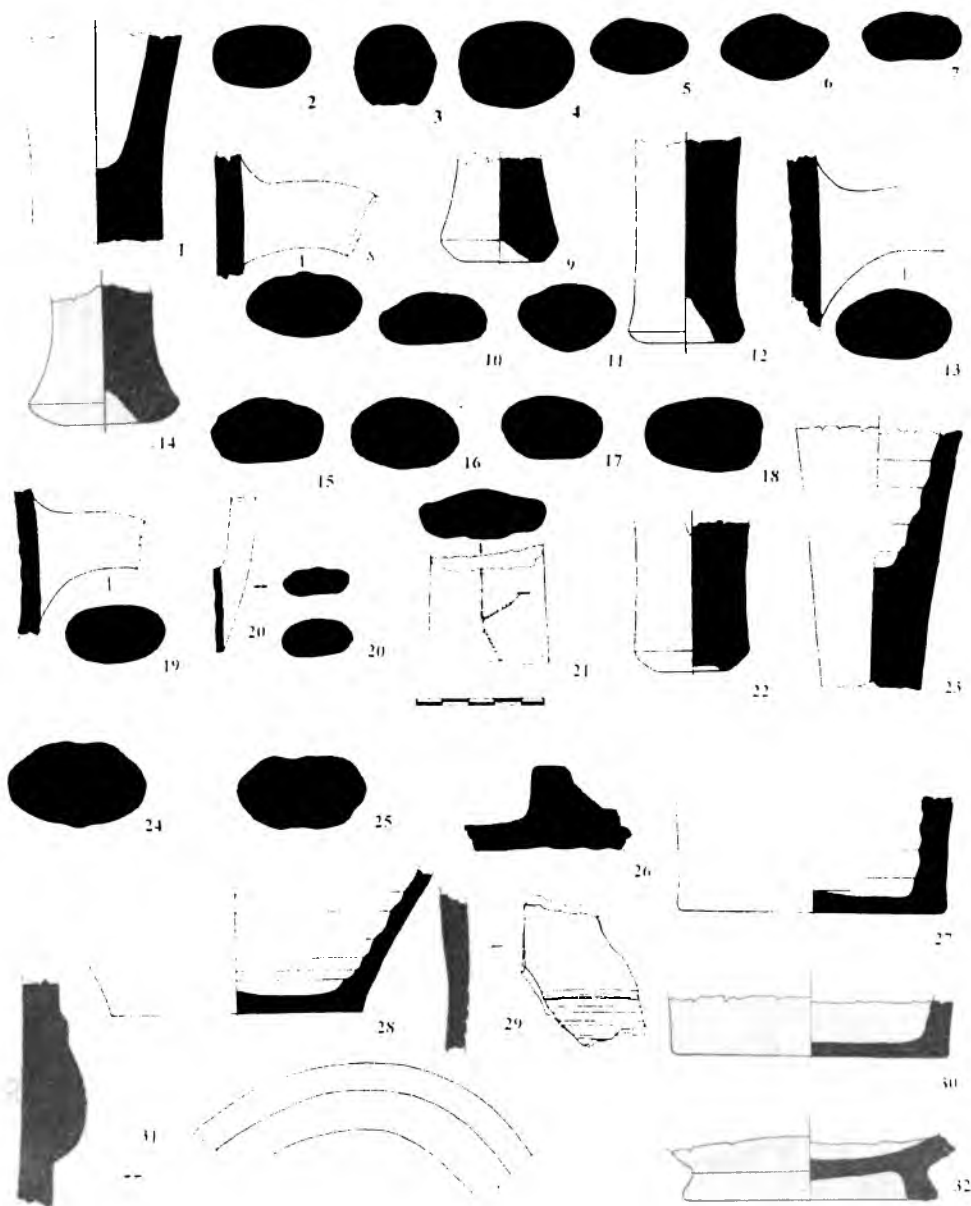

Рис. 91. Подъемный материал с поселения «Кырккяшское Северо-Западное».

С участка 1, фрагменты амфор: 1—5, 8 — Хиос; 6 — Херсонес; 7 — Пангиканей; 9—13 — Гераклея; 14—19, 22—23 — Синопа; фрагменты кувшинов — 20—21 (21 — светло-оранжевой глины с граффити «К»). С участка 2: 24—25 — ручки амфор причерноморского типа; 26, 31 — фрагменты керамид; 27—28, 30 — фрагменты красноглиняных кувшинов; 29 — стенка амфоры с рифлением; 32 — кольцевой поддон миски с плотной зеленой поливой по внутренней поверхности.

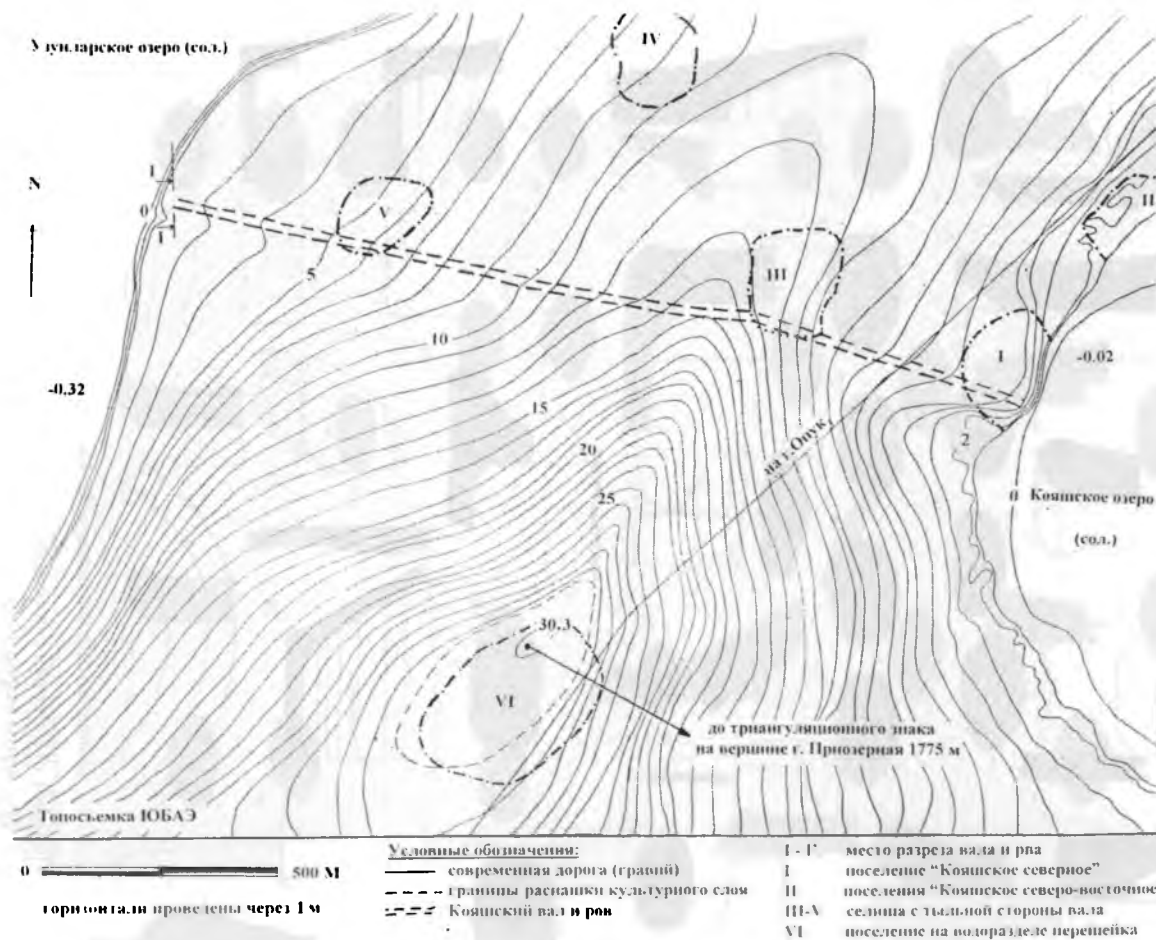

Рис. 92. Перешеек между Узунларским и Кояшским озерами. Ситуационный топографический план Кояшского вала и поселений перешейка (топографическая съемка Южно-Боспорской археологической экспедиции).

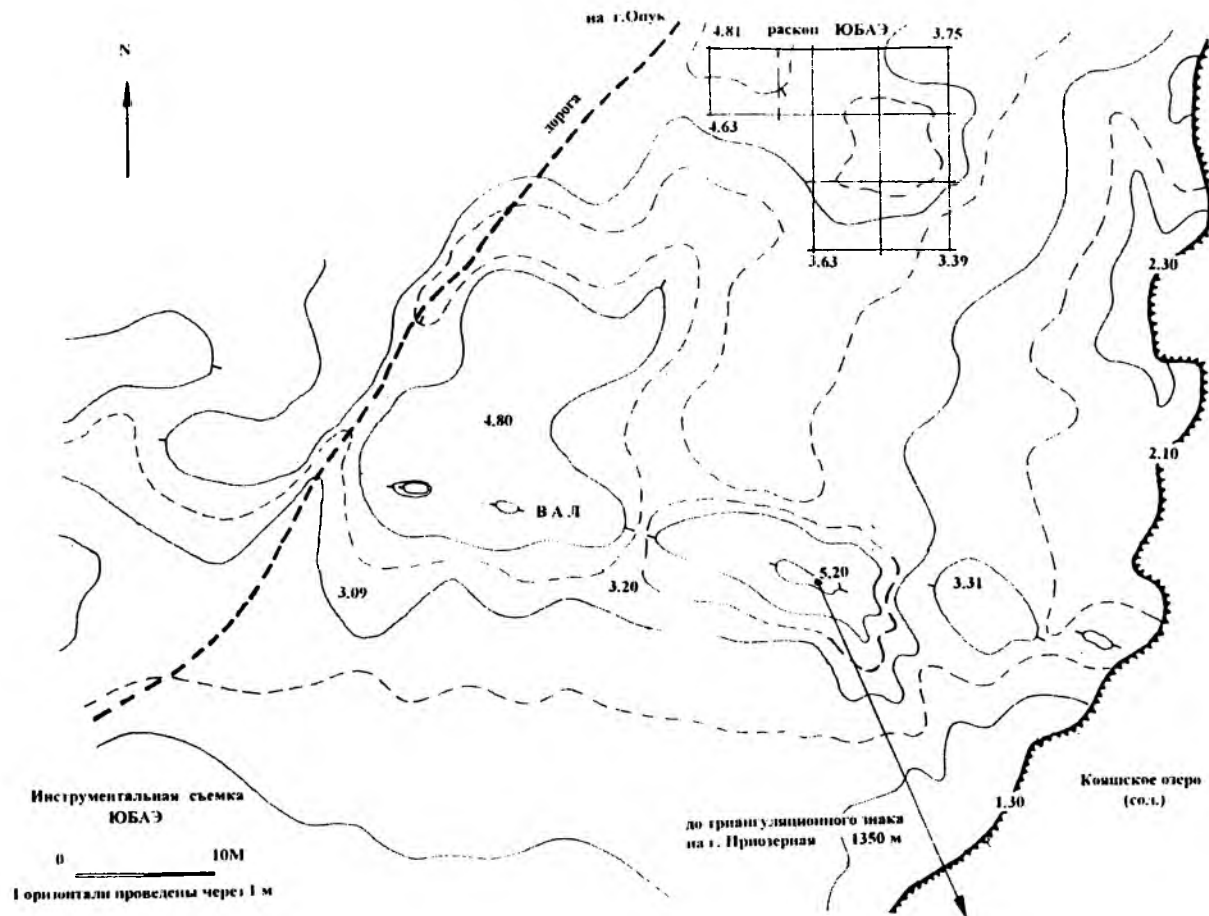

Рис. 93. Кояшский вал. Ситуационный топографический план поселения «Кояшское Северное» (инструментальная съемка Южно-Боспорской археологической экспедиции).

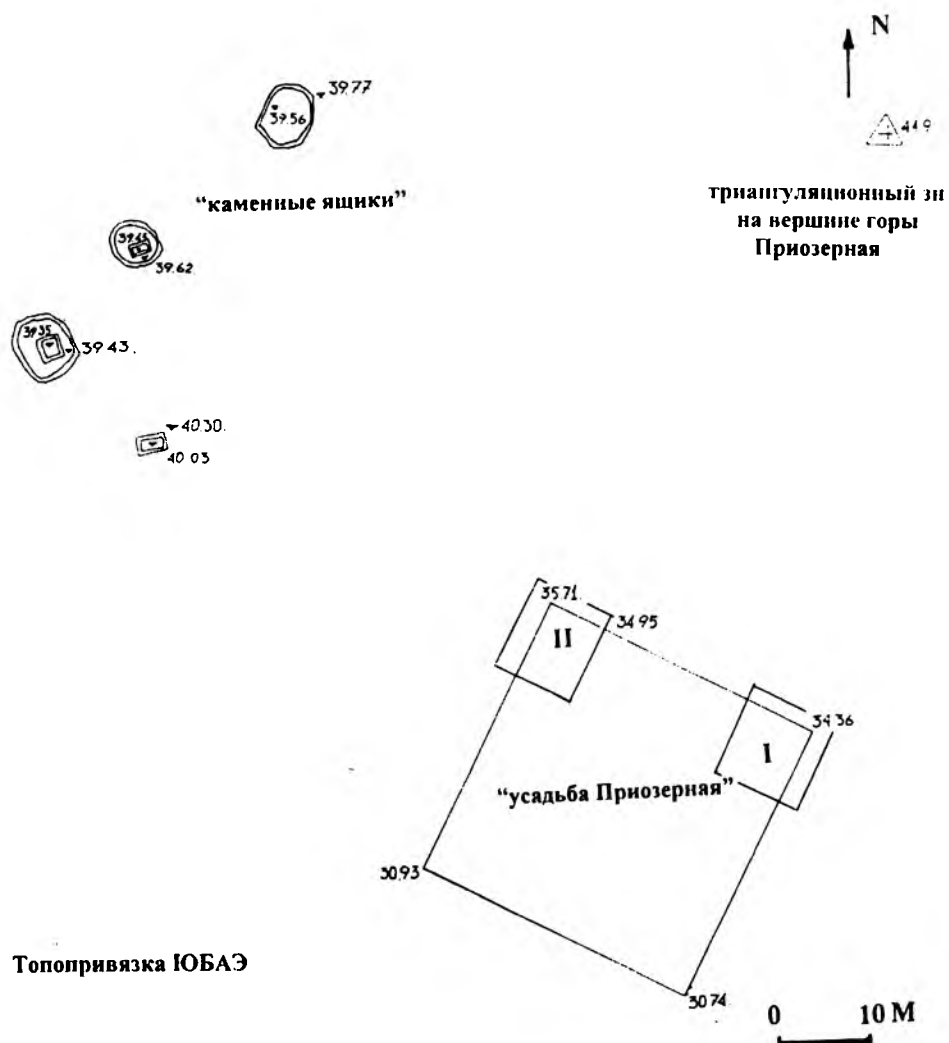

Рис. 94. «Каменные ящики» и античная усадьба «Приозерная» на вершине одноименной горы (топографическая привязка Южно-Боспорской археологической экспедиции).

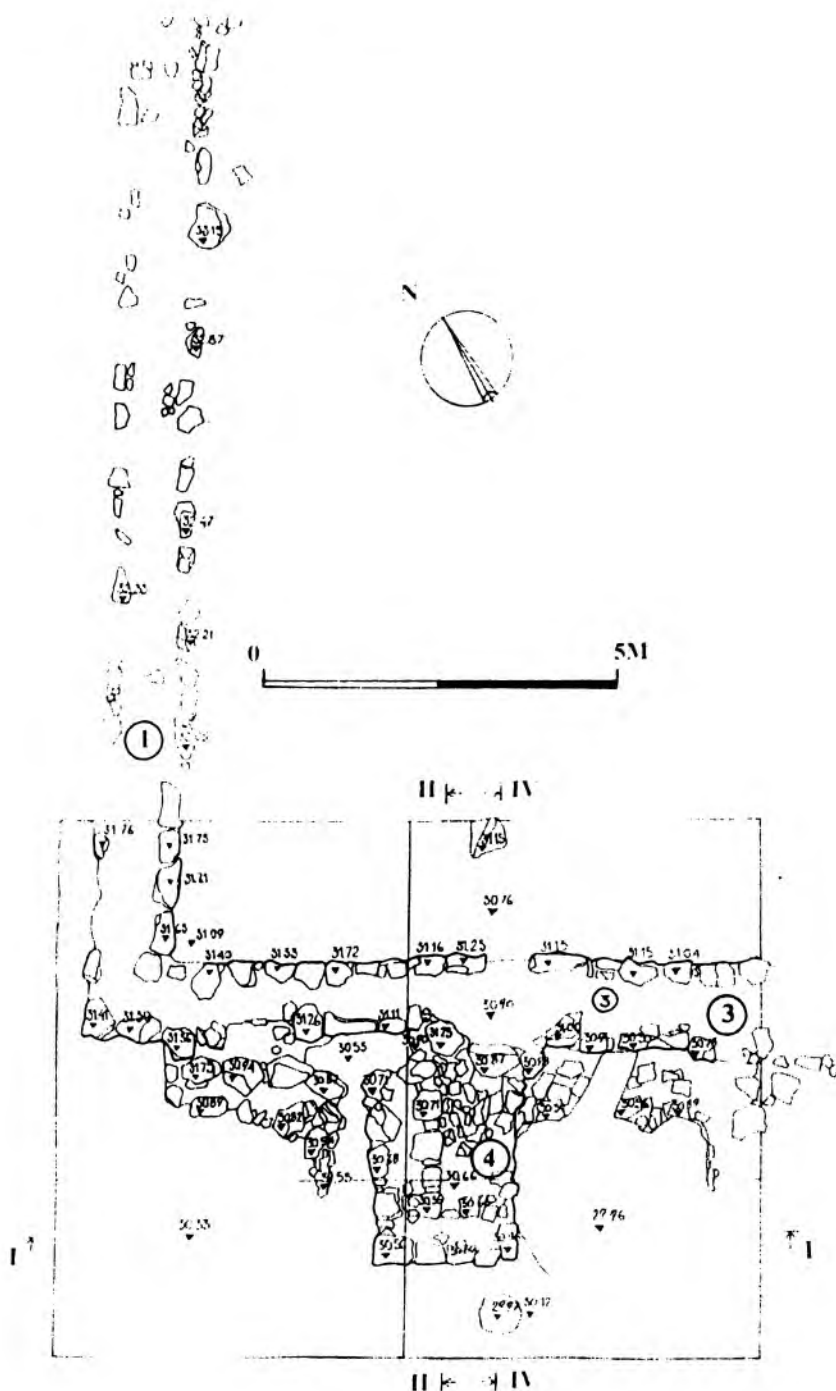

Рис. 95. Усадьба «Приозерная». План раскопа на юго-западном углу усадьбы.

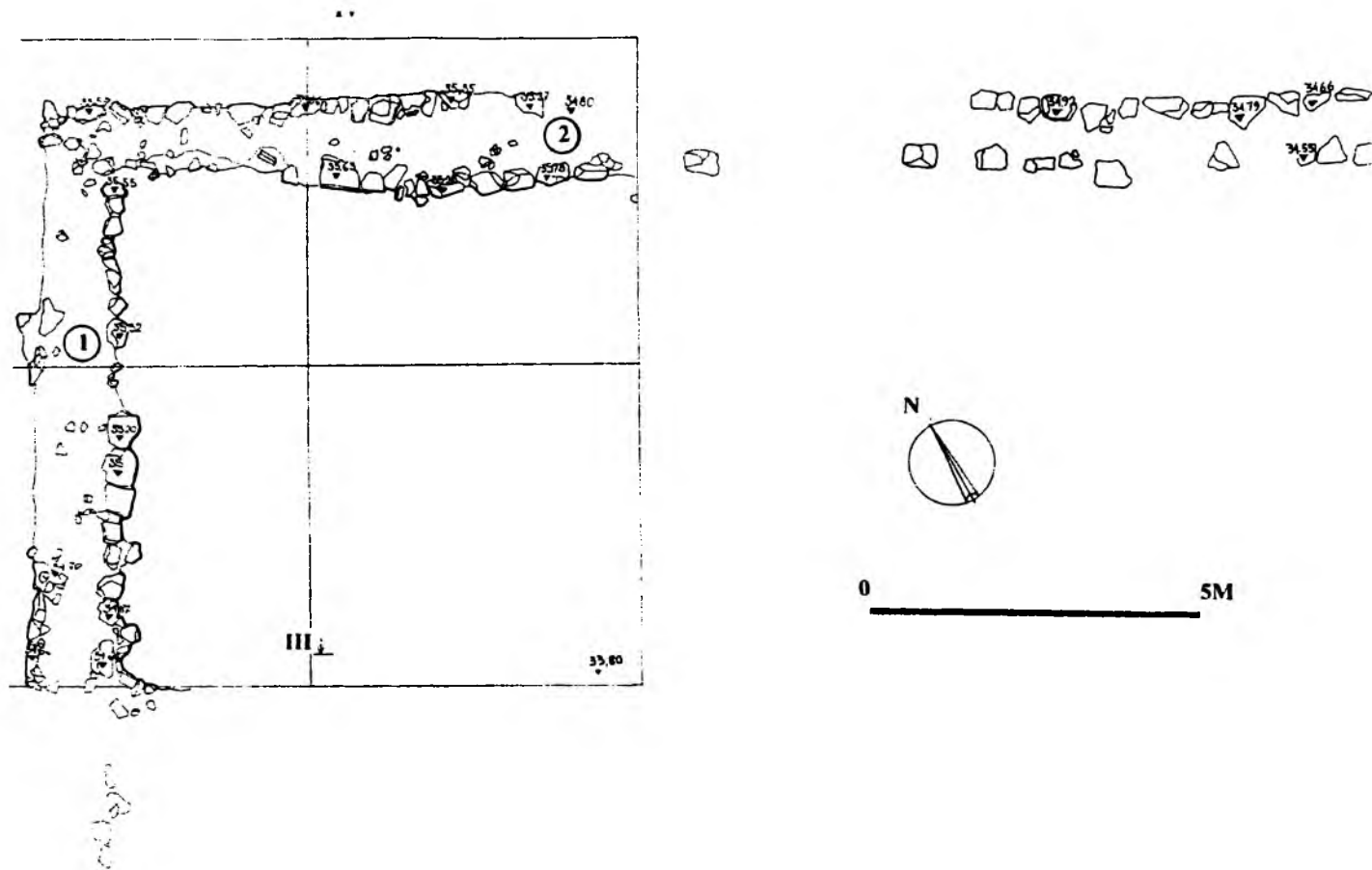

Рис. 96. Усадьба «Приозерная». План раскопа на северо-западном углу усадьбы.

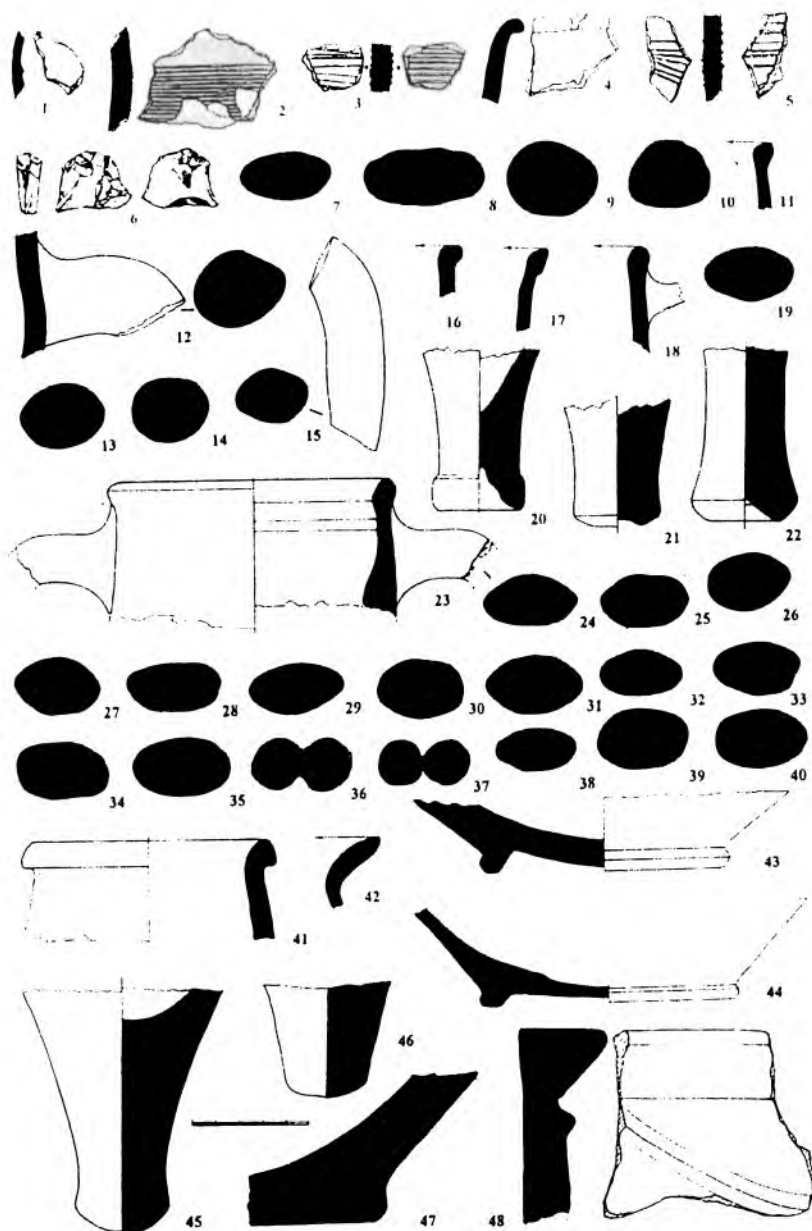

Рис. 97. Подъемный материал с поселения «Кончекское Южное».

1—5 — фрагменты лепных сосудов; 6 — орудие из кремня; фрагменты амфор: 7—8 — Менде; 9 — Пантикапей; 10—15 — Хиос; 16—19, 23—26, 31—35 — Гераклея; 20 — Пантикапей; 21—22 — Гераклея; 27—30, 38—40, 45—46 — Синопа; 36 — типа Яблоновской; 41 — неопределенного центра, красной глины; фрагменты посуды и др.: 41—44 — красноглиняного кувшина; 47 — поддон синопского лутерия; 48 — фрагмент боспорской черепицы.

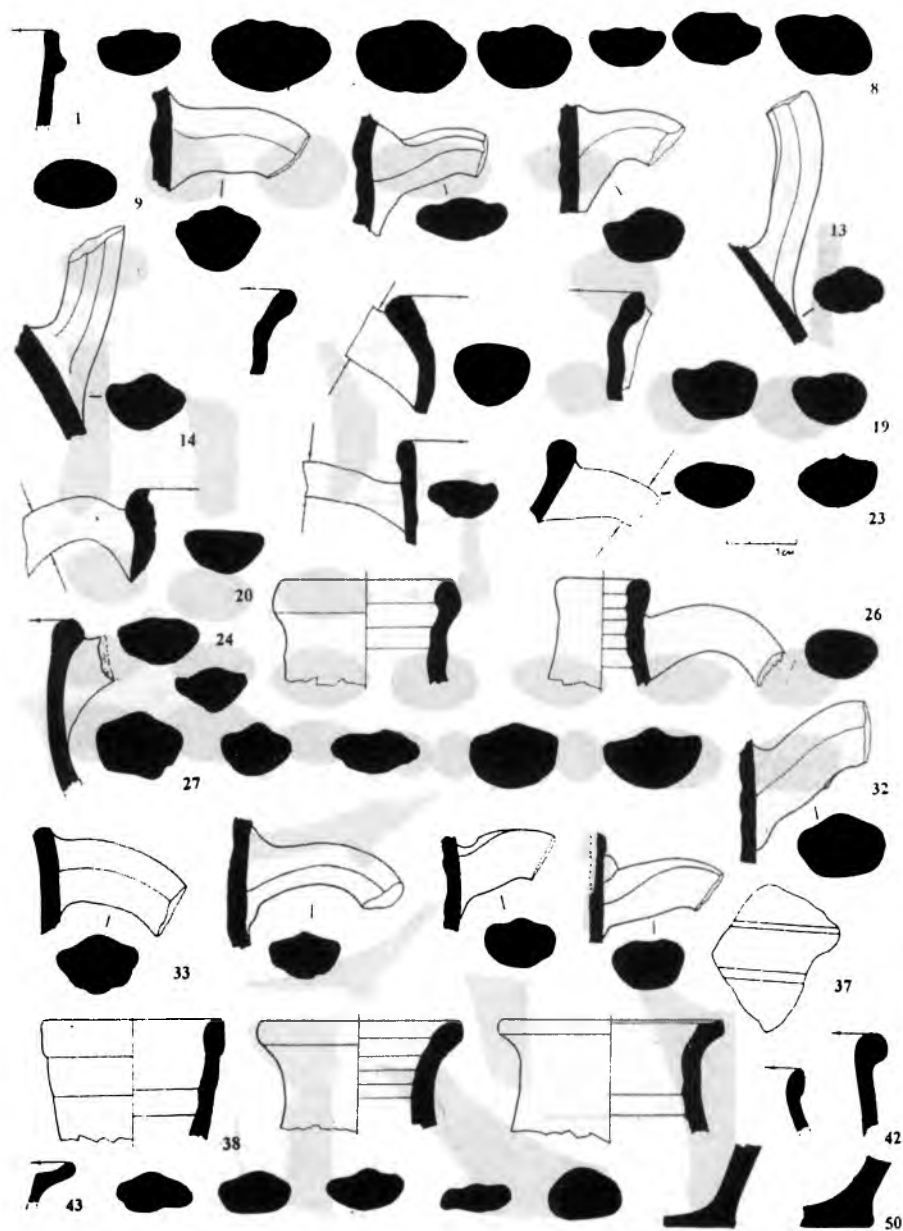

Рис. 98. Подъемный материал с поселения «Кончекское Южное».

Фрагменты амфор: 1,9 — широкогорлых; 2 — Херсонес; 3,5 — «с высоко поднятыми ручками»; 4 — светлоглиняной, типа D; 6 — Колхида, тип IV; 7—8 — светлоглиняных типов F и E; 10 — типа харакских; 11—37 — амфор причерноморского типа. Фрагменты раннесредневековой кружалъной посуды: 38—50 (49—50 — поддоны кувшинов с плоскими ручками и высоким горлом).

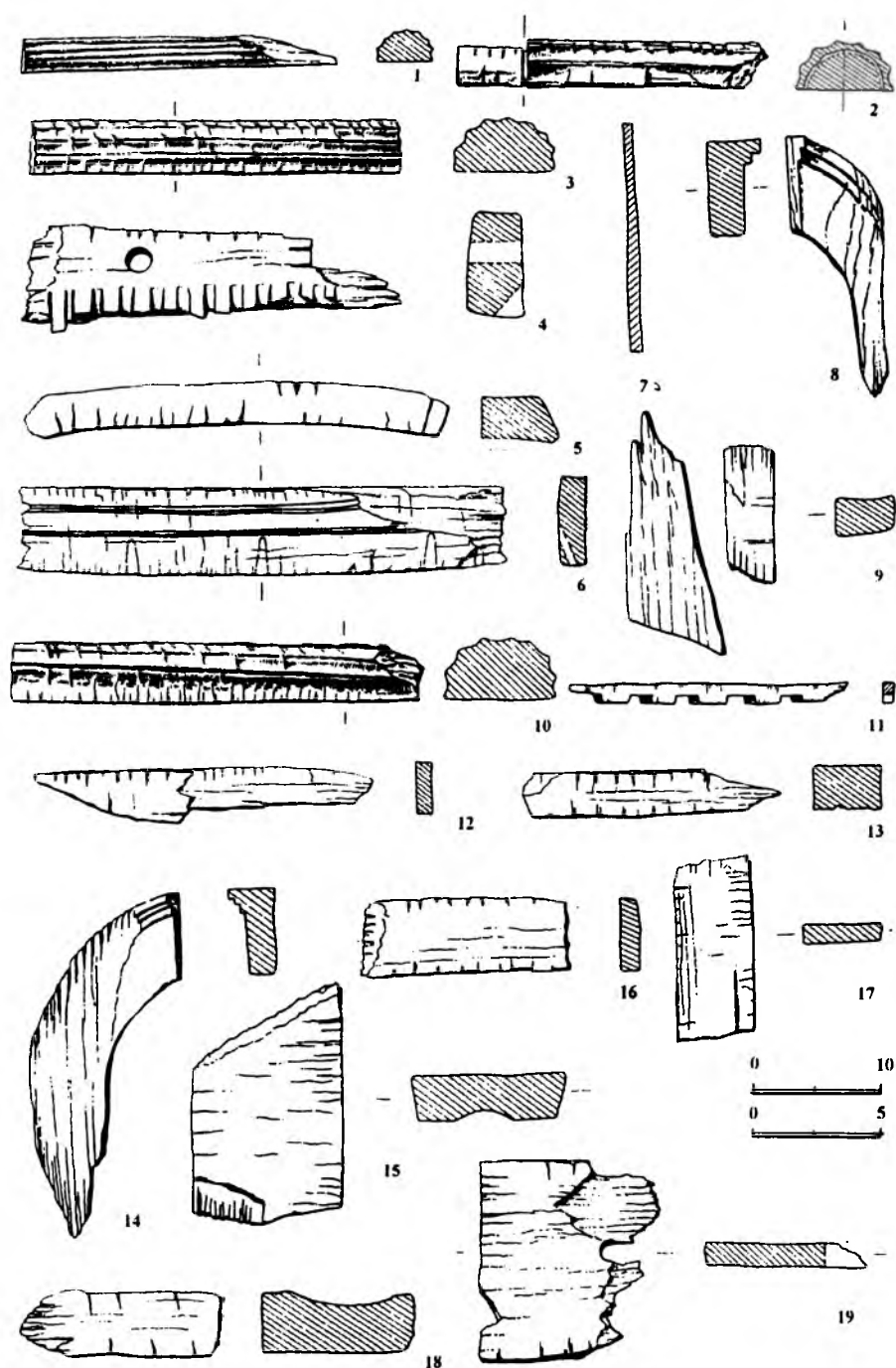

Рис. 99. Кызаульский некрополь. Фрагменты резных деревянных деталей погребального инвентаря из ограбленных склепов.

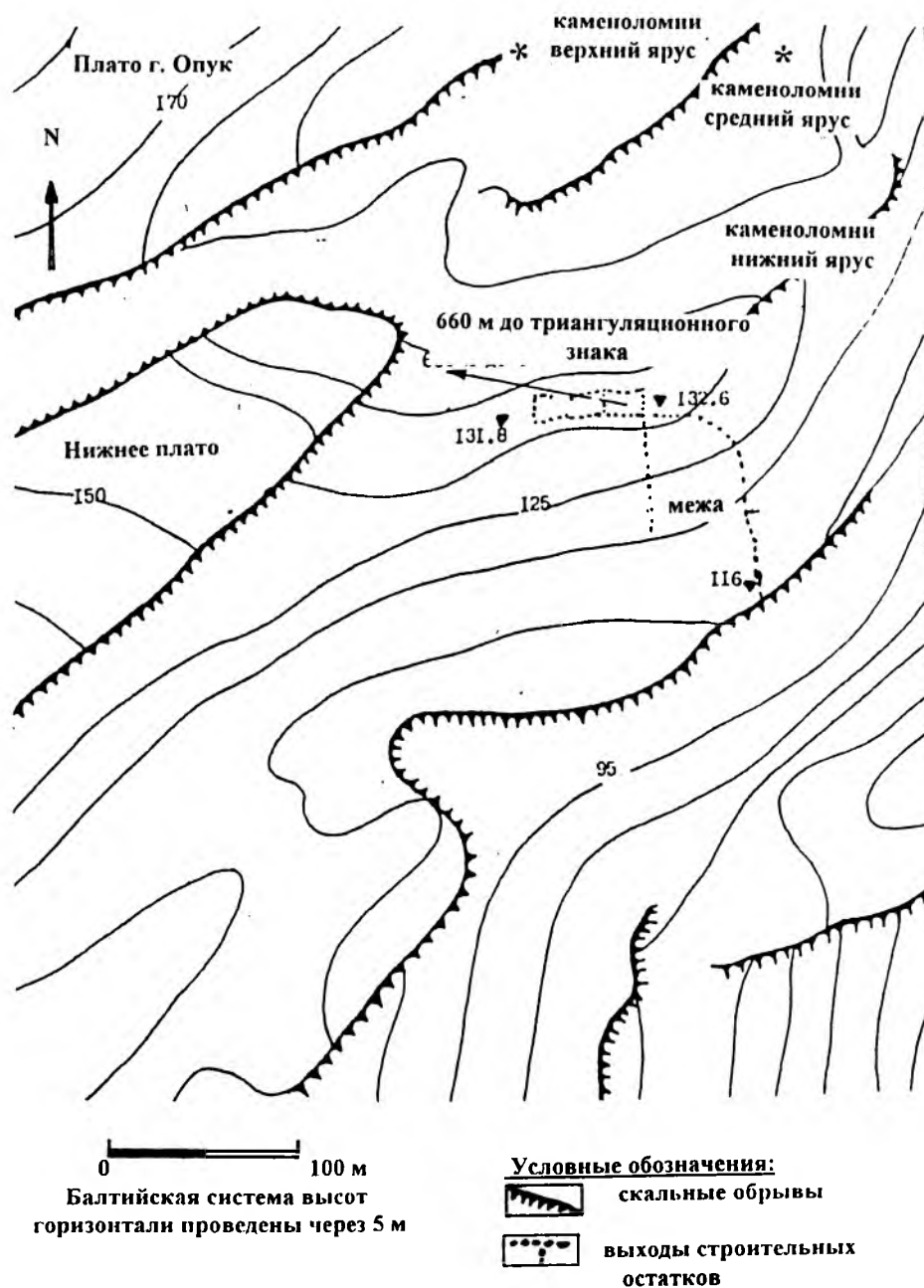

Рис. 100. Южный склон г. Опук. Топографическая ситуационная схема позднеантичной усадьбы «Под каменоломнями» (топографическая привязка Южно-Боспорской археологической экспедиции).

Рис. 101. Остатки постройки межевых насыпей позднеантичной усадьбы «Под каменоломнями». Вид с севро-сееверо-востока (фото автора).

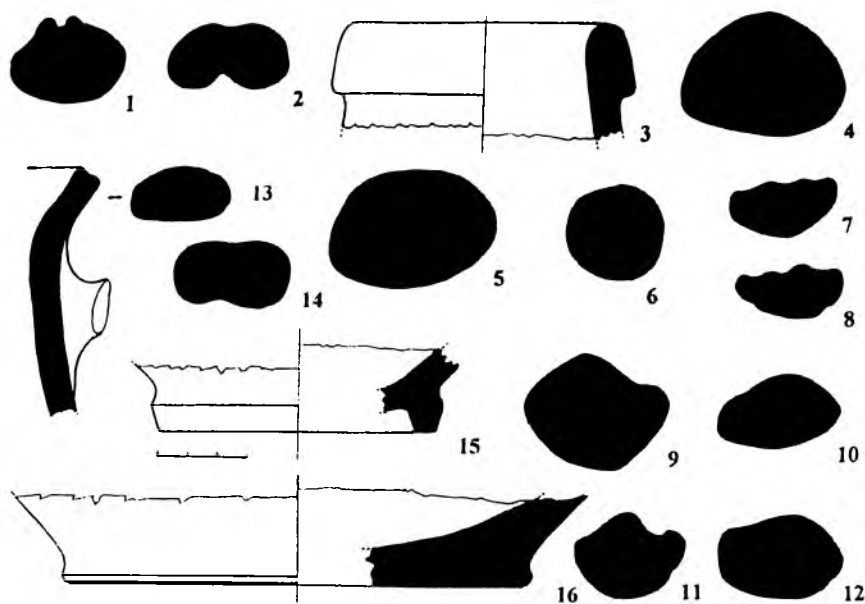

Рис. 101 а. Подъемный материал с усадьбы «Под каменоломнями»

Фрагменты амфор: светлоглиняных: 1 – типа А; 9-10 – типа F; 11 – типа С; 12 – с воронкообразным горлом; других типов: 2 – красноглиняной с ложными двустольными ручками; 3 – типа мирмекской; 4-8 – розовоглиняных типа Зеест, 1960, №№83,86,89; 13 – боспорской неопределенного типа; 14 – красноглиняной широкогорлой. Прочих гончарных изделий: 15 – боспорского лутерия; 16 – красноглиняного кувшина.

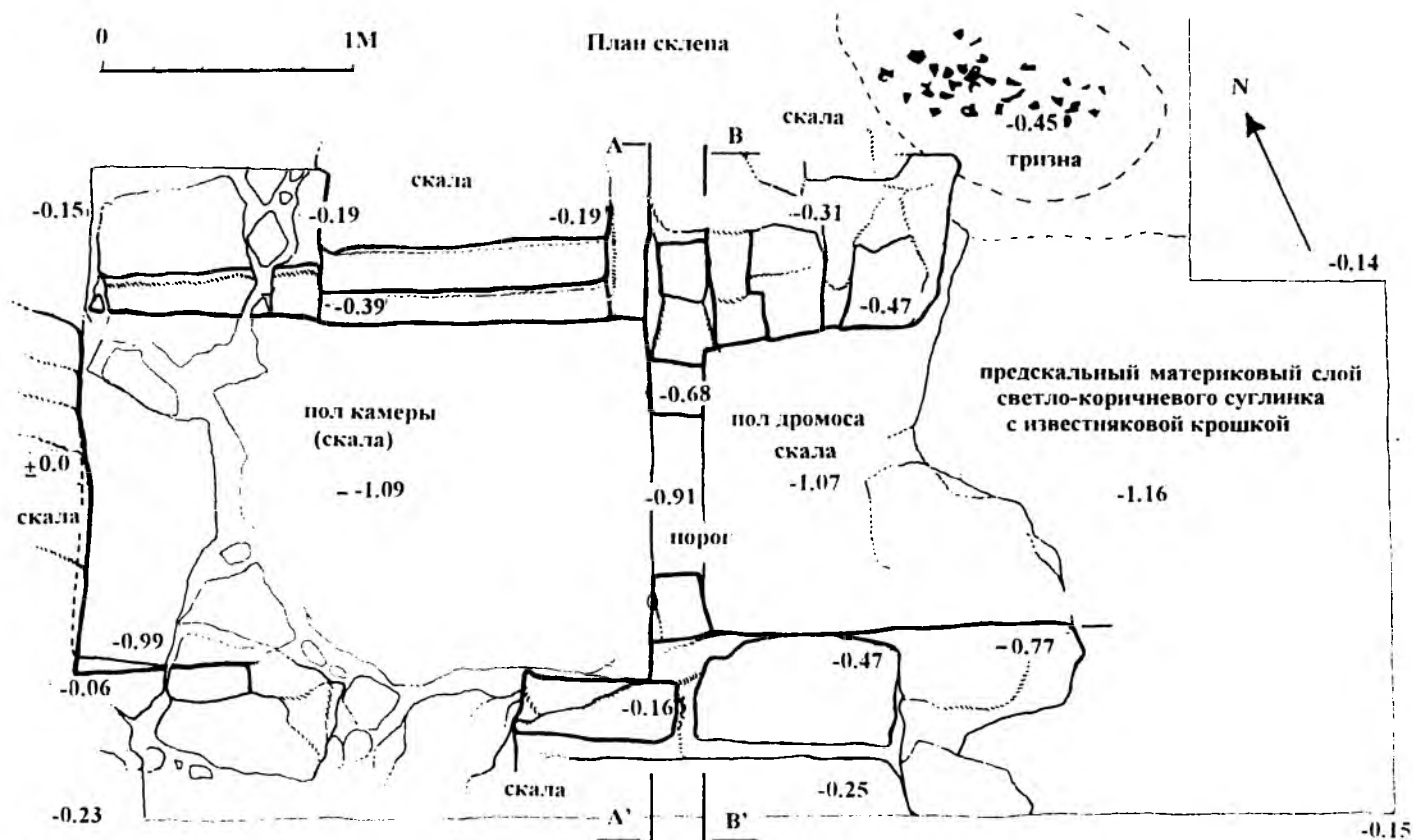

Рис. 102. План склепа № 1 некрополя цитадели.

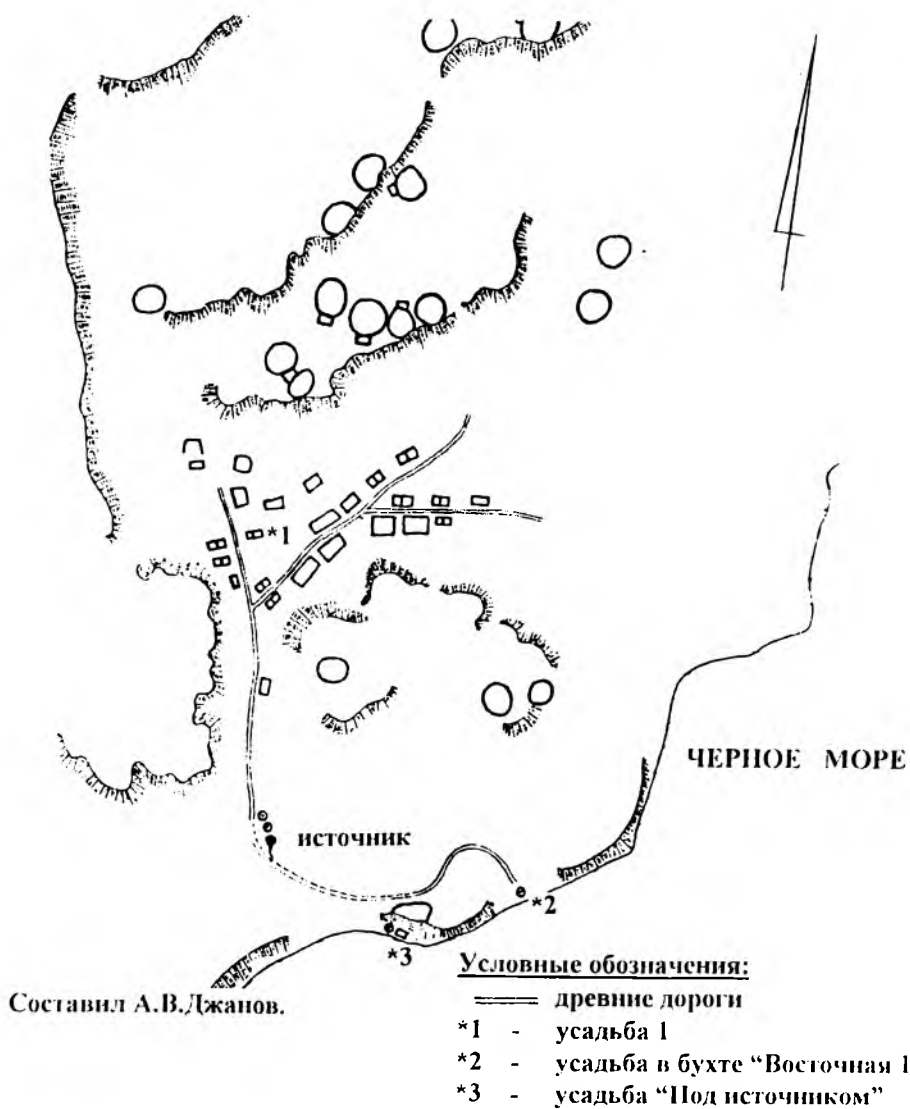

Рис. 103. Южный склон г. Опук. Ситуационная схема раннесредневекового поселения «Над источником». Центральная часть поселения и кольцевые «загоны» (составлена А.В.Джановым).

Рис. 104. Топографический план раннесредневекового поселения «над источником», центральная часть долины (топографическая съемка Южно-Боспорской археологической экспедиции).

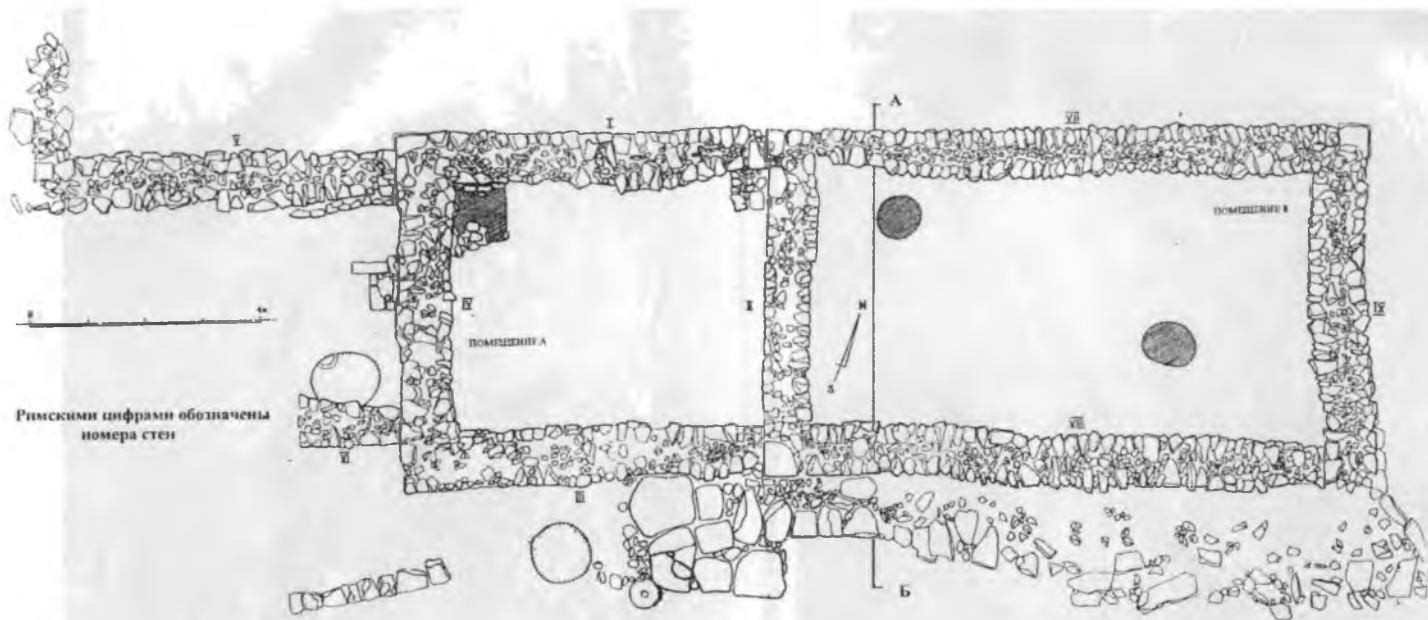

Рис. 105. План усадьбы 1 раннесредневекового поселения «над источником».

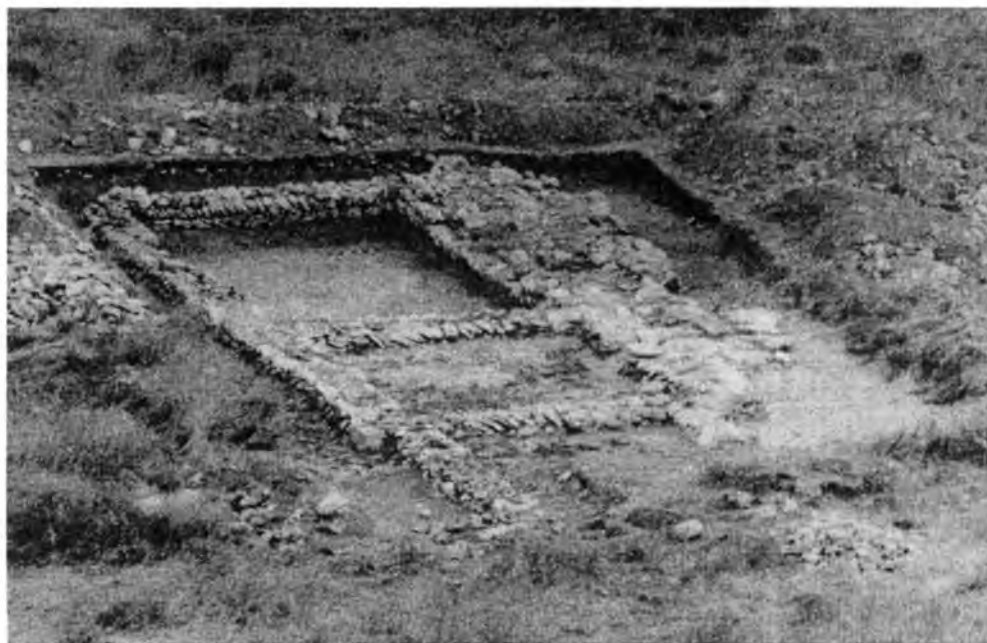

Рис. 106. Раннесредневековое поселение «над источником». Вид с северо-запада на усадьбу 1 (фото автора).

Рис. 107. То же. Хозяйственные пристройки усадьбы 1 (фото автора).

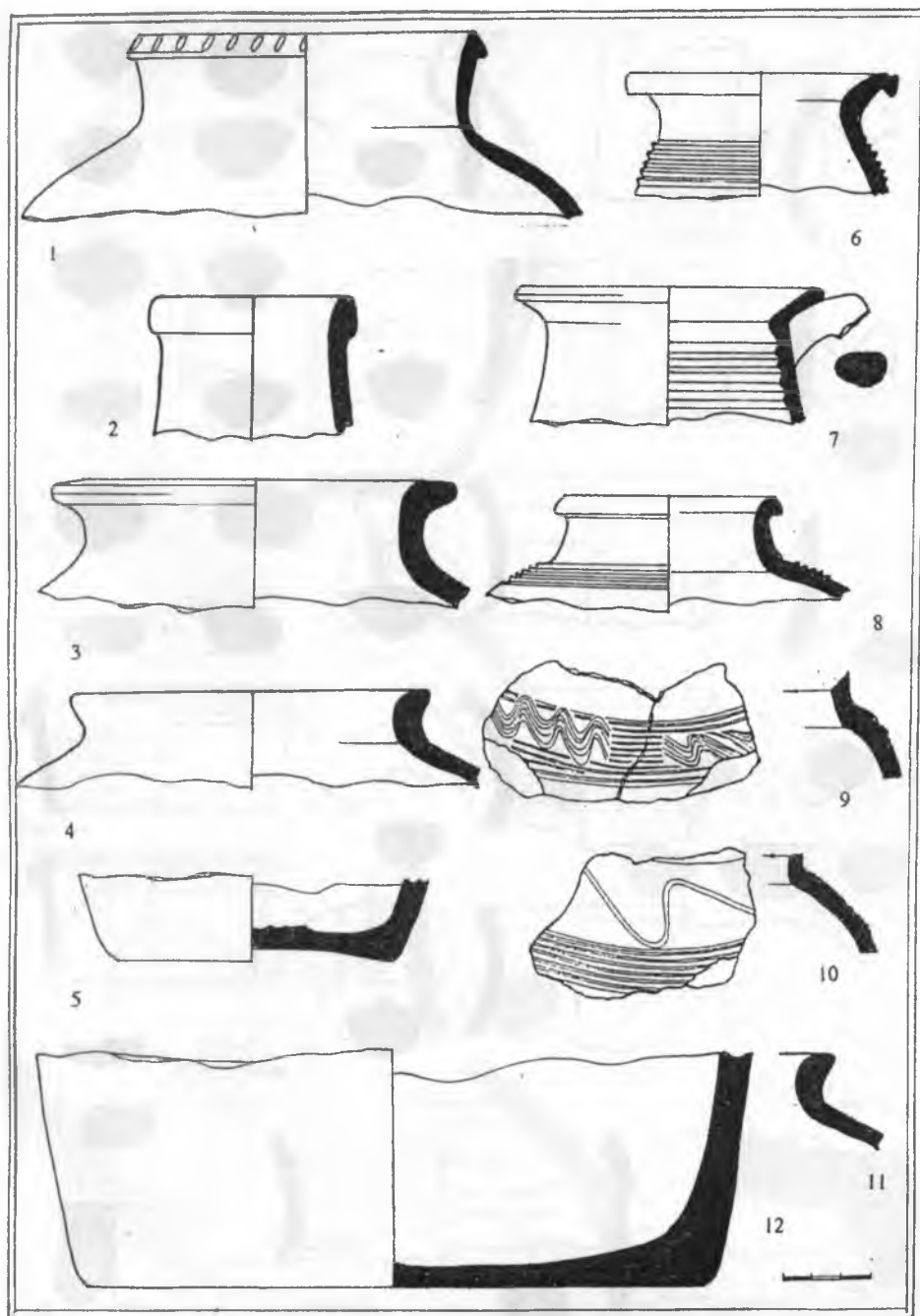

Рис. 108. Поселение «над источником». Материал из культурного слоя усадьбы 1.

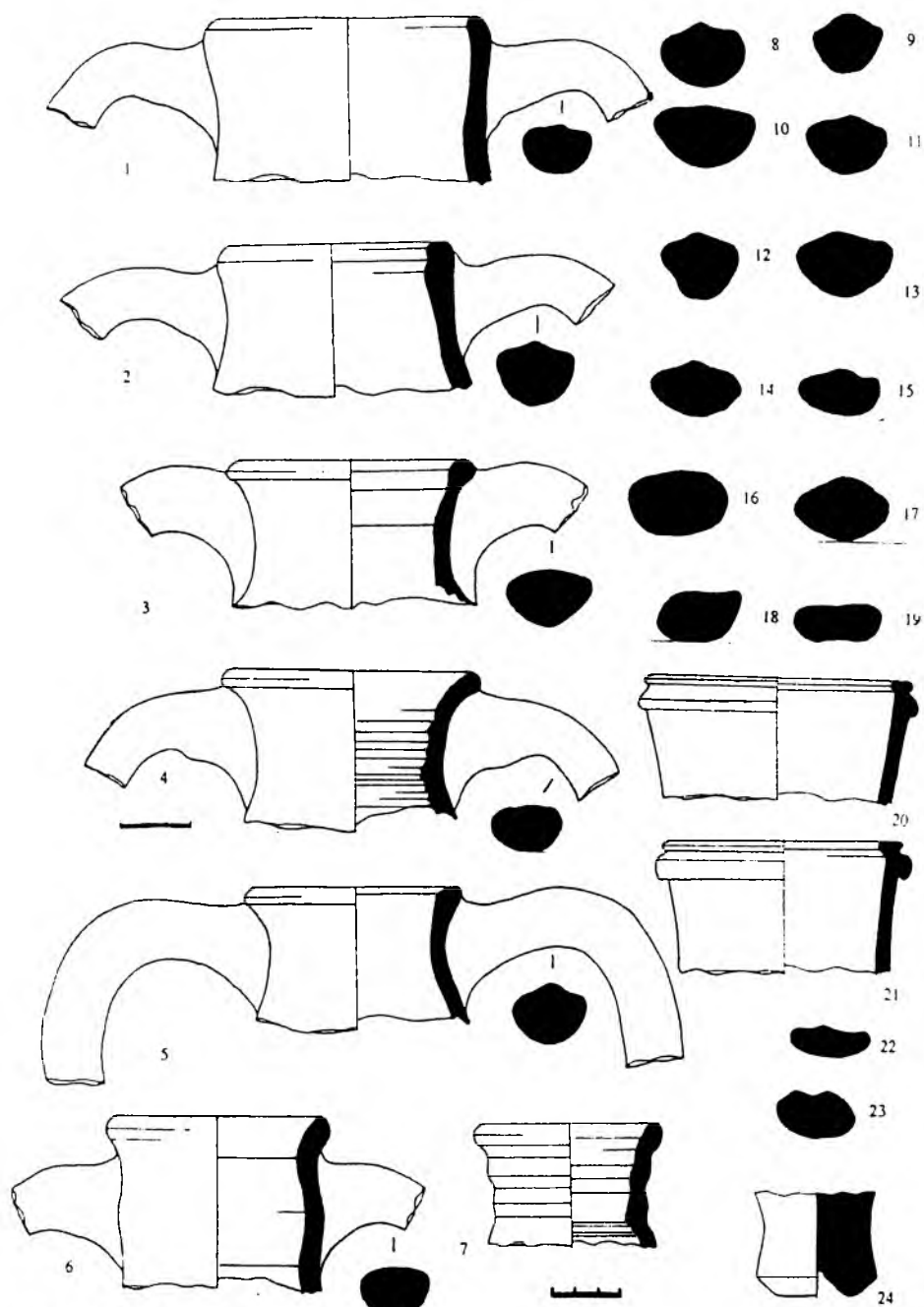

Рис. 109. Поселение «над источником».

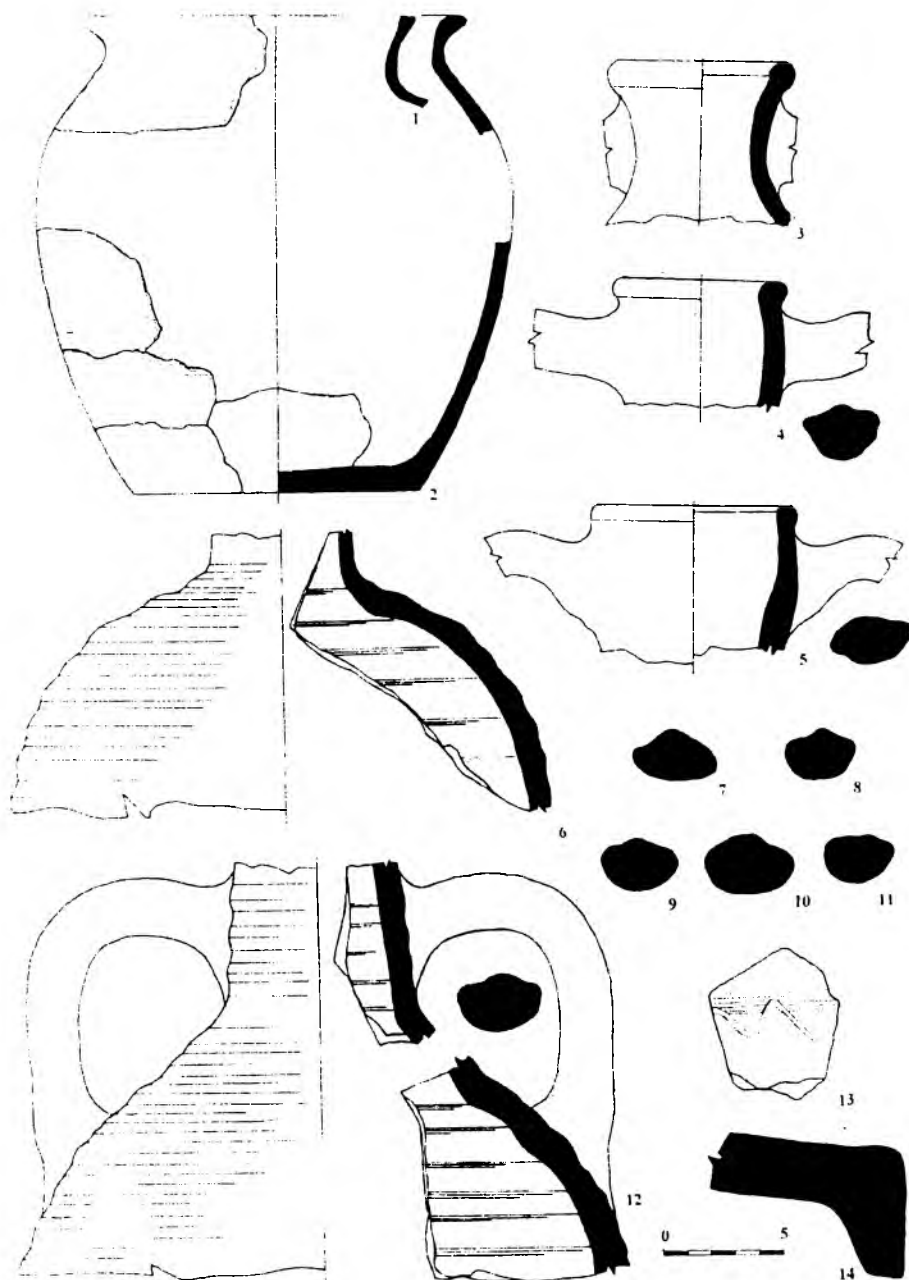

Рис. 110. Находки из помещения «В» усадьбы 1 поселения «Над источником».

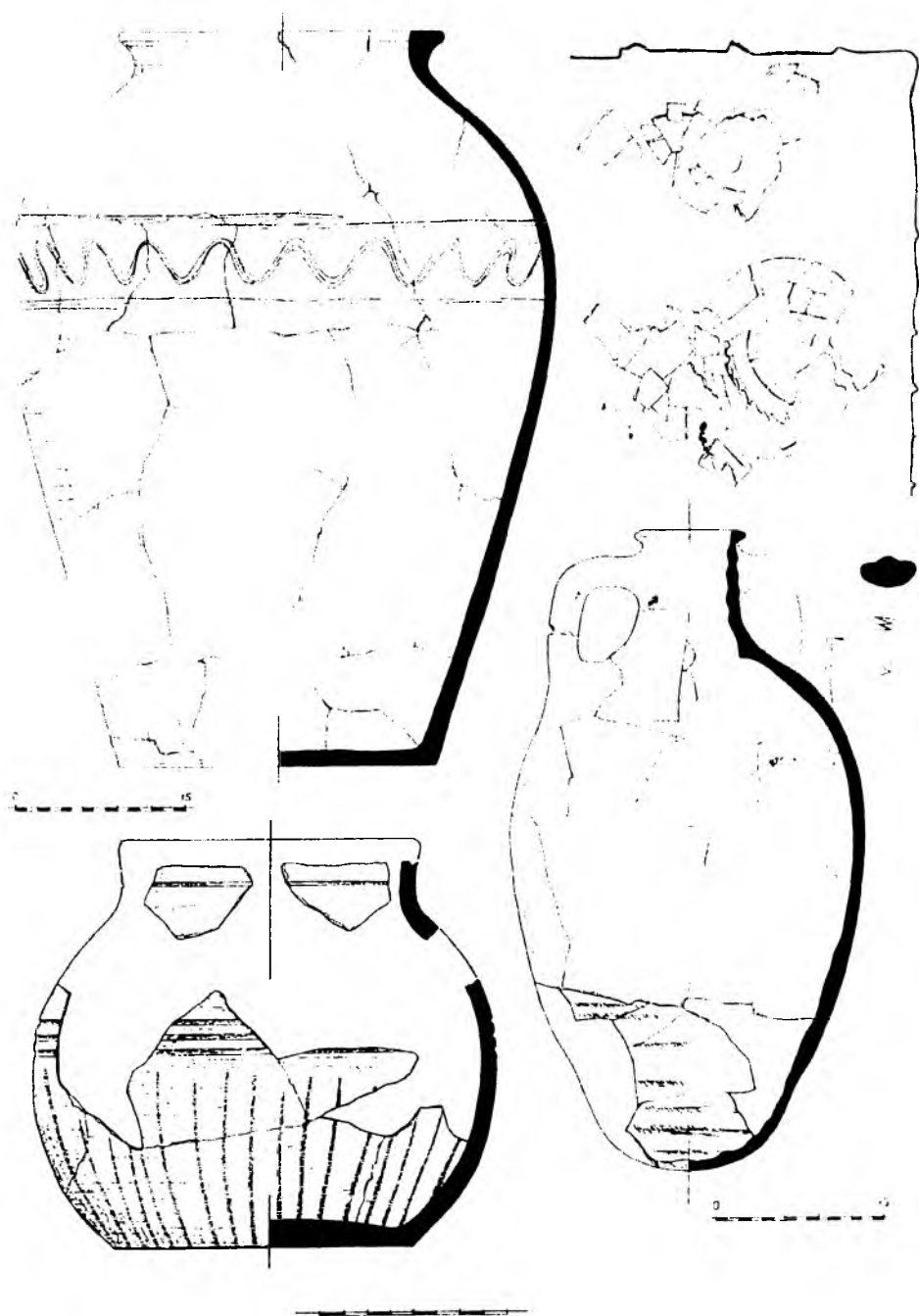

Рис. 111. Реконструкция пифоса, горшка и амфоры из раскопок усадьбы 1 поселения «над источником».

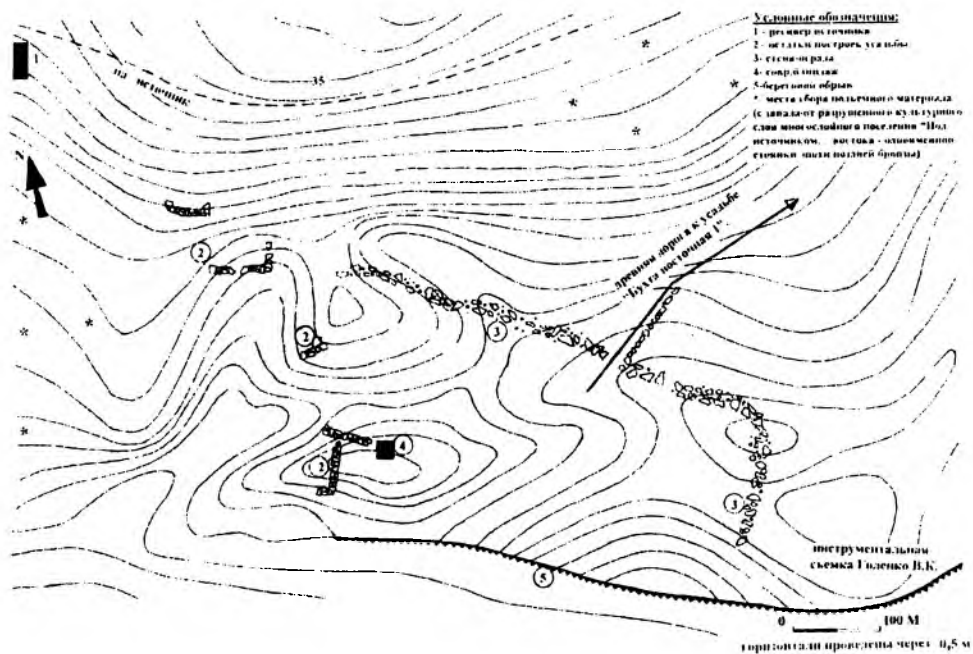

Рис. 112. Южный приморский склон г. Опуок. Топографический ситуационный план раннесредневековой усадьбы «Под источником» (инструментальная съемка автора).

Рис. 113. Раннесредневековая усадьба «Под источником». Вид с северо-востока на ограду участка (фото автора).

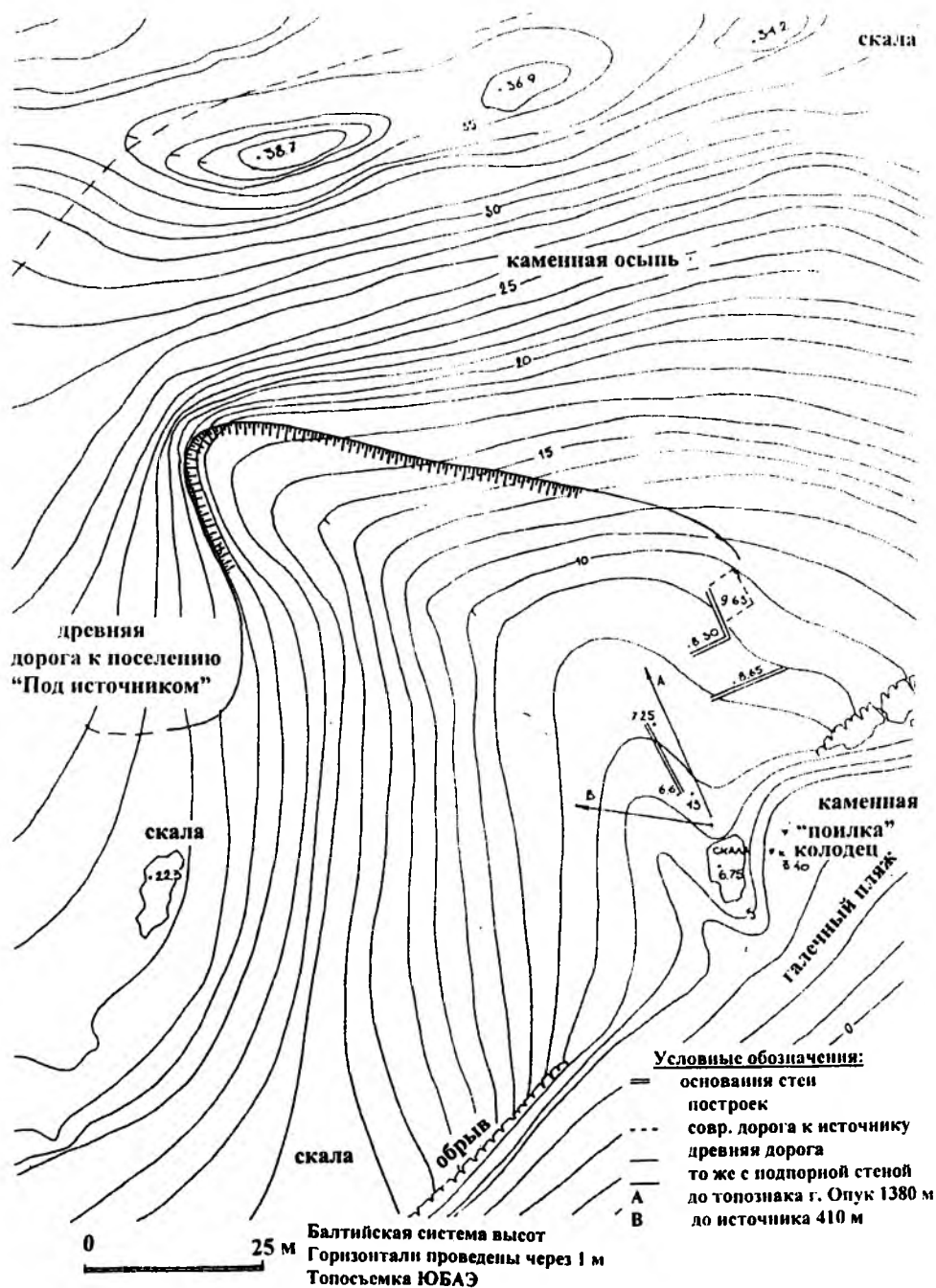

Рис. 114. Топографическая ситуационная схема раннесредневековой усадьбы в бухте «Восточная 1» (топографическая съемка Южно-Боспорской археологической экспедиции).

Рис. 115. Вид с северо-востока на раннесредневековую усадьбу в бухте «Восточная 1» (фото автора).

Рис. 115 а. Вид с севера на остатки базиликальной постройки раннесредневекового поселения «Над источником».

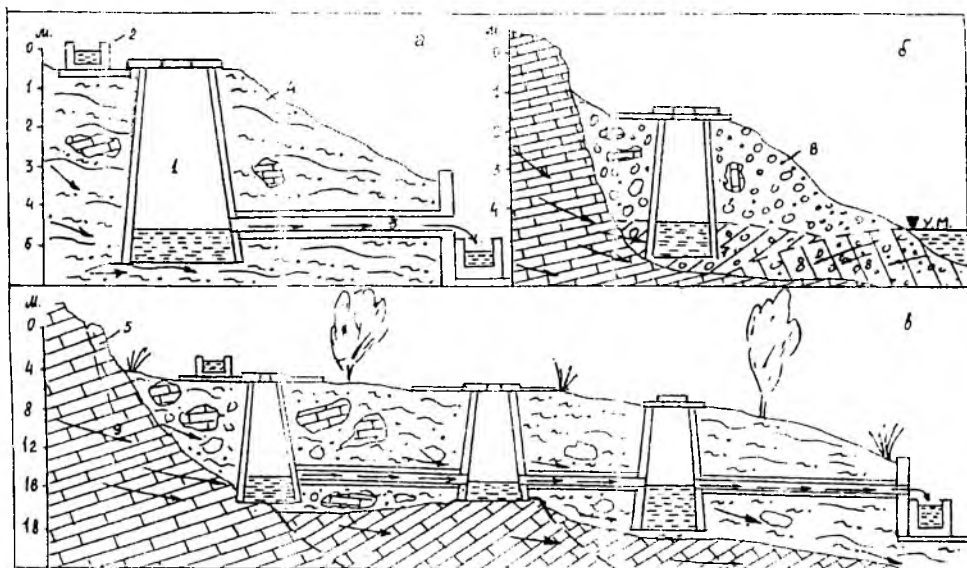

Рис. 116. Типы древних водозаборников на г. Опук (по Б.А.Вахрушеву, 2002).

Рис. 117. Южный склон г. Опук. Действующий источник. Древний каптаж (фото автора).

Г. Опука.

Рис. 118. Вид г. Опука на лоции XIX в.

В.К. ГОЛЕНКО

ДРЕВНИЙ КИММЕРИК И ЕГО ОКРУГА

(Російською мовою)

**Головний редактор Рибина О.В.
Коректор Пантюшина Н.М.
Комп'ютерна верстка Панасенко О.В.
Відповідальний за випуск Ісаєв В.Ю.**

Підписано до друку 17.12.2006. Формат 70х100/16. Папір офсетний.
Друк офсетний. Физ.друк. арк. 25,5. Умов. друк. арк. 24,98 Наклад 350

Видавництво «СОНАТ», 95026, м. Сімферополь,
вул. Хабаровська, 48/41.
Тел./факс: (0652) 22-72-66. E-mail: sonat@crimea.com
<http://www.sonat.com.ua>

Свідоцтво ДК № 463 від 24.05.2001 р.
про внесення суб'єкта видавничої справи до державного реєстру видавців,
виготівників і розповсюджувачів видавничої продукції

Віддрук. з готових діапозитивів у друкарні видавництва «Харьків»,
м. Харьків, Московській пр., 247
Свідоцтво ДК № 1316 від 31.03.2003 р.
Заказ № 7-162

**По вопросам приобретения этой книги в Российской Федерации
просим обращаться:
Санкт-Петербург
Магазин Историческая книга,
ул Чайковского, 55 (ст м Чернышевская)
тел (812) 327-2637**